ВОВА ФЕТТ

СЕРАЯ ПОЛОСА

Annotation

В мире бесконечной пробки на безымянном шоссе люди рождаются, живут и умирают в автомобилях. Весь их мир — узкая полоса асфальта, растянутая до горизонта вперед и назад.

Молодой радиоведущий Семен — местная знаменитость. Его голос раздается из тысяч радиоприемников вокруг, из его уст люди узнают последние новости, его любят и обожают и так и называют — Голос.

И все идет просто прекрасно, пока однажды простого уборщика не убивают невозможным для этого мира способом — переезжают автомобилем...

- Пролог
- Часть 1. Глава 1
- Ч1. Глава 2-1
- Ч1. Глава 2-2
- Ч1. Глава 2-3
- Ч1. Глава 2-4
- Ч1. Глава 3-1
- Ч1. Глава 3-2
- Ч1. Глава 3-3
- Ч1. Глава 3-4
- Реквием
- Часть 2. Глава 1
- Ч2. Глава 2-1
- Ч2. Глава 2-2
- Ч2. Глава 2-3
- Ч2. Глава 2-4
- Ч2. Глава 3-1
- Ч2. Глава 3-2
- Ч2. Глава 3-3
- Ч2. Глава 3-4
- Ч2. Глава 3-5
- Ч2. Глава 3-6

- Часть 3. Глава 1-1
- Ч3. Глава 1-2
- Ч3. Глава 1-3
- Ч3. Глава 2-1
- Ч3. Глава 2-2
- Ч3. Глава 3-1
- Ч3. Глава 3-2
- Ч3. Глава 3-3
- Часть 4. Глава 1-1
- Ч4. Глава 1-2
- Ч4. Глава 1-3
- Ч4. Глава 2-1
- Ч4. Глава 2-2
- Ч4. Глава 2-3
- Ч4. Глава 3-1
- Ч4. Глава 3-2
- Ч4. Глава 3-3
- Часть 5. Глава 1-1
- Ч5. Глава 1-2
- Ч5. Глава 1-3
- Реквием
- Ч5. Глава 2-1
- Ч5. Глава 2-2
- Ч5. Глава 2-3
- Ч5. Глава 3-1
- Ч5. Глава 3-2
- Ч5. Глава 3-3
- Реквием
- Часть 6. Глава 1-1
- Ч6. Глава 1-2
- Ч6. Глава 1-3
- Реквием
- Ч6. Глава 2-1
- Ч6. Глава 2-2
- Ч6. Глава 2-3
- Ч6. Глава 3-1
- Ч6. Глава 3-2

- Ч6. Глава 3-3
- Реквием
- Часть 7. Глава 1-1
- Ч7. Глава 1-2
- Ч7. Глава 1-3
- Ч7. Глава 2-1
- Ч7. Глава 2-2
- Ч7. Глава 2-3
- Ч7. Глава 1-2
- Ч7. Глава 3-2
- Реквием
- Часть 8. Глава 1
- Ч8. Глава 2
- Ч8. Глава 3
- Эпилог

Серая полоса

Пролог

Курьер доставил письмо. Адресат лежал у его ног. Скелет выбелен солнцем — покоился тут неизвестно сколько времени и ждал доставки. Перед смертью человек лежал на боку, будто из последних сил приподнялся на локте, чтобы посмотреть вперед — туда, где Дорога скрывается за горизонтом. Череп скалится в пучках волос, лохмотья одежды провисли на ребрах.

Курьер понял, что достиг цели еще за пару километров до этого места. Дорога пустовала. Изможденный, будто каракулевый асфальт — от многолетней бомбардировки неистовой жарой, сменяемой внезапным холодом — сохранил остатки былого — полустертые временным следы, впечатанные по голенище трухлявые ботинки встречались то тут, то там. Где-то асфальт порыжел — в него впаяло песок из-за Обочины. А вдалеке на солнце сверкала маленькая точка — прямо с краю дороги. Здесь, в этом пустом месте, в котором не живут даже твари из Немира ничего не могло так сверкать.

Кроме…

Курьер шел на это мерцание, а рука уже сама лезла за пазуху — к фотографии. Та выцвела за много лет, покоричневела, утратила цвета. Молодой мужчина, красивый, очень умиротворенный на вид. Адресат. Курьер не помнил сколько лет искал его, но сколько он себя помнил — он занимался этой доставкой. Все, что было до — тьма. Он слишком долго шел. Его мозг размяк и сплавился в бесформенную массу, как асфальт под его ногами — за многие годы, что лучи солнца буравили череп, а он все шел-шел и шел. Такова участь Курьера. Любого.

И он не ошибся. Мерцала красивая штучка на груди у давно почившего человека. И она в точности совпадала с такой же на самой фотографии.

Курьер снял форменную кепку, вытер со лба пот и опустился на колени перед скелетом, его тень накрыла череп. Из глазницы высунулся потревоженный скорпион и тут же юркнул вокруг черепа и исчез где-то в районе затылка. Движение было таким быстрым, что Курьеру показалось, что Адресат подмигнул ему.

Он отложил кепку, снял с плеча почтовую сумку, выгреб оттуда консервы и бутылки с водой, моток бечевки для подвязывания обуви, свои ложку, консервный нож и многое другое. Добрался до внутреннего кармана на молнии и на то, что внутри — конверт из плотной бумаги.

Конверту было не меньше лет, чем костям, которым он предназначался. Кое-где бумага размахрилась, кое-где и вовсе порвалась — содержимое слегка высунулось, углом — письмо и, возможно, еще фотографии, завернутые в него. Курьер ни разу не полюбопытствовал что там и не вскрыл конверта — ни разу за все годы. Даже тогда, когда понял, что не встретит Адресата живым — либо вообще не встретит. Он чтил кодекс своей профессии. Даже сейчас. Когда из курьеров остался только он один.

Он вытащил драгоценность наружу — навстречу лучам солнца, частичкам пыли, гонимых ветром — всему тому, что разрушит, уничтожит все содержимое — и его никто так и не прочтет. Это было горько — Отправитель любил Адресата и верил в то, что тот жив.

Все эти годы Курьер нес это письмо по Дороге, изнывая от жары, стуча зубами от холода. Скрываясь от голодных оборванцев, готовых съесть себе подобного. И от вполне сытых богато разодетых господ, которые тоже были не прочь съесть себе подобного. Довольствуясь обочечными шлюхами и шикарными дамами. Сквозь густонаселенное пробочное царство. И сквозь ржавую пустоту, где никого не было на многие километры вокруг и на многие годы назад.

Он всегда знал, что Адресат получит письмо. Курьер обречен на вечное скитание до тех пор, пока не выполнит свою работу. Пусть даже она займет вечность.

Курьер положил конверт рядом с кистью правой руки скелета. Некоторое время раздумывал, не положить ли ее аккуратно поверх, но потом отказался от этой мысли — кости выглядели слишком хрупкими.

Потом он стоял на коленях, осев задом на пятки, молча глядя на труп. Можно было в принципе уже и не вставать — никогда. Он последний курьер, и он выполнил последнюю доставку на этом свете. Жить дальше было бы странно и наверняка не слишком правильно.

Но он все же зашевелился — стал собирать свои пожитки обратно в сумку. Скорпион — маленький, почти прозрачный — высунулся из

своего зубастого убежища и с любопытством подобрался к конверту.

Курьер улыбнулся — наверное, впервые за много лет. Это хорошо, подумал он. Может, это и есть Адресат — в новом, непривычном виде. И может он все-таки поймет, что это для него.

Курьер застегнул кнопки сумки, закинул ее на плечо, надел кепку на голову и, тяжело кряхтя, поднялся во весь рост. Впереди был пустой горизонт, куда разворачивалась лента дороги. Позади — то же самое.

«Что мне делать теперь?» — подумал Курьер. И сделал шаг вперед.

Часть 1. Глава 1

1

Семен давно привык укладываться рано. Потому утром, когда все случилось, он уже чистил зубы, и автомобильный гудок не разбудил его.

Он ворочал щеткой, сплевывал в баночку и смотрел как шевелятся люди в соседних автомобилях, как хмуро и недовольно оглядываются в поисках звука.

Звук был пронзительный — сразу понятно, что автомобиль его издающий — старый, квадратный и немного ржавый. Только противная колымага какого-нибудь бледно-голубенького цвета с твердым пластиком приборной панели “под кожу” может издавать такой звук.

Просто так сигналить было запрещено. Давно уже, еще с Эпохи Дорожного Ремонта все привыкли, что автомобильный гудок означает беду — что-то случилось. А это значит, что у Семена сегодня есть ранняя работа.

Он закончил чисткой, привычно опустил левую руку за сиденье и потянул рычаг, возвращая постель в исходной положение. В этот момент гудок на пару секунд прервался, но затем продолжил с новой силой.

Нестерпимо хотелось пойти уже на сигнал — хотя бы для того, чтобы понять ради чего уши это терпят. Но он специально ждал и не торопился — давал Загваздину время прийти раньше. Не спеша сполоснул лицо теплой водой из бутылки, потянулся, разминая затекшие мышцы и огляделся.

Вокруг, как и всегда, насколько хватало глаз, стояли автомобили — самых разных размеров, цветов и марок. Справа нависал огромный зеленый бок автобуса и оттуда уже доносился привычный утренний гвалт общежития. За автобусом начиналась невидимая отсюда Обочина, край мира.

Люди в соседних автомобилях неторопливо собирались приступить к своим ежедневным обязанностям. Кто-то бегал вокруг своей машины трусцой, кто-то делал зарядку, взгромоздившись на

крышу, а кто-то уже спешил мимо, заедая утро бутербродом. Многие пытались не показывать своим видом, как им любопытно. Некоторые украдкой поглядывали на Семена — именно от него им предстоит вскорости узнать, что же произошло.

Решив, что подождал достаточно, Семен вышел из машины, твердо встав на двух ногах. Профессиональным взором он точно определил место происшествия — в четырех машинах впереди, прямо у Барьера, границы Антимира, уже собралась толпа — люди стояли на крышах и капотах автомобилей, кто-то даже забрался на соседний автобус, что, так-то, не совсем приветствовалось правилами. Гудок не умолкал, а значит, полицейский еще не прибыл.

Семен пролез обратно в автомобиль, по пояс через боковое окно, взял диктофон, предварительно вытащив его зарядник из прикуривателя. Затем он стал пробираться к месту действия, лавируя меж машинами, обтирая брюками пыль с гладких боков.

Протискиваться сквозь толпу не пришлось — Семена сами все с удовольствием пропускали поближе к месту, чтобы в заветные одиннадцать часов услышать то, что сами видели два часа назад собственными глазами. Выбравшись к месту действия, Семен первым делом посмотрел на лица ближайших зевак — первых свидетелей. По их выражению можно было сразу понять, в чем дело: кража, авария или самое худшее.

Гудок нестерпимо барабанил в уши, удушливым ядом протекал в мозг — полицейский все не прибывал. На лицах все было написано. Кто-то умер.

Кто-то умер в бледно-зеленой невзрачной «отечке», от которой и исходил непрерывный квакающий звук. Семен угадал все, кроме цвета, даже побитые коррозией крылья выглядели так, как он представлял.

Он сразу заметил того, кто сигналил — полный мужик просунул руку к рулю через открытую дверь. Все обширное лицо его — и строго сдвинутые брови и глаза, повелительно оглядывающие толпу, и выкаченная губа — выражало «я пришел сюда первым». С другой стороны, ближней к Семену, дверь тоже была открыта и там, как-то спирально извернувишь — ноги наружу, голова на приборной доске, — лежала полуобморочная пожилая женщина. Ее обмахивали платочком.

Семен подошел к машине, кивнул гудящему мужику и заглянул через лобовое стекло в автомобиль. Жертва неожиданной смерти лежал на водительском месте — тощий долговязый мужчина лет шестидесяти, полная противоположность Зеваки № 1. Рот его был безобразно раскрыт, лицо запрокинуто — и никто еще не догадался сложить сиденье, чтобы потом можно было хоронить по-человечески. Семен вгляделся в лицо и попытался вспомнить имя бедолаги, но не сумел, хотя и прекрасно знал его — простого уборщика, метет до рассвета проходы между рядами машин.

В принципе полицейский тут и не нужен — обычная смерть во сне, такое случается. А изначальный трезвон, видимо, подняла жена. Семен уже готовился обратиться со своей версией к зеваке, но тот вдруг отпустил гудок, и наступила неожиданная тишина, невероятным образом оглушающая. Семен обернулся и нос к носу столкнуться с полицейским — главой Участка Пробки №6 по фамилии Загваздин.

— Здорово, Голос, — сказал Загваздин приветливо. — Раньше меня пришел, неужто.

— Я всегда прихожу раньше тебя, — ответил Семен. Вокруг раздались смешки. Загваздин был известен, как натура неторопливая. На всех официальных мероприятиях его величество можно было ждать по полчаса, а иногда и дольше.

Загваздин подошел к зеленому авто и покровительственно уперев ладонь в жирную грудь Зеваки, отстранил того от двери и сунулся своей курносостью к трупу. Поводив ею там немного, он вылез обратно под солнце и зычно крикнул:

— А почему все до сих пор не на завтраке? В очереди хотите стоять?

Толпа тут же смекнула, что полицейский хочет от них по-быстрому избавиться, и принялась нехотя рассасываться. Некоторые с надеждой поглядывали на Семена, в том смысле, что «хоть расскажи, чем оно тут всем кончится». Потом полицейский приказал увести обмахиваемую платком жену умершего и, наконец, у зеленой машины не осталось никого, кроме Загваздина, Семена и Зеваки №1, который умудрился как бы стать частью действа, а не частью толпы — и избежал участи быть изгнанным.

Загваздин пригладил седые виски, деловито кашлянул, поводил мелким подбородком. Заложив руки за спину, прогулялся вокруг

машины, зачем-то придирчиво осмотрел шины и остановился перед Зевакой, задумчиво глядя тому в пузо.

— А знаешь, что я думаю? — это он не к толстяку обратился, а к Семену. — Это убийство все-таки.

— Есть следы на теле? — оживился Семен и, спохватившись, врубил диктофон.

Загваздин все тем же жестом отстранил Зеваку и подошел к Барьеру. Полосатая черно-серая граница с Антимиром доставала полицейскому до груди. Там, за ней, все было примерно так же, как и здесь, за одним маленьким исключением — все автомобили смотрели в другую сторону.

— Следы? — переспросил Загваздин, провожая подозрительным взглядом какого-то мужчину из Антимира. — Еще какие. У него там под рубашкой — след от шин. Шипованных. Понимаешь?

Семен молча ждал продолжения. Зевака гулко сглотнул у него над ухом.

— Его кто-то раздел, переехал автомобилем, одел обратно и бережно положил в его автомобиль, — закончил Загваздин свою мысль.

Семен, переваривая информацию, тоже стал глядеть на Антимир. Все там было такое же, точно такое же, просто зеркальное. Через череду автомобильных крыш виднелась такая же Обочина, груда ржавых автомобилей и дальше за ней — страшный и неизвестный ядовито-зеленый Немир.

— А ты знаешь, что у Антимира есть запретное название? — спросил Загваздин.

— Конечно, знаю, — кивнул Семен. — Я обязан все знать.

Загваздин внимательно посмотрел на Семена, затем неожиданно повернулся на каблуке, уперся страшным взглядом в толстяка и крикнул, что было мочи:

— Завтракать!

Зевака засуетился, что-то забормотал и быстро поплелся в сторону Шашлычной.

— Антимир когда-то называли Встречкой, — продолжил Загваздин и снова повернулся к Антимиру лицом. — И с ними даже велись торговые отношения. Пока не началась Эпоха Дорожного Ремонта. Продвижения тогда мы не видели долгих четыре месяца.

Семен был слишком мал тогда, чтобы хорошо помнить войну. У него в памяти плавали мерцающие обрывки воспоминаний оттуда, которым он не особо и верил — возможно, эти воспоминания были построены из чьих-то рассказов о тех временах.

— Я немного помню эту Эпоху, — ответил Семен. — Мне было шесть лет. Я потом еще читал немного про войну.

Глаза Загваздина засверкали подозрением.

— Где читал?

— В каких-то письмах, — ответил Семен. — Да не переживай. Они уже далеко позади за Обочиной. Ты к чему-то вел свою мысль?

— Ах да, — Загваздин опомнился. — В те времена, если верить отчетам в моем рабочем бардачке, происходили как раз вот такие загадочные убийства. И делались они тайно оттуда — из Антимира.

— Их тоже переезжали автомобилями?

— Экспертизы, к сожалению, не уцелели, — вздохнул Загваздин. — Поэтому точно неизвестно. В отчетах тогда не парились — ставили причину убийства очень размыто, по протоколу. «Удар тяжелым предметом…»

— То есть, ты предполагаешь, это дело рук кого-то из Антимира?

— Есть такая мыслишка, — ответил полицейский. — Переехать человека можно только во время Продвижения. У нас его не было уже три дня. А трупу никак не три дня. А потому у меня единственное предположение, которое стоит проверить — Продвижение было сегодня ночью в Антимире и его переехали в это время.

— У меня есть логичный журналистский вопрос, — отозвался Семен. — Зачем так сложно?

— Почем же я знаю. У них в Антимире свои заморочки… — Загваздин обернулся и посмотрел на злополучную зеленую «отечку».

— Мужик-то бедный, — сказал он. — Ладно бы богач, можно все тогда проще объяснить…

Семен посмотрел на часы. Пора уже было идти готовиться к эфиру, но уж очень хотелось дождаться экспертизы.

— Да ты иди, — успокоительно сказал Загваздин. — Зайди после эфира, может, будет что-то новое.

Семен поблагодарил, выключил диктофон и бегом помчался на свое рабочее место, которое было видно издалека, из-за огромной круглой тарелки и решетчатой башенки на крыше. Это был белый,

слегка облезлый старый-престарый фургон, внутри которого размещалась «студия на колесах»: радиостанция, где Семен был ведущим, редактором и журналистом в одном лице. Именно поэтому его все вокруг знали и называли уважительно Голос — радио было центром жизни Пробки.

Сашка уже сидел за пультом. Луи не было, но Семен и не удивился. Луи никогда не было на месте — это разрешается Его Величеству Директору радиостанции. Перед микрофоном лежал завернутый в промасленную насквозь бумагу шашлык.

— Видал, какой я заботливый? — вместо приветствия сообщил Сашка.

— Спасибо, — ответствовал Семен, плюхаясь на свое место и двумя пальцами разворачивая бумагу.

— Рассказывай, что там. Банкрот снова?

— Убийство, — коротко и веско ответил Семен.

Сашка весь встрепенулся.

— Да ладно?!

— Сейчас буду вещать — еще больше офигеешь, — ответил Семен, вгрызаясь в сочное мясо. — Где Луи?

— Ах да, Луи… — Сашка внезапно приуныл. — От нас отказался спонсор. Сказали, им сейчас не до рекламы. Даже потребовали предоплату назад, которую они внесли до следующего Продвижения. И это после полугода совместной работы. Так что Луи сейчас по уши в поисках нового спонсора.

— Тогда шиш им сегодня, а не «Ремонт, успеем до Продвижения…»! — отозвался Семен довольно, впрочем, равнодушно — Луи всегда находил спонсоров, потому что радио решает все. — Сколько до эфира?

— Десять минут.

— Отлично. Пусть тогда сам Загваздин за меня все и говорит, — Семен протянул Сашке диктофон. — Залей-ка последнюю запись. Нарежу ее пока.

Эфир начинался в золотое время, время-после-завтрака, когда все, готовясь к рабочему дню, включали радиоприемники своих ил служебных автомобилей и блаженно слушали сплетни, новости и, на самом деле, все что угодно, любой бред, который вещал им Семен. За это его любили. За это его уважали. В сытую Шашлычную Эпоху

Семен был на вершине славы и карьеры. Его слушали все ряды Пробки на много километров вперед и назад и, поговаривали, Антимир тоже.

Каждое утро из всех машин, как и сегодня, как и вчера, доносится преувеличенно жизнерадостный, полный легкой загадки голос Семена:

— И снова, как обычно здравствуйте в это новое утро, мои прекрасные радиослушатели! Всем бесконечного Продвижения и радости, ведь не ровен час, уже завтра на горизонте золотом засияет наш долгожданный Город! Сегодня, по стечению обстоятельств, мне не удалось позавтракать в нашей Шашлычной вместе с вами, друзья, но я, сидя здесь, прекрасно знаю, о чем были разговоры за вашими столиками — утром нас всех разбудил тревожный автомобильный гудок. Даже боюсь представить какие слухи, какие фантазии распространились по Пробке и попали к вам в уши. Что ж не буду томить, да и все уже, наверное, в курсе, событие произошло не слишком приятное — умер человек. Гудок, по предварительным данным, дала его убитая горем жена, и лишь затем скорбный пост у нее приняли соседи. Но самая шокирующая новость не в этом — самое шокирующее то, что это была не просто смерть. В наших рядах, в нашей мирной Пробке, друзья мои, произошло убийство. Я говорю с полной серьезностью — это информация из первых рук и именно из них — от нашего дорогого хранителя порядка Андрея Загваздина — вы узнаете все подробности.

Семен переключил эфир на запись и стал с интересом следить за лицом Сашки, окаймленным дугой наушников. Сашка старательно не показывал вида, но на кульминационном моменте глаза его все-таки выкатились и рот приоткрылся. Потом Семен в нужный момент снова переключил рубильник и продолжил:

— Не больше и не меньше, друзья мои! Дело обещает быть запутанным и сложным. Ваш покорный слуга, разумеется, будет держать вас в курсе развития этих шокирующих событий. А теперь к другим новостям…

Семен опустил глаза на листки, лежащие перед микрофоном, и принялся зачитывать утреннюю сводку, которую сделал еще вчера вечером. Предстояло пережить еще полчаса эфира — самых активных и напряженных. Потом начнется рабочий день, большая часть

отключат свои радиоприемники и можно будет включить тихую музыку.

На середине эфира завалился Луи — большой, как всегда квадратный и неожиданно довольный. Он пробрался на водительское место и оттуда, извернувшись, стал смотреть, как Семен работает. Луи нравилось смотреть на Семена, потому что он был его золотой жилой. Только благодаря Голосу люди включали приемники в одиннадцать утра и терпели глупую спонсорскую рекламу.

Когда эфир, наконец, кончился и Семен едва отключил микрофон, Луи выпалил:

— Я сейчас подписал такой контракт! И все благодаря тебе.

Семен равнодушно посмотрел на Луи.

— Консервы! — выпалил Луи снова. — Твой эфир был грандиозен. Какая новость, а? Я подписал контракт с поставщиком консервов в нашу часть Пробки.

— А где связь? — спросил Семен.

— Какая связь?

— Связь моего эфира и твоих консервов.

— Так ни в какую же не соглашался, — с жаром выдал Луи, сделав мелкими круглыми глазками спиральный пируэт, — а как услышал по приемнику новость — так сразу согласился. Умный мужик, сразу понял, что это порвало эфир, и все сейчас будут слушать одиннадцатичасовые новости, чтобы узнать подробности.

— Любые новости, — возразил Семен. — Каждый час будут радио врубать. Кстати, а чего ты так рад консервам? Их кто-то берет?

— Берут, — Луи закивал и под твердым квадратным подбородком энергично заходил туда-сюда еще один покруглее. — Шашлык, это, конечно, дешево, но не всем уже близко до него тащиться. Предоплату, кстати уже внесли — пятьсот литров до следующего Продвижения.

— Так это самое время поднять зарплату, — невинно ответил Семен, про себя подивившись неплохой сумме.

— Не сразу, не сразу, — тут же забормотал Луи. — Если ты не в курсе, чертовые ремонтники отозвали аванс. А сколько времени пройдет до следующего Продвижения еще неизвестно…

Луи еще долго бормотал разные аргументы, подходящие и не очень.

— Пойду-ка прогуляюсь, — сказал Семен и поднялся. — Надо сходить до Загваздина, разузнать что-нибудь новое.

Он выпрыгнул из фургона и осмотрелся. Большинство соседних машин были пусты — люди работали. Семен пошел вдоль шоссе, глядя на длинную ленту машин, уходящую вперед, к горизонту, где, по легендам, всех ждал Город, незыблемый и прекрасный парадиз. Там, поговаривают, никому не нужны автомобили для жизни и совсем не нужен бензин для покупок — там всего вдосталь, всем хватит, и все будут жить в благоденствии.

Некоторые забирались на крыши автомобилей, садились в позу лотоса лицом по ходу движения и по несколько часов медитировали, надеясь приблизить славный миг въезда в Город. Знакопоклонники совершали “ходы” к дорожным знакам и просили приблизить сладкий момент у них. Семен, считающий себя человеком прогрессивным, в Город не верил. Он придерживался так называемой «научной концепции», где весьма солидно доказывалось, что шоссе есть бесконечная Дорога, растянутая назад и вперед в пространстве и что люди ниоткуда не произошли, а были всегда, правда не обязательно именно в таком виде. И что самое главное, они никуда не идут, а Продвижение есть лишь естественное течение времени.

Семен миновал автобус-туалет, обогнул вечную очередь в него, прошел мимо длинной фуры — склад магазина «Железяки». Внутри передвигали что-то тяжелое, доносилась приглушенная ругань.

Загваздин работал в большом, высоком и широком полицейском «внедорожнике» или бобике. Просторная передняя часть была рабочей — там Загваздин писал свои протоколы и общался по рации с полицейскими с других участков.

Задняя же часть отделялась от передней решетчатой перегородкой и там полицейский содержал преступивших закон. Перед задней дверцей со скучающим видом стоял один из помощников полицейского невысокого роста, соответственно — Низкий. Семен махнул ему, и тот хмуро вильнул носом в ответ.

Ярко-синие полосы украшали бока, а на крыше находилась мигалка. Загваздин по закону обязан включить ее и сирену, если Пробка переходит на военное положение или случился какой-то природный катаклизм. Такого давно не случалось, но Семен помнил истертые новой памятью кадры из глубокого детства, когда в ночи по

лицам людей в толпе поочередно проносится красный и синий отблеск.

Голос подошел к открытой передней дверце со стороны руля, откуда торчали ноги Загваздина в форменных брюках. Страж порядка полулежал на переднем сидении и читал какие-то свои бумаги.

— Есть новости? — сходу спросил Семен, осторожно пихнув полицейского под коленку.

— Здорово, Голос, — не поднимая глаз, ответил Загваздин. — Ты проходи, садись. Может, поможешь мне умной мыслью.

Семен обошел машину и сел на пассажирское сидение с уже включенным диктофоном. Из-за решетки несло мочой и перегаром.

— У тебя тут, прямо скажем… — сморщился Семен.

— Потому и держу все двери нараспашку, — ответил Загваздин. — Загадили все. Чертова пьянь. Им-то хорошо… Они там отсыпаются. Когда уже у меня будет отдельная тюрьма для них…

Загваздин уже давно пытался расселить одно из общежитий, чтобы приспособить автобус под место заключения. Семену идея казалась странной — по большей части тюрьма будет пустовать.

Семен, некоторое время смотрел назад, за решетку. Внутри грустили двое — и вовсе не спали, а вполне очевидно слушали разговор.

— Ладно, — Семен повернулся обратно к полицейскому, — что у тебя там, инспектор? Новое есть что-нибудь?

Загваздин печально покачал головой, отложил свои листки на приборную панель и потянулся.

— Так себе ситуация, — сказал он, кряхтя.

— В Антимире Продвижения не было? — догадался Семен.

— Не было, — ответил Загваздин. — Причем, даже дольше чем у нас. Уже неделю стоят. Труп уже в машине реанимации. Отчет прислать должны вот-вот. Можешь подождать со мной.

Семен кивнул. Дело становилось все интереснее. Теперь, как бы цинично это ни звучало, главным событием была не смерть человека, а то, что какая-то машина ЕХАЛА, хотя Продвижения не было.

— Я уже все проверил, — сказал Загваздин, — бывали случаи, когда кто-то просто забывал проехать свое расстояние во время Продвижения. Оставался зазор, на котором, теоретически, можно кого-

нибудь задавить. Но это бы давно заметили — ко мне сразу сообщения о таких случаях поступают. Ничего такого не было.

По виду Загваздин и вправду зашел в тупик.

— А что сам погибший?

— Да ничего особенного, — Андрей пожал плечами. — Сергей Темеров, шестьдесят один год. В Эпоху Дорожного ремонта получил легкое ранение в предплечье, по какому-то старому правилу освобожден по этому поводу от налога. Работал мусорщиком. Кому такой незначительный человек мог дорогу перейти?

Это даже звучало скучно.

— Короче, это, скорее всего, случайное убийство? — подытожил Семен.

— Похоже на то, — протянул Загваздин, — конечно, если бы он вертелся в контрабандистских кругах — ну, знаешь, многие из небольших людей этим грешат, пользуясь своей неприметностью… но это сложно проверить. Может быть, жена его что-нибудь расскажет, как отойдет.

— В архивах искал что-нибудь?

— Этим я сейчас и занимаюсь, — вздохнул Андрей. — Пока ничего.

Они помолчали, и Семен, расстроившись, отключил диктофон.

— Слушай, а почему такие машины называются «внедорожниками»? — спросил Семен, похлопав по приборной панели.

Загваздин без выражения посмотрел на место, где прошлась семенова ладонь.

— Никогда не думал об этом, — признался он. — Странное какое-то слово.

Очень странное, согласился Семен про себя. Вне Дороги бывает только смерть и тлен. Может, эти машины раньше были погребальными? Можно хотя бы объяснить их размер этим.

Он поведал эту мысль Загваздину.

— Очень может быть, — ответил тот, — Наверное, в связи с вечной нехваткой личных автомобилей погребальные машины решили упразднить. Приспособили их для жизни и работы. А название осталось.

Семен заметил, что из-за ближайшего автомобиля вырулили двое в белых халатах. Один из них держал под мышкой тощую папку.

— Результаты несут, — сообщил Семен совсем приунывшему Загваздину. Тот поднял глаза и сразу же расцвел.

— Наконец-то! Надеюсь у них хорошие новости.

Они вместе выбрались из машины и торопливо пошли навстречу экспертам. Семен приготовил диктофон.

— Ну? — нетерпеливо спросил Загваздин.

Спецы были знакомые — они на участке были и за оказание первой помощи и за подготовку тел к погребению и за санитаров.

— Нечем тебя обрадовать, Загваздин, — сказал тот, что без папки. Второй как раз ее раскрыл и стал листать.

— У него сломана бедренная кость, — продолжал говорить первый, — кроме того есть ссадины на спине. Смерть наступила в результате сильного удара, от него и поломались ноги.

— Да, — подтвердил второй, зажав пальцем в папке какую-то строчку, — а след от шины возник уже после смерти. Автомобиль двигался со скоростью, которая в два-три раза превышает обычную скорость Продвижения.

— Вы не ошиблись? — резко спросил Загваздин. — Может его ударили каким-то предметом?

— Все указывает на то, что орудием убийства был автомобиль, — неумолимо ответил второй эксперт.

— Это еще не все, — первый вынул листочек из папки и протянул Загваздину, — прочтите сами. Труп, перед тем как вернуть на место, тщательно помыли.

Загваздин пробежал по тексту.

— Остатки мыла… — пробормотал он. — Зачем?

Второй эксперт пожал плечами и забрал бумажку у Загваздина.

— Какие угодно могут быть причины. Пытались избавиться от каких-нибудь следов. Помимо… эээ… очевидных.

Он приладил бумажку обратно и отдал всю папку Загваздину.

— Советуем искать автомобили с помятыми бамперами и радиаторами, — сказал он.

Семен выключил диктофон, и Загваздин тут же попросил:

— Слушай, пусть про помятые машины и про то, что труп мыли в эфир пока не войдет? Преступники же вполне могут радио слушать.

— Я буду аккуратен, — пообещал Семен.

— Спасибо, Голос, — кивнул Загваздин. Они вернулись к внедорожнику. Загваздин забрался внутрь, собираясь, видимо, глубоко изучить экспертизу.

Он делал вид, что бодр, весел и спокоен, но Семен чувствовал волны тоски и уныния от инспектора. Экспертиза только сильнее завела его в тупик.

2

Следующим пунктом был Банк Пробки. Подведомственный Загваздину участок считался зажиточным, потому местное отделение жировало. Главной достопримечательностью отделения было хранилище: длинная блестящая цистерна, заполненная бензином. Она стояла в крайнем ряду, у Обочины — чисто из соображения безопасности. На цистерне, вокруг нее и в кабине самого грузовика сидели охранники — явно скучая. Это были одни из немногих людей, которым, помимо самого Загваздина, разрешалось ношение огнестрельного оружия. В этой цистерне было все: и зарплаты госслужащих, и казна Пробки и сбережения жителей, решивших вложить свои активы в банк. У Семена тоже там был открыт депозит — но весьма скромный. Он не доверял огромной огнеопасной бочке, где весь бензин Пробки может сгореть от одной спички.

Но целью Семена было не хранилище, а само отделение банка — длинный автобус с гармошкой. Окна в нем были заделаны непрозрачной снаружи тонировкой, а внутри сидели люди, управляющие потоками самого ценного продукта Пробки. Впереди и позади автобуса стояли так называемые инкассаторские машины. Автомобили были бронированы и тоже имели вооруженную охрану. В них бензин содержался уже рассортированный по канистрам.

Семен махнул рукой охранникам, они помахали в ответ. В передних — и единственных доступных для входа, — дверях офиса, прочно сжимая в губах сигарету, курила начальница охраны Юлия. Светлые волосы на голове были так плотно стянуты в хвост, что казалось бледная кожа чуть не рвется на лице и висках от напряжения. Семен, как и многие, немного ее побаивался — она была тверда и немногословна и никакого человеческого тепла от нее не исходило, будто она сразу же родилась в форме и с пистолетом на бедре.

— Здорово, Голос, — сказала Юлия, неспешно выпуская дым, словно выхлопная труба на холостом ходу. — Пришел снять немного бенза? Луи задерживается с зарплатой?

— Привет, — отозвался Семен подходя, — Я только узнать, что нового.

— К Раисе значит, — покивала Юлия и бросила бычок на асфальт, — ты смотри, она сегодня не в духе.

— А Артем где?

Юлия пожала плечами.

— Сегодня не появлялся.

— Значит, к Раисе, — согласился Семен, — а разве можно курить в такой близости от цистерны?

— Нельзя, — ответила Юлия и отошла с приступка, пропуская Голос внутрь, — тебе. И вообще никому. Кроме меня.

— Ну да, на твои сигареты у наших денежек иммунитет, — с иронией отозвался Семен, протискиваясь мимо нее.

Кабинет Раисы — замглавы Банка, — был в противоположном конце автобуса. Каждый раз, как Артема Хоботова не было, Семену приходилось протискиваться по узкому центральному проходу, обтирая спины клерков, сидящих спиной друг другу за своими столами. Тонировка стекол спасала работников банка и его клиентов от солнца.

Семен подобрался к кабинету и тихонько постучал по картонной двери.

— Кто? — раздался за ней низкий тембр Раисы.

— Голос, — просто ответил Семен. И, получив разрешение войти, открыл дверь. В кабинет пришлось втискиваться — дверка была узкая. Сама Раиса ни разу ею не пользовалась — в ее распоряжении был собственный служебный выход — задняя дверь автобуса, ведущая прямо в кабинет. Раиса была женщиной около пятидесяти с короткой и высокой прической, на которую она наверняка тратила все утро. Плотные пальцы увенчаны лакированными ногтями — дорогое удовольствие, но замдиректора Банка и старший экономист участка может себе позволить. Когда-то Раиса была тонкой, полногрудой девушкой и преподавала Семену и другим оболтусам математику. Они все были в нее влюблены.

Семен привычно сел на сидение из потертой кожи рядом с обширным Раисовым столом. Та на него не смотрела и как бы вообще не интересовалась его присутствием — она и так прекрасно знала, зачем Семен приходит, потому просто нервно поправляла ногтистыми пальцами свою прическу.

— И где снова глава Банка? — спросил Семен. В кабинете Раисы царил кавардак. То есть все предметы лежали ровно, аккуратно и вроде даже на своих местах, но их было настолько много, что кабинет выглядел хламовником. Стол был завален папками, листками с мелким убористым текстом, целой россыпью предметов женского косметического арсенала. Вокруг стола стояли выдернутые из шкафа узкие картотечные ящички, наполненные картонными прямоугольниками, какие-то лишние сиденья, а в углу была вешалка с тремя сменами одежды, упакованной в целлофан. В кабинете Артема вещей было не меньше, да и еще хорошую долю отнимало сиденье водителя. Но тот был гораздо больше и потому смотрелся опрятнее.

— Взял отгул, — ответила Раиса.

— Вчера я его видел.

— Вчера он его и взял.

— Хм, Загваздин мне ничего не говорил.

— А ты спрашивал?

Резонно. Раиса была не в духе каждый раз, как Хоботов изволял не явиться — а это происходило довольно часто. И тогда на зама ложилось в два раза больше забот.

— Ну-с, что нового в экономике? — спросил Семен после паузы.

Раиса посмотрела на Семена с показной усталостью в глазах — она так всегда делала, когда злилась.

— Всегда, когда у тебя нет конкретных вопросов — ты спрашиваешь это, — сказала она тяжелым голосом. — Если ты пришел просто так, то лучше не мешай мне работать.

Раиса была права. Семен действительно не знал, чего бы такого спросить. Ему вообще не очень нравилось захаживать в банк за новостями. Экономика в жирную Шашлычную эпоху совсем не интересовала его слушателей — бензина хватает вдоволь и ладно.

— Я не наскребу того, что есть на полчаса эфира, — ответил Семен, — а незакрытой осталась только экономика.

— Так уж и не наберешь? У тебя же целое убийство там, — она кивнула на дверь из автобуса. — А даже если и так — мне какое дело до твоего эфира?

— Тут ты права, — Семен покивал. Он чувствовал, как Раиса медленно кипятилась, будто радиатор в жару. Не хотелось уходить ни с чем, поэтому Семен, за неимением других идей, стал оглядывать кабинет на предмет чего-нибудь нового.

— Если ты так и будешь сидеть и просто водить глазами, то просто выметайся, — сообщила Раиса деловитым голосом. Она смотрела в бумаги и медленно их перелистывала, но голос ее говорил о том, что она готова взорваться как вулкан. — Сначала квартальный отчет, теперь ты — со своими вопросами “придумай новость за меня”...

— А что не так с квартальным отчетом? — Семен тянул время. — Ты же обожаешь такие штуки.

Раиса подняла, наконец, взгляд от бумаг.

— Впервые в жизни, — сказала она, — у меня не сошелся баланс. Впервые. Можешь представить, как меня сейчас все бесит?

Семен хотел было сказать еще что-нибудь достаточно едкое, но при этом более-менее дружественное, но остановился. Вот же она. Новость.

— Хочешь сказать, ты не досчиталась денег в бюджете?

— Стоп-стоп-стоп! — Раиса указала ногтем прямо Семену между глаз. — Даже не думай про это на своем радио талдычить. Просто потерялись какие-то данные. И я их обязательно восстановлю. На нашем участке бензин просто так не пропадает.

— То есть ты думаешь это просто ошибка? А если нет?

— Сейчас вылетишь отсюда! — стул Раисы угрожающе скрипнул, будто она собиралась встать.

— Да погоди, я же помочь хочу, — быстро произнес Семен.

— Хватит строить из себя детектива! — уперлась Раиса. — Это убийство вас всех с ума свело, я смотрю. Хватит нам и одной сенсации, успокойся. Не бывает такого, что за один день сразу и человек помер, и деньги пропали.

Семен хотел возразить, что именно так оно как раз и бывает — вспомнить хотя бы Эпоху кожаных курток, но уцепился за другое.

— Ты сказала “вас всех”? А кого кроме меня?

— Загваздина, конечно, — отозвалась Раиса.

Раиса вдруг переключилась и теперь выпускала пар на не присутствующего здесь полицейского. Семен, конечно, был доволен этим фактом. Спустили давление — теперь и поработать можно нормально.

— А что он?

— Ничего серьезного, просто раздражает небрежность в докумнтах. Артема нет, так что я сама просмотрела все бюджетные заявки от полицейского. И там, например, не что-то конкретное, а “внешние связи”. Пойди теперь пойми, что это такое конкретно и почему именно столько бензина ушло.

— Звучит довольно важно.

— И непонятно, — Раиса откинулась на спинку кресла и посмотрела на Семена припухшими зеленоватыми глазами, от которых когда-то у всех мужчин вокруг захватывало дух.

— Загваздин, кажется, не понимает, что бюджет не бесконечен. И видимо Артем ему это прощает. У нас уже нет такой привилегии.

— Шашлычная эпоха заканчивается, — сказал Семен и Раиса кивнула.

— Вот именно. А Загваздин присылает абстрактные траты. Или вдруг хочет увеличить расходы на безопасность, — красный длинный ноготь показал на Семена, будто это он — Загваздин и что-то требует, — а то, что нужно оптимизировать бюджет для менее… скажем так, приятных времен, он не думает. У меня и так дел по горло — несколько злостных неплательщиков по кредитам, утерянные документы по вкладам, я вся как на ухабах. А тут еще это…

— Я думаю, он временно перегибает, Раиса, — Семен сам не понял, зачем защищает полицейского. — Он всего лишь печется о нас, не так ли?

Раиса с сомнением поджала губы.

Голос не стал ждать ответа.

— Как ты предлагаешь готовиться к концу эпохи?

— У нас тут есть люди, которые придумывают планы по спасению из жопы, — ответила Раиса, — а я пока только прогнозирую. Если хочешь...

Раиса порылась у себя в папках, шумно и энергично шурша бумагой, и достала оттуда листок и протянула Семену.

— Вот тебе и прогнозы и все что хочешь, — сказала Раиса. — С графиками.

Семен без особого интереса оглядел листок. Почти все графики показывали что-то вроде вершины холма — как будто дорога вот-вот должна пойти под откос.

— Прогноз, кажется, и вправду тревожный, — поделился Семен переживаниями. — Но почему? Ну ладно, еще пять-шесть Продвижений и Шашлычная нам будет только сниться, ну и что? Что мы, без шашлыка не проживем?

— Дешевая еда — это важно, — отозвалась Раиса. — Участок Лемана, который впереди, двенадцать Продвижений назад взял у нас довольно большой кредит. Долг растет, а от них еще ни одного платежа не поступало. Потому я и беспокоюсь. У них там намечается серьезный дефицит бензина, а все потому, что они прошляпили момент, когда еды станет меньше. Они еще и покупают шашлык у нас, ты представляешь? Не говоря уже о том, что там еще дальше…

— А что дальше?

— Слухи вместо данных, — поморщилась Раиса. — Про Бензоколонку ты, полагаю, слышал.

О да. Про Бензоколонку говорили шепотом — что якобы впереди есть здание по типу Шашлычной, но не с безлимитным мясом, спасибо свиноферме Гиви, а с безлимитным бензином.

— Это же хороший слух.

— Нет, — отрезала Раиса. — Если это правда, то нас ждет по меньшей мере инфляция, а может, что похуже. Если неправда — то тем более грустно, потому что тот, кто надеется на бесплатный бензин хуже готов к его отсутствию. Видимо поэтому у участков впереди все так плохо. Потому я и пытаюсь как-то унять амбиции Загваздина. В общем, если ты хочешь сегодня об этом рассказать, то я бы сказала так: у наших коллег впереди есть определенные проблемы. Они вычерпали свою цистерну почти до дна. Все съел бюджет, а когда люди поняли, что все плохо и прибежали снимать свои депозиты — снимать было уже нечего. Невыплаты по кредитам просто катастрофические. Если мы не хотим, чтобы произошло такое и у нас, нужно принять ряд антикризисных мер.

Семен покивал благодарно, встал и выключил диктофон.

— Слушай, Загваздину сейчас явно не до того, — сказал он. — Но я попытаюсь на него повлиять. Думаю, он тоже связывался со своими коллегами впереди по курсу и знает о ситуации.

Раиса посмотрела на него с сомнением, и Семен сразу принял это на свой счет: мол, ага, повлияешь ты.

— Пойду я, — преувеличенно бодро сказал он. — Мне еще к Исидору. Собирать самые сочные новости.

Это, разумеется, был сарказм, потому что Голос собирался к социальным службам. Самым скучным ребятам в Пробке.

Семен вытиснул себя из кабинета и отправился в обратный путь.

Не то, чтобы он действительно верил в рациональность Загваздина — Андрей славился известной долей паникерства и импульсивности, несмотря на всю внешнюю вялость и неторопливость. Просто в тяжелые времена совсем не верилось — трудно было его родителям во времена Кожаных курток. И дедам. И так далее. А когда он вступил на взрослый путь — трудно не было. Старые времена прошли и забылись, наступила Шашлычная эпоха и большую часть сознательной жизни Семена еда и бензин были всегда. Он верил не в Загваздина, а в нерушимость собственного благополучия — и понимал, что это опасная вера.

Социальными службами заведовал Исидор, лысеющий, невысокий старик с плохим зрением, максимально неинтересный. Новости социальной службы были самой скучной частью повестки дня на радио. И Семен никак не мог понять, почему — потому что сама по себе тема такая или потому что Исидор умудряется сделать скучным все, к чему притрагивается.

Максимум, что можно было выдавить из его рассказов, это сводки типа «В следующем году планируется обеспечить еще пять многодетных семей отдельными микроавтобусами».

Но в этот раз было одно интересное “но”. Убитый накануне Сергей работал уборщиком, и Исидор был его непосредственным начальником.

В отличие от невзрачности самого главы службы его рабочее место выглядело круто — даже круче, чем внедорожник полицейского. Это была кабина огромного седельного тягача. Исидор как будто смотрел на всех сверху. Но высоты кабины, видимо, было недостаточно, чтобы показать важность социальной службы. Решетка

радиатора, чудовищные выхлопные трубы по сторонам кабины, зеркала заднего вида и еще множество известных и неизвестных Семену деталей сверкали хромом — каждый день работники службы любовно драили их до блеска. С близкого расстояния была заметна коррозия по краям корпуса и пятнышки ржавчины — время беспощадно ко всему, — но издалека это смотрелось эффектно.

В огромной фуре, которая была прицеплена к грузовику, хранился служебный инвентарь — от банальных ведер и стратегического консервного запаса до специфических вещей типа газонокосилки — устранять прорывы Немира на территорию Дороги или просто расчищать Обочину, чтобы трава не мешала выбрасывать мусор и хоронить умерших. Туда же, в том числе, сдавалась и утварь уборщиков — метлы, совки, тачки.

Семен миновал переднюю часть с хищной прямоугольностью фар, чудовищных размеров колесо, и встал на приступку. Этого было недостаточно, чтобы заглянуть в кабину, поэтому Семен просто постучал в ту часть двери, до которой дотянулся, а затем слез обратно и стал ждать пока откроют.

Дверь открылась тяжело и с шумным щелчком. Показался Исидор, с видимым усилием толкающий дверь

— А, Голос, — сказал он. — Привет.

Его голый лоб блестел не хуже самой машины.

Исидор исчез, видимо, предлагая Семену забираться наверх. Тот вернулся на приступку, а потом преодолел еще две ступени, прежде чем водвориться на сиденье.

Семена и главу социальной службы разделял огромный рычаг коробки передач и панель с огромным количеством датчиков — избыточным даже для такой огромной махины, как казалось Семену.

Позади них во вместительной кабине работали помощники Исидора — натирали маркерную доску. Исидор экономил бумагу, поэтому почти все записи велись таким образом, и только при необходимости сохранить что-то для архива они переносились на бумагу.

— Новостей мало, — сразу начал Исидор, как Семен подставил ему диктофон. Семен мысленно поблагодарил Город.

— Общежитие под номером 219 требует капитального ремонта, так что мы готовим жителей к временному переселению в другое.

Пока решается какое можно относительно безболезненно уплотнить. Все же там тринадцать человек живет, в том числе и дети, так просто этого не провернуть.

— Ага, — сказал Семен, особо не слушая, и отвечая чисто по привычке, — сколько продлиться?

— Месяц, — Исидор задумался. — Может, и не уложимся. Главное, чтобы Продвижения были не слишком часто, пока будем капиталить.

— Так, — Семен кивнул, дав понять, что этого достаточно и можно говорить следующую новость.

— Еще перенесли на бумагу данные за последние несколько Продвижений. Доску пришлось обновить, так как из Банка пришел запрос на подсчет НЗ по провизии. Вот, будем считать. Обычно мы проводим ревизию раз в десять Продвижений, выкидываем испортившееся и так далее… Но раз особый запрос — что ж.

— Давно была прошлая ревизия?

— Где-то восемь Продвижений назад. То есть вообще могли бы и подождать, — заметил Исидор, — тогда, по-моему, мы выкинули около тридцати килограмм неликвида и запасы оценивались, как трехмесячные в том случае, если еду будет больше взять неоткуда.

Семен кивнул.

— А еще у вас теперь есть вакансия уборщика, — сказал он.

— Да, да, — Исидор покивал так буднично, как будто речь шла о сломавшемся домкрате, — жалко Сергея. Он был хорошим работником. Временно мне придется расширить подведомственные зоны других уборщиков, чтобы покрыть потерю. Не самая престижная работа, найти кого-то нового будет сложно. Да и ночная смена мало кого привлекает.

Уборщики работали по ночам — чисто из-за удобства. Было бы сложно мести меж автомобилями, когда туда-сюда постоянно снует народ.

— У Сергея все было хорошо? Он не пропускал работу?

— Нет-нет. Как мне кажется, ему как раз очень нравилась работа. Он из полуночников. Был.

— И в последнюю ночь?

— Я не видел, как он заступил в смену, — сказал Исидор, — но инструмент он забрал, то есть все же принялся за работу — и вернул

после. Судя по отчетности — раньше, чем обычно, но в этом ничего удивительного, время уборки у всех работников скачет — все зависит от нас, жителей Пробки, от того насколько мы намусорили за день.

— Насколько раньше?

— Что интересно — значительно. Обычно Сергей сдавал инструмент уже после того, как рассветало. Ему нравились рассветы, насколько я знаю, поэтому он предпочитал работать во вторую половину ночи. Но в этот раз не было и четырех часов ночи, если я не ошибаюсь. Могу поднять бумаги, проверить…

— То есть они еще не поднимались? — удивился Семен, — я думал, Загваздин уже все прошерстил.

Исидор покачал головой.

— От полицейского еще не заходили, — сказал он и улыбнулся, — снова ты его опередил.

Да, Андрей не отличался расторопностью и некоторые происшествия Семен успевал даже рассказать в эфире раньше, чем полицейский за них брался. Но то были мелочи — всякие несерьезные кражи, драки или порча имущества. Здесь же — убийство!

— То есть раньше Сергей так рано не заканчивал?

— Нет, почему же. Всякое было. Как и у любого уборщика. То есть и для нас в этом не было ничего необычного — да, чаще всего Сергей заканчивает с первыми лучами, но не постоянно же. Один раз он наоборот сильно припозднился. А что, Голос, ты думаешь, это как-то связано?

— Не знаю, — честно ответил Семен, — посмотрим, что полицейский скажет, как доберется. Пока все выглядит… не знаю, запутанно.

Исидор добродушно покивал.

Что бы еще такого спросить, думал Семен. Ему казалось, что существуют некие правильные вопросы и если их задать — тут же всплывет что-то весьма любопытное и интригующее.

— С кем с из коллег Сергей плотно общался? — спросил он. — Может быть, они могли бы что-то рассказать — необычное поведение, скажем…

Исидор задумался. Потом оглянулся на своих ребят и повторил вопрос.

— Не уверен, что он вообще с кем-то особо дружил, — сказал один из них. — Не самый общительный был человек. Бедолага.

Исидор развел руками.

— Что ж, — Семен выключил диктофон и открыл дверь, с усилием ее толкнул, — спасибо за информацию. И да, — добавил он, — я сообщу о том, что нужен новый уборщик. Но найти нового человека будет и правда сложно… Не из-за престижа самой должности, а из-за страха.

— А, да, — согласился Исидор, — об этом я не подумал.

Семен кивнул и осторожно спустился вниз. Потом схватился за край огромной дверцы и с усилием захлопнул ее.

3

Семен вернулся в студию задолго до начала эфира и увидел, что на его месте сидит какая-то незнакомая женщина и что-то веселым голосом наговаривает в микрофон.

Саша с серьезным видом занимался своим делом, а Луи радостно наблюдал за женщиной. Семен остался снаружи, оставив дверь открытой — вчетвером в студии уже тесновато. Судя по словам, которые четко поставленным театральным голосом сообщала микрофону женщина, Луи записывал рекламный ролик для торговцев консервами.

Семен отметил осанку обладательницы рекламного голоса, невероятно утянутую талию и длинные ресницы, хорошо различимые, когда она поворачивалась в профиль. Голос вдруг узнал ее — это был актриса из театра «Любые дороги дороги» с участка Лемана. Однажды она уже записывалась, когда Луи пытался ввести радиопостановки, но не зашло.

Видимо, дела у впереди действительно плохи, раз их актеры ищут подработку здесь, подумал Семен. У участка Загваздина своего театра не было. Радио да шашлык — это все, чем они могли похвастать.

— …мягкое и сочное тушеное мясо распадается на языке… — вещала дива. Заурчало в животе, и Семен автоматически прикинул, что где-то через полчаса после эфира можно будет сходить на обед. Голос бросил взгляд в сторону Шашлычной — она была сильно позади радиостанции, — и, конечно, ничего не увидел за фурами магазинов и складов и автобусами-общагами.

Актриса договорила, Саша кивнул ей и завершил запись. Она элегантно сняла наушники и поднялась. Луи тут же проворно выскочил через переднюю дверь и подал руку даме. Та спустилась на асфальт и с широкой улыбкой кивнула Семену. Тот в ответ отвесил легкий поклон.

— Госпожа Татьяна согласилась стать голосом нашей новой рекламной кампании, — пояснил Луи, глядя на актрису снизу-вверх. Они были как нуль и единица — плотный, невысокий и квадратно-округлый директор радиостанции и высокая, тонкая, гибкая королева театра.

— Очень рад этому, — дежурно улыбнулся Семен. — Надеюсь на плотное сотрудничество.

— Вы очень добры, — не менее дежурно, но с куда большим обаянием, ответила Татьяна. — Прошу простить меня, я должна идти. Путь неблизкий.

— Позвольте проводить вас! — тут же вызвался Луи. Актриса согласилась — как показалось Семену — вынужденно. Она попрощалась с Сашей, и они с Луи двинулись вдоль машин.

Семен заскочил внутрь и сел на свое место — оно было теплым, в кабине витал бархатистый запах духов.

— Луи прям весь трепещет, — заметил Голос. Саша усмехнулся и кивнул.

— Что неудивительно, — ответил он. — Роскошная женщина. Повезло им там впереди. Театр… Актрисы…

Саша мечтательно втянул носом воздух. Он носил на лице жидкие усы и бороденку, которые сам называл “сексуальной небритостью” и наивно верил, что именно на такое клюют девушки.

Семен подключил диктофон к аппаратуре и принялся нарезать то, что успел записать за прошедший час.

— Раиса говорит, не очень-то им сейчас там везет.

— Почему же?

— Ну, у них Шашлычной нет, — пожал плечами Семен. Саше это показалось очень смешным.

— Да уж, да уж, — покатывался он, — лучше мясо, чем прелестные женщины.

В таком узком и тесном пространстве как Пробка все друг друга знают и заводить отношения попросту проблематично. Куда приятнее найти человека с другого участка — незнакомого, про которого никто

из твоих соседей не может знать какой-нибудь бытовой сплетни. Незнакомство — главная привлекательная черта противоположного пола.

Некоторое время работа шла молча — только иногда Семен давал Саше небольшие указания по поводу предстоящего эфира.

— Как там у Загваздина дела? — спросил Саша, когда до эфира осталось пять минут.

— Полный ступор, — ответил Семен. — Он уныл как сорок тысяч праведников. Даже мне его подавленное настроение передалось.

— А рассказать-то есть о чем?

— Немного есть, — ответил Семен. — Эксперты интересные вещи рассказали.

Саша кивнул и показал пальцами — минутная готовность. Семен надел наушники, поправил микрофон, улыбнулся и стал смотреть на оранжевую лампочку перед собой.

— Всем здравствуйте, мои дорогие жители Пробки! — разразился Семен, как только лампочка переключилась на зеленый. — Пришло время для очередной порции новостей — надеюсь, вы достаточно проголодались с утра! — надо было поесть перед эфиром, усмехнулся Семен себе в мыслях. — Так вот хочу сообщить вам, что в деле об убийстве уже появились новые подробности. О них мы поговорим, как только закончим со всеми остальными новостями прошедшего часа. Итак, социальная служба участка информирует, что…

Семен зачитывал, кивал Саше, когда нужно было включать записи, механически листал исчирканные заметками листы. Он представлял лица слушателей, которые вынуждены сейчас терпеть скучную сводку, ожидая горячих подробностей. Этот прием хорошо сгладит то ощущение тупика, что назрело в этом деле у Загваздина — слушатели должны думать, что расследование движется семимильными шагами, а каждый новый факт — невероятный паззл эпической истории.

Когда дошло до главного, Семен постарался использовать наиболее обтекаемые формулировки, как и просил полицейский.

Когда зеленая лампочка погасла, Семен резво стянул наушники и сказал:

— Все! Обед. Ни о чем кроме еды думать не могу.

— Еще бы, — ухмыльнулся Саша, выходя из микроавтобуса вслед за ним, — «надеюсь, вы достаточно проголодались».

Они заперли радиостанцию, и пошли против хода автомобилей.

— Кстати, рекламу ты монтировать будешь? — спросил Семен.

— Да. Луи самолично накидал и текст и сценарий. Гениальный, конечно.

Какая-то необычная любовь у директора радио к этим консервам, подумал Семен. И актрису пригласил, и текст сам придумал. Не признак ли это паники, что скоро бензака станет меньше? Луи человек довольно неуклюжего ума, но предпринимательское чутье у него что надо.

— Я кстати говорил с этим Сергеем буквально на днях, — прервал его мрачные мысли Сашка.

— С кем? — рассеянно переспросил Голос.

— Ну с этим, которого убили.

— Ааа, — ничего удивительного в этом не было. Так или иначе все жители Участка говорили друг с другом “недавно”.

— Я встретил его как-то на рассвете, он вываливал мусор за Обочину. Точнее, он уже закончил и просто стоял и смотрел, как солнце поднимается и раскрашивает машины. Я его напугал своим появлением.

— Напугал?

— Ну, знаешь, когда к тебе неожиданно подходят… да еще у Обочины.

Семен кивнул.

— Я извинился, и мы поговорили о том, какой красивый рассвет и погода хорошая… в общем, стандартный треп, когда сталкиваешься с кем-то и надо вынужденно о чем-то болтать. Типа вежливость. Но мне показалось, что он жутко нервничал и хотел, чтобы я ушел. То ли действительно был тихим и нелюдимым и в целом общаться не любил, то ли, как мне показалось, ждал кого-то.

— Кого?

— Не знаю, может, у него любовница была.

— В пределах участка? Вряд ли.

Сашка кивнул, соглашаясь.

— А ты не хочешь этим с Загваздиным поделиться? — спросил Семен. Сашка удивленно покосился.

— Зачем? — спросил он. — Это же ерунда… Или ты считаешь…

Семен вспомнил слова Раисы про игру в детектива и подумал, что перегибает. Не стоит запутывать Андрея еще больше.

— Не считаю, — ответил Семен. Лучше не отвлекать полицейского с фокуса.

Они уже подходили к Шашлычной. Она была необычным местом — выделялась как минимум своим местоположением. В этом месте дорога неожиданно расширялась, забирая у Обочины ее законное пространство. И прямо на этой асфальтовой площади стояло одноэтажное длинное здание с выцветшей брезентовой вывеской «ШАШЛЫК У ГАРИКА». Что бы это ни значило.

А дальше глубоко в Немир уходила ферма — точнее забор из ржавых остовов машин, сложенных друг на друга. Этот забор отрезал от Немира значительный кусок, в котором могли свободно жить свиньи — плоть от плоти твари Немира.

Семен помнил, как наступала сытая Эпоха. Он только-только начал работать с Луи, и новость о появлении впереди капитального сооружения принесла ему первую славу. До этого о неких недвижимых обиталищах людей ходили только мифы, причем по большей части совершенно невероятные — что здания достигали ста и больше метров в высоту и в них одновременно проживали сотни человек. Да и сам факт неподвижного жилища вызывал множество вопросов. Как же Продвижение? Семену почему-то представлялась дорога застроенная зданиями вроде Шашлычной — вперед до самого горизонта. И люди каждый день переходили в следующее здание, ночевали там, а на следующий день — снова шли вперед. Возможно, такое Продвижение было бы более эффективным, чем таскать дома за собой.

Так что неподвижное здание произвело шок и переполох — но чем ближе приближалась Шашлычная, тем больше люди свыкались с мыслью, что в мире существует и такое. А когда Эпоха пришла — то есть Шашлычная попала в границы участка Загваздина, — и люди поняли, что теперь есть источник постоянной дешевой еды… Многие посчитали, что это предвестие Города — потому что по некоторым поверьям он как раз и состоял из таких вот строений.

Саша и Семен пришли рановато, потому за пластиковыми столиками почти никого не было. Зато Гиви, хозяин заведения, был на месте. Он немного отличался от жителей Пробки и главным образом

тем, что не участвовал в Продвижении. Его семья всегда жила здесь и не стремилась к городу. Это было очень любопытно, и потому однажды Семен напросился на интервью. Гиви сказал тогда, что он ведет оседлую жизнь. Его семья предпочитала стабильность движению, статус-кво — стремлениям. Это было настолько непривычно, что некоторые особо суеверные первое время избегали посещать Шашлычную.

Жену Гиви и его двух дочерей почти никогда не было видно — они большую часть времени работали в загоне.

Гиви широко улыбнулся посетителям.

— Кто пришел! — радостно сообщил он. — Проголодались? Шашлык в миг будет!

— Спасибо, Гиви, — кивнул Семен. Тот заглянул в мангал под вытяжкой и пошарил рукой над углями.

— Что утром не пришел, а, Голос? — спросил Гиви, гремя шампурами.

— Работа была, — пояснил Семен и оперся на стойку. — Ты же в курсе, что у нас произошло?

— Конечно, я ж тебя всегда слушаю! — Гиви махнул рукой к окну — там на подоконнике стоял радиоприемник. Он выглядел совсем не так, как типичные радиоприемники в автомобилях, но работал точно также.

— Какая беда. Когда человек умирает — это всегда нехорошо, а тут еще вот так!

Гиви насадил мясо на шампуры и положил их над углями. Почти сразу же возник вкусный аромат жареного мяса. Саша и Семен взяли по кружке, налили себе чай из титана и заняли столик поближе к стойке.

Они вносили бензин заранее — чтобы хватило до следующей зарплаты. Семен знал, что у Гиви много бензина — и он покупает на него полезные вещи, которые в силу своего стационарного положения не может достать сам. В том числе у контрабандистов, но на это, конечно, закрывались глаза. Шашлычная была несколько вне юрисдикции Правил Дорожного Движения. В первичных целях бензин здесь не был нужен, однако двигатель был — но лишь для того, чтобы вырабатывать электричество. Гул генератора слышался из-за стены.

Пока они ждали шашлыка потихоньку стал заходить народ — в основном те, кто сейчас жил рядом с Шашлычной. Это были соседи родителей Семена, которые жили неподалеку от границы участка. Потом вошла Пыль и сразу стала оглядываться в поисках знакомых, поправляя толстые очки. Она жила в соседнем с машиной Семена общежитии. Поэтому, завидя его и Сашу, она сразу направилась к ним. Внешне она была серой, всегда носила длинные вязаные свитера собственного производства, а подмышкой у нее всегда была какая-нибудь старая книга. Однако ее внутренний огонь был полной противоположностью внешности — Семен не знал более увлеченного и напористого человека.

Пыль была историком Дороги. Она изучала прошлое, получала за это сущие капли, но, кажется, находила подлинное удовольствие в своей работе. Многие книги, Семен знал, ей приходилось прятать от соседей по общаге, чтобы не стукнули Загваздину.

— Привет, мальчики, — сказал она, подойдя. Будто ей не тридцать лет, а все шестьдесят, и она подошла к внукам. — Можно присесть?

— Конечно, Аня, — кивнул Саша, и она быстро села к ним, положив книгу перед собой. Это был какой-то контрабандный апокриф, судя по названию: «Назначение дорожных знаков: от веры к закону». — Я сбегаю, попрошу у Гиви еще один шашлык для тебя.

Пыль согласно улыбнулась, и Саша вернулся к стойке, где уже собралась очередь.

— Что же, Голос, ты сейчас плотно работаешь с Загвазиным? — спросила она, поглаживая книгу.

— Приходится, — кивнул Семен, — хотя иногда неудобно его отвлекать — у него сейчас полно забот.

— Представляю, — ответила Пыль, — бедняга наш полицейский. Теперь и не знаю, могу ли я обратиться к нему с просьбой…

Это было странно. Любой житель Пробки постоянно заваливал Загваздина разными просьбами, устно или письменно — это была одна из его обязанностей. Иногда, конечно, доходило до абсурда и Загваздину приходилось перенаправлять вопросы о прохудившемся потолке в общежитии или протекающем туалете в правильные инстанции. Но вообще он должен был отвечать на запросы жителей его участка, особенно, если это касалось их безопасности.

— Я думаю, он не откажет, — ответил Семен. — Все зависит от просьбы, конечно…

— Видишь, какое дело, Голос, — Пыль покашляла, будто стесняясь, — моя просьба скорее всего ему не понравится. Мне нужны старые редакции ПДД, а я знаю, у него должны храниться такие по закону.

Это действительно было серьезной просьбой. Андрей не любил делиться своими бумагами, более того — вообще не любил, чтобы печатная продукция, особенно старая, попадала в руки населению. Он считал, что это может навредить Пробке, правда Семен не очень понимал, как именно. Например, такая книга, как сейчас у Пыли в руках легко могла привести полицейского в бешенство, а саму Пыль — к штрафу.

— Но зачем тебе они?

Пыль показала на книгу.

— Я пытаюсь понять, что такое дорожные знаки. В чем их истинное предназначение. Понятно же, что все эти знакопоклонники, которые считают, что шесты с кругами или треугольниками жести на вершине защищают нас от напастей Немира, как минимум, заблуждаются…

В Пробке существовало довольно распространенное суеверие о знаках. Люди подкладывали дары к их подножию, кто-то даже падал пред ними ниц и молился. Считалось, что они могут уберечь человека и его жилище от будущих напастей. Семен даже как-то брал интервью у главы секты «Знаки судьбы» и тот рассказывал о толковании формы и символов на знаках. Самыми сильными считались круглые знаки, особенно те, что с красной каймой — это и были защитные знаки, которые могут спасти от бед в будущем.

— В этой книге говорится, — продолжала Пыль, — что дорожные знаки ранее были неотъемлемой частью ПДД. Но затем утратили свое значение. Возможно, в старых редакциях я смогу найти хотя бы намеки на их реальное значение.

Вернулся Саша с тремя шкворчащими щампурами шашлыков.

— Вот это я понимаю! — объявил Саша, садясь. — О чем разговор?

— О дорожных знаках, — ответил Семен. — Ты знаешь, зачем они нужны?

— Чтобы моя мама совершала паломничество вдоль Обочины после каждого Продвижения, — мрачно усмехнулся Сашка, — она считает, что оно зависит от знаков. И что мы должны быть им благодарны.

Сашка редко говорил о своих родителях. Они жили очень бедно и в детстве Сашка откровенно стыдился их и собственного дома. Он ходил после занятий до их невзрачной машины сложными окольными путями, чтобы остальные не смогли вычислить его жилье. Конечно, это было глупо — все прекрасно знали, где он живет и втихую посмеивались над тем, как он нарезает сложные круги и зигзаги меж рядов. На какое-то время Семен к нему привязался, и они стали ходить этими путями вместе — и это было хорошо, потому что можно было долго говорить о чудовищах из-за Обочины, обсуждать родимое пятно учителя по физике (они оба считали, что тот когда-то упал затылком на землю Немира и теперь у него там пятно) или журналы с голыми женщинами, которые Сашка нашел однажды в общежитии, будучи в гостях у их общего одноклассника.

— Вполне возможно, что это не пустое верование, — откликнулась Пыль. — Возможно, когда-то они действительно влияли на движение по Дороге. А сейчас утратили свое значение и превратились лишь в традицию.

Семену нравилась Пыль. Она была одной из немногих, кто пытался осознать, в каком мире они живут.

— Я поговорю с Андреем, — сказал он, — не думаю, что ему сейчас до того, но может это и к лучшему. Отмахнется и даст.

— Спасибо, Голос, — благодарно кивнула Пыль. — Кстати, если вам интересно, тут есть еще версия, что эти знаки нужны курьерам. Не обычным посыльным, а настоящим. Ну вы понимаете. Они по ним ориентируются и хранят тайное знание. Вот только много лет уже они не заявлялись к нам сюда. Возможно, никого из них вообще не осталось.

Курьеры на сегодняшний день были практически мифическими фигурами, хотя люди постарше их еще помнили. Семену о курьерах рассказывали родители — о том, что они связывали далекие участки Пробки друг с другом. Передавали письма и посылки, привозили всякие экзотические диковинки и разносили самые разные по степени невероятности слухи.

Они доели шашлык — Пыль завернула в бумагу пару кусочков «про запас» — и освободили столик. Людей стало так много, что некоторые ели стоя прямо за прилавком, а другие просто забирали свою порцию и уходили.

* * *

Продвижение начиналось. Заводились двигатели — у кого с радостным ревом, у кого чихая и жалобно скуля. У многих — не с первого раза. Моторы будто забывали после долгой спячки, каково это — работать.

Впереди слышался веселый гомон кучи людей. Их единственная валюта — бензин, сейчас сгорал и улетучивался в воздух, но никто не печалился этому факту. Это необходимая жертва Продвижению и каждый готов ее заплатить.

Однако не все было так радужно и недалеко впереди от автомобиля Семена пролегла черная полоса пустого асфальта. По традиции, во время Продвижения провожали и умерших. Они уходили в свое собственное путешествие, куда-то за пределы мира. Хоронили людей очень по-разному, но по старым, еще довоенным правилам, предполагалось, что человек погребался со своей машиной. Собственник автомобиля — особый, почетный член Пробки и провожать его полагалось с честью, и имущество — автомобиль, являлось неотделимой частью его личности.

Сейчас как раз был такой случай, хотя он и стал уже редкостью. Поправки к ПДД предполагали, что автомобиль может передаваться другим людям — чаще всего членам семьи, — если они вписаны в доверенность и автомобиль не слишком ветхий. Но мало кто задумывался о внезапности смерти и действительно делал это, тем более, что налог на автомобиль рос из-за количества людей, вписанных в доверенность.

Бедный убитый мусорщик, видимо, не особо верил в скорую смерть — а потому жены в доверенности не было, а кроме того машина была в таком состоянии, что даже Банк от нее отказался.

Во время Продвижения специально для похорон задерживали автомобили на линии, где должно пройти торжественное шествие. Место хватало как раз чтобы прокатить машину поперек дороги.

Семен, как один из ближайших соседей и знаменитый житель участка, стоял в почетном карауле. Живой коридор из людей открывал

между собой чистую серую полосу, разделенную белыми прерывистыми линиями на четыре равные части.

Церемония началась с того, что Загваздин дал разрешение на слив бензина с погребального теперь автомобиля. Под внимательным взглядом банковского представителя ценную жидкость перелили в канистру и торжественно вручили вдове.

Затем полицейский возглавил процессию и повел под руку несчастную вдову. Сразу за ними несколько человек вручную покатили автомобиль — двое толкали сзади, еще один, засунув руку внутрь, правил рулем. Покойный был накрыт покрывалом с головой. Автомобиль медленно прокатили мимо, осторожно остановили у самого края, закатив передними колесами на щебень Обочины. Андрей Загваздин и вдова стояли у самой кромки — на краю мира.

— Мы отправляем этого человека за пределы Дороги. Чтобы он там обрел свое Продвижение и достиг Города, где бы ждал нас, скромных жителей Пробки, обремененных телесной оболочкой.

Он еще сказал несколько неслышных слов вдове и дал знак. Несколько автомобилей подали осторожные прощальные гудки и двое молодцов, навалившись на бледно-зеленый багажник, одним усилием вытолкнули машину на склон. Там она поехала уже под тяжестью собственного веса и скрылась в кювете. Раздался тихий трухлявый удар — машина врезалась в другую, оставленную внизу много лет назад.

Вдове теперь придется перебраться в общежитие — на отдельный автомобиль она уже вряд ли заработает. Семен накануне Продвижения узнал, что у погибшего была дочь — и жила аж на два участка впереди с каким-то очень зажиточным мужчиной. На похоронах ее не было. Вряд ли она обеспечит мать комфортным жильем в старости.

Объявили минуту молчания.

Еще одним автомобилем меньше, подумал Семен. Во время Эпохи Дорожного Ремонта, когда умирало много людей, автомобили в принципе не выкатывали за Обочину — трупы скидывали туда, раскачивая их за ноги и руки. Это было, по тем временам, кощунственно, но кто будет заморачиваться с похоронами во время войны. потом некоторые солидно разбогатели, незаконно захватив множество свободных автомобилей в собственность во времена Кожаных курток.

Семен посмотрел на плачущую вдову, на строгое лицо Загваздина, который изо всех сил пытался скрыть усталость. Но многодневная седая щетина и круги под глазами выдавали его. Он вернулся на центр проезжей части, поднял жезл вверх и коротко свистнул в свисток. Все тут же заторопились по машинам — предстояло завершить свою часть Продвижения. Семен прыгнул в свой автомобиль и завел двигатель. Затем медленно включил первую передачу — какой приятный момент! — и легко надавил на газ. Машина тронулась вперед одновременно с другими, шурша колесами прокатилась вперед, закрывая образованную Продвижением трещину в пространстве.

Когда багажник передней машины приблизился на нужное расстояние, Семен выжал тормоз, поставил машину на ручник и выключил двигатель. Продвижение закончилось.

Через ветровое стекло он увидел, что Загваздин сонно оглядел пространство между машинами, убедился, что там достаточно места для прохода людей, кивнул и развернулся на каблуках, чтобы пойти в свой внедорожник.

Ч1. Глава 2-1

1

Совет Пробки собирался после каждого Продвижения. Для заседаний был выделен целый отдельный автобус, где вместо сидений стоял длинный стол по центру салона. Члены совета рассаживались вокруг него и обсуждали повестку дня. Заседание заканчивалось принятием нескольких решений и их протоколированием.

Голос Пробки не был членом Совета, но присутствовал на каждом заседании, как глаза и уши народа.

Началось заседание, как обычно. Первыми пришли Загваздин и Редактор и по привычке заняли противоположные стулья в торцах длинного стола. Семен притулился на оставленном специально для него боковом сидении с полустертой надписью на стекле “Место кондуктора”. Сегодня полицейский не опоздал — Семен решил, что это следствие того, что тот работает безвылазно из своего “бобика” и ему не приходится бежать на встречу с другого конца участка.

— Как продвигается дело об убийстве? — спросил Редактор, по-хозяйски откинувшись на спинку стула. Он считался богатейшим человеком участка, а может быть — и всей Пробки. Кроме него вряд ли кто-то мог вот так общаться с полицейским.

— Семен все рассказал по радио, — ответил Загваздин. — Дело непростое и, кажется, ведет за пределы участка.

— Неужели?

— Я почти уверен в этом, — отрезал полицейский.

Редактор улыбался, не скрывая сомнения. Он совсем не производил впечатления. Никакого. Его можно было бы пожалеть, если не знать кто он. Кривобокий из-за проблем с позвоночником и разной длины ног. Щуплый. В очках с толстенным стеклом. Сын могущественнейшего криминального авторитета эпохи Кожаных курток, унаследовавший огромное состояние и, по слухам, утроивший его после. Редактор всегда был очень неприятен в разговоре, так как говорил прямо и остро, никого не жалея и никого не страшась. Он заведовал типографией — и еще много чем. Бумага сама по себе стоила недорого, а вот бумага, на которую чернила нанесли — уже

пахла литрами бензина. Только для Загваздина он печатал бесплатно — за что получал какие-то льготы на свой бизнес.

Семен хотел уже вступится за полицейского, подтвердив его слова, но тут вошел Исидор.

Он осторожно поздоровался со всеми, даже протиснулся к Семену, чтобы пожать руку, а потом сел по левую руку от Редактора. Своего мнения в Совете он, как правило, не имел и легко поддавался на любое давление со стороны других участников.

— Пит как всегда, — сказал Редактор.

— Подождем, — ответил на это полицейский, — у него могли возникнуть срочные дела. Вы оба бизнесмены, и ты должен понимать, что всякое бывает.

Редактор кивнул.

— И все же я сижу здесь. И пришел вовремя.

Хмурый Пит никогда не нравился Семену, но сейчас замечание Редактора ему показалось неуместным. Неужели все нужно высокомерно комментировать?

Впрочем, Пита долго ждать не пришлось. Под его массивным телом автобус тяжело качнулся и большая гора мышц и жира прошла к столу. Он умудрился сразу занять практически все пространство, даже Семену, сидящему в сторонке, стало тесно. А еще он учуял легкий душок перегара.

— Так, — сказал полицейский, — Артема мы не ждем. И с этого я бы хотел начать это заседание. Позавчера глава Банка взял у меня отгул на один день. Обычное дело. Но ни на следующий день, ни сегодня на работу он не вернулся. Мои помощники аккуратно прочесали весь участок, и я могу с уверенностью сказать, что Хоботова в принципе нет на участке. Он пропал.

Семен проверил работает ли диктофон. Пропажа человека! Да еще и главы Банка. Такая новость слегка подвинет даже убийство.

Совет отреагировал сдержанно, и Голос понял, что они так или иначе были в курсе событий и полицейский либо не знал об их осведомленности, либо говорил специально для Семена.

— Правилами предусмотрено, что в случае невыхода на работу по любой из причин, вышестоящее лицо должно назначить исполняющего обязанности, — продолжил Загваздин. — Поэтому я

сообщаю, что временно исполнять обязанности главы будет Юлия Самохина, начальник банковской охраны.

— Серьезно? — спросил Редактор. — Почему не Раиса? Она его зам.

— У Юлии больше опыта управления командой, и у нее в роду целая династия банкиров и полицейских, — возразил Загваздин, — и потом — это временное решение. Я намерен провести расследование и найти Артема Хоботова.

Семен подивился странному решению. Юлия никогда не отличалась гибким умом и уж точно ничего не понимала в экономике.

— Убийство, пропажа, — подхватил Редактор, — не слишком ли много для тебя одного?

— У меня есть помощники, — возмущенно ответил полицейский, — или ты сомневаешься в моей работе?

Редактор примирительно поднял руки и улыбнулся.

— Хорошо, хорошо. А может уже есть предположения куда он мог деться? Не спрашивали соседей, друзей? Коллег.

— О ходе расследования я сообщу, когда посчитаю нужным, — недовольно ответил полицейский, — но я уверен, что это просто какое-то недоразумение. Давайте перейдем к следующим вопросам.

— А если ты его не найдешь? — не унимался Редактор.

Загваздин устало закатил глаза.

— Не слишком ли ты зациклился на этой теме, а? — спросил Хмурый Пит, глядя на Редактора в упор. — Может, ты что-то знаешь про это?

Полицейский хмыкнул и посмотрел на Пита с раздражением.

— Тогда я бы пытался соскочить с этой темы, а не настаивать на ней, — улыбнулся Редактор, совершенно игнорируя Пита и глядя только на полицейского.

— Или пытался бы выяснить, что известно следствию, — продолжил Пит. — Осторожнее со словами, которыми ты здесь разбрасываешься, Влад.

Раньше Хмурый Пит никогда не вступал в прямую конфронтацию с Редактором. Тот постоянно перебивал полицейского, отвлекался от темы и вообще любил как будто создавать хаос на заседании. Это, если угодно, была его манера вести здесь дела. При этом сам Пит был немногословен и обычно ограничился парой-тройкой слов.

Сегодня же он был удивительно разговорчив.

Редактор некоторое молчал, глядя в стол.

— Я лишь хотел узнать, — начал он медленно, не выходя из задумчивости, — что будет, гипотетически, если глава Банка все же не явится на рабочее место. Должно быть, у полицейского есть какие-то протоколы на этот счет.

— Конечно есть. Кажется, кто-то забыл, как часто убивали директоров Банка в Эпоху Кожаных курток. Всем известно, что будут проведены выборы. Но для этого надо признать Хоботова мертвым. Или хотя бы пропавшим без вести.

— Лишь это я и хотел узнать, — Редактор улыбнулся в лицо Загваздину, — нечего было на меня накидываться.

— Теперь я могу перейти к другим вопросам дня? — полицейский опустил взгляд на бумаги, которые принес с собой.

И заседание Совета вернулось в обычное русло. Довольно скучное, с точки зрения Семена. Он некоторое время ждал, что Загваздин поднимет вопрос окончания шашлычной эпохи и борьбы с возможным кризисом, но ничего подобного не произошло. Полицейский как будто не замечал того, что времена меняются.

В самом конце Семен решился на вопрос.

— А кто перемещал машину главы Банка во время Продвижения?

Загваздин бросил на него недовольный взгляд.

— Дайте мне начать следствие сначала, а потом задавайте вопросы, господин Голос, — такой официальный тон говорил о том, что полицейский явно не в духе.

На выходе Загваздин поймал Семена за локоть. Загваздин кивнул в проход, приглашая пройтись.

— Давай ты не будешь лезть в это дело? — внезапно резко начал Загваздин. — Если будут какие-то новости, которые нужно сообщить Пробке — я обязательно с тобой поделюсь.

Семен онемел от неожиданных грубых интонаций — ранее полицейский себе такого с Голосом не позволял. Он ворчал, конечно, на подчиненных, на пьянчуг или воришек, которые сидели у него в бобике, но никогда не поднимал голос на простого жителя Пробки.

Только сейчас он заметил, что лицо Загваздина осунулось, под глазами — темные мешки с омывательные бачки размером. И вообще взгляд стал будто злее.

Видимо, Андрей все же разглядел в лице Семена свою ошибку и поспешил извиниться.

— Слушай, прости. Я последнее время сам не свой. Пойдем.

Загваздин ускорил шаг. Семен осторожно двинулся следом.

— Да ладно, — ответил он. — Я все понимаю.

В груди, конечно, нарастал гнев — чего это полицейский себе позволяет? Каким бы ни была тяжелая его работа — это не повод срываться на людях, которые хотят помочь.

Загваздин вдруг достал папиросу и закурил.

— Ого, Продвижений двадцать не видел тебя с сигаретой, — заметил Семен.

— Да вот предложили по дешевке, я взял, — нехотя отозвался Андрей, — подумал, нервы успокоит.

Сигареты были те же самые, что у Юлии — крепкие и страшно, по мнению Семена, вонючие.

Они подошли к внедорожнику. Загваздин оперся на дверь задом, а Семен сел напротив, на капот чьей-то «тойоты».

— Слушай, — сказал полицейский после продолжительной паузы, — я ценю твое рвение. Понимаю. У тебя, в отличие от меня, золотое время. Сенсация за сенсацией. Но у меня личная просьба — поумерь пыл. Тут, понимаешь… — Загваздин помялся, — несколько причин. Убийство и пропажа одновременно это слишком для людей. Тем более пропажа члена Совета, банкира. Ты же не хочешь, чтобы завтра люди с канистрами под цистерной собрались?

Андрей бросил папиросу на асфальт, растоптал каблуком. Между ними протиснулась семейство — мать и отец вели ребенка с занятий. Школьник с любопытством оглянулся на полицейского. Детям очень нравилась форма Загваздина.

— Ты сейчас предлагаешь придержать новость о пропаже человека?

— Как минимум, обойтись без подробностей. Я уверен, что все это недоразумение, и Артем просто загулял где-нибудь… Работа все же нервная.

— Что ж, понятно, — ответил Семен, хотя, конечно, ему не было понятно. По сути Андрей вмешивался в политику радиостанции. Чего раньше не было.

Загваздин открыл дверь своей служебной машины и сел на водительское кресло. Так как приглашения не последовало, Семен остался сидеть на «тойоте».

— Вдова перед похоронами кое-что поведала, — заметил полицейский, — вот об этом можешь рассказать в вечернем выпуске, может, расшевелишь публику и что-нибудь изменится.

Семен тут же навострил уши. По-видимому, Загваздин решил таким образом извиниться — поведать информацию для новостей.

— Рассказывает, что она обычно спит крепко, но иногда все же встает ночью. И она стала замечать, как она выразилась, несостыковочки. Муж мусорщик, работа ночная, понятное дело. Но в некоторые ночи он либо очень сильно задерживался, либо уходил раньше. Иногда приходил, а потом, поспав пару часиков, уходил снова. Долгое время она списывала все на обычные дела — пошел в туалет, не спится и так далее. Плюс он рассветы любил встречать, — Загваздин раскурил еще одну папиросу и свесил руку с ней из окна. — Через некоторое время стала подозревать в изменах, но вряд ли — у нас же тут все на виду… В общем, это было странно, а на все вопросы он отвечал, что мучается с животом. Он и правда ходил в «скорую» и даже пил курс каких-то таблеток.

— Ты подозреваешь, что он участвовал в каких-то темных делишках, а потом что-то пошло не так и его…

— Вполне возможно, — кивнул полицейский. — Несмотря на всю работу у нас все равно существует какой-то черный рынок и подпольная торговля — наверняка ты что-то такое слышишь периодически. Возможно, он что-то перебрасывал в другие участки Пробки, мусорщику в ночи это несложно… Важно тут еще и то, что в ночь смерти вдова тоже просыпалась. И когда проснулась была еще темень и до рассвета далеко — в общем, Сергей должен был быть на работе. Но муж уже спал рядом. Только утром она поняла, что уже смотрела на труп тогда. Возможно, ее разбудил убийца, который… так скажем, вернул старика домой.

— Тут нет новой информации фактически, — заметил Семен, но увидев, как вытягивается лицо Загваздина быстро поправился, — но зато теперь есть доказательство, что Сергей действительно уходил куда-то. И с показаниями Исидора это сходится.

Полицейский невесело усмехнулся. Закурил новую папиросу. Потом внимательно поглядел на Семена.

— Ты же Голос, — сказал он, — ты сам-то с вдовой общался?

Семен немного растерялся. Вопрос был, как ему показалось, с претензией. Мол, почему я один общаюсь с этой бедной женщиной.

— Нет, еще нет, — ответил Семен, — не хотел ее беспокоить… ну, ты понимаешь. Так рано.

Загваздин покивал.

— Знаешь, у меня сложилось впечатление, что она горюет не по мужу, а по утраченному автомобилю, — сказал он. — Она так смотрела во время последнего допроса, будто я этот закон придумал.

Семен пожал плечами.

— Ее можно понять. Муж умер, а тут еще и автомобиль, в котором всю жизнь считай прожил, просто выкидывают.

Загваздин ответил далеко не сразу. Коротко затягивался, пускал дым, стряхивал пепел, смотрел в пространство.

— Это закон, — наконец, ответил он. — Муж мог бы и вписать ее в доверенность. Лишь бы сэкономить… А потом страдают.

Из другого ряда вырулил Высокий. Подошел, зыркнул на Семена и отдал честь Загваздину.

— Осмотр закончен, — отрапортовал он, — Продвижение успешно завершено.

Загваздин кивнул и выкинул окурок.

— А что касается Хо…

Загваздин поднял ладонь, прерывая Высокого. Залез в машину с ногами и захлопнул дверь. Показал Высокому, чтобы садился рядом.

— У тебя все, Голос? — спросил полицейский, глянув на Семена. — Я хотел бы закончить дела, да пойти отдыхать. Устал я сегодня.

Семен кивнул и слез с капота.

— Да, конечно, — сказал он, — выспись хорошенько. Будет еще время поговорить.

Он помахал полицейскому и его помощнику и пошел к себе. Людей было довольно много — все прогуливались и разминали ноги после рабочего дня. Многие кивали Голосу, узнавая, он улыбался в ответ.

Итак, Загваздин вполне активно ведет расследование и дал какое-то поручение Высокому. Но совсем не хочет делится новостями. На

деле Андрей и не обязан информировать Семена обо всем на свете. Однако информировал. Даже во времена теневых войн, когда Загваздин впервые серьезно принялся за борьбу с черным рынком и прочими “пережитками прошлой эпохи”, как он говорил, полицейский охотно делился новостями, даже невзирая на то, что контрабандисты могли пользоваться информацией с радио.

Все же стоит пошерстить это дело самому, подумал Семен, подходя к своему автомобилю. Сходить до машины Артема, поспрашивать соседей. В общем, заняться нормальной журналистской работой. Что полицейский может сказать против? К тому же, с Олафом уже миллион Продвижений не общались, а тут такой повод.

Закатывающееся в недра Немира солнце превратило Пробку в блестящую ленту до горизонта — полированные крыши и стекла машин слепили глаза — до острой рези и слез. Семен старался смотреть под ноги, на мелкие трещинки в асфальте, на которые суеверно стремился не наступать.

Голос подошел к своей машине и залез внутрь. Стянул с себя одежду и разложил сиденье. Многие одинокие владельцы автомобилей предпочитали спать сзади — там и места больше, особенно если в машине предусмотрена возможность разложить спинки и на задних креслах. Но Семен всегда спал впереди, а назад складывал одежду и прочие вещи, которые не вмещались в багажник и бардачок. Сейчас там лежали две канистры бензина. Еще три лежали на дне багажника. Луи выдал зарплату в честь Продвижения.

На участке Загваздина воровали редко, но Семен предпочитал перестраховываться. Канистры в багажнике он старательно закладывал вещами, а те, что не помещались, старался ставить в салоне на пол — чтобы не было так заметно через стекло. Он знал, что по меркам большинства жителей Пробки получает довольно много — а это могло вызвать ненужную зависть.

Заодно Луи выдал и консервов от нового рекламодателя. Сашка успел их попробовать — и демонстративно сообщил, что до последнего будет питаться шашлыком, а эти консервы оставит на черный день. Но Семен особо ему не верил и решил сам попробовать их утром — после того как унесет одну канистру родителям.

Он не очень любил посещать родителей. Нет, они были замечательными, но там он будто откатывался на пятнадцать лет назад

— становился неопытным парнишкой, который понятия не имеет, чего хочет от жизни и вообще переполнен неуверенностью. Как только садился в отцовский «аккорд» всей этой жизни — радио, известности — будто и не существовало. Исчезал Голос, оставался только мальчик Семен.

Вокруг жила Пробка. Тот, кто ложится рано имеет преимущество — он будто выпадает из общего колеса жизни и может посмотреть на его вращение со стороны. Семен лежал в тишине салона и слушал звуки снаружи.

В общежитии справа слышалась семейная перебранка — громко бубнил что-то мужской голос, его перекрывал резкий женский визг, как от ремня генератора. Как там Пыль? Голос не мог представить, как можно работать с книгами в такой обстановке. Он представил, как она сидит на одном из задних сидений, закутавшись в плед и держит карандаш над книгой. Очки ее иногда поблескивают в сторону ругающихся, но она молчит — ее живой напор не приспособлен под выяснение отношений.

В автобусах общежитий обстановка всегда была накаленная. Никто не будет счастлив в такой тесноте.

Хлопнул багажник впереди — видимо, семейство Сытиных тоже пришло домой. Карл, глава семейства, был довольно незаметен. В отличии от его жены. Ее никто не называл по имени — Семен даже не помнил его, все звали ее Сытина и только Сытина. Она работала продавщицей в «Железяках» и любой знал, что в ее смену лучше с претензиями или жалобами на товар не приходить. Это был человек непробиваемого склада, который не отступит ни перед какими аргументами не в ее пользу. Ее старшего сына все вокруг звали не иначе как Безнадежный — потому что именно так она его и называла постоянно.

Одна из главных неловкостей Пробки — это отсутствие какой-либо приватности. Человек никогда не бывает не на виду. Стекла машин прозрачны, плотность Пробки высока — все рядом. К этому уже как-то привыкли и даже выработалась привычка вовремя отводить глаза и «не слышать» скрип подвески. Но все равно Семену, да и многим другим, это казалось неправильным — даже исследователи психологии Пробки признавали, что у всех людей есть стремление к периодическому уединению — чтобы подумать, завести мозг заново,

услышать себя. Жители шли на разные ухищрения, чтобы этого достигнуть. Кто побогаче, вроде Редактора скупал несколько машин и жил в центральной, а остальные использовал как буфер. Кто-то устанавливал тонировку — это было дорого и считалось не очень приличным — ты всех видишь, а тебя никто.

Более дешевый и приемлемый обществом вариант — шторки на все окна. Это такое честное уединение — ты никого не видишь и тебя никто не видит.

Но Семен думал, что проблема куда глубже. Какая разница видят тебя или нет? Это же Пробка. Каждый житель в каждый момент времени знает, где ты и, с большой вероятностью, что именно ты делаешь. Для этого необязательно заглядывать через лобовое стекло. Здесь нельзя было затеряться, быть невидимкой на виду у всех, одиноким среди незнакомцев. Люди, торгующие на черном рынке и занимающиеся контрабандой, возможно, делают это даже не ради легкой наживы в обход налогов и закона. Просто это само по себе тайное занятие. Оно не может не привлекать.

Контрабандисты отнюдь не были отбросами общества — это были приличные жители Пробки, днем вполне ничем не примечательные. Семен многих подозревал, а о некоторых — знал точно. Но при этом, несмотря на то, что их капиталы, скорее всего, весьма велики, они никак не выделялись. Жили в старых «тойотах», «хондах» и даже «отечках» — совсем не похожи на Хмурого Пита с его огромным пикапом. Именно поэтому черный рынок процветал — все знают, что он существует и никто не против этого, пока контрабандисты никак не выделяются. Редактор, который бензак получает относительно честным путем, вызывает куда больше негодования — потому что его богатство нагло кричит всем в лицо.

Ч1. Глава 2-2

2

Олаф был мелким контрабандистом. Он всегда где-то пропадал. Косвенно Семен знал, что Олаф скорее всего работает на Лавочника — короля черного рынка, с которым Загваздин много лет вел безуспешную, в целом, войну. Однако Голосу белобрысый друг детства был очень полезен — он приносил новости из участков позади. Потому что по официальным каналам никаких новостей оттуда не приходило. Никто не интересовался тем, что осталось там. Всем хотелось знать, что их ждет впереди.

Но сейчас он нужен был Семену по другой причине — Олаф был ближайшим соседом пропавшего Главы Банка.

Семен встал до завтрака, чтобы успеть до эфира заскочить к родителям и закинуть им канистру бензина, а потом нагрянуть в Шашлычную как раз к стандартному времени прихода туда Олафа.

Родители жили недалеко от задней границы участка.

Было странно идти навстречу движения Пробки. Как будто возвращаешься в прошлое. Для Семена это было буквально — он даже свое полное имя утрачивал и оставался просто Семой.

Автомобили, мимо которых шел Семен, были всякие разные: крохотные хэтчбэки, в которых жили один-два человека; большие микроавтобусы, в которых проживали обычно большие и шумные с семьи с двумя-тремя детьми; роскошные «внедорожники» богачей.

Служебных машин было не меньше: автобусы-душевые, автобусы-туалеты, кухни, красная «пожарная машина», которая согласно ПДД должна тушить пожары, если они вдруг возникнут в Пробке. Помимо этого, она выполняла роль хранилища воды. Отец Семена работал как раз здесь. Он и его начальник Третьяк считались профессиональными пожарными, а охранники Банка каждые полгода проходили у них учения по пожаротушению. Все же все понимали, что их денежки могут сгореть в одночасье и готовы были тратить время и силы на подготовку к их защите. При необходимости пожарные рукава можно было растянуть на весь участок Загваздина.

Семен от отца знал, что вода добывается самыми разными способами. Но самый распространенный способ — поиск гидранта. Иногда в полотне дороги попадались металлические заплатки — крышки колодцев, задача пожарных была их вскрывать. Не всегда под ними что-то вообще было, но если попадался гидрант, это было большой удачей. Тогда воды хватало вдоволь и ее даже можно было продавать тем, кому повезло меньше.

Отца Семена все звали Живой, потому что однажды в него ударила молния, но он остался жив — только ботинки приплавились к крыше пожарки, на которой он стоял, поправляя собиратель дождя. Третьяк, увидев это, только и крякнул “Бля, живой!”, с тех пор и повелось. И даже правило в ПДД внесли, запрещающие подниматься на крыши автомобилей в дождь.

Потом это превратилось в байку, а из байки в миф. Люди быстро все забывали, переключаясь на что-то новое. Семен и Олаф в детстве пересказывали друг другу страшилку о человеке из Немира, который пришел оттуда босиком, асфальт дымился у него под ногами, а на мизинце у него был длинный ноготь, чтобы резать стекло и проникать в машины. Теперь же у детей совсем другие истории.

Немир был местом, куда уходят мертвые. Машины там ржавели и разваливались, а человеческие останки истлевали до праха, оставляя только кости на обозрение будущим поколениям, которые проедут здесь. Не было ничего удивительного, что людям требуется его, постоянно напоминающем о себе на периферии зрения, осмыслить. Пусть и в виде мифов.

Сам Олаф тоже был носителем легенды о Немире, и она случилась у Семена на глазах.

Они бегали вдоль Обочины с другими мальчишками, играли в догонялки. В какой-то момент белобрысого Олафа нечаянно вытолкнули за Обочину — тот отшатнулся и наступил ботинком прямо в зеленое, в смертельно опасное. Время тогда будто остановилось. Во всяком случае Семен видел в своей голове статичное изображение, а не действо: Олаф одной ногой за Обочиной, на лице его легкий испуг — он еще не понял, что произошло. А вот остальные — поняли. И их лица выражали искренний ужас, внушаемый им вместе с грудным молоком.

Но потом ничего страшного не произошло — Олаф завопил и так сиганул прочь от обочины, что врезался в ближайшую машину. И ничего с ним не случилось. Он был живой, нормальный, только очень вспотевший. Набежавшие на крики взрослые тут же стали осматривать Олафовы стопы, но ничего не нашли. Кроссовки не рассыпались в труху, пятки не почернели, ноги не собирались отваливаться.

Потом, конечно, говорили, что Олафу повезло. Это даже затем повторялось учителем в школе — мол, не всегда Немир убивает, точнее не сразу — толстая подошва спасет при коротком контакте.

Родители мыли машину. Мать с ведром натирала диски, а отец полировал значок на решетке радиатора — на это он тратил больше времени, чем на все остальное мытье вместе взятое. Они всегда намывали «ласточку», как говорил отец, после Продвижения, даже если этого не требовалось.

Семену нравилось слово «ласточка» в детстве, оно было будто из другого мира — непривычное для языка.

— Помощь нужна? — спросил Семен. Отец оглянулся, а мать сразу вскочила, бросив губку в ведро.

— Семен пришел, ты надо же! — сказала она и полезла обниматься. Голос почувствовал мокрые руки на спине, рубашка сразу прилипла к телу.

— Я всегда прихожу после Продвижения, — ответил он, выбираясь из объятий, — а вы чего так рано помывку устроили?

— Как раз потому что ты и придешь, — ответил отец, они обменялись рукопожатиями. Рука отца была сухой, — Лара еще два часа назад меня разбудила. Говорит, давай уберемся, Семен же сегодня-завтра прийти должен — и пошло-поехало.

Семен поставил канистру на асфальт и расстегнул манжеты, намереваясь закатать рукава.

— Не-не-не, — запротестовала мать, — мы уже закончили практически, лучше пойдем посидим.

Семен кивнул и подал канистру отцу. Тот привычно нахмурился, но канистру — тоже привычно — взял. Родители, конечно, гордились, что сын хорошо зарабатывает, но почему-то очень стеснялись, особенно первое время, брать у него бензин.

Отец носил очки. И гордился этим. Очки были дороги и те, кто страдал плохим зрением перебивались как могли. Очки отец купил

очень давно — Семен помнил эту роговую полупрозрачную оправу с детства. Он знал, что отец стал видеть хуже, и очки уже так не помогают. Мост оправы был замотан синей изолентой.

Вокруг копошилась жизнь стариков и незнакомцев. Как-то так повелось, что молодые люди, покидая родительский автомобиль, переселялись по ходу движения Пробки, а не наоборот. И рано или поздно участок Пробки смешивался — здесь жила незнакомая молодежь с участков позади и отцы и матери тех, кто впереди. Семен не знал, почему родился такой распорядок, но он казался очень логичным. Молодые, перспективные должны двигаться вперед. Даже если ученые правы и дорога растянута в бесконечности и цели у Пробки нет — неважно. Все равно приятно чувствовать направление.

Родительский Аккорд был тесноват. Общались по старинке — Семен сидел сзади, родители впереди, — и смотреть на собеседника приходилось в зеркало заднего вида. Отец называл это «старосветской беседой», потому что раньше «во времена еще моего отца, твоего деда» все так общались.

— У вас там убили кого-то, — посетовала мать сразу, как они уселись и настроили зеркало так, чтобы все трое могли обмениваться взглядами, — вот напасть-то. Я теперь спать не смогу, когда творится такое.

— Ты поменьше радио слушай, — ответил Семен стандартной семейной шуткой.

— Загваздин разберется, — отозвался отец, сверкнув очками в зеркало.

Загваздин, по мнению отца, «навел порядок» в новую эпоху. Жесткая рука, говорил он, именно такая должна лежать на руле.

— Мы живем в очень спокойную эпоху, — заметил Семен, чтобы успокоить мать.

— Да уж, повезло вам молодым, — проворчал отец. — Но все же и минус это. Люди раньше тверже были, а сейчас — что летний асфальт, ткнешь их чуть-чуть и уже растекаются…

— И я тоже?

Отец крякнул и поправил очки.

— Ты, Сема, дело особое, — ответил он неопределенно.

— Раньше и Продвижения чаще были, — отозвалась мать, — Продвижения ведь отчего бывают — от того, что люди все хорошо

делают. Расслабились — вот и Продвижений меньше.

Семен не стал ввязываться в давний спор. Существовала целая куча суеверий о том, как приблизить Продвижение, что нужно делать людям, чтобы они случались чаще и почему Продвижений долго нет. Мать верила во все разом, даже если они противоречили друг другу.

— Я вообще ненадолго зашел, — перевел тему Семен. — Работа ждет. Так что я быстренько сейчас до Шашлычной, позавтракаю, и…

— Еще чего! — запротестовала мать. — Позавтракаешь у нас.

И действительно стала хлопотать “по старинке” — с кипятильником, железными кружками под чай и, неожиданно, пирожками.

— Вчера напекла после смены, — сообщила она. Семену оставалось только смириться и ждать. Вообще использовать кухню в личных целях поварам запрещалось, но кто за этим следит...

Мама передала Семену чай и пирожок — пирожки, оказались начинены консервированными ананасами. Редкость.

— Спасибо, — сказал он.

Родители тоже взяли по пирожку, и они на некоторое время замолчали, мир наполнился только удовлетворенным жеванием.

Мама была одной из немногих, кто сохранил знание, как замесить тесто и запечь пирожки. Во многом благодаря тому, что автобус-кухня, где работала мама, сохранился. Раньше кухонь было больше, но с приходом Эпохи Шашлычной Загваздин решил «рационализировать» их количество кухонь часть была переоборудована в туалеты и душевые. Семен сомневался, что они смогут переделать их обратно.

— Как вкусно! — проглотив последний кусочек провозгласил Семен.

— Раньше теста было завались, — посетовала мать, — доставляли продукты откуда-то. А теперь что… Как после войны — ни муки, ни яиц.

Снова одно да потому.

— Как на работе дела? — обратился Семен к отцу, вновь меняя тему.

— Да никак, — ответил отец. — Сидим и ничего не делаем. По-хорошему, каждое третье Продвижение надо проводить осмотр цистерны, а кроме Хоботова никто разрешение выдать не может. А его все нет и нет…

— Как раз этим я и хочу заняться, — кивнул Семен. — Артем брал отгул только на один день. А его нет уже три. На заседании Совета Загваздин назначил Юлию исполняющей обязанности главы Банка.

— Юлию? — спросил отец. — Надо же…

— Странное решение, — кивнул Семен.

— Впрочем, у нее что отец, что мать были главами Банка в свое время, — отец пожал плечами. — Обоих убили, правда. Отца так вообще, когда ей двух лет не было.

Семен в том году пошел в школу. И хорошо запомнил все, что тогда происходило. Кончилось послевоенное безвременье, новая эпоха Кожаных курток как раз и определилась тогда — в год, когда полицейский внес поправки в ПДД, а Совет Пробки отказался их принимать.

Сложно представить себе такое сегодня.

— В Совете все знали, что он зять Шохова, тогдашнего полицейского. И собирался переизбираться. Конечно, им не нужен был лишний сторонник врага в собственных рядах, так что сразу всем стало понятно — кто и зачем. Лихие времена были.

— Хорошо, что сейчас не так, — ответил Семен.

— Сейчас-то гораздо лучше, — ответила мать, минуту назад говорившая обратные слова. Семен уже привык к дуализму родителей, который проявлялся практически во всем. Он посмотрел на часы на приборной панели.

— Мне пора. Хочу все же заглянуть в Шашлычную, повидать одного человека.

— Уже пошел? — удивилась мама. — Хоть бы раз посидел подольше.

— А новости кто рассказывать будет? — спросил Семен. — Я еще зайду. Может, через пару дней.

Он вышел и почти побежал к Шашлычной. Он слегка торопился, так как понятия не имел сколько времени займет разговор с Олафом, если он застанет того на завтраке.

* * *

Олафа уже не было в Шашлычной. Либо еще не было. Семен хотел сразу развернуться и выйти, но его неожиданно окликнул Редактор. Семен увидел его за пластиковым столиком и несколько

удивился. Обычно Влад предпочитал завтракать дома и в Шашлычной практически не появлялся.

— Привет, Голос, — сказал Редактор. Столик его был чист и пуст — то ли шашлык для него еще готовился, то ли он вообще сюда не за этим пришел.

— На самом деле я надеялся тебя здесь встретить. Но уже потерял надежду и хотел было уходить.

— Я ходил в гости к родителям, — пояснил Семен. — Поел у них.

Редактор покивал.

— Я тебя задерживать не буду. Я хочу просто лично попросить тебя зайти сегодня ко мне в типографию. После обеда, например, будет очень удобно.

— С удовольствием, — ответил Семен, хотя ему совсем не хотелось тратить единственное свободное время в середине дня на болтовню с не самым приятным человеком Пробки. — Просто поговорить или есть какой-то особой повод?

— Просто хочу обсудить дела. Что сказано было на Совете. По поводу Хоботова опять же.

Ага, подумал Семен, а это уже интересно. Если у Редактора есть какая-то информация по этому поводу, то это меняет дело.

— Прекрасно, — нейтрально ответил Семен, — тогда до встречи.

Он кивнул Владу и пошел к выходу. По пути в студию он решил наведаться к Олафу лично. Заодно на автомобиль Хоботова можно будет посмотреть.

Семен двинулся вдоль Обочины обратно. В одном месте смердело мертвецом и собралось несколько человек с длинными шестами — собрались отталкивать его подальше, но пока никто не решался. Люди топтались на месте и смущенно переговаривались. Кто-то отнекивался в том смысле, что он уже на работу опаздывает. Среди них стоял Высокий, зажав нос рукой.

— Привет! — Семен подошел поздороваться. — Проверяешь каждую смерть теперь?

Высокий покивал, не разжимая носа.

— Это не Артем, — сказал он, открыв одну ноздрю ненадолго, чтобы не гнусавить, — старушку неудачно похоронили.

Голос покивал, пошел дальше и вскоре оказался у темно-зеленого “Смарта” Олафа. Но того не было на месте.

— Да где тебя носит… — пробормотал Семен, глядя внутрь небольшой машины. Олаф жил довольно аскетично — чтобы не привлекать внимания.

Придется поискать контрабандиста после эфира.

Семен еще успевал осмотреть машину главы Банка. Он поднял взгляд и вместо того, чтобы увидеть привычную высокую серую корму “Крузера” Хоботова, увидел вполне обычную желтую “Тойоту”.

— Что? — сам себя спросил Семен и выпрямился. Он точно помнил, что глава Банка жил впереди от Олафа, точно помнил машину и даже номер — семьсот семьдесят пять. Он всегда перед глазами, когда сидишь у Олафа на пассажирском сидении.

Семен огляделся вокруг. Иногда во время Продвижения по распоряжению полицейского та или иная машина меняет ряд. Но внедорожника не было видно и близко. Более того, во втором ряду стояла длинная фура, так просто ряд не поменяешь. Машинально Голос осмотрел и кювет и только через несколько секунд вздрогнул от собственных мыслей.

Иногда автомобили скатывают вниз и при живых владельцах — например, если они дальше ехать не могут просто от износа и задерживают Продвижение.

Но никто не скатит огромный, сверкающий крузак. Получается, Артем Хоботов пропал вместе со своей машиной. Что, в целом, невозможно.

Как невозможно и то, что кого-то переехали автомобилем.

Вот только — пропажу целого внедорожника не могли не заметить соседи.

Семен подошел к желтой “Тойоте”. Ее обитателей он тоже помнил — семья Пироговых, обычная среднестатистическая ячейка Пробки. Впрочем, взрослых в машине уже не было, но была их дочка лет семи. Она сидела на капоте родительского автомобиля и с любопытством наблюдала за Немиром.

— Красиво, правда? — спросил Семен, вставая рядом. Девочка с улыбкой обернулась к нему.

— А я вас знаю! — с улыбкой заявила она. — Вы Голос из радио.

Семен улыбнулся, силясь вспомнить имя девочки.

— Угадала, — сказал он. — Любишь смотреть в Немир?

— Папа говорит, туда полезно смотреть, — ответила девочка, — Он говорит — так глаза отдыхают.

Семен провел глазами по пустому зеленому полю. На миг ему почудилось, что Немир стал выглядеть чуточку по-другому чем раньше, но ничего конкретного видно не было. Пустое поле страшного зеленого цвета — как и всегда.

— Твой папа, пожалуй, прав, — ответил Голос и вдруг пожалел, что Обочина всегда скрыта от него громадой автобуса-общежития. — Он на работе?

Девочка покивала.

— И мама на работе, — вздохнула она. — А брат в школе.

— То есть ты совсем одна тут? — обычно родители, особенно те, что жили в крайнем ряду, не оставляли вот так детей, а отдавали их кому-нибудь — бабушкам и дедушкам, например. Боялись, что дети, по глупости, убегут за Обочину. Пироговы, видимо, совсем не переживали на этот счет. — А дядя Олаф где?

— Дядя Олаф сказал утром папе, что пойдет «проверить почву», — девочка смешно попыталась имитировать голос белобрысого контрабандиста. — Они так долго разговаривали сегодня утром, и папа был совсем злой…

Проверить почву — это у Олафа значило попытать счастья на границе участков — обычно именно там покупают и продают. Идти туда было далековато — Семен мог не успеть к следующему эфиру, если разговор с Олафом затянется. А он хотел именно этого, чтобы Олаф рассказал как можно больше.

— Почему твой отец был злой? — спросил он.

— Не знаю, — протянула девочка, — они с мамой мне ничего не рассказывают, я же маленькая.

— Ничего-ничего, скоро вырастешь, — улыбнулся Семен, — вон тебя уже и за старшую оставляют, как взрослую. Если увидишь дядю Олафа — скажи, что к нему Голос приходил, хорошо?

Девочка покивала. Решив, что контакт хорошо налажен, Семен нацелился спросить о главном.

— Ну, а где дядя Артем?

— Не знаю, — быстро ответила девочка. — Папа сказал в отпуске.

Будто заученная фраза, подумал Семен. Кажется, девочку попросили отвечать так, если кто-то спросит.

— Вместе с машиной в отпуске? — улыбнулся Голос.

— Как это — с машиной? — спросила девочка.

— Позади вас разве не дядя Артем всегда жил? В своем сером большом “Крузере”.

Девочка посмотрела на зеленый “Смарт” Олафа, вытянув шею.

— Не знаю, — теперь неуверенно протянула она. — Может быть и жил когда-то. Но сейчас там дядя Олаф живет.

Дальше давить на ребенка смысла не было, да Семену и не хотелось — разревется еще, привлечет лишнее внимание. Поэтому он просто попрощался с ней и быстрым шагом пошел обратно — к радиостанции. Нужно было провести эфир и срочно бежать обратно на границу — искать Олафа.

По-хорошему, о пропаже автомобиля нужно было немедленно сообщить Загваздину. Но Семен намеренно решил этого не делать. Во всяком случае пока сам не узнает больше.

Он залетел в микроавтобус за пять минут до эфира, слегка удивив Сашку.

— Проспал? — спросил тот.

— Не совсем, — ответил Семен, — у родителей задержался.

Пошел эфир. Сашка, кажется, замечал нотки нетерпения в голосе Семена, так как время от времени на него поглядывал, поднимая бровь.

В конце эфира Семен сделал паузу и затем произнес:

— Должен предупредить, что следующего выхода в эфир не будет по техническим причинам. Ждите новостей через три часа, перед обедом. Всегда ваш, Голос Пробки.

— Что это значит? — выпалил Сашка, едва погасла лампочка эфира.

— Кажется я наткнулся на чертовски мощную новость, — сообщил Семен, — но мне нужно время, чтобы собрать материал.

— У тебя тут целая сенсация с убийством, которую можно неделями катать, — ответил Сашка, — что такого еще случилось, чтобы перебить это?

— Не сейчас, — ответил Семен, — прости, но пока придется подержать интригу.

Он развернулся на стуле и открыл дверь наружу.

— Только не забудь крутануть рекламу, даже и без новостей, — сказал он Сашке, выходя, — а то Луи инфаркт хватит...

Луи, конечно, будет страшно недоволен. Однажды Семен простудился и мог разве что негромко сипеть — пришлось отложить несколько выпусков, а один вел сам Луи — и это было ужасно даже по его собственным словам.

Семен шел быстро, иногда срываясь на легкий бег. Возможно, Олаф уже ушел вглубь другого участка и найти его будет попросту невозможно.

За Шашлычной стали попадаться совсем незнакомые или смутно знакомые лица. Кого-то Семен не знал совсем — молодежь с предыдущего участка, кого-то просто позабыл. Некоторые люди кивали ему, узнавая, он на всякий случай кивал в ответ.

На самом деле границы между участками никак не обозначаются. Просто люди знают к какому участку они относятся. У участка Загваздина был даже небольшой анклав в виде большого зеленого общежития с гармошкой. Однажды у автобуса совершенно неожиданно взорвалась покрышка во время Продвижения. Не придумали ничего лучше, если машины позади просто объедут его, а он останется на том месте, где встал.

У Олафа в этом общежитии обитал подельник — стоило зайти сначала туда. Голос почти физически почувствовал, как преодолел невидимый барьер. Он редко выходил за пределы своего участка и потому чувствовал себя непривычно, странно и свободно. Будто на некоторое время вырываешься из ткани самого времени — ты сменил точку в пространстве не потому что так решило Продвижение, а потому что ты сам сюда дошел.

Он подошел к передней двери автобуса и осторожно постучал. За стеклянной дверью показалось незнакомое лицо, а затем дверь с шипением раскрылась.

— Голос, — удивленно сказал щуплый пожилой мужчина. — Мы ваш выпуск ждем. А вы сами пришли!

— Здравствуйте, — ответил Семен вежливо, внутренне поразившись тому, что его узнали, — я не хотел вас беспокоить, но…

— Никаких беспокойств, — отрезал дед резким движением руки. — Проходите-проходите. К нам и товарищ ваш заходил…

Семен не хотел входить, но, услышав про «товарища» поднялся по ступенькам.

Ему приходилось бывать в общежитиях, но не таких больших. Он с трудом представлял, как люди могут жить в такой тесноте без шанса хотя бы на минутное уединение. Здесь проживало человек двадцать. Все пространство автобуса было разгорожено ширмами с выцветшими занавесками.

Гостеприимный дед занимал почетное водительское место — у него было куда больше пространства. За резинку стекла был заткнута бумажка с именем: «Ответственный за Продвижение: Роман Пристов».

— Садитесь сюда, — сказал Роман, откинув деревянную панель рядом со своим местом, — вы к нам за новостями?

— Я ищу Олафа, — ответил Семен, садясь, — вы ведь про него говорили?

— Олаф заходил, — кивнул водитель и вдруг зычно выкрикнул, Семен аж отшатнулся. — Герман! Иди сюда, Герман!

За ближайшей ширмой раздался недовольный женский голос, Семен заметил, как люди высовываются из своих каморок и смотрят в сторону водителя. Заплакал ребенок.

Герман пришел из задней части автобуса, где, судя по плачу, обитали семейные.

Герман был крупным и мрачным мужчиной. Он был в грязноватой белой майке и черных шортах и почесывал богатую бороду.

— Не орал бы ты так, — посоветовал он Роману и покосился на Семена.

— Смотри, кто тут у нас, — сообщил водитель своему соседу, — к тебе сегодня заходил Олаф? Он ищет Олафа.

— Ты Голос? — спросил Герман, глядя на Семена сверху вниз. Настрой у него был не самый дружелюбный. — А что если Олаф не готов тебя сейчас увидеть?

— Он на деле? — спросил Семен.

Герман резко оглянулся в проход между ширмами.

— Пойдем снаружи поговорим, — сказал он и нажал на красную кнопку на поручне. Дверь открылась, и Герман, грохоча шлепками по металлическим ступенькам, спустился наружу. Семен посмотрел на Романа, тот лишь мелко улыбался, и тоже вышел.

Герман уже стоял, прислонившись к пустующей машине рядом и закуривал.

— О делах внутри ни слова, — сказал он, зыркнув на Семена. Затем крепко затянулся. — Зря ты пришел.

— Это мне решать, — резко ответил Семен. Герман ему не нравился, в первую очередь — своей мрачной неспешностью. — Где Олаф?

Герман молча курил, глядя в нутро автобуса — дверь осталась открытой. Можно было ручаться, что водитель сейчас навострил уши.

— Он твой фанат, — сказал Герман, указав на дверь. — День и ночь слушает твое радио, всех уже задолбал.

— Я спрашивал не про Романа.

— Ну да, — кивнул Герман и впервые улыбнулся, хотя это больше было похоже на оскал от зубной боли, — конечно. Утром ко мне приходит Олаф и говорит, что хочет пару дней пересидеть где-нибудь подальше от Загваздина. И строго сказал, что, если кто появится из ваших — гнать нахер. И тут заявляешься ты.

Семен понял. Загваздин успел поговорить с Олафом — другого объяснения и быть не могло. Конечно, внезапный разговор с полицейским тертого контрабандиста спугнул.

— Значит я опоздал, — расстроено сообщил Семен Герману. — А жаль, между прочим. Я хотел Олафу помочь.

— Чем? Своими расспросами?

Они еще некоторое время смотрели друг на друга со взаимной неприязнью. Затем Герман докурил, затоптал окурок и двинулся обратно в автобус.

— Не лезьте вы к Олафу. Ты и твой Загваздин, — сказал он, ступив на первую ступеньку, — всего хорошего.

— И вам того же, — буркнул Семен в широкую спину.

Что это значит вообще — «твой Загваздин»?

Когда Герман удалился на свою заднюю половину в проеме двери вновь появился Роман.

Он что-то прошептал, улыбаясь.

— Что? — спросил Семен и подошел ближе.

— Девятьсот двадцать три, — снова прошептал водитель чуть громче, — красный «Джип», крайний ряд. Только я вам ничего не говорил.

Семен благодарно кивнул. Старик улыбнулся в ответ и исчез внутри. Дверь с тяжелым вздохом закрылась.

* * *

Семен быстро нашел красный внедорожник — он выделялся на фоне остальных, серых и черных машин вокруг. Олаф сидел внутри, на переднем пассажирском сидении и смотрел за Обочину. На водительском месте сидела девушка лет двадцати четырех. Она сразу заметила Семена — точнее, поняла, что его цель — ее машина. Она толкнула Олафа локтем. Тот повернулся и моментально опознал Семена. Лицо его устало исказилось, как будто он жевал уже десятый лимон подряд.

Он вышел из внедорожника и обошел его, махнув девушке, чтобы оставалась внутри.

— Где угодно достанешь, Голос, — сказал он вместо приветствия.

— Такова моя работа, — ответил Семен. Диктофон уже был включен в кармане.

Олаф некоторое время осматривал Семена — как будто по-новому оценивал.

— Загваздин тебя заслал?

Семен прислонился к ближайшей машине.

— Конечно, нет, — ответил Семен с возмущением, — что за поветрие последнее время пошло — считать, что я у него на побегушках?

— Ну как же, — Олаф поднял руку раскрытой ладонью вверх, — вы последнее время постоянно вместе. Носитесь вокруг этого убийства…

— Я сюда не про убийство говорить пришел, — ответил Семен.

— Разумеется. По поводу Артема. Вот только я не знаю ничего. Так я Андрею сказал, так и тебе говорю.

— Он устроил тебе допрос?

— Ну как допрос, — Олаф усмехнулся, — сначала он прислал Высокого, а когда я того послал, то пришлепал сам.

— Почему ты сбежал? — спросил Семен. — Андрей ведь не по твою душу приходил. Он же насчет Хоботова спрашивал.

— А какая разница? — сразу же ответил Олаф. Слишком быстро — чтобы скрыть явную заминку. — Если он начнет копать, то

докопается до всего. Мне это не нужно. Так что посижу я здесь, пока он там разнюхивает.

— Ты сейчас мешаешь бензин с соляркой, — ответил Семен, — где твои дела и где Хоботов… или, — догадка была очевидной, — или он тоже был в твоем деле?

— В моем — не был, — тут же ответил Олаф. — Слушай, Семен. Я тебе ничего рассказывать не буду. Ушел человек — и Город с ним. Какое Загваздину до него дело?

— У него труп, которого явно сбили машиной и пропавший человек вместе с машиной. В Пробке творятся очень странные дела. Так что сам ответь на свой вопрос.

Олаф улыбнулся и помотал белобрысой головой.

— Ты так его защищаешь, как будто он твой ненаглядный дружок, — сообщил он. — Какая мне разница, почему у полицейского голова болит? Пусть не лезет в мои дела — и все.

Олаф явно что-то знал о Хоботове, но не собирался рассказывать.

— Слушай, — сказал ему Семен, — я не собираюсь делиться с Андреем информацией. Он ведь со мной не делится.

Олаф засмеялся.

— Конечно, — кивнул он, — ты поделишься со всей Пробкой. Ты ведь Голос.

Против этого Семен ничего не мог поставить. Даже если бы он сказал, что не собирается ничего пускать в эфир — кто же ему поверит?

— Загваздин все равно что-нибудь узнал от Пироговых, — сказал он уже просто так.

— О да, — покивал Олаф, — точно. Милая семья Пироговых, конечно! Они все расскажут доброму дяде полицейскому, потому что они хорошие, добропорядочные жители Пробки, — Олаф мрачно улыбнулся и посмотрел на Семена исподлобья. — Хочешь знать, что Пирогов сказал Загваздину? Он сказал, что никакой машины Хоботова между нами никогда не было. И что вообще не стал бы глава Банка жить в таком непрестижном районе Пробки. Что за ним сколько он себя помнит была машина Олафа и только Олафа — маленькая, зеленая, смотреть противно.

Они все в сговоре вокруг исчезновения Хоботова, понял Семен. Люди очень быстро умеют забывать истину. Если соседи Хоботова

говорят, что его автомобиля никогда там не было — то значит так оно и есть. И неважно, что неделю назад ты лично глядел под капот этой машины и советовал, где приобрести бензонасос подешевле…

— Прости, Голос, но есть вещи, которые лучше оставить забвению, — Олаф вглядывался в лицо Семена, — такое уже не раз происходило — думаю, ты и сам этому способствовал.

Все мы этому способствуем, подумал Семен, нам гораздо приятнее жить в выдуманном мире, чем принимать некоторые аспекты истины. Мы готовы выбросить правду за Обочину — просто потому что с ней неудобно.

Олаф некоторое время откровенно любовался лицом Семена — точнее, эмоциями, что там возникали.

— Мы закончили? — спросил он через некоторое время. — Если ты не возражаешь, я буду жить тут некоторое время и не хочу, чтобы меня беспокоили. Так что не приходи больше. Если будет Продвижение, у Пирогова есть ключи от моей зеленой блохи.

Олаф собрался было вернуться к девушке, которая с интересом наблюдала за ними из-за стекла.

— Подожди, — сказал ему Семен, — сбежал ты или нет — а моим ньюсмейкером быть не перестал. Мне нужны новости. Отсюда.

— Отсюда? — удивился Олаф. — Но ты и так здесь! Походи, посмотри вокруг, послушай, что люди говорят.

— У меня нет на это времени, — ответил Голос, — но зато есть ты. Давай поговорим.

— Хорошо, — вздохнул Олаф, — только обещай мне, что после этого отстанешь от меня.

Семен кивнул.

— Только вот тут жизнь не то, чтобы отличается от нашей теперь, — сообщил контрабандист. — Они так же, как и мы ходят в Шашлычную на завтрак, обед и ужин. Уже планируют избавиться от нескольких кухонь… знакомо, да? А еще тут появились некие Пешеходы.

— Пешеходы?

— Да, какие-то странные ребята. Добровольно отказываются от автомобилей и ходят вокруг, агитируют всех делать то же самое, — Олаф махнул рукой. — Секта какая-то. Хоть дорожным знакам не

кланяются и на там спасибо. Они вроде не здешние. Ну, точнее, не все из них.

— То есть они пришли оттуда, — Семен кивнул против движения Пробки.

Олаф кивнул.

— Это интересно, — улыбнулся Голос, — и все?

— Кроме этого — все, — Олаф пожал плечами, — ну и по черному рынку пополз слух, что впереди начался голод и на этом некоторые предприимчивые люди уже наживаются. Скоро через всю территорию Загваздина прокинут контрабандистские пути сбыта, — Олаф ухмыльнулся, — но ему, кажется, не до того.

— Раиса примерно то же самое говорит, — сказал Семен, — что впереди тяжело. Но она выражалась более мягко.

— Еще бы, — скривился Олаф, — она сто слов произнести может, но в итоге так ничего и не скажет. Все, Семен. На этом все. Мы с тобой поговорили по-дружески, а теперь ты меня по-дружески не трогай. И за своим Загваздиным проследи, чтоб не трогал.

Семен демонстративно закатил глаза.

— Не пропадай навечно, — сказал он Олафу. Тот уже открывал дверь.

— Давай-давай, — ответил тот, — топай.

Ч1. Глава 2-3

3

Семен не успел и на второй эфир тоже. Можно было бы, конечно, сесть за микрофон, но рассказывать было нечего. К тому же на его месте уже сидел Луи — развернувшись к двери и уперев руки в толстые бока. Сашка притворялся неодушевленным предметом где-то позади.

— Где тебя носит? — спросил Луи, не слишком, впрочем, повышая голос. Он немного боялся Семена — прекрасно понимал, что без него не будет ничего — ни радио, ни рекламы, ни бензина.

— Я собираю материал, — невозмутимо ответил Семен и, раз сесть было некуда, остался стоять снаружи — так их лица с Луи находились примерно на одном уровне.

— Люди ждут Голоса каждый час, — начал причитать Луи, — они включают чертов приемник, чтобы услышать, как ты расскажешь им что-нибудь. Они же все слушают, что ты им говоришь, неважно что! Если ты не будешь говорить — они не будут слушать. Если они не будут слушать, нам никто не заплатит за рекламу… И все! И не будет больше никакого радио.

— А как тебе такая идея, Луи, — Семену вдруг пришла в голову интересная мысль, — а что если мы найдем мне помощника? Будет бегать по инстанциям, собирать дневную сводку… Когда-нибудь и до эфиров дорастет. А?

Глубокая задумчивость тенью накрыла лицо Луи.

— А еще мы могли бы записывать некоторые выпуски заранее, — подсказал Сашка.

— Дорого, — тут же ответил Луи, выходя из задумчивости. — Помощник дорого. А запись — мысль хорошая. А вот помощник… ему же платить надо.

Бензиновый вопрос как обычно стал камнем преткновения любых идей. Луи был страшно скуп — и умудрялся этим гордиться.

— И заплатим, — ответил Семен, — помощнику много не надо. Можешь урезать меня на полканистры, если ты у нас такой скряга.

Луи тяжело покачал головой.

— Обдумать это все надо, — сказал он и тяжело встал с кресла. Семен посторонился, чтобы Луи пронес свою тушу наружу.

— Разоришь ты меня, Голос, — сказал он, повернувшись к Семену. — Если и в следующий час эфира не будет — я вам обоим просто так на полканистры зарплату урежу.

И он тяжело зашагал прочь.

Семен залез внутрь.

— Слушай, а крутая идея с записями, — сказал он, — вот только где бы взять время на их запись.

Сашка пожал плечами.

— Что ты делаешь-то, пока носишься по Пробке? — спросил он.

Вообще Семен хотел бы завести себе союзника в расследовании пропажи Хоботова. Как минимум, Сашка по-хорошему должен знать за что подставляется перед Луи. Он хоть и не спрашивает, но наверняка чувствует некоторую обиду, что он тут держит оборону, а Семен не раскрывает карты.

— Я думаю, ты в курсе, что Хоботов не вышел на работу, — сказал он.

— Ага, — кивнул Сашка, — но вроде как он же отпросился у Андрея. По-моему, ты мне сам об этом говорил.

— Он отпросился на один день. А нет его уже больше трех. И это еще не все. Его автомобиля тоже нет. Загваздин в курсе об этом.

— Его не стали ждать, что ли, скатили за обочину? Крузак?!

— Нет. В кювете машины нет. И в других рядах. Ее нет вообще, понимаешь?

Сашка молчал некоторое время.

— Но не могла же она просто пропасть, — сказал он, подумав. — Твой дружок, Олаф, он же наверняка видел, что случилось, автомобиль прямо у него под носом.

— Этим я и занимался. Искал Олафа. Он не обрадовался, как я понял, пристальному вниманию полицейского и решил сбежать. Но я его нашел. На участке Гросса.

Семен сдержал улыбку — лицо Сашки вытянулось в ожидании, он наверняка думал, что сейчас услышит шокирующую правду.

— Но он ничего мне не сказал, — обломал друга Семен, — вообще. Хотя явно знает очень много. Он решил, что я — подпевала

Загваздина, ну или буду трындеть об этом по радио, что, впрочем, я и собирался сделать.

— Но какой ему смысл молчать? Неужели он… ну, как-то замешан?

Семен пожал плечами.

— Понятия не имею.

— Может, я помогу как-то? — спросил Сашка. — Не все мне кнопки жать.

— Если хочешь, можешь тоже подумать об этом деле. Пропала машина и человек, который ею владел. Огромный крузер. Без всякого следа. У меня лично нет никаких идей.

— Без следа, — пробормотал Сашка, — да, конечно. Попробую подумать.

— Ты шаришь в технике, — подбодрил Семен, — думаешь немного по-другому, не так как я и не так как полицейский, который, кажется, не очень хочет вообще этим заниматься. Впрочем, убийство для него, поди, поважнее.

Сашка покивал.

— Что будешь делать дальше? — спросил он.

— Пойду к Редактору, — ответил Семен, — он поймал меня в Шашлычной сегодня утром и попросил встретится. Говорит, у него есть информация.

— И он тут замешан?

— Ну, он советник, — пожал плечами Семен. Мало ли какие у него могут быть дела с главой Банка.

— А еще сын бандита.

Сашка очень не любил Редактора — в первую очередь, потому что тот был богач. Во вторую — потому что основной его богатства стали криминальные деньги отца. Он получил все в те времена, которых Сашка стыдился — времена своей бедности.

— И надо сходить к вдове. Люди ждут новостей по убийству, — сказал Семен, чтобы перевести тему. Он отключил диктофон от зарядки.

— Я бы на твоем месте еще Юлию и Раису спросил, — заметил Сашка, — они же по сути, его прямые коллеги.

— Хорошая мысль, — сказал Семен и развернулся на кресле, чтобы выходить.

* * *

Редактор считался богачом даже по меркам Шашлычной эпохи. Его отца убили уже на излете Эпохи Кожаных курток, традиционным для тех времен способом — прицепили к ногам тяжелые колодки и скинули за Обочину. Редактор гордился отцом: тот жил еще неделю. Лежа на траве Немира среди ржавых остовов, он гнил заживо — но жил. Его убийцы иногда приходили к Обочине — и стреляли наугад от бедра. Они не хотели его добить, просто издевались. Хотя местные жители роптали и просили прекратить мучения — папаня жутко орал, особенно первое время, страшно матерился, мешал жить всем в округе.

Конечно, прожил его отец не неделю, а меньше. И умер он не от бандитской пули и не от пагубных свойств Немира. Кто-то не побоялся стянуть с Обочины тяжеленный камень — и скинуть его бедняге на голову. Семен пытался выяснить личность этого человека, но не сумел, как не сумел и довести расследование до конца. Зачем было убивать человека без явного профита? Ведь весь капитал в итоге достался молодому сыну. По этому поводу ходили разные толки — что, мол, Редактор сам заказал отца. Но такие обвинения так и не нашли подтверждения. Да и сам Редактор, несмотря на все свои странности вряд ли был бы способен на такое — он до сих пор бережно оберегает оставшуюся вдовой мать и активно участвует в жизни Пробки.

Редактор владел единственной на много участков вперед и назад типографией — на чем и приумножил свое богатство. Его золотом был не бензин, а бумага и краска. Он обменивал на них все, что можно — и, соединяя вместе, — получал огромную прибыль. Конечно, не вся его деятельность была в рамках закона. Семен знал, что Олаф не раз сбывал ему контрабандные материалы для печати — а вряд ли Редактор обращался только к одному контрабандисту. Как минимум, Влад вел дела с Лавочником и не сильно скрывался по этому поводу.

Семен отправился к типографии — к длинной фуре, которая раньше была рефрижератором. Когда-то это было легендарное и самое зловещее место в Пробке.

Он обошел фуру и постучал в блестящий алюминий заднего борта. Одна из створок приоткрылась и из тени на Семена уставились глаза с огромными белками, исполосованными лопнувшими

капиллярами. Это, безусловно, была Бриджит — телохранитель, секретарь и, по слухам, любовница Редактора.

— Привет, это я, Голос, — сказал он глазам, — Влад хотел меня видеть.

Створка распахнулась и об асфальт стукнулась лесенка. Семен поднялся внутрь. Сначала он не видел ничего, кроме темного силуэта Бриджит — теперь она превратилась из охранника в секретаршу, а потому вместо глаз на темном лице проявилась еще и белоснежная улыбка.

Бриджит была очень крупной женщиной и, по слухам, всегда носила с собой револьвер.

Внутри соревновались два невыносимых аромата: резкий и пронзительный запах краски и стойкая и сухая бумажная пыль. Обычный человек не смог бы существовать в таких условиях, но Редактор проводил в типографии дни и недели — это была его родная атмосфера. Он скорее задохнется на свежем воздухе.

Сбоку от громадины печатной машины стоял небольшой столик, над которым сгорбился, несомненно, сам господин Редактор. Он что-то писал — стол освещался зажатым в штативе фонариком. Расточительство по меркам даже сытой эпохи — комплект батареек стоил двенадцать литров бензина. Включать фонарик, когда снаружи светит солнце — та еще причуда.

— Заходи, Голос, заходи. Бриджит, распахни борт настежь. Думаю, наш друг не привык к нашей мрачной обстановке.

В рефрижератор хлынул свет. Семен прошел вглубь, к столику. На первый взгляд сесть было некуда. На полу валялось много бумаги — с текстами и без. Стараясь не наступать на белые листы, будто засветившиеся теперь в свете солнца, он подошел вплотную к Редактору.

— Сейчас я закончу, — сказал тот скрипучим голосом. Он писал шариковой ручкой — что тоже было признаком огромного богатства. Даже зажиточные люди стремились писать карандашами — чтобы можно было стереть написанное и использовать бумагу повторно.

Редактор всего на год старше Семена, какое-то время они учились вместе, но уже вел себя, да и выглядел — будто старая колымага с дряхлой подвеской. Он хорошо скрывался за своими толстенными линзами. Семен считал себя проницательным человеком, но крайне

редко видел под панцирем “Редактора” живого человека по имени Влад.

Семен смотрел, как тот пишет, выводя пляшущие, неровные — скособоченные — буквы. От диссонанса запахов слегка кружилась голова, а еще почему-то раздражал скрип ручки по бумаге.

Редактор прекратил писать минуты через три, положил ручку, отодвинул бумагу подальше и выпрямился — насколько это было для него возможно — на стуле.

— Прости, Голос, не хотел обрывать мысль — второй раз так уже бы не написал… — он проследил взгляд Семена до бумаг и пояснил:

— Загваздину пишу. Я ему много пишу — предлагаю кое-какие реформы, даже готов спонсировать частично. И догадайся что?

— Никакого ответа, — Семен прекрасно знал, что полицейский слегка подзабросил свою обязанность обрабатывать обращения граждан. По всей видимости, даже советников.

— Да! — энергично подтвердил Редактор, встал, отодвинул стул и — совершенно неожиданно, Семен даже отступил на шаг — сел на устланный бумагой пол. А затем глазами пригласил Семена сесть тоже. Голос неохотно опустился сначала на карточки, а потом все же приземлил свою задницу на холодное дно рефрижератора.

— Эпоха Шашлычной кончилась, — сказал Редактор и улыбнулся — даже улыбка была у него странно асимметричной, — что ты об этом думаешь?

Это что — интервью? Семен почувствовал что-то вроде укола ревности. Задавать вопросы — это его монополия в Пробке.

— Эпоха еще не кончилась, — не скрывая недовольства ответил он.

Редактор махнул рукой.

— Дело одного Продвижения, — он наклонил голову и внимательно оглядел лицо Семена, — я вижу тебе некомфортно находится в роли респондента, — Редактор похихикал, — добро пожаловать в клуб неловкости. Теперь ты знаешь, что чувствуют люди, когда ты пристаешь к ним с расспросами.

Ошибаешься, подумал Семен мрачно, большинство людей только и рады бы что-нибудь рассказать — многих так прорывает, что и слова не вставишь. К чему это все?

— Вообще я хотел просто поговорить, — мягко продолжил Редактор, — обо всем. Ты — самый умный человек в Пробке… не отрицай! Во всяком случае, здесь, на нашем участке. Я готов за это ручаться. Вот и скажи мне — что нас ждет?

Семен вздохнул. Он знал множество людей умнее себя. Взять ту же Пыль. Или Раису. Пропавший Хоботов. Сам Редактор. Да даже Олаф был умнее — изобретательнее, гибче, ловчее, не говоря уже о накопленных знаниях о Пробке. Возможно, они гораздо лучше смогли бы ответить на этот вопрос. Семен бы с удовольствием спросил бы их об этом.

— Возможно, нас ждут голодные времена — если верить тому, что происходит впереди, на участке Лемана и дальше. Так как мы к этому должным образом не подготовились… будет довольно сложно.

Редактор покивал.

— Ты сейчас постоянно ходишь за полицейским — и что он делает? Он печется о жителях Пробки? Он думает, что они все будут есть уже в ближайшие Продвижения? Думает о том, что люди сейчас залезут в долги лишь бы сохранить тот уровень жизни, к которому привыкли?

— У Андрея достаточно людей, которые должны об этом заботиться — социальные службы, банк… его помощники, в конце концов.

Редактор отрицательно покачал головой.

— Что-то не очень они стараются, — его голос переполнился через край презрением, — но мы говорим не о них. Что думает — и делает — сам Загваздин?

— Он занят расследованием, — Семен вздохнул. Ему нет никакого смысла защищать Загваздина и его дела — но он к собственному удивлению стал оправдываться и оправдывать, — у нас тут вообще-то человека убили, ты в курсе? Он печется о нашей безопасности…

— Да-да-да, — язвительно перебил его Редактор, — о безопасности. Небось уже автомобили с вышками придумал, патрули вдоль Обочины, — Влад фыркнул с отвращением, — а он плотно сел тебе на голову, да?

— К чему этот разговор? — Семен не скрывал гнева.

Редактор тут же сдал назад:

— Я не наезжаю на тебя, Голос, ни в коем случае, — он даже поднял руки, показывая ладони, — просто мне кажется, что пора признать кое-что очевидное — Загваздин не справляется.

— А кто справляется? — спросил Семен. — Каждый из нас делает свою работу настолько хорошо, насколько может.

— О да, — кивнул Редактор, — и Андрей Загваздин пашет за троих. Как пятилитровый движок. И даже, наверное, думает, что на благо Пробки. Только вот уверена ли сегодня сама Пробка, что дела полицейского — это то благо, что ей нужно? Ты Голос Пробки. Ты можешь на это ответить.

— Я бы не заходил так далеко, — мрачно отозвался Семен, пытаясь понять, зачем он вообще здесь сидит и все это слушает, — Загваздин, конечно, сейчас слегка не в себе. Но я думаю, кризис вскоре минует, как только он разберется с этими убийствами и исчезновениями…

— Если кто-то вообще исчезал, — заметил Редактор и улыбнулся с таким довольным видом, словно только что удвоил свое состояние, — полицейский запретил тебе лезть в это дело, не так ли?

Семен удивился. И промолчал.

— Тебе не кажется, что полицейский довольно хорошо осведомлен о том, что на самом деле произошло с Артемом и просто водит всех за нос, делая вид, что страшно занят расследованием? Очень удобно расследовать преступление, в котором сам замешан.

— И убил тоже сам, да? — с гневом спросил Семен.

— Этого я не говорил, — заметил Редактор, — но возможно Загваздин просто воспользовался случаем. Слушай, я, если честно, не понимаю, зачем ты его защищаешь. Ты же прекрасно видишь, куда он ведет нас.

— Но я не вижу к чему ведет этот разговор.

— К тому, что нам нужен новый полицейский, — Редактор сказал это просто и буднично, как будто говорил о замене масла в коробке передач, — молодой и перспективный. Загваздин морально устарел. И, скорее всего, давно повязан с криминалом. Он совсем не готов к миру без Шашлычной — законсервировался в прошлом, думал, что всю жизнь можно закармливать людей шашлыком, и они не будут особо ни во что встревать. Интересоваться, почему это книги запрещены, товары надо доставать через черный рынок, с Антимиром не

пообщаешься. Все его взбрыки направлены на сохранение того порядка, к которому он привык. Но это гибельная мысль. Пробка движется вперед — в этом вся ее суть. Движение вперед и попытки оставить все как есть — плохо сочетаются друг с другом. Мы должны быть такими же подвижными, как наш дом.

Редактора понесло — глаза загорелись дальним светом, на лбу выступил пот, ноги мелко сучили по полу, сминая бумагу. Ему нравилось, что он говорил и, главное, как он говорил. Семен с немалым удивлением понял, что Редактор старается копировать его собственную манеру речи. С неприязнью он представил, как Влад сидит в своем непроницаемом внедорожнике, включив радио — и старательно повторяет за Голосом, стараясь копировать интонации, темп и настроение.

— Загваздин уже 9 лет и тысячу Продвижений как полицейский, — сказал Семен. — Не вижу никакого смысла его менять сейчас.

— Что ж… у тебя есть время обдумать это, — Редактор улыбнулся, выходя из транса, — просто поразмышляй.

Семен наконец вспомнил зачем он здесь. Совсем не потому, что хотел послушать тайные мечты Редактора о свержении власти полицейского.

— Ты говорил, что у тебя есть информация о Хоботове.

Редактор покачал головой.

— Нет, я говорил, что хочу это обсудить. И мы как раз это и обсуждаем, удивлен, что ты не понял. Загваздин явно нервничает из-за того, что глава Банка пропал. И не потому что он реально беспокоится о судьбе своего советника — он нас всех ненавидит, кроме своего подпевалы Пита. Просто он явно не хочет, чтобы какие-то банковские дела вылезли наружу. Я почти уверен в этом.

— Ну, даже если это и так, — на самом деле Семен напрягся, так как вспомнил, что Раиса обнаружила дыру в бюджете и, кажется, была совсем не рада, что Голос тоже об этом узнал, — то ничего мы не узнаем. Он поставил Юлию, а та горой за полицейского с детства. Как бы странно это…

Семен оборвал себя, вспомнив утренний разговор с отцом. Действительно, с точки зрения Пробки, Юлия совсем не годится на роль главы Банка. Но если Загваздину важно что-то скрыть, то она — идеальный кандидат.

— Да, — кивнул Редактор. — Тут ты полностью прав. Поэтому мне нужна твоя помощь на Совете Пробки.

Семен поднял брови.

— Любой назначенный полицейским и. о. должен сняться с должности после четвертого Продвижения, — пояснил Редактор, — но для этого нужно признать Артема Хоботова пропавшим без вести… или мертвым. Тогда можно назначить избранного Советом кандидата.

— И это снова будет Юлия, — подытожил Семен.

— Нет, — Редактор покачал головой. — Нас теперь четное количество в Совете. Сам Загваздин и Хмурый Пит, конечно, будут за Юлию. Но я — нет. Исидора склонить на свою сторону ничего не стоит. Тогда будет паритет… и тут вступаешь ты.

— Это сейчас лоббирование, — ответил Семен.

— Почему же? Я ведь не прошу тебя голосовать так, как я хочу. Голосуй за того, кого хочешь. Я просто предупреждаю, что тебе придется делать этот выбор.

Хитрец. Конечно, Редактор прекрасно понимает, что Семен никогда не проголосует за Юлию — хотя бы исходя из здравого смысла.

— Да уж, спасибо, — мрачно ответил Семен.

Редактор кивнул, улыбаясь.

— Не смею тебя больше задерживать, — сказал он, — до встречи на Совете. И жди записок!

Еще чего не хватало, подумал Семен. Он нехотя пожал благодарно протянутую крючковатую руку.

Он попрощался с Бриджит и спрыгнул на асфальт. Яркий свет хлынул в глаза — даже потекли слезы, а воздух оказался таким свежим, что Семен невольно вздохнул полной грудью, прежде чем отправиться дальше.

Ч1. Глава 2-4

4

Вдова Сергея Темерова уже, судя по всему, оправилась от пережитого горя. Она лихо управлялась на общественной кухне напротив своего нового дома — автобуса-общежития недалеко от передней границы участка. И даже напевала что-то себе под нос из репертуара той музыки, что крутит Сашка по радио.

Семен пришел не из долга и не из чувства поддержки. Ему нужно было показать, что он занимается своей обычной работой, чтобы до поры не вызывать слухов, что Голос что-то почти ничего нового не рассказывает, наверное готовит что-то большое.

Загваздин, насколько он знал, общался с Ольгой Темеровой уже дважды.

В автобусе-кухне было жарко, душно и сильно пахло — далеко не так призывно и сочно, как у Гиви, и, что самое интересное, не так как в той кухне, где работала его мать — потому что там пахло свежим тестом. И детством. Тут же Семен разгадал тушенку — скорее всего, та самая, что они рекламируют, и макароны.

— Ольга? — позвал он. Полная вдова резво обернулась с поварешкой наперевес — будто собиралась защищаться.

— А, это вы, Голос, — она опустила поварешку и повернулась обратно к чадящей кастрюле. — Напугали меня.

— Боитесь кого-то? — осторожно поинтересовался Семен, увидел в углу сидение с полуоторванной спинкой и сел туда — так он не мешал процессу готовки.

— Кого мне боятся? — ответила вдова, опуская поварешку в кастрюлю. — Я уже свое отбоялась.

— Я не хотел вас тревожить… раньше. Но, думаю, вы понимаете, какие вопросы я буду задавать сейчас.

— Про моего мужа, — помешивая варево заявила Ольга, — конечно. Спрашивайте, я не против.

— Не совсем, — поправил Семен, — я хочу узнать о вас, о ваших чувствах и состоянии. Понимаете, все эти допросы — никто ведь не поинтересовался, что чувствуете лично вы.

Поварешка замерла на секунду.

— Ох, это правда, — сообщила Ольга, — конечно, мне все очень сочувствовали и помогали — спасибо всем огромное… Но по душам я ни с кем не говорила. Наверное, поговорить по душам с Голосом — это лучше всего.

— Я к вашим услугам, — Семен положил диктофон на полочку рядом с собой, — как вы себя чувствуете?

— Хорошо, — быстро ответила вдова, — теперь — хорошо. Работа отвлекает, соседи помогают по быту… Ваше радио, Голос, напоминало мне о муже каждый день — не хотела я вас слушать, извините, конечно, но не скажешь же выключить — всем интересно…

— Друзья вашего мужа приходили выразить вам соболезнования?

— Друзья? — удивилась Ольга. — Да не было у него никаких особых друзей… с работы, конечно, приходили. Даже давали бензину — на первое время освоиться.

— То есть вы чувствуете поддержку Пробки? Что все готовы помочь вам?

— Даже не знаю, — Ольга переместилась в другую часть кухни и принялась греметь там посудой — запись на диктофоне в этом месте будет ужасной, — ну, конечно, многие помогали, как без этого. Утешали, предлагали помощь, но знаете, Голос… И отводили взгляды тоже. Будто боялись меня.

Она вернулась с дуршлагом, поставила его в раковину и лихо перевернула туда кастрюлю с макаронами.

— Боялись?

— Ну да, как будто я беду им принесу, — вдова махнула рукой через плечо, — сейчас уже, конечно, прошло все.

Они боялись насильственной смерти, подумал Семен. Такого не бывало очень долго. Она напоминает об этом. Напоминает, что это действительно произошло. Они смотрят на нее и вспоминают истину — хотя она им не нужна, потому что страшна. Не потому ли я так долго собирался на это интервью, вдруг спросил он у себя.

— Как изменилась ваша жизнь? — спросил Семен. — Вы изменили свое отношение к миру, к окружающим?

— Не совсем понимаю вас, Голос, — ответила вдова, как будто даже с неудовольствием. — Конечно, мне приходится жить в общежитии — я со школьных времен так не жила, отвыкла… В

страшном шоке была, когда полицейский мне сообщил, что машину придется того… вместе с мужем. Мало мне одного горя!

— Вы же понимаете, закон, — ответил Семен.

— Закон! — выпалила Ольга. — Для кого он такой? Кому это хорошо — что машину в кювет скатывают? Людям?

Она не стала ждать ответа.

— Вы понимаете, Сережа и не думал об оформлении доверенности. Ведь тогда придется платить налог за меня. Он-то льготный из-за ранения был…, а еще считал себя чуть ли не бессмертным. Не могла я его понять. Думала, это все от того, что он уже рубеж перешел старческий. Я же на девять лет его моложе.

Семен сочувственно покивал.

— И все же — как вы сейчас ощущаете жизнь? Что изменилось?

— Времени вдруг много стало, — отозвалась вдова, — лежу иногда вечером, тошно — не могу. Соседи кругом шебуршат, шепчутся… и вдруг такая меня злость на них гложить начинает… Ой, вы только этого не рассказывайте по радио.

— Наверное, это просто с непривычки — новые условия…

— Может быть, но дело не в этом… они живут — ну просто живут. А я лежу и думаю — а мне как жить? Я проснулась — а у меня рядом мертвый муж. Вот и скажите мне, Голос, как после этого люди живут?

Семен развел руками.

— Я не знаю, — сказал он, — потому ваш опыт и бесценен. Поэтому я здесь.

— У всех кто-то умирает, — вдова вытерла руки тряпкой и облокотилась на стол полными локтями. Свет из замызганного окна падал на вздернутый нос на слегка вздутом широком лице.

— Но обычно, когда теряют, об этом знают — человек или долго болеет, или совсем старый…

— Вот и вы туда же… Кто-то мне уже говорил такое, Город его забери! «Это так неожиданно, такой шок». А я сижу сама и думаю — вот говоришь ты мне это, а сам помрешь. И вы помрете Голос! Вы понимаете хоть это? Вот я поняла… Эти вот говорят, что, мол, Город впереди, там хорошо — так попробуй до него доживи!

Она встала и уперла руки в бока.

— Но хуже всего, что они уже забывают. Вы заметили, Голос? Многие уже и не помнят, что Сережа умер! Одна мне тут заявляет: да ты как будто уже всю жизнь с нами живешь, соседка! И улыбается! Добра мне хочет, конечно, но как меня вдруг злоба на нее обуяла… Хожу, будто одна все помню, а у остальных — память отшибло. Или притворяются, что отшибло.

— Вы же сами вначале сказали, что хотели бы забыть…

— Да, хотела бы. Может, потому и злюсь на них — они забыли, а я не могу.

Семен помолчал какое-то время. Вытер пот со лба.

— Скажите, Ольга, вы ждете, что убийцу найдут? Хотели бы узнать кто это? Посмотреть ему в глаза?

Голос ожидал, что вдова задумается. Будет искать ответ где-то в глубине себя, но она ответила сразу, будто много раз думала об этом.

— В глаза бы не смотрела, — сказала она. — Вообще не хотела бы видеть. Но хочется, чтобы полицейский его нашел. Чтобы он ответил! Знаете, Голос, я иногда просыпаюсь ночью. Думаю, что все еще сплю в нашей старой машине, просыпаюсь от страха, что сейчас дверь откроется и произойдет что-то ужасное. Но вокруг спят люди, занавески колышатся, духота…

Семен понимающе кивнул, хотя вдова на него не смотрела. Склонилась над плитой, смотрела в муть окна — кажется, она впервые кому-то об этом рассказывала.

— Не приведи Город кому-нибудь такое пережить, — сказала вдова после паузы. — Эх, Сережа-Сережа… кому ты дорогу перешел…

— Вас, наверное, уже спрашивал об этом Андрей, да? Мог ли ваш муж заиметь каких-то врагов?

— Спрашивал. Потом еще уточнял несколько раз, не вспомнила ли я. Но какие враги у бедного мусорщика! Последний раз вообще спрашивал не знал ли мой муж Артема Хоботова…, а кто его не знал, главу Банка-то?

А вот это уже интересно, подумал Семен. Раньше ему не приходило в голову попытаться связать убийство Темерова и исчезновение Главы банка. А вот Загваздину, видимо, пришло. Скорее всего, потому что он уже знает гораздо больше, чем Семен.

— Это правда. У нас сложно найти людей, которые хоть раз бы не общались между собой, — кивнул Голос, — но если не Артем, то ваш муж мог дружить с Валентином Пироговым, например.

— С Валей, да, — кивнула вдова, — Сережа был не самым общительным, но к Пироговым в гости мы наведывались, да они и после работы иногда по бутылочке распивали… Они потом приходили ко мне всей семьей, поддерживали, тоже переживали очень, Валя даже плакал.

Очень интересно, подумал Семен, надеясь, что он первый, кто узнал об этом. Загваздин мог и не догадаться спросить о соседях Артема.

— Все же вас окружают хорошие люди, Ольга. И у вашего мужа все же были друзья, как видите…

— Да, — вдова вдруг повернулась к Семену, — наверное, вы правы, Голос. И действительно. Как хорошо вы сказали…

И она улыбнулась — возможно, впервые за долгое время.

Не зря живу, подумал Семен. На этой ноте хорошо было бы и закончить, но он хотел узнать еще кое-что.

— Может и с Олафом Новгородцевым вашего мужа связывала дружба?

— Это белобрысый такой? Не помню, чтобы муж близко с ним общался. Так, здоровались… Да куда там — Олаф молодой, что ему со стариком знакомства водить.

— Тоже верно, — кивнул Семен. — Что ж, Ольга, большое спасибо за откровенный рассказ! Давно у меня не было такого искреннего и красивого, хоть и печального, интервью.

Ч1. Глава 3-1

1

Странно было находиться в кабинете главы Банка и видеть там Юлию, курящую прямо на рабочем месте. Сидела, она впрочем, не за столом, а в водительском кресле и смахивала пепел за окно, нисколько не думая о том, что он летит прямо в лица прохожим.

— Значит, ты теперь кандидат в директора Банка, — сказал Семен, положив диктофон на стол.

— И кандидат, и де-факто директор, — ответила Юлия с нажимом на последнее.

— Ты удивилась назначению?

— Нет, — бывшая начальница охраны ответила не задумываясь, — все ведь очень логично.

— Объясни.

Юлия посмотрела на Семена, как на идиота. Она была из тех респондентов, что не умели отделять интервьюера и аудиторию, чьи вопросы он транслирует. А потому воспринимали любое требование пояснений как признак некомпетентности.

— Я изначально пришла в банк, целясь сюда. В этот кабинет. Никогда этого не скрывала. В этом кабинете работали мои мать и отец. Сам Загваздин за моим отцом тогда портфели таскал.

— Андрей Загваздин при твоем отце был начальником охраны, — кивнул Семен, — но не секретарем.

— О, ну тогда же были такие времена! — как будто она могла их помнить, будучи по сути младенцем. — Всем известно, что на бумаге Андрей был начальником охраны, а фактически — личным телохранителем папы.

Как нежно прозвучало слово “папа”. На секунду Семен увидел перед собой маленькую девочку в розовом платье, какой, наверное, Юлия когда-то была. Но морок быстро рассеялся, и снова — строгая форма, жестко стянутые в хвост волосы, остро проступающие скулы при каждой затяжке.

— В убийстве твоего отца тогда обвинили как раз Андрея.

— Но это же была клевета из-за политических игрищ.

— Безусловно, — согласился Семен. — И он стал большим другом семьи впоследствии

— Конечно, — Юлия кивнула, — я практически выросла на его руках. Глупо говорить, что он заменил мне отца, но вот классным любящим дядей он был для меня всегда. И остается.

— В связи с этим не кажется ли тебе, что его назначение тебя сюда — это эмоциональное, а не профессиональное решение?

Юлия затоптала бычок в откидную пепельницу.

— Я уже сказала — это логичное решение.

— Правильно ли я понимаю, что ты воспринимаешь этот кабинет как бы… своим наследием?

— Слишком много разных людей протирало тут штаны после мамы, так что так сказать нельзя.

— Но ты хотела бы, чтобы так было.

— Да, — на этот раз небольшая пауза перед ответом все же была.

— Ты не чувствуешь исторической преемственности в текущей ситуации?

Юлия посмотрела на него, подняв одну бровь.

— Я имею ввиду то, что история будто повторяется. Но теперь, вполне возможно, со счастливым исходом для твоей семьи. Когда после войны начался конфликт полицейского и Совета Пробки твой отец возглавлял Банк. А Андрей Загваздин, который теперь полицейский, был охранником этого Банка. Как ты сейчас.

— Уже нет.

— Да, конечно, — поправился Семен. Как же быстро она приросла к лакомой должности! — Твой отец тогда избирался в Совет Пробки и по всем параметрам должен был пройти. К сожалению, из-за убийства этого не произошло. Возможно, его убили по заказу Совета, так как он лоббировал бы интересы полицейского… то есть своего тестя и твоего дедушки.

— Возможно? — спросила Юлия. — Я думаю, там нет никаких “возможно”, все предельно ясно.

— Теперь ты претендуешь на место главы Банка, место своего отца. Сейчас более простая система и с получением должности ты автоматически войдешь в Совет. Тебе не кажется любопытным, что истории так похожи?

— Я планировала с детства повторить путь отца, но выжить и прожить жизнь до конца. И за себя и за него. Это не любопытно, потому что все так и должно быть.

Как она уверена в своей победе, подумал Семен. Полчаса назад он сидел в противоположной части автобуса и говорил с другим кандидатом — Раисой. Буквально пройти несколько шагов и вот конкурент. Но Юлия этого как будто не замечает, считая, что дело уже сделано.

— Что ж хорошо. Каково тогда следующее твое личное продвижение? Станешь полицейским, когда Загваздин уйдет на покой?

— За отцом повторила, повторить за дедом? — Юлия пожала плечами. — Не убей они отца, он, конечно, стал бы полицейским после деда. Сто процентов. Поэтому если и есть такая мысль, то не потому что это дедово наследие — или что ты там пытаешься мне приписать, — это все еще будет путь моего отца, который прохожу я.

Семен некоторое время сосредоточенно дышал, готовясь к последнему вопросу. Юлия могла легко вспылить и прогнать его. Но это был единственный настоящий вопрос. Ради которого вообще стоило с ней говорить.

— А как ты считаешь, — аккуратно начал он, — справишься ли ты с должностью? Я к тому, что обычно предполагается, что глава Банка все же обладает знаниями экономики… учился этому.

Скулы заострились, взгляд дернулся. Да, несомненно ее задел вопрос. Но выдержка у охранницы была хорошей.

— Я давно здесь работаю, — ответила она с ледяной любезностью, — и прекрасно понимаю, что человеку со стороны может быть неведомо… Но все же главные качества главы Банка — это умение управлять и направлять. Людей, умеющих считать и строить графики тут целый автобус. Главное — делать так, чтобы они занимались своей работой.

Семен кивнул и выключил диктофон.

— Будет отличное завершение речи, — сказал он, вставая.

Юлия не смотрела в его сторону, а смотрела в окно.

— Что ты хотел сказать своим последним вопросом? — спросила она.

— Это обычный вопрос, — вообще Семен хотел быстренько выйти и избежать разговора, но теперь, видимо, придется как-то

парировать.

— То есть Раисе ты его тоже задавал?

Нет, такой вопрос в том интервью не звучал. У Семена даже не возникло идеи его задать. Потому что Раиса была на своем месте и знала то, чем она занимается.

— Конечно, — соврал Семен.

— А мне показалось, Голос, что ты хотел сказать, что я туповата для этой работы.

— Ты, конечно, можешь выдумывать, что угодно, — Семен пожал плечами, — но я просто задал вопрос.

— Ясно.

Семен немного подождал продолжения, а затем попрощался и вышел.

Загваздин согласился признать официально, что Хоботов пропал без вести и теперь Совет выберет нового главу Банка. Заявок на участие было подано много, но понятное дело, что два основных кандидата сейчас и сидят в автобусе Банка, в противоположных его концах.

Самое интересное произошло за несколько дней до этого на очередном Совете Пробки. Редактор и полицейский устроили настоящее противостояние. Впервые за много лет, что Загваздин удерживает полосатый жезл, кто-то из советников выступил кардинально против его воли.

— Тут нечего и обсуждать, — очень спокойно говорил Редактор, — человека нет много дней. Он не подавал заявление на отпуск. У него был ровно один день отгула. Но после него Артем не вышел на работу. Все очевидно.

— Это все равно, что похоронить живого, — возразил Загваздин. — прямо сейчас Эдик и Петр опрашивают людей в соседних участках… я уверен, ситуация прояснится в ближайшее время. Не нужно разводить панику.

— Это не паника, а здравый смысл! И дело ведь не в самом Хоботове, а в том, что от тебя, от полицейского до сих пор нет никакой реакции на это. Нормальной реакции. Вместо официальной позиции люди начинают выдумывать всякие слухи, а они как пожар летят по Пробке.

— Я не раз говорил, что ведется вся необходимая работа, чтобы разобраться в ситуации…

— Это не ответ! — Редактор хлопнул по столу ладонью. — Чем дольше ты тянешь, тем больше недоверия вызываешь у окружающих. Не хватало нам еще, чтобы на излете Эпохи пошатнулись позиции полицейского.

Это подействовало. По Загваздину было видно, что он явно об этом не думал. А еще — что он страшно боится потерять свои позиции.

— Я скажу так… — начал было Хмурый Пит тяжелым голосом, видя, что полицейский молчит, но тут же заткнулся, так как Загваздин остановил его жестом.

— Хорошо, — сказал Андрей. — Официально. Глава Банка Пробки, советник вверенного мне участка Артем Хоботов пропал без вести шесть дней или два Продвижения назад. Голос, пусть это будет в вечернем и утреннем эфире. Заявки может подавать любой житель нашего отрезка. Совет изберет нового директора Банка на заседании по факту второго Продвижения начиная с текущего момента.

На памяти Семена главы Банков менялись множество раз, в отличие от полицейских. В эпоху Кожаных курток нахождение на этой должности фактически гарантировало раннюю насильственную смерть.

Отец Юлии пришел на должность вскоре после войны, еще до рождения дочери, сменив умершего от гангрены предшественника. Сразу после этого он женился на дочери тогдашнего полицейского, героя войны.

Через год у главы Банка рождается дочь. А еще через два года его убивают. Скорее всего — из-за разборок полицейского и тогдашнего Совета Пробки. Тесть голословно обвиняет в убийстве молодого начальника охраны Андрея Загваздина и тот вынужден перебежать под попечительство Совета, где его делают секретарем.

Совету удается пропихнуть на должность директора Банка своего человека. Но он продержался еще меньше предшественника. Меньше чем через год Совет отказывается принять поправки в ПДД, расширяющие полномочия полицейского. Дед Юлии попросту распускает Совет.

Но те разумеется не расходятся. Полицейский объявляет о восстании и вскоре ему на подмогу приходят с соседних участков. Автобус, где заседали остатки Совета, те, кто не разошелся после роспуска, по факту осадили. Чтобы выкурить людей — стреляют по окнам. Погибает один человек, остальные сдаются и с этого момента Совета не существует. Глава Банка, как и остальные советники попадает под трибунал и садится в тюрьму.

Дальше директора Банка сменяются так часто, что Семен даже не помнит сколько их было. Их убивали, калечили, выкидывали за Обочину. Некоторые накладывали на себя руки, страшась жестокой расправы. Одно время было популярно вывести выхлопные газы в салон автомобиля и законопатить двери. Народ находил в смертях финансистов от сожженного бензина глубокую символичность.

Апофеозом Эпохи стало убийство полицейского. Мать Юлии, потерявшая за короткое время отца и мужа, берет дела в свои руки.

За последующие три года она превращается в крупного бизнесмена, повязанного со всем криминальным миром той эпохи. Новый шестидесятипятилетний полицейский старается просто не замечать ее дела.

А потом у участка кончается бензин. Не весь, конечно, только цистерна Банка. Не остается ни бюджетных средств, ни вкладов. Глава Банка умирает от сердечного приступа. Официально. Мать Юлии становится новым директором.

Удивительно, но за время ее работы отрезок выбирается из кризиса — несмотря на нищету, войну главарей на черном рынке и вялого полицейского, не желающего справляться с ситуацией. После полного паралича наступает будто бы весна — преддверие Эпохи Шашлычной. Долгие пять лет к удивлению всех глава Банка не меняется.

Пока ее не душит любовник.

Юлия остаётся сиротой и ее забирают в приют на другом участке. Через год начнется Эпоха Шашлычной.

Ч1. Глава 3-2

2

— …и если кто-то располагает какими-то сведениями — обращайтесь непосредственно к полицейскому.

Эфир кончился, и Семен устало стянул наушники — хотя это был первый за день. Постоянное упоминание о пропаже Хоботова выпивало из него все силы.

— Мне нужен перерыв, — пробормотал Семен, откинувшись на спинку кресла и закрыв глаза.

— Сходи проветрись, — предложил Сашка.

— Перерыв на недельку, — пояснил Семен. — Иногда мне кажется, что Загваздин просто пудрит мне мозги и несет околесицу. По-моему, он уже не собирается заниматься ни убийством, ни пропажей…

Семен замолчал, потому что в дверь минивэна постучали. Он развернулся и откатил ее в сторону.

— Голос, пойдем, — это был Высокий — недовольный и запыхавшийся.

— Что случилось? — спросил Семен, вылезая.

— Надо идти в Шашлычную. Пойдем.

— Ты бежал что ли оттуда?

— Вроде того, — Высокий вытер пот со лба.

— Так а что случилось-то?

— Давай я лучше по дороге расскажу.

Семен вздохнул и обернулся к Сашке.

— Если не вернусь к эфиру — врубай ту запись, что сделали утром.

Тот кивнул.

Пошли к Шашлычной. У Высокого, кажется, кололо в боку, но он старался идти быстро.

— Гиви заартачился, — сказал он, — говорит, не позволю без независимых людей. Заставил тебя притащить и этого Гросса.

— Полицейского? Что там случилось?

— Да ничего не случилось, — Высокий шумно вдыхал после каждой фразы. — Мы ищем Хоботова. Ну, который того… Но Гиви почему-то уперся, не хочет, чтобы мы у него шарили. Попросил свидетелей. Андрей сначала завелся, они даже ругаться начали, но потом сказал — хочешь Голоса приведу? Гиви согласился. А потом говорит — и Гросса зови. Пусть новый полицейский тоже присутствует. Ну, это он для него новый.

Получается молодчики Загваздина завалились в Шашлычную и, видимо, внаглую потребовали, чтобы Гиви пустил их пошарить в его владениях. Голосу даже понравилась его реакция — все бы так отстаивали свое приватное пространство!

С другой стороны — человек пропал. Можно было бы и проявить скромность и помочь следствию.

— Не люблю я этого Гросса. Всегда такой чистенький, ровненький, — сказал вдруг Высокий.

— Да? Я как-то с ним не сталкивался.

— Увидишь.

Семен смотрел в потный затылок и пытался догадаться, что там, в небольшой голове на неестественно большой шее, творится. На самом деле Высокого звали Петром, и с точки зрения Загваздина он был вполне способным помощником. В руках Андрея он словно коробка передач — послушно переключается с задачи на задачу и выполняет их, даже если не слишком понимает сути того, что и ради чего делает. Хороший исполнитель. Даже пробежался, чтобы побыстрее Голоса доставить к месту действия, надо же.

У Шашлычной собрались зеваки. Их было немного — все же большинство людей сейчас работало, однако Высокому пришлось вежливыми, но властными движениями рук, разводить толпу, чтобы они с Голосом могли пройти.

Низкий держал оборону у входа. Он стоял, прислонившись к стене и как бы обозначал присутствие власти.

— Погоди здесь, — сказал Петр и прошел внутрь.

Семен остановился и поздоровался с Низким. Этого звали Эдик. Уродился он крепким и плечистым, но — весьма ленивым. В отличие от Высокого КПД у него был такой же как и прозвище, однако Загваздина он устраивал — скорее всего, просто потому что полицейский привык и доверяет.

— Как там? — спросил Семен, кивнув на дверь.

Низкий приподнял плечо, показывая, что ничего толком не знает.

— Гросс пришел?

— Пришел. И часть этой толпы за ним приволоклась.

Семен оглянулся на народ. Да, действительно, множество незнакомых лиц. Голос особенно остро ощутил, что Эпоха Шашлычной закончилась.

Семен собирался поделится ощущением с Низким, но тут заметил у того под плечом листовку.

В принципе многие, кто мог это себе позволить, крепили листовки на стене и даже дверях Шашлычной. Это было выгодное место для рекламы. Гиви этому не препятствовал, но периодически все его семейство выходило драить фасад и все срывала, независимо оттого вчера была наклеена реклама или пять Продвижений назад.

Однако в этой листовке не было рекламы. Там был призыв. “К Городу — пешком! Какой смысл всю жизнь быть прикованным к автомобилю и так ничего и не увидеть? Живи по-настоящему!”

— Дай-ка взглянуть, — попросил Семен. Низкий подвинулся и обернулся на плакат.

— Да, — сказал он, — тоже обратил внимание. Хорошо Андрей не заметил, а то мигом бы заставил это отдирать…

— А что такого-то?

— Да где это видано — призывать людей бросать машины?

Семен попытался вспомнить какой-нибудь пункт ПДД, где бы это запрещалось, но не припомнил. Он не успел ничего сказать Эдику, так как дверь открылась и Высокий позвал Семена внутрь.

За стойкой, против обыкновения, стояла Мерида, дочь Гиви. Хозяина тоже было слышно — из-за двери за прилавком. Говорил он довольно громко и эмоционально про недоверие человеку, который всю Пробку, знаете ли, кормит.

Вслед за Высоким Семен впервые жизни зашел за прилавок и оказался в доселе недоступном и почти священном месте.

Гиви, Загваздин и Гросс были на кухне. Гиви нервно ходил туда-сюда, но когда увидел Голоса, резко пошел к нему, схватил руку и принялся трясти.

— Вот теперь я спокоен буду! — восклицал он. — Голос всегда только правду будет говорить, никто не сможет меня оболгать, пока он

здесь.

Семену было лестно такое слышать, хотя он совсем и не был уверен, что готов к обозначенной миссии.

Андрей в стороне вполголоса говорил, видимо, с Гроссом — лысым стройным мужчиной с приятными чертами лица. Он был моложе Андрея лет на пять-семь и выглядел куда энергичнее.

Кухня освещалась яркими плафонами на потолке, у стены тарахтели белые, тяжеленные на вид ящики. По другим стенами стояли и висели тумбы, заваленные и заставленные ножами, тарелками, разделочными досками и еще множеством кухонных приспособлений. А по центру стояли варочные плиты, но гораздо больше, чем в кухнях-автобусах.

— Не работают, — с сожалением произнес Гиви, проследив взгляд Семена, — сломались очень редкие запчасти. Так бы я не только шашлык делал, а столько всего… Вот боюсь, морозильники сломаются, — Гиви похлопал по одному из белых шумных ящиков, — тогда придется закрываться и топать к вам, играть в эти Продвижения.

В голосе Гиви слышалась ирония — конечно, никуда он не собирался и был уверен, что все со временем починит.

Полицейские наконец-то закончили разговаривать и Гросс с улыбкой направился к Голосу.

— Голос, я полагаю? — спросил он. — Наслышан и очень рад познакомиться.

— Я тоже, — ответил Семен, — давно хотел посмотреть на работу полицейского с другого участка.

— Свой старик наскучил, а? — засмеялся Гросс, обернувшись на Андрея. Тот улыбнулся краем рта, но по всей видимости веселья не разделил.

— Теперь мы можем осмотреться? — спросил он у хозяина.

— Вперед, — кивнул тот, — только в хлеве потише, скотину не потревожьте.

Высокого отправили наружу, в помощь Низкому. А сами вчетвером двинулись по коридору вглубь здания, проверяя комнаты за каждой дверью.

Прошли генератор — он работал на всю мощь, неистово пах сгораемым бензином, труба выхлопа выходила за окно.. По углам стояли канистры — целые штабеля канистр бензина. Следующим

пунктом программы был склад, но туда они войти не смогли — он был занят большими цилиндрическими бочками, которые, надо думать, тоже были полны бензина. Пространство над бочками и между бочками было забито канистрами.

— Богатый вы человек, однако, — заметил Гросс.

— Тут пустых много, — скромно ответил Гиви. Семену показалось, что он нервничает.

На очереди стояли личные покои семьи — и тут Загваздин несколько замялся, но все же толкнул дверь и вошел.

Семен несомненно читал про кровати и про платяные шкафы — в бардачках старых машин чего только не валялось, в том числе старые, разбухшие мебельные каталоги. Вот только он всегда думал, что их ставят в личные автобусы или другие большие авто, но никак не в отдельную комнату стационарного жилья.

А еще тут был шкаф, полный книг. Это были рецепты — первые блюда, вторые блюда, “Гастрономическая энциклопедия”, “Практические основы кулинарного искусства”, “Книга о вкусной и здоровой пище” и многое другое.

Почти вся старинная печатная продукция в Пробке была запрещена — как утверждалось в ПДД из-за повышенной пожароопасности, но толки ходили разные.

— А скажите мне, Гиви, — спросил Загваздин, оглядывая книжный шкаф, — не даете ли вы почитать книги кому-то с моего участка?

— Я знаю, что это нельзя, — буркнул Гиви с порога, но не слишком твердо. Скорее всего, он, конечно, одалживал их — ведь хочется и жителям Пробки научится готовить что-то новое в своих автобусах-кухнях.

Оставалось последнее место — хлев. Они покинули спальню и прошли за Гиви в заднюю дверь. И оказались под открытым небом. Немир был так близко, что Семен невольно на секунду замешкался в проеме. Затем он увидел человека, стоящего прямо на земле Немира. Это была, несомненно, Татия, жена Гиви. Она стояла во взрытой земле, утопая в ней в высоких резиновых сапогах, и гладила потустороннее исчадие, источник шашлычка — розовую, измазанную в ядовитой земле свинью. Когда вошли мужчины она обернулась и помахала рукой, вежливо улыбаясь.

Семен знал, что резиновые сапоги позволяют людям какое-то время находиться в Немире, но смотреть все равно было непривычно, как на двигатель, потребляющий дым и льющий из выхлопной трубы чистый бензин.

Дальше, вглубь загона еще десятки свиней бродили по земле Немира, рыли ее носом и с любопытством похрюкивали, поглядывая на людей. Пахло ужасно, оставалось только удивляться, как этот запах не накрывал всю Пробку.

— Ну, полагаю вашего пропавшего здесь точно быть не может, — отметил Гросс.

— Или быть не может сейчас, — хмуро ответил Загваздин, принимая поражение. — Я где-то читал про свиней, что это идеальные утилизаторы трупов…

— Эй, что такое говоришь! — тут же взвился Гиви.

— Да я это так, рассуждаю, — быстро ответил Андрей, — извините. Я не хотел ничего такого сказать.

Татия приближалась к ним, ступая с трудом — податливая почва проваливалась под ногами и сапоги уходили глубоко.

— Здравствуйте, Татия, — вежливо сказал Семен, боясь, впрочем, приблизиться и держась у стеночки.

— Голос, как приятно вас видеть! — жизнерадостно отозвалась женщина. — Вы тоже играете в полицейского?

— В понятого, — ответил Загваздин.

— Семен здесь, чтобы не оболгали нас, — одновременно с ним сообщил Гиви.

Татия явно не разделяла паранойи мужа, но улыбнулась Семену с благодарностью.

— Что ж, как будто мы тут закончили, — признал Загваздин.

— Андрей, не могли бы вы мне объяснить одну вещь, — вдруг понизив голос заговорил Гросс, — зачем главе вашего Банка прятаться и убегать? Даже если бы он почему-то находился здесь, во владениях Гиви, зачем ему скрываться от нас? Или он похитил какие-то средства?

— Нет, ничего такого, — тут же ответил Загваздин, — просто я…

Он не закончил, что удивило Семена — и Гросса тоже, так как он отчетливо хмыкнул.

— Кое-что еще, — добавил он, — я смотрю на вас, госпожа Татия, и вижу специальную обувь. Это удобно и, как можно судить, безопасно

для нахождения в Немире. Обратите внимание на этих животных, — он кивнул на свиней, которые беспечно бродили по огороженному куску Немира, тыкались пятаками в землю, почесывали жирные бока о ржавые крылья автомобилей и негромко похрюкивали.

— На их ногах так называемые копыта, — продолжал Гросс, — крайне прочная обувь естественного происхождения. Твердые, мощные и надежно скрывают пальцы животного. Возможно, именно это позволяет им легко выживать в Немире.

Семен бы поспорил с этим. Свиньи явно рыли землю своими рылами, судя по грязным бокам — валялись на ней, хотя и не были покрыты броней. Они могли жить в Немире, потому что были его частью, а не из-за чудо-копыт. Но к чему этот внезапный переход на свиней?

— Я бы на вашем месте, Загваздин, подумал о том, что главы вашего Банка нет в Пробке.

Загваздин смотрел на копыта.

— Да, — сказал он как бы из глубокой задумчивости, — нет в Пробке… Впрочем, что за странное предположение! Не менее странное, чем то, что эти свиньи избавились от трупа моего банкира простым и эффективным…

Он замолчал, увидев вновь распаляющегося хозяина.

— Мы здесь закончили, — сказал он. — Гиви, большое спасибо за терпение и гостеприимство. Надеюсь, такое больше не понадобится.

Все стали расшаркиваться и говорить друг другу любезности, Семен тоже что-то говорил, жал руки, но на самом деле его полностью поглотила фраза Гросса — “нет на территории участка, и, возможно, вообще Пробки”.

Когда они покинули Шашлычную через привычный выход выяснилось, что толпа уже рассосалась — должно быть, тут было довольно скучно. Загваздин быстро зашагал прочь и Высокий с Низким подорвались за ним. Гросс же не спешил. Он достал сигарету и предложил ее Семену.

— Не курю, — ответил Семен, — голос надо беречь.

— А! — Гросс покивал. — Я должен был догадаться. Буду ждать выпуска с собой, — он протянул руку, Семен пожал и попрощался.

* * *

Семен внял совету Сашки и после официальных интервью с Раисой и Юлией как основными кандидатами на почетную должность, решил еще раз посетить обоих на следующий день, перед непосредственным голосованием на очередном Совете.

Помимо любопытства, им двигало еще одно чувство — он хотел заняться чем-то, что отвлечет его от недавних слов Редактора, что выбирать главу Банка по сути придется самому Семену.

Впрочем, ничего интересного ни та, ни другая не рассказали. Юлия вела себя высокомерно и высказывала предположения вроде того, что Хоботов сбежал с любовницей, возможно, зачерпнув из бюджета. Раиса же, кажется, больше переживала из-за кучи дел, что на нее свалилась, чем о предстоящих выборах. Несмотря на то, что и. о. директора была Юлия, Раиса продолжала тащить большую часть обязанностей Артема. Про своего пропавшего начальника она сказала только то, что тот перед отгулом отменял все встречи, и вообще не хотел показываться на глаза людям. Но он последнее время всегда был нервным.

Что, в принципе, могло о чем-то говорить.

А еще Семен понял, что Редактор прав — он никогда не проголосует за Юлию. Даже если полицейский будет очень выразительно на него смотреть.

К его удивлению, когда он вошел в автобус, все советники уже были на месте. Даже Пит, хотя до заседания по расчетам Семена было еще десять минут.

— Что ж раз все здесь, предлагаю начать пораньше, — сказал полицейский, провожая взглядом Семена, который пробирался на свое привычное место. — И я понимаю, что все ждут голосования, но давайте сначала обсудим текущие дела, а то будет, как в прошлый раз. Кое-какие источники сообщают мне, что на территории участка появились какие-то люди, называющие себя Пешеходами. Вроде они отказались от своих машин и идут пешком. Пусть себе идут, но я на всякий случай попросил своих помощников увеличить бдительность. Кто знает, чего ждать от этих бродяг… И я прошу, если вы вдруг заметите, что какие-то новые люди делают что-то антиобщественное — сообщайте мне.

— Я слышал, что они, в большинстве, очень даже интересные люди, — сказал Редактор, — думаю, нам надо устроить им какой-то

прием, проявить гостеприимство…

Встрепенулся Исидор.

— Позвольте сказать, — вступил он, — что ко мне поступили обращения в том смысле, что в общежития и в некоторые личные автомобили жители пускают незнакомцев. С целью приютить на время. Наверное, речь идет об этих Пешеходах.

— Вот и отлично, — кивнул Редактор, — это то, что нужно.

— Это вопрос особый, — покачал головой полицейский. — Возрастает амортизация жилья, а жители общежитий, которые никого к себе не приглашали, оказываются в стесненных обстоятельствах, хотя у них есть право на вполне определенное жизненное пространство. Исидор, поручи заняться этим вопросом кому-нибудь из своих. По правилам ПДД пользователь общежития должен платить налог на амортизацию. И по идее если гость ночует там более одной ночи, то нам по идее нужно уже считать его жителем.

— А если у них нет бензина? — спросил Исидор.

— Общественные работы помогут им расплатиться, — отрезал полицейский, — если хотят находиться на нашем участке — пусть участвуют в его жизни.

— Не очень-то гостеприимно получается, — сказал Редактор. — Ты всех своих гостей заставляешь машину тебе мыть?

— Гостей приглашают, — заметил полицейский, — а они пришли сами.

Редактор пожал плечами.

— Исидор, ты понял задачу, да? — спросил Загваздин, а затем встал. — А теперь можно перейти и к голосованию.

Семен, надеявшийся, что в этот раз полицейский поговорит на тему поиска источника продовольствия, удивился. Но советники, видимо, очень ждавшие голосования, тоже не стали поднимать никаких тем.

— Каждый из нас выбирает кандидата. Любого заявленного, — полицейский положил на стол список, распечатанный, несомненно, Редактором. Там было не меньше десяти имен. Но понятно было, что выбирать будут из двух.

— Мой голос вам известен, — сказал полицейский. — И это Юлия. Давайте по часовой стрелке от меня. Пит?

— Юлия, — ответил тот сразу же.

— Редактор?

— Раиса.

Кто бы сомневался. Теперь очередь Исидора — и Семен с интересом посмотрел на главу социальной службы. Редактор утверждал, что склонит того на свою сторону. Если это так, то Голосу будет очень интересно, что именно для этого сделал Влад.

Полицейский посмотрел на Исидора, предлагая тому дать ответ. Кажется, он был уверен в победе Юлии.

— Раиса, — ответил Исидор. Глаза полицейского выкатились. Под Питом затрещал стул.

— Так, — произнес Загваздин, явно сдерживая бушевавшие в нем эмоции. Исидор вжался в кресло, видимо, испугавшись собственных слов. — У нас получается… паритет. Интересная ситуация.

Редактор улыбался.

— Жаль, что нас теперь четверо, — сказал он с иронией. — Не правда ли?

Он явно торжествовал! Конечно, раньше он всегда был в меньшинстве, потому что и Артем, и Исидор и, конечно, Хмурый Пит всегда обычно соглашались со всем, что предлагал Загваздин и только Редактор постоянно взбрыкивал. И тут ему подвернулся реальный шанс изменить ситуацию.

— Мы можем устроить повторный тур, введя новых членов в Совет… — пробормотал Исидор.

— Вообще-то это необязательно, — вмешался Редактор. — Ситуации, подобные этой раньше возникали не часто, но мы всегда обращались к Голосу, который, конечно, не откажет нам и на этот раз.

Полицейский гневно задышал. Он знал, что ничего не может сказать против, потому что в ПДД не были четко прописаны регламенты на такой случай и, по сути, узаконивали все предыдущие прецеденты. Поэтому формально Редактор был прав.

Загваздин переглянулся с Питом, но тот только челюстью пошевелил. Поднял глаза на Семена.

— Что ж. Как в старые добрые. У нас есть Голос Пробки. Глас народа так сказать… — Загваздин смотрел прямо в глаза Семену и, кажется, боялся хоть на секунду потерять контакт. Голос, впрочем, ему не препятствовал, не отводил взгляда. — Итак, Семен, тебе предлагается буквально на несколько минут вступить в должность

полноправного советника Пробки и назвать любого из этих кандидатов. Желательно, — Загваздин сделал паузу и не глядя толкнул листок по столу. Редактор подхватил его и передал Семену. — Крайне же-ла-тель-но, чтобы твой выбор разрешил создавшийся паритет. Я не хочу идти на улицу, звать первого встречного и его тоже временно посвящать в советники.

Семен взял листок и наконец отвел глаза от полицейского. В списке значились самые разные люди — все, кто подал заявку. Юлия стояла первой — видимо, сразу прибежала, как только узнала. Либо Загваздин сам внес ее кандидатуру, так как заранее с ней договорился.

Дальше шли какие-то случайные люди, видимо, подавшие заявки от скуки и только потом было имя Раисы. Она сомневалась? Ждала, не могла принять решения? Твердость Семена слегка треснула. Если человек сомневается, то может, и не стоит тогда…

Впрочем, у нее просто могли быть дела. Ведь Раиса теперь дико загружена.

Он вернул листок.

— Это большая честь, — сказал он зачем-то. Полицейский закатил глаза, а Пит и Редактор засмеялись. Даже Исидор, кажется, улыбнулся.

— Признаюсь, — продолжил Семен, — что я думал о такой ситуации. И поэтому на всякий случай принял решение заранее. Чтобы не сомневаться сейчас и чтобы точно на меня никто не давил.

Семен демонстративно посмотрел на Редактора. Мол, ты, сволочь, успел заранее давление оказать.

Потом вернулся взглядом к полицейскому. Тот кажется, понял, что выбор будет не в его пользу и даже, кажется, смирился с этим — край рта пополз вверх, предваряя кривую ухмылку.

— Раиса, — сказал Семен.

В общей тишине раздались дурацкие и неуместные медленные хлопки Редактора.

Загваздин откашлялся и твердым бесцветным голосом объявил:

— Главой Банка и новым советником Пробки официально назначается Раиса Деменьтева. Приказ о вступлении в должность будет готов завтра утром, завтра же утром ей вменяется приступить к обязанностям директора. Кроме того, Юлия Самохина вместе с этим

освобождается от исполнения обязанностей главы Банка. Просьба к Голосу озвучить решение Совета Пробки в ближайшем эфире.

Полицейский подарил Семену совершенно ледяной взгляд.

— Заседание окончено.

Ч1. Глава 3-3

3

Возле студии стоял Сытин-младший — явно скучал и рисовал носком ботинка воображаемые линии на асфальте. Сашка и Семен шли с обеда.

— Привет, — сказал Сашка, и парень поднял голову, — нас ждешь?

Парень перевел взгляд на Семена.

— Здравствуйте, — сказал он, глядя во все глаза — Сашка кашлянул с неудовольствием, — у меня послание от Редактора.

Он вытащил из кармана толстовки сложенный вчетверо листок и протянул Голосу. Тот взял его в руки и развернул. Поднял глаза. Ну да, ну да. “Жди записок”.

— Спасибо, — сказал он, — передай Владу, что я приду.

Паренек тут же убежал. Семен проводил его взглядом. Сашка отпер станцию и открыл дверь.

— Посмотри на него, — недовольно сказал он, — он меня проигнорировал! С тобой, Голос, невозможно рядом находиться — становишься невидимкой!

Семен машинально поднялся следом в фургон, сел в кресло и еще раз прочитал листок, положив его перед собой.

— Вообще не понимаю, чего это он на меня так уставился, мы же с ним соседи, — ответил он, — хотя может он удивлен, что я веду какие-то дела с Редактором. Впрочем, я не меньше удивлен, что он у Влада на побегушках. Интересно, знают ли об этом его родители…

Запиской Редактор предлагал встретиться вечером, чтобы обсудить их маленькую победу в Совете Пробки.

Несмотря на то, что написано было довольно коротко — все равно Семен фыркнул. Тратить бумагу на послание — расточительство. Только Редактор может так бросаться ею.

— Что у вас за секреты-то? — спросил Сашка. Семену показалось, что тому немного обидно, что Голос ведет какие-то странные дела и оставляет друга в стороне.

— Это касается избрания Раисы, — ответил Семен и передал листок Сашке, — Редактор до этого предупреждал меня, что на Совете будет подстроенный им паритет и решать придется мне. Так и вышло.

— То есть он подговорил тебя? — с удивлением спросил Сашка.

— Не знаю, — честно ответил Голос. — С одной стороны да, я сделал так, как угодно было Редактору. С другой — я бы и так был за Раису. Кто лучше нее справится с делами Банка?

— А что он хочет-то?

— Влад? Понятия не имею, — Семену не хватило духу сказать правду, — но он считает, что Загваздин врет нам про пропажу Хоботова.

— Выглядит как какой-то саботаж против полицейского, — пробормотал Сашка, — за такое и посадить в бобик могут.

— Андрей и так может закрыть меня, потому что я лезу не в свои дела.

— Ты же Голос, — сказал Сашка, — такого никогда не произойдет. Андрей будет злиться, может быть, орать на тебя. Но… кто посмеет тронуть Голоса?

Сашка был уверен в неприкосновенности и священности Семена. Но тот совсем не чувствовал себя в безопасности. Оба — и Загваздин и Редактор, — хотят использовать радио в свою пользу и разумеется они будут давить на Семена. И ему это не нравилось. Оба его пугали.

— Я тут познакомился с Гроссом, — сообщил Семен, чтобы перевести тему.

— Ого! Ты теперь в друганах у целых двух полицейских! — отозвался Сашка.

— Он немного поспорил с Андреем и высказал интересную мысль — что Хоботова нет в Пробке.

— Понятное дело, что нет, его бы тогда уже нашли.

— В глобальным смысле, — пояснил Семен. — На Дороге.

Сашка некоторое время переваривал мысль.

— Что ж, если подумать — какое-то время шины будут сопротивляться яду Немира. — Значит, можно проехать довольно далеко…

— Нет никаких следов, — сказал Семен. — Я десять раз там проходил.

— Трава сейчас довольно высокая, — Сашка улыбнулся, — у меня есть кое-какие мысли на этот счет.

— Ну-ка?

— Автобус, — важно сообщил Сашка и замолчал.

— Что автобус? — Семен нахмурился. — Даже не пытайся, у тебя не получаются эффектные паузы.

— На том месте, где должен был быть крузак Хоботова в ночь пропажи, теперь общага. Мы могли бы залезть на нее… и, ну, оглядеться.

— И чем это поможет?

— Ну… взглянем на проблему с нового, так сказать, ракурса.

У Сашки на пульте щелкнул таймер — близилось время эфира.

— Это интересная мысль, — сказал Семен, чтобы польстить Сашке, — возможно, нам стоит воспользоваться стремянкой.

* * *

Помимо Редактора и Бриджит в Рефрижераторе был еще один человек. Он занимал единственный стул, тогда как хозяева помещения сидели на выступах печатной машины.

— С победой! — с порога заявил Редактор. В руке, как оказалось, у него был бокал — стеклянный, невиданная роскошь. Такой же стоял под рукой у гостя на столике, а еще два держала Бриджит. Как выяснилось один принадлежал ей, а второй — Семену. Он принял бокал и перевел взгляд на незнакомца. И понял, что прекрасно знает его.

— О, это Лавочник, — представил Редактор, — очень полезный и важный член нашего пробочного общества.

Семен подошел поздороваться. Давно он не видел эти неуместно веселый вид, длинные волосы и костистое лицо.

— Мы немного знакомы, — сказал длинноволосый Редактору.

Лавочник был легендой и, разумеется, было бы странно, если бы Семен его не знал. Это был один из немногих людей, который вел настоящую войну с Хмурым Питом по времена Кожаных курток и остался жив. Более того, считалось, что именно из-за Лавочника Пит отошел от дел. А потом, во время “теневой войны” Загваздина с черным рынком Семен освещал весь процесс.

— Еще лучше! — заявил Редактор, как показалось Голосу — чтобы скрыть удивление. — Давайте отпразднуем нашу маленькую

победу.

Они стукнулись бокалами — Лавочник лениво протянул свой, не вставая. Голос пригубил вино и не понял вкуса. Ему никогда не нравился дефицитный алкоголь, но богатые представители Пробки почему-то жутко тащились от него.

— Странно, что ты не в курсе, что мы с Ильей незнакомы, — обронил Семен. Редактор приложил руки к груди.

— Это ты у нас должен все знать, а я — частное лицо. Мне можно быть не в курсе чего угодно.

— Я вещал про войну контрабандистов по радио, — ответил Семен. — По-моему, месяца четыре. Как можно было это упустить?

— Возможно, меня просто тут не было. Я, знаешь ли, могу отлучиться по делам бизнеса. На разные сроки. И мне уж точно может быть не до того, чтобы включать приемник.

— Это было кучу лет назад, — отозвался Лавочник, — может быть, ты просто не помнишь. Потому что я-то тебя помню тогда, Влад. Ты был жутким чуваком. Впрочем, ты ни капли не изменился.

— Неужели ты не нашел ничего другого, узнав меня лучше?

— А у тебя есть что-то еще? — с сарказмом ответил Лавочник. Семен пытался угадать, какие отношения между этими двумя.

— Ох, Семен, я надеюсь, ты тогда прищучил этого гаденыша.

— Вообще-то не особо, — признался Семен. — Я тогда ничего не умел.

— Умел подлизывать полицейскому, — возразил Лавочник, — Пит давно сговорился с полицейским, и они почти меня уничтожили, а этот журналист, понимаете ли, мог только говорить о том, что де люди Лавочника таскают товар через Барьер.

Сильное заявление, подумал Семен, отвечать на него я, конечно, не буду. Что еще ждать от контрабандиста.

— И ты в этом сильно преуспел, — добавил Лавочник, улыбаясь Семену так, будто он рассыпается в комплиментах, — там у Загваздина наверняка все блестит.

Это было уже слишком. Семен молча поставил бокал на печатную машину и повернулся, чтобы выйти.

— Семен, подожди, — позвал Редактор. — Этот придурок не очень умеет общаться с нормальными людьми.

— Я догадался, — бросил Семен через плечо и подошел к краю, чтобы спрыгнуть на асфальт.

— И он очень не любит просить о помощи, — быстро добавил Редактор, — потому исходит на говно. А ему нужна твоя помощь.

— Олаф не выходит на связь, — сообщил Лавочник.

Семен остановился. Сказал:

— Я думаю, если он не выходит на связь, то очевидно, потому что не хочет.

Лавочник засмеялся.

— Любой контрабандист на моей территории не может не хотеть связаться со мной, если я этого хочу. Или он не сможет быть контрабандистом. Уяснил? А теперь еще раз — Олаф пропал. Он сосед Хоботова, а значит…

Сколько уверенности в своем всемогуществе, подумал Семен. Но все же развернулся и решил пока остаться. Потому что холодок по сердцу все же прокатился. Голос признал, что Олаф ему дорог, и Лавочник, конечно, играет на его чувствах.

— Хоботов пропал с машиной, значит надо проверить на месте ли “Смарт”, — пожал плечами Семен. — Может, у нас тут машины испаряются сами по себе.

Лавочник закатил глаза.

— Олаф затаился на участке Гросса — я сам помог ему в этом. Потом ты правда нашел его со своими тупыми вопросами, поэтому место пришлось менять. Я точно знаю, что сведения о новой точке Олафу были переданы, но вот на место он не прибыл. По своим каналам у меня тишина. Поэтому мне нужно обратиться к официальным.

— К Гроссу, — сообразил Семен.

— Да. Но как ты понимаешь я не могу прийти и спросить у полицейского, не закрыл ли он моего контрабандиста или не происходило ли чего на его участке. А журналист может. Тем более такой, который умеет… — тут Лавочник явно сдержался, — находить общий язык с ревнителями закона.

Семен посмотрел на Редактора. Тот делал вид, что его тут нет, и он просто гротескная и скорее всего поломанная часть печатной машины.

— Зачем тебе Олаф? — спросил Семен.

— Он один из лучших, — пожал плечами Лавочник. — И потом — тебе самого факта, что человек как будто исчез — мало? Кажется, глава Банка тебя ужасно волнует, а какой-то там контрабандист, даром, что твой друг — нет?

— Мне снова встать и демонстративно направиться к выходу? — спросил Семен.

Лавочник усмехнулся.

— А ты в этих диапазонах мыслишь, да? Какая разница, как я к тебе отношусь, нравятся тебе мои слова или нет? Давай думать с точки зрения бизнеса. Мне нужна твоя помощь, и хотя я считаю тебя мелким прихлебателем, дорвавшимся до большого влияния, я точно знаю, что ты мне можешь помочь. И поверь мне, пройдет совсем немного времени — и я тебе тоже понадоблюсь.

— Сомневаюсь, — ответил Семен.

— Сомневаться будешь, когда найдешь Олафа. А пока его нет — я к твоим услугам.

Тут спорить было сложно. Если Олаф действительно куда-то подевался, то Семену не к кому больше обратиться с интересными запросами.

— Я схожу к Гроссу, — сказал он. — Это не проблема.

— Отлично! — Лавочник залпом осушил бокал, со стуком приземлил его на столик и встал.

— Тогда договорились. И до встречи, — он протянул Семену руку и тот нехотя пожал ее.

— Теперь он весь твой, — сказал контрабандист Редактору, пошел к выходу и молодецки спрыгнул на асфальт.

Семен посмотрел на Редактора.

— Интересные у тебя знакомства, — сказал он.

— Не хочешь присесть? — Редактор указал место Лавочника. Семен пожал плечами и сел, поставив свой почти полный бокал рядом с пустым.

— Я к тому, Влад, что ты стараешься делать вид, что ты просто очень богатый, но в доску честный бизнесмен, но при этом общаешься с главой контрабандистов. Тебе не кажется, что это несколько портит твою репутацию?

— Я лично не считаю, что Илья занимается чем-то противозаконным, — возразил Редактор. — А если так написано в

чертовом ПДД Загваздина — так почему это должно относится ко мне? Я не спорю, часть ПДД — это здравые законы, но в основном там влажные фантазии самого Андрея и его предшественников. С чего бы нам им следовать?

— С того, что это правила…

— Изначально ПДД были придуманы, чтобы мы тут все были в безопасности. Очень простые вещи, знаешь. Чтобы не укокошили себя и друг друга. И это нормально. Но как, по-твоему, вредит безопасности чтение книг? Или свободная торговля?

— Потому что можно продавать всякие опасные штуки. Оружие, например…

— И что?

— А потом кто-то из этого оружия тебя застрелит. Я же знаю, у тебя есть враги. Так что поблагодари полицейского за такой закон.

— Но застрелит меня не пистолет, — покачал головой Редактор.

— О да, старая байка. Заколоть и вилкой можно, было бы желание… И задавить машиной...

Семен замолчал.

— Дошло, да? А ты думал пафосные словечки просто так придуманы?

Семен отмахнулся.

— Чего ты хотел?

— Я же сказал — отпраздновать.

— И мы отпраздновали. Почему-то в компании Лавочника. Дальше что?

— Между прочим, у меня большие планы на Илью, так что ты не думай, что он тут случайный гость, и я его пригласил чисто, чтобы он тебя об Олафе спросил.

— И зачем он тебе нужен?

— Не мне. Нам.

— Мне — не нужен, — заявил Семен.

Редактор засмеялся, вдруг соскочил с печатной машины и принялся ходить.

— Ты хоть понимаешь, что произошло? Теперь Раиса — глава Банка!

— И что?

— Впервые в истории по-настоящему честный человек получил это место. Ты в курсе вообще про историю этой должности?

— Еще бы, — ответил Семен, — Эпоха Кожаных Курток, что тут говорить. Должность освобождалась стремительно.

Редактор кивал.

— И в основном их устраняли не потому что они были ангелами и мешали криминалу вести свои дела.

— Допустим, так. Раиса прекрасный человек и специалист, я согласен. Но дальше-то что?

— А значит, она будет на нашей стороне. На стороне честных людей, которые хотят, чтобы Пробка жила лучше.

— Влад, ты меня извини, но мало кто считает тебя честным человеком.

— А я и не говорю, что я тут кристально чистый, как вода из гидранта. Но я хотя бы стараюсь сохранять приличия. Понимаешь, весь этот Совет Пробки, вся эта показушность… для чего это? Исидор мягкотелая размазня, Пит, Хоботов и Загваздин — одна шайка… что за компашка была! И что она решала? Да ничего! У Пробки был шашлык, и это в принципе означало, что можно ничего особо не делать. Люди сыты. Зачем надрываться? Можно просто чесать языками. Но теперь ситуация изменилась. Шашлык — больше не прикрытие. Нужно меняться, так как эпоха меняется.

— Так что ты все-таки предлагаешь?

— Нарыть компромат на полицейского, — просто сказал Редактор. — Загваздина не сместить просто так, его любят — не без твоей помощи, между прочим.

— И что ты хочешь от меня?

— Ты же журналист. А он — продажный мент. Бери Раису и копай документы. Там скорее всего очень много веселого и так как Артема теперь нет, то и скрыть это некому.

— У меня уже два больших сюжета, если ты забыл — убийство и пропажа без вести.

— Начни с простого, — проворчал Редактор. — Просто попробуй внимательно понаблюдать за полицейским. Чем конкретно он занимается. Уверяю тебя, ты будешь удивлен.

— А ты наблюдал?

— Не своими глазами, — признал Редактор, — но кое-что я знаю и у меня есть подозрения, что дела он ведет мутные.

— Я пас.

Редактор покачал головой.

— Что ж, — сказал он, — у тебя всегда есть возможность передумать. Грядут перемены, и ты это поймешь. Как и все, ты боишься перемен и в этом нет ничего такого… Возможно, найдутся ребята, которые смогут тебя расшевелить получше. Пешеходы, скажем.

— Ты уже встречался с ними? — недоверчиво спросил Семен.

— Опять же — не сам. Но портрет сложился. Они очень пластичны, перемены их главный ресурс. Увидишь, им симпатизируют молодые и перспективные — те, кому и двадцати нет. Не привязались еще к отдельному автомобилю, жирному куску из Шашлычной и утреннему бормотанию из радио, — Редактор засмеялся, — прости, Голос, но так и есть — ты привязываешь людей к месту даже сильнее, чем их собственность. Она ненадежна — автомобиль могут скатить за Обочину по тысяче разных причин, а бодрый утренний выпуск от нашего дорогого Семена — непреложен, как Продвижение.

— Чего ты добиваешься? — устало спросил Семен.

Редактор пожал плечами.

— Хочу тебя немного растормошить, — сказал он, — чтобы ты хоть оглянулся вокруг и оторвался от бесконечного потакания Загваздину. Люди тебя любят! Все! Обрати на это внимание. Ты для них работаешь, а не для полицейского. Что ты скажешь — то и правда. У тебя огромная власть, а ты этого даже замечать не хочешь.

Не замечать и не пользоваться — разные вещи, подумал Семен.

— Ты бы пообщался с Пешеходами, — предложил Редактор, — поспрашивал их о жизни. О том, откуда они идут и куда… чем увлекаются, что думают о Пробке, о Немире. Они очень продвинутые люди, хоть сбросишь ржавчину, начнешь думать под новым углом.

— Ладно, понял, — кивнул Голос и встал, — Пешеходы. Пообщаться. Расширить сознание. Спасибо за совет.

Редактор тоже поднялся. Он был на голову ниже Семена и сейчас казался маленьким и незначительным — но до ужаса въедливым, как муха из Немира.

— Помни, что я всегда за тебя, Голос.

Снова пафос, устало подумал Семен. Хотел было уже уходить, но вдруг вспомнил:

— Слушай, а как ты уговорил Исидора? Денег дал?

— Я тебе кто, чтобы взятки давать? — скривился Редактор. — Я с ним вообще не общался, если хочешь знать. А вот с другими ребятами из социальной службы — да. Исидор слышал вокруг себя только разговоры про то, какая Раиса молодец, а Юлия — простофиля. Просто и гениально.

Ч1. Глава 3-4

4

Сашка нес приставную лестницу, а Семен — рюкзак с биноклем. Лестница давно была в хозяйстве радиостудии — Сашка залазил по ней на крышу минивэна, если нужно было что-то починить на антенне. А вот бинокль пришлось взять в аренду с процентами у Лавочника, потому что ни в одном официальном магазине Семен ничего подобного не нашел. Контрабандист оказался прав — Семену довольно скоро потребовались его услуги. Поэтому Семену пришлось слегка нарушить ПДД. Впрочем, залезать на крышу общежития без срочной надобности и так было не совсем законно, особенно учитывая тот факт, что крапал мелкий дождик — и Семен невольно почувствовал стыд, потому что именно происшествие с его отцом породило правило, которое он собирался нарушить.

Лавочника пришлось искать через Редктора и к удивлению Голоса, главарь черного рынка жил, или, скорее всего, делал вид, что живет, в длинном добротном универсале по соседству с родителями Семена.

— Учти, что если у меня тоже, как у Олафа, начнутся проблемы из-за тебя, то с тобой вообще никто не будет работать. Из нормальных. Пойдешь к Хмурому Питу.

— Он разве еще занимается?

— А ты наивно думаешь, что нет? — Лавочник усмехнулся. — Конечно, он торгует вчерную. Просто полицейскому перепадает процент, вот он только на нас и кидается.

— Ты хочешь сказать, что Загваздин…

— Воу-воу-воу! — Лавочник поднял руки. — Ты пришел сюда либо как покупатель, либо как журналист. И если второе, то проваливай.

На самом деле у Семена просто сработал рефлекс на потенциально новостную фразу — притом, что Лавочник уже говорил об этом раньше, просто Семен был слишком занят своими эмоциями. Если Андрей замешан в делах черного рынка, то это значит, что Редактор прав — и участку придется сменить полицейского.

— Да, конечно, — ответил Семен, — только я хочу не купить, а взять в аренду.

Лавочник улыбнулся.

— Это тоже можно, — сказал он, — но плата будет расти каждый день.

— Мне только на один день и нужно. Бинокль.

Лавочник присвистнул.

— Охренеть у тебя запросы, Голос. С чего ты взял, что у меня вообще такое есть?

— Редактор говорит, у тебя что угодно можно достать.

— Влад слишком хорошо обо мне думает.

— А все же?

Лавочник вздохнул.

— Ладно. Есть у меня бинокль. Хороший такой. Полицейский. Но ты ведь понимаешь, что если тебя увидят с таким биноклем…

— То сразу станет понятно, где я его взял, — продолжил Голос, — да, понимаю. Но он реально нужен мне ненадолго. Вряд ли внезапно объявится Загваздин или там Высокий, когда я буду…

— Что замолчал? Не хочешь рассказывать зачем он тебе нужен?

Семен помялся. Обидно было вот так проговориться.

— Вообще да. Не хотел, — честно ответил он.

— Плюс работы со мной в том, что я и не буду спрашивать зачем он тебе. Дело твое. Клиент всегда прав. И так далее. Но если ты все же с ним попадешься, то я тебя не знаю. Нашел. Украл. Понятно?

— Понятно, — ответил Голос.

— И тогда тебе придется заплатить полную стоимость. Надеюсь, Луи тебе хорошо платит.

Тут разговор можно было бы и закончить, но Семен не удержался.

— Так ты тут живешь или это просто прикрытие?

— Эй, — повысил голос Лавочник, — я же сказал проваливай с такими вопросами!

— Да я ж не для новостей.

— Ну-ну… ты же понимаешь, что ты со своими вопросами — охрененно опасный тип для таких как я? Тебе повезло, что я не из пугливых. С тобой никто другой не захотел бы работать.

— А Олаф?

— Олаф смелый парень, — ответил Лавочник. — Или дурак.

— Только он? По-любому, кто-то видит, как мы тут явно не о погоде говорим.

— И что? Как будто для кого-то новость, что вокруг ведется черная торговля. По каждому случаю бежать к полицейскому никто не будет. Если тут кто и пострадает, так это ты. Твоя репутация, Голос.

— Я веду журналистское расследование о черном рынке и втерся в доверие к великому Лавочнику, — ответил на это Семен.

— Неплохо, — кивнул тот, — а теперь проваливай.

Когда Семен пересказал этот разговор Сашке тот был в восторге.

— Мы как будто участники каких-то шпионских разборок, — сообщил он.

У автобуса оба замешкались, так как за огромным панорамным стеклом они увидели слегка удивленного водителя.

— Привет, — сказал Голос, поднявшись на одну ступеньку в открытой двери, — нам тут с коллегой нужно подняться на крышу вашего общежития. Вы не против?

— А вы кто? — спросил водитель. Семен привык, что все его непостижимым образом узнают, поэтому слегка задержался с ответом.

— Я Голос. С радио, — сказал он. — Это для выпуска новостей.

— Что-то случилось с нашим автобусом? — удивился водитель. Сказал он это достаточно громко, поэтому в проход полезли любопытные.

— Ммм, нет, ничего такого, — ответил Семен. — Просто исследуем кое-что. Связано с наукой, на самом деле… Я все расскажу в одном из выпусков, когда мы все подготовим.

Семен надеялся, что люди забудут, что он что-то такое обещал.

— Ого, вы будете дождь изучать? — спросил вдруг какой-то мелкий мальчуган, вылезший вперед из недр автобуса.

— Почти, — ответил Семен. — Так что, — обратился он к водителю, — мы не помешаем?

— Да лезьте, — махнул водитель. — Только не топайте сильно.

— Спасибо! — ответил Семен и спрыгнул со ступеньки.

Он обогнул автобус и показал Сашке, что все улажено. Тот приставил лестницу к боку общаги.

— Водитель меня не узнал, — шепнул Семен Сашка, который уже поставил ногу на перекладину.

— Трагедия на весь день, наверное, теперь у тебя, — с сарказмом отозвался Сашка и полез наверх. Семен с кривой улыбкой полез следом.

Там они встали спиной к Дороге, лицом к Немиру и принялись смотреть.

— Погода не самая удачная, конечно, — сказал Сашка. Дождь сильно ограничивал видимость.

Немир на вид был такой же как обычно — Обочина, кювет, ржавая полоса автомобильного и человеческого кладбища и дальше — слегка бугристое серо-зеленое поле травы ограниченное на горизонте темной полосой леса. «Зеленый — цвет яда, — вспомнил Семен строчки из учебника, — земля за Обочиной зелена и смертельно опасна. Любой контакт с ней чреват медленной и жуткой смертью. Нет жизни за пределами асфальта».

Семен скинул рюкзак, поставил его к ногам и достал оттуда бинокль.

— Буду смотреть все по периметру, — сказал он. — Постоишь на шухере?

Сашка кивнул. Семен поднял бинокль к глазам и посмотрел к горизонту.

Лес как будто прыгнул ему навстречу. И стало видно, что это не просто неровная полоса на горизонте, а просто множество деревьев, стоящих близко друг с другом. В прошлом он иногда подступал гораздо ближе к Дороге и такие времена считались опасными — на людей нападали чудовища из Немира.

Но никаких чудовищ видно не было. И вообще ничего интересного.

— Ну? — спросил Сашка.

— Дурацкая идея с этим биноклем, — ответил Семен разочарованно. — Смысл в том, чтобы видеть гораздо больше, а не гораздо ближе… а хотя подожди.

В полосе леса попадались длинные и короткие пустые участки, превращая горизонт в некий код, состоящий из прямых разной длины. В одну из таких проплешин уходила она — колея. Семен двинулся вдоль нее, и она несомненно вела сюда. К Дороге.

Он убрал бинокль от глаз и пошарил собственными глазами.

— Вот! — воскликнул он.

— Где? Что? — с восторгом отозвался Сашка.

Семен показал рукой. В ржавой полосе кладбища была расселина — довольно узкая, но достаточная, чтобы в нее мог протиснутся даже такой внедорожник, как у Хоботова. Две узкие параллельные колеи от колес были практически не видны — дожди прибили траву и практически скрыли таким образом от любопытных глаз следы побега. С уровня асфальта они действительно бы ничего не заметили. Разве только сразу после побега, знай кто-нибудь, куда смотреть.

— Но это невозможно, — пробормотал Семен.

— Почему? — спросил Сашка. — Ты же сам говорил, что Гиви шастает по Немиру в резиновых сапогах. Значит, шины могут защитить автомобиль и человека какое-то время…

— Я не про это, — отмахнулся Семен и, спохватившись, наклонился и засунул бинокль обратно в рюкзак, — машину завели. Она двигалась. Давили на газ. Звук двигателя невозможно не услышать. Как минимум его соседи должны быть…

Ага. Соседи. Олаф и Пироговы. Конечно же, они в курсе. В этом-то все и дело. А от остальной Пробки их скрывала фура.

— Гросс прав. Хоботов там, — выдохнул Семен.

— Другой вопрос — зачем он там? — добавил Сашка, а потом резко и шепотом добавил, — упс.

— Голос! — снизу, к стремянке, подходил Загваздин. Завороженно глядя на следы за Обочиной они забыли поглядывать по сторонам. — ПДД запрещает подниматься на крышу автобуса в дождь. Тебе ли не знать.

— Не рекомендует, — возразил Сашка тут же. — Это разные вещи.

— Что вы там делаете? — спросил полицейский. За его спиной стоял Высокий.

— Собираем материал для новостей, конечно же, — сказал Семен и убрал бинокль за спину.

Загваздин придирчиво осмотрел стремянку, а затем твердо взялся рукой за перекладину, видимо, намереваясь залезть наверх.

— Мы уже спускаемся, — добавил Семен.

— Нет-нет, — Загваздин полез наверх, — сначала вы покажете мне, что такого завораживающего вы углядели в Немире, сладкая парочка.

Семен и Сашка переглянулись. Голос пожал плечами. В голове, конечно, бешено крутились мысли, пытаясь придумать правдоподобное объяснение. Но Семен понял, что это, в конце концов глупо. Почему он не может показать полицейскому то, что они нашли? Только потому что тот не разрешил заниматься расследованием? Пусть знает, что радио добилось кое-каких результатов.

Загваздин залез наверх и тоже стал смотреть в Немир.

— Ну? — спросил он. — Что такого там интересного?

Семен глубоко вдохнул.

— Этот автобус сейчас стоит на том месте, где должен был находится автомобиль Хоботова, когда тот пропал.

Загваздин резко повернул голову, аж капли в стороны спиралью разлетелись.

— Я же, кажется, ясно сказал, не лезть в это дело и не мешать…

— Мы нашли следы, — перебил Семен.

Загваздин замолчал. Гневно пошевелил желваками — то ли от того, что Голос его перебил, то ли от чего-то еще.

— Показывай, — сказал он.

Семен указал на просвет в свалке и повел рукой дальше, вдоль следов.

— Ага, — сказал полицейский, — вижу.

Некоторое время он молчал.

— Ну? — спросил Семен.

— Что “ну”? — злобно спросил Загваздин. Семен никогда не слышал от него такого тона.

— Я хочу рассказать об этом сегодня. В вечернем эфире, — сказал он.

— Нет, — ответил Загваздин. — Не можешь.

Глаза Сашки округлились, и Семен понимал, что он и сам выглядит также.

— Мне кажется я могу публиковать все, что…

— Не с этого момента, — прервал его полицейский. — Вы что, идиоты, совсем не понимаете? Заигрались в свои фантазии про исчезновение Хоботова! Эти следы, — он показал в Немир, — могут вести не ИЗ Пробки, как вы решили, а В Пробку. Понимаете? У нас тут вполне возможно вторжение из Немира.

— Что? Нет! — воскликнул Сашка. — Это точно то место, где должен был стоять…

— Вы заигрались! — гаркнул на него полицейский. — Еще слово и я закрою вас на двое суток за нарушение порядка. Стоят тут на крыше, разглагольствуют…

— И все же я не понимаю, почему я не могу сказать об этом в эфире, — не унимался Семен.

— Потому что я объявляю чрезвычайное положение. С этого времени твое радио имеет право говорить только то, что я разрешу.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

Реквием

Он не знал лучшего чувства, чем стоять у Обочины и наблюдать рассвет. Много лет он вставал раньше всех. Мел пространство меж автомобилями своей метлой, собирал крупный мусор в тачку, а потом катил ее к Обочине и вываливал все в Немир, к мертвым.

Потом вставал к самому краешку живого мира и наблюдал как солнце поднимается из дальних недр небытия, будто рождалось вновь, чтобы вечером погибнуть по другую сторону Дороги. Обычно у него было где-то полчаса-сорок минут, чтобы насладиться одиночеством. Потом Пробка постепенно просыпалась и начался новый не очень интересный день.

Частенько днем он отсыпался и даже пропускал из-за этого обеды, чем выводил жену из себя, хотя казалось бы — какая ей разница. Спал днем он немного больше, чем человек, который просто в силу обязанностей поднимается ни свет ни заря.

Он понимал, что долго так продолжаться не могло, что так или иначе кто-то узнает, что иногда по ночам он не спит и — почему не спит.

И, конечно, однажды произошло то, что и должно было произойти. Сергей размышлял, кто это будет — Высокий или Низкий, а может и сам господин полицейский. Выпало на Высокого. Мусорщик привычно встречал рассвет после того, как свалил весь мусор за Обочину, когда Петр, хрустя гравием, появился на Обочине, неистово зевая и, протирая глаза.

— Сергей, — сказал он, — здравствуйте. Вам придется пойти со мной.

— Мне надо убрать инструмент, — робко сказал Сергей. Высокий поглядел на тачку и махнул рукой.

— Кому она сдалась?

Мусорщик пожал плечами и пошел следом за помощником полицейского. Конечно, тачку могли утащить — все-таки металл, да немало, но он понадеялся, что если что его утварь спасет Артур Пирогов, как проснется на работу и увидит тачку без хозяина. И, может быть, поймет предупреждение.

— А куда мы идем? — спросил Сергей затылок Высокого.

— В бобик, конечно, — ответил тот.

Неужели будет общение с самим полицейским? Казалось бы, невелико преступление…

— Я что-то не так сделал? — спросил мусорщик. Он очень надеялся походить сейчас на неказистого, наивного и забывчивого старикашку.

— Это мы и хотим выяснить, — ответил Высокий и, видимо, ничего к этому очень информативному ответу добавлять не захотел.

У полицейского внедорожника стоял сам Загваздин, смотрел вдаль и курил. Вид у него был нервный. Сергей забеспокоился. Неужели по его душу инспектор поднялся ни свет ни заря? Неужели его проступок настолько серьезен, что заставляет того нервничать?

— Андрей, — позвал Высокий и полицейский обернулся, — я привел.

— Доброе утро, Сергей Олегович, — с уважением произнес Загваздин, бросил окурок и затоптал его. Затем протянул руку. Мусорщик робко пожал ее, думая об окурке, который ему придется убирать уже ближайшей ночью.

— Давайте присядем, — предложил он и открыл дверь полицейской машины. Переднюю. Как гостю.

Сергей послушно забрался внутрь. Тут же за ним втиснулся Высокий и громко захлопнул дверь. Загваздин обошел машину и сел со стороны водителя. Мусорщик почувствовал себя неуютно меж двух стражей порядка.

— Любите рассвет? — спросил полицейский простым голосом.

— Очень, — ответил старик. — Стараюсь не пропускать. Он каждый день новый…

Загваздин покивал, будто бы с пониманием.

— Наверное, помните те дни, когда и закат был с нашей стороны, пока Дорога не повернула.

— И когда солнце всходило прямо по курсу. Все тогда думали, что Город совсем близко, — ответил Сергей, — но это давно было…

Загваздин снова покивал, теперь задумавшись.

— Как хорошо бы этим и ограничиться, да? Солнце, розовое небо, Немир играет красками… Хорошо, а? Но, кажется, вам стало этого мало через какое-то время.

Пот выступил на лбу мусорщика.

— Мало? Почему? Все еще восхищает… Еще как… — пробормотал он, сам не понимая зачем. В горло рвались совсем другие слова — полного признания и раскаяния.

— Но, скажем, и ночью есть интересные, будоражащие кровь занятия, — сказал полицейский и ласково посмотрел в глаза Сергею. Тот не мог не заметить нервическое подергивание левого века и какой-то безумный огонек за зрачками Загваздина, а потому смутился и отвел взгляд.

— Да что вы молчите, — с несерьезным негодованием возмутился инспектор, — не в контрабанде же из Антимира вас уличили, не в торговле людьми же.

— Это все невинная забава! — прорвало, наконец, старика. — Вроде шахмат или игры на гитаре. Просто развеяться чтоб.

— Эта невинная забава — нарушение ПДД, Мертвец, — строго заметил полицейский и лицо его окаменело.

Сергей вздрогнул от обращения, обожгла безумная мысль, что это Загваздин ему угрожает. Но потом понял, что тот просто произносит название их “клуба по интересам”. Значит, он в курсе, что Сергей не один.

Старик бросился в искренние слезы.

— Ну это просто от жизни такой! — выпалил он. — Серо, скучно было. Шестьдесят с лишним лет живу, ничего серьезного не нажил, от себя тошно! А тут, как узнал, что я могу… что меня Немир не берет… Поймите же.

— Тише, тише, — успокоил полицейский, — ну что же вы, Сергей Олегович, так убиваетесь то сразу. Это хоть и нарушение, но не смертельное же. Год заключения с прогулками и встречами с родными. В силу возраста, так еще и скостим до полугода.

— Город святой… — пробормотал Сергей вне себя от ужаса.

— Вы бы о другом беспокоились, — как бы стараясь помочь, заметил полицейский. — Раз я о вас все знаю, то лишь по бдительности граждан Пробки, вы же понимаете. Как долго вы с вашими дружками собирались скрывать свое увлечение? Надо быть глупцом, чтобы не понимать, что здесь всегда все на виду.

— Но ведь невинная забава же… — только и мог повторить Сергей.

— Может быть, — неожиданно согласился полицейский, — но представьте реакцию общественности, если вдруг будет резонанс, если дойдет новость до Голоса, и он сообщит об этом по радио… Ваша способность, конечно, очень любопытна, но у нас, к сожалению, очень предвзятые люди по многим вопросам, очень консервативные… Представьте, что будет? Да самое лучшее, если вас и ваших сотоварищей признают всего лишь уродцами или там сумасшедшими какими! А если решат линчевать? Я вас только заключением за решетку спасти и смогу…

Старик заплакал теперь по-настоящему. Он положил руку на приборную панель, уперся носом в локоть и рыдал так, как уже давно не лил слез, с подростковых времен, когда умерли родители.

— Я воевал! — невнятно бросал он между всхлипами куда себе в рубашку. — Весь Дорожный ремонт с оружием за Пробку стоял… Я каждый день за ими всеми убираю… неужели теперь все это перечеркнется. Неужели…

— Сергей Олегович, — Загваздин похлопал его по плечу, — ну что же вы. Город с вами, что же вы так разоряетесь. Я даже не ожидал, что вы будете так реагировать…

— Простите, простите, — захлебываясь слезами произнес старик, откинулся обратно и стал ожесточенно вытирать глаза. Перед глазами, будто отголоски наблюдаемого недавно рассвета — теперь уж наверняка последнего, что принес удовольствие — разлетались светящиеся лучи, хвостатые точки и волоски.

— Пока есть возможность сохранить все в тайне, — сказал Загваздин. — Понимаете, тут и мой интерес тоже есть. Не хочется ведь расшатывать умы людям такой новостью, что де среди них Мертвецы живут! Страшно подумать, что начнется. Так что я могу вас сейчас, пока все не раскрылось, под защиту взять. Без всякой тюрьмы.

Сергей повздыхал и поизвинялся еще какое-то время. Поймал и без всякой обиды проглотил полный презрения взгляд Высокого.

— Как же это теперь можно сделать? — спросил он Загваздина.

Полицейский улыбнулся.

— Просто продолжайте делать то, что делали, — сказал он. — И друзьям своим не говорите, что имели такой разговор и что полицейский в курсе… А то и они беспокоится начнут, чего нам совсем не нужно.

Сергей недоуменно посмотрел на него.

— То есть просто ничего не менять?

Инспектор кивнул.

— Да, — сказал он. — Почти. Но иногда будет появляться Петр. И задавать вам вопросы. В основном касательно господина Хоботова. Как вы понимаете, он глава Банка и при этом тоже Мертвец, подвергает себя такой опасности… Так что мы хотели бы быть осведомлены.

Ему предлагали стать стукачом. Вполне открыто. В эпоху Дорожного ремонта, да и потом, при Кожаных куртках, за такое могли бы и по голове надавать. Сергей сам бы надавал.

Но времена ведь поменялись. И вряд ли это уж прямо стукачеством можно назвать. Раз для него не будет последствий, то и для ребят тоже. Ведь у них одно на четверых по сути преступление…

— Конечно, — ответил Сергей, — конечно. Это вы очень хорошо придумали. Спасибо.

— Идите домой, Сергей Олегович, — ласково сказал полицейский. — Отоспитесь. Приведите себя в порядок. И все будет хорошо. А этого разговора как будто и не было. Договорились?

Старик со рвением покивал. Высокий зашевелился, чтобы выпустить его, вылез и придержал ему дверь. Сергей возвращался в обычный мир и солнце, уже поднявшееся повыше, вполне радостно светило ему.

Он отправился к дому, к своей старенькой машине, мечтая лишь о том, чтобы жена еще спала. Подходя ближе он обнаружил, что у его светло-зеленой “копейки” стоит Артур — прикатил тачку. Сердце екнуло, но мусорщик решил держаться твердо.

— Привет, — сказал ему Мертвец, — ты тачку оставил. И метлу свою.

— Да… — пробормотал Сергей, а затем кашлянул и выпрямился, — отвлекли меня, вот и забыл. Попросили дополнительно убрать кое-где.

Пирогов внимательно присмотрелся к лицу Сергея.

— Все нормально? — спросил он. Без всякого, впрочем, беспокойства, просто учтивая вежливость.

— Поспать надо, — отмахнулся Сергей. — Просто немного поспать. Все прекрасно.

Часть 2. Глава 1

1

Семен перешел условную границу участка, довольный тем, что разжился шашлыком. Но не успел он пройти и двух машин, как путь ему преградил Добровольный патруль. Причем сразу трое. И с Хмурым Питом во главе.

— По-моему, многоуважаемый Голос стал часто ходить за пределы участка, — сообщил Хмурый Пит вместо приветствия. Поверх рукава его кожаной куртки красовалась белая повязка дружинника.

Пит, конечно же, шутил — грубый голос был полон иронии, но Семен все равно внутренне сжался — сработал рефлекс, выработанный со школьных времен, когда об этом здоровяке ходили самые разные слухи.

— Я должен везде успевать, — стараясь быть непринужденным, ответил Семен.

В напарниках у Пита были какие-то малознакомые ребята с противоположной границы. Странно было видеть их здесь, так далеко от привычного места обитания.

— И как дела у Гросса?

— У Гросса — в порядке, — ответил Семен, — у них, если ты догадываешься, Эпоха Шашлычной только начинается. А если хочешь подробностей — включи приемник после обеда.

Пит хмыкнул и отошел в сторону. Семен пошел дальше. Он был довольно мал, когда Пит сколотил подростковую общажную банду. Ребята постарше старались не попадаться тому на глаза, а ночные страшилки пополнились историями, как Пит и его отморозки избивают за просто так и даже сталкивают за Обочину. Девяносто процентов баек, конечно же, были полной чушью, но на пустом месте они бы не родились.

Загваздин после объявления чрезвычайного положения с необычайной энергией окунулся в заботы о безопасности Пробки. Первым делом он все же освободил один автобус и переделал в тюрьму, о которой всегда так много говорил.

Вторым его шагом было создание Добровольных патрулей. Жители участка по двое или по трое могли патрулировать границы участка, в том числе — Барьер и Обочину. Загваздин приплачивал за это бензином из бюджета, потому желающих было немало. Главной неожиданностью было то, что Хмурый Пит сам вызвался курировать всю эту затею. Зачем это нужно было зажиточному здоровяку, у которого уж точно бензина хватит на две жизни вперед — загадка. Семен даже хотел позвать его на интервью, но вид Пита перед микрофоном казался слишком нелепой штукой.

Но все это меркло перед мыслью, что Хоботов сейчас где-то там, в недрах Немира, продолжает жать на педаль газа, буксуя в мягкой почве и все дальше удаляется от Дороги. Неизвестно сколько он протянет там, когда зеленая отрава разъест резину колес, поразит коррозией днище и карданный вал, достигнет педали и, наконец, перекинется на живую плоть. Но он хотя бы оправдал название своего автомобиля — теперь он действительно двигался вне дороги.

Может быть, Хоботов пребывал в депрессии и это такой изощренный способ самоубийства? Возможно, глава Банка Пробки видел, как конец Эпохи превратит зажиточную Пробку в обнищавшую и голодную колонну и не хотел в этом участвовать. Или он действительно верил, что может добраться… куда?..

Загваздин придерживался другого мнения. То, что человек мог рвануть в Немир, прочь от Дороги — было нонсенсом.

Полицейский усердно делал вид, что Хоботов все еще в Пробке. Он упорно искал его — устраивал облавы в общежития, велел патрулям глядеть оба и даже поднимал их в ночное время. Ретивые ребята под началом Пита даже изловили двух контрабандистов, которые теперь обживали новую тюрьму, а Лавочник, надо думать, был в ярости. Но, конечно, никто не нашел и следа пропавшего человека.

Все это казалось вздором. С другой стороны, еще большим вздором была сама мысль о побеге человека в Немир.

Сам же Гросс, услышав про следы, не удивился. Более того, он заявил, что прекрасно знает о таких случаях, так как они запротоколированы в отчетах многих и многих полицейских прошлого. И Загваздин тоже должен знать об этом. Люди сбегали на своих машинах в Немир не так уж и редко — по разным причинам. Пытаясь уйти от правосудия. Или от проблем. Некоторые полицейские

реагировали на такое довольно жестко — вплоть до открытия огня по беглецам.

Переход на Олафа получился довольно плавным — Семен ловко перешел на него, как на свидетеля происшествия, с которым интересно было бы поговорить. Однако Гросс ничего не знал. Ему не попадались контрабандисты, он даже признался, что не слишком сильно заморачивается по их поводу и обычно они отделываются штрафами в казну. Так что в целом поход к Гроссу оказался довольно бесполезен.

Зато удалось ухватить шашлыка, раз все равно Шашлычная рядом. Сверток был еще горячим и Семен чувствовал спиной приятное тепло из рюкзака. Он привычно улыбался и кивал людям, которые узнавали его, но при этом понимал, что в основном видит незнакомцев. Вокруг говорили о Пешеходах. И, надо думать, многие из окружающих и были Пешеходами. Чувство было неприятное — будто вторжение в организм вируса. Мало кто понимал зачем они пришли, почему пропагандируют бросать автомобили и что от них можно ожидать.

Семену хотелось бы выхватить из окружающих кого-нибудь незнакомого, спросить прямо — ты Пешеход? И при положительном ответе утащить в радиостудию и подробно там расспросить.

Он завалился в студию, надеясь пообедать с Сашкой. Но техника там не оказалось. Зато обнаружился директор. Он спал в углу, полусидя, странно подогнув колени, обнимаясь с пустой бутылкой коньяка.

С Луи такое случалось. Либо по поводу большого счастья, либо наоборот.

— Ох, надеюсь, это к хорошим новостям, — пробормотал Семен.

Луи громко храпел и это было плохо, потому что эфир уже близился. В этот момент появился Сашка, громко выругался и стал осматривать пульт.

— Надеюсь, он не врубил эфир, — сказал он, — а то представь этот храп — на всю Пробку.

Семен засмеялся, хотя хорошего было мало. Выпуск новостей уже скоро, а выволочь Луи, будет проблематично. Голос присел перед директором на корточки. Вид у того был довольно безобразный. Живот вывалился из-под ремня. На белой задравшейся футболке разлилось коньячное пятно, графично выделяя черные волоски на груди.

— Эй, Луи! — Семен потряс директора за руку, которая сжимала бутылку. Реакции не последовало, только пальцы крепче сжали горлышко.

— Луи! — уже рявкнул Семен, но и это не помогло.

— Надо вытаскивать, — деловито заметил Сашка.

— Сколько до эфира?

— Пятнадцать минут.

— Тогда на улицу, обольем водой — авось, придет в себя. Главное, чтобы на время новостей не начал ломиться внутрь.

Семен взялся за ноги и стащил Луи вниз, чтобы Сашка мог подхватить его под подмышки. Пыхтя от напряжения стали двигать туловище к выходу. Объемистое пузо француза болтыхалось туда-сюда, вызывая чудовищную качку. С небольшой заминкой преодолели выход. Уже снаружи бутылка скатилась с пухлой груди начальства и громко грохнулась на асфальт.

— Где? Куда? — не просыпаясь, вопросил Луи и вдруг стал брыкаться.

— О, чтоб тебя, — заныл Саша.

Луи вдруг особо сильной конвульсией вырвался, мягко повалился на асфальт и проснулся. Какое-то время он промаргивался, а затем сел, подобравшись, и облокотился на колесо чьей-то машины.

— Что это такое случилось? — спросил он и стал ожесточенно тереть глаза.

— Напился ты, Луи, вот что, — отозвался Семен спокойно, — ты идти можешь? У меня эфир вот-вот.

— В утиль эфир, — отозвался Луи, — все в утиль. Хрен мы теперь спонсора найдем…

— Почему же? — спросил Саша. — Ты всегда находил.

— Но не теперь, — гаркнул француз, — аррраааа! А все из-за вашего м-мудака Загваздина…

Это было уже совсем неожиданно.

— А что Загваздин? — спросил Семен.

— Ввел свое чрезвычайное положение, сволочь!

Семен не понял, как связан этот факт с отказом от рекламы.

— Слушай, — сказал он, — вставай. Ты должен пойти к себе и отоспаться.

— Скоро все отоспимся, — завопил Луи, — за Обочиной отоспимся…

— Найдем другого рекламодателя, в чем проблема? — спросил Сашка. Семен посмотрел на него в том смысле, что сейчас вряд ли этим можно вразумить.

К ним подошел Низкий, видимо, шедший домой на обед.

— Что происходит? — спросил он.

Луи, увидев помощника полицейского, предпринял попытки встать.

— Вот эта морда! — заорал он. — Сейчас я тебе вот этими руками изложу все… изложу все, что ты передашь своему начальству!

К счастью подняться и воплотить угрозу в жизнь Луи не смог. Он снова обмяк и прикрыл глаза — видимо, организму не понравилось, что энергия тратится на движение, а не борьбу с алкогольным отравлением.

— Ооо, — протянул Низкий, — кажется, кто-то напился до бобика.

Сашка и Семен тут же вскочили перед помощником, закрыв собой Луи.

— Слушай, Эдик, — сказал Голос, — мы просто отведем его домой, и он там отоспится…

Однако Низкий, кажется, обиделся на слова директора радиостанции.

— Это против правил, — сказал он, — бугуртишь пьяный на улице — будешь отсыпаться в бобике.

Последнее, что нужно было репутации радиостанции — чтобы ее директора закинули в клетку полицейского внедорожника. С другой стороны, если Луи станет проблемой Низкого — то Семен и Сашка могут спокойно заняться своей работой.

Голос посмотрел на Сашку и тот понял его мысль.

— Хорошо, — сказал он, — извините его за это.

И они разошлись в стороны, предлагая Эдику разбираться с пьяным дебоширом, возлежащим под колесом.

Низкий, кажется, осознал проблему и с затаенной злобой посмотрел на Сашку.

— Что ж, мы пойдем, — сказал Семен, — нам нужно работать.

Они вернулись в фургон. Закрывая дверь, Голос, увидел, как Низкий опускается перед Луи на корточки.

— Если он все же придумает способ дотащить Луи до бобика, то тому наутро очень не понравится, где он оказался, — сообщил Сашка, усаживаясь на свое место.

— И нам придется терпеть его нудеж на тему, что мы оставили его на произвол судьбы, — согласился Семен. — В любом случае, это случится нескоро. Завтра он вряд ли будет в состоянии вообще хоть что-то делать.

Впрочем, Низкий мог плюнуть, и оставить Луи лежать в проходе между рядами.

— Ладно, приступим, — сказал Семен, вставляя провод в гнездо диктофона.

2

Лавочник предлагал встретиться в машине некоего Абрама. Семен понятия не имел, кто это, но получил четкие указания, как пройти и опознать машину — и удивился. Автомобиль стоял через машину от полицейского внедорожника Загваздина.

Лавочник любитель рисковать?

Впрочем, как выяснилось, никого — даже Луи, к облегчению Семена — в бобике не оказалось, видимо, Лавочник и за расписанием Андрея следил.

Автомобилем Абрама была фиолетовая Нива и хозяина тоже не было, зато сам Лавочник присутствовал.

— Итак, ты ходил к Гроссу, — начал он вместо приветствия, не успел Семен и сесть как следует.

В машине странно пахло — и как-то отдаленно знакомо.

— Если ты следишь за каждым моим шагом, то зачем тебе вообще я?

— Я же уже говорил — у меня нет возможности поболтать с Гроссом. А у тебя есть.

— Зачем с ним болтать, если можно круглосуточно следить?

— Ты переоцениваешь мои силы, — сказал Лавочник. Улыбнулся сморщенному носу Голоса.

— Абрам один из моих распространителей… — сказал он, — и, по совместительству, еще и клиент, как можно заметить.

— Смело, в двух шагах от Загваздина.

— А, это ничего. Например, Низкий тоже наш клиент по этой теме.

— То есть он крышует вас?

— Нет, просто покупает, — ответил Лавочник с презрением, — из Эпохи Кожаных курток сигналили, просили вернуть замшелого журналиста.

— То есть тебя они не крышуют, потому что это прошлый век, а вот Хмурого Пита, по твоим словам, покрывают. Вижу тут противоречие.

— Так Хмурый Пит из той эпохи и не вышел. Он живет старыми законами и временами. Он памятник эпохе. Вернемся к делу. Что говорит Гросс?

— Ничего, — ответил Семен, — контрабандистов к нему не поступало и никаких “странных разборок” на его территории не было.

— Ожидаемо, — задумчиво произнес Лавочник. — Видимо, Олаф заполз в более глубокую задницу, чем я мог подумать. Мне это не нравится, Голос. А если твой дружок Олаф решил предать меня, а?

— Я думаю, в мире черного рынка предательство — это очень размытое понятие.

— У нас есть правила, чувак, — возразил Лавочник. — И меня такое поведение беспокоит. Я даже включил твою паранойю и проверил его Смарт. Ну чисто на всякий случай.

— И?

— Конечно, машина на месте, — Лавочник усмехнулся, — но теперь там живет какая-то деваха.

— Деваха?

— Ага. Пришла вместе с Пешеходами с его ключами в руках. Говорит, Олаф разрешил ей пожить у него, пока сам он прячется от Андрея где-то там сзади.

— И она сказала, где он прячется?

— Моего паренька она отшила. Тот говорит, темперамент будь здоров.

— Может, он был не слишком учтив? — с иронией произнес Семен.

— Эй, намекаешь, что мы все тут такие неотесанные, раз живем в тени? — возмутился Лавочник. — А впрочем, раз такой умный, попробуй сам с ней потолковать. Зовут Султана.

Как интересно все складывается, подумал Семен. Пешеходов даже искать не надо — сами появляются в его жизни.

— Тогда прямо сейчас и пойду, — сказал он.

— Ого. Вот так сразу? У тебя какие-то свои интересы, я смотрю?

— Так Олаф же мой друг, — Семен не упустил возможности уколоть Лавочника его же словами, — к тому же, я журналист, а Пешеходы — новое явление. Пора заводить знакомства.

— А, ну да, — скривился Лавочник, — только не сдай их всех полицейскому.

— А они уже что-то сделали? — Семен уже выходил.

— Ага. Живут не так, как хочется Загваздину.

— Это не запрещено.

— Пока нет.

3

После эфира и ужина остывшим уже шашлыком, Семен пошел по наводке Лавочника проведать ту самую Султану. Подойдя к машине контрабандиста Семен увидел, что в «Смарте» горит свет. Молодая коротко стриженная блондинка читала на пассажирском кресле, уперев маленькую книгу в приборную панель и удерживая ее стопой. У нее сложно и интересно двигались губы — будто она читала вслух, но при этом кривлялась и всячески коверкала слова. Семен деликатно постучал в стекло. Султана — а кто же это еще мог быть — повернулась и нахмурилась. Затем сдвинула ногой книгу так, чтобы она не скатилась с приборной панели и перегнулась через водительское кресло, чтобы открыть дверь.

— Ты кто такой? — без всякого приветствия выпалила она.

— Голос, — ответил Семен, — я друг Олафа.

— И человек, который ходит вокруг и всех о чем-то выспрашивает, — продолжила блондинка со скукой в голосе. Затем откинулась обратно на свое кресло. — Валяй, садись. Спроси меня что-нибудь.

Семен сел за водительское кресло. В блохе было тесновато, они почти касались с Султаной плечами.

— Вообще я искал Олафа, — сказал он. — Ты не знаешь, где он сейчас?

— Откуда? — спросила она. — Он мне не докладывает.

— Ключи же он тебе дал.

— А он не планирует сюда возвращаться. Ключики я отдам вон тем ребятам, — она указала на машину Пироговых.

Интересный поворот. Олаф решил не возвращаться? Неужели его настолько напугало всего лишь внимание Загваздина? Или все же, как неприятно об этом думать, Олаф как-то причастен к пропаже директора Банка?

А может и к убийству.

Молчание затягивалось и Семену стало неловко.

— Что читаешь? — спросил он.

— Это? — Султана бросила взгляд на книжку. — Понятия не имею. Какая-то фигня про убийство в поезде. Ты знаешь, что такое поезд?

Семен покачал головой.

— В этих книжках люди ходят везде, где им вздумается, будто Немира не существует.

— Они и так ходят. Правда недолго.

Султана засмеялась.

— У вас тут тоже кое-кого убили, да? Поэтому вы все такие?

— Какие?

Султана пожала плечами.

— Зажатые, занудные, — стала перечислять она, — скучные, только и разговоров, что как теперь жить без шашлыка… у вас это единственная радость в жизни была, похоже…

— Наверное, мы действительно зануды по сравнению с вами.

— Со мной — еще бы!

— Я имел ввиду — по сравнению с Пешеходами.

— А, — бросила Султана со скукой. — Среди них тоже много зануд. И Серж главный зануда.

— Серж?

— Ну да. Серж, — она посмотрела на него с усмешкой, — первый раз вижу человека, который не знает Сержа. А ты точно на радио работаешь? Я думала, ты все знаешь.

— Если бы я все знал, мне вообще не нужно было бы работать, — парировал Семен. Султана и раздражала, и привлекала одновременно.

— Справедливо, — сказала она, — закурить есть?

Семен помотал головой.

— Ты точно друг Олафа? — она прищурилась, — такой зануда, еще и не курит. Олаф с такими не водится.

— Откуда ты знаешь с какими водится Олаф? — возмутился Семен. — Сколько ты его знала? Пару дней?

— …и те без штанов, — Султана расхохоталась. — Какая разница сколько времени я его знаю? Что это решает? Ты можешь хоть с рождения его знать — и что с того? А? Как это влияет на то, что я знаю какой он сейчас?

А девочка любит поспорить на интересные темы, подумал Семен. Если все Пешеходы такие, то с ними, должно быть, неплохо.

— Ты сейчас про это хочешь спорить? — спросил он. — Или все же поговорим о том, кто такой Серж?

— Глава Пешеходов это. Такой высокий седой чувак, постоянно вещает о том, как хорошо идти по Дороге пешком, как много он всего повидал — в общем, нагонять скуку он умеет.

— Тааак, — протянул Семен, — и где его найти?

— А тебе он уже понравился? Услышал про угрюмого мужика и уже сбегаешь от девчонки?

— Я глава клуба зануд, — пояснил Семен, — хочу его пригласить.

Султана снова засмеялась.

— Окей, принято, — ответила она, затем вдруг закатала черный блестящий рукав, — смотри!

На руке у нее была татуировка. Зеленоватая краска изображала буксующее на месте колесо и клубы дыма, а красная — огонь вокруг.

— Впечатляет, да? — Султана опустила рукав обратно. Легко было понять, почему она так гордится татуировкой — краска была редкостью, и сделать себе приличное тату стоило немалых денег. Но Семен уже думал не о татуировке, а о материале, что теперь ее покрывает. Только сейчас он понял, что Султана была в кожаной куртке.

Она — словно человек из прошлого. Пришла откуда-то позади, из Эпохи Кожаных курток, будто она преодолела пешком не только расстояние, но и само время.

— Интересный у тебя взгляд, — сказал Султана. Семен очнулся и перевел взгляд на ее лицо.

— Что? — переспросил он.

— Это была вежливая попытка сказать, что ты пялишься.

— Что? — снова спросил Голос и почувствовал себя глупо. — Я вовсе не…

Султана засмеялась и вдруг по-дружески толкнула его в плечо кулаком.

— Да расслабься. Это не запрещается.

Он вдруг понял, что его в ней привлекает — ее чужеродность. Он не знал ее, не знал ее родителей и ближайших друзей. Это была редкость, которую следовало ценить.

— Знаешь что? — вдруг заявила Султана. — Мое время задавать вопросы. Ты вломился сюда. Беспардонно сидишь, хотя солнце уже село, — Семен перевел взгляд в окно и практически ничего не увидел, — и даже сигарет у тебя нет.

— Спрашивай, — пожал плечами Семен, — что угодно.

Султана повернулась к нему насколько это было возможно, выпрямилась и выпалила официозным тоном:

— Я весь день гуляла тут у вас в округе, и знаете — ваша жизнь мне показалось очень и очень скучной. Это меня огорчило. Как вы здесь развлекаетесь?

Семен не выдержал и захохотал.

— Серьезно? — спросил он. — Ты думаешь, я вот так беру интервью?

— Хей! — возмущенно закричала она. — Это вообще-то мой первый раз. Стараюсь как могу. Отвечай на вопрос.

Семен задумался. И действительно, как мы отдыхаем? Он перебирал в голове варианты и единственное к чему приходил, что главное развлечение — это слушать его, Голоса.

— Чтоб тебя, — пробормотал он, — кажется, ты права, мы чертовски скучно живем… В основном, люди слушают… эээ… меня. Пьют, если есть возможность достать какой-нибудь алкоголь. Разговаривают… о всяком.

Султана закатила глаза.

— То-то вы все такие вялые, как выхлопные газы на ветру, — она посмотрела в окно, — надо научить вас развлекаться, пока мы не ушли.

— О, к слову — вы тут надолго?

— Пока нам не надоест, — Султана повернулась к нему, — я уже близка к этому, чуешь?.. А еще пока Серж не решит, что хватит вас

мучить своими проповедями. Обычно он ждет пока к нему не присоединятся два-три человека хотя бы, а потом мы трогаемся с места. И сейчас я задаю вопросы, забыл?

— Ладно, — Семен откинулся на спинку. — Давай дальше.

Она снова приосанилась — кажется, это происходило против ее воли.

— Вот вас все знают, — он наигранно отмахнулся, — наверняка у вас нет отбоя от женщин?

Семен не знал, что сделать — выпалить что-нибудь раздраженное или растерянно покраснеть. Поэтому выбрал средний вариант.

— А можно не отвечать?

— Эй! Это против правил!

— Почему это? — деловито заявил Семен. — Респондент не вправе отвечать на вопрос, если он ему не нравится. Это часть работы.

— В задницу твою работу! Это мои вопросы, отвечай давай, — она хлопнула его по коленке.

— Вот сейчас у тебя хорошо получается, — сообщил Семен, желая перевести тему, — сейчас ты — это ты, а не нечто, что ты там представляешь о журналистах…

— О, меня ты узнаешь, если сейчас же не ответишь!

— Я тебя знаю полчаса, почему я должен отвечать на такой личный вопрос?

— Пришел к девушке, уселся тут, не спрося даже имени — и нате, на вопросы отвечать не хочет!

— Я знаю твое имя, ты — Султана.

— Ух ты, — поразилась она, — так тебя кто-то подослал, да? А?

— Никто меня не подсылал, — отмахнулся Семен, — но неужели ты думала, что я шел-шел и вдруг дай думаю постучусь в случайную машину?

— Ну да! Увидел меня и постучался. Разве не так мужики делают?

— Я так не делаю, — заявил Семен.

— Значит, можешь не отвечать на свой вопрос. Так и запишем — познал женщин — ноль штук.

Семен скривился.

— Серьезно? — спросил он. — Давай, записывай.

Она изобразила, будто пишет пальцем по ладони. Потом потянулась и провела рукой по своим коротким светлым волосам.

— Когда я слушала радио — я как-то не так тебя представляла, — сказала она. — У меня до сих пор в голове твой голос отдельно и вот ты сам сейчас — отдельно.

Вполне возможно ты и права, пришла в голову мысль. Голос — отдельно, Семен — отдельно.

— И как ты меня представляла?

— Нууу, — протянула она и внимательно его оглядела, — более… мускулистым?

— И все?

— Более мужественно, — неуверенно добавила она, — слушай, я понятия не имею. Другим, понимаешь?

— Понимаю, — кивнул Семен, несколько разочарованный, что его облик в головах людей куда лучше, чем он сам — набравшийся за жизнь каких-то непонятных ограничений, воображаемых барьеров, которых на самом деле не существует.

Например, можно было бы сейчас положить ладонь поверх ее руки, лежащей на рычаге коробки передач. Ничего бы страшного не произошло — напротив. Но Семен никогда этого не сделает — потому что выдуманные ограничения в его голове говорят, что так нельзя. Он с каким-то стыдом встретил мысль, что соскучился по женскому вниманию.

— Ммм, наверное, мне пора, — пробормотал он. — Завтра эфир с утра.

Она некоторое время молчала, глядя на него со странной улыбкой.

— Зануда, — с нежностью произнесла она.

Семен открыл дверь и вышел. Постоял немного, потом наклонился и заглянул внутрь.

— Я бы как-нибудь поучился развлекаться, — сообщил он.

— Это можно устроить, — ответила она легко. — Жди меня, и я приду.

— Спокойной ночи, — вежливо сказал он.

— Ага, — протянула она. Она уже полулежала в кресле и вытянутой ногой выцарапывала книжку с приборной панели, чтобы продолжить чтение.

В несколько расстроенных чувствах Семен отправился к себе. Пробка уже по большей части спала. Только в некоторых машинах горел свет, да около Обочины виднелось разгорающиеся точки сигарет.

Это могли быть как припозднившиеся гуляки из веселого мира Султаны, так и смурные патрули Загваздина — из идиотской реальности.

Ч2. Глава 2-1

1

Шел самый разгар эфира, когда в дверь микроавтобуса что-то тяжело ударилось. Семен, после секундной задержки, продолжил вещать и переглянулся с Сашкой — тот пожал плечами. Однако буквально через несколько секунд в дверь затарабанили руками.

Семен показал глазами Сашке, мол, иди проверь что там. Тот скинул наушники и осторожно открыл дверь. В студию тут же ворвался гомон и улюлюканье.

— Гоооооолоооооос! — ударил в спину пронзительный женский крик. Семен невольно вжал голову в плечи — это была Султана.

Сашка, впрочем, оценил ситуацию, выскочил наружу и захлопнул дверь. Сразу же послышался громкий бубнеж. Семен решил ускорится и сократить следующую после Пешеходов сводку. Даже через дверь и сквозь наушники он отчетливо слышал отдельные слова, которые бросал Сашка: работа… эфир… не лезь… ты кто такая?.. Ему оставалась только догадываться, что слышат радиослушатели.

Семен оттарабанил последние предложения практически скороговоркой, перегнулся через пульт и выключил эфир. Затем стянул наушники, встал и открыл дверь.

Сашка держал оборону — спина стрелой, руки расставлены в стороны — защищает вход. Прямо перед ним, уперев тонкие татуированные руки в бока стояла Султана. Вид у нее был самый решительный. Вокруг нее топтались еще какие-то личности. Какой-то тощий парень — не больше восемнадцати лет, — сложно изогнувшись пил из бутылки, воздев донышко к небу. Девушка с голубыми прядками в волосах, постарше на вид, скучающе курила с полуприкрытыми глазами. Еще двоих Семен узнал — это были местные. Безнадежный Сытин и Полина — дочь Раисы.

— Врываться в студию во время эфира… Да это как! — Сашка был в реальном гневе. — Да я вас всех лично за такое за Обочину бы повышвыривал!

— Уоу-уоу, спокойно, дружок, — говорила ему в ответ Султана, — я не к тебе пришла, а к своему другану Голосу. Лучше остынь.

— Султана, что ты здесь делаешь? — прервал ее Семен. Он стоял в дверях радиостанции, а потому возвышался над всеми.

— Как что? — с неподдельным удивлением заявила Султана. — Ты сам сказал, чтобы я научила тебя развлекаться. И вот я пришла!

— Семен, что за фигня? — вполголоса спросил Сашка. Семен показал глазами: «потом».

— Ты же знала, что идет эфир, — продолжил он.

— Конечно! Иначе как бы я поняла, где тебя искать? — только сейчас Голос понял, что Султана слегка пьяна. В этот раз кожаной куртки на ней не было. Она была в легкой майке и сейчас было видно, что татуировки у нее на обеих руках. Колесо на правой Семен уже видел. На левой тоже были языки пламени, но уже из выхлопной трубы и теперь заметно было, что татуировка на самом деле маскирует довольно уродливый шрам. То что казалось имитацией ожога — на самом деле было вовсе не имитацией.

— Пойдем! — он махнула рукой куда-то в сторону. — Ты со мной или с этим сосудом гнева?

Сосуд гнева — это было неожиданно и сильно. Семен не выдержал и засмеялся. И понял, что смеется не один — Сашка тоже начал ржать.

— Ты где такую откопал? — спросил он, повернувшись к Семену. Тот пожал плечами.

— Так ты идешь?

Семен оглядел ее компанию. Незнакомцы смотрели на него с интересом, а местные — с легким недоумением. Впрочем, ничего удивительного. Его включение в их компанию было наверняка не менее странным, чем наличие в ней Полины для него.

Семен кивнул.

— Юхуууу! — обрадованно завопила Султана. — А ты, сосуд гнева? Не хочешь расслабиться и опустошиться?

Она знала, что говорить, чтобы конкретному человеку понравилось — Сашка снова засмеялся.

— Первый раз слышу, чтобы нормальные люди так говорили, — заявил он и достал ключи от радиостанции.

Он закрыл основную раздвижную дверь, затем быстро обошел микроавтобус кругом и подергал ручки водительской и пассажирской двери. Убедившись, что все заперто, он вернулся к толпе.

— Так что — куда? — спросил Семен

— Вперед! — заорала Султана, встав походу движения и раскинув руки. И пошла вперед. Семен и Сашка переглянулись и двинулись следом. Их обступила молодая компания. Голос чувствовал себя немного неуютно. Молодняк. Это будет очень странно.

Зарево огня они увидели издалека, и Семен сразу напрягся — открытый огонь вызывал у людей Пробки панику и дикий страх. Все знали насколько бензин, дарующий благополучие и движение, может быть опасен.

Но это оказался всего лишь костер — они услышали бухающие колонки, услышали веселые крики и голоса и, вывернув из-за очередного грузовика, увидели его. Высокое пламя освещало огромный круг пространства Обочины — люди пили, общались или просто сидели у огня прямо у кромки Немира и никого сейчас это не смущало.

Костер был разведен напротив машины Наоборот — буйной девицы, которая не раз бывала во внедорожнике Загваздина, отнюдь не в роли дорогого гостя. То, что именно у нее образовалась вечеринка Пешеходов, было совсем неудивительно.

Двери машины были распахнуты и из них грохотала незнакомая музыка — очень динамичная. Семен посочувствовал соседям. С одной стороны была Обочина, с другой — ряды автомобилей. Это была граница миров. На фоне костра двигались силуэты людей и раздавался веселый смех. Это было самое странное, что Семен видел в своей жизни.

Султана подошла к открытому багажнику автомобиля, вытянула из него две бутылки, ловко открыла о край бампера и подала Семену с Сашкой. Голос осторожно сделал глоток. Это было пиво — легкое и неожиданно мягкое. То, что он пил иногда — в компании темных друзей Олафа или на пару с Сашкой иногда — было грубым и горьким — проще говоря, отвратительным, по сравнению с этим. Он сделал еще один глоток и понял, что ему нравится.

— Варили прям рядом с моим домом, — пояснила Султана, угадав его чувства — он пристально следила за его лицом, — нагрузила Пешеходов сколько могла, когда решила идти с ними.

Она ритмично подвигалась под музыку. Взгляд Семена невольно задержался на движении бедер и на сверкающей в свете костра голой

коже в прорехах выцветших джинс.

— Вы как будто первый раз видите, как люди танцуют, — засмеялась Султана. — Вы вообще танцуете тут?

— Танцуем иногда, во время Продвижения… — начал было Сашка, потом махнул рукой и опрокинул бутылку. Он пил долго, пена текла по щекам, кадык ходил туда-сюда.

— Ооо, давай-давай-давай! — тут же заорала Султана. Семен мысленно порадовался, что завтра выходной и тоже отхлебнул из бутылки. — А твой друг схватывает быстрее, чем ты, — она подмигнула Семену. — Пойдемте к костру!

Они подошли ближе к пламени. Тут было множество незнакомцев — компашка Султаны в ней растворилась без следа. Но были и местные. Им было явно неловко смотреть на своих соседей и знакомых. Семен тоже старательно отводил глаза, хотя, казалось бы, что такого-то они делают?

— Давай! — вдруг в самое ухо закричала ему Султана. — Двигайся!

Он с удивлением обернулся на нее. Она снова танцевала — удивительно хорошо и пластично.

— Просто дергайся под музыку, — со смехом заявила она и, не переставая танцевать, отхлебнула из бутылки. — Ну?!

Он продолжал стоять как истукан. Она протянула ему руку. Он взял ее свободной от бутылки рукой и неловко зашагал вслед за ней.

— Под музыку! — продолжала говорить она. Пальцы у нее были тонкими, а ладонь прохладной и узкой. Семен никогда не умел танцевать и сейчас, пытаясь качаться под раскаты битов из машины, чувствовал себя ужасно глупо. Но, кажется, зря. Во-первых, никто на него не смотрел — кроме, разве что, покатывающегося со смеха Сашки, но его можно было не брать в расчет. Во-вторых, Султана, кажется, вообще не замечала его неуклюжих движений, твердо заставляя его следовать за своей рукой. С удивлением Голос признал, что чувствует себя неловко только перед самим собой.

— У тебя отлично получается! — заверила Султана, но Семен знал, что она врет. Она вдруг закрутилась, не отпуская его руки и вдруг оказалась очень близко, а его рука обвилась вокруг ее тела.

— Юхууу! — снова заорала Султана, затем раскрутилась обратно. Внезапно, она отпустила Семена и, крикнув «У меня есть идея!»,

умчалась к машине. Семен заранее испугался, что за идея могла прийти к ней в голову, но остался смиренно ждать. Он сделал несколько глотков и осушил бутылку. Огляделся, куда бы ее поставить и не придумал ничего лучше, чем закинуть в огонь. Стекло тут же весело треснуло, из костра взлетели искры.

— Офигеть, — раздался вдруг рядом голос Сашки, — во дают эти Пешеходы. Кто это такая вообще? Откуда ты ее откопал?

— Султана, — машинально ответил Семен, — долгая история.

— Без башки девочка вообще, — заявил Сашка, — она к тебе прям прилипла, заметил?

— Серьезно? — Семену, казалось, что наоборот, это он весьма неуклюже к ней прилип, причем против своей воли.

— Да, со стороны хорошо видно, — Сашка улыбнулся, — с ней просто, да?

Семен кивнул. Он прекрасно понимал, что Сашка имеет ввиду. Незнакомка — одно это в Пробке значило очень многое. Он заметил ее у машины — она спорила с кем-то, кто сидел внутри, махала рукой, в которой была зажата бутылка, но разговора слышно не было за грохотом музыки.

Семен ощущал правой стороной жар костра, а левой — холод подступающей ночи. Вдруг музыка резко пропала, толпа вокруг костра выдохнула синхронное «Ээээй!» Внутри машины что-то сверкнуло.

— Компакт-диски! — выпалил Сашка и сорвался с места. — Не знал, что у Наоборот они есть. Офигеть!

Он побежал к машине и наклонился к распахнутой двери. Семен остался, оглядываясь вокруг. Уже никто не танцевал, раз музыка пропала. Многие поплюхались прямо на асфальт, там, где стояли до этого. Семен заметил Полину — она сидела у самого огня, запрокинув голову, с сигаретой в зубах. Глаза ее были закрыты. Между ногами в облупленных кроссовках стояла наполовину початая бутылка.

— Музыка скоро будет! — заорала со стороны машины Наоборот хриплым, прокуренным голосом, да так, что Семен вздрогнул. Она стояла прямо на крыше своего автомобиля и слегка покачивалась от выпитого — тощая, длинная, с совершенно лысой головой — что многие люди постарше воспринимали как непозволительное бунтарство. — Дайте шуму пока!

Народ замахал ей рукой и заулюлюкал. Семен почувствовал короткий порыв тоже что-нибудь заорать — погромче и побессмысленнее, но постеснялся — опять же себя. Окружающие только рады были бы услышать его голос среди своих, это он знал.

В машине снова сверкнуло — кто-то внутри вставлял другой диск в проигрыватель. Вдруг снова в уши ударила музыка — но уже медленная, мелодичная. Толпа радостно заулюлюкала, вокруг костра сразу повскакивали и стали становиться парочками. Семен увидел идущую к нему с протянутыми руками Султану, уже без бутылки. Она широко улыбалась.

— Так дело пойдет проще, — ее руки обвились вокруг его шеи. Он машинально взял ее за талию — руки сами помнили, что надо делать, хотя последний раз он танцевал медленные танцы на выпускном.

Султана вела — и вела хорошо. Дело действительно пошло на лад. Семен старался следить за движениями ног, чтобы не наступить партнерше на ногу, чувствовал себя довольно неуверенно, но ему вдруг стало куда спокойнее. Костер, мелодия, даже провал пустоты со стороны Немира — все это стало вдруг уютным и домашним.

— Ну и как тебе?

— Что? Вечеринка?

— Вечеринка. И Пешеходы.

— Вы безбашенные.

Султана засмеялась.

— Точняк, — заявила она.

И вдруг она поцеловала его. Он почувствовал ее требовательный, грубоватый и шершавый язык. Он чувствовал сигареты, перегар и приторно сладкий незнакомый вкус. Поцелуй ему решительно не нравился, но даже не всем этим, а грубым напором. Он все же ответил, и Султане это, очевидно, понравилось.

— Уоу, — заявила она, чуть отстранившись, — может, в тебя просто нужно вливать побольше пива и все будет в порядке?

Они перестали танцевать и теперь просто стояли обнявшись.

— У меня есть идея, — снова сказала она. Семен улыбнулся краем рта. Идея ее была прозрачна, как вода из гидранта.

Они взяли еще по бутылке из багажника и смылись — в сторону «Смарта» Олафа. На полпути Семен подумал, что к его машине ближе,

да в ней и просторнее, но было уже поздно.

Ч2. Глава 2-2

2

Утром Семен выскользнул из «Смарта», пообещав Султане зайти вечером — та в полусне пробормотала что-то вроде «да, еще затусим, ага…». Тело страшно затекло после сна на невозможно маленьком кресле.

Он заглянул в свою машину за полотенцем и пошел к автобусу-душевой, надеясь, никого не встретить. Но не вышло. Только он подошел, как из мужской половины душевого автобуса вышел голый по пояс, вытирающий на ходу голову Артур Пирогов.

— Привет, Голос! — вежливо сказал Пирогов. — Слышал, вы вчера хорошо повеселились с Пешеходами?

— Доброе утро, — поздоровался Семен. Артур перекинул полотенце через плечо и упер одну руку в бок.

— Хорошо выглядите для человека, который вчера посетил вечеринку, — улыбнулся он. — Как вам Пешеходы?

Подул прохладный ветерок, и Пирогов обхватил руками плечи.

— Я пока видел только гуляющую молодежь, — Семен пожал плечами, — там было много наших.

Кожа Пирогова покрылась мурашками и даже посинела слегка. Но он не спешил. Что ему нужно?

— О да. Даже моя дочка прибежала со школы и говорит — буду Пешеходом, — Пирогов улыбнулся. — Она кстати, говорила, что вы заходили на днях…

— Да не на днях уже… — пробормотал Семен.

— В общем… я только хотел попросить, не расспрашивать мою дочь без ведома меня или моей жены.

Семен растерялся. Во-первых, он ее особо и не расспрашивал — так, совсем немного поболтали, во-вторых, это звучало очень подозрительно, с учетом всего того, что уже знал Семен.

— Да без проблем, — отозвался он, — как вам угодно. Не хотел причинить вам неудобств. Я просто друга искал.

Артур покивал.

— В общем… спасибо за понимание, — он явно не понимал, как закончить разговор. Понял, что наехал на человека, на Голоса, а как смягчить — не знает. Тоже вписался в какую-то игру, к которой не привык. Как и Олаф.

Ветер подул сильнее.

— Советую пойти высушиться и одеться, — предложил Семен.

— Да-да, — Артур покивал, — конечно.

И развернулся чтобы уходить.

— Артур! — позвал Семен. — С вами-то можно будет поговорить?

— О чем?

— Обо всем. У вас два соседа пропали. Один даже с машиной.

Артур моргнул.

— С машиной? — спросил он.

— Ну да. Между вами и Олафом всегда же был крузак Хоботова.

Артур моргнул еще раз.

— Вы ошибаетесь, — сказал он. — Такого никогда не было.

Он помахал рукой и скорым шагом отправился в сторону своей Тойоты. Семен пожал плечами и поднялся внутрь автобуса..

Внутри была теснота. Салон поделен пополам стеной — женщины входят со стороны водителя, а мужчины в заднюю дверь. Она ведет в крошечную раздевалку — здесь два шкафчика, лавка, крючки для полотенец и две разбухшие фанерные дверки в душевые кабинки.

Семен убрал одежду в шкафчик, достал из прихваченного с собой пакета мыло и губку, повесил полотенце на крючок и нырнул в свободную кабинку. Духота и запах застарелой плесени тут же накинулись на него, и он поспешил включить воду. Из конуса хлынул поток весьма прохладной воды — солнце еще не успело как следует прогреть бочки. Вообще душевая была устроена так, что воду можно нагревать, заведя двигатель. Однако по распоряжению полицейского, если времена стоят теплые и солнечные, следовало экономить бюджетный бензин.

Неприятная встреча с Артуром оживила мысли о расследовании, об Олафе и обо всем остальном. Интересно, с чего вдруг Артур решил вступить в диалог только сейчас? Просто потому что случайно наткнулся?.. Или… Или потому что он наблюдал вчера кое-что

любопытное в соседском Смарте и почувствовал некую власть над Голосом, имея о нем маленькое интимное знание?

Семен помылся как можно скорее, затем жестко растер тело полотенцем, чтобы хоть как-то согреться, оделся и поспешил обратно к себе — досохнуть в тепле и начать думать. Накопилось множество вещей, которые требовали обстоятельного обдумывания, чем Семен давненько не занимался.

Что значит эта ночь с Султаной? Она ведь Пешеход, может, для нее это — обычное времяпрепровождение? Он боялся так думать — мозг отчаянно желал придать вчерашнему смысл, автоматически придумывал продолжение. Каковы их отношения теперь? Что сказать ей сегодня при встрече? И будет ли вообще встреча?

Что с Олафом, в какую щель он забился, что даже Лавочник не может его найти? Даже не расскажешь, что завалил девчонку из Пешеходов прямо в его Смарте.

И главное — что, город побери, делать со всем этим знанием про Хоботова, про следы? Впервые в жизни Семен обладал информацией, которой опасно делиться.

Где-то под ребрами маленький мальчик Семен страдал и втайне надеялся, что все разрешится само — Султана признается в ответных чувствах, Олаф вернется с диковинным товаром, а Загваздин вдруг объявит, что во всем разобрался, раскрыл убийство и Хоботов на самом деле не уехал в Немир, а… а всему есть логичное объяснение. Какое-нибудь.

Ч2. Глава 2-3

3

У «Кадиллака» Редактора была открыта задняя багажная дверь. Сбоку, прислонившись к машине, стояла Бриджит, строго сложив руки на груди. Внутри же, на измятых простынях просторного спального места в позе лотоса сидел Редактор — в домашних штанах, но при этом в выглаженной рубашке и очках. Это несоответствие Семен сразу принял за показуху — гляньте, какой я богатый чудак!

А еще тут был Луи. Он сидел на самом краю, спустив ноги вниз — но они не доставали до земли. Локоть левой руки уперт в коленку, а пальцы — в лоб. Луи явно не просыхал и продолжал страдать от круглосуточного похмелья. Он был в тапочках на носки. С одной ноги тапочек слетел и валялся на влажном асфальте.

Однако несмотря на удручающий вид, вчерашнюю измятую одежду и тяжелое сопение, Луи не казался убитым горем. Наоборот, взгляд из-под ладони, брошенный на Семена, будто говорил: все неплохо!

— О, Голос, хорошо, что ты пришел так быстро! — сказал Редактор из глубины своих хором. — Присаживайся.

Влад явно имел ввиду противоположный от Луи краешек его обширного спального багажника. Частично чтобы не чувствовать перегарный дух от директора, частично — из желания хоть как-то не идти на поводу Редактора, Семен оперся задом о нагретый утренним солнцем капот незначительного седана, стоящего позади черного внедорожника самого богатого человека в этой части Пробки — а может и везде.

Влад не подал виду.

— Бриджит, моя хорошая, принеси чаю дорогому гостю, — сказал он и его телохранитель или кто она там, отправилась к передней части машины.

Луи что-то пробурчал.

— Бриджит! — глухо произнес Редактор, обернувшись в недра автомобиля. — Две чашки! Наш прекрасный директор радиостанции все же надумал.

— Ты что-то хотел обсудить вот так… этим составом? — спросил Семен.

— Примерно, — кивнул Редактор, — конечно, я бы очень желал, чтобы наш дорогой директор пребывал в стопроцентном наличии, но я думаю и так справимся.

— Я вообще в норме, — буркнул Луи.

Бриджит вернулась с подносом. На нем было две небольшие чашки — фарфоровые, разумеется. Одну она аккуратно поставила рядом с Луи — тот проводил парящий сосуд страдающим взглядом. Вторую подала Семену в руки. Тот аккуратно взял чашку в руку, прикидывая, сколько своих зарплат он сейчас запросто может расхлестать об асфальт.

Внутри был чай — розовато-бежевый и непрозрачный.

— Хм, — буркнул Семен, — с молоком…

— Все самое лучшее для гостей, — невинно ответил Влад. Семен не пил молока месяца полтора.

Он осторожно попробовал, обжегся, не почувствовав никакого вкуса, и решил подождать.

— Итак, Семен, — Влад выпрямился в своей позе, — у Луи есть для тебя новости. Обычно это ты делаешь новости для него. И для всех нас. Но сегодня наоборот. Такого еще не было, а?

— Те новости, что ты слышишь, для меня тоже новости, — ответил Семен, — только я сам за ними хожу. Ножками.

— Об этом я и не подумал, — бесстрастно ответил Редактор. — Вчера я тоже кое-какую новость услыхал — не от тебя, правда. Что вот уже второй по счету рекламодатель отказывается от рекламы. Что ж они имеют на это право, времена сейчас такие — власти ставят препоны, эпоха на исходе… надо экономить. Поэтому я… и Луи, конечно, заключили некоторое соглашение.

Редактор замолчал. Семен перевел взгляд на директора. О, нет, подумал он. Нет-нет-нет.

— Что ты так на меня смотришь? — спросил Луи и отнял, наконец, руку от лица. Затем он хлебнул чая — скривился, то ли от того, что горячо, то ли от приступа тошноты. — Влад теперь платит за все наши развлечения. Твои.

Редактор с улыбкой покивал.

— Безвозмездно, — добавил он. — Мне реклама не нужна.

— Это все временно, — добавил Луи подавленным голосом. — Пока не найдем нового спонсора. Мы тебя, Влад, обгладывать не будем.

Не будет больше спонсоров, подумал Семен. Влад сделает так, чтобы они и на горизонте взора Луи не попадались.

— Не бывает так, чтобы безвозмездно, — сказал Семен. — Ты чего-то хочешь.

— Ну, раз уж ты настаааиваешь, — Редактор легко поклонился пока тянул последнее слово, — то ты прекрасно знаешь чего я хочу.

Смены полицейского. Конечно. Что, как не радио в кармане, даст огромный буст этому предприятию. Но вслух он все же спросил:

— И чего же?

— Дружбы.

Семен кисло засмеялся

— Невелика цена.

Редактор не успел ответить — у соседнего просторного седана опустилось окно — такое же черное, как и на «Кадиллаке» и оттуда высунулась сухая, тощая в пятнах рука и слабо, но требовательно махнула. Бриджит даже не смотрела в ту сторону, но как-то почуяла призыв — обернулась и с неподходящей для ее мощной солидности проворностью рванулась на зов.

— Постой, — сказал ей перегнувшийся через край багажника Редактор. — Я сам.

Он скинул на асфальт мягкие туфли, обулся, обошел перегарную ауру Луи и склонился над окном.

Раздался слабый голос. Влад что-то тихо отвечал, взяв руку матери в свои. То, что это была его мама Семен не сомневался. О Владе ходили разные темные слухи — и то, что он держит ее взаперти, и то, что она не может простить ему смерти отца… Но этот большой и удобный седан, эта внезапная нежность говорили об обратном. Влад заботился о матери. Остается только гадать — из искренней любви или заглаживая застарелую вину.

Когда Голос пытался провести журналистское расследование об убийстве отца Влада, тот отказался от интервью — и велел Бриджит не подпускать «этих ребят с радио» к машине его матери. Это было давно, Семена и Голосом почти еще не называли — и расследование ни к чему не привело.

Через некоторое время перешептываний Влад обменялся взглядами с Бриджит — и она легко поняла какой-то немой приказ, порылась в «Кадиллаке» и, сверкнув белой тканевой сумкой, удалилась куда-то вперед по ходу движения.

Тем временем Редактор вернулся к ним, а окно в седане закрылось.

— Извиняюсь за эту заминку, — сказал он.

— Мы закончили? — спросил Луи. — Я хотел бы пойти отоспаться.

— Почти, — ответил Редактор, — нужно подписать кое-какой договор.

Он выудил папку из груды одеял и подушек, как будто спал с ней в обнимку. Раскрыл, деловито полистал.

— Вот, — сказал он, вынул из кармана рубашки шариковую ручку, — и протянул ее Луи. Тот подмахнул документ не глядя.

Редактор кивнул с удовлетворением, забрал ручку и теперь протянул ее Семену.

— Что? — спросил он. — И я тоже?

— Конечно, — ответил Редактор, — ты же Голос.

— И наемный рабочий. Зачем бы мне…

Он остановился, глядя в текст. По этому договору он уже не был наемным рабочим. Он был совладельцем и получал 14% с доходов. То есть, что очевидно, 14% от той суммы, что Редактор будет тратить на радиостудию.

— Какие еще доходы, если мы остаемся без рекламы? — все же спросил Семен.

— Позволь с этим мне разбираться, — сказал Редактор. — Подпиши и станешь вдвое богаче.

Редактор открыто лукавил. Конечно, куда больше, чем вдвое, и он сделал все, чтобы Семен его понял.

— Ты хочешь купить Голос? — спросил Семен, глядя на протянутую ручку.

— Это не покупка, — ответил Редактор, — а предложение партнерства. Тебе даром дают кусок бизнеса, эй! Лавочник бы уже кровью расписался.

— А выглядит как подкуп, — возразил Семен.

— Голос, ты меня убиваешь, — жалобно завопил Луи позади Редактора, — я целую радиостудию отдал этому стервятнику в руки не для того, чтобы ты кочевряжился.

— В договоре ни слова о том, что я буду вмешиваться в редакционную политику, — сказал Влад. — Убедись сам. Даже рекламой заведует все еще Луи. А ты — контентом. И никто тебе не указ. Хочешь — нанимай людей, хочешь — спусти все деньги на инсайдеров… Или как ты там добываешь информацию.

Что Сашка скажет на это? Семен взял в руки ручку. Покрутил ее в пальцах. Дорогая штука. Но на важных документах карандашами не распишешься.

— Еще 6% — Сашке, — сказал Семен, подняв глаза на Редактора. — С сохранением зарплаты. И подпишу.

Редактор улыбнулся.

— Вот, это уже другой разговор. Я напечатаю отдельный договор с ним — подпишет вместе с Луи. Договорились?

Семен кивнул и поставил свой простенький росчерк над нужной чертой.

— Прекрасно, — сказал Редактор, захлопнул папку и, не глядя, бросил ее обратно в недра своего царства сна.

— Ты так рад этой сделке, — сказал ему Семен, — хотя она вряд ли принесет прибыль в ближайшее время. Почему?

— Инвестиции, — коротко сказал Редактор, залезая обратно к себе во внедорожник. — Не все должно окупаться сразу.

Ч2. Глава 2-4

4

Когда Семен добрался до Шашлычной, Сашка, судя по всему уже поел. Но о друге позаботился — держал промасленную бумагу двумя руками, на удалении от себя, чтобы не заляпаться и с увлечением что-то рассказывал. Семен не сразу обратил внимание с кем он разговаривает, а потом его бросило в жар — Султана лениво слушала Сашкины разглагольствования и скучающе ковыряла пальцем отставшую кожу на рукаве куртки.

Она заметила Семена, улыбнулась и кивнула.

Сашка обернулся и глазами изобразил понимание.

— Я буду в студии, — сказал он, потрясая шашлыком.

— Ну что, — весело спросила Султана, — понял, как развлекаются нормальные люди?

— Я бы каждый день так развлекался.

Султана его не поняла.

— И отлично, — сказала она, — мы дождемся вместе с вами Продвижения — и тогда ты увидишь тусу, которой никогда не видел.

— Вы тоже празднуете Продвижения? — удивился Семен..

— Можно и так сказать, — Султана загадочно усмехнулась, — это что-то вроде обычая. Мы стараемся проводить его каждый раз, когда попадаем на Продвижение.

— Интересно будет посмотреть, — кисло сказал Семен. — А сегодня?

— Что сегодня? — переспросила Султана.

— Ммм… будет вечеринка?

— Эй, да вы посмотрите на него! — громко заявила Султана. — Еще вчера был хмурым букой, а сегодня хочет оторваться второй день подряд. Притормози, парень.

Семен взял ее за руку, Султана заметно вздрогнула от прикосновения, но он не отступил.

— Я про нас, — пояснил он вполголоса.

— Про нас — что?

— Про нас с тобой.

Султана молчала, прозревая. Потом отошла на два шага и с легким недоумением осмотрела его с ног до головы, будто проверяя с тем ли человеком она по-прежнему разговаривает.

— Слушай, — пробормотала она, — может, у вас это тут так принято… Но в моих обычаях люди не венчаются и не живут долго и счастливо после одной ночи.

— Стой, я вовсе…

Но она не дала ему договорить.

— Мы развлеклись, сделали друг другу хорошо, но это была вечеринка, понимаешь? Не думаешь же ты, чтобы я сейчас прыгнула к тебе в машину, послала к черту всю свою жизнь и…

— Я понял, — сказал он, — не продолжай. Прости, это было глупо.

— Нет, — она помотала головой, — все нормально. Мы из разных мест, нас по-разному воспитывали. Извиняться глупо. Но… но да, прости, я, кажется, разрушила какие-то твои надежды.

— Да я и не надеялся ни на что, — он вздохнул. — Ты ведь Пешеход, ты бы все равно ушла.

— Ну, то есть ты понимаешь?

Он посмотрел на нее. В ее глазах плавал как будто испуг. Это его удивило. Как будто она боялась за него.

— Так, мне уже неловко, — сказал он и тоже отошел. — Я… я пойду, пожалуй.

Сашка ковырялся в оборудовании под пультом, отодвинув свой стул, и стоя на четвереньках. Семен закрыл за собой дверь и уставился на мертвую аппаратуру, уснувшую до понедельника. Сашка любил все это — копаться в этом железе, апгрейдить его своими скудными силами, не брезгуя контрабандой и черным рынком. Сашка как-то втайне сообщил, что Сытина в «Железяках» продает из-под полы различные радиодетали.

— Это твоя вотчина, — сказал Семен, садясь на свое место.

— Чего? — приглушенно и с недоумением спросил Сашка.

— Студия, — Семен обвел руками пространство, — это твое святилище и алтарь. Ты проводишь тут большую часть времени, даже когда мы не работаем. Ты смеешься над своей матерью-знакопоклонником, но сам — ушел не так далеко. Ты просто выбрал другой тотем.

— Поешь, — посоветовал Сашка, — тебя что-то заносит с голодухи.

Голос сел, развернул бумагу, без особого интереса положил кусок мяса в рот и стал медленно разжевывать его.

— Если я поклоняюсь радиостанции, то ты — ее дух, Голос, — заявил Сашка, пользуясь тем, что у Семена полон рот, — а это как-то слишком самонадеянно, тебе не кажется? Я не хочу поклоняться его величеству Дергачеву.

— Я думал вообще тебя не дождусь, — признался Сашка, вылазя на свет, — вы такая сладкая парочка. Как поршень и свеча… Ее искра тебя толкает на свершения, а?

Семен скривился и промолчал. Ему не хотелось объясняться, а тем более — участвовать в Сашкиных словесных игрищах. Но тот и так все понял:

— Ооо, — протянул он, — а свеча-то одноразовая… — и, осознав, что перегибает, одернулся. — Все сильно плохо?

— Да нет, — нарочито бодро ответил Семен, — развлеклись да разошлись. Я ничего особенного и не ждал. Она же Пешеход. Все равно это ненадолго.

Сашка задумчиво кивнул и неловко пробормотал:

— Ну, если что — я рядом.

— Ох лучше бы ты продолжал про толчки и искры! — неуклюжая попытка позаботиться о друге внезапно подняла Семену настроение.

— Это я могу, — подтвердил Сашка.

— И вообще, у меня новости, — жуя шашлык Семен пересказал новости о сделке с Редактором, куда более впечатляющие, чем не слишком примечательная сексуальная жизнь журналиста.

— Шесть процентов? — переспросил Сашка. — Это сколько в литрах?

В договоре значилась довольно солидная сумма. Семен прикинул операционные расходы и содержание студии и назвал число.

— И еще зарплата?

— И зарплата, — кивнул Семен.

— Очуметь… — Сашка внимательно посмотрел на друга. — Тебе по-любому предложили еще больше. Но ты не выглядишь счастливым.

— Влад нас купил. Мы теперь поле боя — Редактора с полицейским.

* * *

Чтобы видеть пришлось забраться на крышу чьего-то автомобиля. Толпа Пешеходов встала цепью от самой Обочины и до границы с Антимиром. Продвижение застопорилось. Впервые на памяти Семена кто-то посмел помешать Продвижению. За спинами Пешеходов образовалось большое серое пространство голого асфальта. Очень необычное зрелище — никогда раньше Семен не видел ничего кроме бесконечных рядов машин. И тут вдруг — разрыв, пустота, ничто. Будто сам мир раскололся.

— Еретики! Вы перекрыли путь к Городу! — слышались крики из толпы зевак. Семен стал шарить глазами по толпе, стараясь увидеть Загваздина, но он куда-то запропастился. Без представителя власти шоу казалось зловещим. Казалось, появись здесь сейчас человек в знакомой форме со всеми атрибутами власти — фуражкой, полосатым жезлом, то все тут же бы изменилось и разрешилось само собой.

Пешеходы торопливо разворачивали плакаты вдоль своей цепи. «На своих двоих!» — гласил первый плакат. «К городу — пешком. Быстрее будет!» — гласил второй. Над головами задних рядов тоже поднимали какие-то таблички с надписями, но Семен как ни напрягал зрение, прочесть не мог.

Зато он мог прочесть лица некоторых Пешеходов в передних рядах — на них было удивление, смешанное со страхом. Семен не понял, чего они боятся. Если не считать нескольких агрессивных выскочек, то жители Пробки собрались скорее из любопытства, чем из-за того, что жаждали немедленно возобновить Продвижение.

Машинально он стал искать лицо Султаны, но одернул себя. Это пройденный этап, он, если угодно, совершил внутреннее Продвижение — и не должен постоянно смотреть в зеркало заднего вида.

Он понимал, чем недовольны его соседи по участку. Во-первых, Продвижение было священным действом и, по факту, единственной настоящей радостью любого жителя Пробки. Во-вторых, он прекрасно понимал ход их мыслей. «Что же мешает всем этим людям выполнить то, что у них на плакатах написано? — думают они. — Никто ведь не держит — собрался и пошел вдоль машин в сторону города. Никто и слова не скажет. Иди, раз хочется. У нас только в Антимир ходить нельзя и за Обочину. А вперед или назад — пожалуйста!»

Семен обратил внимание на шевеление в толпе зевак — и почувствовал прилив тревоги. В первый ряд выходили дружинники из добровольных отрядов Загваздина. Во главе стоял огромный — ни с кем не спутаешь — Хмурый Пит, опираясь задом на кенгурятник своего чудовищно огромного пикапа. Они выглядели куда агрессивнее самих Пешеходов.

В цепи плакатчиков произошло какое-то движение и вдруг — сначала нестройно и тихо, а потом все громче и слаженнее, — они начали скандировать: «Нет Продвижению! Нет Продвижению!» И на этом моменте наконец-то появился Загваздин. Запыхавшийся, с мегафоном наперевес, он вылез прямо перед толпой зевак. Тех его вид немного смутил, и на пару секунд скандирование превратилось в вялый гвалт. Но только на пару секунд.

— Уважаемые граждане! — закричал Загваздин в рупор. Слышно его было плохо. — Граждане! Послушайте же! Никто вам дорогу не переходил. Мы ничего вам плохого не делаем. Так не мешайте же нам жить дальше так, как мы жили до этого, как наши отцы-деды. Если хотите вы жить по-иному — никто вас не держит.

Семен криво улыбнулся. Загваздин почти слово в слово повторял то, что он вложил в его народные уста несколькими минутами ранее.

— Никто вас не останавливает! Так зачем же переходить дорогу другим? — тут голос полицейского слегка изменился. — Мы в любом случае отстоим свое право на Продвижение! Это наш священный долг и обязанность. И если между нами долгом возникнет препятствие… То мы снесем его.

Прозвучало довольно агрессивно — но многим в толпе зевак явно понравилось, и они одобрительно заулюлюкали. Семен удивленно смотрел на фигуру Загваздина — кто-то включил фары, и он стоял в конусе света, черный — только светоотражающие полосы на жезле ярко искрились. Человек, который должен был по идее успокоить публику, как и подобает полицейскому и хозяину положения, только еще больше раззадорил ее.

— Мы даже будем рады, если вы уйдете, — продолжил Загваздин, не дождавшись никакой реакции с той стороны, — нам не нужны тлетворные внешние влияния! Вы нарушаете наше общее благополучие Пробки, своим поведением — вызываете подозрение.

Неожиданно от цепи протестующих отделился один человек — Семену бросились в глаза горящие в свете фар белые волосы — и подошел к Загваздину вплотную. Они о чем-то потолковали и Загваздин передал белобрысому рупор. Тот сразу встал спиной к своим, лицом к зевакам, прочно уперся ногами в асфальт и, поднеся мегафон к губам, принялся вещать:

— Послушайте теперь нас! Меня зовут Серж, я лидер движения Пешеходов и, наверное, вообще первый Пешеход в истории Пробки, — со стороны плакатов донеслись одобрительные возгласы. — И меня, признаюсь, удивляет ваша реакция. Вот это небольшое представление, что мы тут устроили — наш традиционный митинг — мы стараемся проводить его каждое Продвижение. Мы не хотим никому чинить препятствий! Мы не хотим, чтобы из-за нас страдал хоть один житель Пробки. Это такая традиция — я вижу, у вас чтут традиции, так что думаю, вы понимаете. Это нужно не для того, чтобы разладить жизнь в Пробке — мне бы не пришла в голову такая ужасная мысль! Но это — манифест, если вам угодно, попытка открыть новый путь для тех, кто давно его искал. Мы нашли уже много сторонников здесь, будучи у вас в гостях — и это очень радует меня. Эти плакаты и эти лозунги — не объявление войны, а приглашение.

Семен не столько слушал, сколько разглядывал белобрысого. Довольно быстро он понял, что ошибся насчет цвета волос — говоривший был попросту сед, хотя и не производил впечатление старика. Его рот двигался четко и правильно — как и у самого Семена, когда он вел выпуск. Этот голос Пешеходов явно привык много говорить. И говорить именно так — вещать что-то большому количеству людей, выступать перед толпой.

Серж перестал говорить, опустил мегафон — и они снова начали неслышно переговариваться с Загваздиным. Вокруг того собралась уже толпа поддержки — Низкий и Высокий, Хмурый Пит и его патрульные.

Внезапная небольшая вспышка в толпе Пешеходов отвлекла Семена — он автоматически посмотрел туда, еще не успев понять, что же он увидел. А когда понял, то очень удивился. Тут он снова увидел вспышку — вокруг нее на мгновение ореолом высветились длинные темные волосы. Он был уверен, что на этот раз вспышка была

направлено именно на него, Семена. И Голос понял почему — он стоял выше всех, он был заметен.

Забыв и о протестующих, и о Загваздине с оратором Семен спрыгнул с автомобиля и стал продираться сквозь толпу. И на этот раз никто не стремился его пропускать — просто не было места, куда сдвинутся, чтобы пропустить. И потом, кому нужен Голос, если сейчас все и так в центре событий? Семен лез, протискивался, оттаптывал ноги, плечом разрезал особо плотный слой толпы и внезапно оказался в пустом пространстве, чуть не упав от неожиданного ничего. Быстро огляделся — он прорвался на нейтральные земли — в промежуток между толпой зевак и протестующими.

И он вдруг увидел — блеск выпуклых стеклянных линз, огромный белый прямоугольник вспышки и прорезь для фотографий. Фотоаппарат полностью закрывал лицо, но нежные руки и длинные темные волосы говорили, что оно будет женским.

Фотоаппарат смотрел чуть в сторону, но очередная вспышка все равно ударила прямо в глаза, Семен зажмурился и зашипел от боли, проступили слезы. Он смахнул их рукавом, ожесточенно протер глаза и снова поднял взгляд — и он сразу же утонул в миндально-карих глазах.

— Я вас ослепила! — с ужасом произнес молодой приятный голос. — Простите, пожалуйста…

Семен замотал головой.

— Я сам виноват, — ответил он, — не стоило так пялиться… ваш фотоаппарат…

Девушка опустила глаза и посмотрела на камеру у себя в руках. В правой руке между двумя пальцами у нее был зажат свежий снимок.

— О да, он пострясающий, — сказала она. Семен подумал, что она отлично справилась бы с ролью ведущей на радио — голос был мелодичный, женский, но при этом достаточно низкий, чтобы звучать дивно хорошо. И черты лица — все, кроме глаз, такое небольшое, компактное, будто скульптор экономил, но при этом старался показать богатство линий в деталях. Семен и не думал, что такие могут быть Пешеходами — она казалась слишком хрупкой и миниатюрной для жизни на ногах.

— Не видел фотоаппаратов миллион Продвижений, — сказал Семен и, повинуясь неожиданному порыву, протиснулся сквозь первый

ряд плакатчиков к ней поближе. — Тем более таких.

— Этот мгновенно печатает фотографии, — отозвалась девушка, — вот, смотрите, — она повесила аппарат на ремень через плечо и протянула ему фотографию.

Семен бережно принял плотный квадратик бумаги и посмотрел на снимок. На нем в свете фар силуэтами выделялись несколько человек — невозможно было опознать кто это, просто люди из толпы зевак, но именно это казалось важным. Как будто на изображении на самом деле нет людей, а только черные провалы в никуда в форме тел.

Он вернул фотографию.

— У вас отлично получается.

— Да, — без скромности подтвердила она, — у меня было много-много времени, чтобы набить руку.

Она вдруг прищурилась, внимательно посмотрев на него.

— А это вы ведь стояли там, на крыше машины! — она залезла в поясную сумку, убрала туда свежую фотографию и стала перебирать остальные — их там была целая пачка. — Я вас выхватила, вы так хорошо смотрелись…

Она выудила одну из карточек и показала, не выпуская из рук. Если бы Семен не знал, что это он, то не понял бы — лица не разглядеть, да и все будто слегка размыто. Но зато четко очерчен контур машины, ноги будто врастают в него, а само тело — будто устремлено вперед, хоть и неподвижно.

— По этой фотографии видно, что вы очень заинтересованы всем этим, — она обвела руками толпу Пешеходов.

— Если честно, вы застали меня в тот момент, когда я высматривал вас, — смутился Семен.

— О, — она улыбнулась, — что ж, вы меня нашли.

— Сложно спрятаться, когда сверкаешь.

Она засмеялась.

— Меня зовут Семен, — неуклюже ввернул он.

— Агата, — легко ответила девушка и протянула руку. Он осторожно пожал ее.

— Вы ведь Голос, да? — спросила она. — О вас все говорят.

«У меня на лице написано, что я Голос?» — с недоумением подумал Семен. Теперь его узнают даже Пешеходы.

Смутившись, он не знал, что говорить дальше. Но Агата, к счастью, сменила тему.

— А вы не проведете меня туда? — она указала в толпу зевак. — Я бы хотела, как вы, встать на крышу автомобиля. Оттуда должны получаться отличные фотографии.

— Конечно! — ответил Семен, и они выбрались на нейтральную полосу, чем снова привлекли общественное внимание. Семен врезался в толпу плечом, но на этот раз она довольно легко разошлась — люди будто не хотели касаться кого-то из Пешеходов.

Они добрались до машины, на которой до этого стоял Семен — он надеялся, что хозяева не заметят, что на крыше будут уже два человека, потому что просил он только за себя. Он влез на капот, протянул Агате руку и вытянул наверх.

— Теперь осторожно, — сказал он, — главное, не наступите на лобовое стекло — очень круто и скользко. Упадете.

Они вместе переступили на крышу. Агата слегка покачнулась, он поймал ее за талию.

— Спасибо, — отозвалась она, мягко высвободилась и обернулась к митингу лицом.

Некоторое время она завороженно наблюдала. Сначала огромная толпа зевак, запрудившая все пространство вокруг передних машин. Затем — пустая полоса асфальта, шириной метров пять, не больше. И в этой полосе лишь несколько человек — Серж и Загваздин все еще вели переговоры. Дальше ровной цепью в три ряда стояли Пешеходы — Семен удивился, что их так много. А за ними — пустая Дорога, метров двадцать абсолютного ничто — и это действовало сильнее всего. Во всяком случае на него, Семена. Что чувствовала Агата, он не знал.

Девушка подняла фотоаппарат, долго прицеливалась и, наконец, сделала снимок.

— Не поможете мне? — она протянула ему снимок. Он осторожно взял его в руки. На фотографии почти ничего не было видно — все было очень бледным

— Просто подержите его на воздухе, чтобы хорошо проявился. Можете помахать туда-сюда, дело пойдет быстрее.

В итоге она стала делать снимки и передавать ему. Правой рукой он помахивал ими в воздухе, а в левую набралась уже целая стопка.

— А у вас, должно быть, большой запас картриджей, — сказал он.

— Не такой большой как хотелось бы, — отозвалась Агата, глядя в видоискатель, — но я надеюсь, что где-нибудь по дороге мне попадутся новые картриджи. Или пленка. Давно не попадалась.

Где-нибудь по дороге, повторил про себя Семен и вдруг остро осознал, что он стоит на крыше автомобиля, ночью, с прелестной черноволосой девушкой — и все это до отвращения романтично. Снова Пешеходка, уныло подумал он. И как меня угораздило?

Впрочем, возможно, это только его фантазии — толпа интересовала Агату куда сильнее, чем он.

Закончив снимать, она выпрямилась и приняла у него снимки.

— Спасибо за помощь, — сказала она, — с пленочным было бы гораздо лучше, но и так неплохо.

Они обернулись на толпу. Крики, кажется, надоели обоим сторонам — и они теперь тупо топтались друг напротив друга. Серж исчез — а Загваздин продолжал стоять в нейтральной полосе, важно расставив ноги и уперев руки в бока. Позади него высился Хмурый Пит, а Низкий и Высокий прикрывали фланги.

— Я не видел вас на вечеринке в выходные, — сказал Семен, — я вроде разглядел всех у костра…

— Вы просто рано ушли, — легко ответила Агата, и Семен понял, что она прекрасно понимает, о чем говорит.

Даже среди незнакомцев невозможно оставаться анонимным.

Действо, по всей видимости, подходило к концу — уже никто ничего не скандировал, а некоторые даже сворачивали плакаты.

— Вы не поможете мне спуститься? — спросила Агата. Она повесила фотоаппарат на шею. Семен кивнул, спрыгнул вниз и протянул ей руки. Она слегка неуклюже присела и соскользнула с крыши. Он поймал ее и отступил на два шага. Линза фотоаппарата больно надавила на грудную клетку.

— Ох, — отозвалась она, уже второй раз за полчаса оказавшись у него в объятиях.

Он поставил ее на асфальт и отпустил.

— Спасибо большое, — сказала она. Повернулась в сторону Пешеходов, которые группками расходились кто куда. Семен почувствовал, как внутренний идиот внутри него вдруг закричал: «Она сейчас уйдет!»

Не делай этого снова, сказал себе Семен, но все же открыл рот и:

— Я хотел бы посмотреть ваши фотографии, — а потом слегка тише и спокойнее. — Если это, возможно, конечно.

Агату, кажется, смутили его странные интонации. Но она все же весело кивнула и сказала:

— Конечно! Я живу у Наоборот. Это где была вечеринка…

— Я знаю, — сказал Семен.

— Приходите.

Он кивнул. Она протянула ему руку, и он неловко пожал ее. Затем она повернулась и пошла к ближайшей шумной группе Пешеходов — Семену показалось, что он услышал голос Султаны и увидел короткую светлую прическу и быстро отвернулся.

Ч2. Глава 3-1

1

Наоборот, скача босиком по черному пятну, оставшемуся от костра, громко пела что-то не очень вразумительное собственного сочинения — как она едет по дороге, не доедет до конца и еще что-то про «машину моего отца» и прочий черный пессимизм. Агата и Семен заняли заднее сиденье ее автомобиля.

Семен рассматривал фотографии — портреты, очень много портретов, смутно знакомые пейзажи — кадры далекого прошлого — и совсем новые снимки — своих соседей, приятелей, знакомых — в общем, жителей участка. На фотографиях они показались ему тусклыми, хмурыми — очень далекими от того яркого, насыщенного мира, в котором он находился прямо сейчас, в обществе Пешеходов.

Агата называла всех, кто изображен по именам и рассказывала, о чем она с каждым говорила. Удивительно, но она успела перезнакомиться с половиной участка.

От одной из фотографий Семен чуть не подпрыгнул на сиденье — на ней был Олаф.

— О! — сказал он. — А я думал он ото всех прячется. И уж тем более от людей с фотоаппаратом.

Агата посмотрела на Семена, подняв бровь. Олаф на фотографии был крайне жизнерадостен на вид — смотрел немного мимо кадра и смеялся — и широко раскрытым в хохоте ртом и морщинками вокруг глаз — всем лицом.

— Он решил стать Пешеходом, — сказала Агата, — а уговорила его, между прочим, Султана.

Семен вздрогнул. Ему стало неловко, что Агата упоминает Султану, но она понадеялся, что его реакция осталась незамеченной.

— В его случае это прекрасный выход, — продолжила Агата, — он ведь хороший парень, но здесь ему не рады. Мы как раз таких и забираем с собой… Тех, кто себе места не нашел… или чье место кого-то не устраивает.

Новость, что Олаф вскоре покинет участок шокировала Семена куда меньше, чем имя Султаны, произнесенное Агатой.

На следующей фотографии оказался Редактор — он явно позировал, очки крупно сверкали, скрывая глаза, рот изогнут в искусственной усмешке. Правую дужку очков необязательным жестом поддерживает рука двумя пальцами.

— Редактор, — сказал Семен.

— Влад, — поправила Агата, — очень… занимательный человек.

— В каком смысле?

Агата пожала плечами.

— Он единственный, портрет которого мне не нравится, — сказал она, — хотя я обычно любые фотографии людей люблю — даже если в кадре отпетый негодяй. А тут… не получился портрет, понимаешь? Он здесь ненастоящий. Я даже понимаю, почему ты сказал «Редактор» — потому что на этом снимке именно он, а не живой, из плоти, человек. Эти его очки — прозрачные и непроницаемые, как тонировка на его машине, эта манера говорить не своими словами или даже не своим голосом…

— Ты тоже заметила! — воскликнул Семен. — А я думал, что мне постоянно кажется, что он голос меняет.

Агата покивала.

— Я бы была поосторожнее с ним на месте любого, — сказала она. — Вы, кажется, близко общаетесь?

— Не то, чтобы прям близко, — протянул Семен и замолчал.

Агата не стала уточнять, только улыбнулась. Она, конечно, видела влияние Влада на Семена — но, видимо, предпочитала не лезть.

На следующей фотографии была Юля — в отличие от предыдущих портретов — по пояс в кадре (у остальных почти весь снимок занимало лицо). Руки сложены на груди, губы плотно сжаты, туго затянутые волосы — и очень, очень неприятный взгляд. Будто Агата сказала ей что-то нехорошее перед тем как сделать снимок.

— Ты как будто ее испугалась — и сняла исподтишка, — признался Семен.

— Практически так и было, — кивнула Агата, — меня почти сразу оттеснили охранники — и сказали, чтобы я около цистерны не снимала. В общем, я, кажется, нарушила какое-то правило. Так что ее недовольство в кадре вполне объяснимо.

— Но зато ты не выяснила как ее зовут, — предположил Семен.

— Это правда, — разочарованно сказала Агата.

— Юлия, — сказал Семен, — и фотография хорошо ее отражает, так что ты отлично справилась. Она действительно такая, какой вышла.

Агата тепло улыбнулась ему — кажется, он сумел сделать невольный, но очень сильный комплимент.

В этот момент, поглядев через плечо Агаты в боковое окно, он увидел Султану. Та глядела на них хулиганским взглядом. Когда их взгляды встретились, Султана подняла большие пальцы и развязно, с кивком и широкой улыбкой, подмигнула. Затем она отвернулась и что-то закричала в такт Наоборот.

Семен оправился от наваждения. Он пропустил последние слова Агаты о Юлии и увидел следующую фотографию — Хмурого Пита. Чудовищных размеров челюсть — снимок был снизу-вверх из-за разницы в росте, маленький сломанный нос и почти невидимые под нависшими бровями глаза.

— А вот этот очень интересный, — с нервным, как показалось Семену, смешком, сообщила Агата, — против фотографии ничего не имел, но при этом обильно высказался касательно Пешеходов — а в конце тирады плюнул мне под ноги и исчез в своем пикапе.

— Он никогда не отличался тактом, — подтвердил Семен.

— Кажется, у него какие-то проблемы с самоопределением, — сказал Агата, — ведь человек не бедный. У него есть все, о чем только может мечтать любой с вашего участка — одна машина чего стоит. Но какое-то жуткое неудовлетворение гложет его — а оттого он такой…

— Бешеный, — подсказал Семен.

— Я хотела сказать — несчастный. Но бешеный тоже, да.

Они еще бы вечность так сидели — по крайней мере, Семен был бы не против. Однако их отвлек шум снаружи — Наоборот перестала петь, все вдруг радостно загалдели.

Так Семен познакомился с Сержем — они выбрались из машины, Агата радостно крикнула всем расступиться и вдруг сказала Сержу «Вот он!»

Семену это польстило — видимо, эти двое говорили о нем. Он даже не знал, чему смущаться больше — тому, что Агата говорила о нем с кем-то или что Серж проявил свой интерес.

Вблизи глава Пешеходов выглядел куда менее внушительно. Он был ниже Семена и при этом щупловат — хотя и чувствовалась в нем

необычайная жилистость. Больше всего он походил на старый надежный родстер — маленький, но мощный.

У Семена была тысяча вопросов, но поговорить им особо не дали — они обменялись любезностями, Серж высказал восхищение — вроде бы даже искреннее — работой Семена, тот не остался в долгу, а потом глава Пешехода вынужден был заняться собственно Пешеходами.

Серж сделал жест рукой — Семен расценил его как «обязательно пообщаемся позже» — и в окружении Пешеходов встал у Обочины. Агата тоже пропала где-то там, в толпе, но Семен чувствовал, что ему не стоит входить в этот круг.

Ч2. Глава 3-2

2

Семен не удивился, обнаружив, что Раиса первая пришла на заседание. Наконец-то появился участник Совета, в покладистость и профессионализм которого верилось по-настоящему. Перед ней даже папка лежала — видимо, с какими-то данными.

— Привет, — сказал Семен, усаживаясь на свое кондукторское место, — волнуешься перед своим первым заседанием?

— Мне немного неуютно от его состава, — ответила Раиса. — Исидора я знаю, он нормальный, только нерешительный. А вот, что ждать от Пита и от Редактора — не знаю.

— Я очень рад, что ты здесь. Внесешь, наконец-то конструктив и порядок.

— Тут обычно хаос?

— Тут обычно грызня, — ответил Семен. — Редактор язвит Андрею, Андрей не может не ответить, Пит сверлит Влада взглядом, Исидор старается стать незаметнее… наличие порядочного и решительного человека, я надеюсь, сделает атмосферу получше.

— Пит и Редактор явные конкуренты на этом участке Пробки, ничего удивительного, — по-деловому заметила Раиса, — бедный Исидор, в одном помещении с этими монстрами.

— Конкуренты? Ну ладно, у Редактора типография и движимость, а у Пита что? Чем он занимается?

— По банковским бумагам Пит владеет почти половиной ритейла на этом участке. “Железяки” — его главный актив. А еще он вложился в консервы, а сейчас вполне официально хочет выкупить у бюджета пару кухонь. Надо думать Загваздин радостно эту сделку провернет — одной заботой меньше, часть людей будет просить еды не у него.

— Это вообще законно? — удивился Семен. Про себя отметил, что ритейл — отличное прикрытие для черного рынка. Наверняка Лавочник прав и Пит никогда не вылезал из контрабандного бизнеса.

— Кухня — все та же движимость, поэтому ПДД это не запрещает, — ответила Раиса, — но ход с точки зрения такого людоеда

как Пит вполне логичный. Грядет голодный кризис — оседлай поставки еды. Люди будут молиться на него, если мы не примем меры.

— Ты говорила про консервы… это не те самые, которые мы рекламировали на радио?

— Наверняка. А что?

Возможно сорвавшийся спонсор для радио — не просто случайность, подумал Семен. А Пит специально зажимает радио, чтобы… чтобы что? Может быть, он и радио хотел купить, да не успел и Редактор его опередил? Если так, то Семен просто пешка в подкапотной возне двух воротил. Дурацкая ситуация.

— Да вот мне всю жизнь талдычили, что в Пробке все всё друг про друга знают. Каждый живет под боком у другого. Но кажется, я просто не знаю ничего. Я. Голос.

— Мы просто привыкли так жить. Видеть все и не видеть ничего, — сказал Раиса и на этом моменте в автобус вошел Редактор. — Черный рынок живет и здравствует. Никто не читает книг и все читают. Бизнесмены ведут грязную игру, но этого как бы не существует…

Последняя фраза адресована была напрямую Владу.

— Интересные у вас тут разговоры, — улыбнулся тот, садясь на свое любимое место — напротив полицейского. Который опаздывал.

— Обсуждаем тайные делишки нашей Пробки, — невинно сообщил Семен.

— На том Пробка и стоит, — легко ответил Редактор, — без них все развалится и жить будет неинтересно, и Продвижение радовать не будет.

— Меня и так Продвижение не радует, — буркнула Раиса.

— Из-за этого представления Пешеходов? — спросил Влад.

— Нет. Из-за того, что мы теперь не в Эпохе Шашлычной.

— Это грустный факт, — кивнул Редактор, — кстати, надо бы предложить Андрею как-то назвать новую эпоху.

— Сама себя назовет через полгодика, — мрачно заметила Раиса. — Эпоха Голода. Эпоха Банкротства…

— Тревожно слышать такое от главы Банка, — заметил Редактор. — В цистерне скоро станет сухо?

Раиса явно решила не отвечать, но ее намерение замаскировало шумное появление Исидора, который запыхался по дороге.

— Извиняюсь за опоздание, — сообщил он, упал на свое место и достал платок — вытирать пот.

— Не перед кем, — улыбнулся Редактор. — Его величество тоже изволит опаздывать. Кстати, где он?

Вопрос, судя по демонстративному повороту очков, был адресован Семену.

— А я откуда знаю? — спросил он. — Я за ним не слежу. В бобике его не было, я заглядывал по пути.

Редактор хмыкнул и на какое-то время повисло молчание. Шумно дышал Исидор, Раиса отстраненно рассматривала ногти — Семену это показалось нервным жестом, а Редактор как обычно хитро и беспечно улыбался, как будто ему известны все тайны собравшихся тут людей.

— Кстати, спасибо, что голосовали за меня, — вдруг сказала Раиса.

— Что? — как бы очнулся Редактор.

— Я поняла, что сейчас здесь только те люди Совета, которые голосовали за меня, — пояснила глава Банка. — Так вот. Спасибо. За то, что я здесь.

— Я не в Совете, — тут же сказал Семен.

— Но твой голос был решающим, уж извините за каламбур, так что не отнекивайся, — язвительно отметил Влад.

Затем повернулся к Раисе.

— Ну и пока благодарить не за что. Ты еще не видела, какой тут балаган.

— Семен рассказал немного.

Редактор улыбнулся с видом, мол, знаем, что он там рассказал.

Помолчали еще немного. Становилось как-то даже неловко.

— Ни Пита, ни Загваздина, — протяжно вздохнул Влад. — Что поделывают эти двое?

— Вместе поделывают? — поинтересовался Семен.

— Почему нет? У них теперь много общих забот. За порядком вот следить, Пешеходов пугать…

— Это Пешеходы их напугали, — заметил Голос, — во всяком случае, мне так показалось.

— Ха! — обрадовался Редактор, — это точно. Ну ничего, Андрею полезно, если порядки немного пошатают.

Снаружи послышались поспешные шаги и автобус наконец-то поднялся полицейский.

— Глушакова не будет, — с порога заявил он. — Очень занят.

— Это чем же, очень интересно? — живо поинтересовался Редактор.

— Делами патруля, — веско ответил полицейский.

— Что это за дела такие, что важнее Совета Пробки…

Семен переглянулся с Раисой, мол, вот оно, и тут так каждый раз.

— Если ты не заметил, Влад, у нас тут Город знает что на последнем Продвижении происходило, сам подумай, что за дела, — раздраженно ответил полицейский. Семену он показался очень уставшим — отвечать на привычные нападки Редактора ему не хотелось.

Все это время полицейский стоял и воспользовался возникшей паузой, чтобы сесть.

— А теперь по делу. Заседание будет закрытым.

— Это что значит? — удивился Семен.

— Это значит, что ты ничего, что здесь будет сказано, не расскажешь в эфире.

— Слушай, мы не так договаривались…

— Мы не договаривались, — полицейский тяжело и нехотя посмотрел на журналиста, — а я тебе приказал. Вот и сейчас приказываю. Мигалку над полицейской машиной видел? Мигает? Так вот изволь.

Вот она цензура, подумал Семен. Здравствуйте. Но хоть не выгнал.

— Давайте сначала обсудим наше кризисное положение, — продолжил полицейский, — а потом все остальное…

— О, отлично, — тут же вступила Раиса, — я как раз собрала все данные…

— Чего? — полицейский непонимающе уставился на главу Банка. Кажется, он только сейчас понял, что на Совете новый человек.

— По кризису. У нас довольно тяжелое экономическое положение и в скором времени это скажется на всех жителях…

— Я не об этом, — возразил полицейский. — О другом кризисе. Который здесь и сейчас. О Пешеходах.

Раиса поджала губы.

— А что Пешеходы? — спросил Редактор.

Без поддержки Пита полицейскому придется нелегко, подумал Семен. С одной стороны наседает язва-Редактор, с другой — зануда-экономист. Ему будет сложно гнуть свою линию.

— С ними надо что-то делать. Как-то… заставить их уйти. Перестать агитировать — у нас куча подростков уже пакует манатки.

Семен взглянул на Раису, но та была непроницаема. Эта часть “кризиса Пешеходов” не могла ее не интересовать.

— Они и так скоро уйдут, насколько мне известно, — вступил Семен, но полицейский его проигнорировал.

— У нас есть, что противопоставить их сладкому прянику и убедить детей остаться? — невинно спросил Редактор.

— Дом, — коротко ответил полицейский. — И потом — это дети. Что значит убедить? Они еще не могут принимать решения, нужно просто велеть им остаться дома.

— Запрете их? — усмехнулся Редактор.

— Если придется, — ответил полицейский и повисло тяжелое молчание.

Теперь понятно, почему это нельзя пускать в эфир, подумал Семен. После такого заявления ни одного подростка на участке не останется уже завтра. Да и не только подростка.

— В любом случае нам нужно пресечь любую возможность повторения того, что было на Продвижении, — более мягко начал Андрей, — часть мер уже делается. Патрули усилены. Они будут предотвращать любые скопления Пешеходов…

— Как? — перебил Редактор.

— Да хоть силой. Им тут не место, их правила здесь не действуют. Они должны это понять.

— Не очень дружелюбно.

— А с чего мы должны быть дружелюбными?

— Потому что они к нам вполне дру…

— Перекрыв Дорогу?

— Это просто разовая акция. Не вижу тут трагедии.

Полицейский шумно выдохнул. Откинулся в кресле.

— То есть то, что они прервали священное Продвижение — тебя не волнует? Может еще и их агитационные листовки ты печатал?

— Я, — невинно ответил Редактор, — бизнес вне политики, извини. Они платят, я печатаю.

— Грош-цена такому бизнесу, — процедил сквозь зубы Загваздин.

— Что-что?

Андрей не удостоил ехидного Редактора ответом.

— Исидор, — глава социальной службы сильно дернулся, как будто проснулся — он, видимо, тайно надеялся, что про него тут забыли. — Поручи своим людям срывать любые объявления, плакаты и что угодно, где упоминаются Пешеходы. Семен — тебе запрещено упоминать их на радио…

— Это невозможно! — выпалил Семен. У него была куча материала про Пешеходов, он хотел при следующей встрече предложить Сержу интервью — все это шло прахом, а эфир попросту пустел.

— Это не обсуждается, — возразил полицейский, — и уже хватит кидаться на любую мою реплику в твою сторону. Еще раз — и выгоню.

— Смею заметить, — осторожно вступил Редактор, — что это не очень правильная стратегия. Если тебе так уж хочется насолить Пешеходам, то лучше пусть радио о них вещает. Главное, чтобы считывался посыл, что им здесь не место. Разве нет? Всячески подчеркивать их чужеродность… намекать на то, что это все-таки чужаки. От того, что мы просто перестанем говорить “Пешеходы” они никуда не исчезнут.

Полицейский молчал. Семен в упор смотрел на Редактора, но тот не сводил взгляда с Андрея. Это что — защита интересов радио?

— Хорошо, — наконец отозвался Загваздин. — Про Пешеходов говорить можно. Но никаких публикаций про то, какие они хорошие. Если будешь интервьюровать Пешеходов в прямом эфире, то при этом должен присутствовать представитель полиции. У него есть право в любой момент прервать трансляцию. Это понятно?

Семен кивнул. Что ж, тут еще оставалось пространство для маневра.

Раиса воспользовалась паузой.

— При всем уважении, Андрей, — вступила она. — Но экономический кризис сейчас более важен, чем какие-то там Пешеходы. У нас дефицит бюджета, а еще я нашла…

— У тебя дочь тоже кажется уходит с ними, не так ли? — резко перебил ее полицейский.

Раиса застыла, будто машину на полном ходу впечатало в Барьер. Это был очень жестокий вопрос — даже бездетный Семен это понимал.

— Судя по всему я прав, — невозмутимо продолжал Андрей, — так как ты можешь утверждать, что есть что-то важнее этого?

Раиса побелела. Это была ярость — и полицейский должен был это знать.

— Моя дочь… — выплюнула Раиса, но тут же задохнулась эмоциями. — Моя дочь, — повторила она, — уже взрослая, чтобы принимать самостоятельные решения. А теперь, если можно, вернемся к вопросу нашего будущего…

— Без детей, — спокойно добавил Загваздин.

— Без еды и бензина, — ох этот взгляд! Раиса смотрела на полицейского совершенно по-новому.

— Я соглашусь, что это хотелось бы обсудить, — заметил Редактор, — я думаю тебе не понравится, Андрей, если под твоей хваленой мигалкой через десять Продвижений соберется злая голодная толпа.

— Мы урежем бюджетные расходы, увеличим продовольственный запас, — сказал полицейский, — не вижу тут проблемы. Исидор, насколько я знаю, у нас приличные запасы. Сколько там?

— Эм… Если у населения кончатся деньги и они не смогут покупать импортированную еду, то… — Исидор задумался — как показалось Семену, чтобы решить врать или говорить правду, — два-три месяца.

Семен припомнил, что именно это ему Исидор и говорил. Да и Раиса, которая запрашивала эти данные раньше, не возражала.

— Этого достаточно, чтобы привести экономику в порядок? — полицейский перевел взгляд на Раису.

— Да, — растерянно ответила та, — но только в том случае, если мы поймем откуда такой перерасход бюджета и выйдем на профиц…

— И прекрасно, — подытожил полицейский, не дожидаясь, пока Раиса закончит. — Исидор, переведи кухни на непрерывный график работы. Пусть готовят только из скоропортящихся продуктов. Все, что можно сохранить — пусть поставляется в НЗ. Все жители от пожарной

машины и до границы с участком Гросса должны до последнего по возможности питаться в Шашлычной. Раиса, подготовь новый план бюджета, при котором мы сможем выйти из кризиса за три месяца. Семен, ты объявишь, что заседание было закрытым из-за Пешеходов. Нестабильная обстановка вынудила Совет… ну ты понял. На этом предлагаю закрыть заседание. Давайте все вернемся к работе.

Раиса медленно поднялась.

— Андрей, — начала она, но тот выставил перед ней ладонь.

— Я кажется, забыл объяснить тебе правила заседания, — извиняющимся тоном произнес он. — Так вот, когда я говорю, что заседание закрыто — оно закрыто.

Полицейский убрал руку от лица Раисы, не глядя ткнул ею же в кнопку открытия дверей и очень быстро вышел.

— Святой Город, — воскликнул Редактор, — а ты его вывела! Это было слишком даже для Андрея. Настоящая истерика.

— Он и слова мне не дал сказать, — пробормотала Раиса, растерянно держа перед собой папку.

— Полицейский и так знает про то, что мы в жопе, — ответил Редактор. — Можно и не рассказывать ему ничего, что у вас есть в этой вот папке. Он сам приложил к этому руку.

Раиса впервые за все время посмотрела Редактору в глаза. И вряд ли увидела то, что хотела увидеть за толстыми стеклами очков.

— Ты обвиняешь полицейского…

— Нет, нет, нет, — перебил Редактор в театральном ужасе. — Я лишь намекнул на его неэффективное управление Пробкой.

Раиса помолчала. Затем посмотрела на Исидора.

— Исидор, скажите мне пожалуйста, — сказала она, — когда главой Банка был еще Артем вы не брали у него оригиналы смет? По каким-нибудь непредвиденным расходам социальной службы?

— Зачем бы мне понадобились оригиналы? — с легким недоумением и испугом вопросом ответил Исидор. — Да и не было непредвиденных расходов уже долгое время…

Раиса осмотрела всех.

— Пойдемте, — сказала она, — я вам кое-что покажу.

* * *

Раиса привела их к Банку, и наличие около него почти всех членов Совета Пробки, конечно же, заинтересовало всех окружающих. И в

первую очередь Юлию.

— Что случилось? — спросила она, глядя на Раису. — Проводите экскурсию?

— Почти, — холодно ответила глава Банка. Отношения между ними после выборов явно не сдвинулись в лучшую сторону.

Раиса попросила подождать и пошла к автобусу-офису. Глава охраны проводила ее взглядом, а затем демонстративно достала сигарету.

Исидор издал неопределенный, но явно встревоженный звук.

— Что? — тяжело спросила Юля, остановив зажигалку у самой сигареты и глядя на главу социальной службы исподлобья.

— Я думаю, — с улыбкой заметил Редактор, — что Исидор хотел высказать опасение, что курить около огромной бочки бензина… ну, вы, безусловно, понимаете.

Юля перевела на него взгляд не двигая головы, одними зрачками. И демонстративно зажгла огонь. Редактор усмехнулся.

— Переживаешь за свои денежки? — спросила Юлия и затянулась.

— Скорее за наши жизни.

— Можете за них не переживать, — ответила Юлия. — Даю слово главы охраны, вы в безопасности.

Воздух между ней и Владом можно было ножом резать. Эти двое явно ненавидели друг друга. Причем с пеленок.

Раиса вернулась с одним из своих клерков — в руках у него был длинный щуп.

— Замерим количество топлива в цистерне вручную, — сказала Раиса.

— Опять? — заинтересовалась Юлия.

— Опять.

Клерк протянул щуп охраннику на цистерне, тот вытянул его наверх. Затем работник сам полез наверх по лесенке.

— Что за спектакль, — фыркнула Юлия.

Раиса проигнорировала ее.

Банкир, оказавшись наверху, взял связку ключей с пояса и отпер висячий замок на одном из люков цистерны, а затем тяжело открыл его. Встал, забрал у охранника щуп и стал вертикально опускать его в люк.

— Дно! — сообщил он через некоторое время. Затем вынул щуп и стал его осматривать. Снова передал щуп охраннику. Полез за пазуху и достал блокнот.

— На всякий случай могу еще раз пересчитать, — сказал он, — но ответ все еще двадцать три тысячи четыреста литров… с погрешностью до пары сотен литров.

— Спасибо, — ответила Раиса. — Можешь спускаться.

Некоторое время все смотрели, как сборщик налогов совершает обратную процедуру — закрывает люк, спускается по лесенке, принимает у охранника щуп.

— И что этот… как вы сказали… “спектакль” означает? — с интересом спросил Редактор.

Раиса открыла папку и стала ее деловито листать.

— Недавно, вон Голос в курсе, я обнаружила, что официальный баланс бюджета, который мне оставил Артем Хоботов, не совпадает с моими личными расчетами из тех бумаг и смет, что существуют в банке. Это дыра. И существенная. Сначала я была уверена, что просто я не нашла часть бумаг. Потом — что их могли почему-то взять либо Исидор, либо Загваздин… ну чтобы сверить со своими протоколами, я не знаю… но от полицейского я ответа не добилась, а Исидор говорит, что бумаг из Банка не выносил.

— Так, — заполнил паузу Редактор.

— Остается предположить, что бумаги просто потеряли — такое случается. Поэтому я на всякий случай попросила замерить фактический объем топлива, который у нас есть. За вычетом вкладов, плюс то, что хранится в инкассаторских канистрах… в общем, я бы получила либо свое число, либо число Артема — и поняла бы в чем ошибка. Но число не совпало ни с какими из показаний.

— Подозреваю, не в лучшую для Пробки сторону.

— Да, — ответила Раиса. — Количество бензина в цистерне меньше расчетного на шесть с половиной тысяч литров.

— То есть у нас потерялся бензин? — спросил Семен.

— Потерялся… — пробормотала Раиса. — Очень интересное слово ты подобрал, Голос.

— Это называется — украли, — пояснил Редактор.

Юлия метнула на него уничтожающий взгляд и сделала очень глубокую затяжку.

— Я бы воздержалась от таких слов, — выдохнула она вместе с дымом. — Это звучит как обвинение, что охрана плохо выполняет свои обязанности.

— О, я уверен, это было сделано так, что скрываться от охраны не было нужды, — улыбнулся Редактор. Юлия неотрывно глядя на него бросила и с ожесточением растоптала окурок.

— Что ж, тянет на новость номер один сегодня, а, Семен? — спросил Редактор. Все с удивлением посмотрели на него — он веселился!

— Что тут такого радостного? — спросила Раиса.

— Просто я чувствую, что скоро нам всем будет очень и очень интересно.

— Ошалеть у нас компания в Совете, — сказала Юлия, неожиданно обратившись к Семену. — Одна упустила кучу бензака, не успев как следует вступить в должность, а второй радуется, что у Пробки деньги пропали.

Редактор уже открыто засмеялся.

— Я надеюсь, здесь все понимают, что обнаружить пропажу денег и потерять их — разные вещи, — с достоинством ответила Раиса. Посмотрела на Семена. Тот кивнул. Конечно же это будет в эфире. Уже неважно, что после этого полицейский вообще прикроет радио. Вот только…

— Раиса, мы можем поговорить в твоем кабинете? — спросил он. — Один на один.

Та кивнула.

Очень приятно было оставить злорадствующего непонятно чему Редактора и колкую Юлию позади. И немножко страшно оставлять между ними беднягу Исидора.

Они зашли внутрь, и Семен сразу сказал:

— Балаган.

— Ты предупреждал, — ответила Раиса. — И я даже не про этих клоунов, Юлю и Влада. С ними давно все понятно. А вот Андрей…

— Узнала его с новой стороны, а?

— Я всегда считала его слегка… ну размазней что ли. Неуверенным таким человеком. Неопасным, понимаешь?

Семен кивнул. Именно так и он думал о полицейском долгое время. Неторопливый. Немного нервный. В душе радующийся, что

Шашлычная все делает за него и люди довольны.

— Теперь он опасен?

— Теперь он непредсказуем, — пробормотала Раиса, — он как будто занял какую-то позицию и будет стоять на ней до конца.

— Он думает, что Пробке угрожает опасность, — пояснил Семен. — Точнее, тому порядку, к которому он привык и который, как ему кажется, он выстраивал.

— Так она и угрожает. Он правильно боится. Однако мне кажется дело не только в этом. Редактор, конечно, хоть и кривляется, но ухватил суть — у нас коррупционный скандал. Ты должен это выпустить в эфир.

— И я выпущу, — кивнул Семен, — скорее всего, Загваздин после этого даже музыку без его ведома включать запретит. Но я все сделаю.

— Ты хотел поговорить приватно, — напомнила Раиса.

— Да. Я сразу подумал об Артеме. Неужели он сбежал из-за этого? И Андрей в курсе и именно поэтому так рьяно бьется за безопасность теперь? Глава Банка куда-то дел тучу литров бензака… и, наверное, полицейский узнал об этом.

— Но я не представляю, чтобы Артем это сделал. Как минимум, для себя. Если он купил себе несколько машин где-нибудь на далеком участке или даже в Антимире… то наверное он туда и сбежал. Но я знаю Артема. Долго с ним работала. Не верю, что он мог так поступить.

— Однако Загваздин тебя сегодня удивил… тоже казалось, что он много не мог, да?

— Тут ты прав, — Раиса откинулась на спинку стула.

— Интересно, почему Андрей молчит. Если все так — почему всячески скрывает? Он запретил мне вести свое расследование

— Да? — спросила Раиса. — И при этом как будто не ведет свое…

— В том-то и дело, — покивал Семен. — И еще кое-что: я точно знаю, что Артем вряд ли сейчас купается в роскоши где-нибудь впереди. Мы с Сашкой кое-что обнаружили некоторое время назад. Собственно, прямо перед объявлением ЧП. И Загваздин запретил нам об этом говорить.

— Я буду молчать, — сказала Раиса, — я понимаю, что это навредит тебе и радиостанции.

— Во-первых, вокруг пропажи происходит какая-то чушь. Например, соседи Артема утверждают, что глава Банка никогда рядом с ними не жил. Хотя мы же не сумасшедшие все и прекрасно знаем, где был его крузак. И во-вторых, мы с Сашкой нашли следы. Там, — Семен кивнул в сторону Обочины. — Артем сбежал в Немир.

Раиса молчала некоторое время.

— Но это же самоубийство, — произнесла она. — Никто не будет кидаться в Немир. Даже из-за того, что украл деньги у Пробки.

— Может быть, он надеялся, что его машина выдержит. Она мощная. Унесет его… куда-нибудь.

— Куда? В параллельный мир? Звучит как бред, ты извини, Семен.

— Ты можешь мне не верить, но подумай сама. Куда еще могла деться машина из крайнего ряда, если не туда?

— Я это понимаю. Но я не понимаю, как это можно сделать добровольно. Даже если представить, что внедорожник выдержит — не зря же его так назвали… Бензин же кончится рано или поздно. У него прожорливая машина.

— Если он задумал это давно, то держал бак полным.

— Хорошо, — Раиса развела руками, — предположим. Где тогда топливо? Он не мог его увезти с собой, это абсурд. Скорее всего, он купил что-то. Какой-то актив. Автомобили. Бизнес… что угодно. Глупо после этого рвануть в Немир.

— Если тебя разоблачил полицейский — совсем не глупо.

Раиса замолчала с сомнением поджав губы.

— Ты хочешь выпустить это единым эфиром? Связать пропажи Артема и бензина?

Семен кивнул.

— Тогда не делай этого сейчас, — посоветовала она. — Что-то здесь не так.

Ч2. Глава 3-3

3

— Что мы, Город побери, делаем? — спросил Семен, глядя, как Редактор откатил в сторону дверь фиолетового минивэна. В нем можно было ожидать одинокую многодетную мать, мечтающую о том, чтобы и от детей существовал отпуск. Или чету пенсионеров, которые никак верят, что дети вернутся в отчий дом, хотя у них давно свои автомобили где-нибудь впереди. Что угодно, но не “конспиративный автомобиль”.

Они были на участке Гросса, причем довольно глубоко внутри — Семен здесь никогда не был. Впрочем, ничего нового или примечательного здесь не нашлось — все та же бесконечная Пробка.

Если так везде, то быть Пешеходом также скучно, как и жить обычной жизнью.

Редактор довольно неуклюже полез внутрь и завертелся там, усаживаясь.

— Да залезайте же! — крикнул он изнутри, когда понял, что они все еще топчутся снаружи.

Сашка и Семен подчинились.

Внутри это действительно был типичный семейный минивэн. Часть кресел демонтировано, в углу столик, у задних дверей — манеж для малыша.

— Чей микроавтобус? — спросил Сашка, оглядывая все это

— Одной не очень богатой семьи, — охотно ответил Редактор. — Я у них ее арендую периодически для таких вот встреч.

— Для чего вообще ты позвал нас сюда? Нельзя было в Рефрижераторе поговорить? У меня еще много дел сегодня.

— А у полицейского много ушей, — ответил Редактор. — Рефрижератор сильно заметен. Не нужно, чтобы Загваздин или Пит были в курсе, что ко мне Голос постоянно ходит.

— А Гросса не боишься? — спросил Семен.

— А что Гросс? Запрещает людям собираться и обсуждать всякое?

Это было резонно.

— Что изменилось? Почему раньше ты разглагольствовал о смещении Андрея где угодно?

— Чрезвычайное положение развязывает ему руки, — ответил Редактор. — Может в чем угодно нас обвинить. К тому же они сильно напряглись после того, как Раиса нам все рассказала.

— Как ты это понял?

— Хулиганье Пита активизировалось. Трутся возле Рефрижератора. Постоянно торчат у радиостудии. Вы не замечаете, но мои-то парни умеют такое видеть. Потому что сами также делают. Так что сделать могут всякое. Я думаю, Загваздин внутренне готов прикрыть радио в случае чего. Хоть и знает, какое негодование это вызовет у Пробки.

— Собственно, мы тут как раз по этой теме, — сказал Сашка. — Радио в шатком положении. Мы надеемся, что вы защитите свой актив.

Редактор с интересом перевел на него взгляд.

— Он хоть посвятил вас во что это вы сейчас вляпываетесь? — спросил он так, как будто Голоса тут не было.

— В общих чертах, — ответил Сашка, который от рассказа Семена про то, что произошло у Банка, почему-то остался в восторге. — Я не самый смелый человек на свете. Но и не самый умный.

Редактор улыбнулся. Ответ ему, видимо, понравился.

— Мы все уже по уши в этом, — сообщил Голос, — и мы с ним даже больше чем ты. Но мы, конечно, постараемся утянуть тебя с собой.

Влад с готовностью наклонился вперед.

— Кажется, есть какие-то очень любопытные сведения.

— Они у нас уже давно. Мы понятия не имеем, что с ними делать. Однако… вся эта история с исчезнувшим топливом как будто связала все воедино.

— Так.

— Хоботова давно уже нет в Пробке.

— Я это знаю.

— Нет, ты не понял. Его нет в Пробке вообще. Он укатил в Немир.

Редактор какое-то время молчал с очень странным выражением лица. Потом засмеялся.

— Вообще я считаю тебя, Голос, очень умным человеком, которого я действительно сильно уважаю, хоть это и незаметно. Но

иногда я прям поражаюсь. Я знаю, что он укатил в Немир. Любой, кто хоть немного подумал, это знает.

— Ты тоже видел следы?

— Какие следы?

— За обочиной.

Редактор моргнул.

— Совсем необязательно видеть следы. Город побери, у Артема был огромный сраный внедорожник. Он не мог испариться. Конечно, он свалил в Немир. Больше никуда машина деться не могла.

Семен себя чувствовал довольно глупо. И старался не смотреть на Сашку. Редактор улыбался.

— Ладно-ладно, — сказал он, насладившись, видимо, моментом, — будем честными — не так уже много людей это понимают. У некоторых даже мысли такой возникнуть не может, что живой человек в Немир поперся. Загваздин делает все, чтобы создать видимость, что Хоботов все еще где-то здесь, своими обысками и твоими дурацкими посланиями. Неважно. Что у нас по существу?

— Два факта: побег главы Банка, который больше похож на изощренное и медленное самоубийство, и факт пропажи солидного количества топлива из бюджета участка. Одно — следствие другого. Очевидно, что Артем в этом замешан, очевидно, что возник повод сбежать. Моя версия — Андрей обнаружил махинации, и тому пришлось. Но…

— Но охренеть как много несостыковок, да? — улыбнулся Редактор. — Загваздин мог ничего этого не скрывать и закрыть расследование почти сразу. Но он скрывает. Он не хочет, чтобы жители его участка знали, что их обокрали.

Семен кивнул.

— А еще убийство уборщика, — вступил Сашка. — Выглядит так, как будто его специально совершили, чтобы за шумихой все забыли про Артема и дали время, чтобы и следы позади остались, и что в Пробке стало на одну машину меньше не сразу заметили.

— Артем бы не стал убивать человека, ради такого, — сказал Семен.

— Я тоже так думаю, — согласился Редактор. — С другой стороны, кто знает на что готов пойти человек, который собрался в Немир.

— Мне кажется ответ на поверхности. Я просто не расследователь, у меня не получается увидеть картину в целом. Мне кажется тут дело ясное…

— У тебя куча свидетелей, которые просто запуганы. — прервал его Редактор. — Просто продолжай давить. Они расскажут.

— Да я не про Хоботова, я про уборщика… говорят, он любил Обочину — рассвет там встречал. А убили его весьма необычно — переехали.

— А переехать можно было только за Обочиной… — пробормотал Влад.

Сашка округлил глаза. Семен сам пришел к этому выводу в своей голове, но поверить этому не хотел.

— То есть это все-таки Артем. Он убил.

— Маленькая несостыковка, — заметил Редактор. — Чтобы это произошло, уборщик тоже должен был быть в Немире. Только без машины, на своих двоих. Что он там делал?

— Мгновенно там не умирают, — пожал плечами Сашка.

Редактор так резко повернулся к нему, что даже сверкнул очками. Техник задел больную тему.

— Уж я-то знаю, — сказал он.

— Олаф был в Немире, — сказал Семен. — Одной ногой. Не больше секунды, но ничего с ним не случилось.

— Твой Олаф, — заметил Влад, — главный свидетель, по идее. Где он? Почему он смылся?

— Наверняка именно потому, что все знает. И боится.

— Ему надо было пойти к Лавочнику. И все рассказать. Мы бы защитили его от Андрея.

— А от себя? — спросил Семен. — Что бы там ни произошло, Олаф посчитал, что он должен скрыть это от всех и даже от Лавочника. Бесполезно гадать, чем он руководствовался. Дело ведь не в этом. А в самом факте произошедшего. И я не могу не рассказать об этом в эфире. Понимаешь? Это явно разозлит Андрея, и он захочет полностью подмять радио под себя. Или даже прекратить выпуски. Мне нужно, чтобы ты не допустил этого. Защитил нас.

Редактор думал несколько секунд.

— Защищаю, — сказал он, — говоря сейчас, что вы не сделаете этого.

— Что?

— Слишком рано, — пояснил он, — не надо ворошить гнездо до тех пор, пока мы до конца не поймем, что происходит. Слишком много вопросов. Куда ушли деньги? На что потрачены? Надо ответить на эти вопросы.

— Ты хочешь, чтобы эфир стал не просто сенсацией, — понял Семен, — ты хочешь, чтобы он уничтожил Андрея.

Редактор кивнул.

— Нам нужен план, — сказал он. — Я выделю любые ресурсы, которые потребуются, чтобы закончить это дело. Есть идеи, что вам нужно?

— Люди, которые смогут добывать информацию. Наблюдать. Смотреть.

— Такие люди есть. И уже делают свою работу. Давно. Я сведу тебя с Лаки. Он наблюдает за Банком. Точнее, он наблюдает конкретно за Юлей и ее делами, но и за Банком тоже. Может быть, он видел что-то, чему не придал значения, но все же сможет вспомнить. И с Шелестом тоже.

— С бездомным?

— О, интересно, что ты его знаешь, — Редактор кивнул, — да, с бездомным. Учти, он решил уходить с Пешеходами, так что используй его максимально эффективно.

— Ты так говоришь, как будто он незаменим.

— Так и есть. Он незаметен. Никто не обращает внимания на бродяг. А еще он может легко загреметь в бобик… Ну, ты понимаешь.

О да, подумал Семен, я понимаю. Мы с Сашкой ввязываемся в ужасно грязную игру.

— Еще что-то? — невинно спросил Редактор.

— Расширение штата. Мы давно об этом с Луи думали. Мне нужен помощник, который сможет вместо меня собирать обычную сводку. И в случае чего вести эфиры. Их количество. кстати, придется урезать. Штук до трех.

— Это будет подозрительно.

— Да. Но тут вступает Сашка — вместе ежечасных новостей он будет крутить записи.

Редактор кивнул и задумался.

— Нужен еще отвлекающий маневр, — сказал он, — чтобы у Загваздина не возникло мысли, что тебя стало меньше в эфире. Что-то, что его цепанет.

Семен улыбнулся.

— Об этом я позабочусь, не переживай. Надавлю на больное.

— Пешеходы?

— Ага. Пусть думает, что я одержим ими. И что это единственная проблема, которая у него есть от радио.

Редактор неожиданно снял очки и посмотрел на Семена настоящими глазами.

— Я рад, что мы наконец-то в общем потоке, — сказал он.

Семен не нашелся, что на это ответить.

— Вы должны понимать, — продолжил Влад, — что Загваздин очень опасный человек. Это не первое расследование, которое он заминает. Но я надеюсь, на этом мы сможем его остановить, — Редактор перевел взгляд на Сашку. — Мой отец был в Немире. И да, прожил там довольно долго. Многие до сих пор шепчутся, что это я убил своего отца. Это, конечно же, не так. Но слух был в том числе распущен полицией, а сам Загваздин максимально саботировал расследование.

— Он же тогда не был полицейским, — заметил Семен.

— Он был помощником полицейского, — отмахнулся Влад. — Сам старикан уже ничего не решал — он умер меньше чем через год от сердца. Заправлял всем Андрей. Мой отец лежал за Обочиной, прикованный к колодкам и медленно умирал, а этот сволочь и не думал ничего делать. Убийц так никто и не нашел.

— Ты думаешь, Загваздин был замешан в его убийстве?

— Доказательств этому нет. Но мой отец не был ангелом, это всем известно. За несколько лет до этого Загваздин быстро делал карьеру — и посадил несколько подельников моего отца. Тот надавил на Емеца и Андрея турнули из полиции, пришлось возвращаться в охрану банка. Он явно понял, откуда сигнал и затаил обиду.

— Но ведь он вернулся потом в полицию, довольно быстро, — сказал Семен. Он в те времена был еще совсем сопляком и самым ярким воспоминанием была школьная дискотека на другом участке, где он впервые поцеловался. Но о перестановках в полиции постоянно говорили взрослые, поэтому многое он помнил.

— Да, мамочка Юли помогла, — ответил Влад. — Но Андрей злопамятен.

Он надел очки.

— Как-то этого недостаточно, чтобы обвинить Загваздина в убийстве.

— А я и не об этом. Я лишь о том, что он уже так делал раньше. Заминал расследование.

Редактор откинулся на спинку кресла и Семена будто выдернуло в нормальный мир — перед ним снова был вполне знакомый человек — слегка раздражающий, ухмыляющийся и максимально уверенный в себе.

— Наше время выходит, — сказал он, — семейство скоро вернется с большого пиршества в Шашлычной. Оплаченного, конечно, мной. Сходи вечером к Лаки, Семен. начнем с этого.

— Это придется отложить. Сегодня у меня много дел, — ответил Семен.

Сегодня у него самое важное дело, несмотря на всю глобальность происходящего. Свидание.

Ч2. Глава 3-4

4

Агата ждала его у машины Наоборот. На ней были черные брюки, слегка запыленные внизу и блузка с необычным фасоном, открывающим спину.

— Привет, — слегка смущенно произнесла она. — У Пешеходов не так много вещей, чтобы принарядится.

— Ты выглядишь великолепно, — сказал Семен, ни капельки не соврав. И протянул подарок.

Агата слегка удивилась, потом улыбнулась и приняла коробочку.

— Я не знала, что нужно приходить с подарком.

— Не нужно, — сказал он, — это просто так.

— Ты хочешь, чтобы я открыла сейчас?

— Лучше сейчас.

Она поставила коробку на багажник машины Наоборот и распустила ленты. Затем аккуратно сняла крышку.

— Это… — произнесла она и замолчала. Посмотрела на Семена блестящими глазами.

Он отдал Лавочнику полторы зарплаты за это. А незадолго до этого якобы невзначай расспросил Агату о ее втором фотоаппарате.

В коробке был набор пленок и реактивы для проявки.

Агата кинулась к Семену на шею, чуть ли не повисла на нем и принялась целовать все лицо и неистово благодарить.

— Я несколько месяцев такого богатства не видела, — сказала она, чуть успокоившись. — Это потрясающе… можно я заправлю пленку и возьму фотоаппарат? Обещаю не заниматься фотографированием бесконечно.

Семен засмеялся и кивнул. Он не думал, что подарок произведет такой эффект. Агата взяла коробку и полезла в машину. Какое-то время она искала фотоаппарат в своих вещах, затем стала копаться с ним, а потом наконец-то вернулась к Семену. Фотоаппарат висел на лямке через плечо — более компактный, чем тот, что с мгновенной печатью. Он как будто больше подходил Агате.

А еще что-то сверкнуло у нее в руке.

— Вот, — сказала она, — я не могу оставить тебя без подарка тоже.

Это была подвеска в виде раскинувшей крылья птицы из блестящего металла. Агата застегнула цепочку у него на шее.

— Это чайка, — сказала она, — они живут у большой воды. Возможно, когда-нибудь Дорога выведет к ней, и мы их увидим.

Семен не знал, что сказать. Он чувствовал, что подвеска очень дорога ей.

Агата немного отклонилась и сфотографировала Семена.

— Прелесть пленки в том, что нельзя получить результат сразу, — улыбнулась она. Потом слегка наклонила голову. — Ты в порядке?

— Эта… чайка. Она, наверное, много значит для тебя.

— Да, — легко ответила Агата, — как и ты.

Кровь ударила ему в лицо. Он понимал, что нужно что-то ответить, но не мог. К счастью, Агата не стала его мучить и просто продолжила:

— Мамы довольно рано не стало из-за болезни… подвеска была с ней, когда мы были на похоронах, на Обочине. Отец снял ее в последний момент. Много лет спустя, когда я решила присоединиться к Пешеходам, он отдал ее мне.

Семену показалось, что чайка на шее стала гораздо тяжелее.

— Не лучше ли, если она и дальше будет с тобой? — осторожно спросил он.

— А она и будет, не так ли? — Агата повернулась и пошла вперед. Семен несколько секунд стоял неподвижно, осознавая ее слова.

Но ты же Пешеход, а я Голос, хотел закричать он, как это возможно?

Но промолчал. Он знал, что это может все разрушить. И она знала. Но им обоим хотелось верить в иллюзию счастливого “вместе” впереди.

Он пошел следом за ней.

— Поняла, что соскучилась по вот такой ходьбе, — сказала она, когда он пошел рядом и взял ее за руку, — вперед, вдоль машин… Мы впервые стоим так долго.

— И как же я рад этому, — ответил он.

Она широко улыбнулась.

— Ты знаешь, что там дальше? — спросила она. — Впереди? Может быть, Пешеходам стоит к чему-то быть готовыми.

— Дальше такие уже участки… очень похожие между собой, — ответил Семен, — многим из них сейчас очень непросто. Потом еще некая Бензоколонка. Еще где-то там школа, где учились некоторые из наших, после того как закончили обычную здесь…

— А еще?

— Чем дальше, тем больше это все похоже на сказки, — ответил Семен, — дальше Дорога поворачивает и солнце начинает закатываться прямо впереди, а лес, который сейчас вон там справа похож на темно-зеленую полосу на горизонте, подступает почти вплотную к дороге. И кое-где, говорят, корни деревьев разрушили Обочину и вот-вот взломают полотно Дороги… но в такое уже сложно поверить.

— Интересно будет взглянуть.

Не “было бы”, а “будет”. Семен понял, что Пешеходы почти не пользуются сослагательным наклонением. Их мечты — это всего лишь будущее, которое обязательно придет. Мечты жителя Пробки как правило несбыточны.

— Как думаешь, а Город где-то там все-таки есть? — снова спросила Агата.

— Я не знаю, — честно ответил Семен, — крайне не хочется верить, что Дорога — это просто бесконечная полоса асфальта, идущая ниоткуда и уходящая вникуда… но именно это кажется наиболее правдоподобным.

— Очень грустная картина, — ответила Агата, — как черно-белый снимок. Тебя не страшит мысль, что у Дороги нет цели?

— Скорее заставляет задуматься о своих собственных целях. Раз уж у Дороги нет для меня ничего впереди, то я должен придумать это сам, верно?

— И ты уже придумал?

Семен не знал, что ответить. У него не было ответа ни для нее, ни для самого себя.

— Очень хотел бы, — сказал он, — но я плохой выдумщик.

— Может быть смысл в самом пути, — произнесла Агата, — чтобы просто двигаться вперед… и наслаждаться процессом. Зачем

мучиться мыслью, что ты никогда не достигнешь Города — чем бы он ни был — если можно радоваться Дороге.

— Это идея Пешеходов?

— Это мысль, с которой я к ним присоединилась.

— Но верят же Пешеходы во что-то общее?

— В то, что если хочешь куда-то прийти — надо идти. И если просто хочешь идти — тоже. Но вот конкретные желания, я думаю, у всех свои.

— И ты — та, которая просто идет.

— Да. И запоминает этот мир. Запечатлевает. Твое призвание — говорить о мире. Мое — смотреть на него.

Они прошлись еще. Из Немира дул прохладный, свежий ветерок. Пробка жила своей жизнью. За Обочиной поскрипывала мертвая ржавчина с костями внутри.

— Как далеко позади твой дом? — спросил Семен. — Интересно, ловили ли вы у себя мое радио.

— Конечно же ловили, — ответила Агата. — Это не так далеко позади, как тебе кажется. Знаешь место, где идет вечный дорожный ремонт…

— Это недалеко? Я был совсем мал в те времена! Была война с Антимиром.

Агата засмеялась и повернулась к нему лицом. В ее глазах блуждало чувство превосходства над ним. Ему стало неуютно.

— Ты даже не представляешь насколько медленно, вы движетесь вперед, да? Ты успел вырасти за то время, пока вы добрались до этой Шашлычной. Пешком я прошла его меньше, чем за год. И это со всеми остановками, что мы делали.

Всего год?! Это был удар. В это не верилось. Были же сотни Продвижений! Вся его жизнь пройдена этими ребятами за всего ничего. Он увидел себя — маленького напуганного выстрелами и дымом, а рядом Агату — такую же как сейчас. Потом — себя школьника, который играет в прятки с Сашкой, Олафом и другими ребятами. Где-то на фоне шепчутся взрослые — убили полицейского. Агата там, среди этих взрослых. Конец Эпохи Кожаных курток. Семен делает репортаж о странном и непонятном явлении под названием Шашлычная. Его впервые называют Голосом Пробки. Он съезжает от родителей. Нет отбоя от партнерш — но Семен быстро понимает, что в

Пробке сложно утаить свою личную жизнь. Агата снова здесь — укоризненно улыбается.

— Я, кажется, что-то сломала в твоей голове, прости, — смеясь, произнесла Агата. Настоящая, которая здесь и сейчас.

— Я немного удивлен, признаюсь, — ответил Семен. Я всего лишь точка, на огромной карте ее жизни, подумал он. Она будто двигается сквозь время. И минует и его, и этот момент — эту точку мнимого настоящего, мнимого «сейчас» — и уйдет вперед, растворится в будущем.

Чайка весила тонну. Цепочка сдавливала горло.

Ч2. Глава 3-5

5

Семен постарался сделать все, чтобы Загваздин как можно больше переживал по поводу предстоящего интервью с предводителем Пешеходов. Сашка даже выказал опасение, что можно и перестараться — и полицейский вообще запретит интервью.

Впервые за всю историю радио, они решили использовать все рекламные ходы, которые возможны, благо Редактор всячески способствовал. Они рекламировали предстоящее интервью каждый выпуск, даже когда крутилась запись про Хоботова, которую, скорее всего, вся Пробка раздраженно выключала. Кроме того, впервые были распечатаны настоящие рекламные баннеры — фото Сержа предоставила Агата, а Редактор на полную мощность запустил свой печатный станок, а его мелкие помощники развесили их по всей округе.

За один день общество невероятно разогрелось. Семен впервые за долгое время почувствовал мощь радио в полной мере. Чувство, что эта сила была в его руках, оказалось приятным.

Люди болтали о предстоящем интервью везде. Сашка подслушал жаркий спор двух подвыпивших грузчиков на общественной кухне. Один упирал на то, что чужаки воруют детей, а Голос так вообще предатель, только и делает теперь, что с “пешиками” общается, даже бабу среди них нашел. Второй вроде и соглашался, но в то же время не мог не заметить, что вообще они “неплохие ребята” и “веселиться умеют”.

Луи, почти оправившийся от последних событий, но не особо теперь понимающий, зачем он в радиостудии нужен, профессионально заметил, что публика никогда так не хотела слушать радио со времен новостей об убийстве.

— Вот реклама бы была!.. Обогатились бы, — запоздало и слегка неуместно мечтал он.

Сами Пешеходы признавали, что это будет самая широкая огласка их идей за все время движения.

Многие гадали, не запретит ли Загваздин такое скандальное интервью в последний момент, и, если верить Лавочнику, даже подпольно ставили ставки на это.

Так что в день интервью напряжение в Пробке было почти осязаемым. Вокруг радиостудии собралась толпа — по большей части Пешеходов. Они облепили крыши автомобилей и запрудили все пространство между ними — Семен снова удивился, как их много. Серж уже был у входа. И почему-то пришел не один.

Он был с молодым парнем, лет девятнадцати. Голос сразу распознал в нем своего фаната. Это было необычно — он впервые встретил поклонника из Пешеходов.

— Знакомьтесь, это Юсуф. Но мы все зовем его Пересмешник, — сказал Серж, наконец, положив руки на плечи приземистому парню. — Обожает ваши передачи.

— Очень приятно, — несколько озадаченно отозвался Семен и протянул руку.

— А это Петр… — Семен замешкался, поняв, что ничто ему не поможет вспомнить фамилию Высокого, но потом продолжил без нее, — он представляет полицейского. Это чистая формальность.

Никакой формальности, конечно, не было — Высокий был страховкой Загваздина. Наверняка у него было четкое поручение при каких обстоятельствах остановить эфир.

Никогда еще в студии не было столько народу, но кое-как расселись. Серж не сразу понял назначение микрофона и наушников, Семену пришлось втолковывать ему, зачем это все нужно. Затем Сашка строгим голосом приказал ничего не трогать и не крутить, и перебрался за руль, на традиционное место Луи.

Семен отыскал свои записи и вопросы к интервью.

— Готовы? — спросил он у Сержа. — Мы будем в прямом эфире.

— Готов, — отозвался вождь Пешеходов. Похоже, он был настроен решительно.

Голос кинул взгляд на Пересмешника — тот, кажется, не дышал, кивнул ободряюще, протянул руку к пульту и, набрав в грудь воздуха, повернул переключатель в нужное положение.

— Здравствуйте, мои уважаемые радиослушатели, жители нашей славной Пробки! Всем бесконечного Продвижения и самых наилучших перспектив. Вы все с нетерпением ждали этого эфира — и

я, признаюсь, тоже! Поэтому я не буду томить вас долгими подводками. Сегодня у нас в гостях человек, который взбудоражил общественность, который появился будто из ниоткуда и внезапно нарушил стройное течение жизни наших с вами будней. Кому-то это по душе, кому-то нет. Но сегодня все тайны будут раскрыты и все точки над «и» расставлены. Итак, у нас сегодня здесь лидер движения Пешеходов, человек, прошедший огромный путь сквозь Пробку, можно даже сказать сквозь время — Серж.

Семен кивнул, предлагая Пешеходу поздороваться со зрителями, что тот незамедлительно и сделал, несколько наигранно и взволнованно.

— Прекрасно, — улыбнулся Семен. — И я, конечно же, знаю, какой немой вопрос сейчас как минимум у половины слушателей, но с их позволения, я его придержу. Наши реалии обсудим чуть позже, у нас куча времени впереди. Я хочу поговорить о другом. Если честно, Серж, я таких вопросов, которые хочу задать сейчас, не задавал уже кучу лет, потому что они… скажем так, не очень под формат радио. Но раньше таких экстраординарных людей перед этим микрофоном не сидело, поэтому…

— Я отвечу на любые вопросы, — улыбнулся Серж, — абсолютно.

Семен кивнул с благодарностью и продолжил:

— Меня дико интересует, и я уверен, не меня одного — как давно вы начали? Интересно вычислить, как далеко отсюда лежит та точка, откуда вы начали путь.

— Боюсь, это всех шокирует, — скромно заметил Серж.

— Очень на это надеюсь.

— Мне было девятнадцать. Я иду почти сорок лет.

Семен такого не ожидал, потому эфир наполнился удивленным молчанием.

— Вот это да, — Семен взял себя в руки, — наверное, это ужасно далеко позади.

— Не то слово. Я уже плохо помню те места, где родился, а многие районы Пробки просто слились в один миг.

— Какая она? — зачем-то полушепотом спросил Голос. — Пробка там?

— Я, наверное, вас разочарую, если скажу, что по большей части такая же как здесь. Процентов на восемьдесят это всегда четыре ряда машин уходящих вперед и назад в горизонт. Но эти двадцать… ох, они позволяют сказать мне, что Пробка очень и очень разная. Более того, даже в самых обычных своих проявлениях она не перестает удивлять меня до сих пор. Вы вот привыкли к своему участку. К своей жизни. Но для многих позади она будет удивительной. Далеко не везде власть принадлежит полицейским, — на этих словах Высокий, до этого будто уснувший, встрепенулся и стал слушать внимательно, — далеко не везде поток машин поделен на участки. Далеко не везде люди оплачивают покупки и получают зарплаты бензином… но внешне вы бы не отличили эти районы от своего.

— Как же у них тогда все устроено? Приведите пример.

— Хорошо… — Серж задумался на секунду, — в одном из районов главной валютой были спички и сигареты. Люди, выращивающие табак, считались элитой. Бензин покупался у других районов, но лишь для того, чтобы хватало на Продвижение.

— Интересно, — подтвердил Семен. — Сигареты, в отличие от бензина, можно делать самостоятельно. А значит, они подвержены обесцениванию.

— Я не настолько разбираюсь в экономике, чтобы судить об этом, — мягко ответил Серж.

— Что ж, это удивительно, но при этом вы сами называете такие явления — обыденными, то есть входящими в ваши восемьдесят процентов. Что же происходит на участках, которые в них не входят?

— Что угодно, — улыбнулся Серж. — Буквально.

— Расскажите.

— Ну хорошо. Если я скажу вам, что существует такое место, которое называется Перекресток? И там Дорогу почти под прямым углом пронзает… другая Дорога.

Семен улыбнулся, ожидая, что Серж признается в шутке.

— Это же очень старая легенда, — сказал Семен, — ее детям рассказывают.

— Легенды тоже на чем-то строятся.

— Хорошо, — Семен даже поднял руки, хотя какой смысл в этом на радио, — сдаюсь. Представим, что вы видели Перекресток. И другую Дорогу. В конце концов, концепция параллельных миров

существует и ее невозможно опровергнуть — это вполне укладывается в физическую картину мира. Как это выглядело? Эта дорога… Она такая же?

— К сожалению, нет, — Серж помотал головой. — Она показалась мне… мертвой. Видно было, что машин на ней не было давно. Асфальт разрушился… да и была она сильно уже — две полосы и без всякого барьера. Некоторые люди уходили по ней — ради интереса. Я тоже об этом думал, все-таки, я иду пешком, почему бы и не свернуть? Но живая Дорога мне была интереснее.

— Как вы думаете, что это было?

— Мертвый, старый мир, который случайно пересекся с нашим, — Серж пожал плечами, — я много об этом думал, но это не лучший путь, много о таком думать. Ответа все равно нет. И не будет, раз я не свернул.

Семен мельком глянул на Высокого. Тот смотрел в затылок Сержу и, кажется, заинтересовался рассказом. Можно и рискнуть.

— А на машинах по этой мертвой Дороге не уезжали?

— При мне — нет, — покачал головой Серж, — но многие люди дальше за Перекрестком, утверждали, что кое-кто уезжал. Некоторые вернулись.

— Раз уж мы заговорили об аномалиях Дороги. Шашлычная вас удивила?

— Только культ вокруг нее, — ответил Серж, — таких зданий попадается много по пути. Некоторые, как Шашлычная, безопасны и полезны. Некоторые — по-настоящему уничтожают Пробку.

— Что это значит?

— Есть такие места — Бензоколонки. В таком обществе как ваше, такая штука вызвала бы фурор и только город знает, к чему бы привела такая встреча.

Высокий громко кашлянул. Семен удивленно посмотрел на него. Тот скрестил ребра ладоней — мол, такая тема не пойдет. Семен свел брови, показывая, что не понимает, о чем речь.

— Судя по всему,одна такая ждет впереди. Чем же оно опасно?

Высокий постучал ребром ладони по горлу.

— ...и это мы узнаем после небольшой музыкальной паузы! — Семен отключил эфир.

— Что не так? — рявкнул он в сторону Высокого, да так, что даже Сашка и Серж отпрянули.

— Есть ряд тем, которые Андрей велел пресекать. Бензоколонка — одна из них.

— Это еще почему? Он про них что-то знает?

— Я не буду отвечать на эти вопросы. Если хочешь — сам с Загвоздиным потом поговори.

Семен переглянулся с Сашкой.

— Нам что, — спросил он, внимательно глядя на Петра, — нельзя знать, что нас ждет впереди?

— Я еще раз говорю — это не со мной надо обсуждать… Ты не мне вопросы задавай, у тебя тут не я гость.

Семен подышал немного успокаиваясь.

— Вопрос уже повис, Петя, — сказал он, — нам придется на него ответить. Хотя бы коротко.

Семен потянулся к кнопке включения эфира.

— Ну песня-то уж пусть доиграет, — сказал Сашка.

Семен выждал полминуты, пока доигрывала музыка в наушниках в напряженном молчании.

— И мы возвращаемся к интервью! Итак, мы говорили о бензоколонках.

— Да. Как правило это обычное здание на Обочине, вроде вашей Шашлычной. Но с хранилищем бензина, чаще всего у них под землей огромная цистерна. Почти всегда такая бензоколонка встречается уже пустой.

— Что же в этом страшного? Просто исчерпали бензин.

— Да. Если не брать в расчет следы многих и многих боев и десятки могил вокруг.

— А если… — у Семена была тысяча вопросов, но Высокий изо всех сил качал головой. — Что ж это очень любопытно, но давайте немного вернемся. Что лично вас сподвигло стать Пешеходом? У всех остальных были вы.

Серж ответил не сразу, Семен заметил сложную работу мысли в его глазах. Он будто выбирал, что именно рассказывать.

— Это так далеко позади, что мне даже не верится, что Дорога настолько огромна, — наконец, начал он, — но как обычно история начинается тогда, когда ты еще об этом не знаешь. Я просто сбежал. У

меня не было планов идти вперед и тем более собирать сторонников. Мне просто не было места дома. Это все еще часть философии Пешеходов, если угодно. Если не можешь найти свое место — пойдем с нами искать.

— И Дорога была лучше, чем дом?

— Как правило да, — улыбнулся Серж. — Пробка сурова, но при этом в основном прекрасна. Где-то бывали перегибы, однажды я даже угодил в тюрьму на несколько месяцев за то, что поговорил с женщиной без разрешения — есть места, где для этого надо спрашивать разрешения у мужа, отца или брата, представьте? Но как правило в самых суровых условиях появляется больше всего Пешеходов.

Как и у нас, подумал Семен, но спросить решил о другом.

— Когда же появился первый попутчик? Он до сих пор среди Пешеходов?

— О, это я хорошо помню. Ее звали Юнь, она была моего возраста и очень загорелась идеей идти пешком. Мы полюбили друг друга и у меня начался дико счастливый период моего путешествия. Именно Юнь придумала называть нас Пешеходами, из-за нее к нам стали присоединяться другие — я был не слишком общителен, она же умела заражать других людей, умела говорить — я у нее многому научился… Но все когда-нибудь заканчивается. К сожалению, Юнь не пережила эпидемию. Нас уже было очень много, но мы попали на участок, где все болели странной болезнью… и Юнь заболела тоже. Как и многие другие Пешеходы.

— Я сожалею, Серж.

— Это было много лет назад, — легко ответил он, — теперь мы стараемся не идти толпой, а растягиваться по Пробке и кучковаться только когда решили остановится, когда поняли, что ничего не угрожает всей группе. Первые Пешеходы появились на вашем участке задолго до того, как сюда попал я, например.

— Пешеходов все время становится больше?

— Я не знаю. Давно не пересчитывал нас по головам, — засмеялся Серж. — Кто-то постоянно отваливается — просто понимает, что он хочет остаться именно в этом месте. Может быть, он потом догонит Пешеходов снова — такое не раз бывало, даже сейчас подтягиваются отстающие, которых я не видел месяцы. Кто-то

отваливается совсем. Это нормально. Но я всегда очень радуюсь, когда к нам кто-то присоединяется. Каждый новый Пешеход — автоматически мой большой друг и может просить у меня любой помощи.

— А что касается самой идеи?

— У Пешеходов нет глобальной идеи, кроме одной — идти вперед. У каждого человека Пробки, абсолютно каждого — есть причина взять и пойти.

— Если можно идти пешком, то зачем нам автомобили?

— Потому что они созданы для большего, чем просто стоять в Пробке. Сколько километров в час показывает максимальное деление на вашем автомобиле, Голос?

— Сто восемьдесят.

— Вы хоть раз разгонялись до такой скорости?

— Это слегка невозможно, — улыбнулся Семен.

— Очевидно, что потенциал любого автомобиля вокруг нас куда больше, и он не годится для бесконечного стоялова.

— Для чего же тогда?

— Чтобы нестись по этой Дороге вперед и уже к вечеру быть в Городе, — Серж засмеялся. — Не так утрированно, конечно. Я уверен, у создателей машин такой план и был, но чтобы ему осуществиться, автомобилей должно стать сильно меньше. В разы.

— Звучит революционно.

— Я бы так не сказал. Я бы сказал, что звучит очень старомодно, — возразил Серж. — Раньше машин вообще не было — и люди действительно перемещались пешком, как мы. Но потом кто-то придумал автомобиль — чтобы перемещаться быстрее. В итоге все получилось наоборот, но не все готовы это признать.

— Я знаю одну слушательницу, которой точно понравилась ваша теория, Серж, — заметил Семен, вспомнив про Пыль. — И, пожалуй, я перехожу к завершающему вопросу. Можете ли вы однажды остановиться? И если да, то ради чего?

На этот раз Серж задумался, хоть и не надолго. Семену это понравилось — почему-то было приятно, что его вопросы заставляют Сержа глубоко подумать.

— Что ж, на этот вопрос трудно дать ответ, — отозвался глава Пешеходов. — Сегодня я не могу представить ничего такого, что

заставило бы меня угомониться. Но кто знает, что будет завтра? Возможно, и есть впереди что-то такое, что заставит меня пересмотреть всю свою жизнь.

— Например, Город?

— Не уверен, что Город существует, но — почему нет? Когда-нибудь я сделаю последний шаг вперед и пойму — теперь мое место здесь. Но что это будет и будет ли вообще — пусть ответ на этот вопрос мне откроет Дорога.

Ч2. Глава 3-6

6

Кожаный потолок автомобиля теперь выглядел необычно, хотя и был таким, как всегда. Агата, оставшаяся на соседнем кресле и не спешащая одеваться тоже смотрела вверх.

— У меня вся крыша была заклеена фотографиями, — сказала она. — Все снимки, которые я делала, прикалывала наверх. И каждый раз, просыпаясь утром, я смотрела на них. Сначала мне это нравилось, но потом они надоели так же, как просто голый потолок.

— Это невероятно. Ты сделала столько фотографий…

— Да, мне повезло, у нас недалеко был целый магазин для фото. Они продавали картриджи, а фотоаппараты выдавали напрокат… И я сперла этот, когда уходила.

— Ты украла его? — удивился Семен и засмеялся. — Серьезно?

Агата усмехнулась воспоминаниям.

— А что мне оставалось делать? Я не могла его купить. Уйти без него — тоже не могла. Да им и не пользовался никто кроме меня…

Она приподнялась на локте, взяла фотоаппарат с приборной панели и быстро сфотографировала Семена.

— Эй! Я же не одет! — воскликнул он.

— В этом вся прелесть, — улыбнулась Агата, помахивая снимком в воздухе.

Они помолчали некоторое время. Агата разглядывала снимок, положив фотоаппарат на свой голый живот. Семен смотрел на нее, повернув голову, и думал о том, как сложно будет ее отпустить. Он мечтал теперь, чтобы Пешеходы никогда не сдвинулись с места. Он настолько не был готов к этому разрыву, что даже думал, что порвет отношения сам до этого, чтобы не было так невыносимо. Причем в голову лезли совершенно отвратительные способы сделать это.

— Ты ведь не сможешь вечно здесь находиться, верно?

— Нет, рано или поздно я уйду. Вместе с остальными, — Агата ответила сразу и не задумавшись. Для нее это истина, константа, понял Семен. Ничто не изменит ее решение идти вперед, даже он.

Молчание.

— Ты должен пойти со мной, — сказала Агата.

Семен уже думал об этом — и не раз. Но ее предложение все равно заставило его вздрогнуть. Этот мир — привычный мир Пробки, распорядка и ежечасных новостей, — держал его. Но… но она сказала “со мной”. Не с Пешеходами, не вперед… а с ней.

Он сглотнул в сухую, тупо глядя в потолок, боясь взглянуть на нее.

— Выбор работает только в одну сторону? — спросил он с большой осторожностью — это была претензия, а он не хотел все портить.

— Я не останусь, — твердо сказала Агата. — Я понимаю, тебе кажется, что это эгоистично — но это просто выбор. Просто мой уже сделан, а твой — нет.

Она наклонилась, чтобы поцеловать его, ее темные волосы закрыли от него потолок с единственной фотографией по центру. Но он не дал ей этого сделать, сказав прямо в ее губы:

— Я спал с Султаной.

Она остановилась на мгновение, а потом продолжила движение и завершила поцелуй.

— Я знаю, — сказала она и откинулась обратно.

Семен знал, что она знала. Ему просто захотелось это вербализировать — чтобы прекрасное закончилось, чтобы она его оттолкнула, чтобы все закончилось — но без его личного решения. Теперь он не знал как реагировать, потому что Агата не отреагировала никак. Он почувствовал как залился краской, чувствуя себя ужасно глупо.

— Если я уйду с вами — тебя не будет это беспокоить? — спросил он.

Она с улыбкой посмотрела на него.

— Не вижу ни одной причины, почему меня это должно беспокоить. Это Султана.

— И что?

— Она ни за что не сделает мне больно, — просто ответила Агата.

Никогда раньше не встречал такого уровня уверенности и доверия, подумал Семен.

Он стал крутить в голове сценарии, что будет происходить на участке если он уйдет. Что будет с радио? С Сашкой? С родителями?

Слетит ли с Загваздин с катушек окончательно?

У него ничего не выходило, мысли рассыпались как гнилые пороги. Он не представлял Пробку — эту, родную Пробку — без себя. Хотел он того или нет, но он стал ее Голосом, ее неотъемлемой частью. Для многих он даже не человек, он слова, летящие из приемников сотен автомобилей вокруг. Он и есть Пробка.

Или я ошибаюсь, подумал Семен, и мысли повернули в другую сторону. Возможно, это я себя не представляю без Пробки. Без радио. Без той части личности, которая стала Голосом.

Кто я, если не Голос? На этот вопрос не было ответа.

— Что мне делать среди Пешеходов?

— Лишь то, что захочешь ты сам, — не задумываясь, ответила Агата. — Ты можешь стать Голосом и для нас. Кто решил, что тебе нужен микрофон и студия, чтобы им быть?

Она была неправа.

— Я делаю это не один. Есть Сашка, есть Луи… есть люди, которые меня слушают. Они все — часть Голоса. Эгоистично приписывать это прозвище лишь мне.

— Справедливо, — согласилась Агата. — Значит, если ты уйдешь — Голос останется жить. У тебя есть кому доверить это.

Не совсем, подумал Семен. Будет не хватать важной детали. Автомобиль без двигателя все еще автомобиль, но увы, уже не поедет.

— Если ты останешься, — произнесла Агата очень тихо, — я пойму. Более того, я поддержу тебя в этом решении. Мне будет больно, но поддержать твой выбор для меня важнее.

Семен понял, что у него увлажнились глаза от этих слов. И именно они все решили.

— Я уйду с тобой, — сказал он.

КОНЕЦ ВТОРОЙ ЧАСТИ

Часть 3. Глава 1-1

1

Семен знал Лаки — это был его одноклассник Юра. В школьные времена он был крайне задирист. Однажды он подрался с Олафом и тот укусил его за ухо. Теперь его украшал белый бугорок шрама, по которому Юру ни с кем не спутаешь.

А еще он оказался соседом Пыли по общежитию. Поэтому знакомство вышло очень простым — Лаки подсел к Семену в машину с утра пораньше.

— Редактор передает привет, — сказал он, глядя перед собой.

— Привет, Юра, — сказал Голос. — Почему теперь тебя зовут Лаки?

— Воровская кличка, — все так же ровно и не поворачивая головы ответил собеседник. — Так удобнее общаться.

— Ты вор?

— Немного. Бегунок Лавочника. То тут, то там по мелочи.

— Мне показалось, ты работаешь в Банке.

— Не работаю, отрабатываю, — пояснил Лаки. — Таскаю канистры. Я должен хренову бочку бензина.

— И заодно следишь за Юлей.

— Не только. В целом за Банком. Мало ли что. Но и за Самохиной тоже.

— Как умудрился задолжать?

— Накопил на машину, купил, выжрал бак до нуля — банкрот. Потом еще раз накопил. Снова банкрот. Одну машину Банк забрал. А вторая в кювете.

— Почему?

— Да старая была. Все сгнило нахрен.

Он моргает? Надо будет последить, подумал Семен.

— Что именно хочет увидеть Редактор? Какое задание он тебе дал?

— Нужны доказательства связки этого треугольничка, — Город святой, как у него шея не затекла! — Самохина, Глушаков, Загваздин. Что они повязаны бензином навечно.

— И что? Есть что-нибудь?

— Пока ничего особенного. Но она кошмарно напряжена. Орет на подчиненных и на прохожих.

— До сих пор бесится, что не стала главой Банка.

— Она проиграла, — Лаки медленно кивнул. — А такие как она проигрывать не умеют и могут натворить глупостей.

Говорил Лаки, а Семен слышал Влада.

— Я так и не понимаю, на кого ты работаешь. На Лавочника? Или Редактора?

— Лавочник мой босс. Но платит мне сейчас Редактор.

Какие-то сложные подпольные взаимоотношения. Целый мир теневой жизни Пробки, живущий по своим странным законам.

— Так, с Юлей ничего. И что дальше?

— За этим я и пришел. У нас есть один хороший малый — зовут Шелест.

— Да, — кивнул Семен, — бездомный. Есть идея подсадить его в бобик.

— Он уже там, — отозвался Лаки. — Сработал немного на опережение, так сказать. По плану он должен был якобы надебоширить завтра. Но успел отличиться вчера вечером на Продвижении. Где-то раздобыл бутылку, ужрался и решил, что будет классно справить нужду прямо перед пикапом Пита.

Город святой. Как он после этого жив остался.

— Его скрутили дружинники. Немного отмутизили. Удивительно, что Глушаков не стал разбираться с ним сам, может, не до того было, так что его отправили в бобик.

— Не в тюрьму?

— Как я понял, дружинники не могут никого кинуть в тюрягу, только привести в бобик, а там уже Загваздин сам решение принимает.

— И что теперь?

— Будем надеятся, что его пьяная башка включится, если будет происходить что-то важное. Я думаю, что он просто выспится и все. Мы ничего не узнаем. Не факт, что он в принципе помнит о задании.

Великолепный план, Редактор, с некоторым злорадством подумал Семен. Надежный, как немецкие движки.

— Моя работа — снарядить парней сразу подхватить его, как выпустят. Я дам знать тебе и Владу, куда мы его доставим. Пока точное

место я определить не могу. Все зависит от того, когда Загваздин решит выкинуть его из бобика.

— Почему его Шелест зовут?

— Вообще он Стасян. Но ходит в таком плаще дурацком, который шуршит обо все…

— Надеюсь, ему не сильно досталось, — выразил надежду Семен.

— Ему-то? Да он привычный… Один раз не поделил что-то с антимирскими, его прям через барьер башкой вниз перебросили. И ничего, встал, отряхнулся, пошел.

— Он ходит в Антимир?

— Ну да. Бродяга же, что ему еще делать.

Как у вас все просто, подумал Семен. Захотел — полез через барьер. Общаешься там с кем-то так плотно, что аж драться лезут.

— В общем, теперь плотно работать будем, Голос, — заявил Лаки. — Хоть посмотришь, как добывается информация у нас, в тени.

Что я об этом не знаю, недовольно подумал про себя Семен, как будто Юра вдруг залез на его территорию и заявил на нее свою права.

— Интересно будет взглянуть, — коротко ответил он, и Лаки вылез наружу, не попрощавшись.

* * *

Пол Рефрижератора довольно сильно был закапан кровью — чем вызывал мрачные воспоминания о страшных слухах про это место во времена Эпохи Кожаных Курток.

Лаки сидел на стуле перед станком и прижимал к левому глазу большой мешок со льдом. Текло из рассеченного носа и из-под мешка, губы распухли, левая щека была заметно полнее правой.

Семен почувствовал, что ему резко захотелось отвернуться и выйти обратно, наружу. Вид Юры не предвещал ничего хорошего.

Напротив на табуретке сидел Редактор и задумчиво следил за капающей с подбородка Лаки кровью. А рядом стояла Бриджит и деловито мотала бинты.

— Гоороод… — протянул Лавочник, заходя следом за Семеном. — Что произошло?

— Его один мой работник нашел, — пояснил Редактор, не оборачиваясь. — Говорит еле брел против хода. Прохожие шарахались. Потом обмяк и повис на машине — стекла кровью перепачкал, детей перепугал. Гера хотел уже кликать полицейского и очень повезло, что

не сделал этого — сумел распознать, что это Лаки, вспомнил, что тот часто ко мне захаживал, так что в итоге наш дружище здесь, а не гниет в Немире.

— Это Пит, — хрипло отозвался Лаки. — Его ребяток дело.

— Это очевидно, — добавил Редактор. — Что их спровоцировало?

— Шелест, — выдохнул Лаки и отнял компресс от лица. Семен увидел совершенно заплывший глаз, залитый кровью до черноты. Бровь была как будто раза в три больше своего размера. — Походу они догадались, что он не просто так в бобике кукует. Ну и… Отпустили. Видимо, пасли его. Поняли, что он направляется ко мне. Тут-то все и началось.

— Тебя прям на глазах у всех месили, что ли? — удивился Илья.

— Почти. У нас с Шелестом за складскими фурами было рандеву… Так что если кто и видел, то охранники местные…

— Явно купленные Питом, — кивнул Лавочник.

Бриджит наконец закончила возиться с бинтами — наделала ватных тампонов. Взяла один, обильно прокапала спиртом из толстостенной бутылки и бесцеремонно взяла Лаки за подбородок.

— Бля, — немедленно среагировал тот. — Может, без этого как-то?..

Но Бриджит не стала его слушать и принялась промакивать бровь. Юра недовольно зашипел.

— Не ори только, — посоветовал Редактор, — мне новые слухи про типографию не нужны.

— Как ты понял, что это люди Пита? — спросил Семен.

— Чего? — простонал Лаки. — Так это только начало.

Голос переглянулся с Лавочником.

Бриджит бросила темно-красный тампон прямо на пол, взяла второй, залила спиртом и продолжила.

— Сука, Влад, обязательно одновременно в меня ватой тыкать и спрашивать?

— Обязательно, — коротко ответил тот.

— Воды тебе в бак… Они меня к Питу утащили — видимо для воспитательной беседы.

— Прям к нему домой, что ли?

— Щас, ага. На склад “Железяк”... ай, бля… В общем, он решил, что Шелест специально перед его тачкой напрудил. Типа это издевка такая. Послание. От тебя, — Лаки ткнул пальцем в Лавочника.

— Все-таки он тупой, — ответил на это Илья. — Так, с его точки зрения, общаются с конкурентами, видимо.

— Да хер знает… ааа! Это точно надо? Я все равно неделю одноглазый буду ходить… минимум.

— Мне нужно, чтобы твоя морда как можно быстрее пришла в норму, — пояснил Редактор. — Придется потерпеть. Что дальше?

— В общем, как они поняли про Шелеста, я не знаю. Но как я понял из его слов — он сообщил Загваздину, чтобы тот, пока Стасян в клетке, не трепался особо. Но подержал достаточно. И решил затем проследить. В общем, нас раскусили.

— Возможно, раскусывают прямо сейчас, — добавил Лавочник. — Проследив уже за Лаки прям до сюда. Знал бы я в чем дело, ни за что бы не пришел. В следующий раз, Влад, сообщай конкретно, зачем ты нас зовешь, окей?

— Это как будто уже не особо важно, — задумчиво пробормотал Редактор. — Я думаю, Хмурый Пит и Загваздин догадываются, куда ниточки ведут. Разве что Голоса мы им сейчас раскрыли. И вот это нехорошо.

Семен сглотнул. Сам он об этом не подумал. Ему стало очень неуютно.

— Тебя-то они не тронут, — Лавочник покосился на журналиста, — это будет слишком заметно и резонансно.

Почему-то это не уменьшило тревогу. Наоборот.

Семен не хотел, чтобы следующим на этом стуле сидел уже он. Очень не хотелось кровоточить. Никакими частями тела.

— В общем, Пит посоветовал больше не соваться к бобику и не крутиться около его пикапа. Потом меня выкинули, — закончил Лаки и окончательно сдался Бриджит.

— Зачем он раскрылся, не понимаю, — сообщил Влад.

— Кто? Пит? Наверняка, чтобы показать, что он никого не боится, — сказал Лавочник.

— Да, но он и Загваздина тут подставляет. Не прямо, конечно, но мы же отлично понимаем, что без полицейского тут не обошлось. Шелест, блин, в бобике сидел!

— Мы не докажем причастность Андрея, — заметил Семен. — В случае чего всегда можно свалить на то, что Пит просто мстил за забрызганный кенгурятник.

Редактор не выходя из задумчивости кивнул, молча соглашаясь с мыслью.

Все смотрели на Лаки. Он полностью отдался на волю редакторовой секьюрити и только негромко шипел. Вокруг стула росла россыпь темно-красных комков ваты.

— Убедился? — сказал Влад, обращаясь к Семену. — Вот истинное лицо и Пита, и Андрея.

Да, подумал Семен, глядя как Лаки осторожно трогает пальцами свои распухшие губы. Очень живописное лицо.

Ч3. Глава 1-2

2

Мама приняла сообщение близко к сердцу и сейчас плакала на заднем сиденье автомобиля, выгнав и самого Семена, и отца на улицу.

— Огорошил ты нас, конечно, — сказал Живой и сел задом на капот своей ласточки.

— Я еще смягчил острые углы, — сказал Семен. — Я готовлю выпуск с разоблачением полицейского. Это будет мой финальный эфир. После этого он должен сложить полномочия — добровольно или нет. И я уйду с чистой совестью. Моя история здесь завершится хорошо.

Отец молчал какое-то время.

— А если не выйдет? Он тебя запрет здесь и никуда ты не уйдешь.

— Должно выйти, — убежденно заметил Семен. — Этот человек обворовывал каждого из нас целые годы. Но… но и такое может произойти, да. В этом случае план такой же. Раиса предупреждена, она переоформит все мое имущество и даже доход с радио на вас.

— Нам нужно о чем-то переживать?

— О вас позаботятся, — сказал Семен. — Если будет совсем плохо, то появится человек, которого зовут Лавочник. Или кто-то от него. Выполняйте все инструкции. Вас отведут в безопасное место. Если этого не случится — идите к Гроссу. Скажите, что вы мои родители. Он вас укроет.

— Ты не доверяешь этому Лавочнику, — констатировал отец.

— Не на сто процентов, да, — согласился Семен. — Поэтому нужен запасной план.

— Ты точно в такой ситуации хочешь уходить?

— Не пытайся уговорить меня остаться.

— Нет-нет. Я лишь хочу быть уверен, что это твое решение.

Семен закатил глаза.

— Вот только давай без этого, — попросил он, — еще скажи что-нибудь типа “побежал за юбкой”.

Отец усмехнулся.

— Думается мне, — сказал он, — это только предлог. Ты бежишь за Дорогой. Наш путь для тебя слишком медленный.

Они помолчали какое-то время.

— Сашок поди там убивается, — заметил отец.

— Я ему еще не сказал, — смущенно ответил Семен. — Я не знаю как к этому подступиться. Надо было раньше сказать. И вам тоже. Было бы время подготовиться.

— Хотел бы я сказать, да что ты, все в порядке… но да. Лучше бы пораньше.

Не на то я тратил последние дни здесь, подумал Семен. Если бы он заранее решил уйти с Пешеходами, то последнее, чем бы он занимался — это расследование махинаций Загваздина. Теперь казалось, что столько еще важного и несделанного, столько слов не сказано, а уже пора уходить. И последние мгновения будут заняты борьбой с полицейским, а не общением с близкими.

— Хотелось бы все сделать иначе, — вздохнул Семен.

— Так говорят люди, которым пора помирать, — засмеялся отец. — Ты же всего лишь отправляешься в путешествие.

Путешествие — это когда возвращаешься. Семен знал, что если пойдет, то уже не станет оборачиваться.

— А может, кто знает, в какой-то момент мы все выйдем из своих авто и пойдем вперед. И еще нагоним вас.

Отец наверняка говорил это себе, а не Семену, бодрился изо всех сил.

— Вы главное не переживайте уж совсем сильно. Я не прямо сейчас ухожу.

Отец не ответил.

— Буду на дежурстве, когда ты будешь вещать… с Третьяком послушаем. Он постоянно бухтит на Загваздина, ему будет очень интересно.

У Третьяка были причины не любить Загваздина — тот когда-то убрал его из Совета, заменив Хмурым Питом.

— Что ж, я пойду улаживать дела, — сказал Семен, — я очень надеюсь, что найду способ связи и как-то через Сашку, через радио, да хоть через рацию полицейского — смогу с вами общаться. Или с Антимиром весточку передам. Вдруг там есть свои Антипешеходы.

— Дай знать, если дойдешь до Города, — улыбнулся отец.

* * *

Последняя вечеринка Пешеходов начиналась. Семен пришел заранее, сразу как закончил вечерний эфир. Потому что надеялся кое-кого встретить. К месту сбора его провел Пересмешник, который теперь присутствовал почти на всех эфирах — и потихоньку учился.

— Встреча только через двадцать минут, — сказал Пересмешник, прежде чем уйти. — Так что не знаю, найдете ли вы кого-то…

— Найду, — ответил Семен.

Он не раз находил Олафа, когда тот не очень хотел, чтобы его находили — и успел приноровиться предугадывать действия контрабандиста.

И не ошибся и в этот раз.

— Ты какого хрена здесь делаешь? — спросил его знакомый голос из-за Барьера.

— Тебя жду, — ответил Семен.

— Если за любой из этих машин прячется Загваздин или один из его идиотов — я тебя самого в Антимир перетащу и за его Обочину выкину.

— Никого тут нет. У меня только маленькая просьба. И все.

Олаф оперся на Барьер рядом с Семеном, но перелезать не спешил.

— Вот ты сначала озвучь свою просьбу, — сказал контрабандист, внимательно наблюдая за Пробкой вокруг. — А потом я решу, буду перелезать или нет. И кстати — на нас смотрят. Человек шесть. Так что если среди них есть стукачи, знай — с точки зрения твоего любимого Загваздина, ты совершил преступление.

Это была правда. Он общался с разыскиваемым преступником, которой при этом находился еще и в Антимире. Такое тянуло на десять Продвижений в автобусе-тюрьме.

— Я знаю, что ты уходишь, Олаф, — сказал Семен, — с ними, с Пешеходами.

— Султана сказала, — кивнул Олаф.

— Ты знаешь, зачем я тебя ищу.

— Чтобы поговорить об Артеме.

— И о смерти Сергея. Я знаю, что они связаны между собой. И уверен, что ты знаешь как именно.

— Зачем тебе это? Зачем Загваздину — понятно, он полицейский. Он меня сцапает за сокрытие, а Хмурый Пит порадуется, что одним контрабандистом вне его контроля стало меньше. Все мрази в плюсе. Ты тоже этого хочешь?

Семен покачал головой.

— Здесь не так все просто как кажется, — пояснил Семен. — Андрей в это замешан по уши.

Олаф засмеялся.

— Только не говори, что ты хочешь вывести на чистую воду полицейского.

— Именно это я и хочу. И еще много кто. Ты кажется, слегка отстал, пока прятался.

— И с чего вдруг такая перемена? Решил переметнуться на темную сторону?

— Не уверен, что она темная.

— Чернее асфальта в безлунную ночь. Но Загваздин все равно хуже.

— Так помоги мне его разоблачить.

— И кто мне гарантирует безопасность после этого? Ты? — Олаф не хотел обидеть, он просто констатировал факт.

— Тот факт, что ты уйдешь.

— Ты сильно недооцениваешь Хмурого Пита. Он меня достанет, если все вскроется по моей указке. У него много связей впереди. Связей, о которых лучше даже не думать.

— Никто не будет знать, что ты ушел с Пешеходами, я позабочусь.

— Интересно, как это?

— Скажу в эфире, что тебя видели в Антимире. Как видишь, даже не совру.

Олаф некоторое время улыбался, улыбка выглядела безнадежной.

— Охренеть ты трус, — вырвалось у Семена.

— Я удивлен, почему ты нет, — мрачно заметил Олаф. — Ладно, я уйду, но ты-то будешь у всех на слуху и на виду. Если это героизм, то я советую не подсаживаться на это дерьмо.

— В том-то и дело, — сказал Семен, — почему ты думаешь, что я останусь?

Олаф внимательно его оглядел, а потом усмехнулся.

— У меня под задницей нет тепленькой радиостудии, — ответил он. — Без этого как-то проще двинуть вперед на ногах, не считаешь?

— Олаф, — Голос обернулся, услышав голоса — подтягивались люди, — ты бы перелез уже?

Тот будто спохватился и легко перемахнул через барьер, как будто делал так постоянно.

— Часто ты туда захаживаешь, я смотрю.

— А, оценил сноровку? — Олаф подмигнул, а затем придирчиво оглядел ближайшие машины, заглянул в соседний ряд и, вытянув голову, посмотрел в сторону Обочину.

— Нет тут шпионов Загваздина, расслабься. И давай поговорим о деле, пока тут все не заполнилось Пешеходами и зеваками.

Олаф прошептал:

— Ты реально хочешь уйти? Это безумие. Тут и так кошмар последние дни, а без Голоса Загваздин совсем с колес съедет!

Семен оценивал стоит ли говорить. Но все же решил сказать.

— Тут есть кому противостоять полицейскому. И это уж точно не я.

Олаф молчал какое-то время.

— Ты же понимаешь, что он — еще хуже? — спросил он, глядя в одну точку.

— Он?

— Не придуривайся, — скривился Олаф. — Ты хочешь отдать Пробку на растерзание Редактору. Не отрицай! Я знаю под чью дудку ты пляшешь. Если не под полицейского, то под его.

— Под свою собственную, — парировал Семен.

— Это ты так думаешь, — печально сказал Олаф.

— Слушай, я все понимаю, но все же давай вернемся к вопросу.

— Я тебе все расскажу, а ты поскачешь выкладывать это Редактору, — ответил Олаф. — Нет, спасибо. Даже если он использует это как оружие против полицейского — нет.

— Но почему?

Олаф вздохнул. Ожесточенно потер глаза указательными пальцами.

— Артур, — сказал он.

Семен живо вспомнил, как Пирогов агрессивно реагировал на любые попытки Семена поговорить с ним или его семьей.

— Он никуда не уйдет, Семен. У него семья, дети. Если Редактор пойдет войной на Хмурого Пита, на Загваздина, те будут знать, кто вложил ему в руки оружие. Либо я. Либо он.

Вот это да, подумал Семен. И это Олаф, который вечно показывал себя как циничного и холодного человека из мира черного рынка и серой морали.

— Ты расскажешь, если мы сможем гарантировать их безопасность?

— Прости, Голос, но я не верю, что ты сможешь ее гарантировать, а Редактор просто не станет. Я больше не знаю людей, которым я мог бы их доверить.

— Я знаю, — ответил Семен, — Лавочнику.

— Хорошо, предположим это в его силах. Однако с чего ты взял, что я ему доверяю?

— А я знаю, что нет. Ты бы тогда не стал скрывать свое местоположение и от него тоже. Но ему доверяю я. Такая сделка тебя устроит?

— Великий возвышенный Голос доверяет контрабандисту? С чего мне верить в этот бред?

— С того, что я буду полностью полагаться на его слово тоже, когда уйду. Лавочник должен будет спрятать и моих родителей.

— Ты серьезно?

— Да.

Олаф внимательно посмотрел на Семена.

— Знаешь, я этого не ожидал. Не ожидал такой твердости от тебя. Для всех ты Голос, конечно же, и у них штаны намокают, когда ты мимо проходишь. Но я знаю Семена, а этот человек никогда так твердо не стоял на своем. Хорошо, безбашенный ты дурак, я тебе все расскажу.

Семен не поверил своим ушам.

— Приходи к фиолетовому минивэну на участке Гросса. Сегодня, после полуночи, — быстро сказал он, — там все и запишем.

— Почему не в радиостудии?

— За ней наблюдают.

Олаф кивнул.

— Ты четко решил, что уходишь? — спросил он. — Бросишь дело жизни?

— А если это не мое дело жизни? — вопросом ответил Семен. — Что если вообще не обязательно у человека должно быть такое?

— У какого-то там абстрактного человека — да. Но у тебя оно есть. Глупо это отрицать.

— Зачем ты мне это говоришь?

— Потому что я знаю, что случится. Ты в это не веришь, потому что твердо решил, что твое место среди Пешеходов, но… возможно, вся эта твоя бравада с выведением Загваздина на чистую воду — ни что иное как сжигание мостов. Ты настолько не уверен в каком мире хочешь жить, что готов уничтожить один из них и шанса вернуться просто не останется. Это опасный путь, дружище, даже ради очень красивых глазок. Когда поймешь, что она уходит, а ты остаешься — вспомни меня.

В следующий миг Семен понял, что допустил серьезный тактический просчет. Совсем потерял бдительность. К этому времени Голос надеялся уже находится на некотором расстоянии от Олафа, чтобы не встретить Султану.

Но не успел. С диким “Вууу!” та возникла перед ними и бросилась обнимать контрабандиста.

— Ты все-таки решился, старый хрен! — с восторгом завопила она. Потом накинулась и на Семена.

— Я все-таки до конца не верила, что вы друзья, потому что ну охренеть, ну какие вы друзья?

— Да потому что мы и не друзья особо… — пробормотал Олаф, но Султана, конечно, не обратила на это никакого внимания.

Семен, смущенный после объятий, вообще слабо улавливал смысл происходящего.

— Просто я думала он специально так сказал, чтобы меня завалить, — доверительно сообщила Султана Олафу.

Эй, я все еще здесь стою, захотелось рявкнуть Семену, но тут появилась Агата.

Бум. Это произошло. Теперь они стояли здесь все вместе. Агата взяла Семена за руку, и тот зачем-то поспешил спрятать сцепленные руки от Олафа.

— Эээм, что ж, мне, наверное, надо идти к новеньким или как там, — пробормотал Олаф и боком-боком свалил из напряженного треугольника.

Впрочем, напряженным был он явно только для Семена. Все еще оглушенный происходящим он не уловил, что Султана и Агата уже некоторое время разговаривают.

— Что за хрень решил устроить Серж? — спросила Султана Агату. — Почти месяц стоим. Такое бывало?

— Нет, — Агата пожала плечами, — и никогда еще к нам не присоединялось так много людей одновременно. По-моему, Серж решил просто устроить для всех небольшой отпуск. Неужели ты так рвешься вперед? Тебя сложно назвать образцовым Пешеходом.

Султана вдруг внимательно посмотрела на Семена. Как будто проверяла, можно ли ему доверять.

— Я здесь уже была, — сказала она.

Лицо Агаты вытянулось.

— То есть… ты хочешь сказать…

— Не прям здесь, все еще где-то впереди, — Султана машинально поглядела на татуировку, маскирующую шрам, — но все происходило на этом асфальте. Горизонт, кювет — все это очень знакомо. Может, поэтому мне так тут крышу рвет. Шашлычная — я помню, как этот ублюдок радовался, что она наконец-то осталась позади…

Султана замолчала. Семен впервые видел ее почти плачущей — и взбешенной одновременно. Она снова посмотрела на Голоса, перевела взгляд на Агату.

— Я пойду, — сказала она, — моим новым мелким корешам нужна будет поддержка безумной тетки.

Агата некоторое время молчала, провожая Султану глазами, а Семен молчал, потому что боялся спугнуть момент — возможно, Агата сейчас раскроет тайну, что все же произошло с Султаной. И что значит — впереди?

— Хорошо, что ты это слышал, — сказала, наконец, Агата и повернулась к нему. — Тебе, наверное, кажется, что Пешеходы — это такой передвижной рай, но, как видишь, у каждого своя история.

— Да, но я ничего не понял…

— Не все следуют плану Сержа, — ответила Агата, — кто-то преследует собственные цели.

Они обнялись.

— Когда-нибудь она сама расскажет тебе эту историю, — Агата положила подбородок на его плечо, — я не буду брать на себя такое

право.

У них будет целая Дорога впереди, чтобы рассказывать друг другу истории своих жизней, подумал Семен.

— Ты точно уверен в своем решении? — спросила Агата, выбираясь из объятий.

— Точно.

— Кто-нибудь уже знает?

— Родители.

— А Влад?

— Редактор… что ж, он неплохо потратился на меня, так что я в какой-то степени его подставляю. Много кого подставляю, если разобраться…

— Только помни, что выбор всегда за тобой. Я не хочу, чтобы ты выбрал меня, а потом сожалел о своем выборе.

Это был не первый их подобный разговор. Агата хотела быть рациональной. Семен провел с Пробкой всю жизнь, с радио — уже больше десяти лет. Агату и Пешеходов он знает меньше месяца. Рационально было бы оставаться.

Ч3. Глава 1-3

3

Он собрал всех в Рефрижераторе. Скорее всего, какой-нибудь соглядатай с белой повязкой уже бежал к бобику, чтобы сообщить Андрею на ухо, что на шабаш к Редактору собрался весь цвет Пробки.

Семен оглядел всех по кругу. Темно, но лица разглядеть можно. Редактор как обычно непроницаем за завесой своих очков. Раиса напряженно ждет. Лавочник притворяется отстраненным и расслабленным. Лаки снова смотрит прямо и редко моргает — изображает невозмутимость. Сашка горит энтузиазмом. Пересмешник не сводит с Голоса блестящих и круглых от эмоций глаз.

Больше всего Семен переживал за него. Впервые в жизни он взял кого-то в ученики.

Семен положил диктофон перед собой на панель типографа.

— Здесь несколько записей. Я никак не мешал Олафу. Не задавал вопросов, ничего не уточнял. Он сам решал, когда запустить запись, а когда остановить. Делал паузы… у него есть причины бояться того, что он говорит.

Все молчали. Ждали. Семен щелкнул кнопкой

— Эээ… Привет, — раздался искаженный электроникой голос Олафа, — я знаю, кто это будут слушать. И потому буду обращаться к вам, сучьи вы дети. Да, я про тебя, Редактор. И ты, Илья. Семен придумал гениальную идею, что вы можете узнать всю правду и… и делайте с ней что хотите, слушайте, отнесите Загваздину, удалите это все, выбросите диктофон за Обочину. Только пообещайте мне одну вещь, сволочи — Пироговых не тронут. Они отличная семья, стали мне родными буквально… Они вообще не причем, но я вам нихрена не доверяю. Не хочу, чтобы из-за этой штуки, которая запомнит мой чертов голос, кто-то пострадал. Фуу… Ладно. Я расскажу все. Про смерть Сереги и куда делся Хоботов. Все о мертвецах.

Запись кончилась. Семен не стал сразу включать следующую. Он хотел, чтобы они среагировали.

— Так Артем мертв? — прервала тишину Раиса.

— Нет, — коротко ответил Семен.

— Он же сказал о мертвецах, — пояснила она, — во множественном числе.

— Все немного сложнее.

— Так облегчи нам жизнь, будь добр, — отозвался Редактор, — давай дальше. Мы и так сильно рискуем, собравшись тут все вместе.

Голос включил следующую запись.

— Мертвецы — это мы так назвали себя. Я, Артем Хоботов, Сергей Темеров и Артур Пирогов. Мы ходили по ночам за Обочину. В Немир. Собирались все вместе за машиной Хоботова, ну, понимаете, крузак, большой, высокий… спускались вниз, как можно тише перелазили через кладбище машин, и уходили в поле. Потому и Мертвецы — мы ходили в царство мертвых. И мы были его частью. Каждый из нас когда-то обнаружил, что Немир не убил нас. Я понял это довольно рано, Семен, ты, может быть помнишь — я тогда хорошенько вылез ногой за Обочину, поднялась паника. Но ничего не произошло. Позже, лет в тринадцать, я решил, что неуязвим и в дурном порыве переступил черту двумя ногами. Ничего не произошло. Это стало вещью, которая нас объединяет. Мы считали себя бессмертными — там, где все бы уже давно навечно заглохли, с нами ничего не происходило! — Олаф откашлялся. — Конечно, каждый из нас по-разному к этому относился. Мне просто нравилось делать то, чего другие не могут. Артур был паникером — постоянно осматривал ноги и обувь, искал у себя какие-то признаки болезни, дегенеративные изменения… Самый осторожный среди нас, который рисовал схемы Продвижения для Загваздина, так, чтобы в конце концов почти все наши автомобили собрать рядом в крайнем ряду. Придумал всю эту сраную систему сигналов и жестов, чтобы нас никто не заподозрил… Его жена сочиняла нам алиби и светила из окна фонариком так, чтобы мы видели — безопасно ли возвращаться или есть угроза, что заметят… Артем же был мечтатель. Он часами мог наблюдать за Немиром, днем и ночью. Утверждал, что видел в поле каких-то существ, что по ночам в далеком лесу вспыхивают какие-то огни — или за лесом. Говорил, что очень похоже на свет фар. Но мы ему не верили особо, потому что никто из нас ничего такого не замечал. Я чувствовал в нем легкое безумие, что он однажды что-нибудь выкинет. И он выкинул в итоге… Что касается Сереги… понятия не имею, зачем ему было нужно все это — ходить в Немир. Он был старый

человек и боялся всего и вся. Отказался перегонять машину на край. Удивительно, что он вообще был с нами. Консервативный, обожал Загваздина и это радио, Город его забери… Можно сказать, он был слабым звеном. Мы немного опасались, что он нас всех выдаст — особенно я, потому что у меня не только ноги были в земле, но и руки в грязном бензине. Мы так долго развлекались. Брали туда алкоголь, пили, Артем все рассуждал об устройстве мира, об ограниченности Пробки… Так продолжалось, наверное, год, не меньше. А потом все пошло прахом.

Диктофон замолчал. Семен понял, что сидит, затаив дыхание и встрепенулся. Он машинально посмотрел направо, где блестели очки Редактора. Каково ему, наблюдавшему чудовищную смерть своего отца, узнать, что есть люди, которых такое не берет?

— Это не шутка? — начал отнюдь не Редактор, а, внезапно Пересмешник. — Я до присоединения к Пешеходам мечтал сделать репортаж из-за Обочины. Представлял, как выйду туда с блокнотом и карандашом…

Он замолчал.

— Пацан прав, — подтвердил Лавочник, — это все звучит как гребаная шутка. Достаточно тупая, чтобы ее выдумал именно Олаф.

Разумеется, они не верили.

— Все люди способны прожить за Обочиной какое-то время, — рассудительно заметила Раиса. — Возможно, у кого-то иммунитет мощнее, а у кого-то слабее.

— Давайте дальше, — оборвал их Влад. В его голос ворвалась еле заметная хрипотца.

Семен включил третью запись.

— Проблемы появились, когда Хоботов стал ходить за Обочину один. Он делал это практически каждую ночь и никакие увещевания не помогали. Это было опасно, его могли заметить — далеко не все спят ночью крепким сном и нужно быть очень бдительными. Более того, я стал подозревать, можете считать это паранойей, что нас кто-то уже засек. Иногда, в очередную вылазку я смотрел на ряд машин в Пробке и чувствовал, что за нами наблюдают. Но ничего страшного не происходило. Это навело меня на мысль, что я сам могу проследить за Артемом. Так что я соврал ему, что ухожу в рейд за большой партией, а сам затаился в машине и стал смотреть, что он делает. Он привычно

съехал на жопе в кювет, перелез через ржавый капот какой-то старой машины и пошел вдаль. Он не остался в поле, он явно не на прогулку вышел — прямо и уверенно он подался к горизонту, к темной щетке леса вдалеке. Очень скоро я перестал его видеть. Никто из нас не ходил так далеко — мы боялись, что настанет Продвижение и мы не успеем быстро вернуться, что прозеваем рассвет… ну и просто было страшно удаляться от Дороги. Хрен знает, что там. Его долго не было — я успел даже пару раз по-настоящему уснуть. Однако он вернулся — слегка усталый, тяжело вскарабкался к дороге, тихонько сел в свою машину — и все. Я так думаю, именно в этот момент он стал продумывать свой побег из Пробки.

Олаф надолго замолчал. Семен заметил, как некоторые стали ворочаться, подумали, видимо, что запись кончилась, но нет — время еще шло. Тишина стояла около минуты, потом контрабандист заговорил снова.

— А потом наступило Продвижение, Пробка хорошо продвинулась и… и Артем увидел этот чертов просвет. В кювете, среди кучи ржавых остовов было пространство, вполне достаточное, чтобы проехал автомобиль. Вопрос, конечно, был еще в том, сможет ли вообще машина безопасно спуститься в кювет, да и заработавший в ночи двигатель, может, многих разбудит. На следующей совместной вылазке Артем объявил о том, что он задумал побег из Пробки… и когда он все рассказал, я решил помочь ему, чтобы точно все получилось. Я даже не знаю с чего начать. Артем был главой Банка уже восемь лет и пять из них он занимался махинациями для Андрея Загваздина. Сначала это были мелочи, которые полицейский не хотел отражать в отчетах. Потом… все стало хуже. Андрей то ли крупно задолжал, то ли просто попал в зависимость Хмурого Пита. Часть расходов удавалось проводить официально, но некоторые просто нельзя было адекватно вписать, поэтому бумаги просто не заводились. Несоответствие могли заметить сотрудники банка, поэтому все бюджетные движения средств Артем по-максимуму замкнул на себя. И вроде бы все шло нормально — Андрей не слишком борзел, Артем молча соглашался, так как не знал, как теперь выйти из этой игры. Но потом начался голод на участке Лемана. Артем хороший чувак и классный профессионал, он понял, что Эпоха Шашлычной заканчивается и наш участок ждет то же самое. Он обратился к

Загваздину с просьбой на время перестать высасывать бюджет. Самое забавное, что Андрей согласился с этим и попросил рассчитать глубину кризиса, чем Артем и занялся. Он получил довольно удручающие результаты и честно представил их полицейскому… наверное, с этого момента все покатилось к Городу. Через некоторое время Загваздин встретился с Артемом в компании Пита — именно тогда наш банкир понял, через кого прокачиваются бюджетные деньги. Пит не хотел, чтобы этот кран перекрывался — он направлял этот бенз на черный рынок участка Лемана, у него были золотые деньки — он зарабатывал на голодных, покупая задешево и продавая вдесятеро дороже. Часть денег возвращалась в бюджет, а разница текла в карман Питу. Наверное, если бы не его умение зарабатывать, цистерна бы уже опустела. Помимо этого Загваздин очень боялся, что в кризис он потеряет власть. Он не тупой — он знает, что на его участке есть другие сильные игроки, вроде тебя, господин Редактор. Поэтому он предложил провернуть сделку с Королем Бензоколонки. Я сейчас не буду рассказывать, что это за чувак, если хотите — среди вас есть Лавочник, он вам расскажет. В общем, было решено купить у него некоторое количество винтовок и другого огнестрельного оружия. Полицейский пытался преподнести это как способ защитить участок и даже саму Пробку. На такое Артем пойти уже не мог, поэтому отказался. Хмурый Пит посоветовал ему хорошенько подумать. Артем отказался снова… в общем, они долго препирались, но в итоге Хмурый Пит предложил ему очень простой расклад — либо сделка, либо все махинации Загваздин вешает на самого Артема и засаживает его навечно.

Запись кончилась.

— Это все очень занимательно, — высказался Лавочник, — тут есть многое, что обсудить. Но лично меня волнует лишь один вопрос — они все-такие купили оружие или нет? От этого сильно зависит план наших действий.

— Страшно, торгаш? — усмехнулся Редактор.

— Не будь идиотом, — отозвался Лавочник, — я не буду лезть на стволы ради новой жизни для Пробки. И ты не будешь, не обманывай себя.

— Он прав, — вступил Семен, у которого была целая ночь, чтобы это обдумать, — мы не можем пускать это в эфир, пока не выясним

есть ли у них оружие.

— Кто такой Король Бензоколонки? — неожиданно спросил Пересмешник.

— Да, Илья, кто это? — согласился с вопросом Редактор, хотя имя его не удивило. — Видимо, ты с ним хорошо знаком?

— Имя, которые бы нам лучше не слышать. На самом деле его зовут Эш, и он всегда получает то, что он хочет, — сказал Лавочник, — я лично никогда не был на его территории, но мне приходилось общаться с его представителями.

— А у него реально есть оружие? Да столько, что он готов его продавать? — уточнил Редактор.

— У него есть все, — ответил Лавочник. — Вопрос в другом — за что он их продает? Очевидно, что бензин его мало интересует. Скорее всего, сделка сложнее. Скорее всего, Хмурому Питу самому нужен бензак, чтобы найти то, что нужно Королю и уже в обмен на это получить оружие.

— Тогда, возможно, оружия у Загваздина и Пита еще нет, — рассудительно заметила Раиса, — если это действительно сложная сделка, то скорее всего они заняты ею до сих пор.

— На черном рынке все делается несколько быстрее, — пессимистично возразил Лавочник.

— Это не последняя запись, — напомнил Семен, — послушайте дальше. У нас есть обвинение против полицейского, но вы все еще не услышали, что произошло в ту ночь.

Все замолчали.

— Хорошо… — сказал Редактор, которому явно хотелось продолжить дискуссию, — давай дослушаем.

Семен включил запись — финальную.

— Здесь Артем еще не рассматривает побег, как единственный выход. Это запасной план, и он делится им с нами именно как “планом Б”. Дело в том, что он оставил в банковских записях дыру и сделал это намеренно. Ему достаточно было невзначай пустить эти бумаги через своих сотрудников, и кто-нибудь более менее смышленый все бы понял. Если Раиса там с вами — Артем был бы рад узнать, что вы все нашли. Этим он хотел шантажировать полицейского в ответ, и это, наверное, сработало бы, если бы против него играл лишь Загваздин. Но там был Пит. Он очень просто заявил, что раз так, то сделка будет

такая — шкура Артема или бензин на дело с оружием. Напрямую пригрозил убийством. И дал три дня на размышление. Так что… у нас было три дня на то, чтобы все провернуть. Несмотря на то, что мы кое-что подготовили заранее, нам это казалось практически невозможным. Во-первых, Артем уговорил Исидора перегнать одну фуру из третьего ряда во второй, и она хорошо закрывала его крузак от лишних глаз. Во-вторых, у нас уже был план. Мы решили, что скатим автомобиль руками — как это делается при банкротстве или похоронах. А уже внизу Артем заведет двигатель и медленно, очень медленно, почти не давая газу, выедет в поле, а там уже наберет скорость. Естественно фары должны быть потушены. Мы придумали залепить заднее окно тканью, чтобы не бликовало. Потом нужно было скрыть пустой участок — немного подвинуть вперед мой «Смарт», а Пирогову сдать назад… Мы набили машину припасами, водой, всем, как нам показалось, необходимым… Артем снял почти все свои накопления — залил полный бак и еще несколько канистр. Выбрали ночь… и вот тут-то нам бы и остановиться. Сергей не пришел — мы решили, что он побежал к Загваздину, изрядно перетрухали и решили сделать дело как можно скорее. Лучше бы мы тогда вообще все отменили!

И через диктофон был слышен высокий градус эмоций в голосе Олафа. Ему до сих пор было больно вспоминать те события.

— В соответствии с планом Ира Пирогова и ее дочка следили за Дорогой, а мы выкатывали автомобиль вниз. Артем сидел внутри. Все прошло хорошо — машина мягко скатилась, встала носом почти по курсу. Артем завелся — звук вышел громче, чем мы ожидали, поэтому душа у меня ушла в пятки. Да, много кто заводится по ночам, чтобы погреться, но... Я увидел, как Хоботов медленно-медленно двигается вперед, вот он уже проезжает ржавый завал и начинает потихоньку ускоряться. В темноте я не видел, что колеса оставляют довольно глубокий след, увидел их только днем и ужаснулся… Тут-то все и случилось. Перед машиной вдруг метнулась тень — мы подумали о чудовищах, про которых рассказывают… а потом все произошло очень быстро. Мотор взревел, машина дала газу, раздался тугой и глухой удар и автомобиль быстро вихляя умчался к горизонту…

Тяжелый прерывистый вздох.

— Сначала мы перепугались исключительно из-за звука — кажется, он должен был разбудить весь участок. А потом мы

пригляделись… Помню, что было прохладно, но рубашка у меня все равно сразу прилипла к телу от пота. Мы уже не думали об опасности и одновременно с Артуром рванули вниз… Видимо, он решил сделать засаду. Глупец. В общем, как мы поняли, Сережа выскочил из-за кладбища перед машиной, Артем от неожиданности вдавил газ в пол, а когда понял, что случилось, решил уже не останавливаться — возможно и правильно. В общем, лежит он там, весь перепачканный землей, на груди кровавый след, рубашка изорвана… И уже не дышит. Мы надеялись, что он будет жив — удар не показался таким уж сильным. Возможно, сыграл свою роль возраст. Нужно было срочно что-то делать — закопать? Закинуть за остовы, авось никто не увидит? А поднявшаяся вонь с места, где никого не хоронили? Все это будет очень подозрительно. И следы найдут, когда станут изучать, откуда запах… Я предложил унести подальше, к лесу, но Артур… Серега все-таки был нам не чужим человеком, а Пирогов верит в Город. И по его словам, человек не попадет туда, если он просто так умер за Обочиной. Нужны похороны. Настоящие. А для этого тело нужно вернуть в автомобиль. В общем, тогда, над трупом старого человека у нас родился слегка безумный план — раздеть, отмыть его от земли и перетащить к нему в машину. Сейчас бы я на такую хрень ни за что не согласился… но тогда мы слабо соображали — я думаю, вы все там не слишком умные бы решения принимали в такой ситуации. Поэтому мы подхватили его и оттащили в душевые. Вспоминать тошно… Помыли мертвое тело, кое-как отряхнули его штаны… рубашку я забрал, чтобы выкинуть где-нибудь подальше, а Пирогов дал свою такую же — на размер больше, но кто заметит…

Снова тяжелое молчание.

— На груди отчетливо был виден след колеса — этот безумец еще и проехался по нему. С этим мы уже ничего не могли сделать. Мы тщательно сполоснули душевую кабину — чтобы ничего точно не случилось, мало ли что мы принесли из Немира. Ну, и чтобы кусочки почвы не нашли утром… В общем, все удалось… каким-то образом. Его жена громко храпела, машина была не заперта… идеальные условия, хотя казалось, что провал неизбежен — мы тащили труп с Обочины и до границы Антимира… до сих пор удивляюсь, что нас никто не заметил. В общем, так оно все и произошло. Я… не знаю, что вы будете с этим делать, ума не приложу. Я даже не знаю, зачем это

рассказываю… покаяться что ли решил перед уходом? В жопу. Ладно. Дело сделано. Я передаю диктофон Семену. Помните, сволочи, что от ваших решений зависят жизни людей.

Запись кончилась.

— На этот раз это все? — спросил Редактор.

— Все, — подтвердил Семен. — Помните об условиях — защита для семьи Пироговых. Олаф уйдет с Пешеходами и позаботится о себе сам.

Лавочник покряхтел.

— Лучше бы он обратился ко мне. Пешеходы его не спасут, если в этом замешан Король. Им все равно идти через его территорию.

— Это неважно, — ответил Семен, — Олаф принял решение. Сам.

— Лучше бы он, конечно, нам рассказал еще и условия сделки, — вздохнул Лавочник. — Что такого Загваздин может дать Эшу?

— Ты у нас контрабандист, — заметил Редактор, — предположи. Наверное, это что-то довольно редкое и уникальное.

— Не думаю, что у Короля есть проблемы хоть с чем-то, что есть на черном рынке.

— А чего там нет? — спросил Пересмешник.

— Там дофига чего нет. Звезды с неба там нет.

— Король какой-никакой, а бизнесмен, — сказал Редактор, — и если так, то он понимает, что ему невыгодно сидеть на бочке бензина, или где он его хранит, и ничего не делать. Ему нужно его распределить и потратить. Желательно на то, что может приносить прибыль.

— Хмурый Пит может подогнать ему готовый бизнес? — спросил Лавочник.

— Не знаю, — Редактор помотал головой.

— Он скупает кухни, — предположила Раиса.

— Они на любом участке есть, — отмахнулся Редактор. — Кухни Питу нужны, чтобы держать народ на личном ручнике.

— Должно быть что-то такое, что есть у нас, но для него недостижимо, — не унималась Раиса.

Семен вдруг понял, что знает ответ. От этой мысли его бросило в жар.

— Шашлычная, — сказал он. Было темно, но все же он заметил, как все повернулись к нему.

— Бизнес Гиви — то уникальное, что есть у нас… ну то есть не у нас, но все же.

— Как можно украсть бизнес у Гиви? — спросил Сашка.

— С помощью нескольких ружей и при полном потворстве полицейского, — ответил Лавочник. — Ничего сложного. Маленький победоносный рейдерский захват.

— Нужно сообщить Гроссу. Пусть его люди охраняют Шашлычную днем и ночью.

— То есть винтовки нужны не для того, чтобы предотвратить восстание? — уточнил Пересмешник.

— Посмотри на нас, — скривился Лавочник, — вот оно, твое восстание. Как ты думаешь, сколько нужно винтовок, чтобы его подавить?

— Винтовка — предмет многозадачный, — возразил ему Лаки, — можно и на Гиви направить, можно и на нас.

Какое-то время все молчали.

— Так у нас есть идеи как выяснить, с оружием Пит или без? — спросил Редактор. — Или будем пугать друг друга воображаемыми пушками?

— Известно как, — сообщил Лаки в пространство, — старым добрым перехватом информации. Поймать бегунка между Королем и Питом.

Лавочник усмехнулся.

— Ты думаешь Эш будет полагаться на бегунков, когда решаются вопросики на таком расстоянии? Ты хоть представляешь, как далеко Бензоколонка?

Сашка встрепенулся.

— Хотите сказать, они используют радио?

— Еще бы, — усмехнулся Лавочник. — Конечно, они используют радио. Это не наши нищенские дела, у них там нормально все налажено.

— То есть можно перехватить его переговоры по рации, — продолжил Сашка. Все посмотрели на него

— Это возможно? — с сомнением спросил Семен.

— В теории. Врать не буду я так еще не делал.

— Звучит не очень реалистично.

— Да нет, почему, — в голосе Сашки слышалось все больше задора и оптимизма, — мы же даже один из источников знаем — радиостанция в бобике. Я ее чинил не раз. И точно знаю, на каких частотах она работает.

Лавочник каким-то новым взглядом смотрел на Сашку. Тот явно ему нравился.

Только попробуй своротить моего друга на свою серую дорожку, бандюга, подумал Семен. Почему-то ему казалось, что раз он уходит, то Сашку некому будет защитить.

— Они будут осторожничать, но сделка-то горит. Так что проколятся, — произнес контрабандист. — Надо просто проявить терпение.

— Мы будем слушать частоту столько, сколько понадобится, — важно сообщил Пересмешник.

— Терпение… — пробормотал Редактор и почему-то посмотрел на Семена. — Я чувствую, что у нас очень мало времени, а интуиция меня редко подводит.

Неужели он догадывается, что я собираюсь уходить, подумал журналист. Или по Пробке уже поползли слухи? Чертовы очки. Вечно за ними ничего не видно.

Ч3. Глава 2-1

1

— Это шифр, — с восторгом сообщил Сашка. — Какие-то цифры. Потом непонятное слово “Ковач”, потом снова цифры, а потом — “скелетница”. Надо его разгадать.

Лавочник, Сашка и Семен сидели в радиостудии и невыспавшийся радиотехник, героически преодолевая зевоту, крутил запись того, что удалось поймать на канале, который они посчитали каналом Бензоколонки.

Илья закатил глаза. А потом и вовсе захохотал.

— Город, ты в детстве в шпионов переиграл? Никакой это не шифр, это дата, время, имя посредника и место.

— Место? Скелетница — это место? — переспросил Семен.

— О да, — подтвердил контрабандист с удовольствием. — Тебе понравится.

Через пару часов все уже были в курсе. Лаки потребовал добровольца — Семен тут же вызвался — и ускакал делать приготовления.

Семен вызвался не потому что очень-то хотелось с риском для жизни и здоровья топать куда-то ночью. Ему просто хотелось сходить куда-то далеко пешком. Почувствовать заранее каково это — быть Пешеходом.

Когда они после заката встретились с Лаки поблизости границы у Обочины, тот изменился. Он выглядел как нормальный человек, нормально моргал, а его шея, оказывается, умела поворачиваться.

Как и договаривались, они надели все черное. Семен был в новых ботинках, купленных под присмотром Агаты — разнашивал и заодно хотел проверить, не натирают ли. Будет печально обнаружить это где-то далеко впереди.

В руке у Лаки был фонарик.

— На всякий случай, — пояснил он, проследив за взглядом Семена. — Но лучше им не пользоваться.

Они двинулись в путь. План был двигаться максимально быстро и спокойно — чтобы не вызывать подозрений. Впрочем, основной

проблемой пока были полуночные курильщики, вышедшие к Обочине. К счастью, их было видно издалека и, по большей части, им не было никакого дела до припозднившихся прохожих. В остальном участок Лемана спал.

В какой-то момент Семен решил, что все идет отлично и немного расслабился. Они прошли по меньшей мере половину участка — если он такой же по размеру, как и территория Загваздина.

Но расслабился он рановато. Их окликнули.

— Не беги, — тут же шепнул Лаки и сунул фонарик в карман. Остановился и повернулся к спешащему к ним человеку. Семен невольно прошел еще несколько шагов, чтобы в итоге оказаться слегка за спиной Юры — трусливый жест, который не сразу осознал.

— Доброй ночи, — сказал человек. Он был в полицейской фуражке, козырек тенью падал на глаза. Щеки покрывала густая щетина, губы выделялись на ней и выглядели неестественно бледными.

Леман, полицейский участка, собственной персоной. Повезло наткнуться именно на него.

— Куда идете? — спросил он. — Вы не с моей части Пробки.

Как он это понял, подумал Семен. Он не встречался с Леманом лично, но боялся, что и у него сработает эффект автоматического узнавания Голоса.

— Все верно, командир, — ответил Лаки. Звучало так, как будто он репетировал эти слова, — мы загваздинские. У нас приятель умер — на участке за вашим. На рассвете будет прощание, вышли загодя.

Что ж, ловко объясняет черный цвет одежды.

— Соболезную, — дежурно произнес полицейский. Оглядел их с головы до ног. — Ни рюкзаков, ни сумок… думаю, все в порядке.

— А что не так с рюкзаками? — невинно спросил Лаки.

— Повадились еду контрабандой таскать, — пояснил Леман, — продавать втридорога. Люди и так разорены… Пресекаем это как можем.

— Звучит печально, — отозвался Лаки.

— Так и есть, — подтвердил Леман. — Что ж, вы можете идти. Еще раз — примите мои соболезнования.

Они тут же пошли дальше, ускорив шаг.

— Пронесло, — сказал Лаки, — хорошо вышло.

— Это Леман, — ответил Семен. — Не думаю, что были бы проблемы.

— У тебя — нет, — коротко возразил Юра и замолчал.

Стоило догадаться.

— Ты этим занимался? Таскал сюда еду?

— Не для продажи, — ответил Лаки, — но для продажи я таскал много другого. Это территория Пита, тут с контрабандой не развернешься.

— Что значит “не для продажи”?

— Есть хорошие люди, которые очень помогли Илье в свое время. И наверняка еще помогут в тяжелые времена. Грех не отплатить тем же.

Скелетницу они увидели загодя — сложно такое не заметить, даже ночью. Это был грузовик с тентованным кузовом. Борт был выкрашен в темно-зеленую краску и ребристо возвышался над колесами. Брезент по краю был проклепан кольцами, веревки, что держали его плотно притороченным к кузову, давно сгнили от времени, и теперь он свободно колыхался на ветру. Из необычного было то, что номер, в отличие от остальных автомобилей явно когда-то был не белым с черными буквами, а наоборот. Теперь к этому добавилось изрядное кол-во ржавчины.

Но все это было неважно, потому что тремя колесами из четырех он стоял за Обочиной, сильно накренившись. И лишь сдвоенное заднее стояло на щебне, в метре от крайнего ряда.

Семен остановился.

— Ты чего? — обернулся Лаки.

— Мы полезем внутрь?

— Естественно.

— Никто в здравом уме не полезет в автомобиль, который больше чем наполовину уже там.

— Вот именно.

Логично, подумал Семен.

— Эй, я тебя взял с собой не для того, чтобы ты сейчас начал сопли разводить, — довольно жестко напомнил Лаки.

Это уже не автомобиль, а погребальная машина, она нужна только мертвым, стучало у Семена в голове.

Не дури, сказал он себе. Сейчас не время для суеверий. Подошел ближе и на всякий случай толкнул рукой в борт. Ему не хотелось внезапно скатиться вниз, к трупам. К тому же снизу шел легкий запах гниения — а значит рядом свежак.

— Тыщу лет стоит, не скатится. Не переживай, — прошипел Лаки. Он закинул ногу на буксировочный крюк, толкнулся от асфальта и зацепился руками за борт. Еще движение — и Лаки исчез под брезентом.

Семен помедлил. Встал у самого края обочины и наклонившись, разглядел кабину. Понял, что машина никуда не сдвинется с места — передние колеса прочно и глубоко ушли в грунт кювета.

Семен вернулся к заднему борту и осмотрелся. В ближайшей жилой машине все спали. От остальных полос Пробки скелетницу закрывала длинная фура-склад с надписью во весь борт «Спички и свечи». Наверняка именно этот факт привлек это место Пита — все скрыто от посторонних глаз, а ориентир для клиентов приметный. Прежде чем последовать за Лаки, Семен сунулся под фуру, положил диктофон на колесо и включил запись. Затем он вернулся к Скелетнице, повернулся к Пробке спиной и, подтянувшись, перевалился в гулкое нутро кузова давно мертвой машины. Тут было темно. Семен перекатился на живот, поднялся и сел на железный пол.

Раздался щелчок и сноп света выхватил кусок пространства. Семен сразу же невольно отпрянул, сердце бешено забилось — прямо на него, широко улыбаясь, смотрел скелет давно почившего жителя Пробки. Переведя дух Голос подумал, что это даже вполне логично — грузовик все же больше за Обочиной, чем на Дороге. Так что мертвые здесь — обычное дело, это их место.

— Они неопасны, — спокойным голосом произнес Лаки и обвел фонариком все нутро кузова. Семен насчитал пять скелетов. На них еще сохранились остатки истлевшей одежды. Семен быстро понял, что они были в совершенно одинаковых костюмах — в зеленые и коричневые пятна. Семен не мог представить, что могло убить этих людей, да и не хотел представлять.

Лаки выключил фонарик.

— Лучше не светить лишний раз, — сказал он. — Я просто хотел посмотреть, куда не наступать, чтобы случайно не хрустнуть костью.

Когда пожалуют гости — нужно сидеть тихо, желательно почти не дышать.

Судя по звуку он нашел себе место и тоже опустился на задницу. Сидеть здесь было крайне непривычно — пол под сильным наклоном, постоянно приходилось напрягать икры, чтобы не начать сползать.

— Будем ждать, — сообщил Лаки. — Не вздумай уснуть.

Уснешь тут, подумал Семен, представив, что с ними в темноте сидят еще пять мертвецов.

Чтобы отвлечься от костных дум, он стал искать себе какую-нибудь щель, чтобы через нее можно было наблюдать за происходящим снаружи. В итоге выбрал одно из проржавевших колец — Хорошо видно Обочину, далекий горящий свет в автомобиле — не спит какой-то полуночник, фура и часть надписи — “Спич…”

— Значит, такая у тебя работа? — шепотом спросил Семен.

— Не всегда, — ответил Лаки. — Обычно ты просто ошиваешься у того места, за которым надо наблюдать. Или прям устраиваешься рядом жить или работать.

— Как ты устроился в Банк.

— Это скорее удачное совпадение.

— Со стороны Пита все также? Вы просто постоянно следите друг за другом?

— Не так все утрировано, — возразил Лаки, — к тому же ребята Глушакова почти не скрываются, совсем осмелились. И это хорошо.

— Хорошо? Почему?

— Расслабились. Перестали быть начеку, раз полицейский на их стороне.

Семен не видел лица Лаки сейчас, но и без этого прекрасно помнил о все еще припухшей брови и приметных кровоподтеках. Сразу видно работу расслабленных ребят, ага.

— Ты действительно сможешь вывести Загваздина на чистую воду? — спросил вдруг Лаки.

— В смысле?

— Мы всем этим занимаемся только потому что Редактор уверяет нас, что ты сможешь перевернуть игру одним судьбоносным выпуском на радио. Это действительно так?

— Вам это Редактор на утреннем совещании в уши льет? — спросил Семен с негодованием. — Или как там ваши встречи

называются…

— Это значит “нет”?

— Это значит, что я не даю никаких гарантий. Откуда я знаю, как отреагируют жители? Как будет действовать сам Загваздин? Город, мы даже не знаем, безопасно ли это… потому и сидим тут.

— Понятно, — коротко ответил Лаки, видимо, сделав какие-то выводы для себя.

Какого черта, возмущенно думал Семен. Неужели Редактор решил, что может повесить на него такую ответственность? Зачем внушать людям веру в какое-то внезапное волшебное действие одного-единственного выпуска, пусть и с полным разоблачением?

Он понял, что не злился бы так сильно на ситуацию, если бы у него не было планов уйти. Получалась некрасивая ситуация — люди выстраивают вокруг него свои надежды на иное будущее, а он просто исчезает, меняет колеса на собственные ноги и топает в это самое будущее без них.

— Чувствуешь? — вдруг спросил Лаки, и Семен вздрогнул. Он не заметил как задремал. И скелеты не смутили, усмехнулся он про себя.

— Что? — шепотом переспросил он.

— Вибрация, — коротко сказал Лаки.

Семен опустил руки на дно кузова и тоже почувствовал — грузовик совсем легонько дрожал.

— Видимо, не так уж устойчиво стоит, — продолжил мысль Лаки.

— Тссс, — сказал ему Семен. Ему показалось он что-то услышал.

Брезент колышется на ветру. Ветер лениво гонит пыль по асфальту… и где-то далеко, на грани слышимости что-то гудит.

— Как будто тяжелый грузовик очень далеко завели, — поделился он ощущениями с Лаки.

— Похоже, — согласился тот.

Звук и вибрация продолжались еще минуту и, как показалось Семену — нарастали. Но потом одномоментно пропали и все стихло.

— Продвижение? — шепотом спросил Голос.

— Не знаю.

Это было очень похоже на движение автомобиля. Семену вспомнился Артем Хоботов. Может это он, среди ночи на своем крузаке подъезжает поближе к Пробке и наблюдает? Надеясь, когда-нибудь вернуться.

Но его внедорожник не вызвал бы такой вибрации на большом расстоянии, это мощная машина, но не настолько.

— Он будет один, босс? — вдруг послышался приглушенный голос снаружи.

— Откуда я знаю? Сейчас посмотрим.

Пит! Его трудно с кем-то спутать. Семен очень медленно приподнялся, боясь издать мельчайший шорох, повернул голову и посмотрел в свой импровизированный глазок.

Пит стоял у заднего угла спичечной фуры и с ним было еще двое людей — охранники? Подстраховка?

Семен почувствовал, как рядом бесшумно появился Лаки, видимо, тоже решил наблюдать воочию.

Раздались шаги — кто-то уверенно приближался справа.

— Так-так, — сказал незнакомый голос и его обладатель появился на развернутой перед Голосом сцене. Он был в кожаной куртке, приземистый, а его волосы были ярко-рыжими — даже ночь не мешала это отметить.

— Здравствуй, Ковач, — начал Пит. — Ты, я думаю, догадываешься, что мне совсем не хотелось тащиться в такую даль.

— Кто тебе виноват, что на твоей территории вести переговоры небезопасно? — тут же вступил с ним в собеседник. Интересное начало, подумал Семен. Сходу начали выяснять отношения.

— Нет, это просто Лена перестраховывается, — ответил Пит. Он стоял в развалочку, отведя левую ногу назад и переведя весь вес на нее. Руки были сложены на груди. Изображает доминирование, подумал Семен. — В любом случае, чертова ночь. Давай к делу, не хочется здесь торчать до рассвета.

— Прошел слушок, что клиент — ваш полицейский, — сказал рыжий.

Хмурый Пит поднял руку и стал ковыряться большим пальцем в зубах.

— Это, — сообщил он в ответ, — не должно тебя интересовать.

— Почему это? А если это подстава?

Пит прекратил ковырятся и сплюнул в сторону.

— Мне казалось, Алешенька, у нас с тобой доверительные отношения. Ты веришь мне, я верю тебе — так мы работаем. А теперь получается, что с твоей стороны дырка образовалась? М? Доверие

потерял? — с каждой отрывистой фразой Пит повышал голос, но на рыжего это, кажется, не производило никакого впечатления.

— Тебе я, допустим, верю, — сказал он. — Ребятам твоим верю. Но утянутой стерве — нифига.

Семен подивился точности образа. Юля.

— Она свое дело знает.

— Она охранник, воды мне в бак, — отозвался рыжий, — считай, что прихвостень полицейского.

— Херовые у тебя представления о том, как жизнь устроена, — парировал Пит.

— И долго они так будут препираться? — не выдержав прошептал Семен. — Это такой способ вести дела?

Лаки только бешено сверкнул глазами из темноты — заткнись, мол.

— Одна фигня, вы облажались, — продолжал рыжий вещать, — и ничего нового предложить не можете. Так что поставок не будет.

— Договаривались о другом, — коротко, но очень угрожающе заметил Пит.

— Да, — согласился Алеша, — о сраной шашлычке!

— Я не виноват, что Гросс устроил там чуть ли не пограничный пункт. Такое и с пушками не возьмешь.

— А чего он его там устроил-то, а? Не потому что ли, что у тебя инфа утекает? Потому что с копом общаешься.

Семен понимал, что перед ним — человек Короля Бензоколонки, но все равно подвился, что кто-то — причем такой маленький и щуплый на вид — так общается с Питом.

Зато теперь все сошлось с Шашлычной — они попали в точку. Буквально спасли Гиви. Спасибо Гроссу, что оперативно отреагировал.

— Слушай, Алешенька, — протянул Пит, подошел к рыжему вплотную и аккуратно взял визитера за отворот куртки, — ты со мной так не разговаривай, да? Я в своих людях уверен.

Алешенька мелко засмеялся, изящным движением отстранился от Хмурого Пита и произнес:

— Забавные вы, Пробочники. Горазды пыжиться. Давай вот как поступим. Я дам тебе и твоему полицейскому три дня на то, чтобы придумать, чего вы такого можете нам дать, чтобы нам край как захотелось передать вам стволы. Идет?

Хмурый Пит задумался — Семен не знал, что он вообще это умел.

— Я могу предложить радио, — сказал он, наконец.

Семен вздрогнул. Ему не послышалось сейчас?

Город… вот о чем они не подумали. Радиостудия — тоже уникальный актив. Срань.

— Ты серьезно? — рыжий открыто веселился. Семен почувствовал гаденькое удовлетворение от того, что кто-то ставит Глушакова на место. — Звучит жалко. Но я добрый сегодня. И Король добрый. У него с утра было отличное настроение, даже не жаждал никого сжечь. Нам нужен весь медиабизнес вашего Редактора. И печатный станок, и студия.

— Бизнес Редактора — мой.

— Так и забирай его рефрижераторы. Или что ты там хотел. А нам нужен печатный станок. И этот Голос ваш.

Прям Голос? Лично? Семен повернулся на Лаки. Тот прижал палец к губам и сделал большие глаза.

— Это особый вопрос, — продолжил Пит. — Речь идет уже о самом участке, внутри Пробки.

— Ну так пусть твой Загваздин и порешает этот вопросик.

— Так ты согласен работать с полицейским? — спросил Пит. Кажется, в нем боролись ярость и страх.

— Коп — тоже человек, — легкомысленно бросил рыжий, — хотя, конечно, немного унизительно по отношению к людям так говорить. Ты знаешь, я даже еще прикольнее придумал! Пусть он сам с нами свяжется. Поговорим, потолкуем.

— С чего ты взял, что он будет говорить с тобой?

— А что? Брезугует? Чистенький, непогрешимый мент! Пусть не притворяется, он такое же дерьмо, как и мы все. Да и не буду я с копами разговаривать, я еще не совсем поехал. Пусть Лена этим занимается.

Рыжий похлопал себя по карманам.

— Сигареткой не угостишь? — спросил он Пита. Тот молча обернулся на одного из своих молодчиков, тот протянул пачку.

Рыжий клацнул зажигалкой, желтый отсвет от разгорающейся сигареты выхватил слегка впалые щеки и острый подбородок.

— Я чувствую, это дело долгое, Петя, — сказал он, затянувшись от души и выдохнув дым в небо. — Только помни — это вам надо, не

нам.

Он замолчал поднял сигарету перед глазами.

— Бля, хороший табак, — сказал он, — Юспешик понравится. Будет аргумент для личной встречи. Видишь, дружище, я еще и уговариваю их всех работать с тобой.

— Иди к Городу, — сквозь зубы бросил Пит.

— И пойду. Адьос. Ждем звонка.

Рыжий повернулся и пошел восвояси, мотая сигареткой. Пит смотрел ему вслед и было видно, как высоко поднимается его грудь. Большого, опасного, не терпящего возражений мальчика поставили к стенке.

— Идем, босс? — спросил один из его прихвостней.

— Сссука, — выдохнул Пит, плюнул и пошел к участку. Его ребята поплелись за ним.

Семен еще некоторое время не двигался. Потом расслабился и сел обратно на железный пол. Почувствовал, как затекла шея.

— Еще раз будешь шептать в такой ситуации, — сказал Лаки, — я тебя к ним сам выкину, понял?

— Прости, — ответил Семен и сразу почувствовал себя глупцом. — Это мой первый раз.

— Пешеходке своей это скажешь.

— Полегче, я же извинился!

— Извинился он…

Лаки перевернулся и уселся рядом.

— Подождем немного, потом вылазим, — сказал он уже спокойным голосом. — Мало ли. Вдруг у этого Алеши тут люди поблизости разнюхивают. Ты вообще как? Загваздин продает тебя Королю, такое не каждый день бывает.

Очень захотелось перевести тему.

— Нормально, — с трудом ответил Семен, — стоило догадаться, что у них есть план Б.

— Редактор будет в восторге от новостей, — улыбнулся Лаки. — Дербанят его империю при нем живом. Впрочем, к Городу. Пока это вообще неважно.

— Кому как. Не тебя тут только что сторговали какому-то пироману.

— Главное, что они еще не договорились, — пояснил Лаки. — И, возможно, никогда не договорятся. У нас есть шанс.

— Ты уверен? — спросил Семен. — Ты знаешь, пока четко не прозвучало все так, что Пит ничего не получил…

— А мне показалось, что нифига они не получили. Но ты можешь послушать запись.

— Если записалось нормально.

Лаки, кажется, это все не сильно интересовало. Он был уверен, что дело ясное.

Семен приподнялся и глянул в дырку.

— Светает, — сказал он.

Лаки кивнул. Он осторожно приподнял полу брезента, сунул голову наружу. Затем ловко исчез там весь. Послышалось мягкое приземление снаружи.

Семен отправился следом. Снаружи было даже светлее, чем ему казалось. В стороне участка, почти на горизонте, решетчатая вышка его радиостанции хорошо выделялась на фоне бледного неба, пытающегося смешать желтые и синие краски.

Ч3. Глава 2-2

2

Пересмешник сидел спиной к двери и заканчивал эфир, поэтому не видел вошедшего Семена, а Сашка заметил и украдкой показал ему большой палец.

Значит, все прошло хорошо. Юсуф наговорил в микрофон последние напутственные слова, затем загорелась красная лампочка, и он откинулся на спинку кресло.

— Прекрасно! — провозгласил Сашка, стягивая наушники.

— Правда? — в голосе Пересмешника слышалось торжество.

— Правда, — кивнул Сашка, — Голос может гордиться своим учеником.

— И я горжусь, — ответил Семен, поднимаясь внутрь.

Юсуф тут же вскочил с места и отошел в сторону, будто освобождая его для Семена.

— Сиди-сиди, — сказал тот с улыбкой, — теперь оно и твое тоже.

Вслед за Семеном поднялись Луи и Редактор. Директор радиостудии держал в руках коробку с фужерами, а его величество владелец — бутылку шампанского.

— Ого, мы празднуем? — одобрительно заметил Сашка.

— Немного, — ответил Редактор, — это маленькая репетиция большого праздника, который мы закатим после финального дела.

Луи сел за водительское, а Редактор на кожух аккумуляторов.

— Откуда у нас здесь шампанское? — спросил Сашка.

— Лавочник позаботился. Уже вовсю готовится.

— Больше всех нас уверен в успехе, видимо, — скептически заметил Семен.

— Больше тебя, во всяком случае.

Луи раскрыл коробку и стал передавать фужеры по кругу.

— Новый голос на радио, — не веря себе произнес Семен, принимая фужер, — это действительно стоит отпраздновать.

— А еще у нас снова появилась реклама, — добавил Луи.

— Ого! — выпалили Сашка и Семен одновременно. — Вот это новости! Кто?! Откуда?

Луи немного сник под таким напором, стало понятно, что новость будет не такая фееричная, как они себе вообразили.

— Пока это больше благотворительность, чем полноценная реклама за деньги, — слегка сконфуженно заметил он. — Мы прорекламируем театр с участка Лемана. Ну, где работает Таня.

— Это потрясающая идея, Луи, — искренне сказал Семен, — если наши и соседние участки пойдут к ним на концерты… то у них отлично пойдут дела.

— На это расчет, — подтвердил Редактор, раскручивая проволоку на пробке, — к тому же нам это нужно не меньше чем им. Пусть те ребята, которые боятся рекламироваться снова услышат, что мы это делаем, пусть поймут, что это возможно.

Хлопнула пробка и улетела куда-то за пульт.

— Только не залейте оборудование! — взмолился Сашка, сунув бокал под золотистый напиток.

Редактор осторожно разливал, фужеры звякали, все улыбались. Семен почувствовал, что таких вечеров у него не было давным-давно. Острое чувство любви к этому месту, к радиостудии, к каждой пылинке на пульте, к каждой трещине на линолеуме, которым было покрыто дно микроавтобуса, пронзило все тело сверху донизу. Уйти будет сложнее, чем он думал.

Когда фужеры наполнились, все посмотрели на Голоса.

— Вы, наверное, ждете, что я сейчас что-то красивое как задвину, — сказал он, — но… что-то мне не хочется говорить речи. Просто спасибо вам всем. Каждому. Когда кто-то говорит мне “Голос”, это не совсем правда. Я — Семен. Голоса не существует без каждого из вас.

Они чокнулись со звоном и пригубили вино.

— Город святой, с выпускного игристого не пил, — заявил Сашка, ища куда поставить бокал, не нашел, оставил в руке.

— Мы слышали начало эфира, — сообщил Луи, — это было очень хорошо.

Пересмешник покраснел.

— Я запнулся пару раз, — заметил он, — завис, не знал, как продолжить…

— Такое бывает, — кивнул Семен, — и хорошо, что ты это видишь. А так, не бойся, главное, не держи паузу слишком долго.

— Помнишь свой первый эфир, Голос? — спросил Луи.

— Помню, что горло перехватывало от страха, — ответил он, — но про что он был — понятия не имею.

— Ты рассказывал про пожар, который устроила Наоборот. Выжгла огромную проплешину на заднем сидении своих родителей, — припомнил Сашка, — покурить по-тихому хотела.

— Точно, — заметил Луи.

Выпили еще немного. Чувствовалось, что организм отвык от алкоголя, да еще надутого газом. Шампанское сразу дало в голову.

— Слушайте, а может повторим ту вечеринку Пешеходов? — неожиданно для себя спросил Семен. — Разожжем костер… Я думаю, Наоборот не будет против, если мы снова воспользуемся ее машиной.

— Интересная мысль, — заметил Сашка.

— Хочешь отпраздновать масштабнее? — усмехнулся Редактор.

— Хочу чувствовать себя безопаснее, — признался Семен. — Постоянно думаю, что в любой момент появится Пит и… толпа жителей его спугнет.

— Хер ему, а не радио, — отозвался Луи.

— “Хер ему, а не радио” — хороший тост, — не отрывая взгляда от Семена произнес Влад.

Они снова немного выпили, но уже без особого веселья.

— А еще хочу, чтобы Пробка знала, что у нас сегодня особый день, — продолжил Семен, — я думаю, мы можем дать что-то вроде живого выступления. Я хочу, чтобы Пробка знала вас так же хорошо, как она знает меня.

Сашка беззвучно усмехнулся. Во многом успех радио — это его заслуга и Семену пора было признать это публично.

— Готов начать хоть сейчас, — сообщил он.

— Как мы оповестим всех, что намечается тусовка? — спросил Луи.

Семен молча посмотрел на микрофон. Все засмеялись.

— Пусти-ка старших, — сказал Семен и полез менятся с Пересмешником местами. — Ну-ка что там, — он прислонил один наушник к уху. — Вечернее музло.

— Вырубай, — махнул рукой Луи.

— Мы реально это делаем? — Сашка улыбался во весь рот.

— Вот такой Голос мне нравится, — заявил Редактор.

Семен убрал громкость музыки до нуля и включил эфир.

— Привет, Пробка! — заорал он в микрофон, вспомнив почему-то улюлюканья Султаны, когда она ломилась сюда, в студию. — Я врываюсь в ваш вечер с внеочередным выходом в эфир, потому что у меня есть очень короткое, но важное предложение. Прямо сейчас, у машины Наоборот, — эй, ты же не против, да? — мы собираемся, разжигаем костер и празднуем! У радио сегодня важный день — первый эфир с новым ведущим, которого вы вскоре будете слышать чаще. Итак, машина Наоборот, Обочина — приходим!

Семен вырубил эфир.

— Надо наведаться к Лавочнику и раздербанить его запас алкоголя, — деловито заметил Редактор.

— И я свой притащу, — сказал Луи. — Давно пора от него избавиться.

Семен новым взглядом посмотрел на директора. Тот весело подмигнул.

* * *

Дрова для костра тоже пришлось брать у Лавочника — попутно тот рассказал, что добываются они в Антимире, немного дальше, где деревья подступают вплотную к Дороге. На вечеринку он идти отказался, заявив, что идея ему не нравится — только лишний раз привлекать внимание.

Наоборот была в восторге от намечающегося торжества и активно участвовала в розжиге костра вместе с Сашкой и Пересмешником.

Семен и Редактор просто наблюдали, как к месту действия подтягивается народ. Появился Луи с ящиком коричневых квадратных бутылок.

— А пить это из чего люди будут? — спросил его Редактор. — Нужны рюмки.

— У меня есть! — завопила Наоборот, оторвавшись от костра.

Под дровами сверкнул и занялся огонек.

— Вот так это делается, — самодовольно заявил Сашка.

Костер быстро занимался.

— Может быть это станет доброй традицией, а? — спросил Редактор у Семена.

— Дров не напасешься, — ответил Семен.

— С открытым рынком и торговлей с Антимиром у нас будет все. Все эти запреты, существующие со времен Дорожного ремонта давно

пора отменить.

— Почему за столько лет этого никто не сделал?

— Потому что Загваздин не первый, кто спелся с воротилой черного рынка. Очень удобно все запретить и держать цены.

— По такой логике Лавочнику не выгодно, чтобы что-то менялось.

— Лавочник прекрасно понимает, что с ним будет, если Хмурый Пит полностью монополизирует черный рынок. А если Загваздин будет давить всех контрабандистов кроме молодчиков Пита, то рано или поздно так и случится.

Люди вокруг радостно заорали — костер разгорелся в полную силу. Автомобили вокруг красиво забликовали оранжевым. Из толпы появились Агата и Султана, увидели Семена и направились к нему. Агата взяла его за руку и встала рядом.

— В честь чего банкет? — спросила Султана, глядя на костер.

— Радио празднует первый эфир нового ведущего, — сказал Редактор.

— Эй, Пересмешник! — окрикнула Султана. — Ты что ли решил остаться здесь?

Юсуф подошел к компании и слегка смущенно ответил:

— Ну да.

Султана вдруг крепко его обняла.

— Поздравляю, Юсуф, — сказала Агата, улыбаясь.

— А тут вообще наливают? — Султана стала оглядываться, увидела запасы Луи и нацелилась на них. — Так, оставашка, давай-ка выпьем.

И потащила Пересмешника к костру.

— Сказал бы какую-нибудь речь, что ли, — предложил Редактор, оглядывая толпу. — Ты хотел живое выступление. Публика собралась.

Семен кивнул, нашел глазами Наоборот.

— Эй! — крикнул он. — Я залезу на твою машину?

Та энергично кивнула. Семен выпустил руку Агаты, подмигнул ей и, раздвигая людей, пошел к импровизированной сцене. Заскочил на багажник, затем на крышу — очень ловко, как ему показалось. Все постепенно оборачивались к нему. Семен видел кучу знакомых лиц, было много Пешеходов и тех кто ими стал совсем недавно. Но больше было все же тех, кто остается, и это радовало. Семен чувствовал, что

он увлекся Пешеходами и слегка подзабыл про своих соседей, главных слушателей, для которых он и был Голосом. Хотелось высказаться для них.

— Народ! — заорал он и замахал руками, чтобы все притихли и обернулись к нему. — Хей! Прооообка!

Шампанское в желудке делало его смелее. А может и не только оно. Семен осознавал, что внутри него произошло что-то более фундаментальное.

— Слушайте… — он оглядывал их всех, почти все улыбались, глядя на него, глаза застыли в ожидании, — я хочу сказать пару вещей… Ух, вы не поверите, как классно говорить вот так, в живых людей, а не в микрофон!

По толпе прокатились смешки. Люди чувствовали, что он слегка пьян, и это им нравилось. Голос стал ближе к народу, подумал Семен.

— Во-первых, как вы заметили, у радио появился еще один ведущий. Его зовут Юсуф — но сам он предпочитает, чтобы звали его Пересмешник. Иди сюда! — крикнул он, разглядев ученика в толпе. Тот стал протискиваться к машине. — Это значит, что ваше любимое радио выходит на новый уровень развития. Скоро вы не сможете оторваться от своих приемников.

Пересмешник забрался и встал рядом с Семеном.

— Поаплодируйте парню! — крикнул он и толпа радостно заулюлюкала.

— Это еще не все, — продолжил Семен. — Вот вы говорите Голос, постоянно меня так называете… а это не совсем правда. Голос — это не только я. Его бы не существовало без потрясающих людей… Сашка! Иди сюда тоже! Вот без этого человека вы бы меня ни за что не услышали. Не смогли бы насладиться музыкой. Не узнали бы ничего нового. Не включали бы утром радио…

Он продолжал нахваливать Сашку, пока тот карабкался наверх — уже через капот.

— А еще есть Луи, наш директор, — продолжил Семен, войдя в раж. — И он хорош не только тем, что вы сейчас пьете его алкоголь. Вы должны благодарить этого человека, потому что именно он придумал радио, организовал студию и находит средства, чтобы она продолжала существовать.

Луи подниматься наверх не стал, а скромно присел на багажник. Да на крыше уже и не было места особо.

Семен собирался уже во все горло объявить Редактора, но заметил как тот показывает руками, что не надо.

Хочешь, значит, оставаться в тени, подумал Семен. Ладно. Тебе же хуже.

— Запомните этих людей! И выпейте за них! — крикнул он. Толпа радостно загалдела, все стали поворачиваться друг к другу, чтобы чокнутся, зазвенели рюмки и бутылки.

— И второе, — продолжил Семен, когда все выпили, — и самое важное. Это вы, ребята. Вы все, кто включает радио по утрам, кто…

Резкое движение слева от костра заставило его замолчать. Там в толпу как в масло вошла группа людей с белыми повязками — патруль. В их главе Семен с удивлением обнаружил Юлю.

Толпа затихла, все стали оглядываться, пытаясь понять, что происходит. Начинается, подумал Семен и присел на крыше на корточки, ожидая, что Юля направится прямиком к нему. Но она уже нашла себе жертву — встала напротив Редактора и грозно сложила руки на груди. Тот выглядел невозмутимо — оранжевые сполохи в очках, поза расслабленная, улыбается краем губы.

— Что вы здесь устроили? — спросила Юля. — Немедленно потушите костер. Я, как глава охраны банка…

Толпа завыла, послышались свистки — никому предложение не понравилось.

— Люди веселятся, — сказал Редактор. — Чего ты хочешь?

— Чтобы это прекратилось, — ответила Юля, Семен даже на расстоянии увидел, как гневно ходят ее острые скулы. — Кто все это организовал?

— Радиостанция, — коротко ответил Редактор.

Юля повернулась, увидела Луи, но Влад ее прервал.

— Я владелец студии, — спокойно сказал он, — говори со мной.

Ей явно хотелось найти другого собеседника. Редактор ее нервировал, она будто боялась сорваться.

— Вы нарушаете ПДД, — сказал она. Потом, громче:

— Вы ВСЕ нарушаете ПДД! Для вашего же блага лучше вернуться к своим автомобилям.

— Нарушаем ПДД, так, понятно, — кивнул Редактор. — Что дальше?

— А дальше я требую это прекратить. Сейчас.

— При всем уважении, позволь спросить. Ты полицейский? Или хотя бы его помощник? — Редактор улыбался.

Толпа одобрительно заворчала. “Да! Не указывай нам!” — крикнул кто-то особо ретивый из толпы. Белоповязочники Пита стали оглядываться, будто в поисках кричащего. Вид у них был не самый бодрый, но все же опасный.

Ого, подумал Семен. Еще недавно он и не мог представить, чтобы хоть кто-то из жителей слово сказал против главы охраны Банка, все на цыпочках мимо нее ходили. Дружинники выглядели все менее уверенно. Они понимали, что на этот раз гоняют не Пешеходов, которым здесь и так многие не рады, а жителей участка.

— Я вернусь с полицейским, — наконец, сказала Юлия, гордо развернулась, махнув туго затянутым хвостом волос. Патрульные потянулись за ней. Когда они исчезли за кругом света от костра, толпа радостно заорала.

Семен соскочил на асфальт и подошел к Редактору.

— Она ведь приведет Загваздина, — сказал он.

— Не сомневаюсь, — ответил тот, — а что ты бы ответил? Подчиниться ей — ну нет.

— Мне показалось еще немного, и она бы тебе очки расхлестала, — заявил Сашка.

— Мне тоже так показалось, — добавила Агата. Она выглядела напуганной. — Взгляд совершенно безумный. Жаль я фотоаппарат не взяла.

— Надо было мне с ней поговорить, — сказал Семен.

— Думаешь, вышло бы лучше? — спросил Редактор. Семен пожал плечами. На самом деле у него не было аргументов против Юли.

— Почему они на первый костер так не реагировали? — спросил Пересмешник.

— Потому что не знали, как реагировать, — ответил Редактор спокойно. — Да и сейчас не знают. Потому действуют импульсивно.

Толпа потихоньку отходила от происшествия, снова слышался звон стекла, возобновились разговоры. Кто-то поглядывал на крышу

машины Наоборот, но там уже никого не было.

— Не расслабляемся, — заметил Семен, — сейчас Загваздин прилетит, еще его отшивать.

— Отдаю этот раунд тебе, — великодушно предложил Редактор.

Семен важно кивнул, а про себя стал лихорадочно придумывать, что же он будет говорить полицейскому. Они уже давно не общались, как старые приятели. Андрей был максимально сух и старался пересекаться с Голосом как можно реже.

Толпа зашевелилось, послышались удивленные возгласы. Из глубины Пробки действительно появился Загваздин и по левую руку от него была явно довольная Юлия, а вот справа… справа был Живой. Отец. Семен беззвучно открыл рот и понял, что вообще ничего не может сказать.

Делегация остановилась прямо перед ним. Позади троицы маячили все те же патрульные, но теперь куда более уверенные на вид. А в руке у отца был огнетушитель.

— Согласно параграфа пятнадцать, пункту два точка один точка два настоящих правил дорожного движения открытый огонь в непосредственной близости от автомобилей запрещен, — голос Загваздина был равнодушным и почти сонным.

Но Семен смотрел на отца. Тот выглядел слегка растерянным. Его явно дернули с дежурства, и он понятия не имел куда его вели.

— Вы можете делать, что хотите, — продолжил полицейский, — хотя, конечно, в связи с введенным чрезвычайным положением и ваше сборище является нарушением… но костер будет потушен.

Он выразительно оглянулся на Живого, но тот не сдвинулся с места. Перевел взгляд с полицейского на сына.

— Ну? — спросил Андрей усталым голосом.

— Я не буду этого делать, — сказал отец.

— Пап… — Семен хотел предложить отцу просто делать свое дело и все, но Загваздин его опередил. Он вдруг с неожиданной злобой выдернул огнетушитель из рук Живого и направился к огню сам. Люди торопливо расходились.

Раздалось шипение. Поток белой пены ударил в костер, пламя колыхнулось и мгновенно опало. Полицейский, однако, не остановился и продолжал остервенело жать на скобу, пока все вещество не вышло.

Юлия подняла одну бровь — видимо, даже ее удивили эмоции полицейского.

— Неужели, — не поворачиваясь выдохнул тот, — неужели… так сложно… просто соблюдать правила? — он повернулся, оглядел толпу. — Все, кто здесь Пешеход… или кто вдруг решил им стать — убирайтесь. Я не хочу вас больше здесь терпеть.

Он отбросил огнетушитель и пошел прочь. Вся его свита, кроме Живого пошла за ним.

Семен схватил отца за локоть и быстро отвел в сторону.

— Что случилось? — спросил отец.

— Ничего, — ответил Семен. Внутри него клокотала злоба. Он был уверен, что Загваздин специально притащил отца — чтобы показать, смотри, Голос, твоя семья в это вовлечена. Возможно, это была даже скрытая угроза. Мол, я знаю кто твои родные. Знаю, где их искать.

— Вы праздновали новый эфир, — сказал отец, — я слушал радио.

— Нового ведущего, — поправил Семен. — Жаль, что Загваздин тебя притащил.

— Я не знал, что ему надо. Высокий прибежал весь запыхавшийся, попросил спешить и взять огнетушитель. У меня сердце в пятки ушло, я думал, может, машина чья загорелась…

Семен не знал что на это сказать.

— Вообще, конечно… — отец засомневался, продолжать ли, даже голову почесал, — Андрей-то прав, что это очень опасно, вот так открытый огонь разводить…

— Ты же понимаешь, что потушил он его не поэтому?

Отец только устало вздохнул.

— Ладно… вы тут продолжайте, — он стал оглядываться, — я только огнетушитель заберу…

Красный баллон валялся неподалеку от дымящихся остатков костра. Отец подобрал его, осмотрел придирчиво, грустно вздохнул.

— Все выпустил, зараза…

Отец положил руку Семену на плечо в знак прощания и пошел в сторону пожарной машины. Голос вернулся к вечеринке, но она явно распадалась — людей стало меньше, все подразбрелись. Он ловил на себе растерянные взгляды, в которых стоял немой вопрос.

Что вы от меня хотите, подумал Семен, я не могу решить за вас, что вам делать. И не хочу.

Он нашел Агату, Сашку и Редактора — те стояли у машины Наоборот.

— Что ж, я думаю, можно расходится — заметил Редактор, увидев подошедшего Семена.

— Да, — сказал тот, — лучшего концерта, чем Загваздин, мы сегодня уже не покажем.

Из темноты вдруг появилась Бриджит. Редактор кивнул ей. Неужели она дежурила где-то неподалеку весь вечер, изумился Семен.

— Увидимся завтра, — сказал Влад, и они вместе с телохранительницей погрузились в пучину Пробки, почти сразу исчезнув во тьме за автомобилями.

— Прогуляемся вместе? — предложил Сашка.

Семен кивнул. Посмотрел на Агату. Та молча взяла его за руку, и они втроем пошли вдоль Обочины.

— Я надеюсь, Загваздин несерьезно про “убирайтесь”, — заметил Сашка, — а то вдруг завтра официально выдаст ультиматум всем Пешеходам покинуть участок.

— Ну и выдаст, — сказал Семен, — он ни за что не сможет это проконтролировать. Не будут же патрули каждую машину проверять по спискам. Даже если только этим и займуться, у них на это неделя уйдет.

— Вообще, мы и так уходим, — сообщила Агата, — так что он может расслабиться. Лютор ушел первым и, наверное, уже укладывается на ночлег в новом, незнакомом месте.

— Уже? — Сашка загрустил. — Эх, мне кажется вы уже целую вечность у нас. И как будто уже не уйдете.

— Все когда-нибудь заканчивается, — мягко заметила Агата.

О да, подумал Семен, все. Самое время это сказать.

— Я тоже ухожу, — сказал он, старательно пряча глаза.

Сашка шагал молча, будто не услышал, но Семен знал — он просто справляется с эмоциями, молчит, чтобы голос ничего не выдал. Сашка терпеть не может любые негативные чувства.

— Так это была прощальная вечеринка, — наконец, сказал он. — То-то ты разошелся.

Прозвучало на удивление спокойно.

— Ты что, даже не будешь орать на меня? — спросил Семен с удивлением.

— А ты ждешь, что я примусь рыдать? На кого ты нас бросаешь! Да как бы без тебя…

Семен сконфузился.

— Если честно, я был готов к этому, — продолжил Сашка и оглянулся на радиостудию. Семен тоже, — Я не знаю, что бы решил я, но твой выбор я понимаю. Этот автомобиль с большой антенной… или, — Сашка улыбнулся Агате. — Кто я такой, чтобы осуждать.

На редкость сдержанный ответ.

— Береги радио, — сказал Семен, — и Пересмешника. Я не успею научить его быть Голосом по-настоящему. Дальше придется тебе.

— Я не журналист, — напомнил Сашка.

— Но ты классный друг. Просто будь им и ему.

Сашка остановился.

— Если ты хочешь выдавить из меня слезы, то не дождешься, — сказал он.

Он вдруг кинулся и обнял их обоих.

— Зовите на свадьбу, — съязвил он, чтобы скрыть эмоции, потом отпустил. Семен улыбался. Ему будет не хватать дурацких шуточек.

— А что с нашим делом? — спросил Сашка.

— Мы будем уходить последними. Я думаю, мы успеем все провернуть.

— Тяжело будет потом это удержать без Голоса… — пробормотал техник.

— Ты не слышал, что я там на крыше нес? — нахмурился Семен. — Голос остается.

Сашка скривился в том смысле, что это, конечно, да, типа того.

— Кто еще в курсе? — спросил он.

— Родители еще.

— И все?! — удивился Сашка. — А Луи? А Редактор?..

— Я… Я не знаю, как им сказать. Не уверен, что у меня получится.

— То же самое, что и мне.

Если бы это было так легко, мрачно подумал Семен.

— Я тебе-то сказать еле-еле решился. Сердце из груди выпрыгивало.

— Потому что я, в отличие от Редактора, слов выбирать бы не стал, если бы это застало меня врасплох.

— Я надеюсь, что он и сам догадывается. Влад отличается хорошей проницательностью — вряд ли она его подведет здесь.

— Не уверена, что это хорошая идея, — поделилась переживаниями Агата.

Я тоже, подумал Семен. Это определенно дрянная идея, давать Редактору додумывать за тебя.

Ч3. Глава 3-1

1

Больше никогда не буду пить шампанское, сказал себе Семен, залезая в радиостудию вслед за Сашкой, держась за бутылку воды как за халявную канистру бензина. Ему казалось, что в недрах черепа завели дребезжащий каждой металлической деталью грузовик и теперь он монотонно и раздражающе гудел, заполняя мозг едким дымом, через который с трудом пробивались мысли.

Отсутствие каких-либо последствий для техника — тот выглядел невыспавшимся, но вполне готовым к свершениям и хотя бы просто жизни — усугубляло страдания. Обидно быть в похмелье одному, когда пили оба.

Семен сразу полез вперед — к бардачку, где Луи хранил в том числе аспирин, который он глотал пачками после своих обильных загулов.

— Заведи заодно, — попросил Сашка.

— Зачем?

— Я посадил все аккумуляторы за ночь, — несколько виновато сообщил Сашка.

Семен поднял бровь, но все же подлез рукой под руль и повернул ключ. Микроавтобус утробно загудел, по полу пошла вибрация.

— И часто ты так заводился по утрам? — Голос вернулся к раскопкам в бардачке.

— Тебе лучше не знать.

— Луи взбесится, когда посчитает расход.

— Редактор компенсирует, — отмахнулся Сашка.

— Я надеюсь, ты притащил меня в семь утра не потому что это изощренная месть за то, что я ухожу, — сказал Семен, обнаружив и схватив блистер, где осталось одна грустная таблетка, и оглядываясь в поисках стакана.

— Я решил, что такое дело не ждет, — виновато ответил Сашка. — Это, знаешь ли, подарок нам праздник. Наша старушечка, Семен, делает тебе прощальный презент.

— Пока не понимаю о чем ты, — Семен отыскал стакан под водительским сиденьем — он, конечно же, оказался пыльным и захватанным. — Сначала мне нужен допинг.

— Да брось таблетку сразу в бутылку, что ты мучаешься, — посоветовал Сашка. Семен хмыкнул. Скрутил крышку и бросил таблетку — аспирин зашипел прям как вчерашнее вино, с которым ему предстоит вступить в бой.

— Так что случилось? — Семен стал жадно пить.

— Я перехватил переговоры Загваздина и какой-то дамочки… они обсуждали сделку с Королем Бензоколонки.

Семен перестал пить. Голова стала болеть сильнее. Мутному сознанию было тяжело проворачивать мысли, которые тысячами взорвались внутри от такой новости.

— Я записал это. Послушай.

Голос только кивнул и надел наушники. Сашка нервничал — скорее всего, его переполняли эмоции от того, что он делает нечто большое и историческое для Пробки. Правда, таковым оно станет, если у них получится. Если нет, то будет просто короткая печальная история о том, как кучка выскочек хотели свергнуть полицейского, но умерли от проникновения некоторого количества свинца в мозг.

Семен кивнул, что готов, и Сашка включил запись.

— …мы хотим видеть вас лично, — запись началась с середины фразы, видимо, Сашка не сразу сообразил ее включить. Голос Семену был незнаком.

— В этом нет необходимости, — Семен опознал ответившего — сто процентов его величество Загваздин, — вас встретят в прежнем составе, произойдет обмен и…

— Нет, — прервал его голос. Это была женщина — голос ее был строг и властен и выдавал заядлую курильщицу, — мы должны встретиться. Мы должны увидеть вас. Об руку с Глушаковым. Убедиться, что оружие покупаете именно вы, а Пит за вас ручается.

— Я не могу! — ответил Загваздин с ноткой мольбы в голосе. — Я полицейский, нельзя, чтобы меня застали за контрабандой.

— Вы уже по уши в этом дерьме, господин коп, — неумолимый голос, жаждущий сигарету, — просто войдете чуть глубже.

— Вы же убедились по рации. Хмурый Пит был со мной, мы общались втроем.

— Откуда я знаю, может вы ему ствол под ребро пихнули, чтобы говорил, что положено. Или он вам. Тут уж как посмотреть.

— Мы действуем вместе, — ответил полицейский.

Семен и Сашка переглянулись. Вот оно. Чистосердечное признание, у них в руках. От этого Андрей не отмоется.

— Не понимаю, что вы паритесь. У вас мигалка включена, — продолжала женщина. — Я знаю ваши законы, если она горит — мент может делать что хочет.

— Ничего вы об этом не знаете, — ответил Загваздин.

— Может быть. Похер. Эш согласен закрепить сделку только лично с вами. Все же это ваш участок, а не Глушакова. Вроде как, — в дымчатой хрипотце голоса прорезалось презрение.

Семен, конечно, не знал, как выглядел Загваздин в тот момент, но он прекрасно понимал, как больно его, должно быть, огрели эти слова. Эта дама умела проехаться по живому.

— Хорошо, — согласился Андрей, — я буду.

— Если мы увидим, что вас нет — то уйдем и обмена не будет. А Эш будет очень-очень расстроен. Я бы вам не советовала расстраивать Эша, господин коп. У Королей очень дурной нрав.

— Не надо угрожать. Я сказал, что приду.

— Вот и чудно. А, да. Возьмите у вашей блондинки сигарет. Она говорила у нее большой запас.

— Все будет. Конец связи.

Семен стянул наушники и посмотрел на Сашку.

— Ну? — спросил тот. — Что ты думаешь?

— Что мы готовы, — сказал он. — У нас есть все для полноценного выпуска, который… немного страшно это произносить.

— Сработает, — нашелся Сашка. — Который сработает.

Семен кивнул. Да, так проще.

— Это было сегодня ночью? — спросил он.

— Да.

— Тогда понятно, почему он так взъерепенился на наш костер. Скорее всего, дико волновался перед этим разговором накануне. А тут еще мы.

— Я бы тоже волновался. Эта дамочка дала жару нашему полицейскому.

— Почти уверен, что это та самая Лена, о которой говорил рыжий, — сказал Семен. — Не хотел бы увидеться с ней лично.

— Надо показать запись остальным.

— Да, — Голос кивнул. — И выбрать время эфира.

Сашка медленно улыбнулся.

— Мы действительно это делаем? — спросил он. — Город…

Семену тоже не верилось. Он как будто наблюдал за собой со стороны. Очень скоро заведется двигатель машины перемен. Двигатель готов, масло залито, свечи вкручены.

Осталось дать искру.

* * *

— Давайте пройдемся по всему еще раз, — сказал Семен, обращаясь к их импровизированной банде сопротивления. — Того что будет сказано в эфире вполне достаточно, чтобы Загваздин, хочет он того или нет, сложил полномочия. Их же хватает, чтобы навсегда упечь за решетку Петра Глушакова. Вся надежда на людей. Что они среагируют и сами громко заявят о том, что полицейский низложен.

— Все так, — кивнул Редактор.

— Власть полицейского немедленно переходит к Совету Пробки до тех пор, пока не будет определен новый.

Все закивали. Семен обратил внимание, что Влад помедлил перед тем как согласиться. Смотрел он только на Семена. Это слегка нервировало.

— Какие у нас риски?

— Непонятно, что делать с Высоким и Низким, — вступил Лаки, — они как будто и не при делах — у нас нет компромата. Но невозможно быть помощником полицейского и не быть в курсе о его делах.

— Задержим вместе с Андреем, — сказал Редактор, — если они непричастны — мы это выясним и отпустим их.

— Также мы вряд ли что-то можем предъявить Юле, — продолжил Лаки. — Очевидно, что она по уши в этих делах, но у нас есть только слова рыжего чувака от Короля.

— Как по мне — этого достаточно, — заявил Редактор.

— Он даже не назвал ее имени, — возразил Семен.

— А запись такого дрянного качества, что мы ее не сможем пустить в эфир, — добавил Сашка, — поверьте, мы очень старались

сделать все, чтобы слова прозвучали… но этого не будет.

— Мы не сможем совать диктофон каждому жителю под ухо, чтобы он лично убедился, — кивнул Семен. — Я вижу только один путь — организовать суд после… всего… и вызывать ее как подозреваемую.

Он видел, что Редактор протестовал. Внутренне он был согласен с ним — Юля была вторым после Загваздина официально вооруженным человеком на участке.

Но справедливость нового устройства Пробки была важнее их опасений.

— Опасно оставлять ее рядом с цистерной, когда все произойдет, — принял еще одну попытку Редактор.

— Я за то, чтобы оставить ее в покое, — вдруг вступила Раиса. — Если вы обезвредите Пита и Андрея, то вряд ли она взбунтуется. Она не тупая и умеет просчитывать свои выгоды.

С этим Редактор спорить не стал, хотя по нему было видно, что он не согласен. Ему просто хотелось видеть, что хоть кто-то с фамилией Самохин получил по справедливости.

— И последнее, самое важное, — Лаки сделал паузу, чтобы все точно осознали и прислушались, — оружие. То, что мы с Голосом слышали, дает основания полагать, что Загваздин его не получил — сделка сорвалась.

— Но? — напряглась Раиса.

— Но полной уверенности нет, — спокойно ответил Лаки, — Часть им могли передать заранее — для захвата Шашлычной. И мы договаривались ничего не предпринимать при таком раскладе.

— Согласен, — кивнул Илья, — слишком рисково.

— Еще рисковее ждать, — возразил Редактор. — Загваздин возможно прямо сейчас договаривается о поставке. Чем дольше мы ждем тем хуже.

— Даже малейшая угроза того, что у Пита в руках окажется винтовка не стоит того, — гневно заметила Раиса, — я удивлена, что мы вообще это обсуждаем.

— Предлагаешь все отменить? — спросил Редактор. — Просто ждать, пока они придут и приставят дуло к моей голове? И к голове Голоса?

— Твой бизнес — твой риск, — невозмутимо произнес Лавочник.

— Всегда знал, что ты сука.

— Как будто я когда-то отрицал.

— Остальные? — окуляры Влада прошлись по всем собравшимся.

— Голосуем, получается? — спросил Лаки. — Тогда радиостудия первая. Больше всех рискуют, ребята.

— Мы все рискуем, — возразила Раиса. — Вы думаете, Пит остановится на радио и Рефрижераторе?

— Это голос за?

Глава Банка коротко кивнула

— Лаки, ты-то сам что думаешь? — спросил Редактор

— Я за то, чтобы рискнуть сейчас. Другого момента не будет. Даже если у них есть какое-то количество огнестрела — это не говорит о том, что им сразу моча в голову ударит и начнется пальба.

— Александр?

Сашка усмехнулся. Гордо поднял голову.

— Готов бахнуть выпуск хоть сейчас.

Все посмотрели на Семена. Ждут ответа от Голоса. Зачем вы на меня смотрите, подумал он. Даже если я скажу нет — уже три против одного.

Нет, стукнуло в голове, для них твой голос весит больше. Ты — Голос, чтобы ты там не вещал, накачанный шампанским. Ты решаешь.

— Мне очень страшно, — признался Семен, — я переслушиваю куски выпуска — и у меня мурашки по всему телу. Но… но я тоже не верю во внезапную стрельбу. Я верю в людей. В жителей Пробки. Если они послушают нас, если встанут все вместе — то не будет никакой стрельбы. Десять стволов ничто против тысяч голосов.

— Жаль, что не в микрофон, — сказал Редактор и впервые за все время перестал пялиться.

— Начинаем в пять, — сказал Семен. — Вещать будем сорок минут — материала много.

— Я буду присматривать за студией, — заверил Лаки, — но сам понимаешь — если придут прихвостни Пита, то их с удовольствием отделают, а если помощники полицейского… то увы. Мы не можем рисковать парнями. Если затея не выгорит — им жестко прилетит за нападение на помощников.

— Справимся сами, — уверенно заявил Сашка. Семен не разделял его бравады.

— Проверьте, чтобы ваши родные были собраны, — напомнил Лавочник, — в случае провала делать все нужно будет быстро.

Они поднялись и стали выходить из минивэна.

— Семен, — позвал вдруг Редактор, когда они оба оказались снаружи. Кажется, это был первый раз, когда он обратился по имени.

Семен повернулся. Влад поднял руку.

— Удачи, — сказал он. Семен протянул ладонь. Рукопожатие вышло крепким.

Ч3. Глава 3-2

2

Дверь позади Семена открылась и отъехала в сторону. Он уже знал кто там и зачем, но продолжал говорить:

— ...поэтому, по всей вероятности, наш с вами участок просто продан некоему Королю Бензоклонки. И первый лот, который уйдет с молотка — эта сама радиостудия, из которой я вещаю…

Пока он все это говорил, Сашка скинул наушники и кинулся к двери, толкнув самого Семена. Сквозь наушники послышалась ругань — Семен определил, что по его душу Низкий и Высокий явились в тандеме.

Сашка что-то говорил про эфир и, судя по звукам, пытался закрыть дверь, но ему мешали. Семен почувствовал, как чья-то рука схватилась за его стул, его стало разворачивать, потом рука сорвалась.

— ...со своей же точки зрения, — продолжал Семен, — и, заметьте, я выражаю ее впервые за все время, пока я здесь работаю, я считаю, что Андрей Загваздин должен немедленно сложить полномочия, а вся власть…

На этот раз его ухватили за руку. Семен дернул локтем и обернулся.

Сашка тянул дверь, чтобы захлопнуть ее. Низкий раскорячился в проеме, чтобы помешать этому, а Высокий лез в образовавшуюся щель, чтобы прервать эфир, по всей видимости — простым вытаскиванием ведущего наружу.

— ...должен сказать друзья, что прямо сейчас в радиостудию ломятся помощники полицейского. При всем уважении, пока они тут все не разнесли, обращаюсь напрямую к вам — не молчите!

Сашка сзади громко охнул, больно въехал в Семена и упал на пол студии. Тут же цепкие пальцы Высокого сомкнулись на шее Семена и потянулись назад.

— .. ох, друзья, — продолжал сипеть в микрофон Голос из-за всех сил сопротивляясь, — кажется, придется на этом закончить эфир. Меня душит цензура…

Семен на секунду дал слабину и тут же оказался верхней частью тела снаружи, а ногами — все еще внутри. Наушники сорвало с головы, больно дернув уши.

Высокий выволочил Голоса на асфальт полностью и наконец-то отпустил его шею. Семен тут же вскочил повернулся, зашипел от боли и схватился за затылок.

— Какого города за шею-то? — выпалил он в лицо Петру. — Что это вообще было?

— Семен Дергачев, вы задержаны…

— Сашка, выруби эфир, — крикнул, обернувшись Семен. — Так и почему я задержан? — спросил он, повернувшись обратно.

— Хватай его и потащили, — закатив глаза сказал Низкий Высокому, — что ты церемонии разводишь…

— Не трогать! — заорал Сашка и вылетел наружу. Низкий тут же преградил ему дорогу, они столкнулись, налетели на Семена, а тот в свою очередь — на Высокого.

Тот врезался спиной в машину напротив и неожиданно громко заорал, что это сопротивление при задержании.

— Чего? — выдохнул ему в лицо Семен, и Высокий толкнул его.

Вряд ли он хотел, чтобы получилось так, как получилось. Скорее, он просто намеревался освободиться из-под Голоса. Но Семен неудачно запнулся — об ногу Низкого или об руку Сашки или еще о какую конечность и приложился затылком прямо о порожек радиостудии.

И отключился.

* * *

Очнулся он от запаха. Пахло мочой и холодной беспросветностью. Бобик. Он открыл глаза и подивился боли в затылке — она пульсировала, а вместе с ней странно пульсировало и все, что он видел. Над ним правда ничего не было кроме голого потолка полицейской машины.

Он поднял голову, затем приподнялся на руках и оперся спиной о стенку. Поглядел сквозь решетку на отделение полицейского — там никого не было. За стеклами уже было темно, красные и синие сполохи выхватывали спящие автомобили.

— Срань… — пробормотал Семен. Никогда не думал, что окажется по эту сторону. Удивился, что с ним нет Сашки — ведь он

тоже, по факту “причастен”. К чему бы то ни было…

Загваздин рано или поздно придет — и надо придумать интересную и насыщенную речь к его приходу. Семен полагал, что если полицейскому нормально объяснить положение дел и аргументированно разложить почему тот не прав, то Андрей, несомненно опомнится и скажет: “Да… действительно, что-то я… надень-ка на меня наручники”. Читал бы его мысли сейчас Редактор, то он бы с хрустом раздавил свои очки под ладонью.

Хлопнула водительская дверь.

— Так, Андрей, слушай, — слабым голосом начал Семен.

— На, — сказал на это Андрей.

Семен увидел, что полицейский просовывает ему меж решеток бумажный сверток. Семен взял его обеими руками и развернул на коленях. Шашлык.

— Больше такой роскоши не будет, — сообщил Андрей, усаживаясь на своем месте, — я ради тебя до Гиви бегать не буду.

— Долго я тут? — спросил Семен, так как желудок заурчал, стоило только запаху шашлыка коснуться носа.

— Несколько часов, — ответил Загваздин. — Было Продвижение, между прочим, скажи мне спасибо, что я перегнал твою машину.

Семен фыркнул.

— Скажи спасибо, что не послал Низкого, — раздраженно заметил полицейский, — тот бы нашел причину для шуточек. Не каждый день встретишь мужика, который держит фотографии голого себя на приборной панели.

Сволочь, подумал Семен.

— Действительно настолько любишь себя, а, Голос? — спросил Загваздин, усмехаясь в зеркало заднего вида.

Семен послал полицейского.

— Я-то пойду куда хочу, — заявил полицейский. — А ты будешь сидеть здесь. Один.

Да, кстати, почему я один, подумал Семен.

— Где Сашка? — спросил он.

— В тюрьме, — отозвался Загваздин, — вместе с Луи. И со всяким отребьем. Если бы нашли Редактора, то и он бы там сидел…

— Луи? А его-то за что?

— А чтобы лучше следил, что у него на радио происходит! — гаркнул полицейский. — Вот посидит среди наркоманов и ворья — может, задумается, как это он умудрился у себя под носом мятежников не разглядеть.

— Что? Каких мя…

— А, ты даже не понял! — Андрей мелко засмеялся. — Почему-то об этом я не подумал. Глупенький, глупенький Голос. Я-то думал… Что тебе Редактор наплел? Ты же понимаешь, что ты теперь соучастник? Попытка свержения полицейского, государственного переворота. Понимаешь? Вот к чему тебя Редактор склонил своими речами. А ты его и послушался и в эфир побежал.

В голове у Семена все смешалось.

— Слушай, у меня башка прям трескается от боли, и я плохо соображаю, но ты какой-то бред говоришь.

— Ну, то, что ты будешь все отрицать я предвидел, — буднично сообщил Загваздин. — Но по старой дружбе скажу тебе — бросай это дело. Пробке нужен Голос, и не в твоих интересах кантоваться тут вечно. Давай ты расскажешь все, что Редактор задумал — и иди дальше занимайся своим радио. Но уже, Города ради, без пламенных речей.

— Я пока ничего не отрицаю. Я просто хочу понять… мне кажется, ты запутался. Город с ним, с Редактором, он тебя всю жизнь терпеть не может, чего ты ожидал вообще. Но мой эфир — про другое. Про твои дела. Про деньги из бюджета, про Короля, про оружие. Мы все знаем, Андрей, нет смысла говорить, что этого не было.

Полицейский тихо засмеялся.

— А ты думаешь, что я бы пытался это скрывать? Голос, ты еще глупее, чем я думал. Может быть, Высокий слишком сильно тебя приложил? Сделаю ему выговор… Так вот, слушай. Мне заранее было известно про ваш заговор с Редактором. Я сразу понял, что Пешеходы напихали мусора в ваши головы. О, как я бы хотел, чтобы тут еще и твой любимый Серж сидел, но увы, мы его не нашли, хотя опросили кучу Пешеходов. Сбежал, видимо, струсил. Что еще ждать от Пешехода, работает ножками… А тут еще убийства и покушения! Неясно тебе, что это все — один сценарий. Кто-то пытается разрушить нашу Пробку. Это война, Голос, но ты, кажется, не способен это

понять. Я тебя не виню, ты был слишком мал в Эпоху Дорожного ремонта, ты не знаешь каково это. Мне пришлось вооружиться.

— Вооружить Пита и его отребье, — возразил Семен. — Как думаешь, как долго они будут слушать твой бред и подчиняться тебе? Как быстро Пит научит тебя плясать под его вооруженную дудку?

— Ты слишком многого ожидаешь от Пита. Он не настолько хватоk..

— Ты недооцениваешь человеческую глупость.

— А вот тут ты прав, — полицейский даже оглянулся, чтобы посмотреть на пленника, — глупость я недооцениваю. Во всяком случае, твою. Когда-нибудь ты поймешь, что все, что здесь происходит — это война, а ты — удобный Голос, которым манипулируют все стороны. И Редактор, и Пешеходы… и даже я. Но я хотя бы пытался быть честным с тобой.

— Честным? Ты лжешь годами!..

Семен хотел много еще чего сказать, но где-то рядом раздался автомобильный сигнал. А потом, через пару секунд — еще один. И еще. И еще.

Десятки машин подали сигнал, как будто во всей Пробке что-то начало происходить. Впервые на памяти Семена сигналили ночью. И впервые — в таком количестве.

— Что за?.. — спросил Загваздин и вышел. Семен услышал, как он подошел к задней двери и сказал:

— Гляди, чтобы он там смирно сидел. Пойду посмотрю, что творится.

Семен отложил шашлык и пробрался к зарешеченному окошечку в задней двери. Полицейского уже не было видно, а у двери стоял Низкий и курил.

— Эй, Эдик, что происходит? — спросил Семен.

— Ты же Голос, ты мне и расскажи, — огрызнулся Низкий.

— Слушай, я думаю ты понимаешь, что Андрей сошел с ума, зачем тебе…

— Умолкни и убери морду от окна или получишь прикладом по зубам

Низкий сказал это очень спокойно, даже удивительно для него. А Семен только сейчас заметил, что тот не просто стоит, а опирается на длинное ружье.

Ружье… Город!

Голос послушно убрался и вернулся к шашлыку. Машины продолжали сигналить, но тональность менялась — какие-то затихали, какие-то, еще дальше, начинали трубить.

На всякий случай Семен уплетал шашлык, понимая, что следующий раз поесть, возможно, сможет очень нескоро. Как бы ни развивались события.

За какофонией, он не сразу услышал, что Низкий с кем-то разговаривает. Стараясь не шуметь, он снова подошел к окну и аккуратно выглянул.

Низкий стоял гораздо ближе к двери и, что самое страшное — вскинул ружье и в кого-то целился. Из-за его спины практически ничего не было видно, но Семен все же увидел Султану. Она стояла облокотившись на одну из машин. На ней были короткие джинсовые шорты с бахромой и подвязанная клетчатая рубашка с таким декольте, что Низкий при желании мог разглядеть все что можно.

— Отойди, пешеходиха, отойди от полицейской машины!

— Эй, я и так стою на порядочном расстоянии, — очень спокойным и даже веселым голосом отвечала Султана. — Не тыкай в меня своей длинной штуковиной.

— Если ты пришла сюда с дружками, то пусть покажутся!

— А ты любишь, когда с дружками? Неожиданно.

— Перестань!

— Перестать что? Я к тебе пришла, глупенький.

Низкий пошевелился и совсем закрыл Султану, почти все окно закрыл его затылок.

— Я знаю все ваши штучки, — продолжал Низкий, — я не поддамся на твои…

— Мои что? Ты вот про этих близняшек?

Низкий гулко вздохнул и, видимо, от неожиданности, опустил ружье. Семен тут же сунул руки меж прутьев, схватился за шею, почти смог сомкнуть руки, но Низкий тут же дернулся, ногти собрали под себя его пот и кожу, и повернулся.

— Город! Семен, ты что…

Султана не теряла времени даром и ударила помощника полицейского ребром ладони в затылок. С размаху. Через секунду — вырвала у него из руки ружье, отбросила в сторону, развернула

помощника к себе, с грохотом приложила к задней двери и, — судя по тонкому звуку, который издал Низкий, — зарядила коленом по яйцам.

Эдик медленно сполз вниз, и Семену наконец-то открылся вид. И первое, что он увидел — как кто-то поднимает ружье.

— Султана! — крикнул он. Та резко обернулась, но тут же расслабилась.

— Это свои, — сказала она. Это оказался малознакомый молодой парень, видимо, из Пешеходов. Следом за ним появился — вот это неожиданность — Лавочник.

Парень нацелил ружье в Низкого.

— Только попробуй пикнуть или сделать хоть одно движение, — сказал он.

— Оттащите его от двери и найдите ключ, — приказал Лавочник. — Я бы открыл эту дверь и отмычкой, но неохота возиться. Загваздин может вернуться в любой момент. И не один.

— Не думала, что ты поддашься на такой дешевый трюк, Эдичка, — нежно, проговорила Султана, поднимая Низкого, — а ну иди сюда, дорогой.

Она отвела его в сторону, парень с винтовкой проводил его дулом.

— Давай поищем, что есть интересного у тебя в штанах, — сказала Султана и принялась шарить по карманам. Низкий вскрикнул. — Ох, прости, душенька, у тебя тут еще болит, я совсем забыла.

— И с этой женщиной ты спал, Голос? — спросил Лавочник через окошечко. — Я бы от нее в Немир сбежал… Ты как там?

Намеки на его, Голоса, интимную жизнь совсем не трогали. Боль в затылке и ситуация в целом очень отрезвляли..

— Хотелось бы выйти, — ответил он.

— Сейчас устроим.

Султана нашла ключ и передала Лавочнику. Тот открыл дверь

— Свобода слова в действии, — сказал он, выпуская Семена. Тот спрыгнул на асфальт и понял, что у него очень болят колени, шея и поясница.

— Неплохо тебя согнуло, — засмеялся Лавочник. — Но время на разминку нет, прости, уходим отсюда.

— Не хотим сжечь эту чертову машину? — деловито спросила Султана.

— Она нам еще пригодится, — ответил Лавочник.

— А с этим, что делать? — спросил парень с ружьем.

— Г-город… — Лавочник подошел к Низкому. — Что с тобой делать, а?

— Ты… — только и сказал тот.

— Понятно, — Лавочник улыбнулся, — что ж мы не вы. Да и выстрел все услышат...

— Сладких снов, — сказал парень и без размаха, но с усилием ударил прикладом Низкого в висок. Тот сразу осел и мягко свалился на асфальт.

— Живой? — спросила Султана. Парень присел и внимательно посмотрел на Низкого. Потрогал шею.

— Живой, — ответил он. — Если ваш полицейский найдет его хотя бы через десять минут, то все будет хорошо.

— Пошли, — сказал Лавочник.

Они двинулись пригнувшись, вдоль машин.

— Куда мы? — спросил Семен. — Что происходит?

— Спасаем тебя, — ответил Лавочник, — незаметно что ли? И Пробку.

— Почему все сигналят?

— Полицейский обязан отозваться на сигнал. Если сигналить будут все… в общем, неплохая такая шутка над полицейским.

— И еще очень эпично под это тебя спасать, — добавила Султана. — Забавно, что ваш скучнейший участок оказался самым веселым аттракционом у нас на пути.

— Это для вас аттракцион, — буркнул Лавочник, — а нам тут жить… Тихо!

Семен не сразу понял куда они пришли, но затем заметил желтый автобус.

— Совет Пробки, — прошептал он.

— Только на этот раз тюрьма, — сообщил Лавочник, — потому что в обычной тюрьме все забито.

— Твою мать, сколько их… — пробормотал парень с ружьем.

Семен проследил за его взглядом и выглянул. Там было несколько вооруженных человек — все с повязками питовских дружинников.

— Хм, — пробормотал Лавочник, — а знаете что?

— Что?

— Больше не сигналят.

И правда, царила тишина.

— Тогда операция по спасению откладывается, — сказала Султана.

Лавочник кивнул.

— На этот раз повезло только тебе, Голос, — сказал он. — Нам надо на участок Гросса. Как можно скорее. Загваздин совсем скоро узнает, что ты сбежал. И тут будет опасно.

— Меня все знают. Трудновато будет пройти весь участок.

Лавочник улыбнулся так, что Семен все понял.

— Нет, так не пойдет, — сказал он.

— У тебя есть другой план?

— Слушай…

— Не бойся, замшелый ты мой дружок, ничего у тебя от этого не отвалится. Так, все очень быстро двигаемся со мной. Нам надо обойти этих ребят и перелезть через Берьер.

— Отличный план, — кивнула Султана.

Они пробежали в левый ряд, Лавочник смело подошел к Барьеру, оглянулся в одну и другую сторону, уперся руками, напрягся — и перевалился на другую сторону. Теперь он был в Антимире.

— Давайте! — сказал он, повернувшись обратно.

Семен медлил. Видеть уроженца этой части Пробки за Барьером — уже сильное впечатление, а тут нужно еще и сделать это самому. Следом за Лавочником легко и быстро барьер преодолела Султана. Пешеход передал ей винтовку и перевалился тоже.

Семен с интересом смотрел на Пешеходов. Мужчина старался быть незаметнее — люди Антимира косились на него — еще бы, в руках у человека целая винтовка. А вот Султана стояла свободно и открыто.

— Опять ты пялишься, — сказала она. Семен стыдливо отвел глаза.

— Такое ощущение, что ты там как дома, — сказал он.

— Так и есть, — ответила Султана спокойно. — Я жила в Антимире несколько лет. Я сбежала с нашей стороны Пробки, когда была еще ребенком. Закончила здесь школу… и тогда перебралась обратно… а вскоре пришли Пешеходы… и я решила найти места своей молодости. Думала, что это ваш участок даже, по кислости лиц совпадало.

Жила в Антимире… Семену все больше казалось, что он все еще в отключке в бобике, и все это ему снится.

— Давай, Голос! — рявкнул Лавочник. — Хватит разглаголь…

Они повернулись одновременно. Снова сигналили машины — одна за другой. Звук приближался. Семен увидел движение меж машин — к ним двигалась толпа людей. Помимо сигнала нарастал какой-то рев.

— Давайте обратно, — сказал Семен.

— Что? — переспросил Лавочник.

— Перелезай.

Семен не стал их дожидаться и вернулся к полицейской машине. Заметил, что Низкий пришел в себя — сидел, прислонившись к колесу и слабо моргал, держась за голову.

Сигналы начали смолкать, а рев стал четче. Это скандировала толпа!

— Свободу Голосу! Свободу Голосу!

Они идут спасать меня, с изумлением понял Семен. Стал оглядываться и понял, что Пешеходы и Лавочник с ним не вернулись. Город с ними.

Толпа подошла вплотную и голоса стихли, раздался удивленный ропот — все увидели Семена на свободе. Неожиданно в первом ряду он увидел Загваздина — у того активно заплывал синим глаз, пустела кобура и отсутствовал жезл. И еще руки были закованы в его собственные наручники.

А держал Загваздина Лаки. Наверняка именно он и поставил ему фингал — в отместку. За плечом Лаки Семен увидел лицо Редактора. Тот улыбался краем губ.

Толпа наконец-то разобралась с чувствами и радостно заулюлюкала. Лаки продвинулся вперед и толкнул Загваздина так, что тот врезался в заднюю дверцу бобика.

— Это ты его так? — Лаки кивнул на Низкого.

Семен помотал головой.

— Ему нужна помощь, — сказал он.

Лаки кивнул, махнул рукой — тут же от толпы отделилось двое, подхватили Низкого и потащили прочь.

— А что делать с этим? — Лаки указал на Загваздина.

Почему он спрашивает об этом у меня, с удивлением подумал Семен. И машинально ответил:

— Пусть пока там посидит, — и похлопал по полицейской машине. Лаки удовлетворенно кивнул, открыл дверцу, гаркнул в ухо Загвазину “Лезь!” — и тот покорно полез внутрь, неуклюже помогая себе скованными руками. Лаки захлопнул за ним дверь. Толпа радостно заорала. Лаки обернулся, вскинул руки и вдруг заорал:

— Голос!

И толпа подхватила.

Голос! Голос! Голос! Ритмичный рев волной пошел назад от полицейской машине — туда дальше, Семену показалось, что он покатился до самой Шашлычной. Все почему-то прославляли его, как будто это он лично только что пленил Загваздина.

Лаки обошел полицейскую машину, сунулся внутрь и, покопавшись, отключил мигалку. От этого толпа стала как будто еще громче и яростнее.

— Наш новый полицейский! — вдруг крикнул кто-то слева.

— Да! Голос! Новый полицейский! — стали подхватывать со всех сторон.

Нет, в ужасе подумал Семен. Нет, нет, нет!

Он стал лихорадочно шарить глазами по толпе и вдруг уперся в мягкие карие глаза. Агата смотрела со страхом и сожалением.

Голос! Голос! Голос!

То, что он прочитал у нее в глазах не обязательно было проговаривать. Она поняла все раньше него.

Ч3. Глава 3-3

3

Семен дернулся, когда ладонь Султаны хлопнула в боковое окно.

— Ты остаешься? — крикнула она. — Ты. Решил. Остаться?! — она припечатывала ладонью в стекло каждое слово.

Безумие и бензиновый огонь горели в ее глазах.

— Открой эту сраную дверь!

Семен не хотел открывать. Султана могла что угодно выкинуть — выцарапать глаза, лягнуть в пах — ей, видимо, не привыкать, — плюнуть в лицо. А еще ему не хотелось никаких разговоров. Объяснений. Мольбы. Ничего. Он сам еще не понимает своего решения. Ему хотелось просто сидеть в машине и пялиться на фотографии. Все.

Даже сквозь стекло было слышно разъяренное дыхание. Из соседних машин с любопытством выглядывали.

Семен опустил стекло как раз в тот момент, когда Султана намеревалась нанести еще один удар. Рука влетела в салон, и Семен ухватился за локоть.

— Только давай без вот этого всего? — попросил он.

Султана с неожиданной силой вырвалась.

— А ну выходи, — сказала она.

— Зачем это?

Вместо ответа пешеходка схватилась за зеркало заднего вида и стала с усилием его выкручивать.

— Ладно-ладно, — сказал Семен и вышел наружу. Они встали друг напротив друга, будто приготовились к поединку.

— Я принял решение, — сказал он. — Что ты от меня хочешь?

— То есть ты выбрал, да? Выбрал вот их всех, — Султана обвела Пробку руками, — вместо нее. Да?

Семен осторожно огляделся. Собирались зеваки. Люди в машинах опустили стекла. Исподтишка смотрели на него.

— Если бы я мог — я бы не выбирал, — сказал он. — Но люди вверили мне свои жизни… не могу же я…

— Все ты можешь, — сурово сказала Султана. — Кто решает, что тебе делать?

— Я, — коротко ответил Семен. Султана замолчала.

— Все понятно, — сказала она.

— Что понятно?

Султана повернулась, чтобы уходить.

— Я могу ее увидеть? — спросил Семен ей в спину.

— А почему ты у меня это спрашиваешь? — ответила она, не оборачиваясь. И ушла.

Семен вздохнул. Полчаса назад по радио он объявил, что принимает на себя бремя временно исполняющего обязанности полицейского. Голос знал, что это правильно. А вот Семен — понятия не имел, что правильно, а что нет.

Он сел обратно в машину. Поднял окно. Сорвал с приборной панели фотографию голого себя и сунул в бардачок. Посидел немного, уронив лицо на руль и свесив руки вниз. Колбасило. Не только потому что Агата уйдет, а он останется. А еще и потому что после этого нужно будет что-то делать. То, что положено полицейскому. Прийти с обвинением к Хмурому Питу. Восстановить Совет Пробки. Выяснить, есть ли другие винтовки. Успокоить тех, кто недоволен изменениями. Как-то сделать так, чтобы и радио продолжало вещать в прежнем режиме.

Что конкретно произошло вчера, он выяснил буквально пару часов назад. Загваздин совершил большую ошибку — не посадил в тюрьму Пересмешника. У радио оставался Голос. Его нашел Редактор, они смогли запустить эфир сами, и Пересмешник сообщил всей Пробке, что полицейский посадил Семена — и призвал прийти к полицейской машине и опротестовать это.

Лавочник и Султана действовали независимо и первые сигналы подавали Пешеходы или те у кого они жили, а не все жители Пробки. Редактор заметил, что впредь нужно избегать таких несогласованных действий.

А потом началось самое тяжелое — все смотрели на Семена и ждали, что он скажет. И он им ответил.

Он сказал, что остается. Эта скандирующая толпа, эта внезапная вера в него… он просто не знал, как после всего сказать всем этим людям — “спасибо за помощь, друзья, я пошел”.

Семен вытер слезы. Зато мама будет рада.

* * *

Агата молчала и смотрела в асфальт. Семен мог бы подумать, что она совсем не хочет, чтобы он сейчас находился рядом, если бы не ее узкая ладонь в его руке — он чувствовал ее плотно вцепившиеся в него ноготки.

Перед отбытием Пешеходов он попытался объясниться. Долго говорил, что теперь не может покинуть этих людей, что у него рвется сердце — с одной стороны — она, Агата, лучшее, что случалось с ним в жизни, но с другой стороны — люди, с которыми он всегда прожил рядом и которые теперь смотрят на него с неясной надеждой.

Он опасался, что она обидится. Что попросит не провожать ее. Что замолчит навсегда. Но она только сказала, что понимает — и заплакала. Беззвучно, просто роняя слезы на кожу сиденья. Автоматически он начал гладить ее по волосам, готовый и сам разреветься — и если бы была тонировка на окнах, то он бы так и сделал.

Ты прав, сказала она. Тебе нужно остаться. И я сама виновата, что не остаюсь здесь с тобой. Она вытерла слезы и даже улыбнулась. Ну, вот, сообщила она треснувшим голосом, вторая женщина из Пешеходов тоже тебя бросает.

В итоге они провели последнюю ночь вместе, а утром отправились к границе участка, где оставшаяся часть Пешеходов договорились собраться, чтобы двинуться дальше в путь.

Потихоньку они все стекались в центральный проход — Пешеходы, провожающие и новенькие. Людей становилось больше и больше и уже непонятно было, кто уходит, а кто остается, кажется, что это просто была прогулка. Стало шумно — все говорили, причем веселыми голосами. Пешеходы рады были уходить, а многие из местных — совсем не против, что те уходят.

На границе уже стоял Серж. Люди кучковались вокруг него. Семен стал осматриваться и вдруг заметил еще одного человека, кому уход Пешеходов казался трагедией, а не праздником.

Раиса крепко обнимала дочь, а та, безвольно свесив руки, терпеливо ждала. Семен впервые увидел, как плачет эта женщина. Теперь она оставалась совсем одна — Семен никогда не спрашивал

про отца Полины, он не был настолько близок к семье, но всегда знал, что Раиса растила дочь одна.

Редактор тоже был здесь. Он никого не провожал. Просто наблюдал исход.

— Тебе надо быть осторожнее с ним, — сказала Агата.

— Я знаю, — ответил Семен, — только мы не будем говорить про него сейчас.

Они обнялись, затем Агата неловко отошла на пару шагов. Взяла в руки фотоаппарат. Семен не успел как-то сделать лицо или хотя бы принять подобающую позу — сверкнула вспышка.

— Хочу сохранить этот момент, — сказала Агата, — наверное, худший в моей жизни.

Она показала ему снимок — немного размытый, на груди сверкает подаренный ею кулон. Она спрятала фотографию в сумку.

Семен почувствовал как слезы резанули ему глаза. Он не хотел, чтобы Агата их видела, потому резко притянул ее к себе, обнял и крепко поцеловал. Затем, повинуясь бушующему внутри эмоциональному шторму, прижал ее еще крепче, так, чтобы его губы оказались у ее уха и зашептал:

— Я догоню тебя. Дай мне только время… я наведу тут порядок… они выберут другого полицейского… и я догоню тебя. Найду. Обещаю.

Она мягко, но требовательно отстранилась.

— Не надо, — глядя в сторону сказала она, — не надо давать таких обещаний.

— Уже дал, — твердо сказал он и слегка истеричным жестом вытер слезы.

К ним подошел Серж.

— Я не помешаю? — спросил он. — Буквально на пару слов.

Семен кивнул.

— Я понимаю, что вторгаюсь не в самый подходящий момент, но больше времени, чтобы поговорить с вами, Семен, у меня не будет.

Семен был благодарен за свое имя, а не черствое и безликое “Голос” в свой адрес.

— Я хотел сказать, что был счастлив узнать, что такой человек станет частью нашего движения… но увы, увы. Теперь у вас, как и у меня — куча обязанностей и каждая обязанность — это отдельный живой человек.

О да, подумал Семен. Провались они все к Городу.

— Прощайте, — коротко сказал Серж и наклонил голову.

— Я надеюсь на встречу в будущем, — ответил на это Семен. Серж слегка приподнял брови и кивнул в знак понимания.

— Буду рад видеть вас в наших рядах, — сказал он и отошел в сторону.

— Тебе и правда надо попрощаться с остальными… помимо меня, — сказала Агата. — Не бойся. Я никуда не исчезну до самого конца.

С ним действительно много кто хотел попрощаться — пожать руку, сказать пару слов. Особенно много было новичков из их участка.

Олаф, который, как думал, Семен, уже далеко впереди.

— Уходишь, — просто сказал Семен. — Везет.

— Хорошо, что я не Голос, — согласился тот.

Робко подошла Полина и Безнадежный. Валя. Да, точно, его зовут Валентин. Они держались за руки.

— Удачи на пути, ребят, — сказал им Семен.

Наоборот тоже полезла обниматься, Семен почувствовал острую щетину отрастающих на ее черепе волос на своей щеке.

Они жали руки, прощались, благодарили — Семен не думал, что уходит так много людей с участка.

Султана бросилась удушающе мощно обниматься.

— Оставайся, король Зануд, — кажется она остыла за это время. Видимо, они с Агатой хорошо поговорили, — а я пойду дальше искать свой дом.

— Слушай, — Семен решился спросить, — я думаю, другого случая уже не представится… почему ты сбежала?

— Не лучшая тема для прощания, дружище, — ответила она. — Меня изнасиловали… я работала по мелочи на одной кухне и там был повар — мистер Золотой. Знаешь почему? Потому что у него все зубы были золотые. Я его боялась до жути… и как оказалось не зря. Один раз он застал меня одну… мне было пятнадцать. Я стала дико сопротивляться, он швырнул меня и… я попала на горячую плиту, — она показала татуировки на руках, которые маскировали ожоги. — От боли чуть не потеряла сознание… и уже не могла сопротивляться.

— Город… Султана, я даже не знаю, что сказать.

— Все в порядке, — легко ответила та. — Я еще поквитаюсь с ними. Ведь мы прямо туда и направляемся. Поверь, устрою заварушку

похлеще, чем устроили вы тут.

— Не сомневаюсь, — сказал он. — Только пообещай мне уберечь от этого Агату.

— Не боись, Пешеходов я подставлять не собираюсь.

Семен кивнул.

— Спасибо тебе за все, — сказал он.

Султана улыбнулась и снова обняла его.

— Ладно, — крикнула она, отбегая, — оставляю тебя Агате. Не теряйте времени.

— Боюсь это мне придется уберечь ее от ошибок, — сказала Агата, подходя, — хотя я не верю, что ее можно спасти от самой себя.

Семен молча разглядывал ее лицо, изо всех сил пытаясь быть в этом моменте, чтобы он длился как можно дольше, насытиться им до дна — и знал, что никогда не сможет.

— Ты серьезно? — спросила Агата еще раз. — Про свое обещание?

Семен кивнул.

— Я буду оставлять весточки, — сказала она. Показала на фотоаппарат.

Семен кивнул.

— Люблю тебя, девушка из Эпохи Дорожного ремонта, — сказал он.

Агата улыбнулась.

— Я уже думала и не скажешь. И я тебя люблю, парень из радио.

Вокруг началось движение. Семен поднял глаза. Серж махал руками, обозначая, что Пешеходы трогаются в путь. Агата подняла рюкзак и продела руки в лямки.

— Я буду ужасно скучать, — сказала она.

— Я буду ждать встречи, — произнес Семен.

Они еще раз обнялись. Затем Агата отошла на несколько шагов. Отправила ему воздушный поцелуй. Повернулась — и пошла вслед за остальными. Семен смотрел как она уходит.

Смотрел даже тогда, когда все уходящие слились в общую массу… и даже когда эта масса стала точкой на горизонте. Смотрел.

КОНЕЦ 3 ЧАСТИ

Часть 4. Глава 1-1

1

Редактор настоял провести допрос в Рефрижераторе — чтобы у полицейского бак протек от страха. Семен сидел с одной стороны печатного станка, Редактор с другой. Лаки довольно грубо затолкал полицейского внутрь, тот споткнулся и, кажется, довольно больно приложился подбородком. Когда полицейский все же полностью оказался внутри, Лаки запрыгнул сам и задраил за собой выход.

— Садись, Андрей, — Семен кивнул на стул. В Рефрижераторе было, как обычно, темно, но одна лампа горела — аккурат над допрашиваемым.

Лаки остался стоять позади.

— Вот они, вдвоем, парочкой, — усевшись протянул полицейский, — спелись.

— Я надеюсь на очень короткий, быстрый разговор по делу, — сказал Семен, — без сцен и выкрутасов. Это ты можешь нам обещать?

Загваздин посмотрел наверх, на лампочку, медленно огляделся.

— Без сцен, — пробормотал он, — а что сами тогда за шоу устроили? Поговорили бы в бобике.

— Ты туда не вернешься, — сказал Семен и только произнеся понял, как угрожающе это звучит. Загваздин тут же перестал оглядываться и внимательно посмотрел на него.

— Я тебя, Голос, не узнаю, — сказал он.

— Давайте к делу, — вступил Редактор, — так можно бесконечно расшаркиваться.

— Вам же все рассказали, судя по радио, чего вы от меня хотите?

— О, сегодня мы не будем говорить о твоих махинациях или об Артеме, — заявил Редактор, — сегодня мы поговорим об оружии.

— Что за оружие? — Загваздин перевел взгляд на Семена. — Тебя научить пользоваться пистолетом?

— Про винтовки, которые ты купил у Короля Бензоколонки, — главное не дать начать ему рассусоливать, думал Семен. Что-что, а бессмысленно растекаться и говорить о чем угодно, только не о том, что надо, Загваздин умел профессионально.

Загваздин усмехнулся.

— Забавная фантазия, — сказал он. — Если бы вы хоть немного разбирались в том, что происходит в Пробке, вы бы знали, что у Короля нельзя что-то купить. У него бензина столько, что вся Пробка может на нем до Города доехать и еще останется.

— Кто-то говорит про покупку за бензин? — в голосе Редактора слышались не очень приятные эмоциональные нотки.

— Ты продал участок Королю, — спокойно сказал Семен, — за сраную гарантию, что твоя жопа будет сидеть в бобике вечно. Настолько хорошо понимал, что тебя скинут, что собирался вокруг забор из винтовок построить?

— Так-так, — Загвазин покивал. — очень интересно.

— Но твои ребята облажались. Гросс защитил Шашлычную, а мы успели раскрыть заговор до того, как ты продал радио и… это место.

— Предположим, — протянул Загваздин, — так все и было. Но причем тут я? Допустим кто-то наобещал чего-то, что не сможет выполнить, облажался, наверняка расстроил Короля, но я-то тут причем? Почему ты говоришь “мои люди”?

— Люди Хмурого Пита — твои люди, — бросил Редактор, — ну или как посмотреть. Скорее, ты — человек Пита.

— Может быть, посадишь сюда Пита и спросишь у него сам? — огрызнулся полицейский. Ему явно не понравились слова Влада — а значит в них наверняка было зерно истины. Кроме того Семен понял, что бывший полицейский таким способом хочет вытянуть информацию — пойман ли сам Хмурый Пит. Семен хотел уже быстро перебить Редактора, чтобы он чего не ляпнул, но тот кажется и сам понял уловку.

— Спрошу, конечно, — согласился он, — но отдельно от тебя. Очень интересно послушать разные версии.

— Отпираться нет смысла, Андрей, — сообщил Семен и поднял руку с диктофоном, чтобы Загваздин подробно его разглядел.

— У нас есть запись разговора Пита с некто Ковачем, где они довольно подробно обговаривают тот факт, что основной заказчик — это ты.

— Блеф, — бросил бывший полицейский, но Семен уловил нотки замешательства. Он снова поднял руку с диктофоном и нажал на плей.

Искаженные маленьким динамиком голоса Пита и рыжего гулко заполнили металлический короб Рефрижератора. Семен дал Загваздину послушать какое-то время, затем выключил запись.

— Это могут быть фантазии этого твоего Ковача, — ответил Загваздин сразу же, однако невозмутимости в его голосе уже как ни бывало, — на которой просто играет Хмурый Пит.

— Конечно, очень ему надо играть на таких фантазиях, — усмехнулся Редактор, — которые могут сорвать хорошую сделку. Не отпирайся, у нас еще много чего есть. Некая Лена Юспешик тебе знакома?

Загваздин молчал.

— Нет смысла отпираться, — коротко подытожил Семен. — просто скажи, где схроны с оружием.

Загваздин молчал. Лаки позади него, устав, видимо, просто стоять, потянулся, хрустя суставами. Андрей слегка повернулся, как бы прислушиваясь к этому хрусту. Наверняка у него были свои идеи, зачем позади него стоит человек, который явно хочет свести личные счеты.

— Вы такие наивные, — произнес бывший полицейский негромко, — строите из себя непонятно что. Даже если я и участвовал в этих сделках — я понятия не имею, где схрон и существует ли он вообще. До меня не дошло ничего. Допрашивайте Пита. Но, я подозреваю, что и до него ничего не дошло. Король явно отозвал сделку. Вы же сами сказали — его люди облажались.

Лаки позади него выразительно хмыкнул. Отошел в угол, поднял ружье, щелкнул затвором. Вылетевшая пуля гулко ударилась о металлический пол, отскочила несколько раз, шумно прокатилась и остановилась в поле зрения бывшего полицейского.

— Это мы отобрали у Низкого, когда меня вытаскивали из бобика, — сказал Семен. — Испокон веков у тебя не было оружия для твоих помощников, только для охраны Банка. И тут вдруг целая винтовка.

Загваздин обернулся и посмотрел на Лаки с винтовкой в руках.

— Спросите у Низкого, — сказал он. Помимо невозмутимости из голоса выветрилась и всякая уверенность. Еще немного и появятся нотки страха.

— А если уже спросили? — сладко проговорил Редактор. — М? А если уже спросили, что тогда?

— И что он сказал? — Загваздин не купился. Конечно, Эдика еще не допрашивали, он ждет своей очереди.

— Что получил ее лично из твоих рук, — сблефовал Влад.

— Тогда спросите у него это еще раз, потому что он врет.

— Или ты врешь, — продолжал напирать Редактор. — И мне неважно, выразился ли он прямо или фигурально. По факту так и есть — ты вручил ему винтовку. Посредством кого-то, лично, Пит передал — неважно.

Семен кивнул.

— Так или иначе — одно ружье здесь, на участке. Значит, другие тоже здесь или рядом. Мы их найдем, не переживай. Но было бы очень приятно услышать, где они — от тебя.

— Ничерта вы не знаете, — отмахнулся Загваздин, — просто бравируете тут. Наверняка даже Эдика у вас в лапах нет…

— Винтовка есть, а его самого нет, ага, — заметил Лаки.

— Да мне откуда знать, откуда у вас винтовка. Может твой начальничек вам ее нашел, а вы теперь представляете это как неоспоримое доказательство, — это все Андрей высказал, повернувшись к Лаки.

— Смотри сюда, — предостерег Семен, — у нее довольно тяжелый приклад. Это, кстати, Эдик рассказал. У него был опыт.

— Думаешь, вот так ты станешь хорошим полицейским? — Загваздин вдруг наклонился в сторону Семена, даже жопу от стула оторвал, но Лаки тут же усадил его обратно, положив руку на плечо. — Это его методы, — Андрей мотнул головой в сторону Редактора, — запугивание, избиение, пытки… хочешь на таком строить свое наивное прекрасное будущее?

— Избиения, — с презрением произнес Лаки, — это ты про нас, ага.

Загваздин не удостоил его ответом.

— Мне без разницы, что ты думаешь, — ответил Голос на это, хотя, конечно, Андрей попал в точку, то, что сейчас происходило Семену совсем не нравилось. — Меня интересует только одно — где, Город бы его побрал, оружие. Выбирай, либо ты сейчас это говоришь, либо я отсюда выхожу, и ты остаешься вот с ними двумя.

Это был крайний уровень запугивания, на который он согласился. Семен надеялся, что к этому моменту Загваздин будет цепенеть от

страха и потеть литрами. Но, к сожалению, он довольно хорошо держался, хоть и эмоции им правили в большей степени, чем разум.

— Я не имею ни малейшего представления об этом, я уже сказал, — продолжал стоять на своем Загваздин, — хочешь знать про схрон — иди к Питу, найди Ковача, дойди до самого Короля. Я не в курсе.

— Откуда винтовка? В конце концов, не надо держать нас за идиотов. Эдик меня охранял с ней в руках, когда ты мне сраные нотации через решетку читал.

Редактор вдруг встал и подошел к Загваздину вплотную, глядя на него сверху вниз.

— Я себе так много раз представлял сцену, как ты наконец-то предстанешь во всей своей красе, — произнес Влад, сняв вдруг очки. Он достал платок и стал протирать стекла. Давай только без сцен и рукоприкладства, взмолился Семен про себя. Мы договаривались.

— В моих фантазиях ты сидел на этом стуле, но не здесь. А на краю Обочины, а моя рука наклоняла спинку в сторону Немира… такое вот развлечение забавное. В принципе, почему бы не воплотить это в реальность.

Влад помолчал, тщательно протирая очки, так сильно сжимая пальцы, что Семен подумал, как бы такая дорогая штука не хрустнула и раскололась под давлением.

— Но ты нас не боишься. Когда ты говоришь Семену, мол, это все Редактор, он такой злой, такой же как отец, его способ вести дела — это пытки, бла-бла-бла… Ты сам этому не веришь. Потому и не боишься. И правильно. Мы — не ты. И уж тем более не Хмурый Пит.

Влад наклонился, чтобы взглянуть прямо в глаза Загваздину.

— Но я-то вижу тебя насквозь, черная ты душонка. Страх проел тебя насквозь. Уже давно. Конечно, ты не хочешь говорить, где схрон, потому что ОН сделает с тобой то, что по твоему мнению, делал бы я. И он сделает, да, я уверен. Такой уж Пит человек.

Влад выпрямился и надел очки.

— Только в нашей власти, — надменно произнес он, — вернуть тебя в бобик… или отвести и кинуть в клетку к нему.

Редактор повернулся на каблуках и вернулся к своему стулу. Семен выдохнул, надеясь, что никто этого не услышал. Он уже по-настоящему начал переживать, что Редактор выйдет из себя и применит силу.

Впечатление это произвело. Бывший полицейский как будто просчитывал в голове варианты. Он четко понимал, что Влад мог и блефовать — неважно, задержан Пит или нет. Но если ставка на блеф не сработает, то последствия будут малоприятными.

— Если я вам ничего не скажу, то ничего он мне сделает, — наконец выдохнул он.

— Если решит тебе поверить, то разумеется, — спокойно ответил Редактор. Он сидел как ни в чем ни бывало, нога на ногу, пальцы рук сложно сплетены на колене.

Загваздин думал. Лаки показал глазами в том смысле. что может сделать что-нибудь, но Семен остановил его жестом.

Бывший полицейский разлепил губы.

— У меня есть одно условие, — сказал он.

— Не самое лучшее положение, чтобы их ставить, — заметил Редактор.

— И все же, — полицейский сглотнул.

— Попробуй, — разрешил Семен.

— Винтовки не будут уничтожены, — произнес Андрей, — вы их не выкинете за Обочину, не сожжете, не сломаете… а оставите на страже Пробки… как я и хотел.

— И от чего же, по-твоему, нам нужно защититься? — с иронией спросил Редактор.

— От Короля Бензоколонки.

Семен удивился. Он ожидал, что Загваздин задвинет про свой привычный бред про Антимир или угрозу из Немира.

— Если он решит прийти и взять свое, то участок должен быть готов. А он придет. Вы не знаете, что это за человек.

Семен и Редактор переглянулись.

— Наверняка не лучше чем ты, — сказал Голос, — но хорошо. Приняли к сведению. Ружья оставим. Пока что. Если честно, я хотел их уничтожить сразу же.

— Так и где они? — задал Редактор главный вопрос.

— На складе “Железяк”, — сглотнув ответил Загваздин.

Лаки закатил глаза.

— Мы их сверху донизу обыскали. — сказал он. — Хватит заливать.

— Не в фуре, — произнес полицейский, — а в кабине. Спрятаны под спальным местом.

Интересно. Семен посмотрел на Лаки и кивнул. Следовало действовать стремительно.

— Хорошо, — Редактор встал, — хотел бы я сказать тебе спасибо, но не скажу. Могли обойтись и без этого глупого сопротивления, сэкономили бы кучу времени.

— Отведем тебя назад, — сказал Семен и поднялся тоже.

Они вышли из Рефрижератора все вчетвером, Редактор отдал ключи Бриджит. Отправились в сторону бобика.

— Ты еще нам все расскажешь, — нарочито громко заявил Семен, обращаясь к Андрею, — это лишь начало. Еще не раз познакомишься с Рефрижератором.

— Отвянь, — хмуро отозвался полицейский. Ему такая игра не понравилась. Семен настаивать не стал, поэтому дальше шли молча. Через несколько машин Лаки сказал:

— Пришли.

Загваздин побелел и теперь мгновенно вспотел, крупные капли повисли на лбу.

— Это не внедорожник, — прошептал он.

Они стояли у длинной, блестящей на солнце фуры с ребристыми боками.

— О да, — сказал Редактор, отпирая задний борт, — совсем не твой бобик, к которому ты привык.

Двери со скрипом распахнулись, изнутри повеяло прохладой.

— Полезай, — приказал Лаки.

— Он там?..

— Лезь!

Лаки грубо схватил Загваздина и “помог” ему оказаться внутри. Затем запрыгнул следом. Семен, кряхтя полез тоже. Редактор просто подошел к краю и сложил на него руки.

В фуре, конечно же, было пусто.

— Сегодня тебе повезло, — сказал Лаки.

— Как сказать, — весело добавил Редактор, — она вообще не прогревается, даже на палящем солнце.

Семен признал, что внутри довольно зябко. Он бы не хотел провести тут ночь. Для Загваздина правда подготовили матрас и

одеяло в дальнем конце фуры, но вряд ли его это спасет от холода.

— Что это? — спросил бывший полицейский. В голосе все еще слышалась паника. Он реально поверил в историю с Хмурым Питом и подумал, что его приволокли к нему. Редактор, наверное, неделю будет этому радоваться.

— Рефрижератор, — просто сказал Семен и прошелся вглубь. — Только функционирующий по прямому назначению.

— Здесь хранилился скоропорт, — пояснил Редактор, — я сдавал его в аренду участку. Угадай, что случилось.

— Он кончился, — ответил за Андрея Семен, — все съели. Этот пустой холодный контейнер — памятник твоему эффективному правлению. Наслаждайся.

Они с Лаки спрыгнули вниз и Редактор принялся закрывать борт. Загваздин сидел внутри, бессильно свесив руки, его глаза наблюдали за сужающейся полоской света.

Когда Влад закрыл замок, Лаки вполголоса заметил:

— Двое. Один в машине в крайнем ряду, на заднем сидении. Второго мы миновали, когда ты, Голос, решил разыграть свою театральщину.

Они пошли прочь от новой клетки Загваздина.

— Питу будет полезно узнать то, что они ему расскажут, — заметил Редактор. — Пусть наблюдают.

— Переловить бы всех, — мечтательно заметил Лаки.

— И что ты им предъявишь? — спросил Редактор. — Они не Загваздин…

Лаки помахал кому-то рукой. К нему подбежала девочка-подросток, лет пятнадцати. Пошла впереди них, но несколько поодаль.

— “Железяки”, — сказал Лаки, — смотрите в оба, пока мы туда не придем.

Девочка ничего не ответила, просто ускорилась.

— Надо собрать как можно больше ребят и рассовать вокруг фуры, пока мы будем там копаться, — заметил Редактор, — это может быть какая-нибудь ловушка от Пита.

— Думаешь, Загваздин нас надул? — спросил Семен. — Тогда он очень хороший актер.

— Загваздин, на удивление, вряд ли врал. А вот Пит ему…

Семен кивнул, принимая к сведению. Что ж, видимо, пора привыкать к постоянной опасности.

* * *

Лаки остался в своей машине вместе с винтовкой — если что, он сможет либо быстро выскочить, либо стрелять из окна, склад магазина был в пределах прямой видимости.

Люди же Лавочника и Редактора просто прохаживались вокруг или сидели в других авто. В кабине сидел кладовщик “Железяк” — Данила Федоров, Семен его знал, это был приятель его отца. С ним проблем не должно было быть.

— Я пойду один сначала, — сказал Семен Редактору. — Как полицейский. Я помашу рукой, как можно будет подходить.

— Согласен, — ответил Редактор, — я же не твой помощник, будет странно. Кстати, ты бы себе назначил кого-нибудь.

— Я не знаю кого, — ответил Семен.

— Лаки прекрасный кандидат. Он уже по факту выполняет все функции.

По факту Редактор был прав, но Семен решил ничего не отвечать и просто пошел к складу. Еще на подходе помахал Даниле и запрыгнул на подножку.

— Здравствуйте, — сказал он. — Хороший денек.

— Привет, Голос… то есть, здравствуйте, господин полицейский, — несколько напряженно ответил кладовщик.

— Ох, нет, давайте без господинов, — предложил Семен.

— Хорошо. Непривычно как-то.

— Мне тоже, — доверительно сообщил Голос. — Все никак не освоюсь. А дел уже невпроворот.

— Понимаю, — покивал Данила, — поди полный багажник проблем достался от предыдущего-то.

— Не то слово, — подтвердил Семен. — Я здесь по какому делу — надо снова осмотреть склад.

— Так уже все смотрели ваши люди… или чьи они были.

— Мои-мои, — несколько сконфуженно подтвердил Семен. Все-таки ему действительно следовало оформить Лаки официально. — Только они осмотрели фуру. А я, с вашего позволения, хотел бы в кабину взглянуть.

— Да что в ней, в кабине, может быть-то, — ошеломленно произнес кладовщик, — тут точно никто не прячется.

— Да вы не переживайте, я вам верю. Просто и без вашего ведома сюда могли что-то спрятать.

— Вы все Глушакова ищете… вот найдете вы его — я работу наверняка потеряю, да?

— “Железяки” никуда не денутся, обещаю, — заверил Семен. Он спрыгнул с подножки, чтобы выпустить кладовщика. Дверь с щелчком открылась и тот медленно и тяжело полез вниз.

— Я быстро, — пообещал Семен, — если все будет в порядке.

Он забрался в кабину, захлопнул дверь, уперся коленками водительское сиденье и стал осматривать лежанку. Отыскал петлю, которая ее поднимала, потянул и посмотрел внутрь.

Да, тут могло бы поместиться довольно много винтовок и еще чего-нибудь. Но, к сожалению, ничего там не было, кроме свернутых постельных принадлежностей. Семен опустил крышу, развернулся и разочарованно махнул рукой. Редактор тенью отделился от других машин, кивнул кладовщику и полез наверх.

Семен подвинулся.

— Ничего, — сказал он.

Редактор заметно напрягся.

— Город побери, — выдохнул он, положил руки на руль, а на них голову. — Я посмел понадеяться, что вот еще немного, и мы в относительной безопасности.

— Может под сиденьями? — спросил Семен.

— Надо позвать Лаки, пусть здесь каждый миллиметр разнюхает, — сказал Редактор. — Но это чисто на всякий случай. Понятно, что оружия здесь нет.

— Либо Андрей все же обвел нас…

— Либо Хмурый Пит каким-то образом успел все вынести, — продолжил Редактор, — и тогда у нас проблемы.

— Он мог, — подтвердил Семен, — никто не держал “Железяки” под присмотром круглосуточно.

— Нужно будет снова допросить Загваздина. Вызнать у него сколько тут было винтовок. Или чего-то еще. Надо хотя бы знать, с чем имеем дело.

— И надеятся, что это был единственный схрон.

— Король не отдал бы Загваздину целый арсенал, — возразил Редактор, — но даже того, что поместится здесь хватит, чтобы вооружить с десяток дружинников.

Семен не очень понимал, зачем Хмурому Питу идти на вооруженный конфликт. Какой смысл отбивать участок, наверняка растеряв последние очки поддержки у самих жителей.

— Может, ничего и не будет… Может, он… пойдет себе отвоевывать кусок Антимира или типа того. Не вижу смысла, зачем бы ему возвращаться сюда.

— Ну, у него тут часть бизнеса, как минимум. Мы сейчас в нем сидим, — сказал Редактор, — к тому же Пит не из тех, кто действует чисто из рациональных побуждений. Он может вернутся чисто, чтобы поквитаться с нами.

— Но зачем?

— Потому что сейчас он проиграл. И поверь мне, ему очень некомфортно в положении проигравшего.

Ч4. Глава 1-2

2

Лаки заглянул в автобус Совета аккурат, когда Сашка, кряхтя, лазил под столом заседаний, прокидывая провода и то и дело крича Пересмешнику “хватай и тяни!” или “подай темно-желтый провод теперь! Не этот! Который через форточку закинут!”

Пышущий энтузиазмом радиотехник устанавливал в Совете микрофоны, чтобы заседания могли стать по-настоящему публичными.

Семен кивнул на немой вопрос Лаки, наклонился к Сашке и спросил:

— Справитесь тут? Мне нужно идти.

— Что за вопрос, — тяжело дыша и отозвался Сашка, — сделаем все в лучшем виде. Мешаешь только.

Лаки ждал снаружи автобуса.

— Нашли его? — спросил он, спрыгивая с подножки.

— Нет. Машина закрыта, я поставил ее под наблюдение. Ситуация нездоровая — вокруг околачиваются бывшие дружинники. Пит явно им хорошо платит, и они не хотят возвращаться на свой голодный участок. В любой момент могут выкинуть что угодно.

— Где он может скрываться?

— Где угодно, — пожал плечами Лаки. — У Короля под боком. В Антимире. У тебя за спиной.

Семен подавил желание обернуться.

— То есть мы ничего не знаем? Вы же умеете искать, Лавочник хвалится каждый день про это.

— Хмурый Пит — не самая простая фигура, — возразил Лаки. — Я знаю, ты думаешь, что он тупой амбал — но это большая ошибка. Ты недооцениваешь врага.

— Ладно-ладно. А что Юля?

— Ведет себя как ни в чем ни бывало. Работает. Здесь я согласен с Владом — ее надо арестовать и изъять пистолет.

— А с остальными охранниками что делать? Кто знает, что она им наплела. Наверняка, они лояльны ей и только ей.

— Если она сдаст пушку, они тоже сразу сбавят газу.

— А если она не сдаст? И направит ее мне в лоб?

— Достань свою пушку. Заранее.

Семен покачал головой. Я окружил себя не теми людьми, подумал он. Опасными и ненадежными, которые видят силовой путь развития.

— Я не буду размахивать пистолетом, — твердо ответил он.

— Тогда не удивляйся, когда она скажет тебе, что в цистерне теперь ее бензин.

Семен был уверен, что Юля так не поступит. Она не Хмурый Пит, у нее есть понятие чести — свое, извращенное тяжелым детством, но есть.

— Просто сообщи мне, как только найдете Пита, хорошо? — сказал Семен и отправился к полицейской машине.

Голос достал ключи от бобика из кармана, случайно зацепился ими о кобуру. Пистолет оттягивал пояс и внушал страх — страх, что придется когда-нибудь его достать. У полицейского должна быть сбруя, которая позволяет носить кобуру подмышкой, Семен не раз видел Загваздина в ней — нужно будет поискать. Он открыл дверь и сел внутрь.

Некоторое время не делал ничего, собираясь с мыслями. Он не носил полицейскую форму, как это делал Загваздин, хотя Исидор предложил изготовить ее по размеру. Фуражка и жезл валялись на приборной панели, собирая пыль. Тоже символика, которую хотелось выключить, как мигалку.

Затем Семен сделал то, зачем пришел — снял микрофон рации с рычага.

— Участок номер шесть вызывает Участок номер семь, — произнес он зажав кнопку.

Шипение. Гросса могло не быть на месте, но нужно было хотя бы попробовать, пока есть время. Память говорила ему, что он идиот и совершает ошибку. Но интуиция наоборот подталкивала вперед.

— Участок на связи, здравствуйте, — ответил женский голос.

— Прошу прощения, кто говорит?

Шипение. В его белом шуме Семен расслышал оттенки удивления.

— Кхм… Ольга. Секретарь Адама Гросса. Вы не Андрей Загваздин.

— Так и есть, — Семен сглотнул, — меня зовут Семен Дергачев. Голос Пробки.

Снова пауза.

— Могу я поговорить с Гроссом? Это срочно, — не дождавшись ответа спросил Семен.

— Андрей Загваздин в порядке?

— Он здоров, если вы об этом. Но прямо сейчас не исполняет обязанности полицейского.

Пауза.

— Подождите.

Семен откинулся на спинку и закрыл глаза. В темноте под веками замелькали ноги — он идет по асфальту вперед и рядом Агата и ее рука в его руке…

Зашипела рация. Раздался голос Гросса. Семен жадно сорвал микрофон с рычага.

— Неожиданно слышать вас, Голос. Обычно я слышу вас из прибора чуть ниже рации.

— Именно поэтому мне нужна ваша помощь.

— Что случилось?

— Андрей Загваздин больше не отвечает за наш участок. Сейчас он в тюрьме.

— Так. Я знаю, что у вас были какие-то волнения… И видимо мне донесли ошибочные данные. Мне сказали вы прогнали Пешеходов.

— Нет, — удивительно, как легко искажается информация, — Пешеходы ушли по своей воле. И с ними много жителей участка.

— И моего тоже, — добавил Гросс.

— Но перед этим случился переворот. После того, как я рассказал о коррупции по радио, Загваздина сместили.

— Что ж, — шипение. — Опять же я слышал другое, я слышал, что вас посадили, Голос.

— Меня и посадили, — согласился Семен, — но ненадолго.

— Кто теперь полицейский?

— Я.

Шипение. На этот раз очень долгое.

— Я вас понял, — вообще никаких эмоций не прорвалось через помехи радиосигнала.

— Об этом был эфир. Но на да не важно, — Семен не привык, что на других участках люди не слушают его круглосуточно

— Что думают по этому поводу жители? Про вас.

— Я не знаю, — честно ответил Семен, — конечно же, многие из них орали, радовались и скандировали, когда это произошло. Но я не знаю, что происходит на самом деле. И… и я не знаю, как это — быть полицейским. Мне нужна помощь.

— Вы предлагаете мне вмешаться?

— Да… если… если, конечно, есть такая возможность.

Шипение.

— У меня есть такая возможность, — прозвучало даже угрожающе, но опять же, невозможно было угадать реальные эмоции.

Шипение.

— Вы кое-что должны понимать, Голос. Если вы примете мою помощь, если временно, даже совсем на короткий срок, я возьму ваш участок под контроль — вы перестанете быть их кумиром. Вам уже никто не будет скандировать.

— Они посчитают это оккупацией.

— Именно так. Они подумают, что это был ваш изначальный план. Наш с вами план.

Семен поднял глаза и сквозь пыльное лобовое стекло бобика посмотрел вперед. Люди шли по своим делам. Остывшие корпуса машин блестели в свете пасмурного дня.

Бывший дружинник Пита не скрываясь наблюдал за ним, сидя на багажнике легковушки через два ряда. Наверняка где-то был такой же человек Лаки.

— То есть вы не поможете?

— Нет. Во всяком случае не сейчас. Мне жаль.

Шипение. Семен уже хотел прервать связь

— Да, Голос! В любом случае желаю вам удачи. И если что, я всегда на связи. Дайте знать, если ситуация выйдет из-под вашего контроля. Конец связи.

Ч4. Глава 1-3

3

Состав нового Совета Пробки потихоньку складывался. Разумеется там оставались Исидор, Раиса и Редактор. К ним присоединялся Лавочник — для Семена он казался добрым вариантом Хмурого Пита. Можно было оставить и так, но Голосу всегда казалось, что этого недостаточно. Загваздину было удобно — всего одна заноза в заднице в виде Редактора, а остальной Совет очень даже сговорчивый.

Нужно было больше людей. И они должны быть другими. Отличаться от тех, кто уже там сидит.

За первой кандидатурой далеко идти не пришлось — всего-то обойти зеленый бок общежития и подняться внутрь по ступенькам. Они с Пылью договорились встретиться пораньше, так что автобус наполнял предутренний храп. Впрочем, спали не все — клевал носом дежурный “на руле”, который в случае Продвижения принял бы на себя роль водителя, кто-то сворачивал свое постельной белье, какой-то мальчуган, чистивший зубы, весело помахал Голосу, тот махнул в ответ.

Водитель сонно посмотрел на Семена, кивнул в знак приветствия и крикнул в салон:

— Ааань! Голос пришел.

Пыль появилась из-за ширмы. Она уже была готова — серый, очень колючий на вид свитер, руки спрятаны в рукава. Утро действительно выдалось прохладным.

— Секунду! — сказала она, исчезла за ширмой и появилась почти сразу. Наверное, она была единственным человеком во всей Пробке, которая соблюдает заявленное вслух время.

Они вышли и направились вглубь Пробки, в сторону полицейского внедорожника.

— Ты, конечно, стал полицейским, Голос, и все такое, но я все же хотела бы знать, куда мы идем, — сказала Пыль.

— Увидишь, — улыбнулся Семен.

— Я под арестом?

Голос оглянулся в непонимании, но тут же расслабился — Пыль шутила, по лицу было видно. Ей неплохо было бы поработать над интонацией.

— Как тебе в новой роли? — спросила она.

— Как в одежде, которая больше, чем нужно на пару размеров, — честно ответил Семен.

— Могу представить.

— И ладно бы я сам решил ее примерить…

— А ты не сам? — спросила Пыль. — Я думала, весь ваш переворот и был направлен на… вот на это.

Семен покачал головой.

— Переворот — да. Мы хотели низложения Загваздина. Но то, что все вдруг захотели видеть полицейским меня… это было неожиданностью.

— Почему-то мне это виделось очень логичным развитием событий, — сказала Пыль. — Что же ты будешь делать?

— Хочу успокоить ситуацию, чтобы жизнь вошла в прежнее русло. Не допустить кризиса, — Семен понятия не имел как это сделать, но надеялся, что этого нельзя считать по голосу. — А затем назначить выборы и пусть выдвигаются те, кто действительно хочет и может быть полицейским.

— Ты не будешь продолжать?

— Нет, — Семен покачал головой. — У меня вообще были другие планы. Если бы не все это, то меня бы здесь уже не было.

— А, — ему показалось или это было разочарование? — ты хотел уйти с Пешеходами.

— Да.

Дальше они шли молча. Неподалеку от бобика был старенький, выкрашенный темно-синей краской фургон с красной полосой по всей длине. Раньше Семен думал, что это старая модель полицейского внедорожника, который теперь служит Исидору и его службам чем-то вроде кладовки. Но он ошибался.

— Мы пришли, — сказал Семен, доставая ключи.

— Что это? — спросила Аня подошла к машине и мазнула по нему пальцем, сняв порядочно пыли.

— Это архив участка, — просто сказал Семен. — Ключи есть только у полицейского и у главы Банка. Я помню, ты просила меня

поговорить с Андреем, чтобы он дал тебе сюда доступ…

Глаза у Пыли округлились.

— Ты позволишь мне посмотреть? — спросила она с изумлением.

Семен засмеялся.

— Нет, — сказал он и протянул ей ключи. — Я отдаю свой экземпляр ключей тебе. И, как полицейский, учреждаю новую должность — Главу Архива.

Пыль потянулась к ключам, но Семен слегка отвел руку.

— Ты, конечно, можешь отказаться. Это, как ты понимаешь, предложение работы. Документы можем подписать позже…

— Вот и подпишем позже, — сказала Пыль и схватила ключи. Подошла к задним дверям фургона и вставила ключ в замок.

— Пока ты не открыла, — заметил Семен, — хочу сказать две вещи.

Спина в сером свитере застыла в ожидании.

— Первая — советую задержать дыхание. Там наверняка скопилось много пыли…

— С пылью я давно научилась справляться.

Эта шутка удалась ей больше.

— И вторая вещь — должность Главы Архива предполагает членство в Совете Пробки.

Пыль молчала некоторое время. Затем ключ повернулся в замке.

— Просто скажи, когда приступать, — сказала она.

Это было легко, с толикой удивления, подумал Семен. От Пыли он ожидал больше сопротивления. Она не выглядела человеком, который хотел бы участвовать в Совете.

Дверь открылась, новоиспеченная советница закрылась рукавом и отвернула голову.

— Не столько пыльно, сколько затхло, — сообщила она сдавленным голосом. Затем заглянула внутрь.

Внутри было полно архивных папок, туго набитых бумагой — все отчеты, всех полицейских за долгие-долгие годы существования института полицейских в этой части Пробки. Для самой Пыли наверняка целое сокровище. И Семен надеялся, что она найдет там сокровище и для него — и для всей Пробки. Может быть им сейчас как никогда нужна мудрость поколений полицейских, что когда-то управляли этим участком.

— Не забудь, что во время Продвижения перегонять эту колымагу — тоже твоя задача, — заметил Семен.

— А раньше это кто делал? — Аня аккуратно вынула одну из папок, раскрыла, дунула — море пылинок закружились и заискрились под солнечными лучами.

— Низкий поди, — Семен пожал плечами. — Слушай, я очень рад, что ты согласилась.

— Смеешься? — Пыль оглянулась на него, ее глаза сияли. — Да я счастлива! Это лучший подарок в моей жизни. Спасибо тебе. Правда.

* * *

Пожарные шланги были раскатаны вдоль рядов — Семен не раз видел эту картину, так как перемотка рукавов проходила минимум раз в год. В детстве они казались ему бесконечно длинными — он бегал вдоль них, пока Третьяк с отцом придирчиво изучали шланги на износ.

К чему-чему, а к возможным пожарам в Пробке относились серьезно. К старому Геннадию Третьяку все относились с огромным уважением.

— Что мне делать в этом новом Совете? — спросил он Семена, сидя на корточках над участком рукава. Голос сидел рядом в той же позе. Колени ныли — это уже двадцатый раз как они присаживаются над гипотетическим изломом или признаком перетирания.

— Высказывать мнение по большей части, — ответил Семен. — Голосовать по важным вопросам. Все то же, что и раньше.

— Раньше, — пробормотал старый пожарный, поддел ладонью рукав и поднес его ближе к глазам. — Что ж, заседали мы тогда, разговаривали, принимали решения… и что-то ничерта это не помогло, а? Как только изо рта достали жирный свиной кусок — так сразу разброд и шатание.

Он выпустил шланг, поднялся. Пошел дальше, заложив руки за спину и опустив внимательные глаза вниз.

— Я могу заметить мельчайшие изъяны в этом рукаве. Они почти не видны и мало влияют на его эффективность. Но если пропустить дефект — он будет расти, увеличиваться… и когда придет время пустить воду — рукав протечет, и мы не сможем потушить пожар. Сдается мне с Пробкой все абсолютно также. Когда-то давно мы, старики, прошляпили важные дефекты — были заняты войной,

дележом, Город знает еще какой ерундой. И теперь устои Дороги дали течь.

Кажется, он все же прошел эту точку. Просто поверил в то, что однажды он и другие все просрали и теперь просто готов сидеть и смотреть, как все однажды сгорит.

— Зачем я тебе? — спросил Третьяк, остановившись и посмотрев на Семена уставшими глазами. — Вряд ли я буду на Совете полезнее мебели. Исидор просиживает там жопу миллион Продвижений. Такая же бесполезная старая рухлядь как я. И? Много тебе от него пользы?

— Он знает нужды Пробки лучше любого из нас, — возразил Семен.

— Уверен? Я вот знаю, сколько таких рукавов нужно соединить, чтобы потушить Банк в случае чего. Я знаю, сколько воды мы сливаем за Обочину вместе с нашим дерьмом из общественных туалетов. Только и всего. Совету же совсем другое дерьмо надо разгрести.

Они снова пошли дальше. Семен с одной стороны лихорадочно подбирал слова, а с другой прикидывал замену. Возможно, этот разочарованный в жизни старик прав, и он не нужен Пробке?

— Мне требуется опытный человек, — сказал, наконец, Семен, — людей, жаждущих тут все поменять, в Совете теперь и так достаточно. Мне нужен тот, кто сможет нас урезонивать время от времени.

— Нужна колымага, которая не позволит молодым лошадкам превысить скорость, — сказал Третьяк, покряхтел и присел на корточки снова. Семен последовал за ним. Он не видел на рукаве никаких проблем.

— Знаешь, что мне кажется, Сема? Мне кажется, что ты боишься тех людей, которых собрал вокруг себя. Тебе нужен я, чтобы было за что цепляться. Чтобы я тушил пожары, потому что ты сам жутко боишься того огня, который займется от смеси, которой ты решил взорвать старые порядки.

Если бы это я решил, печально подумал Семен. Но Третьяк его разгадал, конечно же. Ему нужен “взрослый”, который в случае чего все разрулит.

— Ты не хочешь быть полицейским, — констатировал Третьяк.

— Не особо, — признался Голос.

— Зачем тогда? Ушел бы с той девушкой.

— По-вашему, надо было просто проигнорировать людей?

— Потому я и не хочу в Совет — я не знаю ответов на такие вопросы.

— И не хотите ничего изменить. Очень удобная позиция.

— Потому что я старик, — развел руками Третьяк. Остановился — они дошли до конца рукава. — Это единственная позиция, которая мне доступна.

— Вы исправляете дефекты или наслаждаетесь ими? — спросил Семен. — Город побери, все что я хочу — это раскатать также всю Пробку, как вы этот сраный шланг. Найти изъяны и поставить заплатки. Предотвратить течь. Это ваша работа, не так ли? Так почему вы вместо этого сидите и с предвкушением ждете, когда из прорехи потечет вода?

Третьяк усмехнулся, глядя на тусклый металл соединительной головки рукава.

— Зачем чинить течь, если над рукавом уже занесена рука с острым шилом? — спросил он.

— Потому что можно включить воду и сбить негодяя с ног, — ответил Голос.

Ч4. Глава 2-1

1

— Что это? — спросил Лаки, взяв протянутый конверт. Снаружи было уже темно, но в бобике горел желтоватый свет от слабой лампочки.

— Официальный оффер, — ответил Семен. — Я предлагаю стать тебе моим первым помощником. Нужна только твоя подпись. В целом все останется как есть, но теперь ты будешь мне помогать не потому что тебе платят Лавочник или Редактор, а потому что платит Пробка.

Лаки критически оглядел конверт.

— Боюсь, у тебя бензобак маловат для таких предложений, — сказал он.

— Неужели тебе настолько хорошо платят?

Юра убрал конверт в огромный карман своих штанов.

— Возможно, — хитро пробормотал он, — получится усидеть на трех окладах сразу.

Кого я пригрел рядом, подумал Семен обреченно, но сдавать назад было поздно.

— Жду документ с подписью завтра, — сказал он.

Лаки кивнул.

— Дальше что? — спросил он.

— Я знаю, что значит этот тройной оклад, — ответил Семен, — значит, любой мой шаг ты потом в подробностях перескажешь и Лавочнику, и Редактору. Да, мы играем на одной стороне… но они не бросят свои привычки.

— Так, — не стал отрицать Лаки.

— Представь, что мы сейчас пойдем к Загваздину. Я захочу поговорить с ним один на один. Ты останешься снаружи. Подслушивать или нет — дело твое. Как ты поступишь?

— Зависит от того, как они мне платят — напрямую за информацию или просто зарплату, — ухмыльнулся Лаки.

— И как они тебе платят?

— Кто бы знал…

— Сволочь ты, — вздохнул Семен.

— Кто будет вторым? — спросил Лаки. — У Загваздина было два помощника.

— А… — у Семена была одна мысль, но ему совсем не хотелось делиться ею с Лаки. — Пока не знаю.

Ч4. Глава 2-2

2

Семен поднялся по ступенькам банка, постучался к Раисе. Та пригласила войти. Голос вошел и сел в гостевое кресло. Раиса оторвала глаза от бумаг.

— Ты полицейский. Можешь не стучаться.

— Ерунда, — ответил Семен, — из-за таких вот мыслей у нас и проблемы. Никому не положено отвлекать человека от работы без спроса.

— Ты и так предупреждал, что зайдешь.

— Все равно.

— Андрей заходил к Артему когда хотел и без всякого стука.

— И к чему это привело?

Раиса кивнула, соглашаясь с аргументом.

— Это расследование, которое я никогда не завершу, — сказал Семен. — Жаль, что мы никогда не узнаем, где он сейчас. Что с ним стало.

— У меня все просто, — прагматично заметила Раиса. — Если человек в Немире, то довольно глупо рассуждать о том, где он… Он… в Немире.

Она говорила об этом, как будто за пределами Дороги — однородное пространство.

— Как тебе в роли главы Банка? — спросил он. — Я тут понял, что никогда не интересовался, довольна ли ты своей работой… теперь это, кажется, одна из моих обязанностей.

— Я была бы рада остаться в роли зама, — честно ответила Раиса, — как ты заметил, люди на этой должности хорошо не заканчивают.

— Все изменится, — заверил Семен.

— Уверена, ты не первый полицейский, говорящий это директору Банка.

С этим сложно поспорить. К тому же вряд ли Раиса чувствует себя в безопасности с Юлей под боком.

— Как ведет себя Самохина? — спросил Семен.

— Как ни в чем ни бывало, — ответила Раиса, — что меня удивляет. Она Загваздина очень любила… ну, в ее понимании любви, конечно же. Считала его дядей и… как я понимаю, ждала, что получит должность от него в наследство.

— Влад считает, что она выжидает.

— Разумеется. Вопрос только — чего именно.

Семен достал из кармана конверт — дорогой, из полицейских запасов.

— Точно не этого, — сказал он, — это повестка в суд. Я, как сторона обвинения, вызываю ее на слушание.

Он помедлил прежде чем сказать самое важное.

— В качестве свидетеля, — добавил он.

Раиса не сразу ответила. Поправила прическу — Семен обратил внимание, что обычно безупречный маникюр облупился.

— Возможно, ты прав, — сказала она, подумав, — я восхищена твоим желанием вытащить человека из дерьма, а не окунуть его туда с головой с концами. Это гораздо проще и безопаснее.

— Я боюсь к ней идти, — признался Семен, он помахал конвертом. — Понятия не имею, как она отреагирует.

— Она в первом инкассаторе, — сказала Раиса. — Два человека, два пистолета и куча канистр. Один из людей совершил переворот и занял место, о котором мечтал второй.

Помолчали.

— Пересмешник объявил, что ты нашел себе первого помощника, — сказала Раиса.

— Осуждаешь мой выбор?

— Так заметно? Что ж, да, я считаю, что Лаки — наименее подходящая для этого кандидатура.

— Я и не спорю, — кивнул Семен, — но кандидатур получше у меня пока нет.

— Второй помощник должен быть его полной противоположностью. Для равновесия, — предложила Раиса.

Семен снова посмотрел на руки Раисы. Она нервно поглаживала одну руку другой.

— Как ты? — спросил он.

Она подняла на него взгляд и сразу поняла о чем он спрашивает.

— Что ты хочешь услышать в ответ на это, Голос?

Он будто пощечину почувствовал. Это не было сказано агрессивно — наоборот, со всей возможной мягкостью. Но сквозь нее сквозил беззвучный крик.

— Правду, — сказал Семен, — я переживаю за тебя, Раиса. И не подумай, что я навязываюсь в друзья. Ты нужна Пробке. Вот, что меня волнует в первую очередь.

Она посмотрела на него с иронией.

— Ты тоже нужен Пробке, Голос.

— И я здесь, — ответил он, хотя прекрасно понимал, что она имеет в виду. Вообще они были в похожих ситуациях, но он понимал, что ей гораздо, гораздо тяжелее.

Полина — единственное, что осталось у Раисы кроме цифр и графиков. Потерять дочь — хоть она и не умерла, конечно, — это куда более суровое испытание, чем потерянное мимолетное увлечение. Конечно, Семен ни за что не хотел признавать, что это было мимолетно, но все же понимал разницу в масштабах. А если ему было плохо, то он мог только догадываться, что испытывает Раиса.

— Полина знает, что делает.

— Ой, Голос, вот не надо этого! — резко прервала его Раиса. — Просто не надо. Все, что ты сейчас скажешь будет глупо и неуместно. Я понимаю, что ты хочешь помочь — но, пожалуйста, дай я сама с этим разберусь. Иначе я тебе глаза выцарапаю.

Семен поднял руки, показывая, что отступает.

— Извини, — сказал он. — Просто хочу сказать, что рядом и готов поговорить.

Раиса откинулась на спинку и сложила руки на груди.

— Тебе бы самому с кем-нибудь поболтать.

Еще бы. Я и хотел обсудить это с тобой, подумал Семен. Вокруг много людей, чьи близкие ушли с Пешеходами, но из таких только Раиса была наиболее ему близка.

— Пойду поболтаю с Юлией, — ответил он. — Пока у меня в основном такие беседы. Официальные и неловкие.

Ч4. Глава 2-3

3

— Господин полицейский, — с нескрываемым презрением поприветствовала Юля, когда Семен поднялся в инкассатор и, перешагивая канистры прошел к сиденьям. Она не пыталась скрывать своего отношения к нему. По обыкновению она курила и стряхивала пепел наружу через маленькое круглое окошечко.

— Привет, — просто ответил Семен и сел неподалеку. Невольно задержал взгляд на кобуре — в отличие от его, кобура Юли была расстегнута, как будто она была готова выхватить оружие в любой момент.

— С чем пожаловал?

— Слушай, — Семен решил, что сначала попробует найти контакт, — я понимаю, что ты недовольна… сложившейся ситуацией. Но ты ведь должна понимать, почему это произошло и…

— Я прекрасно понимаю, почему это произошло, — оборвала его Юля, — но я охреневаю с того, как оно произошло. Ты, Голос, захватил власть. Воспользовался всей этой кутерьмой с Пешеходами, убийством и что Шашлычная теперь далековато… и просто предал человека, который к тебе, между прочим, хорошо относился.

Город побери, это будет сложно. Вообще в другом мире живет человечек, подумал Семен.

— Дело не в наших отношениях, — произнес Семен, пытаясь вложить спокойствие и убедительность в интонации, — дело в превышении полномочий, которые привели к кризису… он воровал, Юля. Черпал прям из цистерны.

— Что-то я не видела у него роскошных тачек и золотых цепей, — бросила Юля, — в отличие от некоторых твоих дружков, Андрей не шиковал.

— Его действия, опосредованно, привели к гибели человека.

— Ооо, давай еще убийство на своего предшественника повесь. Нихренасе. Наорали людишки полицая себе на голову.

— Ты поняла, что я хочу сказать.

— Уверен? — Юля выдохнула огромное облако дыма, оно медленно поползло в сторону Семена.

— В любом случае будет суд, — Семен медленно достал конверт и оставил пока у себя в руках, держа их на коленях. Юля посмотрела на бумагу без особо интереса. — Андрей получит свое по справедливости.

— По какой-то тобой придуманной справедливости? — спросила Самохина, криво улыбнувшись. — Удобно. Свергнул человека, обвинил на “суде” — и как будто все окей, можно просиживать штаны в бобике.

На ее лице читалось то, что она не договаривала вслух: “...на моем месте”.

— Судить буду не я, — парировал Семен. — Будут присяжные — по старому обычаю. Двенадцать случайных жителей Пробки. Текущий Совет и полицейский могут участвовать в процессе, но право голоса есть только у этих жителей.

Юля посмотрела на конверт.

— Это приглашение стать присяжной?

— Случайных, — повторил Семен.

— Как люди поймут, что они не подобраны тобой специально?

— Жеребьевка пройдет публично во время следующего Продвижения.

Юля фыркнула.

— Никогда тебе не быть полицейским, — сказала она, — как был Голосом, так и остался. Из судеб людей шоу устраиваешь.

Семен развел руками.

— Требуешь от меня честности и обвиняешь в устраивании шоу. Я знаю только один путь сделать все честно — публичность.

— Узко мыслишь, значит, — окурок полетел за окно.

Семен разозлился. Как с приборной панелью разговаривать — сколько слов не скажи, показатели от них не изменятся. Он протянул конверт, возможно, излишне резко.

— Что это? — спросила Самохина, даже не думая протянуть руку.

— Повестка в суд, — сказал Семен. — В качестве свидетеля.

— Еще чего. И не подумаю идти в этот балаган.

— Тогда я приду с другой бумагой, — предупредил он.

Она молчала. Рука стала затекать и Семен опустил ее.

— Я надеялся, разговор пойдет лучше, — сказал он. — Я знаю, что спутал тебе карьерные планы. Была идея, что ты все же сможешь услышать голос разума. Твои свидетельские показания помогли бы начать Пробке новую жизнь. И я предложил бы тебе стать помощником полицейского.

Семен достал второй конверт. Кожа на скулах у Юли натянулась до предела.

— Быть на побегушках у тебя? Вместе с этим наркоманом — Лаки, кажется? Вот это великодушие.

Семен медленно выдохнул. Спокойно, сказал он себе. Как минимум, она не хватается за пистолет. Просто продолжай.

— Слушай, я лишь исполняю обязанности полицейского — временно. Как только минуем кризисное состояния — будут выборы нового. Я выдвигать свою кандидатуру не буду.

— И что? — не впечатлилась Юля.

— Если бы ты стала помощником, занялась бы проблемами Пробки, крепко поработала на ее благо — то к выборам набрала бы вес… и выдвинулась в полицейские.

Кажется, она задумалась. Семен был уверен, что надавил в нужную сторону.

— Я могу выдвинуться и без этого.

— О делах полиции будет вещать радио, — подсказал Семен, — жители участка постоянно будут слышать о том, что делает их власть. Ты можешь, конечно, считать меня бездарным полицейским, недостойным даже этого слова, но я десять лет вещаю новости. Люди запоминают то, что повторяется в их магнитолах.

— Тебе это зачем? — спросила Юля. — Ты же меня терпеть не можешь? Зачем тебе сторонник Андрея под самым твоим боком?

Потому что помощнику полицейского не положен пистолет, подумал Семен, но вслух об этом упоминать, конечно, не стал.

— Один умный человек посоветовал мне взять в помощники максимально разных людей. Возможно, это хорошая идея.

— Этот твой человек — идиот, — фыркнула Юля. И протянула руку.

— Что? — это было так неожиданно, что Семен не сразу понял, что она хочет.

— Давай свои конверты, — закатила глаза охранница. Голос отдал ей бумаги.

— Вскроешь, когда я выйду, — сказал он.

То, что она взяла конверт еще ничего не значит, напомнил себе Семен. Она может его порвать, “потерять”, запустить за Обочину, просто проигнорировать или поджечь его и раскурить им следующую сигаретку, как только новый полицейский покинет инкассатор.

Ч4. Глава 3-1

1

Раиса и Редактор уже были здесь — Глава Банка молчала, поджав губы, а Редактор пел какую-то невнятную песенку. Раиса устало, но тепло улыбнулась.

Сашка тоже был на месте — когда Семен вошел, он показал ему большой палец, мол, вся техника готова. Отрадно было видеть друга на “месте кондуктора”, где Голос когда-то сидел сам.

— Приветствую, — отозвался Семен и сел во главе, — подождем остальных.

Пыль пришла вовремя — секунда в секунду. Не в свитере — на ней была блузка и длинная узкая юбка. Но как она не пыталась всем этим скрыть саму себя, ничего не вышло — толстенная папка у нее под мышкой говорила громче всех этих деловых одежд. Семен усмехнулся про себя. Из всей компании именно Пыль нравилась ему больше всех. Она робко поздоровалась со всеми, села рядом с Раисой и положила растрепанную папку перед собой. Это было ее сокровище — документы из архива участка.

Остальные опаздывали, но Семен мирился с этим. Это его радио приучило быть дотошным и пунктуальным, а для остальных это все внове.

— Как там Юля? — спросил Семен у Раисы. — Еще сердито пыхтит?

Раиса покачала головой.

— Я не знаю, — она посмотрела на Голоса с тревогой, — не могу понять, что в ней творится. Кажется, она пытается принять какое-то внутреннее решение.

Семен медленно кивнул. Главное, чтобы это не было решением достать пистолет из кобуры.

— Ты ей вручил повестку в суд, с чего бы ей переставать, как ты сказал, пыхтеть? — спросил Редактор.

— Свидетелем, — ответил Семен с нажимом.

— Я не верю, что она внезапно изменится, успокоится и продолжить работать, — покачал головой Редактор, — она во всем

этом замешана по свой ужасный хвост.

— Да, — согласился Семен, — но пока мы будем просто осторожны. И не спускать с нее глаз.

Он знал, что сейчас будет. Толстые стекла очков Редактора прям физически наливались тяжелым негодованием.

— С “Железяк” мы тоже глаз не спускали. Почему ты не можешь просто твердо решить по поводу нее, как нормальный полицейский?

Все тебе объясни, подумал Семен с усталостью.

— Потому что есть еще банковские охранники, которые лояльны ей, — Семен уставился Редактору в очки — а хотелось смотреть в глаза. — Мне не нужна дезорганизованная шайка молодчиков рядом с цистерной бензина. Я надеюсь склонить ее на нашу сторону. Согласись, ты и сам сотрудничал с контрабандистами и даже привел одного в Совет…

— Охренеть ты сравнил, — возмутился Редактор, — Лавочник ничего страшнее травы не продавал, а тут…

— Может, не будем об этом сейчас? — встряла Раиса. — Она очень предана Андрею, вот и все. Очередная девушка с непростым детством, наделавшая ошибок.

— Которая метит на ваши кресла, добродушные вы мои, — вздохнул Редактор. — Ты правильно заметила про детство, Раиса. Она всю жизнь готовилась стать сначала главой Банка, а потом полицейским… а тут мы, нарушившие все эти планы.

Семен коротко кивнул.

— Ты прав, — сказал он, — это опасная игра. Я знаю это. Просто… просто перестань это повторять каждый раз.

В двери появились еще двое, старшее поколение Совета — Исидор и Третьяк. Ему вот явно было слегка неуютно, давно он не был за этим столом. Оба вежливо извинились за опоздание и расселись по местам. Семен кивнул им в знак приветствия.

Осталось дождаться Лавочника. Многие жители сочли бы его достойным клетки — но тут Семен был согласен с Редактором. Со всеми этими запретами торговля в Пробке была почти задушена. Даже Раиса благосклонно отнеслась к этому — обеление рынка куда лучше скажется на откровенно глохнущей экономике участка, чем ожесточенная борьба с контрабандой.

Вот только как объяснить это людям? Семен не знал ответа на этот вопрос.

— Слушай, — обратился Семен к Редактору, — я, конечно, понимаю, что ему трудно привыкнуть к новому порядку, но все-таки… Я надеюсь, ты на него повлияешь.

Редактор неопределенно улыбнулся и слегка опустил голову. Семен счел это кивком.

Контрабандист явился еще через пять минут и не стал извиняться и даже здороваться. Он сел на последнее свободное место, откинулся и стал смотреть на Семена — веселыми, задорными глазами, будто в ожидании какого-то приключения.

Семен подождал еще несколько секунд — может, он все же догадается хоть что-то сказать, но потом плюнул и встал.

— Приветствую всех на заседании нового Совета, — заговорил Семен, чувствуя, что говорит довольно фальшиво и пошло, но ничего не мог с собой поделать, — я напоминаю, что этот состав является временным, так как не был избран народом. У нас есть задача по выработке регламента проведения выборов и пока они не будут проведены, мы работаем таким составом.

Он специально говорил это, чтобы слушатели знали, что это не навсегда, а все присутствующие не прельщались. Он хотел показать, что им не власть упала в руки, а тяжелая работа.

— Как можете заметить, советники, на столе стоят микрофоны, — продолжил он. — Мы берем курс на публичность и открытость. Сначала будет просто запись. Чтобы вы привыкли. Но в дальнейшем заседания должны будут проходить в прямом эфире.

Он сел. Первая новость у него была простой — чтобы не раздавить их самым тяжелым.

— Сегодня я открыто заявил остальным полицейским о нашем положении, — сообщил Семен. — конечно, они уже наверняка это знают из радио, но хотелось сделать все правильно, так что я вышел на общий канал всех участков, с которыми мы поддерживаем плотную. Реакция была сдержанная, хотя напряжение чувствовалось.

— Что ж, — тут же вступил Редактор, — для начала неплохо. Сомневаюсь, конечно, что со стороны других полицейский будет хоть какая-то реакция. Нам просто нужно, чтобы они постепенно свыклись с этим фактом.

— Они могут и иначе поступить, — заметил Третьяк, — когда убили полицейского во времена Кожаных курток, они быстро среагировали — тут же примчались полицейские соседних участков со свитой.

— Это уже вопрос лояльности, — Редактор отмахнулся от старого советника. — С Адамом Гроссом Семен легко договорится, а участок Лемана настолько обескровлен, что я даже не знаю, что они смогут сделать… да и захотят ли.

— В любом случае, наша цель — заверить другие участки в том, что мы готовы на самый тесный и конструктивный диалог, — сказал Семен. — Потому что без них мы… скажем так, вряд ли справимся.

Он оглядел своих советников. Людей, которые, так уж вышло, оказались лучшими, по его мнению, людьми на всем участке. Флер успешного переворота уже сошел на нет. Тревоги и страхи вышли на первый план. Это заседание будет их испытанием.

— Андрей Загваздин оставил нам целый ворох проблем, — начал Семен. — И главная из них — Петр Глушаков, которого вы все знаете под прозвищем Хмурый Пит. Есть все основания считать, что его люди вооружены как минимум несколькими винтовками.

— Так вы его все-таки не поймали? — спросил Третьяк. Между его бровями пролегла морщина — ему очень не понравилась новость.

— Нет, — покачал головой Семен.

— Вы думаете он… пойдет войной на целый участок? — обеспокоенно спросил Исидор, достал платок и стал тереть лоб

— Возможны диверсии, — вступил Редактор, — Банк, радиостудия, склады — все это под угрозой. Наш Совет — тоже не самое безопасное место.

— Но в случае чего нас быстро предупредят, — заверил Лавочник. Семен надеялся, что его расслабленный вид успокоит старшее поколение.

— Это еще не все, да? — вступила Пыль. — Про Пита ты сказал так, как будто это было “во-первых…”

— Да, — кивнул Семен, удивившись ее догадливости, — еще есть так называемый Король Бензоколонки. Загваздин ему… скажем так, задолжал те самые винтовки. И есть все основания думать, что этому Королю не особо интересно, кто сейчас правит на участке, и он может прислать молодчиков, чтобы они вернули то, что его.

— И с каждым Продвижением мы все ближе к Бензоколонке, — добавил Лавочник, — по моим данным, ни один участок, который приблизился к ней, не сохранил своей независимости. Теперь все они, на многие километры Пробки — подданные Короля.

— И нас это ждет? — с ужасом спросил Исидор.

— История показывает, что такое с нашим участком бывало не раз, — заметила Пыль, — Пробку довольно регулярно подминали под себя всякие диктаторы и называли это империями.

— Может это и не так плохо, — улыбался Лавочник, — говорят, он ссыт бензаком, будем жить в шоколаде.

Третьяк поджал губы. Да, наверное, в его мире на Совете так не выражаются.

— Смешного в этом мало, — поморщился Семен. — Илья просто кривляется, чтобы скрыть свой страх.

— Не боится Короля только идиот, — отозвался контрабандист, не став отпираться.

— Что есть у нас? — спросил Третьяк.

— Одна винтовка. Один пистолет. Будет два, если удастся вывести Юлю на мирный диалог.

— Присоединить свой ствол к одной-единственной винтовке или к десяти таким же, — хмыкнул Редактор, — по-моему, ее выбор очевиден.

— Но… это по идее вообще ни на что не повлияет, — пробормотала Пыль.

— Верно, — ответил Семен. — Единственное, что мы можем сделать с Королем — договариваться.

— Или ждать, — добавила Аня.

Все посмотрели на нее.

— Это империя под управлением агрессивного властолюбца, — пояснила она, потупившись от внимания, — они имеют свойство разваливаться. Часто с печальным концом для правителя.

Почти на всех лицах читалось сомнение. Никто не хотел полагаться на то, что Короля Бензоколонки поглотит история. Да еще и до того, как его бензиновые лапы дотянутся до участка.

— Мне показалось, Семен, или ты сказал — договариваться? — спросил Редактор с иронией.

— Именно так.

— И как же ты это собрался делать?

— Вместе с Леманом, Гроссом и другими полицейскими.

Третьяк хмыкнул.

— Объединить силы участков…. — проговорил он под нос. Семен порадовался, что старику понравилась эта идея.

— Даже с ними у нас очень мало шансов, — сказал Лавочник.

— Загваздин собирался сопротивляться, — ответил на это Семен, — использовать его же винтовки против него.

— Во-первых, Андрей идиот, — заметил Редактор, — во-вторых, у него были эти винтовки, Город бы их побрал.

— Это верно.

Семен заметил, что Раиса нервно поправляет прическу длинными ногтями. Она выглядела недовольной.

— Раиса? — спросил он. — Есть что сказать?

Она опустила руки на стол и посмотрела на Семена. Взгляд ее смягчился.

— Вы тут играете во внешнего врага, как это делал Загваздин, — сказал она, — а по сути надо заниматься внутренней проблемой. У нас тут куча недовольных свержением полицейского и хреновая экономическая ситуация.

— Это правда, — согласился Редактор.

— Для недовольных будет открытый суд, — сказал Семен, — где они смогут воочию увидеть, что мы действуем цивилизованно, а не просто выкинули Загваздина из бобика и забрались в него сами.

— Не думаю, что это поможет, — ввернул Редактор.

— Радио работает на полную катушку. Эти чертовы микрофоны здесь тоже для того, чтобы заполучить лояльность людей путем открытости и прозрачности.

— Самых преданных это все не убедит.

— Верно. Поэтому будет суд.

Редактор сложил руки на груди и откинулся на спинку, показав все свое отношение к таким действиям. Семен решил, что вернется к вопросу позже. Он кивнул Раисе, предлагая переходить к экономической части.

— Наша ситуация гораздо лучше чем на участке Лемана, но я не хочу, чтобы вы думали, что все хорошо. Наоборот, мы потихоньку

стагнируем и уже не можем экономически обеспечить себя. Цена на еду растет.

Семен благодарно кивнул ей. Это звучало как начало конструктивного диалога по существу. То, чего сильно не хватало этим заседаниям раньше.

Двигатель завелся, поршни задвигались — Раиса говорила про цифры и реальность, Лавочник и Редактор ловко отвечали. Исидор и Третьяк вставляли свои замечания, а Пыль приводила примеры из прошлых экономических кризисов. На удивление эта разношерстная команда работала.

Через час бурных обсуждений он увидел то, что хотел видеть — Лавочник и Раиса смотрели друг на друга по-новому. У них оказалось гораздо больше общего, чем они думали. И оба хотели одного — свободной торговли.

— Вы знаете, — вдруг сказал Исидор, — это было лучшее заседание на моей памяти. Впервые здесь что-то решалось сообща.

Все закивали и затараторили в том смысле, что да, так, скорее всего и есть, давайте продолжать в том же духе.

— Действительно мы все молодцы, — сказал Семен и все затихли. — На этом мы заседание и закончим. Нам есть что делать. И пожалуйста — будьте осторожны. Если за вами наблюдают, если чувствуете угрозу — немедленно сообщайте мне. Нам не нужна вторая Эпоха Кожаных Курток.

Ч4. Глава 3-2

2

Пыль читала — раскрытые папки и просто ворохи бумаг были везде — у нее на коленях, на приборной панели, пассажирском месте. Семен осторожно постучал в окно. Пыль вздрогнула, подняла голову и улыбнулась.

— Привет, Семен, — сказала она, опустив стекло.

— Просто хочу узнать, как у тебя дела, — сказал он.

Пыль спохватилась. Стала собирать бумаги, чтобы Семену было где сесть. Он обошел фургончик, открыл дверь. Попытался ей помочь, но Пыль молча его отстранила.

— У меня тут все рассортировано, извини… — пробормотала она. Стала перекладывать папки и стопки бумаг на приборку. Открыла бардачок — часть сунула туда.

— Вот, — сообщила она, и Семен наконец-то сел — предельно аккуратно, так как все еще был велик шанс что-то ненароком помять.

— Вижу, ты развлекаешься на полную катушку.

— Ищу сокровища в кучах хлама, — ответила Пыль, — тут очень много всего бесполезного. В некоторые времена наш участок, видимо, переживал ужасно высокий уровень бюрократии. К слову, я нашла довольно старые записи, которые очень сильно напоминают нашу ситуацию.

— Тоже свергли полицейского?

Аня покачала головой.

— К сожалению, тогда сложилось не все так радужно. Но ситуация крайне похожа на нашу, даже удивительно.

Пыль не глядя вынула какую-то папку из середины стопки и стала ее листать.

— Полицейский, который вел эти записи был у власти уже двадцать лет и ему было под семьдесят. Сначала все было хорошо — бензина настолько вдоволь, что он даже не был валютой.

— Удобно, — признал Семен.

— Было какое-то время, — согласилась Пыль. — Курс был на укрепление свобод, повышение благосостояния жителей и

выстраивание прочных отношений с соседями… но в какой-то момент полицейский решает сильно сменить курс.

— Почему?

— Это-то не очень понятно. Несмотря на внешнее благополучие, там много грустного происходило — взрывали жилые автомобили, захватывали реанимобиль вместе с врачами и пациентами… даже автобус со школьниками. Возможно, это подорвало веру полицейского в то, что свобода стоит того. И он довольно логично решил, что безопасность важнее свободы.

— Трудно с этим спорить, когда кто-то угрожает детям, — признал Семен.

— Вот только он не ограничился такой безопасностью. Со временем испортились отношения с соседями, всплыли старые территориальные споры — целый отрезок Пробки у соседей был фактически отобран силой. Торговлю с Антимиром не запрещали, но любого, кто получает от нее доход или просто получает деньги из Антимира или других участков обязали помечать себя как “внешних агентов” — в том числе журналистов, таких как ты.

— Зачем?

— Получаешь деньги из-за Барьера, значит действуешь в интересах тех, кто живет там, — Пыль пожала плечами, — возможно разлад с Антимиром с тех пор и пошел. В общем, появились люди, которые захотели перемен. У них был лидер — ходил по Пробке, снимал на фотоаппарат богатые автомобили чиновников тех лет и распространял их.

Упоминания фотографирования всколыхнуло сердце — Семен вспомнил про Агату и понял, что стресс и темп последних дней помогли ему отвлечься. Все это время ему было попросту некогда страдать. Не лучший способ глушить свои чувства, подумал Семен.

— Как его звали?

— Тут не упоминается. Только смешные формулировки — “вышеуказанный гражданин”, “этот персонаж”... но как-то сразу понятно, что речь о вполне конкретном одном человеке. Его посадили в тюрьму, но у него не оказалось рядом безбашенных Пешеходов, способных совершить налет на полицейский внедорожник.

— Что с ним стало?

— Умер в тюрьме.

— От чего?

— Неизвестно. Видишь ли, большая часть информации в архивах — это записи самих полицейских. А они любят и умеют фильтровать то, что пишут.

Семен помолчал.

— Так что же тут общего с нами?

— То, что в какой-то момент полицейский перестает понимать разницу между своим благом и благом Пробки. Между своими интересами и интересами его жителей. Загваздин ведь искренне думает, что даже обманывая нас, он совершает благо, потому что мы как малые дети не можем понять, что для нас хорошо, а что нет.

— Потому он и сидит сейчас в холодной фуре и ждет суда.

— Но ты здесь, — с нажимом сказала Пыль. — И я хотела бы, чтобы ты запомнил эту историю.

Семен посмотрел на Аню.

— Этого не случится, — сказал он. — Потому что я недолго пробуду полицейским.

— Пессимистично, — ответила Пыль, подняв бровь.

— Я не в том смысле, — пояснил Голос, — а в том, что я хочу уйти. Очень. Все это… — он похлопал по кобуре, — не для меня. Как только ситуация устаканится, я назначу выборы нового полицейского и… все.

Аня какое-то время молчала. Закусила губу.

— А если мы не захотим, чтобы ты ушел? Если народ потребует — всем сердцем — чтобы ты остался?

Вы уже это сделали один раз, хотел сказать Семен, почувствовав раздражение. Хватит. Хватит делать то, что хочет некая абстрактная “Пробка”. Гораздо честнее по отношению к себе и другим будет делать то, что хочется мне самому.

— Я уверен, у нас есть люди, гораздо лучше меня подходящие для этой работы, — сказал он Пыли.

— Ну да, — пробормотала она, — наверное…

Она как будто расстроилась. Неужели ей есть дело до того, останется Семен или нет? Неужели она считает его хорошим кандидатом на роль правителя и защитника Пробки?

— Надо готовится к суду, — сказал он, чтобы перевести тему и обозначить, что пора закругляться, — где-то нужно раздобыть кучу

стульев.

— Двенадцать, — сказала Пыль.

— Что?

— Двенадцать стульев, — пояснила она, — по числу присяжных.

Ч4. Глава 3-3

3

— Вот чего он у Пешеходов понабрался — при любом удобном случае Продвижение останавливать, — сказала Сытина своей соседке. То, что полицейский наверняка ее слышит ее нисколько не смущало.

На участке голого асфальта постелили ковер — его отыскал Лавочник. Поставили стулья и пару столиков — заняли на время у Гиви. Люди Лаки заколебались их тащить к бобику — о чем тот с удовольствием поделился незадолго до начала заседания. Уже предвкушают, как это назад волочь, добавил он.

Тринадцать стульев занимали присяжные. Хоть Пыль и предупредила, что с таких судах всегда было двенадцать человек, Семен ввел тринадцатого — чтобы не случилось партитета. Он признавался себе, что сделал это, чтобы в случае чего не принимать решение самостоятельно.

Еще три стула стояли прямо напротив бобика, где сейчас сидел Загваздин в ожидании суда. Центральный стул занимал сам Семен. Стул справа предназначался для свидетелей, стул слева — для защиты. Защищал Загваздина сам Адам Гросс, его бывший коллега. Семен слышал о чем шепчутся некоторые, мол, такая защита — хуже ее отсутствия. Все знают, что Гросс дружок Голоса.

Перед ними стоял столик с тремя микрофонами — чтобы транслировать заседание остальной Пробке.

Справа от бобика дежурил Лаки с винтовкой — это была первая демонстрация оружия публике. Оно было здесь и как вещественное доказательство и как показатель силы. Семен не завидовал своему помощнику — ему придется провести много часов на ногах. Перед бобиком тоже был столик, высокий, Гиви назвал его “барным” — чтобы микрофон был на уровне головы Загваздина, когда он будет давать свои показания.

Стулья слева занимали свидетели — Высокий и Низкий, закованные в наручники, сложившая руки на груди Юля, сосредоточенная Раиса, Ольга Темерова — вдова погибшего под колесами крузака Сергея.

Один стул пустовал — там должен был сидеть Артур Пирогов, но Семен в последний момент передумал. Он обещал Олафу.

Не стоит нарушать обещания человеку, которого еще планируешь увидеть в этой жизни.

Остальные, просто зрители, стояли и сидели, где придется, замыкая вокруг ковра кольцо.

Было очень символично проводить суд в Продвижение. На открытом месте. Чувствовалась торжественность момента.

— Я приветствую всех. Кто сейчас здесь, кто слушает свои радиоприемники. Тех кто, является жителями нашего участка и тех, кто просто интересуется происходящим. Тех, кто пришел сюда сегодня, чтобы увидеть правосудие… и того, кто перед ним предстанет. Я прошу моего помощника вывести Андрея Загваздина.

Лаки кивнул, подошел к двери, повернул уже вставленный в нее ключ и открыл дверь. Загваздин сидел боком к выходу. Повернулся. Закрылся от света. Спустил ноги вниз, встал. Медленно подошел к стойке.

Он выглядел как человек, которому уже ничего не интересно.

— Это первое публичное судебное заседание за много лет, — продолжил Семен, — и я, честно признаюсь, понятия не имею как его вести “правильно”. В нашем ПДД уже давно нет упоминаний таких… мероприятий. Долгие годы полицейские обвиняли. Выносили приговор. И приводили его в исполнение. На мой взгляд, это не совсем верно. Поэтому сегодня мы судим Андрея Загваздина совершенно открыто, прозрачно… и не руками полицейского. Сама Пробка вынесет приговор. Как вы знаете, все желающие могли участвовать в жеребьевке и случайным образом были выбраны присяжные, которые и решат судьбу обвиняемого.

Семен посмотрел направо. Далеко не всех людей он знал по имени. Многие его смущали и в особенности Сытина. Обиженная на Голоса за то, что “его” Пешеходы забрали у нее сына. Работающая в магазине, который принадлежит Хмурому Питу. Присяжные выбрали ее председателем. Она будет говорить от их имени.

— Кроме того, Андрею была предоставлена защита. В идеальных условиях, он мог бы выбрать ее сам. Но он отказался от такой привилегии. Поэтому мы назначили защитника сами — Адам Гросс, полицейский соседнего участка, сам вызвался исполнить эту роль.

Гросс молча наклонил голову в знак приветствия.

Семен поднял листок со столика и стал зачитывать.

— Андрей Загваздин обвиняется сразу в нескольких преступлениях против участка, который он возглавлял во время их совершения. Первое обвинение: растрата. Бывший полицейский пользовался бюджетным бензином в своих интересах или в пользу третьих лиц. Второе — злоупотребление полномочиями, приведшее к гибели человека. Третье — участие в преступном сговоре, приведшим к тому, что участку угрожает потеря независимости. Проще говоря — измена.

Семен замолчал и опустил листок. Последнее слово вызвало ропот в окружающей толпе. Оно звучало неоднозначно и Голос это понимал. Но все равно решился произнести. Не так уж мало людей вокруг считают, что изменник — это как раз он.

— Подсудимый, — обратился Семен к Загваздину, — вам понятно обвинение?

— Понятно, — ответил тот.

— Согласны ли вы с ним?

— Нет.

Что ж начало положено.

— Сейчас я, а затем ваш защитник, зададим несколько вопросов. Вы можете отвечать, а можете и нет. Затем мы пригласим выступить свидетелей. После присяжные отправятся на совещание, а затем председатель зачитает приговор.

— Понятно, — снова произнес бывший полицейский. Он смотрел мимо всех — куда-то между Семеном и Гроссом, в пустоту.

— Я могу в дальнейшем обращаться просто Андрей?

— Можешь что угодно, — равнодушно ответил Загваздин.

— Хорошо, спасибо. Подтверждаешь ли ты, что, как минимум, за последние сто десять — сто пятьдесят Продвижений ты изымал из бюджета Пробки бензин на личные цели?

— Я не считаю, что изымал деньги на личные цели.

— Хорошо, задам вопрос иначе. Ты изымал бензин из бюджета Пробки, не указывая это в протоколах Банка?

— Да. Не считал Продвижения, правда.

— Понимал ли ты, что это прямое нарушение нескольких разделов ПДД, в том числе тех, где описываются права и обязанности

полицейских?

— Да, — согласился Андрей, — те самые разделы, которые я не могу поменять сам для своего участка.

— То есть ты признаешь, что ты намеренно нанес крупный финансовый ущерб участку и Пробке?

— Не признаю.

Семен нашел глазами Редактора в толпе. Точнее сначала он увидел Бриджит, возвышающуюся над всеми. А потом и его. Он об этом предупреждал. Начинается балаган. Андрей будет тянуть резину.

— Тогда что же по-твоему это такое? Как не ущерб?

— Я всегда действовал во благо участка, — ответил Загваздин, голос его вдруг перестал быть вялым и равнодушным. — Если какой-то кучке людей это не нравится — что ж, пусть не нравится. Но эта кучка устроила переворот и теперь ведет это судилище.

Семен решил игнорировать эту браваду.

— Если твои действия были во благо участка, то почему ты предпочел скрыть их?

— Как раз, чтобы избежать вот этого вот всего. Если бы я отразил это в официальных отчетах, то вы бы прибежали свергать меня уже на следующий день. Потому что у вас в голове мир устроен очень просто. Но вам можно, вы не полицейские.

— Правильно ли я понимаю, что этим ты хочешь сказать, что лучше нас и вообще любого человека знаешь, что для Пробки благо, а что нет?

Андрей не стал отвечать на этот вопрос — и правильно делал, понимал, что это не добавит ему очков.

— Позволь же узнать на какие такие блага были потрачены эти средства?

— Много на что, — ответил Загваздин, — я не вспомню всего. На расселение общежития для создания тюрьмы, например.

— Это было в отчетах.

— В отчетах заниженная сумма. Там довольно много заниженных сумм, спасибо Главе Банка, — Загваздин посмотрел на Раису и поправил себя:

— Бывшему Главе.

— Об Артеме Хоботове поговорим позже, — заметил Семен. — Вернемся к растрате средств. Что еще? Нам известно, что часть этих

денег была потрачена на приобретение оружия. Часть из него уже на участке. Часть, видимо, осталась либо где-то по пути, либо у продавца.

Загваздин после этих слов заметно вышел из себя — даже отошел на пару шагов от микрофона. Не будь у него скованы руки, он наверняка бы поднял их в негодовании. Лаки дернулся, готовый урезонить бывшего полицейского, но тот вернулся к стойке.

— Ты это признаешь? — с нажимом спросил Семен.

— Что именно? Что я потратил бензин на оружие? Не признаю.

— Бензин был потрачен на, скажем так, услуги Хмурого Пита по захвату Шашлычной, — парировал Семен, — которое удалось предотвратить.

— Что? — спросил Загваздин. — Я не имею к этому ни малейшего отношения. С ума сошли?

— Все твои переговоры по этому поводу были записаны, — сказал он. — И были опубликованы на радио. В том числе твои разговоры с некоей Леной Юспешик.

Загваздин молчал. Видимо, выбрал новую тактику. Молчать.

— Саша, будь добр, воспроизведи одну из записей переговоров Андрея с людьми Короля, — сказал Семен в микрофон. И махнул Лаки, чтобы тот накинул обвиняемому наушники.

Голос откинулся на спинку стула и смотрел на сосредоточенное лицо Загваздина. С него слетали последние следы, как равнодушия, так и уверенности. Семен очень надеялся, что они смогли его удивить — и поставить к краю Дороги. Деваться некуда.

— Что ты скажешь по этому поводу? — спросил он, когда запись закончилась, И Лаки забрал наушники.

— Голос действительно мой, — сказал бывший полицейский наконец. — Но я никогда не вел подобного разговора. Это монтаж, сварганенный у вас на радио.

Гросс кашлянул. Семен повернулся к нему.

— Если позволите, пару слов, — сказал он. Голос кивнул.

— Во-первых, я бы предложил своему подзащитному молчать, когда очевидно, что его слова сыграют против него. Во-вторых, прошу у суда не принимать во внимание последние слова подсудимого.

Они уже сказаны, растерянно подумал Семен. Какой в этом смысл? Конечно, Гросс прекрасно понимал, что слова выставляют Загваздина в не лучшем свете — невозможно нарезать голос человека

по буквам или словам, чтобы он звучал естественно. Любой дурак это понимает.

— Вернемся к оружию, — предложил Семен. — Мой помощник держит в руках магазинную винтовку — это лишь одна из большой партии. Как они были приобретены?

— Никак не могу прокомментировать.

Ага. Кажется, Загваздин все же принял помощь Гросса и решил воспользоваться предложенной тактикой.

— Правда ли то, что они были приобретены в долг, а залогом послужили радиостудия, типография и возможно вообще весь участок?

Снова ропот по толпе. Это хорошо, подумал Семен. Осознать, что тебя продал твой полицейский, обещавший защиту — тяжело, но важно.

— И это не могу прокомментировать.

— Этот ответ будет на любые вопросы, которые я сейчас задам?

— С большой вероятностью.

Семен хмыкнул. Что ж, это тупик. С Загвазднным можно заканчивать — во всяком случае по первой части обвинения. И можно перейти к свидетелям…

Он уже хотел объявить Раису, как вдруг кто-то шумно выбрался из толпы и помахал рукой Лаки. Тот глянул на Семена, спрашивая разрешения. Голос кивнул.

Лаки подхватил винтовку, пересек ковер. Человек стал что-то шептать ему на ухо. Юра кивал никак не меняясь в лице. Затем поднял глаза на Семена. Все было понятно.

— Господа, — произнес он, — уважаемые слушатели. Суд уходит на небольшой перерыв. В это время защитник может пообщаться с подсудимым — и, я надеюсь, все же убедить его сотрудничать.

У Пересмешника с Сашкой все было готово на такой случай — они понимали, что могут возникать заминки.

Семен встал, Лаки показал на бобик — мол, лучше обсудить там.

— Что такое? — спросил Семен, когда они оказались в относительном уединении.

— Пит, — коротко сказал Лаки.

— Вернулся?

— Непонятно, — Юра покачал головой в сомнениях, — но его видели. С ним его люди — не очень много, но тревогу внушает.

— Вооружены?

— Нет. Но и логично, вряд ли они будут таскаться с винтовками.

— Где их видели?

— На участке Лемана… без официального разрешения от него мы не можем схватить Пита там. Ну… легально.

— Без разрешения тоже не можем, — сказал Семен, — мы не можем рисковать людьми — оружие может быть поблизости, и они могут успеть до него добраться.

Лаки кивнул, соглашаясь.

— С чего он вдруг решил открыться? — спросил Голос.

— Кто ж его знает. Возможно, его всколыхнул твой суд.

— Думаешь, он идет спасать Загваздина?

— Думаю, он прощупывает варианты. Мы довольно уязвимы сейчас. Хорошо хоть Юля на виду, и Банк под присмотром.

Толку от этого присмотра, подумал Семен, но Лаки этого, конечно, говорить не стал.

— Мы должны закончить, — сказал он. — Пусть следят за каждым его шагом. Прервать заседание всегда успеем.

Лаки пошевелил винтовкой, стоящей между колен.

— Есть еще одна мыслишка, — протянул он. Его идея была очевидной. И безрассудной.

— Даже не думай, — сказал Семен.

— Почему?

— Мне не нужно, чтобы моего помощника убили почти сразу после вступления в должность.

— Они меня даже не заметят.

— Нет.

Лаки вздохнул. Открыл дверь и вышел. Семен последовал за ним. Вернулся к ковру. Гросс и Загваздин общались у стойки — Адам выглядел недовольным, Андрей — возмущенным.

Семен сел за свое центральное место. Сказал в микрофон, что суд готов возвращаться к эфиру — подал сигнал Сашке.

Он закончит этот чертов суд, чего бы это ни стоило.

* * *

После Раисы был приглашен Высокий. Петр выглядел загнанным и ему как будто было очень неловко стать центром всеобщего внимания. Он частично подтвердил слова Раисы, как минимум, сказал, что лично таскал канистры, а вот сколько в итоге литров было слито в обход документов — понятия не имеет. Семен следил, как на это реагирует Загваздин, но он как будто витал в облаках — оперся на столик руками и разглядывал наручники.

Вообще Высокий довольно хорошо шел на контакт во время допросов. Заартачился только на вопросе про оружие — ничего не видел, ничего, якобы не знает. Зато благодаря нему у Семена был туз в рукаве специально для присяжных. Он решил его выдать, когда Петя закончил отвечать на вопросы Гросса — тот спрашивал о работе полицейского, как он вел дела и чем занимался внутри повседневной рутины. Цель его была понятна — найти зацепку, которая бы позволила вывести на то, что Загваздин, в целом, человек хороший, но был введен в заблуждение нехорошими людьми.

Но это было бесполезно. Андрей действительно походил на слегка неуклюжего, неторопливого, но старательного слугу Пробки. Проблема лишь в слове походил.

— Петр, а можешь припомнить, сколько времени прошло между вербовкой Сергея Андреем и его гибелью? — спросил Семен, глядя только на Загваздина.

Тот вышел из своего забытья — но не удивился и не испугался. Он был готов к тому, что это станет известным.

— Точно не помню, — сказал Высокий, слегка помедлив — он заметил, что его бывший начальник среагировал. — Месяца два?

— Ты подтверждаешь, что Сергей шпионил за Артемом Хоботовым?

— Я бы не стал говорить “шпионил”, — осторожно ответил Петя. — Но он стал нашим наблюдателем у Мертвецов, да.

“Мертвецы” произвели впечатление. Конечно, люди уже услышали их историю из уст самого Семена по радио, но новое напоминание, что есть люди, которые добровольно ходят в Немир — пугали их.

— Ты подтверждаешь, что Сергей отправился в Немир останавливать побег бывшего главы Банка по приказу Андрея Загваздина?

— Нет, такого приказа не было, — сказано уверенно.

— Но в ту ночь он должен был следить за Мертвецами?

— Да.

Семен посмотрел на вдову. Она реагировала нормально — конечно, теперь она сидела ровно и внимательно слушала — и логично, впервые заседание коснулось ее напрямую, но в целом, не предвиделось никаких истерик и сцен.

— Были ли эти действия запротоколированы, как действия полицейского, ведущего следствие?

— Нет.

Семен повернулся к присяжным.

— ПДД позволяет в некоторых случаях привлекать граждан к работе “в поле”. Проще говоря, вербовать жителей, чтобы они наблюдали за кем-то или играли определенную роль — не запрещается, если это разумно с точки зрения ведущегося расследования. В этом случае вербовка должна быть запротоколирована — когда привлекался человек, для какой конкретно деятельности, когда ее прекратил и так далее. Если этого нет или есть, но не указаны достаточные основания — полицейскому вменяется превышение полномочий.

— Пусть защита подтвердит, — сказала Сытина.

— Это так, — коротко ответил Гросс.

— Кроме того на тот момент не было никакой следственной нужды наблюдать за Артемом Хоботовым, — продолжил Семен.

— Позвольте внести ремарку, — вступил Гросс. — Это не является смягчающим обстоятельством, но просто для прояснения ситуации — выход человека в Немир формально считается нарушением. Так что технически это могло быть наблюдение за нарушителями.

— Но без протокола и без открытого дела мы не можем утверждать наверняка, что это была законная вербовка и что она проходила по всем правилам, — на всякий случай добавил Семен.

— Кроме того, — Гросс что-то разошелся, Город бы побрал его честность и покладистость. Не к добру, — это может и наверняка будет считаться превышением полномочий, но этого недостаточно, чтобы обвинить моего подзащитного в причастности к убийству.

— Приятно, — коротко ответил Семен. На это ему нечем было возразить. — У меня есть еще один вопрос к свидетелю, последний. Скажи, пожалуйста, велось ли полицейским и вами, как помощниками, активное расследование пропажи человека — Артема Хоботова.

Высокий ответил не сразу. Посмотрел на Загваздина — как будто надеялся получить какой-то знак, но полицейский не смотрел в его сторону. Возможно намеренно.

— Нет, — наконец ответил он, — расследование не велось, так как в этом не было нужды. Мы примерно знали, что случилось. Не сразу, правда, связали со смертью Сергея, думали побег и убийство случились в разное время.

— Вы сразу поняли, что Сергей погиб под колесами внедорожника Хоботова?

— Нет. Ну то есть я — нет. Как думал Андрей — не знаю.

Семен кивнул и Высокий вернулся к остальным свидетелям. Семен очень надеялся, что все что было сказано сильно подействовало на присяжных. Потому что дальше будут Эдик — а он будет упираться также, как упирался на допросах — и Ольга, которая ничего нового не скажет.

Он посмотрел на Сытину. Та смотрела на Загваздина и нельзя было угадать. что она чувствует.

Главного свидетеля Семен оставил на закуску. Но перед тем, как вызвать Юлю, решил еще раз поговорить с Андреем. Тот факт, что объявился Пит, сильно нервировал. Голос не стал сопротивляться напору эмоций.

— Андрей, какие у тебя были отношения с Петром Глушаковым?

— Как у полицейского с советником. Он состоял в Совете Пробки, если помнишь. Помогал создавать Добровольные Патрули. Все.

— Хорошо, что ты упомянул патрули, — продолжил Семен, — правильно ли я понимаю, что они в основном состояли не из жителей участка, как это было заявлено тобой официально, а из людей с участка Лемана, которым платилась зарплата из бюджета в обход отчетов?

— Там действительно были люди Лемана. Но их было меньшинство. Не вижу в этом ничего плохого.

— Плохого здесь две вещи. Во-первых, ты или же Пит, нарушили выпущенный тобой же приказ о том, что в патруль могут записаться

только жители участка. Во-вторых…

— Эта приписка в приказе нужна была лишь для того, чтобы в патруль не пролезли Пешеходы.

— А для ребят Пита ты сделал исключение? Понятно, — кивнул Семен. — Спасибо за разъяснение. Во-вторых, патрули четко были обозначены добровольными, никакой оплаты не предполагалось. Но она была.

— Не могу сказать, — ответил Редактор. — Возможно, Пит платил им из своего кармана. Это не запрещено.

— То есть ты признаешь, что наделенные полномочиями по факту помощников полицейского люди получали взятку от Глушакова?

Загваздин молчал. Губы у него были белые. Он понял, что промазал.

— Не могу никак прокомментировать, — сказал он.

Семен был удовлетворен. Он не сомневался, что Хмурый Пит сейчас слушает трансляцию — и ему будет полезно поразмыслить над словами Андрея.

— Твои показания сейчас напрямую указывают на наличие преступного сговора. Спасибо, — Голос не без яда улыбнулся бывшему полицейскому. — Что ж, у меня больше нет вопросов к обвиняемому, и я готов пригласить последнего на сегодня свидетеля, если защита не против.

— Не против, — подтвердил Гросс.

— Юлия Самохина, прошу.

Юля поднялась, гордо прошлась по ковру и села справа от Семена. Пока она шла, все увидели кобуру с пистолетом. Расстегнутую. Она всегда так ходит, подумал Семен в ужасе.

— Мой первый вопрос будет простым. Каким образом незаконно слитый бюджетный бензин миновал охрану?

Юля повернулась к нему — и он даже ощутил ее резкое дыхание на щеке. Ох, как ей не понравилось… надо было начать с чего-нибудь помягче.

— У охраны банка нет привычки препятствовать работе полицейского или его помощников, — ответила она.

— Даже если они не предъявляют нужные бумаги?

— Это Пробка, — протянула Юля, — тут все друг другу доверяют. Я была уверена, что с документами все в порядке. Если с

ними не все в порядке, то вопрос не ко мне, а вон туда, — она махнула рукой в сторону Раисы.

— То есть ты подтверждаешь, что никаких документов ты, как глава охраны, не видела?

— Нет.

Очень хорошо. Скорее всего, Юля, никогда не заморачивающаяся вопросами бюрократии думала, что ничего особенного она не сказала.

— Видела ли ты какие-либо еще преступные манипуляции с бензином со стороны полицейского или его помощников?

— Нет, — ответила Самохина, — более того, я и то, что ты сказал до этого преступлением не считаю.

— Это растрата, — сказал Семен, — в ПДД черным по белому…

— Какое мне дело до ПДД? — перебила его Юля. — Я весь зад себе отсидела, пока вы тут твердили — ПДД, ПДД, документы то, документы се. Весь день обсуждаются одни бумажки. Полицейский брал бензин из бюджета своего участка — вот это новость! Какая разница по бумагам или нет? Он работал ради защиты Пробки. Ради нашего будущего. Некоторые, типа Голоса, наверное, не способны смотреть в будущее, но Андрей не глупец и прекрасно видел будущее, где нас ждет Король. Прекрасно видел разлагающее действие Пешеходов — угрозу изнутри участка! Разумеется, нужен был бензин для организации срочных мер! О каких бумагах вообще речь в такой ситуации…

Семен заметил, что в толпе ее тирада вызвала отклик — люди заворчали, зашевелились и было непонятно, согласны ли они со сказанным или просто переваривают информацию. Присяжные тоже переглядывались. Нужно было перехватывать инициативу.

— Очень удобно защищаться от угрозы, которую сам же создал, — заметил Семен. — Угроза от Короля не приняла бы больших масштабов, если бы полицейский не стал участвовать в сомнительной сделке по покупке оружия. Я призываю присяжных различать в этом моменте причину и следствие.

— Жаль, Андрей, что ты от него не успел защититься, — обратилась Юля напрямую к Загваздину. — Чертов Голос, любимец народа… Кто ж знал, что под этой добренькой маской будет скрываться немирская змея.

Семен увидел, как Редактор закрывает лицо рукой и опускает голову. Он уже предвкушал будущее “я же говорил!”

— Прошу не обращаться к обвиняемому, — сказал Семен и с грустью услышал нотки беспомощности в своей фразе. Захотел свободы слова — получай.

— Мне с тобой разговаривать? — Юля повернулась к нему. Голосу потребовалось немалое волевое усилие, чтобы скрестить с ней взгляд и не отвести его. — С тобой? Так вот моей ответ на все твои вопросы.

Он вынула из кармана конверт, подняла руку вверх и продемонстрировала его толпе. А затем стала рвать — бешено, пальцы побелели от напряжения, скулы прыгали. Она бросила клочки бумаги на столик, их часть подхватил ветерок. Сквозь мельтешащие обрывки Семен увидел внимательный, крайне сосредоточенный взгляд Лаки. Тот, конечно же, узнал конверт.

Сколько сложных разговоров мне предстоит, в отчаянии подумал Семен. Как я мог позвать ее сюда?

— Голос есть Голос, — продолжала плеваться ядом Юля, — не полицейский, а шоумен. Устроил тут фарс. Это и близко не похоже на нормальное ведение дел…

Семен закрыл глаза. Некоторое время слушал, как его методично поливают грязью. Открыл.

— Юра, — позвал он, — уведи, пожалуйста, свидетеля. Юлия Самохина удаляется с заседания.

Толпа зароптала — видимо, люди посчитали это не слишком справедливым.

— Убери от меня руки! — заорала Юля, когда Лаки подошел к ней и отправилась прочь сама. Юра пошел за ней.

— Это все ты! — громко рявкнула она, проходя мимо Редактора. Тот слегка отклонился от нее, как от назойливой мухи. — Твоих рук дело. Я тебе обещаю, ты потеряешь все!..

Лаки слегка подтолкнул ее. Семен смотрел, как она исчезает в толпе. Нужно заканчивать. Срочно сворачивать этот балаган. Он посмотрел на присяжных. Они выглядели растерянными. Ужасно отправлять их на совещание в таком состоянии, но продолжать дальше — невозможно. Он чувствовал, что и сам готов сорваться на крик — причем орать хотелось на толпу вокруг. Идиоты, хотел сказать он,

неужели вам нравится вот это, неужели вы тоже считаете, что полицейский волен делать то, что хочет, никак не считаясь с ними самими, с Пробкой, с народом? Он не Король Бензоколонки, он всего лишь человек поставленный на службу, хотел напомнить он.

Голос разлепил губы. Затравленно огляделся.

— Уважаемые присяжные заседатели могут удалиться в автобус Совета Пробки, чтобы обсудить там услышанное и принять общее решение. Оно будет объявлено через час.

КОНЕЦ 4 ЧАСТИ

Часть 5. Глава 1-1

1

— Не могу поверить, что место второго помощника ты предложил ей! Ей! — Лаки в гневе дернул ремень винтовки, пересекающий грудь.

Надо бы забрать у него оружие, подумал Семен, но даже не двинулся с места. Он чувствовал, что кошмарно устал. Хотелось просто сидеть с закрытыми глазами. И желательно ничего не слышать.

— Нам нужен был перебежчик, — ответил Семен, — демонстрация Питу, что он теряет людей. Когда я передавал ей конверт, она выглядела готовой сотрудничать.

— Она тебя облапошила как ребенка, — ответил Лаки, — что касается тебя… то я могу назвать это дерьмо только одним словом — гребаное предательство.

— Это два слова, — зачем-то сказал Редактор.

— Иди нахер, — ответил на это Юра.

— Это не предательство, это попытка спасти участок.

— Несешь ту же пургу, что и Загваздин нес. Я не знаю, может фуражка черепушку поджимает, а? И вы все такие становитесь?

— Лаки, слушай, я понимаю твое негодование, но давай сначала успокоимся…

— К Городу твое блядское спокойствие! Можешь продолжать дальше разводить суды, говорить всякие слова — это видимо, все что ты умеешь. А я пойду заниматься делом.

Лаки развернулся, чтобы демонстративно покинуть автобус.

— Это оставка? — спросил Семен в спину. Юра обернулся.

— Да. В жопу эти игры в ментов.

— Тогда оставь винтовку и выходи, — спокойно произнес Семен.

— Винтовку? — Лаки усмехнулся. — Хрен тебе. Я же сказал — я пойду заниматься делом. Она мне понадобится. Всего хорошего.

Теперь он не стал останавливаться и быстро выскочил наружу.

— Город… — пробормотал Семен.

Все остальные молчали. Редактор качался на стуле — это было понятно по скрипу.

— Надо его остановить, — сказала Раиса, — он же пойдет стрелять в Пита. И не только его.

— Может, и пусть? — спросил Редактор. — Одной проблемой меньше, если у него получится.

— А если не получится, то от Лаки только кровавое пятно останется, а у Пита будет лишняя винтовка, — заметил Лавочник.

— Что нам делать? — спросил Семен.

— Отмотать время, — предложил Редактор, — и дать тебе хорошенько по голове, чтобы больше не делал таких глупостей. Ты хотя бы с нами мог обсудить этот твой план с Юлей?

Лавочник, кажется, был настроен более серьезно.

— Мы в заднице, — сказал он. — Лаки свалил, а значит его люди тоже очень быстро разбегутся — я потеряю значительную часть своих глаз на участке. Контролировать стратегические точки станет сложнее. Пит вернулся, а значит он готов… к чему бы то ни было. И у нас нет сил, чтобы его поймать.

— К тому же Юля совсем слетела с катушек, — добавил Редактор.

— Я пойду в Банк, — заявила Раиса, поднимаясь. — Боюсь, без меня там начнется…

— С тобой тоже начнется, — ответил Редактор. — Она тебя не боится.

— Мне не нужен ее страх, — Раиса отправилась к выходу.

Редактор подождал, пока она покинет автобус Совета и повернулся к Семену.

— Ты знаешь, я согласен с Лаки. Тебя облапошили. Надо быть идиотом, чтобы довериться Юле. Ты думал ее реально можно купить местом помощника?

— Это была не покупка.

— Называй как…

— Влад, — перебил Семен, снова закрыв глаза. — Пожалуйста, хватит. Хватит нотаций и возмущений. Я облажался, да. Не надо напоминать.

— Ты также сказал, когда я тебе говорил, что ее надо посадить. И к чему это привело?

— Нужно выработать план действий, — сказал Лавочник.

— Не здесь, — ответил Редактор, — и, очевидно, не сейчас. Ты же видишь, наш доблестный полицейский решил поиграть в маленького

обиженного мальчика.

— Да хоть в кого. Чертовы присяжные признали Загваздина виновным только по одному пункту из трех! По одному! Народу при должном давлении, хватит одного толчка, чтобы решить, что это не так уже страшно и вернуть все как было.

— Жители все еще с нами, — возразил Редактор, — да, есть ощущение некоего бурления, но это лишь потому, что воодушевились консерваторы. Но, я думаю, многим людям все же открылись глаза на полицейского… в смысле, на бывшего, конечно.

На нынешнего тоже, подумал Семен. Увидели во всей красе, так сказать. Он понял, что не знает, совсем, что делать дальше. Он смотрел на Лавочника и Редактора чуть ли не с мольбой.

Как будто Эпоха Кожаных курток и не уходила. Глава участка сидит с двумя воротилами и пытается решить, что делать с третьим — который, скорее всего, вооружен.

— Я не знаю, что делать, — решил признаться Семен. — Впервые в жизни — понятия не имею.

— Принес же Город полицейского, — закатил глаза Редактор.

Лавочник оказался более снисходительным.

— Надо прикинуть, что будет делать Пит. Очевидно, что пока он не может выйти на нас с винтовками наперевес.

— Почему? — спросил Семен.

— Потому что еще не вышел, — пояснил Лавочник таким тоном, как будто это должно быть очевидно, — значит, что-то его держит. Будь я на его месте, то уже вовсю бы действовал. Как минимум, ворвался бы в этот автобус и всех тут повязал.

— Согласен, — кивнул Редактор, — видимо, нам лучше не проводить собраний в ближайшее время.

Так и не провел ни одного заседания в прямом эфире, с грустью подумал Семен.

— Что может мешать Питу? — спросил Семен.

— Возможно, тот факт, что у нас тоже было ружье, о чем он, конечно, знает… это ничто против целой кучи винтовок с его стороны, но все равно заставляет осторожничать.

— И теперь у нас ее нет, — констатировал Редактор, — и Пит это, конечно же, скоро выяснит.

— А еще Голос может быть частично прав, и Юля действительно какое-то время сомневалась на чьей стороне быть — и если так, то он просто медлит, потому что не понимает, что ему ждать от вчерашних союзников. Он не сможет захватить Банк, если у нее вдруг взыграет совесть. Точнее, сможет, конечно, но только с большой кровью и, возможно, потерей бензина.

Лавочник как будто довольно долго все это обдумывал — Семен не верил, что он придумывает на ходу.

— Да, — Редактор покивал, — хаотичная стрельба возле цистерны…

— И третий вариант, — продолжил Илья, внимательно глядя на Семена, — Хмурый Пит проверяет, не впрягутся ли за нас другие полицейские. У которых есть что-то посерьезнее, чем целый один пистолет в руках человека, который не умеет из него стрелять.

— Гросс не выглядел готовым нам помогать, — честно ответил Семен, — я имею ввиду, на суде.

— Защищал Загваздина он не особо охотно, — заметил Влад.

— Чистая формальность, — ответил Голос, — чтобы оставаться в рамках ПДД.

— То есть он на нашей стороне?

— Я с ним общался, — признался Семен, — почти сразу после назначения. И просил помощи.

Редактор медленно кивнул.

— О таком, конечно, лучше бы договариваться заранее… чтобы хотя бы был план, что говорить, — его очки блеснули. — Но сейчас не лучшее время это обсуждать. Что он сказал?

— Помощи не будет, — ответил Семен, — Гросс переживает, что это будет выглядеть как оккупация соседнего участка… и что мы именно для этого учинили переворот.

— А этот полицай сечет фишку, — оценил Лавочник.

— Да, довольно дальновидно, — признал Редактор, — но, к сожалению, никак нам не помогает.

Я все еще могу с ним связаться, хотел добавить Семен. Четко обозначить, что я потерял контроль над ситуацией. Тогда есть шанс на помощь.

Он не стал этого говорить. Не хотел признаваться о потере контроля. Ни сейчас — самому себе, ни потом — Адаму Гроссу.

— Похоже, единственное, что мы сейчас можем — это ждать от Пита первого шага. Надеясь, что им будет не стрельба, — пессимистично резюмировал Редактор.

— Отличный план, — с сарказмом заметил Илья. — Может быть, господин полицейский все-таки что-нибудь придумает?

Он выразительно посмотрел на Семена.

Что ты от меня хочешь, подумал Голос. Я не гожусь для этой работы. Я хуже Загваздина. Тот хотя бы знал, что делать. Дела эти дурные и вредные, но они хотя бы просто были.

— У тебя нет плана на случай, если твой фарс с судом не сработает, да? — спросил Редактор. Без иронии, что удивительно. Просто с грустью и разочарованием.

Семен помотал головой.

— Я включу мигалку, — выпалил он. Слова вылетели быстрее, чем сама даже мысль сформировалась в голове, чтобы он ее обдумал.

— Объявить чрезвычайное положение? — спросил Редактор. — Но зачем?

— Не знаю… — пробормотал Голос. — Всколыхнуть людей. Растрезвонить по радио, что у нас — ЧП, участку угрожает бандитская вооруженная шайка. Пусть все жители участка станут нашими глазами и ушами — пусть вертят головой на триста шестьдесят.

— Это будет просто паникующая толпа, — покачал головой Лавочник.

— Возможно, это то, чего ждет Пит, — согласился Редактор. — С другой стороны, если он хочет подобраться к нам тихо, то нам имеет смысл наоборот, топать и орать, чтобы все обратили внимание…

— К тому же, это единственное, кажется, что я умею, — добавил Семен, — колыхать народ своими словами.

Лавочник усмехнулся. Редактор развел руками. Они не одобряли это решение полицейского. Но и были не против, потому что лучше любое решение, нежели ожидание пока тебе к затылку приставят дуло винтовки.

* * *

Семен сидел на месте водителя, спиной к студии. Он слегка откинул кресло, закрыл глаза и старался ни о чем не думать. Пересмешник вещал — полицейский разыскивает Петра Глушакова и

важна любая информация о его перемещениях. Преступник вооружен и у него могут быть сообщники.

Со дня переворота прошло меньше двух месяцев, и уже все разрушалось. Семен чувствовал глубокое разочарование — и в себе, и в Пробке. Он остро ощущал собственную неспособность к эффективным действиям, к принятию сложных решений в условиях полной неизвестности… он не выдерживал тяжести ответственности, которую на него с размаху забросила толпа.

Теперь вся надежда на эту толпу — что они просто своим числом покажут, что даже десяток винтовок не сможет здесь ничего сделать. Хмурый Пит, конечно, последний человек, который обращает внимание на общественному поддержку, но у него всего лишь две руки. Остальные винтовки придется держать остальным и эти остальные могут благоразумно сложить оружие.

Слабым звеном здесь остается только Юля. Она — ключ к Банку, и она, несмотря на всю свою с детства взращенную ненависть, несмотря на все, что произошло на суде, еще может поступить правильно. Она может сколь угодно ненавидеть Семена или Редактора, но нельзя ненавидеть свой участок и всех своих соседей поголовно.

Эфир закончился. Семен услышал, как его друзья стягивают с себя наушники, как скрипит Сашкино кресло — тот привычно потягивается.

— Хороший эфир, — не поворачиваясь, сказал Семен, — Юсуф, все как обычно супер.

— Ты там Город призываешь? — спросил Сашка. — Сидишь как свидетели Продвижения.

— Тогда бы я выбрался на крышу, — ответил Семен, — так что я призываю так, мелочи — например, чтобы все поскорее как-то устаканилось и желательно без моего участия.

— Мне казалось, не настолько все плохо, — ответил техник.

— Я планировал, что мы к этому времени уже будем проводить заседания в прямом эфире — зря ты что ли туда провода тянул? А теперь получается, нам всем Советом даже собираться вместе публично не стоит. Возможно, Пит ждет именно такого момента. Прихлопнуть всех разом.

— Ты думаешь, что все рушится, — констатировал Сашка, — но ты не прав. У тебя лишь одна проблема — Пит. Остальное — просто

задачи, которые мы решим.

Провальный суд мы не решим, грустно подумал Семен. Самохина тоже не похожа на простую задачу. Разгуливающий где-то Лаки с винтовкой наперевес, нарастающий продовольственных кризис, консервативные настроения жителей… перечислять можно бесконечно.

— Одного Пита достаточно, чтобы все нам разломать, — ответил Семен, решив не грузить друга. — Ты их не видел, Саш. Особенно Исидора. Они озираются, они пугаются громких звуков. Совет Пробки, который должен сделать участок снова великим, деморализован одним только фактом, что Пита видели неподалеку.

— Мы его победим, — заметил Пересмешник и в нем чувствовалась наивная детская убежденность, — пока радио посылает в эфир наши слова, пули не так страшны.

О, эта наивная вера в то, что перо сильнее штыка. Увы, это верно лишь с точки зрения истории и ее огромных временных промежутков. В краткосрочной перспективе штык имеет колоссальное преимущество.

И к сожалению, обычно он в руках отъявленных мерзавцев. Хорошие люди не имеют привычки тыкать других острыми предметами.

— На радио вся надежда, — сказал Семен, обернувшись на протеже, — и на всех, кто сегодня тебя слушал.

— Глушаков тоже просто сидеть не станет, — заметил Сашка, — он наверняка тоже слушал.

— И хорошо, — стараясь звучать уверенно, ответил Голос, — быстрее покажет себя, быстрее поймем где он.

Боюсь только, нам очень не понравится, как он себя покажет, подумал Семен и снова закрыл глаза.

Ч5. Глава 1-2

2

Срочное собрание решили проводить в Рефрижераторе. Инициатором стала Раиса.

— Хмурый Пит снял все свои сбережения со счетов банка, — сообщила Раиса Семену, искоса глядя как он неуклюже пролазит в ремни кобуры. — Его мелкие сошки тоже слили с цистерны свои капли.

— Прям зашел в Банк и снял?

— Не лично, конечно.

Редактор выглядел глубоко ушедшим в себя. Семен, не зная как реагировать и не желая выдать эмоции, продолжил вертеться, пытаясь сделать так, чтобы рукоять пистолета торчала под левой подмышкой.

— Может, хотят свалить, — подал голос Лавочник из темноты Рефрижератора. Его совсем не было видно — только огонек сигареты и табачная вонь говорили, что тот здесь. — Может, за тем и возвращались.

— А Юля? — вынырнул Редактор из забытья.

— Что Юля?

— Она свой бензин не забрала?

— Нет, — протянула Раиса, задумавшись, — у нее вообще нет счета в банке…

— Сама охраняет, но бабло не доверяет? — усмехнулся Лавочник. — Невысокого она мнения о себе.

— Я думаю, она не доверяет бензину в целом, — откликнулась Раиса.

— Что мудро, — откликнулся на это Редактор.

— Проще всего, — откликнулся он, — сходить к Питу и спросить у него самого. Пока он никого не убил, или его не убил Лаки. Я просто выйду открыто как полицейский…

— Нет, — помотал головой Редактор, продолжая глядеть в точку.

— Совсем с ума сошел? Он тебя убьет, — заявила Раиса.

— Что, пистолетиком обзавелся, сразу смелый стал? — усмехнулся Лавочник. — Ты видел, что он сделал с Лаки. А ты ему

насолил гораздо больше.

А Влад вдруг встал и подошел к Семену вплотную и посмотрел снизу-вверх.

— Ты понятия не имеешь, кто такой Хмурый Пит, — прошипел он прямо в лицо, — для тебя это просто большой пузатый богач с окраины. С волосатыми руками и грубыми повадками… Он бывал здесь, — продолжал Редактор скрипучим шепотом. — Прямо тут, в Рефрижераторе. До того, как он стал типографией… А ты помнишь, Голос, помнишь, чем был он тогда?

Все детские страшилки про отца Редактора неожиданно всплыли в памяти. Конечно, он помнил их. Рефрижератора сторонились, потому что все знали, что большой бизнесмен ведет там свои дела — самые темные из его дел.

Редактор отвернулся от Семена и сел обратно.

— Его батю звали Глушителем, — сказал он, — и он работал на моего отца. Выбивал долги. Прямо здесь. Холодильная установка тогда еще работала. А по центру стоял стул. Должника привязывали к стулу, а стул — к крючьям на потолке, — все автоматически подняли головы наверх, но ничего не увидели — Редактор все демонтировал, когда перенес сюда типографию.

— Глушитель чередовался с холодом. Сначала человека подмораживали, пока у него него не чернел кончик носа. Потом приходил Глушитель. И бил по этому самому носу. И по другим местам. И давил пальцы на ногах. Затем Глушитель уходил и снова включался холодильник… Так повторялось несколько раз. Потом должника отпускали. Как правило он находил деньги через пару Продвижений. Очень быстро. Глушитель был идеальным мотиватором.

Редактор помолчал и даже краем рта улыбнулся, будто воспоминания ему нравились.

— Вот только кое-чего Глушитель не знал, — продолжил он. — Что его сын, тупой, мало на что способный… тоже сюда заходил. Мой отец не счел нужным рассказывать, что он использует шайку подростков во главе с Питом для некоторых своих дел. Эти ребята… Ваши одноклассники, твои, Раиса, ученики…

— Пит у меня не учился, я пришла позже, — хрипло ответила Раиса, которая в молодости преподавала математику — в том числе и Семену.

— Неважно. У него и помладше были в банде. В общем, они были страшно эффективны. Толпа озлобленных, остервенелых отроков. Когда отец случайно узнал, что у меня проблемы в школе с некоторыми… приятелями… через некоторое время я заметил, что Пит постоянно трется рядом. Папа снарядил его охранять меня, — Влад усмехнулся, — тот перевыполнил свою работу на 500%. За косой взгляд в мою сторону у любого потом заплывали оба глаза… Через некоторое время, конечно. Пит выдавал отложенные штрафы, чтобы не палить причины. Но я-то прекрасно все понимал…

А потом Влад заболел и отец устроил ему домашнее обучение. Никто не видел кособокого мальчика целый год. После борьбы с болезнью тот объявился снова — совсем другим человеком. С черным проблеском Редактора в глазах.

— Я знаю как минимум три случая, когда Пит перестарался. Тогда прихвостни отца ночью вытаскивали тело из Рефрижератора и выкидывали за Обочину, — Редактор посмотрел Семену в глаза. — Не думаю, что с этим человеком можно поговорить хоть о чем-нибудь. Он убьет тебя, меня, любого, кто придет.

Молчание тянулось довольно долго. Причем Семен чувствовал, что все, как и он, шокированы не столько подробностями ужасов детства Хмурого Пита, сколько самим фактом откровенности Редактора.

— У меня один вопрос, — прервал молчание Лавочник, достоверно имитируя бодрую веселость в голосе, — раз он был весь такой твой защитник. Что же сейчас случилось?

— Мы по разные стороны баррикад, — пожал плечами Редактор. — Тот за власть полицейских, за закрытые границы и запреты… А мы — наоборот.

Лавочник погасил сигарету и хмыкнул, давая понять, что не удовлетворен ответом.

— А еще он уверен, что я убил своего отца, — после некоторого колебания добавил Влад, — и Глушителя тоже.

Глушитель умер от сердечного приступа незадолго до того, как кто-то разобрался с отцом Редактора. Ни у кого не было сомнений, что это логичная смерть для здорового амбала, ведущего не самую спокойную жизнь.

— Но сейчас важно не это, — добавил Редактор своим обычным деловым голосом. — Вероятнее всего Пит и Юля планируют захват банка. Они закрыли вклады на случай неудачи. У Пробки не так много стратегически важных мест, но Банк — первая из них. Следующей станет радиостанция.

Семен машинально обернулся в ту сторону, где была студия — взгляд, понятное дело, уперся в гладкую стенку, но он прекрасно видел в своем воображении сосредоточенного Сашку за пультом и потного от волнения Пересмешника за микрофоном.

— Если они хотят захватить банк, то уже это сделали, пока мы тут разглагольствуем, — ответила Раиса, — минимум половина охраны лояльна своей начальнице. Им ничего не стоит этого сделать.

— Но они еще не сделали, — ответил Редактор, — нам бы уже сообщили.

— У нас нет сил защитить банк, — сказал Семен. — И радиостанцию.

— Это верно, — кивнул Редактор. — Мы просто сольем цистерну.

— Что?

— Не на асфальт, конечно, — пояснил Редактор, — но все канистры и во все бензобаке, что только есть на участке.

— Это займет время, — сказала Раиса. — Это займет много времени!

— Значит, нужно начать прямо сейчас.

* * *

— Если захват банка будет успешным, то следующей целью будет радиостанция, — честно сообщил Семен.

Сашка некоторое время думал, криво улыбаясь — его обычная реакция на опасность.

— Как дадите в эфир про бензин — включайте какую-нибудь запись и покиньте студию.

— Мы будем вещать до конца, — отрезал Сашка сразу же.

— Вот этого не надо, — поморщился Семен. — Попробуй не сберечь мне Пересмешника!

— Посмотрим по ситуации, — сказал Сашка. — А ты куда?

— В Банк, — ответил Голос, — люди с канистрами явно захотят меня увидеть, послушать…

Сашка покивал.

— Осторожнее там.

Они пожали друг другу руки и разошлись. Семен знал, что несмотря на все героические заявления Сашка сделает все, как он просил. Закроет радиостанцию, и они с Пересмешником переместятся куда-нибудь в более безопасное место. Когда дело касалось целостности шкурки, Сашка становился очень практичен.

Семен еще издалека увидел, что на цистерне в привычной скучающей позе сидит охранник и немного успокоился. Это значило, как минимум, что пока ничего не происходит.

Однако уже через минуту все спокойствие закончилось — под колесами грузовика — и уже даже под автобусом банковского офиса — масляно блестела и разноцветно переливалась огромная лужа бензина.

Что-то случилось, и Раиса решила сливать бензин просто так? Хмурый Пит вмешался, когда люди уже сливали бензин в свои канистры?

Не слышно было ни выстрелов, ни криков — значит, ничего страшного еще не произошло.

Впрочем, через секунду Семен увидел и охрану, и людей. Все случится вот-вот. Его схватили за плечо, и он резко дернулся и обернулся. Рука легла на кобуру, как будто всегда так делала.

— Это я! — сдавленным шепотом сказал ему Редактор.

Влад одновременно выглядел испуганным и собранным. Казалось, он балансирует на грани — может внезапно в панике убежать, если хлопнуть рядом в ладоши, либо наоборот вдруг выйти вперед и все немедленно прекратит одним властным словом.

Впрочем, это предстояло сделать не Редактору, а самому Голосу.

Людей было много — они стояли меж машин с ведрами, канистрами, бутылками, еще какими-то емкостями — все, кто откликнулся на зов. Голос и Редактор стали протискиваться через эту толпу. Перед людьми цепочкой стояла охрана банка вперемежку с людьми Пита — бывшими дружинниками. Вооружены были все. Во главе стояла Юлия и напряженно курила. Лужа начиналась в считанных метрах позади ее каблуков.

— Они все с винтовками! — прошептал Редактор. Семену оставалось только кивнуть. Да, действительно, оружие все это время было у Пита. Но где он сам?

— И еще бензин, — шепотом ответил Семен.

— Да, я заметил. Плохо дело.

Ситуация была патовая. Юлии явно не хотелось приказывать открывать огонь по собственным соседям. Возможно, будь на ее месте Хмурый Пит, он бы не сомневался. Семену такая задержка была на руку.

Он не придумал ничего лучше, чем залезть на ближайший автомобиль. Люди оглядывались на него с тревогой и шептались. Редактор зачем-то покарабкался следом.

Голос выпрямился на крыше и посмотрел на Юлию.

— Как избранный полицейский, я хочу узнать по какому праву охрана банка препятствует этим людям попасть к своим сбережениям? — то, что в оцеплении были не только охранники, Семен предпочел опустить.

До этого Юлия как будто не замечала его — но после вопроса подняла глаза, но продолжала молчать.

— Если начальник охраны не может или не хочет отвечать мне, то я готов услышать любой вразумительный ответ от других людей в оцеплении, — Семен обвел взглядом вооруженных людей. Они, к счастью, ни в кого не целились — винтовки смотрели в асфальт. Но вскинуть их к плечу хватит и мгновения. И они молчали.

— Могу я сказать, — вдруг раздался хриплый голос слева. — Как человек из толпы.

Семен повернул голову. Хмурый Пит. Конечно. Он тоже теперь стоял на автомобиле и у него была винтовка. Он держал ее дулом вверх, в одной руке, а другую будто слегка протягивал Семену. И улыбался.

— Эти люди ведь не по своей воле пришли, — продолжил Пит, — а потому что ты так им сказал. Да, говорил твой мелкий пацан, а бумажки подписывала бы Раиса, но это все ты… а не их собственное решение.

Он немного помолчал, а потом вдруг наигранно встрепенулся. Дуло винтовки качнулось.

— Ах да! Я совсем забыл. Ты же ничего не решаешь, Голос. У тебя есть маленький серый сволочной зверек за спиной… который и нашептал это все.

— Надо уходить, — прошептал Редактор, стоявший за правым плечом. Семен совсем забыл про него. Пит теперь смотрел на Влада.

— Но вот, что я тебе скажу, мой маленький очкастый друг, — Пит опустил винтовку и взял ее в обе руки, — ты опоздал. Твои деятельные слуги ничего не успели, а твой главный прихлебатель — этот Голос — по полной облажался. Скажи-ка, микрофоний придаток, ты с детства так легко резину меняешь? Сначала славил Загваздина, всюду за ним таскался… а теперь нашел нового папочку и быстренько переметнулся?

Толпа недовольно загудела. Семен не понял — в защиту его или наоборот, соглашаясь с Питом.

— Говори со мной, — сказал Семен, — и обращайся ко мне. Тебе передо мной ответ держать. Я твой полицейский.

Это была бессмысленная бравада, но нужно было хоть что-то сказать, потому что Пит полностью владел ситуацией. Еще очень хотелось выхватить пистолет, но он прекрасно знал, что Пит выстрелит раньше, чем Семен успеет двинуть рукой.

— Ты никогда не был и не будешь моим полицейским, — ответил на это мятежник. — Мы обескровим всю вашу шайку. И начнем с головы.

Пит посмотрел на Юлию. Та продолжала курить, глубоко затягиваясь.

— С тебя начнем, Редактор! — крикнула она. — Сожжем все твои денежки!

Толпа заорала. Все вдруг поняли, что сейчас произойдет. Минуту назад они сомневались, что стоящие перед ними вооруженные люди — опасные неадекваты. Теперь же они отбросили все сомнения.

Но поздно.

Юля затянулась ещё раз, обернулась — и бросила окурок в лужу бензина. А потом одновременно произошло очень много всего, поэтому Семён успел увидеть только кусочки каждого действия — взметнулось пламя и почти сразу же кольцом охватило цистерну, тут же ярко занялись покрышки у всех машин, попавших в бензиновое пятно. Ополоумевший охранник сиганул с цистерны вниз и улетел за Обочину. Хмурый Пит вскинул ружье...

Раиса вдруг вынырнула из толпы — и с непонятным криком, который Семён возможно выдумал — ну не может человек издавать таких звуков — толкнула Юлию изо всех своих небольших сил. Та сделала несколько резких шагов назад, пытаясь устоять и хлопнулась

задницей в огонь, который сама же и породила. Оглушительный хлопок, и у Раисы взрывается висок. Пит выбрал цель и сделал точный выстрел.

Пит стал поворачивается в их сторону. Поэтому Семен успел схватить Редактора за рубашку и сигануть вместе с ним вниз. Они упали между капотом и багажником машин до того как раздался второй выстрел. Взвизгнул рикошет где-то наверху.

У Редактора при падении хрустнули то ли очки, то ли кости, но Семен приземлился довольно удачно и теперь закрывал голову руками, спасаясь от ног в панике суетящейся толпы.

— Ползком! — шипит Редактор, нашаривая очки, закатившиеся под машину.

Они ползут, а позади новые выстрелы.

— В кого он стреляет?

— Надеюсь, не во всех без разбора.

Цистерна взорвалась, когда они уже добрались до барьера. Асфальт перед носом Семена коротко осветило оранжевым, короткий бум, и рев пламени ударил по ушам и качнул ближайшие машины. Хлопнули стекла. Сработала сигнализация.

Редактор не остановился, пока не завернул за машину в крайнем ряду, а Семён задержался, чтобы оглянуться — и увидел взвившийся над Пробкой быстро гаснущий огненный шар.

А еще он увидел Пита. То есть сначала он увидел ружьё, валяющееся на асфальте. А потом уже самого убийцу — того перекинуло взрывом через багажник небольшого седана. Руки свисали почти до асфальта, где лежала винтовка, а спина горела.

Семён отвел глаза, а потом снова посмотрел на винтовку. По хорошему, нужно ее взять — но Семенне успел, потому что рванул второй инкассатор. Семена обдало жаром и откинуло на спину. Вокруг по асфальту и бортам машин застучали осколки стекла.

Семена кто-то схватил за плечи, приподнял и потащил прочь. Голос инстинктивно стал отбрыкиваться.

— Тихо-тихо, это я, придурок! — заорал Редактор, когда кулак Семена по касательной прошёлся по его подбородку.

— Я сам могу идти, — сказал Семён. Редактор выпустил его.

— У тебя кровь, — сообщил Влад, вглядываясь Семену в лицо. Тот не успел осознать этот факт и почувствовать боль в посеченном

стеклянной шрапнелью лице — завыла сирена, покрывшая все остальные звуки. Это была не полицейская машина — звук отличался.

Смотри! Редактор ткнул пальцем против хода Пробки. Там мерцала мигалка.

— Пожарка, — догадался Семён. Он представил, как сейчас его отец и Третьяк разматывают рукава шлангов.

— Они разберутся, — сказал Редактор и повторил свою мантру. — Надо уходить.

— Пит мертв.

— Не Пит наша проблема, балда! А огонь.

Влад был прав. Становилось жарко и, кажется, кроме них уже все сбежали подальше.

— В студию! — сказал Влад.

— Там никого нет, — ответил Семен, — я попросил Сашку дать эфир, а потом увести Пересмешника…

Выстрел и снова визг рикошета — так близко, что у Семена зазвенело в ушах. Боковое стекло ближайшей машины рассыпалось от попадания.

Они снова пригнулись.

— Нас сейчас убьют, думай, — сказал Влад.

О чем, хотел спросить Семен, чувствуя как подкатывает паника.

— Твою ж! — внезапно воскликнул Редактор. — Пит!

Семен проследил за его взглядом. К ним действительно приближался Пит, но, кажется, их не видел, так как уже застрелил бы. Он дымился, его шатало, ствол винтовки болтался из стороны в сторону.

— Бежим! — шипит Редактор.

Они побежали прочь пригнувшись. Прозвучал еще один выстрел, но пуля, кажется, ушла куда-то высоко в воздух.

— Я думал он мертв! — прошептал Семен. — Он горел!

— Я говорю, ты его совсем не знаешь.

Они поползли на четвереньках, битое стекло впивалось в ладони и колени, а Редактор все повторял как заведенный — “Думай, думай!” Кажется, он говорил это уже себе, а не Семену.

— Я выйду в эфир. Сам.

— Никто не будет слушать радио сейчас, — заметил Влад, но Голос уже все решил.

Ближе к студии они рискнули подняться. Позади уже никого не было — только высоко поднималось пламя, а еще выше — щербатый, жирно перекатывающийся столб дыма. Пита видно не было — скорее всего, раны все же заставили его остановиться.

Они были уже почти на месте, когда мимо них побежали люди с ведрами и канистрами воды. Затем он увидел отца в спецовке, тащившем в руках железный конец рукава.

— Эй! — крикнул он. — Сёма, ты оттуда? Что произошло?

— Цистерна, — коротко ответил Семён. В глазах отца метнулся ужас, но он справился с этим мгновенно, кивнул и побежал дальше.

— Они не справятся, — сказал Влад. — Слишком много бензина вокруг.

— Они и не будут тушить, — они добрались до студии, и Семён остановился. — Они будут заливать водой кольцо вокруг пожара. Пока внутри все не выгорит. Иди к Рефрижератору. И готовься управлять эвакуацией.

Редактор кивнул.

— А я не ошибся, — вдруг с усмешкой сказал он и побежал дальше.

— В чем? — крикнул Семён, но ответа не дождался.

Он откатил дверь студии и сразу же наткнулся на пистолет, направленный прямо ему в грудь.

К счастью, пистолет тут же упал на пол, а Сашка, в чьих руках он, внезапно, был, бросился к Семену.

— Это ты! — воскликнул он. Схватил Семена за руку и втащил внутрь. А затем быстро закрыл дверь и снова взялся за оружие.

В студии было битком, но Семён в первую очередь уцепился не за это.

— Откуда у тебя пистолет?!

— Это мой, — с переднего сиденья оглянулся Лавочник.

Помимо Саши и Лавочника в студии были Луи, Пересмешник и Пыль.

— Я хочу выйти в эфир, — сказал Семён. — И пока я буду говорить — чтобы ни звука.

Ч5. Глава 1-3

3

Эфир кончился больше трех минут назад, но Семен боялся поднять глаза от микрофона и посмотреть на остальных. Не знал, как они среагируют.

Он только что объявил, что считает себя виновным в произошедшем и потому снимается с должности полицейского. Голос был уверен, что большинство посчитают, что это была трусость.

— Это не тебе решать, — Пыль нарушила молчание первой.

— Не мне решать, кем я хочу быть? — тихо спросил Семен.

— Ты только что объявил, кем ты не хочешь, — поправила Пыль.

— Неважно, — ответил он.

Снова повисло молчание. Было душно, хотелось выйти наружу. Но Семен боялся пошевелиться.

— Кхм, — привлек общее внимание Лавочник, — я, конечно, понимаю, момент трогательный, но тут восставшие из мертвых.

Семен повернул голову и сразу увидел Юлию. Она была еще далеко, а вокруг нее — несколько человек с винтовками. Отряд казался черным на фоне огня. И цель его была очевидна.

— Всем быстро покинуть студию, — сказал Семен и повернулся в кресле к выходу.

— Последнее, что я сделаю — это оставлю студию этим придуркам, — ответил Сашка ему в лицо и демонстративно передернул затвор у пистолета.

— У нас нет времени на споры. Пистолеты против винтовок — исход очевиден.

— Я полностью соглашаюсь с нашим вождем и, если никто больше не хочет… — Лавочник тихонько приоткрыл водительскую дверь и выскользнул наружу.

— Пересмешник, быстро за ним, — приказал Семен, — он найдет убежище для тебя.

Но мальчишка упрямо помотал головой.

Тем временем отряд Юлии рванулся куда-то в сторону, раздались выстрелы — и сразу за ними крики.

Семен успел понять, что произошло, еще до того, как впереди все утихло. Исидор. Там была машина Исидора.

— Они охотятся на членов Совета, — сказал он. — Юля не Пит, у нее должны остаться крупицы разума. Она должна понимать, что трогать радиостанцию и ее работников нельзя. Но если тут будем мы, — он посмотрел на Пыль, — они никого не пощадят.

План народился очень быстро — ему сопротивлялись все, кроме дрожащего от страха Луи. Однако, когда карательный отряд приблизился настолько близко, что можно различить лица, решение было принято чисто из необходимости. У внезапно осмелевшего Сашки лучшего плана не нашлось, так что стали действовать.

Пыль и Семен выбрались через заднюю дверь, которую не открывали уже миллион Продвижений. Снаружи Голос достал пистолет из кобуры, и они, пригнувшись стали пробираться прочь.

Остальные же вышли через пассажирские двери. Безоружными и с поднятыми руками. Сашка предварительно спрятал пистолет в каком-то своем укромном уголке — на тот печальный случай, если все же придется им воспользоваться.

Чтобы убедиться, что с ребятами все хорошо, Пыль и Семен остановились у небольшого минивэна и проследили за сценой через стекло.

Отряд не сразу заметил сдающихся людей. Среди них был Высокий — и именно он окликнул остальных, быстро нацелив свою винтовку Сашке в грудь. К нему быстро подтянулись остальные, взяв на прицел Пересмешника и Луи.

А потом появилась и сама Юля. Пыль не сдержала сдавленного возгласа, Семен почувствовал, как его бросило в пот, будто пожар резко приблизился.

У нее практически не было половины лица. Хорошо проглядывали зубы на том месте, где должна быть щека. Вокруг глаза кожа и кровь спеклись в твердую корку, но сам глаз уцелел.

Оставалось только догадываться, почему она сейчас не катается по асфальту от дикой боли.

Сашка и Юля обменялись репликами. Та наверняка спрашивала о Голосе. В один момент она подошла к радиотехнику близко-близко, нос к носу — и долго смотрела ему в глаза. Потом произнесла еще что-то и, видимо, отдала короткую команду, потому что ее свита вдруг

зашевелилась, окружила пленников и поставило на колени. Двое из отряда отделились и залезли в студию — по всей видимости, для обыска. Сама Юля стала пристально осматривать окрестности.

— Я думаю, они пообещали их убить, если найдут нас, — прошептала Пыль. — Надо уходить.

Семен не хотел уходить. Он боялся, что Юлия изменит решение — и его друзей, людей дела всей его жизни просто пристрелят, пока он будет убегать, повернувшись к ним спиной.

Но рассудок взял свое. Он отвел глаза и они внаклонку побежали прочь.

— Могут быть и другие отряды, — прошептал Семен. — Дойдут до всех. Нам нужно на территорию Гросса.

— Хорошо бы предупредить остальных.

Остальные… Семен только сейчас понял, что Третьяк жил там, у огня, и скорее всего отправился на помощь отцу... Юлия не могла не пройти мимо них. У него резко перехватило дыхание, он споткнулся и упал. Пыль резко остановилась рядом.

— Что случилось? — спросила она. На лице был настоящий испуг, которого раньше не было. Это привело Семена в чувство. Удивительно было видеть, как человек боится за другого, сам находясь в смертельной опасности.

— Рефрижератор, — сказал Голос, поднимаясь, — надо туда. Редактор там. Кроме него, кажется, никого не осталось.

Еще, конечно, Лавочник, но Семен не сомневался, что тот уже далеко.

Они двинулись дальше. Пыль, кажется, поняла, что произошло и пару раз Семен ловил на себе ее полный жалости взгляд. Люди им почти не встречались — видимо, все забрались в свои автомобили, не придумав лучшей защиты от стихии. Несколько раз все же, Семен натыкался на прохожих — те молча давали проход, кто торопливо, кто с испугом, а кто, как показалось Голосу — с сомнением. Возможно, они гадали, а не стоит ли придержать этих ребят, и тогда люди с винтовками оценят — и не будут трогать.

В кабине водителя рефрижератора сидела Бриджит, пристально наблюдая за Дорогой. Семен встал в полный рост, Пыль встала за ним. Они подошли ближе, Бриджит им коротко кивнула. Они обогнули гладкий металлический бок и столкнулись нос к носу с Лавочником —

тот сидел, свесив ноги с заднего борта. Обе створки были открыты, типография — наверняка впервые в жизни — была ярко освещена солнцем.

— Неплохо, — сказал Лавочник, глядя на них, — тоже проснулись мозги?

Семен проигнорировал вопрос, как и тот факт, что контрабандист никак не поинтересовался судьбой остальных.

Внутри никого, кроме самого хозяина типографии, не было и громко тарахтел печатный станок.

— Юля жива, — выпалил Семен, — и с отрядом выискивает членов Совета.

— И убивает, — добавил Редактор, — да, я в курсе. И на твоем месте, я бы не стоял там с назидательным видом, а сбегал бы до машины и собрал пожитки.

— На это нет времени. Я хочу успеть выбраться к Гроссу.

— Там-то они тебя и будут искать, — отозвался Лавочник.

— Нас защитят, — парировал Семен.

— Не будь наивным, — с усталостью в голосе произнес Редактор, — Гросс не будет рисковать своими людьми даже ради Голоса. Он очень практичный полицейский, если ты не заметил.

— Он прав, — сказал Лавочник. — Но нужное место есть. И я вас отведу.

— У твоей машины наблюдатель, Семен, — Редактор взвесил рюкзак в руках, — он бы сообщил, если бы до нее добрались. У вас есть немного времени.

Спорить дальше было глупо, поэтому Семен только кивнул и развернулся. Они с Пылью миновали два ряда, миновали мальчика, который вроде бы и играл с подшипником, а вроде и неотрывно наблюдал за большим зеленым общежитием и седаном рядом с ним.

Они с Пылью условились встретится за обширной кормой автобуса. Семен раскрыл багажник — там уже лежал собранный рюкзак с вещами. Он был собран совсем для другого, совместно с Агатой… Семен встряхнулся.

В салоне он нашел две бутылки с водой, снял с зеркала заднего вида подвеску, подаренную Агатой, повесил на шею и спрятал под одежду.

Пыль уже ждала его — у нее была просто огромная сумка.

— Весь архив взяла? — спросил он, улыбнувшись.

— К сожалению, не весь, — вздохнула Пыль. — Только то, что брала читать домой.

Семен предложил поменяться сумками и взять себе более тяжелую, но девушка отказалась.

Они без происшествий вернулись к Рефрижератору. Около него стояли двое подростков — мальчик и девочка, очень похожие друг на друга. Печатный станок уже не работал, и Редактор отдал детям две тяжелые стопки листовок.

— Что это? — спросил Семен, подходя. Он взял верхний листок у девочки-подростка и перевернул.

«Сохраняйте спокойствие. Выжившие члены Совета приведут помощь»

— Это же вранье, — сказал Голос, — мы просто убегаем.

— Это гораздо лучше твоего последнего эфира, — отрезал Редактор.

Дети разбежались — рассовывать листовки под щетки дворников, а остатки Совета вдруг осознали, что сейчас они покинут родные места — и неизвестно как надолго.

Лавочник выглядел наиболее спокойным. Он уже так делал — каждый раз, когда полицейский вдруг вспоминал о проблеме черного рынка. А вот остальные выглядели потерянными. Даже Редактор потерял в надменности и самоуверенности.

— Я тут кое-что выяснил, — сообщил Лавочник Пыли и Семену, покинув Рефрижератор. У него за спиной висел тряпочный светло-зеленый рюкзак — худой и легкий, будто там и не было ничего.

— Наш дружок, — он кивнул в сторону Редактора, который стоял спиной и, кажется, мысленно прощался с печатным станком, — потерял при взрыве цистерны… как думаете, сколько?

Семен только сейчас понял, что он и сам лишился своего вклада — куда более существенной суммы, чем сейчас покоилась в багажнике оставленного автомобиля. Но почему-то огорчали именно эти канистры, которые вполне вероятно достанутся прихвостням Юлии и Пита, а не родителям.

— Ты банкрот? — спросила Пыль у спины Редактора.

Лавочник засмеялся.

— Ноль! — воскликнул он. — Ни-че-го! Наш богатей не держал денег в цистерне.

— Я почти не держу активов в бензине, — отозвался Редактор и повернулся. — Юля даже будучи временной главой Банка не догадалась посмотреть в документы и выяснить это. Она просто сожгла деньги Пробки. Давайте уходить.

Редактор задраил типографию, ключ положил в карман.

— Пока меня нет, в типографии никому делать нечего, — пояснил он. Семен хотел съязвить, что достаточно сильных рук и болтореза, и Хмурый Пит, если выживет, сам решит, что ему тут делать, но не стал. Впервые в жизни он испытал что-то вроде жалости по отношению к Редактору. По факту он оставлял дело своей жизни — как и Семен, впрочем. Но у него хотя бы есть кому подхватить.

Влад дал какие-то указания Бриджит — они около минуты разговаривали в кабине, и они готовы были отправиться.

— И куда мы идем? — спросил Семен у Лавочника.

— В хорошее место, — ответил тот.

Он подошел к Барьеру, оглянулся в одну и другую сторону, уперся руками, напрягся — и перевалился на другую сторону. Лавочник был в Антимире.

— Давайте! — сказал он, повернувшись обратно.

Первой решилась Пыль. Перекинула сумку, решительно подтянулась — и вот она тоже в Антимире.

— Как будто ничего не изменилось, — Пыль посмотрела на свои руки, потом с интересом огляделась.

Семен обернулся, пытаясь увидеть свой автомобиль и вооруженных людей, суетящихся вокруг него, но, конечно, ничего не увидел, только серьезное лицо Бриджит, наблюдавшее за ними из кабины Рефрижератора.

Затем он тоже подошел к Барьеру. Редактор уже был на другой стороне и даже прошел на один ряд глубже.

— Давай, Голос, а то уйдем без тебя и будешь сам рассказывать Юлии, за какое место тебя лучше подвесить, — деловито сообщил Лавочник из другого мира.

Пыль ободряюще кивнула.

Семен упер руки в шершавый бетон, напряг мышцы — повис на них — ощущение было странное, будто он снова в детстве перелезает

через борт кузова самосвала с песком, где у него, Олафа и еще нескольких ребят была тайная неподвижная миниатюрная Пробка из песка. Затем он перебрался через Барьер и оказался в Антимире. Некоторое время смотрел перед собой, пытаясь осознать свое положение. И только потом обернулся.

Теперь его собственный мир стал противоположностью, Антимиром. Если бы он не знал все эти машины, все эти знакомые места — то наверняка не смог бы отличить свою Пробку от чужой, в которой сейчас находился. Это создавало странное ощущение в голове. Будто он сейчас никуда и не перебирался, ему показалось.

— Валим от барьера, — приказал Лавочник.

Они прошли в глубь чужих рядов. Семен заметил несколько любопытных взглядов, но в целом люди как будто не обратили на них внимания.

— По нашу душу не явится местный полицейский? — спросила Пыль.

— Не думаю, — ответил Лавочник, — никогда такого не случалось. Хотя, конечно, четыре человека могут и заинтересовать этих ребят.

Они дошли до Обочины — другой, но абсолютно такой же. Ржавые остовы и выбеленные солнцем кости, зелень, темная щетка леса на горизонте. Люди вокруг никак не отличались от их соседей — спешили по своим делам, разговаривали, копались в своих машинах.

Лавочник повел их против движения. Он не оглядывался, а неотрывно смотрел в сторону черного столба дыма — бдил, чтобы никто с той стороны их не заметил.

— И как часто ты это делал? — спросил Семен.

— Достаточно часто, чтобы неплохо заработать, — ответил Лавочник, не оборачиваясь.

Ближе к пожару росла толпа жителей Антимира — зеваки наблюдают за происходящим у соседей.

Семен понял, что ему нужно пробраться обратно — он должен убедиться.

Он двинулся сквозь ряды. Пыль и Редактор тут же остановились и окликнули его.

— Подождите меня, — бросил он через плечо.

— Если тебя увидят и перетащат назад — ты был один! — с тяжелой угрозой в голосе произнес Лавочник и тоже остановился.

Семен не стал подходить к самому Барьеру, потому что прямо там стоял Низкий с пистолетом в руке. Впрочем, он не смотрел в Антимир, а просто прислонился к Барьеру и смотрел на то, как заливают огонь.

И тут Семен увидел отца. Тот был жив — вполне в духе Живого. А вот Третьяка нигде не было. Видимо, Юлии все же хватило ума догадаться, что люди, умеющие управляться с водой и пожарной машиной, им нужны, и она убила только члена Совета.

Хотелось, конечно, крикнуть, сообщить как-то о том, что он уходит, что он жив и вернется, как только появится возможность… но это было невозможно. Голос понял, что нужно разворачиваться и уходить — иначе им совсем завладеют эмоции, и он выкинет какую-нибудь глупость, привлечет внимание Низкого.

Низкий зашевелился, потянулся — и Семен поспешил ретироваться за спины любопытных. Он вернулся к группе, увидел немой вопрос во взгляде Пыли и коротко кивнул с улыбкой. Она заметно просияла.

— Насмотрелся? — спросил Лавочник с неудовольствием. — Двигаем дальше.

Редактор, видимо, тоже понял, зачем Семен ходил к Барьеру, а потому немного отстал от Лавочника и приблизился к Семену.

— Не тронули отца? Это хорошо, — человеческое лицо вдруг проступило сквозь очки, в который сейчас отражался лишь черный дым пожара, — значит, и мою мать не тронут.

Больше он ничего не сказал и снова поравнялся с Лавочником.

Таким образом они миновали пожар, затем район полицейского автомобиля — включенную кем-то мигалку было прекрасно видно. Достигли и пересекли границу участка Лемана. Теперь они мало того, что были в Антимире, но еще и в другом районе Пробки.

— Долго еще? — спросил Редактор.

— Нет, — ответил Лавочник и вдруг свернул на ряд ближе к Барьеру. — Готовы вернутся в свой мирок?

— Погоди, мы возвращаемся? — удивились все, кроме Редактора, тот, видимо, знал, куда они идут.

— Разумеется, — сообщил Лавочник, — или вы хотите остаться в Антимире? Так-то пожалуйста, если вам понравилось, только сами

ищите себе ночлег.

Они прошли еще немного и вернулись к барьеру. Лавочник выбрал место, где обзор с той стороны перекрывала длинная фура и ловко перелез на участок Лемана.

— Здарова, — сказал он опешившему прохожему. — Ты ничего не видел, да?

Тот только испуганно кивнул и пошел прочь. Остальные стали перелезать следом за Лавочником. Редактор, морщась, отряхивал куртку.

— Грязное это дело — контрабандистом быть, — сказал ему Лавочник.

— Мы беглецы, — напомнил ему Влад.

— Нет, — ответил ему Лавочник. — Мы контрабандисты. Запомните это — на случай, если придется общаться с Леманом или его ребятами. Или вы хотите, чтобы он радостно по рации сообщил в наш участок, что к нему на огонек забежал сам Голос?

Это было резонно. Впрочем, Семен не сомневался, что его и так узнают, как это непостижимым образом делают все вокруг.

— Так куда мы идем? — спросил Голос.

— В театр, — ответил Лавочник с улыбкой.

Реквием

Лак гладенько ложился на ногти, заодно распространяя по школьному классу резкий запах. Через десять минут пустой автобус школы заполонят сумасшедшие подростки, забьют все пространство своими глупостями, шуточками, будут кидать взгляды на ее голые коленки, думая, что она не замечает, но пока здесь царила блаженная тишина.

Слой за слоем ногти становились кроваво-красными, блестящими, отражающими все вокруг. Хороший подарок — и большой намек. Такими темпами через пару месяцев он припрется с кольцом.

Раиса отложила лак, вытянула руки вперед и растопырила пальцы, чтобы полюбоваться результатом. Потом поднесла их поближе и подула, чтобы успели высохнуть к началу занятия.

Снаружи орали какие-то мужики друг на друга. Она живо представила, что один из них в черной кожанке, с усиками, возможно даже с битой. А второй, наверное, в черной майке, мощные бицепсы открыты всем взглядам, а на шее висят цепи одна толще другой. И тоже что-нибудь в руках, для разнообразия пусть будет металлическая труба.

Может быть, они выглядели совсем иначе, конечно. Но она воображала себе именно такую картину. Именно такие мужчины обычно орали. Дрались. Бравировали. Выпячивали грудь…

Она их боялась. Они резко становились агрессивнее, когда она попадала к ним в поле зрения — хотели казаться круче и мощнее чем были и совершенно не догадывались, что это лишь пугает и отталкивает. Еще им очень нравилась идея хватать ее за коленки и за зад.

Раиса покосилась на баночку с лаком. Интересно, чтобы сделал бы ее ухажер, если бы она не скрывала тщательно все эти приставания? Вряд ли что-то серьезное, у него не было ни биты, ни бицепсов. Максимум, сильно навредил бы себе, решив побыть героем. Для его же безопасности ему лучше не знать.

В двери автобуса постучались, в мутном окне мелькнула белобрысая голова. Она потянулась к приборной панели и очень

осторожно, чтобы не дай Город, не испортить маникюр сдвинула рычажок. Дверь с шипением открылась и в автобус хлынул поток учеников.

Раиса наблюдала, как мальчики и девочки рассаживаются по своим местам. Очень скоро эти мальчики будут щеголять в черных куртках и думать, что это очень круто — хватать женщин без их спроса. А девочки станут этими женщинами…

Но пока это просто дети и все что они могут — это утолять свое подростковое любопытство только глазами.

Перед ней мелькал белый взмыленный затылок Олафа, который сидел за первой партой, но обернулся на своего друга Семена и что-то ему активно втолковывал. Длинные тощие ноги в джинсах выдавались далеко вперед и вбок из-под парты и все могли лицезреть его кроссовки. Они были одного фасона, но разных цветов. Один черный, другой белый. Подростку это казалось невероятно крутым. Так он обозначал свою бессмертную ногу, побывавшую в Немире.

Семен что-то орал Олафу в ответ, они будто говорили одновременно, создавая невероятную какофонию, но умудрялись при этом понимать друг друга.

Остальные были ужасно похожи на них. Оживленные, энергичные. Девочки разодеты кто во что горазд — все попытки родителей одеть их в какую-никакую единую форму провалились. Парни слегка помяты, рубашки выбились из-под поясов, но “мода” тоже прослеживается — и к счастью это черные джинсы, ремни и браслеты с шипами, а не кожаные куртки или красные пиджаки.

Они отчаянно не хотели походить на старших братьев и отцов, но Раиса знала как это бывает — год-два и все меняется и вот вчерашний светловолосый юноша стоит над жертвой, а с кастетов в кулаках капает кровь.

Среди них выделялся Саша — сидит один, ни с кем не разговаривает, в ушах наушники от ободранного сидиплеера, где он его только откопал, на парте перед ним — какой-то раздолбанный прибор. Он поднял взгляд, увидел, что учительница смотрит на него, покраснел и отвернулся. Стряхнул хлам в рюкзак.

В такие моменты Раиса забывала, почему она вообще здесь, в этой ссылке в школе. Тонкая сигарета на мундштуке, меха каких-то немирских монстров — госпожа Самохина сидит в своем кабинете в

Банке и смотрит на молодую девочку, которая с ее точки зрения зарвалась.

— Когда я говорю своим подчиненным, что они не видели те документы, которые прошли через их руки, — пепел элегантно осыпается в пепельницу, — значит они должны немедленно все забыть. Неужели это так сложно?

— Но ведь там нарушения…

— Милочка, все эти нарушения — моя забота. Не твоя. Твоя работа — делать, что говорят и не болтать за пределами этих стен. Если тебе это непонятно, то увы, твоим красивым глазкам тут не место.

Когда двери Банка закрылись за ее спиной, она была в отчаянии. Это было единственное место, где девушка могла добиться приличных результатов и быть наравне с мужчинами. Тогда она мысленно смирилась тем, что вскоре ее возьмет замуж какой-то не очень приятный мужик, который будет возвращаться ночами, пахнущий алкоголем, кровью, другими женщинами и будет требовать немедленного исполнения супружеского долга.

А потом из нее полезли бы дети, отца бы убили, или он сам бы себя угробил выпивкой, и она осталась бы доживать с выводком в облупленном автобусе-общаге.

На такую жизнь, она думала, обречены большинство женщин, особенно те, которым повезло с симпатичным личиком и стройной фигуркой.

Школа случилась неожиданно, как и новый кавалер, совершенно не похожий на тех мужиков, которых она привыкла видеть. А еще здесь было очень-очень легко.

Все эти дети думали, что они невероятные личности со вселенной внутри и вся Дорога у их ног. Однако на деле их помыслы были настолько просты, что она могла разглядеть их невооруженным глазом.

У Семена в переднем кармане рубашки — игрушечный жетон. Дань уважения детскому увлечению курьерами. В глазах — жажда приключений. Если бы он мог, он бы сбежал прямо сейчас изучать этот мир в надежде встретить нечто необычайное. Через пятнадцать лет он обнаружит себя в конторке социальной службы, согбенным над пыльными папками и горько вздохнет по неслучившимся приключениям.

Олаф, гордец, уверовавший в свое бессмертие, не боящийся ничего, выскочка. Настолько уверен в дарованное чудо, что постоянно ходит с разодранными кулаками и подбитым носом. В том кармане, который у его друга служит вместилищем детской тайны, у этого — пакетик с запрещенкой. Этот через пятнадцать лет будет лежать в Немире и смотреть пустыми глазницами в небо. Неважно, что произойдет — может быть пьяная драка, может быть — передоз.

Саша. Всегда погружен в себя, но в необычайно живых глазах — жажда, перемешанная со стыдом. У него бедные родители, он стесняется этого, а от того стал закрытым и не очень общительным. Но в глубине души верит, что ему суждено стать великим — изобретателем или музыкантом, он еще не решил. Но Дорога его будет помнить. Через пятнадцать лет он будет лежать под чьей-то машиной в тщетных попытках ее починить и с тоской думать о том, что лучше бы выбрал музыку. А дома бы его ждала жена с двумя детьми — продолжателями традиции бедности.

Раиса хотела бы ошибаться, ей было жалко всех этих детей, которых родители зачем-то решили родить в не самые лучшие времена. Хотела бы, чтобы каждый из них был счастлив и успешен и воплотил все свои детские мечты.

Она поднялась и встала перед классом. Ученики затихли не сразу — инерцию гвалта не так-то просто погасить, но вот они сидят и смотрят на нее. Кто-то даже действительно хочет услышать что-то новое, но большинство просто собираются пережидать эти сорок минут, чтобы потом снова начать свою маленькую жизнь.

Пора было начинать урок математики. Пытаться заставить эти мозги думать хоть о чем-то кроме похоти, веселья и невероятного желания быть взрослыми.

Ч5. Глава 2-1

1

Театр состоял из двух машин, стоящих параллельно в разных рядах. У Барьера стоял автобус с зашторенными изнутри окнами. Его двери были демонтированы — к ним была приделана платформа, на которой располагалась арьерсцена — и она же жестко связывала автобус с грузовиком, на платформе которого и разворачивалось действо. Сцена была очень широкой из-за длинной базы автомобиля и ограничена с боков кулисами. У водителей обоих машин наверняка непростая задача двигаться синхронно во время Продвижения, чтобы все не развалилось.

Семен заметил, что борт со стороны зрителей может закрываться — видимо, так и делают на ночь или на время движения машин. Перед театром оставалось большое, незанятое машинами пространство — местные называют это площадью.

Кто-то красиво пел под гитару. На площади сидели парочками парни и девушки, подстелив пледы.

Голос принадлежал молодой девушке с короткими, до плеч, волосами, а музыка — гитаре в ее руках. Она пела тихо и хрипловато, но это не мешало песне разноситься далеко по всей Пробке. Девушка сидела на стуле посреди сцены и казалась очень маленькой.

— Хорошо поет, — сказал Редактор.

— Веста, — ответил запыхавшийся Лавочник, — она-то нам и нужна. Театр — отличное место, чтобы переждать горячие денечки. Подождем пока допоет, — продолжил Лавочник. — Только и делает, что бренчит на гитаре, да возится со своим чудищем…

— Чудищем? — спросила Пыль.

— Да совой, — отмахнулся контрабандист, — из Немира. Я ей и продал. Крылья подрезали, чтобы обратно не улетела, так и живет.

Семен еще ни разу не видел птиц вблизи. Они иногда вспархивают из-за деревьев в Немире, иногда довольно красиво щебечут, но на Пробку предпочитают только гадить. Считалось, что сюрприз на лобовом стекле с утра — к удаче.

— Они точно нас примут? — спросил Семен.

— За пару консерв еще и сами одеялком будут укрывать. Тут сейчас не самые легкие времена, ночлег стоит дешево.

Редактор внимательно посмотрел на девушку с гитарой.

— Но ведь она сейчас не за еду играет?

— Кажется, нет, — отозвался Лавочник, — они ж только за представления деньги берут. Музыка бесплатно. Да и как за нее деньги стрясти? Ходить и собирать с каждого у кого есть уши?

— Могли бы сами класть, добровольно, — сообщил Редактор. Он вдруг подался вперед, вышел в круг света и пошел прямо к сцене. В руке его блеснул желтоватый металл мясной консервы.

Девушка опустила глаза и внимательно посмотрела на незнакомца, но играть не перестала. Редактор положил свою «плату» к ее ногам и отошел, не поворачиваясь спиной, пока снова не скрылся в тени.

— По-моему, неплохой способ платить за… — он замолчал, видимо, не придумав как назвать то, чем занималась Веста.

Тут вдруг произошло что-то совсем странное. Из соседней машины выпрыгнул ребенок лет семи и быстро и шумно потопал к сцене. Он повторил жест Редактора — положил что-то мелкое на сцену рядом с консервой. Затем также быстро и деловито вернулся обратно.

И вдруг сидящие на пледах люди тоже стали вставать, класть что-то к ногам Весты и отходить. Та явно удивлялась — у нее дрогнул голос, будто перешел на другую октаву, но петь она не перестала.

Людям понравился жест Редактора. Семен с удивлением посмотрел на Влада. Тот просто смотрел на сцену и выглядел как ни в чем не бывало.

Наконец, музыка кончилась, Веста встала и поклонилась. Отовсюду из темноты раздались аплодисменты. Певица присела над подарками, опираясь на гитару и с сомнением их оглядела.

Из-за кулис вышла еще одна женщина — Семен ее узнал, это была Татьяна, тайная любовь Луи. Она не дошла пары шагов до края сцены — увидела горку всякой всячины и остановилась.

— Думаю, нам можно… — пробормотала Пыль.

— Да-да, пойдем, пойдем, — перебил ее Лавочник и устремился вперед.

Они вышли к сцене, все четверо и встали в ряд, чтобы актрисы смогли рассмотреть их.

— Здравствуйте, — сказала Веста, глядя на Редактора. Через секунду она обвела взглядом всех. — О, привет, Лавочник!

Тот кисло помахал рукой.

— Что, опять отсиживаться? — спросила Татьяна. В голосе проступили сварливые нотки.

Она присела на корточки и стала собирать то, что положили зрители. Консервы, бензин в пластиковых бутылках, цветные мелки — вот что положил ребенок! — яблоко и россыпь мелких гаек.

Старшая актриса собрала все вещественное, а Веста внимательно сосчитала гайки и сгребла их в ладонь.

Они поднялись с колен и повернулись, чтобы уходить.

— Поднимайтесь и закройте за собой борт, — бросила Татьяна через плечо. Беженцы переглянулись и полезли на сцену.

Борт оказался тяжелым, и они не сразу сообразили, как закрепить его в вертикальном положении, но все же справились. А когда обернулись, актрис уже не было.

— Зачем им накидали гаек? — спросил Семен.

— Это тут неофициальная валюта, — пояснил Лавочник. — Удобно для обмена, когда бензин на нуле.

Они прошли в заднее помещение — то есть в нутро автобуса. Женщины были здесь. Таня свалила вещи на столике у противоположной стены и внимательно на них смотрела. Веста вешала гитару на стену.

— Спать будете здесь, — не поворачиваясь, сказала Татьяна. — Ничего не трогать. Плату ты знаешь, — бросила она лично Лавочнику.

— Бензина нет, — сказал тот.

Татьяна повернулась к нему. Вблизи Семен увидел какая у нее тонкая бледная кожа и как она обтягивает скулы — когда она приходила на радио такого не было.

Предвидя вспышку, ввернулся Влад и быстро сказал:

— Но есть еда. Нам нужно спрятаться — на неделю или может больше.

— Это из-за взрыва? — спросила Веста. Загремели гайки — она их выпустила на стол.

— Да, — Влад улыбнулся и повернулся к ней, — из-за взрыва. И еще много из-за чего.

Веста внимательно посмотрела на него, потом перевела взгляд на Пыль, потом — на Семена.

— Вы — Голос? — спросила она. Как они меня и тут узнают? — спросил себя Семен.

— Да, — ответил он.

— Так это Совет, — догадалась Татьяна, — точнее остатки. Разогнали?

— Не только, — сказал Редактор и замолчал. Тяжелая пауза все сказала за себя.

Татьяна поняла сразу, а Весте понадобилось больше времени. Но и среагировала она куда эмоциональнее — закрыла руками рот и отвернулась.

— Нам пора по домам, — немного изменившимся голосом сказала Татьяна, — но завтра труппа соберется рано, репетировать. Будем шуметь, никаких поблажек.

Беглецы забормотали, что это неважно и вообще хорошо, что их пустили, и так далее, и так далее. А Влад тем временем вложил консерву, выуженную из рюкзака, в руку Татьяны. А затем показал глазами на стол.

— Завтра разделим на весь театр, — коротко сказала Татьяна. — Пойдем, Веста.

— Спокойной ночи, — тихо сказала та, не оборачиваясь.

Они прошли в заднюю часть автобуса. Пшикнула дверь, ступеньки прогремели под каблучками — и вот беженцы одни среди париков, костюмов, музыкальных инструментов и кусков декораций.

Лавочник тут же деловито зашевелился.

— Можно лечь в кулисах, прям на сцене — там поудобнее, — сказал он, заглядывая под столики и сидения, — но может быть прохладно. Тут, в автобусе, тепло… Но и тесновато.

Наконец, он нашел, что искал — белый плащ с красным подбоем.

— Хорошо под ним спится, — сказал он с улыбкой. — Я беру кулисы. А вы как хотите. Найдите себе какое-нибудь барахло, чтобы укрыться и…

Он не договорил и, закинув плащ на плечо, вышел на сцену.

— Но сказали же ничего не трогать… — пробормотала Пыль.

Влад уже искал себе одеяло.

— Я мерзляк, я останусь тут, — сказал он.

Семен и Пыль тоже решили остаться в автобусе. Пыль — потому что не хотела бы мешать артистам, которые утром придут на сцене, Семен — потому что ему не нравилась идея спать в таком обширном помещении. Такая перспектива слегка пугала его — привычный кокон небольшого седана приучил к безопасности замкнутого пространства.

Пыль нашла себе какую-то серую простыню — наверняка искала самое невзрачное на вид, Семен — большой прямоугольник плотной ткани, которая была разделена на три равные полосы разных цветов. Улеглись не очень далеко друг от друга. Пыль — на сдвоенных сидениях, Влад и Семен — в проходе рядом, предварительно перетащив туда коврик из арьерсцены.

Семен видел, что Редактору очень хочется поговорить, но сделал вид, что очень устал и завернулся в цветастую ткань. Под голову он подложил рюкзак. Грани консервных банок больно упирались в висок. Только почувствовав это донельзя странное давление импровизированной подушки на свой череп, он осознал, что произошло.

Их изгнали. Их хотят убить.

* * *

Актеры не соврали. Пришли рано, принялись топотать и громко переговариваться, урчать животами и жевать что-то на ходу. Семен высунулся из-под ткани и прямо перед собой увидел красные облупленные туфли.

— Лавочник! — глубокий голос Татьяны звучал прямо над ним. — Я, кажется, велела не трогать реквизит.

— Мы и не трогали, — сквозь зевок отозвался Лавочник, тоже где-то недалеко.

Семен отбросил драпировку, под которой лежал, проморгался и тут же отвел глаза — Татьяна была в коротком платье и, кажется, совсем не замечала, что стоит прямо над головой мужчины.

Семен отодвинулся насколько мог, нащупал позади себя сиденье и поднялся туда.

— Доброе утро, — негромко произнес он. Актриса повернулась к нему и хмыкнула. Должно быть у Семена был помятый вид — он спал в одежде, да еще и в дико неудобном положении.

— Голос, — все же кивнула она приветственно и слегка надменно. А затем снова повернулась к своему собеседнику. Лавочник сидел у

столика и потягивал воду из пластикового стаканчика. Он все еще был завернут в белый плащ — чем, видимо, и вызвал праведный гнев дивы. Напротив Лавочника сидела Веста, обнимаясь с гитарой.

Еще дальше толклись другие люди — видимо, труппа. Редактора на своем месте уже не было — да и не мог он там быть, иначе Татьяне пришлось бы пройтись каблуками прямо по нему. А вот Пыль все еще спала — или делала вид, что спала.

Лавочник и Татьяна продолжили формальную перепалку — судя по их голосам — уже давно выученную и отрепетированную.

Семен потянулся, свернул свое импровизированное одеяло и закинул в угол.

— Эй! — возмутилась Татьяна даже не повернувшись. — Это флаг, имей уважение.

Семен взял ткань, расправил и стал аккуратно складывать. Татьяна казалась очень склочной. У Луи интересные вкусы.

Он оставил флаг, — чем бы это ни было, — на ближайшем столике, встал и протиснулся мимо актрисы. Шарахнулся в сторону от прохода на арьерсцену, когда оттуда донеслось страшное завывание. Потом понял, что это просто певец тренирует связки с утра. Голос повернулся к двери на выход — он хотел прогуляться и заодно поискать где по-человечески умыться, — но вдруг что-то юркое и серое проскочило мимо, прыгнуло на стол и шмыгнуло дальше — под сиденье. Семен отпрянул в ужасе и услышал тихий добрый смех.

— Город всемогущий! — сказал Семен, поворачиваясь к Весте. — Это твоя сова.

— Ага, — не переставая улыбаться ответила певица, — не бойся. Она бойкая, но не агрессивнвая.

— Просто она так неожиданно выскочила…

— Любит носиться, — кивнула Веста, — летать-то не может. А энергию куда-то девать надо. Кстати, возможно, это не она, а он. Я не разобралась.

— И как ты ее… его… называешь тогда?

— Свечка, — ответила Веста. — Ну, зажигательная потому что, быстрая…

— Я понял, — кивнул Семен. — Тут можно где-то умыться?

— Если нужен душ, то он во втором ряду чуть дальше вперед, — Веста махнула рукой по направлению движения, — но он платный.

Две гайки. Просто умыться можно из гидранта — он у нас тут между рядами, так что всегда поднят… туалет… с некоторых пор не работает. Но есть ширмочка у Обочины…

Веста стыдливо пожала плечами, будто она лично как-то ответственна за бедственное положение дел. Семен поблагодарил и вышел на свежий воздух под шипение дверей.

Гидрант нашелся быстро — гаек у Семена не было, так что он обошелся умыванием лица и полосканием рта. Затем он отыскал и ширму — правда к ней была очередь. Стоя в ней, Семен осторожно осматривался. Конечно, не стоило ждать прихвостней Пита так быстро, но здесь могли оказаться ребята из патрульных — и кто знает, что они будут делать.

Но знакомых лиц не было. Семен дождался своей очереди, зашел за ширму — воняло страшно и нужно было смотреть, куда ступаешь, — и отдал Немиру должное.

Возвращаясь, он заметил, что сцена приоткрыта лишь чуть-чуть — видимо, для воздуха. Репетировали актеры не на глазах у публики.

Внутри было шумно. На сцене одновременно разговаривали, пели и громко топали. Семен заглянул туда — и увидел Редактора, сидящего в тени кулис спиной к фанерной стенке. Он, казалось, заворожено смотрел в спины актеров. Семен присоединился к нему и некоторое время наблюдал за действом.

Татьяна, Веста и лысый и худой мужчина репетировали какую-то сцену, громко разговаривая друг с другом и размахивая руками. Суть Семен не улавливал, возможно из-за того, что вокруг происходило еще куча всего.

Троица девушек и два парня танцевали, причем парни периодически ставили девушек себе на плечи — всех трех. Получалось у них очень ловко и красиво.

Серьезный мужчина с сединой в висках и внушительной бородой, раскатисто пел. Именно его голос напугал Семена утром. Пение — совершенно непонятное, но очень мощное, во весь голос — Голосу не понравилось. Напрасная трата связок.

— Другой мир, — прошептал Редактор.

Семен кивнул. От актеров веяло внутренней свободой. Они делали, что хотели.

— Я хотел бы послушать радио, — шепнул Семен, — скоро эфир. Хочу убедится, что Пересмешник и Сашка в порядке.

— Да и вообще узнать новости, — согласился Редактор. — Пойдем.

Так как все артисты были заняты, автобус был полностью в их распоряжении. Лавочник исчез — только скомканный белый плащ лежал на сидении, зато проснулась Пыль. Она сидела за столом, упершись кулаками в виски, а локтями — в архивную папку и сосредоточенно читала.

— А где наш контрабандист? — спросил Редактор.

— А? — Пыль подняла глаза. — О, привет, ребята. Лавочник сказал, что “сбегает быстренько по своим делам” и к обеду вернется.

— Какие дела, когда надо сидеть как можно тише, — проворчал Редактор. Семен прошел в переднюю часть и сел за руль. Радио в автобусе было старое, с приемом пленочных кассет. Но работало — заорало помехами, как только включили. Семен уменьшил громкость и перевел регулятор на хорошо знакомую волну. Из динамиков шло ровное шипение.

— Хм, — сказал Редактор.

— До эфира еще есть время, — ответил Семен.

— Обычно играла музыка, если ты не вещал, — отозвалась Пыль.

— Такие уж времена, не до музыки, — ответил Семен, хотя и ему стало тревожно.

Прошло несколько минут. Пыль вернулась к чтению. Редактор протирал очки. Миновало время эфира. Тишина.

— Может быть, им запре… — Семен не договорил, потому что помехи пропали и из радио раздался голос… но не Пересмешника, а Андрея Загваздина.

— Доброе утро, жители Пробки, — бесцветный и слишком ровный голос для обычно нервного полицейского, — как вы знаете, недавно произошли печальные события… На участке была захвачена власть. Точно известными лицами, в том числе — постоянным ведущим этого радио. Затем была попытка спасти ситуацию, в результате которой, к сожалению, мы потеряли наш Банк. И около одиннадцати человек погибли — как от огня, так и от перестрелки…

— Перестрелки! — воскликнул Редактор.

— К счастью, благодаря храбрым действиям охраны банка и других неравнодушных граждан, власть полицейского, в лице меня, Андрея Загваздина, была восстановлена, — послышался гулкий глоток. — И поэтому сейчас я сделаю несколько заявлений. Во-первых, хочу выразить соболезнования всем, кто потерял близких в этой страшной катастрофе. Кроме того, хочу заверить, что всем, кто пострадал из-за инцидента, будет оказана вся необходимая помощь и поддержка. Во-вторых, с сожалением должен сообщить, что борьба еще не закончена. Я вынужден объявить комендантский час после заката. К этому времени все жители участка должны быть в автомобилях. Это временная необходимость, пока мы не найдем всех участников заговора. Просьба отнестись к этому серьезно — любой, кто будет обнаружен вне машины может быть воспринят патрулем, как сообщник заговорщиков.

— Он понимает, что его еще куча участков слышит? — почему-то прошептал Семен.

— Он-то понимает, — ответил Редактор.

— И в-третьих. Сегодня мы начнем разбор пожара. Необходимо как можно скорее очистить Дорогу от вышедших из строя машин, чтобы ничего не препятствовало Продвижению. Все, кто хочет присоединиться к этому важному делу — записывайтесь у меня в полицейском внедорожнике. Поддающиеся ремонту машины будут возвращены владельцам. Или же, в случае трагического исхода для хозяев, будут распределены среди жителей Пробки. У меня все. Ваш полицейский, Андрей Загваздин.

И наконец-то заиграла музыка.

— Он говорил так, будто у него пистолет у виска, — озвучил Семен засевшую в его голове мысль сразу, как Загваздин стал говорить.

— Разумеется, так оно и было, — Редактор продолжал будто по инерции смотреть на радиоприемник. — Я сразу после переворота понял, что Андрей — меньшая из наших проблем. Но теперь его будут использовать…

— Думаешь, Пит все-таки выжил?

— Я уверен в этом.

Семену хотелось возразить — но он не стал, так как понял, что просто боится того факта, что Пит жив, что он теперь страшное

обгорелое чудовище, и что он жаждет их смерти.

— Как быстро они сообразят, что мы на участке Лемана?

— Зависит от того, что за делишки там проворачивает Лавочник.

Редактор хотел еще что-то сказать, но радио снова ожило. И, о счастье, заговорил Пересмешник. По крайней мере он жив, а значит — Сашка и Луи тоже.

— Здравствуйте, уважаемые жители нашей прекрасной Пробки. Только что вы услышали обращение нашего полицейского к вам, к народу. Думаю, вы понимаете, какое серьезное положение сейчас у нас на участке. Как мне кажется, нам всем нужно прислушаться и тогда, все вместе, мы преодолеем кризис… Я знаю, что многие сейчас проливают слезы по родным, а кто-то страдает от страшных ожогов и ран. Но есть еще одна неизлечимая проблема. Участок остался без бюджета. Уже идут переговоры с другими Банками по поводу предоставления займа. Кроме того, было замечено, что многие не смогли сегодня оплатить завтрак. Потому Гиви, при содействии нашего доброго соседа Гросса, объявляет бесплатный обед для всех жителей нашего участка!

— Как видишь, Гроссу проще договориться, чем воевать, — Редактор посмотрел в сторону Семена.

— Он просто помогает.

— А ты просто нашел нового полицейского, которого можно боготворить.

— Зачем ты это делаешь?

Редактор изобразил искреннее непонимание.

— О чем ты?

— О твоих провокациях.

— Это называется говорить правду, — возразил Редактор, — и уже твоя проблема, что ты так ее воспринимаешь.

Пока они препирались, Пересмешник проговорил еще несколько новостей — по большей части касающихся восстановления участка.

— ...обряд похорон пройдет как только мы сможем двигаться дальше. Для этого нужно хорошенько постараться! Возможно впервые в жизни есть возможность своими руками приблизить Продвижение — так давайте сделаем это!.. И последнее в этом выпуске. Любой, кто знает о местонахождении беглых преступников, вообразивших себя новым Советом Пробки, любой слух или подозрение — сообщайте

полицейскому или любому дружиннику. На этом все, дорогая Пробка! Жду вас у приемников через час.

Редактор невесело усмехнулся.

— Пит захватил участок, — сказал он. — Дружинники — то есть его вооруженная шайка. Скорее всего, и его, и Юлию сейчас штопают и…

Влад замолчал, снял очки и стал протирать их краем рубашки.

— И? — спросила Пыль.

— Возможно это прекрасная возможность вернуться и попробовать взять инициативу в свои руки.

Семен откинулся на спинку, дермантин противно скрипнул под ним.

— Без меня, — сказал он, глядя в потолок.

— Без тебя ничего не выйдет, — отрезал Редактор.

— А со мной мертвым — тем более. Со всеми нами мертвыми.

После некоторого молчания Пыль предложила позавтракать. Идея была неплохой, потому Редактор подтянул к себе свой рюкзак и стал в нем рыться, гремя консервами.

— Если все это время придется питаться из жестянок, то готовьтесь — у меня будет скверное настроение, — сказал он.

— А оно у тебя не всегда такое? — спросил Семен.

— Может, нас тут хоть чаем угостят? — через секунду сказала Пыль. Скорее всего, чтобы не слушать очередную перебранку, которые ее, надо думать, утомили.

Редактор пожал на это плечами и достал три банки с ветчиной. Консервным ножом вооружился Семен.

— А если Лавочник нас сейчас всех сдает? — спросил он, впиваясь металлом в металл.

— Не думаю, что он успеет что-то сказать… Кажется, они сразу стреляют на поражение.

Семен раздал вскрытые банки, и они принялись есть. Трудно было не согласиться с Владом — консервированная мясная масса плавала в собственном жиру, была скользкой и на вкус лишь очень отдаленно напоминала свинину, из которой ее, по заверениям упаковки, сделали.

— Вкус совсем не такой, как в рекламе по радио, да? — съязвил Редактор.

— Текст писал Луи, кстати. Не я.

Они обернулись на шипение открывшейся двери. Поднялся Лавочник — с плотно набитым рюкзаком за спиной.

— Я смотрю вы начали без меня, — сказал он.

— Кто ж тебя знает, когда ты соизволишь явиться, — ответил Редактор, — предлагаешь помирать с голоду?

Лавочник водрузил рюкзак на лавку.

— Где ты был? — спросил Семен, надеясь, что это не звучит как начало допроса.

— Да так, должок забирал, — пробормотал Лавочник и расстегнул рюкзак. И стал доставать оттуда еду. Много разной еды. На столике появились колбаса, сыр, завернутый в хлебные лепешки шашлык, россыпь овощей.

— Хорошо тебе кто-то задолжал, — сказала Пыль.

Ч5. Глава 2-2

2

После того, как Лавочник оплатил проживание едой — театралы заметно повеселели. И даже в обеденный перерыв приходили посидеть с беглецами и обсудить дела. Актеры говорили в основном про тяжелую жизнь их участка и бедственное положение самого театра.

Татьяна оставалась сдержанной.

— Нам нужно готовить декорации, — сообщила она. — Если есть желание — помогайте, если нет — не путайтесь под ногами.

Веста тоже поднялась, Редактор неожиданно вскочил тоже.

— Я помогу, — сказал он.

— Веста покажет, что делать, — кивнула Татьяна и вышла. Веста и Редактор последовали за ней.

Семен хотел было тоже пойти помогать, но тут его окликнула Пыль.

— Хочу кое-что показать, — она подвинулась, Семен сел рядом.

В раскрытой папке были разбухшие листы бумаги — на них явно не раз попадала влага. Папка была открыта на рисунке, который распространялся на два листа сразу.

— Это…

— Фрагмент Пробки, — кивнула Пыль, — кусочек нашего участка. Но за много Продвижений до Эпохи Шашлычной. Если верить записям, то это зарисовка полицейского по имени Родион. Чтобы ты понимал, насколько это старый рисунок — полицейского по имени Родион упоминал мой дедушка, когда рассказывал про свое детство. И уже тогда этот Родион был стар и сам сидел в тюрьме.

— Неплохо, — ответил Семен.

— Видишь, тут подписаны номера. Я их сравнила со списком последней переписи, проведенной Исидором…

— Вот пожарная машина, — Семен нашел знакомый номер и указал на него.

— Да, тут окрестности гидранта изображены, как я поняла, — согласилась Пыль. — Так вот, многих машин отсюда в списке Загваздина уже нет.

— Это логично, — ответил Семен, — похороны, банкротства… автомобили просто выходят из строя со временем.

— …и берутся новые, — сказала Пыль.

— Что?

— Например, машины Артема Хоботова нет. Как будто и не было никогда. Забавно получается.

Не вижу ничего забавного подумал Семен.

— И откуда же они берутся?

Пыль перелистнула несколько страниц. И зачитала:

— “Вчера к нам присоединился новичок. Мужчина, средних лет, в белом костюме. Автомобиль — Кадиллак Эскалад. Источник: Немир”.

— Прям как в детской страшилке, — сказал Семен, не очень веря надписи.

— Это да, — согласилась Пыль, — просто… просто это правда.

— Вполне возможно, они съезжают в Немир в других участках Дороги. И потом въезжают обратно, — предположил Семен. — Вполне возможно, что Артем сделал также и сейчас где-то далеко впереди. Почему нет, если машина позволяет. Эскалад — такой же чудовищно огромный внедорожник, что и крузак Артема. Вполне подходит для покатушкам по Немиру.

— Это… способ навсегда сбежать от… этого всего, — сказала Пыль.

— А ты хочешь сбежать?

— Иногда я всерьез думаю об этом. Думаю, стоит ли туда возвращаться. Есть ли там что-то ради чего я готова рисковать головой.

Семен посмотрел на Пыль новым взглядом.

— Я тоже об этом думаю. Но я думаю про проверенный Пешеходами способ — свои ноги.

Пыль кивнула.

— Это проще реализовать, — сказала она, — берешь и идешь. Не у каждого есть внедорожник.

— И смелость съехать за Обочину.

Семен вдруг понял, что ему уютно. За стеной перекрикивались, двигали мебель, кряхтели, слышались команды Татьяны. За окном текла жизнь другого, но почти идентичного участка. Он вдруг понял, что не хочет бороться и воевать. Он вполне мог бы найти себя здесь, на театральном поприще. Говорил бы со сцены…

— За что этот Родион сел в тюрьму-то?

— А, — Пыль снова перекинула несколько листков, — он сошел с ума, украл пожарный топор и стал им убивать людей.

— Слушай, Аня… — Семен замялся, — я, наверное, сразу должен был сказать. Прости, что втянул тебя в это.

Пыль как будто напряглась.

— Что? — спросила она.

— Я ведь предложил тебе стать советником, — Семен пожал плечами, — получается, из-за меня ты в бегах… из-за меня твоей жизни угрожает опасность.

Пыль улыбнулась — но в лице осталась напряженная жесткость.

— Не бери на себя слишком много, Семен, — ответила она, — я сама на это согласилась.

В автобус завалился Лавочник. В каждой руке — по канистре бензина, причем судя по натужному лицу контрабандиста — полных. Он тяжело поставил их в проходе и вытер рукой лоб.

— Вот теперь заживем, — сказал он, глубоко дыша. — Тридцать литров. Еле дотащил…

— Где ты его взял? — с удивлением спросила Пыль.

— У меня много тайников, — ответил Илья и сел с ними рядом. — Надо будет разлить это добро по бутылкам, чтобы расплачиваться было удобнее.

Он помолчал, глядя на свою добычу.

— Будете должны, — сказал он. — Это не благотворительность.

— Другого я и не ждал, — ответил на это Семен.

— Кстати, пожар, кажется, потушили. Во всяком случае, дыма стало сильно меньше и теперь он больше белый.

— Вода испаряется, — сказал Семен, — значит, еще заливают. Пересмешник уже объявил разбор завалов. Питу предстоит много работы.

— Если ты чувствуешь себя из-за этого безопаснее, то зря, — ответил на это Илья, — поверь мне, Пит будет делать то, что умеет лучше всего — выслеживать добычу. А где Влад?

Семен махнул головой в стенку.

— В театре, — ответил он, — помогает ставить декорации.

Лавочник поднял бровь в изумлении.

— Чтобы его величество, да само ручками работало? — спросил он. — Вот на это я должен посмотреть.

Ч5. Глава 2-3

3

Труппа вовсю готовилась к премьере. Беглецы становились все унылее и апатичнее. У них не было плана действий, у них не было информации, кроме той, что выдавал Пересмешник. Они стали ругаться из-за мелочей — Редактор потратил бензина больше чем остальные, Лавочник закапал документы Пыли консервным жиром… Семен нарвался на гнев Татьяны, так как слушал радио весь день и подсадил аккумуляторы. Случилось Продвижение, автобус не смогли оперативно завести — пришлось прикуриваться от грузовика, тащившего сцену. После этого театр поставил Голоса на счетчик — теперь за связь нужно было платить.

В ночь перед премьерой Семен спал плохо — в голове метался трезвон генеральной репетиции, распевка актеров, краски декораций, все это смешивалось с пожаром, с выстрелами, с обгорелым лицом Юлии, которое вдруг оказалось очень близко…

Семен проснулся и увидел перед собой Пыль.

— Что-то происходит, — прошептала она. Он свешивалась с сидений, на которых спала. Ее рука вытянулась в сторону — она указывала на лобовое стекло.

Семен сел и протер глаза.

— Что? — спросил он, отходя от сна. Перед взором все еще плясали огни пожара — ему казалось, что он видит красные отсветы на стеклах и краях кресел.

— Посмотри вперед, — прошептала Пыль. Семен поднялся и глянул через лобовое. И понял, что красные отсветы ему не привиделись, это не призраки его сна. Далеко впереди вдоль дороги виднелось яркое красное зарево.

— Город… — прошептал он.

Он сел рядом с Аней, и они вместе, как завороженные стали смотреть. Зарево шевелилось — по нему пробегали тени, оно становилось в некоторых местах то ярче, то тусклее, то начинало подрагивать.

— Еще один пожар? — спросил Семен.

— По ощущениям очень далеко, — невпопад ответила Пыль, — но так ярко… Как будто там новое солнце восходит.

Голос же подумал, что это больше похоже на закат. Очень страшный закат.

— Мне показалось, что я проснулась от того, что автобус качнуло, — прошептала Пыль, — но может быть мне просто показалось… Будто Дорогу встряхнули…

Семен представил как чьи-то огромные руки хватают дорожно полотно — пальцы впиваются в асфальт, морщат его и с силой отрывают от земли. Машины, люди, грузовики — все летит в Немир…

Он помотал головой.

— Неужели еще одна цистерна…

— Или не цистерна, — пробормотала Пыль. Семен посмотрел на нее. И увидел в глазах страх — вот только страх не за себя.

Он понял ее догадку.

Бензоколонка. Что еще может вспыхнуть так ярко?

* * *

Накануне премьеры, после генеральной репетиции, Татьяна собрала их всех и сообщила:

— На представление придет Луи. Я его пригласила. Сможете пообщаться.

— За ним будет наблюдение, — покачал головой Редактор, — лучше бы нам не высовываться.

— Я надеялся насладиться зрелищем в первом ряду, — с деланным возмущением заявил Лавочник.

— Обойдешься, — ответила глава труппы. — Максимум, что вы можете — это наблюдать из-за кулис. Но если хотя бы один нос из-за них покажется — тут же выметететесь вон. Не смейте поставить театр под удар.

— Ни в коем случае, — серьезно ответил Редактор. — Мы понимаем все риски.

— Можно ведь как-то пригласить его за кулисы? — все же спросил Семен. — Нам хотя бы узнать судьбы родных.

— Лучше не рисковать, — возразил Лавочник, — Редактор верно сказал…

— Давайте попробуем, — перебил его Влад. — Я… я хочу узнать, как там мама.

Татьяна с сомнением посмотрела на него, но ничего говорить не стала. Встала и отправилась к арьерсцене.

— Да, еще, — сообщила она, — после премьеры мы будем праздновать. И так уж и быть, вы приглашены. Раз все равно здесь болтаетесь.

— У меня есть две минуты, — сказал Луи, — я типа приватно пообщаться с Таней зашел…

— За тобой следят?

— Следят, — Луи нервно усмехнулся, — ко мне целый человек приставлен. Ходит за мной везде.

— Тогда быстро — что происходит? Все ли в порядке с нашими родными?

— Погоди, погоди, Голос… По порядку. Ваши родные живы. К твоим, Семен, я ходил, чтобы… ну… короче, было непонятно, ты живой или…

— Я понял. Не продолжай. Просто при случае передай им весточку, что со мной все хорошо.

— А моя мама? — спросил Влад.

— Да, но под стражей. Все твои машины, Редактор, теперь не твои. Бриджит в тюрьме. Рефрижератор они тоже прибрали к рукам. Как и радио… Юсуф слова лишнего в микрофон сказать боится.

— Загваздин снова полицейский?

— Пока да. Но ходит как все мы под конвоем. Мне кажется, Самохина его заменит, как только подлечится.

— А Пит?

— Понятия не имею. Ни разу его не видел. Все… я побежал. А то этот полезет проверять… Что вы-то будете делать?

— Возвращаться, — ответил Редактор.

— Отсиживаться, — одновременно с ним ответил Лавочник.

Семен переглянулся с Пылью. И ничего не ответил.

* * *

Это было чем-то похоже на ту вечеринку Пешеходов, где, как думал Семен, его впервые по-настоящему сдвинуло с места. Однако все же — не то. Театралы веселились как в последний раз — оно и понятно, что им еще делать в такой плачевной ситуации? Но Семена не цепляло.

Он отметил, что Редактор постоянно крутится вокруг Весты — и та как будто была не против. Было очень странно наблюдать за человеческим поведением Влада. Семен всегда думал, что тот не слишком приспособлен к нормальным чувствам. Но вот факт — он неотрывно наблюдал за актрисой весь концерт, слушал ее сольное выступление с гитарой, закрыв глаза, а затем лично подошел выразить свое восхищение.

Лавочник и Пыль, кажется, решили просто напиться. Они с удовольствием хохотали над чьими-то шутками, чокались так, как будто тоже участвовали в концерте, даже пытались подпевать, когда все актеры затянули незнакомые песни под гитару Весты.

Семена тошнило от этого. Он считал, что все это самообман, попытка уйти от реальности, где они — изгои, у которых нет понимания, что делать — завтра, через месяц и в целом в жизни. Он выхлестал банку пива в одиночестве, сидя на табуретке меж кулис, мрачно наблюдая за весельем. Его глодала обида — он остался, бросил свою мечту, бросил свою любовь, новую жизнь, чтобы подарить счастье своей Пробке, своему участку. Он почувствовал ответственность за каждого, кто орал “Голос” той ночью… и все ради вот этого? Они облажались, просрали ту цену, которую он заплатил.

Семен взял еще одну банку, ушел к краю сцены и сел ко всем спиной, свесив ноги вниз. Где-то в Немире гасло солнце. Люди, проходившие по Театральной площади, с любопытством оглядывались на шум, вытягивали головы, пытаясь ухватить взглядом чужой праздник. Семен улыбался каждому, кто встречался с ним глазами. Большинство не реагировало.

Он медленно тянул пиво, пытаясь осознать странное чувство всеобщей отчужденности. Агата, символизирующая все, что он на самом деле любит, была слева — где-то очень далеко. Справа, совсем неподалеку, осталось то, что Семен всегда считал домом и с чем неразрывно связывал свою жизнь. Странное положение — дома не рады, а до звезды не дотянуться. Это было до ужаса безвыходное положение. Голос не знал, что делать дальше.

Надо было уходить раньше, с Пешеходами, горько подумал Семен.

— Грустишь? — Влад подошел сзади. Судя по создавшимся после вопроса глоткам, он тоже решил не останавливаться на половине

литра.

Семен не ответил. Тогда Редактор, покряхтывая, присел рядом и поставил пиво между ними.

— Скучаешь по своему радио, наверное? — спросил Редактор. — По дому? По микрофону…

— Прошло три дня, — ответил Семен. — Всего три дня.

— Это для Лавочника три дня — легкая прогулка. А ты ни разу не выходил так долго за пределы своего района.

— А еще его не сжигали в бензиновой топке.

Влад усмехнулся.

— Да уж, — сказал он. — Ну, а я — скучаю. И уже хочу вернуться и показать этим идиотам, что же они натворили.

— Что, хочешь воевать с Питом и его дружками? С вооруженной бандой?

— Да. Хочу, — ответил Влад, разбивая иронию Семена о твердость своих слов. — И ты должен возглавить эту борьбу.

— Нет. Мне хватило, — ответил Семен. — Хватит с меня властных полномочий.

— Но народ тебя любит! Ты нужен им.

— Ужасно звучит.

— Да, — согласился Редактор, — потому что правда. Ты просто привык в своем радиомирке, что банальности не достойны, чтобы их произносили.

— Управлять кучей людей — банальность?

— Ну, на самом деле да. Полицейский — вообще самая скучная работа в Пробке. Но кто-то должен ее делать. Взваливать на себя всю эту скучную хрень — потому что люди не будут за себя решать, как им жить. Но они могут выбирать тех, кто придумает жизнь вместо них.

— Люди вполне способны управлять своей жизнью, — неприязненно ответил Семен на такое. — Я могу.

— Сказал Голос, сидя на сцене театра, который его приютил, потому что… ах да, потому что Семен Дергачев совершенно не контролировал свою старую жизнь. И она пфф — сгорела.

— Ты меня нарочно разозлить хочешь?

— А что поделать, если только так ты начинаешь думать? — спросил Редактор. — Посуди сам — все время с этого убийства ты

понятия не имел, что происходит вокруг. Ты не сделал ничего, чтобы стать новым полицейским — все пришлось мне проворачивать…

— В смысле? — перебил Семен и резко повернулся к Владу. — Ты говорил, что люди сами решили.

Редактор закатил глаза.

— Ты до сих пор не понял? — спросил он и даже чуть отклонился в сторону, чтобы оглядеть Семена полностью. — Ничего люди сами не решали. Все решил я. За них. Каждый день я работал против имиджа Загваздина — хотя тут и пальцем шевелить не пришлось, всего лишь содрать внешний глянец, чтобы проглянула старая-добрая ржа…

— То, что ты копал под Андрея никак не влияет на то, что люди выбрали меня.

— Тут, конечно, пришлось поработать тоньше, — Редактор сделал добрый глоток, откинул банку в сторону, оперся на руки и стал смотреть в темнеющее небо. — Направлять толпу. Спонсировать твое радио.

— И все ради того, чтобы место Загваздина занял я? Ты заранее это придумал?

— От и до, — кивнул Влад. — Я привел тебя к власти.

Семен вспомнил как толпа скандирует «Голос! Голос!», а Агата стоит напротив.

— Зачем? — спросил Семен. Он спросил риторически, просто ища выход странным эмоциям, что заметались в голове. Но Влад воспринял вопрос совсем иначе — и стал на него отвечать.

— Ты показался мне лучшим кандидатом. Популярный у народа, но без амбиций и жажды власти. Внушаемый, но при этом мозговитый. Мы бы отлично справились, если бы ты не начал геройствовать и устраивать показательные суды.

Семен смотрел в лицо Редактору, но не видел глаз — они скрывались за очками, а очки отражали оранжевость закатного неба. Он будто отгородился этими очками, подставив вместо своих лукавых глаз свое тщедушное тельце — ширму, за которой скрывается монстр, размером с Хмурого Пита — и куда опаснее него.

— Ты знал, что я собираюсь уходить с Пешеходами?

— Они произвели на тебя огромное впечатление, — кивнул Редактор, — и, разумеется, я опасался, что ты ускользнешь.

Приходилось работать на опережение — совершить переворот раньше, чем Пешеходы уйдут.

— Нет, — Семен покачал головой. — Ты не можешь предполагать. Опасаться. Подозревать. Ты всегда четко убеждаешься во всем, прежде чем действовать. Я повторю вопрос. Ты знал, что я хочу уйти с Агатой?

Влад вздохнул.

— Слушай… — начал он, но Семен оборвал его.

— Ты знал.

Семен швырнул бутылку не глядя, прямо вперед, полоса белой пены на мгновение зависла в воздухе вслед за сверкнувшим во тьму металлом. Банка невидимо звякнула об асфальт где-то впереди. Кто-то что-то недовольно крикнул.

Семен медленно поднялся на ноги.

Влад тоже встал. Они повернулись друг к другу.

— Ты знал, — повторил Семен, тяжело дыша.

— Ты мог бы сам мне сказать, что собираешься уходить, — возразил Влад, — прийти и сказать. Ты этого не сделал, побоялся. Вини себя. Знаешь, если есть какие-то планы — нужно ими делится с партнерами.

— Ты мне не партнер… сволочь. Ты всегда все знаешь. Не лги мне.

— Я и не лгу. Просто напоминаю, что о таких вещах говорят прямо и заранее… как раз чтобы избежать вот таких ситуаций.

— Ты допустил эту ситуацию! Ты мной манипулировал!

— Это было ради Пробки. Ради людей. Я всегда стараюсь ради людей. Ты должен понять, что жизнь одной пары — и двух-трех сотен семей… я выбрал общее благо.

— Ты выбрал не общее благо. — бросил Семен, — а общее благо с твоей точки зрения! О, великий Редактор, он лучше знает, как всем жить! Сейчас поставит во главе толпы говорящий радиоприемник, и Дорога станет процветающим местом! Какое право ты имел решать за всех? Какое право ты имел решать за меня?

— Оу, вот не надо! — Редактор поднял руки ладонями вперед. — Ты сам все выбрал. Кто тебе мешал уйти и после того, как люди тебя выбрали?

— Долг.

— Если бы не взорвали цистерну… были бы выборы. Ты бы снял себя с должности, да ушел, — ответил Редактор, — и это было бы достойно. Вини не меня, вини тех, кто сделал это с нашей Пробкой.

— Да это ты сделал! Ты хоть и сволочь, но прекрасно понимаешь, что этот хаос, этот пожар — твоих рук дело. Ты и рвешься назад, потому что тебя совесть ест. Просто ты не знаешь, что это совесть, тебе кажется, что это жажда борьбы за справедливость или какая там у тебя чушь в голове, который ты сам себя заманипулировал, не хуже чем меня…

— Я хочу вернуться, чтобы спасти людей. Наших людей, — Редактор запнулся на минуту, — у меня там мама. Беспомощная. Кто знает, что сделают эти ублюдки из мести. Твои родители тоже там, Семен…

— Вот не смей! Ты сейчас то самое и делаешь — манипулируешь! Больше я тебя слушать не буду.

— Так что — останешься здесь? Станешь актером, может? Будешь читать новости со сцены?

Несколько долгих секунд Семен думал, как прекрасно было бы пройтись кулаком по этому острому лицу, вынуть наружу настоящего Влада, который, несомненно, будет чудовищен, хоть и жалок.

— Я знаю, что буду делать, — сказал он после паузы. — Спокойной ночи.

Он развернулся, чтобы пойти спать и увидел, что их перепалку наблюдают все — и еще не разошедшиеся актеры, и остатки Совета.

Семен втянул голову в плечи, прошел мимо ухмыляющегося Лавочника, мимо застывшей Пыли. Лег на свое место, укрылся — и этим поставил точку. С завтрашнего дня он все будет решать сам.

* * *

— Кто-то счел бы это трусостью или предательством, — сказал Лавочник, подавая консервы, — но я за тебя, Голос. Правильно делаешь.

Семен укладывал консервы в рюкзак, стараясь сделать так, чтобы их углы не слишком упирались в спину.

— Почему ты так думаешь? — спросил он.

— Потому что нахрен это все. Всю эту борьбу за то, как должны жить люди на полоске асфальта. Какого Города люди вообще за это готовы друг в друга стрелять?

— Почему тогда сам не уйдешь? — спросил Семен.

— Потому что я хорошо зарабатываю на всех этих глупостях. Пока людишки будут продолжать убивать друг друга, потому что не могут договорится о простых вещах, такие как я будут вкусно кушать.

— Звучит не очень благородно.

— Мы про меня говорим. Причем тут благородство вообще?

Ну да, о чем это я, подумал Семен. Принял из рук Лавочника флягу бензина.

— Как же не хочется оставлять за спиной незавершенные дела, — посетовал Голос.

— Если бы я все доводил до конца и не бросал, хрен бы я чего добился, — ответил Лавочник на это. — Оставлять, чувак, это навык успешного человека.

Однако все же у Семена оставался один вариант, чтобы хотя бы номинально очистить совесть. Крайний вариант, который не понравится никому. Он уже собрался озвучит его Лавочнику, как вдруг со стороны сцены появилась Пыль. И она тоже была с рюкзаком.

— Так, — сказал Илья, обернувшись, — а вот это уже действительно неожиданно.

— Что происходит? — спросил Семен. Пыль поставила свой рюкзак рядом с его. Помимо еды и фляжки с водой из него торчали размочаленные углы архивных папок.

— Я тоже ухожу, — просто ответила Аня, — я подумала, что нет ничего, что меня держит там. Обязанности советника наложил на меня ты. Но ты и сам решил не возвращаться. Значит… — она развела руками.

— Что ж, вдвоем явно будет проще, — заметил Лавочник.

Семен думал. Он не ожидал, что у него будет попутчица и теперь пытался понять, чего это будет стоить. Он хотел держать очень высокий темп, чтобы как можно быстрее нагнать Пешеходов. У Пыли явно нет такой цели, а вот поизучать Пробку ей захочется. Она будет его тормозить.

С другой стороны, Лавочник несомненно прав. Вдвоем будет проще.

— Используйте еду с умом, — контрабандист с сомнением смотрел на рюкзак Пыли, где с его точки зрения явно было много лишнего. — Пока идете по голодному региону — это хорошая валюта.

Не потратьте ее всю на свои желудки. Ближе к Бензоколонке еда должна стать снова дешевой.

— Если от нее что-то осталось, — пробормотал Семен.

— Не навлеките на себя гнев Короля, — посоветовал Лавочник. — Что бы там ни горело, лучше исходить из того, что Король и его прихлебатели на месте и представляют угрозу. Лучше им не знать откуда вы.

Пыль вздохнула.

— Я бы хотела там задержаться, — сказала Пыль, глядя на Семена, — попасть внутрь.

Лавочник засмеялся.

— Единственный способ попасть туда для тебя — это показаться симпатичной Королю.

— Я смотрю ты много знаешь о нем, — сказал Семен.

— Слухи ходят, — пожал плечами Лавочник, — я бы на вашем месте верил в самые худшие из них.

Лавочник был прав, лучше у Бензоколонки не отсвечивать. Ему надо лишь проскочить территорию Короля и догнать Агату.

— Эй, — раздался голос Редактора позади. Семен оглянулся. Тот стоял у выхода, будто бы закрывая его своими узкими плечами. — Собираешься?

Голос не стал отвечать. Он больше не хотел разговаривать с Владом. Никогда.

— Я тоже ухожу, — сказала Пыль.

Редактор хмыкнул.

— Да пожалуйста, — тихо сказал он, — я все равно не понимал, зачем Семен взял тебя в Совет.

Пыль никак не ответила, но губы у нее сжались. Как бы ей не хотелось отрицать, а положение советника все же что-то для нее значило.

— Мы делим запасы, — буднично заметил Лавочник, — я собираюсь поделить примерно шестьдесят на сорок. Если у тебя, Влад, есть возражения…

— Меня это не интересует, — ответил Редактор. — Но ты прав, кое-что нужно действительно поделить по справедливости. Эй, Семен, мне кажется ты сложил с себя полномочия полицейского.

Голос сразу понял к чему тот клонит.

— Нам он будет нужнее, — продолжил Редактор.

Семен выдохнул. Расстегнул пояс и положил кобуру с пистолетом на стол. Лавочник с интересом посмотрел на оружие.

— Мы вручим его хорошему человеку, не переживай, — сказал Редактор, — кому-то, кто действительно дорожит Пробкой.

* * *

Илья курил.

— Если это чтобы попрощаться, то мог бы и Пыль позвать, — заметил он.

Они сидели в скелетнице. Между ними стояла портативная радиостанция Лавочника. Контрабандистский центр связи.

— У тебя десять минут, — докурив, сообщил Илья, забросил сигарету в ребра ближайшему бедолаги и выскочил наружу.

Пусть думает, что я хочу попрощаться. Что я сентиментален и мне надо дать напутствие Юсуфу и поплакататься Сашке. Пусть поверит в это.

Он включил радиостанцию. Стал искать частоту. Очень хотелось действительно остановится на знакомых цифрах и поговорить — объяснить, зачем он это делает, попрощаться по-настоящему… но рука замерла лишь на мгновение. И выбрала совсем другое значение.

— Голос вызывает Гросса, — произнес Семен в микрофон.

Ответ он получил почти сразу.

— Я Ольга, секретарь А…

— Мне он нужен сейчас!

Семен не сразу понял, что почти рявкнул. За мной никто не гонится, успокоил он себя. Не надо торопиться.

— Голос, — полицейский, видимо, был рядом, и все услышал.

— Адам, здравствуйте. У меня мало времени.

— Я слушаю.

— Вы знаете, что произошло?

— Еще бы. Такое сложно не заметить.

— Я в изгнании. И еще много хороших людей. Власть на участке захвачена вооруженной бандой во главе с Петром Глушаковым, опасным преступником и убийцей.

— Так, — в этом сухом “так” было очень много всего.

— Вы сказали, что я могу к вам обратится, если я утрачу контроль над ситуацией… я запоздал на недельку, но — это случилось.

— Вы хотите, чтобы я…

— Именно этого я и хочу, — Семен вздрогнул, поняв, что следующие слова могут склонить Гросса к идее не помогать. — Я больше не вернусь. И никогда не буду ни полицейским, ни радиоведущим. Я вверяю участок вам. Мне больше некому доверять.

Адам не отвечал какое-то время, Семен уже подумал, что связь окончена, но он вернулся.

— Я ничего не буду обещать вам, Голос. Тем более, в ближайшее время.

— Пит — это коррозия, которая будет разъедать общество. Она и до вас доберется. Прошу вас, поторопитесь.

— Я не сказал, что не буду торопится, — даже сквозь помехи почувствовался холод прорезавшийся в голосе Гросса, — я сказал — не в ближайшее время. На разработку плана и поиск ресурсов уйдет время. Я уже связывался с другими участками и даже с Антимиром. Взрыв цистерны привлек всех. Никто не чувствует себя в безопасности. Так что можете не переживать, Голос, мы примем меры.

Семен вздохнул. Опустил голову.

— Спасибо, — почти прошептал он в микрофон.

— Это не ради вас, Семен. Конец связи.

Ч5. Глава 3-1

1

Дежа вю. Хотя нет, не оно. Ощущение, будто они с Пылью ошиблись стороной и шли все это время обратно, домой, а не вперед. Сгоревшие машины. Сгоревшие довольно давно — не вчера и не сегодня, а недели назад. Пока люди с застрявшего участка не догадываются сколько им придется разгребать, чтобы возобновить Продвижение…

Масштабы бедствия здесь были куда больше, чем от взрыва цистерны — все автомобили отсюда и до горизонта выгорели, превратились в черные остовы, скелеты, будто на них внезапно налетел мор Немира. Даже за Барьером видны были сожженные машины, но их кто-то уже оперативно оттащил в один ряд, чтобы не мешали проезду. Странно, что не столкнули за Обочину.

Семен обошел кругом ближайшую машину. Покрышки растеклись по асфальту и вновь застыли. Ступать по этому новому настилу было странно и упруго.

— Дотла, — сказал он Пыли, — но внутри никого.

— Зато снаружи есть, — тихо сказала она, пройдя дальше.

Семен и сам успел заметить. Обугленные трупы лежали в проходах между машинами или даже на самих автомобилях, перекинутые через багажник или капот. Семен на миг вспомнил вид горящего Пита в такой же позе. Но тому повезло, а этим — нет.

— Деваться им было некуда… — пробормотала Пыль, — они просто горели и все…

Семен представил объятую пламенем Пробку и метущихся людей. Огонь — со всех сторон. Такое могло произойти и у них на участке.

Аня смотрела вдаль. Здание Бензоколонки было еще далеко, но уже можно было разглядеть, что это такое же капитальное сооружение, что и Шашлычная, но больше, в два этажа и с пристроенным навесом.

— Там были книги, — пробормотала Пыль, — документы… Если все началось оттуда, то все сгорело.

— Когда ты поняла, что школа, в которой училась ты и Редактор, и бензоколонка — это одно и то же?

— Когда нашла те старые карты, — ответила Пыль. — А потом сопоставила свои воспоминания и расстояние до пожара.

— Может быть, их куда-то перенесли? Нафига Королю учебники в его бензиновом дворце?

— Или сожгли еще раньше, — невесело отозвалась Аня, — потому что нафига Королю учебники…

Они двинулись дальше, осторожно переступая через тела.

— Мне что-то нехорошо… — пробормотал Семен.

— Понимаю, — ответила Пыль. В ее голосе чувствовался ужас, но звучал он все равно довольно буднично. Семен молча позавидовал выдержке историка.

Ему и правда было тошно. Не от вида тел, а от осознания того, что дома все может выглядеть примерно также, пусть и в меньших масштабах, а он при этом здесь… бежит совсем в другую сторону. Возможно, Редактор и прав — он просто трусливо убегает.

Нужно было все-таки попрощаться. Сказать ему какие-то слова напоследок. Слова примирения.

У автобуса с провалившейся крышей Семен остановился. Даже после пожара на нем осталась видна надпись, которую явно сделали краской незадолго до пожара.

«Дорога куда угодно, для кого угодно, как угодно».

— Кажется и тут без революции не обошлось. Это не случайный пожар.

Пыль кивнула, обернувшись.

— В любом случае, в итоге не выиграл никто. Как и всегда.

— Историческая мудрость? — спросил Семен.

— Историческая закономерность. В войнах обычно никто не побеждает. Вспомни твой переворот. Кто в итоге победил?

— Это не мой переворот, — буркнул Семен.

Помимо надписи на автобусе сохранился рисунок — большое катящееся колесо, объятое пламенем.

— Что это за рисунок… — пробормотал Семен. — Султана! Это практически ее татуировка.

Пыль с любопытством посмотрела на Семена.

— Что ж, почему-то я не удивлена, что и здесь итог встречи с Пешеходами стал пламенным.

Султана не была идеологом, хотел сказать Семен. Зачем копировать ее татуировку, если главным проповедником перемен был Серж? Но он промолчал, и они двинулись дальше.

Они перешли к Обочине, чтобы можно было идти быстрее — здесь трупы встречались не так часто. Зато их было полно в Немире…

— Они бросались в Немир, лишь бы избежать огня, — пробормотал Семен.

— Скорее искали быстрой смерти.

Вскоре стало видно, что само сооружение тоже пострадало — навес почти полностью обвалился, погребя под собой все, что он некогда накрывал. Само здание не выглядело разрушенным, но черные пятна, разбитые окна и выбоины в стенах говорили о том, что где-то неподалеку был взрыв и строению сильно досталось. Но оно хотя бы не сгорело.

— Не впечатляет — сказал Семен. — Я ожидал чего-то большего, слыша о Бензоколонке и Короле.

— Здесь разливали бензин, — ответила Пыль. — Когда-то давно. На моей же памяти здесь была школа. Теперь я догадываюсь, почему.

— Почему?

— Пока над сокровищницей сидят дети, есть вероятность, что из-за нее не перегрызутся. Школы не стало — сразу появился Король.

Как-то жутко — прикрывать бензин детьми.

— Зачем хранить бензин в одном неподвижном месте? — спросил Семен. — Не Королю, с ним все понятно, а в целом.

— Потому что раньше никто не возил его с собой и тем более не считал платежным средством, — пояснила Пыль.

Немного в стороне от самого здания зияла огромная воронка с черными острыми краями вздыбившегося асфальта. Машины поблизости раскидало — они лежали вперемешку, некоторые — колесами вверх.

— Подземная цистерна, — сказала Пыль, — они хранили бензин под землей. Хорошая получилась бомба.

— И сколько там было бензина, — пробормотал Семен, — чтобы устроить такое...

Трудно было представить, как просто невероятное количество богатства, на которое один участок мог жить и неслыханно процветать

несколько лет, в один миг превратилось в ничто, точнее — в ревущее облако пламени.

Двери в здание были выломаны снаружи — то ли революционерами, то ли от взрыва. Над входом красовалась уже знакомая надпись — «Дорога куда угодно, для кого угодно, как угодно». Стена была покрыта копотью, большое окно слева от входа — разбито, обнажив металлическую решетку.

— Видимо, есть места, где влияние Пешеходов порождает хаос и разрушения, — сказала Пыль.

— Не думаю, что дело в Пешеходах, — Семен подошел к проему и осторожно заглянул внутрь. Внутри было темно и… пахло. Странно и знакомо. — Они — как ключ зажигания. Но прогорклого бензина в бак мы наливаем сами…

Семен вошел первым. На пыльном полу следов не было. Видимо, они здесь первые со времен инцидента. Повезло.

— Тебе не кажется, что пахнет как-то странно?

— Как из Немира, — сообщила Пыль. Помолчала. — Видимо, где-то тут тело. Не сгоревшее. Просто кто-то умер.

Точно, понял Семен. Так пахнут те, кого похоронили. Мертвые. Город святой. Идти в глубь строения как-то сразу расхотелось.

Внутри было большое помещение, чем-то похожее на Шашлычную — даже прилавок был. Однако оно было страшно захламлено, в одном углу были навалены стулья, а ближе к выходу, под окнами — вплотную были составлены множество столов.

— На первом этаже были учебные классы, — пояснила Пыль. — Но Король, видимо, обнаружив бензин и реальное предназначение здания, решил тут все несколько поменять…

Она уверенно двинулась к дверному проему за прилавком, за которым были ступеньки наверх. Семен никогда не видел столько ступенек.

— Вверху была библиотека… — сказала Пыль, глядя туда же. — Ох, хоть бы она сохранилась!

Стали подниматься. Запах усилился

— Город побери! — выругался Семен. — Не уверен, что я хочу видеть… источник.

Становилось невыносимее с каждой ступенькой. Семена затошнило, но он решил, что поднимется до конца.

Преодолев последнюю ступеньку они обнаружили Короля.

* * *

Лестница выходила в квадратное помещение, поменьше, чем холл внизу. И там было именно так, как предполагал запах. Длинный стол с проломленной столешницей, пятна крови повсюду, несколько трупов и среди них — самого Короля. Он висел на стене, приколотый к ней несколькими заточенными рессорами. Над телом красовалась все та же надпись.

— Ох, — выдохнула Пыль. Семен закашлял.

— Из Немира так не воняет, — пробормотал он.

— Я не про запах, — ответила Пыль, глядя на распростертое на стене тело. То, что это Король Бензоколонки сомнений не было — во-первых, он был необычно одет — в белый, теперь запятнанный кровью, пиджак с красным подкладом и в когда-то тоже белые брюки, во-вторых, под ним было огромных размеров сидение, сложенное из канистр. Где он явно и сидел, когда вошли мятежники. Смотреть на трупы сил не хватило уже обоих. Не сговариваясь, они обернулись и сбежали по лестнице вниз.

Семен оперся на стенку. Он желал только одного — чтобы его сейчас не вывернуло. Причем он не столько думал об ощущаемом отвращении, сколько о том, что ему жалко съеденного завтрака — кто знает, когда им снова попадется хорошая еда по пути?

— Я обратила внимание, что с трупов все сняли, — сказала Пыль. — Они явно были вооружены — но все забрали…

— Те, кто пережил пожар?

— Или это случилось до пожара, — ответила она.

— Занятное у него седалище.

— Трон, — пояснила Пыль. — Ритуальное сидение. Королям полагается сидеть на троне.

— Выглядит не очень удобно.

— Он и не должен быть удобным. А вот производить впечатление — да.

Семен обернулся. Второй этаж остался неизведанным — он заприметил еще две двери, но подниматься обратно очень не хотелось.

— Нам надо осмотреть остальные комнаты, — сказал он.

— Да, — Пыль кивнула, — там все еще могут оставаться книги.

— Я имел ввиду найти какие-нибудь припасы, — протянул Семен, — но и это тоже, да.

Определились, что сначала зайдут в дверь по левую сторону от трона, чтобы не мешкать наверху. Поднялись обратно. Семен неотрывно смотрел на Короля. Кровь обильно текла из ран, закрашивая белизну костюма почти до черноты. Она капала с ног и текла по стене — потому трон тоже был запятнан. Лицо было перекошено — то ли его били перед смертью, то ли это просто результат такой странной смерти. Рот оскалился золотыми зубами.

— Семен… — позвала Пыль.

Тот посмотрел на спутницу. Та все же пересилила себя и теперь смотрела на других мертвецов, раскиданных по всему помещению.

— Что?

— Татуировка…

Семен проследил взгляд историка. И застыл. Отвратительный запах, ужасающий труп Короля, Бензоколонка, сотни сгоревших автомобилей — все исчезло на короткий миг.

Голова была под сломанным стулом, которым, видимо по ней и ударили. Но Семену и не нужно было видеть лица. Знакомая черная кожанка, красивое стройное тело под ней и — татуировка на безвольно откинутой сторону руке. Колесо поверх шрамов.

— Султана, — наконец выдохнул Семен и, вместе с выдохом — избавился наконец и от завтрака.

Не ожидав такой реакции организма, Семен бахнулся на колени и почти нос к носу столкнулся с другим трупом — какого-то незнакомца.

— Ох… Я осквернил тело какого-то парня, — сказал он, быстро оттолкнувшись руками. Он сел, упершись спиной в стену и вытер рот рукавом.

Пыль, кажется, не знала что делать, но смотрела на Семена с искренней жалостью.

Семен глубоко дышал через рот и готов был разрыдаться, но слезы не шли. Он понятия не имел, почему его реакция такая бурная. Возможно, из-за обстановки. Но даже смерть Раисы, человека, которого он знал много-много Продвижений, не произвела на него такого впечатления.

Пыль, видимо, желая действовать, но не понимая как, подошла к телу Султаны и осторожно приподняла остатки стула. Отбросила в

сторону.

— Там… сильно все плохо? — спросил Семен, хотя и не понимал, зачем ему эта информация. Сам он смотреть в сторону Султаны боялся.

— Нет, — ответила Пыль. — Ну, то есть… Это все-таки удар стулом. Но узнать ее легко.

Семен засучил ногами, желая встать.

— Надо вынести ее отсюда, — сказал он, поднимаясь, — и нормально похоронить.

Пыль серьезно посмотрела на Семена.

— Их всех придется вынести, — сказала она. — Понимаешь?

Он покачал головой. Подошел к краю лужи, что натекла вокруг головы Султаны. Некоторое время смотрел на дырку в черепе, страшно похожую на маффины с консервированной вишней, что умела готовить мама. У нее была такая форма для выпечки — чтобы посередине получалось глубокое углубление, которой можно заправить чем хочешь…

— Давай спустимся, — предложила Пыль. — Надо успокоиться.

— Если спустимся, то назад я уже не поднимусь, — сказал Семен. — Как минимум, если спустимся без нее.

Пыль вздохнула.

— Хорошо, — сказала она. — Давай ты за ноги, я за руки…

Семен покачал головой. Только не так.

— Это не пьяный Луи, — сказал он. — Помоги мне взять ее на руки.

— Ты весь измажешься в… ты же понимаешь почему так пахнет?

— К Городу!

Кажется, Семен впервые видел Пыль такой раздраженной. Наверное, он действительно странно вел себя, но ему сейчас было не до чувств спутницы. А вот до собственных — да.

Все же Пыль не позволила ему взять Султану голыми руками.

— Они должны были где-то жить, — сказала она. — Король и… кто там у него — свита?..

Она перешагнула через трупы и толкнула левую дверь — место, где раньше была дверная ручка было разворочено, поэтому она легко открылась.

— В точку. Спальня, — сообщила Пыль.

Несомненно, так оно и было. Историк вошла внутрь, а Семен прислонился к косяку. Он никогда раньше не видел таких роскошных условий для сна. Кровать была сломана, матрас изрезан, но ее размер поражал — она была, наверное, вполовину автомобиля Семена, который был всем его домом, а не только спальным местом.

— Где он откопал такое? — спросила Пыль, осторожно обходя кровать кругом. В помещение выходили какие-то трубы с датчиками, оно явно не было приспособлено для сна изначально.

Пыль собрала окровавленную простынь — она была в длинных порезах, но чтобы замотать тело — пойдет.

Они вернулись к Султане, оттащили от нее тело человека в странной малиновой форме — Семен старался не думать, что именно он может быть ее убийцей. Разложили простынь.

— Готов? — спросила Пыль.

Он кивнул. Они аккуратно перекатили тело. Семен случайно задел слипшийся от крови комок волос на голове и невольно отпрянул.

— Если хочешь, иди вниз, — сказала Пыль, заметив это. — Я сама все сделаю.

Голос помотал головой, и они вместе завернули Султану в несколько слоев. Потом он с помощью Пыли поднял ее на руки, как если бы она была жива. И понес вниз.

— Осторожно, — попросила Пыль. — Не оступись.

Семен дернул плечом, мол, не мешай. Путь вниз дался непросто. Султана была на удивление легкой, будто смерть забрала какую-то серьезную материальную часть, но сам факт спуска, когда он не видел ступенек впереди, а только розово-белую истерзанную ткань, натянутую на силуэт женщины…

Он вышел наружу, обогнул здание и, наконец, встав на колени, положил тело у кромки Немира.

Опустился на пятки и остался так сидеть.

Когда все это случилось, подумал он. Были ли Пешеходы рядом? Видела ли Агата смерть своей подруги? Или Пешеходы ушли, а она решила остаться?

Пыль тихонько подошла и встала сзади.

— Султана говорила, что она — отсюда, — сказал Семен ей, не оборачиваясь, — возможно не прям отсюда, но когда-то давно она перелезла в Антимир и жила в противоположную нашей сторону. А

потом перелезла снова. Встретила Пешеходов… Ее шрамы на руках — из тех времен. Она захотела бы отомстить, если бы… если бы вернулась. И вполне возможно, это и произошло.

— Король, — прошептала Аня.

— Да, — выдохнул Семен. — Вполне возможно, она знала его в детстве.

Он не знал, по кому страдает. По другу или любовнице? Ведь любит он другую и идет за ней. Что же тогда порождает этот ком в горле?

Сзади раздался скрежет. Семен обернулся. Оказывается Пыль оставила его — и теперь возвращалась, волоча за собой… кажется, когда-то это был капот. Или багажник.

— Что это? — спросил он.

— Я подумала, что ты не захочешь… ну, бросать ее туда. А на этом она аккуратно скатится в кювет, если слегка подтолкнуть.

Семен кивнул и встал. Они переложили Султану на капот, подтащили его к самому краю… даже помогать не пришлось — железо с шумом увлекло за собой тело. Раздался тихий шлепок внизу, мелькнуло белое и розовое. Простыня слегка размоталась, и Семен вновь увидел руку с татуировкой.

Ч5. Глава 3-2

2

Вытащить остальные трупы было уже проще, потому что они с ними не церемонились. Спускали за ноги с лестницы, а за обочину скидывали враскачку. Семен постоянно порывался вытереть пот со лба, но Пыль предостерегала его трогать лицо — все же они трогали трупы.

Через полтора часа довольно тяжелой работы наверху остался только Король.

— Предлагаешь его снимать? — спросил Семен, пока они отдыхали снаружи.

— Придется, — Пыль дышала тяжело, но держалась прямо, явно желая скрыть усталость. И не только. Кажется, что-то произошло с Пылью, пока он тут справлялся со своими чувствами. Она по-другому смотрела, по-другому говорила. И раздражение хоть и поутихло, но никуда не делось.

Что ж, наверное, она совсем не этого ожидала, когда принимала решение в театре.

— Я хочу осмотреть оставшуюся комнату. Наверняка все книги там. Если они их вообще не выкинули… К тому же, нам, видимо, придется заночевать здесь. Я думаю, это будет не очень приятно, если он будет там…

Ты хочешь заночевать ЗДЕСЬ, хотелось крикнуть Семену, но он сдержался. Она была права. Солнце уже начинало клониться к горизонту, а вокруг только остовы сгоревших машин. Бензоколонка была единственным укрытием.

Ох, что мне сегодня приснится, мрачно подумал Семен.

Они с трудом, но справились с трупом Короля. Выдернуть из стены заточенные рессоры, которыми он был пригвожден, им не удалось — молотом они их вбивали, что ли? — поэтому пришлось спихивать с них само тело. Оно противно шлепнулось об пол — как мешок с дерьмом, и отправилось вслед за остальными за Обочину.

Избавиться от запаха это не помогло. Воняла прогорклая, застывшая кровь, пятнами покрывающая пол и стены, вонял сам

воздух, который еще долго будет намекать, что тут была бойня.

Семен смотрел на трон из канистр: на облупленную краску, на свернутые головки крышек, на черные потеки королевской крови — и ему вдруг невыносимо захотелось сесть туда. Какая-то дополнительная часть его сознания даже не удивилась, а лишь лениво отметило, что вот оно, ага, безумие, наверняка это оно.

— Тут замок цел, — сказала Пыль и вывела Семена из транса.

— Что? — спросил он. Историк стояла у той двери, что они еще не проверили. На вид она действительно выглядела целой. Аня повернула ручку.

— А, потому что тут не заперто, — сообщила она. Отворила дверь.

Оттуда шел свет — и было очень много пыли. Она закружилась в этом свете, тучей заполонила историка. Та чихнула.

Сквозь трупную вонь пробился другой запах. Очень знакомый. Пыль ахнула и и исчезла в проеме. Семен заглянул следом. Да. Пахло бумагой. Семену даже почудился Редактор в темном углу.

Горел электрический свет. За большим окном, снаружи, в Немире, казалось, уже стояла темень.

И груды — настоящие горы! — книг. Они лежали стопками и россыпью на полу, вперемешку с папками, они стояли на полках в шкафах, стоящих вдоль стен… они были везде..

— Тут есть электричество, — пробормотал Семен.

Пыль его не слушала — углубилась внутрь, стала хватать книги, чихать и что-то бормотать. Книг, папок, коробок с бумагами было так много, что Семен не видел ее в глубине комнаты.

Голос взял ближайшую к нему книгу и посмотрел на обложку. Увидел только иероглифы, какие бывают в некоторых машинах с правым рулем и понял, что смотрит на заднюю сторону обложки, хотя и держит книгу верно. Перевернул. Парень с косой стоит на фоне розового креста. За его спиной — странный человек с длинными ручищами и жутковатой улыбкой.

Раскрыл, полистал. Много картинок — Редактор бы оценил качество печати! Но ничего непонятно.

— Семен! — позвала Пыль из-за кучи. — Смотри, что я нашла!

Голос вернул книгу обратно и обошел гору кругом. Он думал, что Пыль сейчас протянет ему какой-то очень важный фолиант, но нет.

Она показывала на подоконник. На нем стоял радиоприемник. Не слишком похожий на тот, что был у Гиви, но опознавался безошибочно.

Голос бросился вперед и повернул ручку. Раздалось шипение — приемник работал! Семен навелся на нужную волну и услышал музыку. Поднял глаза в окно.

— Последний эфир был часа два назад, — расстроенно сказал он.

— Послушаем утром, — пожала плечами Пыль.

* * *

Они закрыли двери во всех помещениях внизу, более менее приладили выломанный внешний вход и вернулись наверх.

Пыль отобрала несколько книг из кучи. Затем расчистила себе место по центру комнаты и села туда, скрестив ноги. Разложила книги вокруг.

— Хорошо смотришься. Сюда бы Агату с фотоаппаратом. Был бы отличный снимок, — сказал Семен.

Пыль вытянула руку в случайную сторону и взяла толстый томик. Положила на колени.

— Скучаешь? — спросила она, глядя на обложку.

— Конечно, — ответил Семен. Вопрос был странный — как будто и так непонятно. — Ради нее он и затеял этот поход.

Пыль раскрыла книгу. Перелистнула несколько страниц.

— Думаешь, это все? Больше нет причин?

Семен нахмурился. Подошел ближе, нашел стопку книг попрочнее и сел на нее.

— А этого недостаточно? — спросил он.

— Может быть, и достаточно.

— Или ты считаешь, что Редактор прав? Я струсил?

— Конечно, нет, — ответила Пыль, — но история учит нас, что не бывает лишь одной причины чего бы то ни было.

Семен долго молчал. Смотрел, как Пыль медленно листает страницы.

— А почему ты пошла со мной, а не с ним? — спросил он. До этого он как-то не интересовался мотивацией Пыли — а стоило бы. Его просто радовало, что он идет не один.

Пыль захлопнула книгу — возможно, излишне резко, — отложила в сторону. Что за неожиданные эмоции, подумал Семен.

— А я вот струсила как раз. Идти обратно — самоубийство. Ты был прав, когда сказал это. К тому же, я надеялась, что это место будет… как тогда.

Семен пригляделся — врет. Пыль была не из изворотливых, вроде Лавочника и опытный взгляд журналиста видел ложь. Ничего она не боялась. Бензоколонка, да, была ей любопытна, но все же… это не все. Не бывает одной причины, как она сама и сказала.

— И я не жалею о своем выборе, — продолжила Пыль. — Посмотри, какое сокровище мы нашли.

И кучу трупов в придачу, кисло подумал Семен. Пыль пыталась уйти от темы.

— Может, у тебя тоже есть… личные мотивы идти к Пешеходам? — спросил Семен. Это было бы легко объяснимо. Пыль ведь тоже общалась с Пешеходами и много — для историка они были просто потрясающим источником информации. Но, может быть, она общалась не только об этом…

— Что? — переспросила Пыль. — Нет, я вообще не думала о Пешеходах.

Она замолчала.

Тема закрыта, понял Семен. Но ничего. Путь еще длинный. Рано или поздно сама все расскажет.

Они постелили себе по разным сторонам от книжной кучи, Семену досталось место под окном — из него заметно сквозило ночным холодом Немира, но в целом было терпимо.

Затем они подперли дверь одним из книжных шкафов. Вряд ли он задержит тех, кто очень хочет попасть в эту комнату, но хотя бы его падение или скрежет ножек по полу точно их разбудит.

Пыль улеглась к себе. С книгами, разумеется. Возможно, она не собиралась спать вообще.

Семен улегся на спину. Окно чернело как провал. Может быть, и надо было выключить свет — хоть звезды было бы видно. Он понимал, что еще долго не уснет — слишком много всего случилось за этот день.

— Пыль, — позвал он.

— М? — ответила спутница из-за книг.

— Я хочу извиниться, — сказал он. — Я немного съехал с колес из-за всего этого… и совсем забыл, что рядом живой человек, думал

только о себе…

Удивленное лицо Пыли появилось над книгами.

— Тебе не за что извиняться, — сказала она.

— Я чувствовал, что тебе не нравится…

— Мне много чего не нравится, — перебила она, — по идее, это я должна извиняться, что вместо того, чтобы поддержать тебя, глупо раздражалась… Но поддержка — это совсем не мое. Я понимаю, что ты потерял друга. И могла бы проявить больше такта. На самом деле я очень тебе сочувствую.

— Просто мне кажется… — Семен замолчал, решив не заканчивать мысль, но через секунду она все же вырвалась, — что я не имел права на такую реакцию.

— Что за глупости?

— Сколько я знал Султану? Совсем ничего… Раиса тоже погибла, причем у меня на глазах — а ее помню всю свою жизнь, но так я по ней не горевал. Должен был бы, но…

— Я бы не сказала, что у нас было время на горе, — сказала Пыль, — возможно, именно сейчас у тебя все и сложилось вместе. То и это… Я тоже не плакала по Раисе, хотя помню, как она корила меня за то, что я совсем не пытаюсь заинтересоваться математикой — и это теплые воспоминания.

Пыль молчала, и Семен уже хотел повернуться на бок и засыпать, но тут вдруг она продолжила:

— У меня никого не было среди Пешеходов. Я бы, наверное, тогда сразу ушла с ними. Но ты прав, эта Бензоколонка и страх… это не единственные вещи, которые заставили меня идти дальше.

Она помолчала.

— Еще был ты.

Семен сел. Выглянул из-за кучи, чтобы видеть ее.

— Что это значит?

— Ты понимаешь, — ответила она. — Прости, что говорю это сейчас, сегодня. Я довольно долго любила тебя, Семен. Ты вообще ничего не замечал. Впрочем, никто не замечал, а я и не старалась, чтобы… в общем, я не верила, что это возможно.

— И поэтому ты пошла со мной?..

— В том числе.

— Но… я ведь иду к другой женщине, я ведь…

— Путь долгий, думала я. Всякое может случиться. И зря думала — вот оно, случилось.

Семен опустил глаза. Теперь, после того как Пыль призналась, он стал стеснятся смотреть ей в глаза.

— Любила, — сказал он.

— Да, — Пыль вздохнула. — Все это… И Султана… И то, как трепетно ты отнесся к ее телу. Все внезапно ушло. Я не хочу быть третьей женщиной, которую ты потеряешь…

— Третьей? Я еще не потерял Агату.

— Да, — поспешно ответила Пыль, — конечно.

Она не верит, что я найду ее, понял Семен. И почувствовал гнев. Значит, она любила его и верила в то, что он все равно не дойдет — и в итоге останется с той, что будет рядом. И, возможно, сама бы тормозила его путь…

— Прежде чем мы пойдем дальше, я должен прояснить… — начал он, но она не дала ему закончить.

— Семен, ты не понял, — сказала она, — я не пойду с тобой дальше. Я останусь здесь.

Ч5. Глава 3-3

3

Пересмешник начал эфир как ни в чем не бывало. Все так, как учил его Голос. После череды мелких новостей — в основном, про освобождение дороги для Продвижения, — Пересмешник перешел к более интересному.

— Если вы вчера слышали выстрелы, то просьба сохранять спокойствие. Глава дружины Петр Глушаков сообщает, что он потерял одного человека — тот был хладнокровно застрелен. Андрей Загваздин убежден, что это делается от имени самозванца, которого все раньше знали, как Голоса. Будьте уверены — это не останется безнаказанным, а угроза жизни жителей Пробки будет вскорости ликвидирована. Если кто-то владеет информацией о местонахождении самозванцев или их сообщниках — незамедлительно сообщите об этом полицейскому или его помощникам.

— Лаки, — сказал Семен.

Пыль только кивнула.

— И главная новость дня, дорогие слушатели! — на этом месте голос Юсуфа чуть дрогнул. Вряд ли кто-то кроме Семена смог бы это уловить. Он будто напрягся. Будто ему ткнули стволом под ребро, напомнив, в каком положении ведущий находится. — Рад сообщить о том, что Юлия Самохина наконец-то оправилась от ранений и с сегодняшнего дня вступает в должность Главы Банка. Очень надеемся, что под управлением обладательницы такой известной для нашего участка фамилии, Банк возродится из пепла и придет к процветанию, которое и не снилось нам раньше.

Что ж, Юля добилась своего. Совершенно безумным путем, но добилась. Чем-то она очень походила на Короля, которого они вчера отдирали от стены. Королева на пепелище. Сожги что-то дотла, чтобы завладеть этим.

— Будешь ждать обеденного выпуска? — спросила Пыль.

— Позавтракаем, и я отправлюсь. Не хочу терять время, — меньше всего Семену хотелось находиться здесь.

Совместное путешествие Голоса и Пыли получилось недолгим и не то чтобы было наполнено приключениями.

— Останешься здесь? — спросил Семен.

— Да, — кивнула Пыль, — так долго, как смогу. Буду изучать все это. И слушать радио. Может быть, ситуация изменится и можно будет вернуться.

Дожевав бутерброд он на всякий случай проверил запасы, лямки рюкзака и швы. Он должен прослужить как можно дольше.

— Как думаешь, — спросила Пыль, глядя как Семен продевает руки в лямки ровняет рюкзак на спине поудобнее, — как скоро ты их догонишь?

— Они ушли больше двух месяцев назад. Но я уверен, что здесь у них была большая остановка, примерно как у нас… значит, нагоню через месяц.

Пыль кивнула. Семену показалось, что она не верит в его расчеты. Считает, что это слишком оптимистично.

— Главное успеть до холодов, — резюмировал он.

— Не будет холодов, — возразила Пыль. — Ты идешь туда, где не бывает зимы.

— Слушай, я думаю, даже в Городе есть зима, если ты про это…

— Нет, я про Дорогу. Она, конечно, довольно часто меняет направление, но в общем и целом Пробка движется на юг. Следом за солнцем, к теплу.

Семен не был уверен, что мир устроен именно так.

— Откуда ты все это знаешь? — спросил он.

Пыль молча оглянулась на красноречиво высящуюся груду книг за спиной.

— Страшновато уходить, — признался Семен.

— Понимаю. Ты там будешь совсем один.

Голос помотал головой.

— Нет, — сказал он, — у меня другое ощущение. Что теперь я по-настоящему покидаю дом.

Она поняла. И кивнула. Они вышли наружу.

— Надеюсь еще услышать твой Голос — хотя бы по радио, — сообщила Пыль и это прозвучало искренне.

— Не думаю, что впереди найдется еще одна действующая студия, — усмехнулся Семен. — Но было бы неплохо, да.

— Прощай, Голос, — сказала Пыль.

— Хочется сказать “до свидания”, но…

— Но, — понимающе кивнула Аня.

— Прощай.

Он повернулся, вышел на дорогу, обойдя воронку, обернулся, помахал рукой — и вошел в уходящее до горизонта пепелище.

КОНЕЦ 5 ЧАСТИ

Реквием

Мама обожала присказку “Даже лупа сожжет, коли жопа в бензине” и говорила ее каждый раз, когда Султана приходила с жалобами. Мол, сама виновата. Ей, конечно же, было неинтересно разбираться виновата ли дочь на самом деле, было гораздо удобнее, когда она виновата всегда, по умолчанию.

Так произошло и в тот день. Ужасно болели руки, кожа свисала с запястий. Слез уже не было, просто беззвучно дергалась диафрагма. Она чувствовала, что еще немного — и ее стошнит. Султана ввалилась в минивэн и упала на самом входе. Мать, сидящая где-то в глубине отреагировала не сразу — сначала отпила из бутылки и только потом встала посмотреть, что происходит.

Уже потом, где-то через полчаса, когда Султана уже сидела с замотанными от ладоней до локтей руками и рыдая рассказывала что произошло, мать снова сказала это.

Даже лупа сожжет, коли жопа в бензине.

Рыдания сами собой перешли во что-то между воем и криком, во что-то максимально немирское. Хотелось не только орать, но и корябать чертово лицо этой безразличной женщины когтями, но как назло руки уже замотаны, хотелось облить этот сраный минивэн бензином и поджечь, но как назло в этой нищей семье бензин особо не водился.

Жесткая пощечина — тыльной стороной ладони, костяшки прошлись по зубам — Султана откинулась и конечно же ее сразу стошнило. После этого наступила самая жуткая тишина в ее жизни. А затем хлопнула дверь — маме надоело, мама ушла.

Султана сразу же полезла в мини-холодильник за задней сидушкой и выудила оттуда бутылку. Это оказалось не пиво, а какой-то крепкий алкоголь, но ей было без разницы. Она вытащила пробку зубами и стала пить, плеваться и снова пить. Это была какая-то очень горькая, терпкая жижа, вроде той, что подливал ей дядя Малик, когда еще был жив.

Она не смогла выпить много, пищевод обжигало, желудок крутило, впала в отчаяние еще сильнее, швырнула бутылку куда-то в

угол, сунула голову между коленями и стала тихо выть и покачиваться.

Она не знала сколько прошло времени, возможно несколько часов. Когда дверь минивэна снова открылась, на загнанную девушку упал дневной свет и две тени.

Султана подняла голову. У входа стояла мать и смотрела на нее со смесью презрения и жалости одновременно и где-то на краю сознания вспыхнула благодарность даже за эту крупицу хоть каких-то эмоций кроме ненависти.

А за матерью стоял он. Султана не стала ждать, она просто заорала и кинулась вперед, думая, что будет лягаться и кусаться, раз руки замотаны, но мать поймала ее тощее тело на самом выходе — ее твердое предплечье ударилось в живот, выбив из Султаны весь дух. Мать бросила ее обратно как тряпку.

Несмотря на боль и звезды перед глазами от Султаны не скрылось, как скривились губы Эша, показав золотые губы.

— Ну зачем ты так, — сказал он матери, — ей же больно, наверное.

Мать не обратила на него внимания.

— Ну что, — сказала она, наклонившись к девушке в темноту минивэна. — Вот он. Давай, повтори, что мне сказала.

Конечно же, вокруг уже начали собираться зеваки. Кое-кто смотрел с удивлением и опаской, кто-то со скучающим пониманием. Эти вторые были ближайшими соседями. Их вообще не удивлял шум из этого минивэна, где героическая мать-одиночка пыталась справится со своей неуправляемой дочерью.

Наверное, не все соседи в это верили, но мать создавала убедительную картину. И она сама в это верила. Султана всю жизнь была несносна, мешалась, создавала проблемы и попадала в передряги. Не потому что была плохим ребенком, а потому что просто была.

Эш все больше кривил губы в показном сочувствии, но уголки его глаз улыбались. Он знал, что ему ничего не будет. Он повар, он кормит этих людей, он продает им продукты из-под полы, они все ему должны по три раза. Он не боялся никого и ничего.

А еще он знал, что она ничего не скажет.

Султана в ужасе поняла, что и она знает, что ничего не скажет. Они все смотрят. Внимательно. Взрослые мужчины, бабульки,

любопытные подростки, взоры всей Пробки направлены на этот кусок плоти, который посмел вылезти из ее матери против ее воли и вот уже семнадцать с лишним лет отравляет ей жизнь.

Она почувствовала, что задыхается, паника перекрыла ей горло.

Она специально, она специально! Открыла дверь, чтобы все слышали, чтобы не разбираться, не слушать, чтобы защититься от проблем дочери другими людьми. Пусть она сама справляется со своим позором, пусть сама решает, а стоит ли говорить такие вещи на всю округу, стоит ли правда и справедливость того, что все будут знать, что произошло.

Сначала Султана забилась в угол, туда где потемнее и ее поменьше видно. Потом поняла, что там ей не хватает воздуха и паника душит сильнее. Стала метаться.

Хищники молча стояли на выходе, глядя на ее бессилие.

Детство. Все тот же минивэн. Дядя Малик еще жив, а папа еще не ушел. Она уже забыла, что так бывает, но отец говорит — сейчас будем делать пикник. И маленькая Султана с визгом восторга лезет за заднее сиденье. Там нет еще мини-холодильника полного бутылок, только зимние вещи, отложенные до сезона. Она проваливается в мягкое гнездо из курток так, что одни ноги остаются снаружи. Отец смеется, откуда-то снаружи доносится треск огня и тихое пение дяди Малика.

Она находит специальную кнопку, вытягивает ее наверх, а затем жмет ручку, как учили — и задняя дверь распахивается, Султана с хохотом валится наружу, летящие свитера и куртки делают асфальт мягким и приятным.

Минивэн стоит полностью открытый, мужчины снаружи общаются, пьют пиво и смотрят на мясо и овощи, которые румянятся на огне.

Отец говорит, что сходит к Гарику, возьмет еще кусков. Султана вскакивает и просится пойти с ним. И они идут вместе, она иногда повисает у него на руке и громко смеется, люди вокруг улыбаются, глядя на нее. И все хорошо, мир безопасен.

Они заходят в здание с надписью “У ГАРИКА”. Султана еле-еле достает до прилавка, но все равно видит, что за ним. Дядя Гарик разговаривает с отцом и показывает ему куски мяса, а отец критически смотрит на них, смеется и что-то говорит. Из-за двери куда-то в таинственные задворки выглядывает молодой горбоносый парень в

тяжелом фартуке. Он видит маленькую девочку и весело подмигивает ей.

Отец набирает мяса, они идут обратно, дядя Малик видит их издалека, машет, кричит, что первая партия готова. Они достают складной столик и раскладывают на нем тарелки…

Султана прерывает воспоминание, понимая что совсем не помнит в нем мать. Она, несомненно была, ее присутствие чувствовалось, но вспомнить ее не получалось. Кажется, она тоже смеялась и расставляла тарелки, но поверить в это было невозможно.

Зато другое сразу стало понятно. Вытянуть. Нажать ручку. Бежать.

Она рванулась к задней сидушке, мать сразу поняла, что дочь решила провернуть и остерегающе крикнула, но пытаться удержать не стала — не хватало еще бороться на людях. Султана уже не могла нырнуть за сиденье, как раньше, поэтому просто перегнулась, нащупала кнопку, вытянула, а затем стала искать ручку и ее тут же бросило в пот — ручка была обломана. Были бы у нее свободны пальцы, она бы смогла нажать на оставшийся обрубок, но в бинтах это сделать никак получалось.

Султана услышала, как позади мать все же лезет внутрь минивэна. Задыхаясь от ярости и боли Султана вцепилась в бинты зубами и неожиданно легко, резко потянув головы, сорвала их с пальцев. Затем уперлась большим пальцем в рычаг, он туго пошел вниз — и дверь открылась!

Мать успела схватить ее за ногу, но удержать не смогла — только сняла кед и помешала нормально вылезти. Султана зацепила мини-холодильник, он с грохотом вывалился на асфальт, внутри хрустнуло, дверца открылась и из нее выплеснулся алкоголь вперемешку со стеклобоем и покатились уцелевшие бутылки. Носок голой ноги сразу намок в алкоголе и кажется несколько стекляшек зацепились за ткань, раня стопу, но Султана уже не обращала на это внимания и просто бежала.

— Сучка! — донеслось вслед от матери. И потом, через секунду:

— Пусть бежит.

Султана бежала, бинты с освобожденной руки все сильнее разматывались и колыхались вслед за ней длинным шлейфом. Она бежала долго, как будто бесконечно долго, прохожие оглядывались,

кто-то даже пытался остановить, но она выворачивалась и бежала дальше.

Она не помнит сколько прошло времени, наверное много часов, но вот оно, заветное здание, надпись “У ГАРИКА”. Она буквально падает на дверь, та открывается под ее тяжестью. Горбоносый парень, ставший уже взрослым мужчиной, увидев ее, выбегает из-за прилавка и успевает подхватить, за секунду до того, как ее нос познакомился бы с бетонным полом.

* * *

Несколько лет спустя, совсем в другой жизни, Султана сидит за пластиковым столиком в этом же здании, а Гиви сидит напротив. Они пьют чай.

— Давай только местные не узнают, что мы знакомы, да? — говорит она.

Гиви кивает с таким видом, что ему сразу веришь. Он остался таким, каким и был и это было удивительно, потому что снаружи все было другое.

— А где Гарик? — спросила она.

— Там, — коротко ответил шашлычник. Султана кивнула. Конечно. Где-то под Эшем.

— Так все поменялось, — заметила она. — Тут даже не знают такой штуки как пикник. И вообще как будто радоваться разучились.

— Ты была девочкой просто, понимаешь, — улыбнулся Гиви, — тебе все веселым казалось. А так… Пробка и Пробка, она всегда примерно одинаковая.

— Был бы ты Пешеходом ты бы так не говорил.

— Но пикников и правда не стало, — вздохнул шашлычник.

Они повспоминали прошлое, в основном счастливое, Гиви даже пустил слезу, узнав о том, как тяжело далась жизнь дяде Малику и как мучительно долго он умирал. Покачал головой узнав об отце и о том, что Султана совсем не помнит мать из тех времен, только из других. Из самых ужасных.

— Как думаешь, жива она еще?

— Думаю, что жива, — отозвался Гиви без всякой уверенности в голосе, — будем думать, что нашла все-таки свой покой и счастье в этой жизни.

Мне бы уметь быть хоть наполовину такой доброй, подумала Султана. Воспоминания о матери все еще вызывали у нее немирскую ненависть. Более того, она научилась ненавидеть и отца — за то, что посмел уйти. Она слабо понимала, что случилось и почему он исчез из ее жизни, но именно это и бесило. Если бы было объяснение, пусть самое больное и паршивое, это было бы в тысячу раз лучше, чем непонимание.

— Странно осознавать, что мое прошлое и будущее вот так сливаются воедино. Спасибо тебе, Гиви, что делаешь этот период не таким паршивым. Это место мне хочется называть домом. В отличие от этой серой полоски за окном.

— Дом все же дом. Какой бы он ни был, — ответил на это Гиви, — может быть, и хорошо, что ты снова побываешь среди знакомых автомобилей. Сердце твое отпустит наконец.

Ага. Когда Эш умрет.

Султана встрепенулась и решила не продолжать эту тему

— Ваш Голос предложил мне встречаться, представляешь, — сказала она, криво улыбнувшись.

— Он хороший парень, — ответил Гиви.

— В том-то и проблема.

Слишком хороший для Султаны. Девушке с таким прошлым лучше даже не пытаться.

Гиви, конечно, не был с этим согласен, но говорить все равно было не о чем — у Султаны было множество интрижек с пробочниками до этого, но все они кончались ровно в тот момент, когда Пешеходы снимались с места и уходили.

— Нет ничего хуже, чем подцепить кого-то из Пешеходов и не дай Город влюбиться, — сказала она. — Придется либо уйти тоже, либо жалеть всю жизнь.

Часть 6. Глава 1-1

1

Сожженное царство тянулось довольно долго, несколько километров, и Семен очень порадовался, когда появились первые признаки цивилизации — в Антимире. Там ему подсказали, что дальше есть место для ночлега.

Гостиница представляла собой длинный автобус с гармошкой. Семен сразу обратил внимание на некоторые странности — отель был на жесткой сцепке с тягачом, то есть очевидно был не на ходу, а на крыше у него лежали два параллельных металлических прута — что-то вроде антенн.

Семен перелез через Барьер — удивительно, но теперь это действие не казалось ему каким-то сверхъестественным. Обошел гостиницу кругом и обнаружил открытую переднюю дверь. В водительском кресле сидела молодая женщина в кепке и, кажется, дремала. Семен вежливо постучал в борт. Женщина открыла глаза, медленно повернулась — и взгляд ее в секунду прояснился, она выпрямилась, вытерла рот и продекламировала:

— Отель “Троллейбус”! Здравствуйте! Я могу вам помочь?

— Я бы хотел остановиться у вас на ночь, — ответил он.

— Конечно! — кивнула женщина. — Поднимайтесь.

Семен зашел внутрь, предварительно стянув рюкзак со спины и взяв его в руки. И сразу понял как устали его плечи, хотя прошел он, по ощущениям, всего-ничего. Он огляделся. Внутреннее убранство напоминало стандартную общагу. Но здесь не было занавесок. Отдельные комнатки были разделены реальными перегородками от пола до потолка с раздвижными дверями. Какое-никакое, а уединение. Вряд ли там удастся вытянутся во весь рост для полноценного сна, но это гораздо лучше, чем спать на асфальте. У девушки за водительским местом был очень бойкий и хитрый вид — возможно, из-за кепки-восьмиклинки, возможно, из-за густо рассыпанных веснушек по всему лицу. У нее на груди он заметил бейдж — Елена Крылова.

— Одна ночь? — спросила она, достав большую толстую книгу с ужасно растрепанным переплетом.

— Да, — сказал Семен.

— Спешите, получается? — Елена расположила книгу на огромном рулевом колесе и стала шумно перелистывать страницы. Это, по всей видимости, была книга учета гостей, заполненная от руки.

— Можно и так сказать, — ответил Семен. — Сколько это будет стоить?

— Смотря в чем вы будете платить, — ответила девушка, не отрываясь от перелистывания. Казалось, книга сейчас развалится от ее энергичных действий.

Ее вопрос поставил Семена в тупик. Конечно, на участке Лемана от безысходности перешли на гайки — своего рода свидетельство долговых обязательств, но главным платежным средством всегда был бензин. Какие могут быть варианты?

— А в чем можно? — спросил он.

— Бензин, пули, мерманские чеки, — начала перечислять Елена, — отрезы шелка, ценные металлы… я ведь не знаю откуда вы. Но мы принимаем практически все.

— Я… оттуда, — Семен указал в сторону барьера.

— А… — Елена наконец долистала до пустых страниц, вытащила откуда-то шариковую ручку, перемотанную изолентой. — Тоже бежите от Бензоколонки подальше? Беженцев мы принимаем бесплатно.

На секунду, всего на секунду, возникла соблазнительная мысль сказать, что, мол, да, беженец, все потерял в пожаре, кошмар. Даже не слишком покривил бы против истины. Но Семен откинул эту мысль.

— Нет, я… я издалека, — сказал он. — И привык платить бензином.

— Сто тридцать миллилитров за ночь, — тут же ответила девушка. — Как вас зовут?

— Семен.

Она стала заполнять новую строку в своей книге.

— А фамилия? — спросила она.

— Дергачев.

Она кивнула, продолжая строчить. Затем отложила ручку, потянулась куда-то вниз и поставила на барьер между водителем и дверью мерный стакан. Семен поставил рюкзак на пол, расстегнул и достал бутылку — в ней оставалось чуть больше литра. Осторожно,

боясь расплескать, отмерил нужное количество. Знакомый денежный запах тут же заполонил все помещение.

Елена посмотрела на деления, кивнула и лихо перелила бензин в пластиковую канистру у своих ног.

— Четвертый номер, — сказал она. — В соседних номерах никто не живет. Я стараюсь селить через одного, чтобы постояльцы поменьше мешали друг другу.

— Спасибо, — сказал Семен, глядя в проход.

— Выселение завтра не позже полудня. Если хотите поужинать, то я с удовольствием расскажу, где это можно сделать.

Семен взял ключ, но не сдвинулся с места. У него слегка шла кругом голова. Девушка вряд ли понимала, какое количество новой информации обрушила сейчас на него.

— Извините, — сказал он, — у меня еще есть вопрос. Что это за машина? Никогда раньше таких не видел.

— Троллейбус, — ответила Елена, — все удивляются в первый раз. Что-то типа обычного автобуса, но ему не нужен бензин, чтобы перемещаться.

Семен физически почувствовал, как расширились его глаза.

— Это возможно? — спросил он.

— Да, — в голосе собеседницы прорезалась скука. Наверняка она рассказывала это тысячу раз, — если штанги подключены к проводам. Которых, к сожалению, над нашей Дорогой не наблюдается.

— К проводам… двигатель на электричестве?

— В точку, — кивнула девушка. — Говорят, в Городе все так будем ездить. Бензин не нужен, везде протянуты провода, подключился — и поехал. Куда хочешь.

— Звучит очень фантастично.

— Еще бы, — девушка усмехнулась, — но что есть, то есть. Жаль, конечно, что приходится тащиться на буксире. Будь моя малышка подключена к сети, постояльцев было бы раз в десять больше… просто посмотреть на нее приходили бы.

— Еще вопрос, — он надеялся, что не слишком докучает, — у вас есть радио?

— Что? — переспросила Елена. — А! Нет, нету. Не предусмотрено создателем, — и она провела рукой по приборной панели. Радиоприемнику там и правда будто не было места.

Семен поблагодарил и повернулся, чтобы пройти к своему номеру.

— А вы оттуда, да? — спросила его владелица отеля. — Из мест, где вещает радио?

Семен обернулся и кивнул. Елена вдруг засуетилась, стала копаться в вещах, которые окружали ее в водительском закутке в безмерном количестве. Затем протянула что-то. Семен оставил рюкзак в проходе и вернулся. И невольно задержал дыхание, когда понял, что именно девушка держит в руке.

Это была мгновенная фотография.

Потом это случалось много раз — Семен рассказывал о том откуда он, а люди с улыбкой показывали свои портреты сделанные удивительной девушкой из Пешеходов.

Она действительно оставляла для него метки, как и обещала. Значит, она ждет. Верит, что он придет.

Упоминание Пешеходов даровало и еще кое-что. Он находил бесплатный ночлег, а иногда и еду, стоило только упомянуть их. Он шел по их следам и пользовался оставленной ими аурой.

Пробка тянулась бесконечно. Череда машин уходила вперед за горизонт — и каждый новый день эта картина почти не менялась. Его рюкзак то худел, то наливался тяжестью, в зависимости от гостеприимства того или иного участка. В карманах зазвенели пули, зашуршали лоскуты шелка и “билеты Мермана”, что бы это ни значило.

Семен не заметил, как прошла одна неделя, а потом вторая. Однажды он брился, глядя в чье-то боковое зеркало и обратил внимание, что загорел, а взгляд изменился — будто бы стал одновременно и решительнее и пустее.

Иногда у него получалось послушать новости. Пересмешник рассказывал, что полицейский все силы бросил на то, чтобы найти таинственного стрелка, который расправился уже с пятью дружинниками.

Театр на участке Лемана вызвал фурор со спектаклем про взрыв цистерны.

Банк Пробки под мудрым руководством Юлии Самохиной, смог привлечь больше тысячи литров благотворительных пожертвований.

Андрей Загваздин вводит систему продовольственных карточек, которая позволит безболезненно перенести кризис.

Петр Глушаков заявил, что после появления добровольных дружин, активность на черном рынке снизилась на двадцать процентов…

Ни слова о Редакторе или Лавочнике. Ни слова о Гроссе. Даже если с этой стороны что-то и происходило, вряд ли бы Загваздин разрешил Пересмешнику все это рассказывать.

Чем дальше Семен двигался, тем меньше ему удавалось подслушать новости случайно. Все чаще приходилось специально просить настроится на определенную волну — и люди с удивлением узнавали, что их приемник жив и может транслировать далекие голоса.

Более того, многие люди, которые все же слушали радио попросту узнали о нем от Пешеходов.

Сами последователи Сержа оставляли много следов — в основном в умах людей. Голос видел детей, которые играли в Пешеходов, сосредоточенно путешествуя в проходах между автомобилями. Семьи планировали “походы” — как Пешеходы, но не навсегда, с возвращением. Видел наклеенные на Барьер и уже успевшие подвыцвести листовки, напечатанные для Сержа еще Редактором.

Он шел дальше. Шли дни. На Барьере стали попадаться рисунки — ржавый автобус без стекол, за каждым окном — улыбающийся скелет. Что-то вроде копья с веревкой, воткнувшееся в колесо малолитражки… Огромный дымящий мотоцикл — ничем другим это двухколесное нечто быть не могло, — на котором восседает совершенно безумный, улыбающийся бородач в очках…

Вольный байкер. Человек на мотоцикле. Люди, путешествующие на двух колесах. Семен узнал о них случайно и теперь спрашивал везде. Это стало его надеждой догнать Пешеходов гораздо быстрее, чем он рассчитывал.

Он стал о них спрашивать. И узнал новое слово — загонщики. Все как один повторяли — иди дальше, к загонщикам! Спроси у загонщиков! Байкеры вообще-то с загонщиками торгуют, так что у них надо спрашивать. Только ты, это, будь повежливее, а то вдруг что, тебя Мерман на палке вздернет.

Семен пошарил в кармане и нашел билет Мермана — маленькая узкая бумажка, на которой была нарисована рогатая голова какой-то твари из Немира, а ниже написано “0,5 кг”.

Тогда он стал спрашивать про Мермана, но тут люди менее охотно шли на контакт — главарь загонщиков это. Но я тебе ничего рассказывать не буду. И ты не болтай. Услышит кто, он узнает — вздернет тебя.

Семену очень сильно не нравилось, как часто люди повторяли слово “вздернет”. И чем дальше он двигался, тем ниже был громкость, с которой люди его произносили.

Ч6. Глава 1-2

2

Место жительства у загонщиков Семен выбирал недолго — услышал из окна одного автобуса голос Пересмешника и сразу вошел внутрь. На месте водителя сидел скучающий парень, лениво ковырял мизинцем в зубах и, судя по всему, только что плотно отобедал — перед ним стояла алюминиевая тарелка, с большой обглоданной костью и все еще изумительно пахло жареным мясом. Семен не ощущал ничего подобного со времен Шашлычной.

Радио орало на всю катушку, играла музыка, поставленная, несомненно, Сашкой. Больше в автобусе никого не было, хотя судя по наполнению он ничем не отличался от обычного общежития.

Парень покосился на Семена.

— Привет! Свободный угол найдется?

— Это Вписка, — протянул парень, — тут всегда есть свободный угол. Если, конечно, ты готов, что на тебя могут наблевать.

— Что?

— Оп-па, ты не местный что ли?

— Нет, я издалека, догоняю Пешеходов, — эта фраза стала стандартной и почти всегда открывала любые двери. Тут это тоже сработало.

— Ха, жили тут Пешеходы, классные ребята. Пока Мерман их не выгнал.

Ага, Мерман, удовлетворенно подумал Семен.

— А ты отстающий что ли?

— Можно и так сказать, — коротко ответил Семен.

Парень махнул рукой вглубь автобуса, мол, залетай, располагайся. Семен протиснулся внутрь и пригляделся повнимательнее. И сразу понял о чем говорит водитель.

По углам стояли бутылки. Пол слегка лип к подошвам. На раскиданных то тут, то там матрасах цвели всеми цветами подозрительные пятна. Люди приходили сюда выпить и потусоваться. И, судя по всему, послушать музыку.

— Среди Пешеходов была девушка по имени Наоборот?

— Да! — обрадовался парень. — Натащила нам крутого музла.

Он заметно оживился, и Семен рассказал ему, что они с одного участка и что он тот самый Голос с того самого радио, которое сейчас орет на весь автобус.

Чувак вспыхнул, сказал, что его зовут Игорь и что он обожает радио.

— У нас тут есть фанаты в узких кругах, — заявил Игорь, — но мы болтовню не очень слушаем, музыку в основном.

Вот бы Сашка это слышал! Семен невольно заулыбался. Он нашел место, где радио ценят не за Голоса, а за то, что делает его друг в тени.

Потом разговор перешел в более бытовое русло.

— А тут каждый день прям вечеринки? — осторожно спросил Семен. Он, конечно, надеялся, что ему удастся нормально поспать. И послушать новости с участка.

— Сегодня тихо будет, — заверил Игорь. — Но завтра будет охота, а после охоты, если она удачно пройдет, тут всегда все вверх дном. Но обычно к рассвету все успокаиваются.

— Охота?

— Да, завтра увидишь, офигеешь. Разведчики заметили стадо, завтра оно будет у Дороги, так что намечается.

Понятнее не стало, но Голос не стал допытываться дальше. Проще увидеть своими глазами. Он достал из кармана “билет Мермана” и показал Игорю.

— Этим я смогу расплатиться за проживание?

Игорь оценил билет.

— Вообще мы тут денег не берем. Ну, это типа Вписка, понимаешь? Такая у нас идея. Но ты сможешь отблагодарить меня после, если захочешь.

Семен кивнул с благодарностью и отправился искать какой-нибудь угол почище. Почти сразу он понял, что это глупая затея и просто принял решение поменьше смотреть, куда ложиться.

— Радио постоянно работает, у нас правило его не вырубать, — предупредил Игорь.

— Это как раз то, что нужно, — заверил Семен.

* * *

Вечером Игорь куда-то ушел, что расстроило Семена, так как он надеялся узнать, где тут можно перекусить. Поэтому пришлось

вылезать из автобуса тоже, оставив в нем все вещи на своей страх и риск.

Впрочем, еду Семен нашел довольно быстро — по запаху. Мужчина и женщина жарили мясо на решетке и к ним стояла небольшая очередь. Голос пристроился тоже. По разговорам он понял, что местный подвид шашлыка называется барбекю и делается из говядины, которая добывается как раз-таки на охоте. Почти вся очередь воодушевленно общалась по поводу завтрашнего события — видимо, оно имело для них не меньшее значение, чем Продвижение для остальной Пробки.

Когда очередь дошла до Семена он молча протянул билет Мермана.

— Ого, — отозвалась женщина, — на все навалить?

— Одну порцию, пожалуйста, — ответил Семен. Женщина глянула на него так, будто он сказал что-то странное, но билет взяла.

— Бургер ему сделай, — кинула она мужику, потом снова повернулась к Семену, — сдачу билетами я не найду, но…

Она полезла куда-то под установку с решеткой и затем сунула Семену горсть пуль. Он уже успел привыкнуть к мультивалютной системе этой части Пробки, поэтому молча принял сдачу, не уточняя, а сколько именно пуль можно было получить за тот билет, что он отдал.

Ему сделали котлету из говядины и вложили ее в поджаренную на этой же решетки булку вместе с набором овощей.

Овощи не выглядели консервированными и это было удивительно.

Первый укус он сделал по пути к автобусу, так как пахло очень аппетитно и ждать не хотелось. И это оказалось просто невероятно вкусно. Он понял что не ел ничего подобного очень давно и одновременно осознал, что весь тот путь, что он прошел сюда от своего участка пролегал по довольно бедной части Пробки. Его завтраки, обеды и ужины, если, конечно, удавалось устроить все три приема пищи за день, были довольно скудны. И вдруг — такая вкуснятина.

Это внушало надежду, что дальнейший путь пойдет веселее.

В автобусе все еще никого не было, и Семен решил, что он может себе позволить посидеть за водительским местом. Семен стал ждать вечернего выпуска — и вскоре заговорил Пересмешник:

— Снова в эфире единственное в своем роде радио Пробки, и мы готовы поделиться последними новостями, так что включайте погромче ваши приемники. Сегодня новостей немного, но главная новость последних дней пополнилась шокирующим и, к сожалению, трагичным финалом. Продолжающиеся поиски Юлии Самохиной дали свои плоды и, увы, мы должны сообщить, что Глава Банка найдена мертвой. Судя по всему ее тело пытались спрятать в Немире, но доблестные помощники полицейского обратили внимание на кусочек синей униформы среди остовов автомобилей. Процесс выемки тела обратно на Дорогу могли наблюдать многие жители крайних рядов и за это зрелище Андрей Загваздин лично приносит извинения. Еще предстоит выяснить, что стало причиной смерти Самохиной, но предварительный вердикт полицейского тот же, что и у всех предыдущих жертв — это дело рук преступника, известного как Лаки, который действует по указке укрывшихся где-то неподалеку мятежников, в первую очередь небезызвестного Редактора. Напомним всем слушателям, что за укрывательство этого гражданина предусмотрена серьезная ответственность, потому, если вам что-то известно о его местонахождении или других изменников, немедленно сообщите об этом полицейскому или его помощникам.

Далее Пересмешник переключился на другие новости, но Семен уже не слушал. Юлия, несомненно, была одним из самых неприятных людей Пробки, но известие о ее смерти все равно заставило ужаснуться. И, конечно, не хотелось верить, что это сделал Лаки.

Семен не мог не задуматься о той незавидной судьбе, что ждала всех, кто занимал должность Главы Банка. Юлия не могла не думать об этом — это напрямую коснулось ее семьи, были убиты и ее отец и ее мать и все на должности главы Банка. Она считала, что это должность ее наследие… и, кажется, она его успешно получила.

Возможно, Артем Хоботов очень вовремя сбежал — и этим спас свою жизнь. Может, он каким-то образом понял, почувствовал, куда движется его жизнь и решил взять все в свои руки. Конечно, весьма вероятно, что проклятие должности главы Банка достало его и в Немире.

* * *

Моторы взревели и шесть квадроциклов съехали с асфальта в Немир. У Семена захватило дух. Теперь они неслись по траве — по

этой самой траве, про смертоносность которой твердят с детства, а она летит из-под колес этих ребят клочьями. Загонщики улюлюкали и завывали, потрясали в воздухе гарпунами.

Стадо вдалеке тревожно задвигалось, ощутив опасность. В искаженном мареве Семену показалось, что коровы двинулись куда-то вбок, вместо того, чтобы со всех копыт рвануть прочь. Загонщики заходили по дуге, чтобы поравняться со стадом и ехать параллельно. Так удобнее всего кидать гарпуны.

Зрители у Обочины что-то кричали одобрительно, кто-то даже скандировал лозунги, но вряд ли загонщики их слышали за ревом моторов и собственными охотничьими кличами.

Загонщики поравнялись со стадом. Звук моторов стал тише — и из-за расстояния и потому что они сбросили скорость, чтобы двигаться синхронно с чудовищами.

И вот полетел первый гарпун. Видно было плохо, но по разочарованным возгласам зрителей, у которых глаз уже был наметан, Семен понял, что гарпунщик промазал. Вскоре полетел еще один гарпун и следом еще. Радостные возгласы подтвердили, что как минимум один из них попал. И правда один из квадроциклов резко замедлился, его занесло, и он остановился. Охота понеслась дальше, а рядом с ними осталась казавшаяся черной отсюда туша, вздымавшаяся из травы.

Еще один гапун настиг свою добычу. Четверо оставшихся продолжали гнать стадо — теперь оно двигалось к Дороге, и Семен смог разглядеть гораздо больше. Коровы двигались неровно — толстые, черно-белые, рогатые существа совсем не умели держаться вместе. Вот какая-то из коров забегала вперед, и стадо, заметив ее, бешено ускорялось, теряя силы. Вот какая-то стала выбиваться в сторону — и в нее тут же полетел гарпун, но миновал цель.

Но тут произошло что-то непонятное — стадо вдруг распалось, разошлось широко, а загонщики стали неразборчиво кричать друг другу. Семен вслушивался изо всех сил и наконец разобрал: «Бык!»

Из центра стада, тяжело, но стремительно вырвался огромный, черный, как отработанное масло, монстр с кривыми, как будто изломанными рогами. И пошел-пошел, набирая скорость и вдруг резко рыскнул в бок. Семен не успел ничего понять, все произошло за секунду: огромная туша быка резко надвинулась на квадроцикл и еще

полсекунды — и он был бы перевернут. Но загонщик резко дал руль в сторону, машина ушла из-под удара, закрутилась в заносе, разбрасывая траву во все стороны и остановилась. Толпа ахала и причитала, кто-то из женщин расплакался от переизбытка эмоций.

Бык продолжал нападение. Теперь он наклонил низко голову, выставил рога вперед и нацелился на следующего загонщика. Водитель тут же повернул в сторону и дал газу, а гарпунщик на удачу бросил гарпун, но, конечно, промазал. Бык почти сразу остановился, видя, что обидчика не догнать.

Ровный ряд загонщиков распался — двое подтаскивали к своим машинам туши, чтобы закрепить и отвезти на асфальт, остальные кружили вокруг стада, изматывая рогатое исчадие.

— Ставишь? — раздался рядом голос с хрипотцой, Семена обдало запахом едкого табака.

Он повернулся и увидел перед собой старого и беззубого деда с глазами-искорками на сплошной маске морщин. Под внушительным носом чадила короткая трубка.

В руках у него был блокнот и карандаш. Остро заточенный грифель мелко дрожал над бумагой в нетерпеливом ожидании.

Семен сообразил, что тот хочет ставку.

— На что ставить? — спросил он.

Старик страшно удивился.

— На что хочешь! Хочешь на пять туш, хочешь на десять.

Количество добычи, сообразил Семен.

— Пожалуй, я пас, — сказал он.

— Никогда не ставил что ли? — спросил дед и прищурился, отчего его мелкие глаза только ярче засверкали.

— Здесь — никогда, — ответил Голос.

— Новичкам всегда везет, попробуй, — не отставал дедуля, — хотя бы литр поставь — счастливая рука с этого хорошо заимеет…

Громкий ах пронесся по толпе — один из загонщиков, лихо увернувшись от острых рогов неутомимого быка, поразил еще одну корову. Но, видимо, неудачно — зверь упал, но начал вдруг активно брыкаться и разбрасывать вокруг себя комья земли.

— Надо резать канат, — сказал кто-то позади Семена.

— Надо подъехать и добить! — вдруг яростно возразил дед со ставками. — Молодежь… Эй, так ты ставить будешь?

Семен упрямо помотал головой. Он видел, как гарпунщик принял решение и, тяжело извернувшись, одним точным движением срезал канат. Животное продолжило биться в агонии.

Первые туши забросили на асфальт — толпа встретила загонщиков победным ревом. Те немного покрасовались, проехались, давая «пять» всем, кто осмеливался вытянуть руку подальше за Обочину и отправились во второй рейд. Они довольно быстро вернулись к стаду — Семен только сейчас сообразил, что оно носилось по кругу, умело подгоняемое загонщиками. Затем пристроились в хвосте и пока бык пытался атаковать четыре цели сразу где-то впереди, загарпунили еще по одной.

— Хельвиг? — спросил дед, ни к кому не обращаясь, и плюнул за обочину. — Пока остальные работают, налетает как падальщик…

— А когда это закончится? — спросил Семен у него. — Не весь же день они будут за ними гоняться?..

Старик посмотрел на него как на идиота.

— Пока не поймут, что бензa осталось только на возвращение, — бросил он с презрением и двинулся дальше в толпу собирать ставки.

Гарпуны летели мимо и поражали цель, моторы ревели и затихали, а стадо удалялось дальше, несмотря на все попытки удерживать его рядом с дорогой. Один за другим команды загонщиков возвращались к Дороге, гарпунщик разворачивался спиной к водителю и отвязывал тушу, а ее тут же принимали чьи-то руки и остроги и огромное количество мяса исчезало в толпе. Этим ребятам никогда не понадобится Шашлычная для хорошей жизни, подумал Семен.

Первыми сдалась команда на сером агрегате с круглыми, выступающими вперед фарами. Бензин у них еще был, но у водителя, как оказалось была распорота рука — бык все же задел их немного.

Его сняли с квардроцикла и бросились оказывать помощь.

— Пять туш! — крикнул кто-то мрачному гарпунщику, который ссутулившись еще сидел на пассажирском месте. — Неплохо!

Потом вернулась вторая команда — на небольшой синей машине с покатыми крыльями. Это были те, кому пришлось обрезать трос. Вид у обоих был невеселый, и Семен очень скоро понял почему — у них было всего две туши. Водитель в сердцах пнул по колесу своего кормильца.

Третьим был огромный черный квадроцикл с тушей наперевес.

— Хельвиг! Хельвиг! — скандировала толпа. Семен подумал, что команда сейчас слезет, но водитель — огромная гора мышц и крайне твердое лицо, коротко приказал гарпунщику «отвязывай» и, когда тушу забрали, — снова рванул в поле.

— Бензина же не хватит, — сказал кто-то в толпе, — такая махина страх подумать сколько жрет.

Семен не сразу понял, что речь про квадроцикл Хельвига, а не про него самого.

Потихоньку стали возвращаться остальные — запыленные, уставшие, но в целом довольные. Образовался новый лидер — дуэт двух крупных блондинок на темно-бордовом аппарате с бархатистым ревом мотора. Они набрали аж одиннадцать туш.

— Хельвиг обгонит, — сказал мужчина справа от Семена, обращаясь к своему приятелю, который глотал пиво, — у него сейчас девять, но он нагонит.

— Восемь, — отозвался его товарищ, отлипая от бутылки, — я внимательно считал.

— Девять! — возразил первый и на этом диалог окончился.

Вскоре вернулись все и действительно никто не обошел блондинок. Хельвиг довез десятую тушу и уже хотел было развернуться, но все недовольно заорали — стадо уже выглядело точками на горизонте, а стрелка бензина показывала одно деление от нуля.

В конце концов здоровяк тряхнул головой, злобно стукнул кулаком по рулю и слез со своего черного чудовища. Его светловолосый и тонкий гарпунщик, отвязывая тушу, принимал поздравления со вторым местом. Но Хельвиг просто прошел через толпу — все расступались перед ним, и исчез среди машин.

Толпа вдруг начала тесниться, все стали отворачиваться от Немира к дороге. Что-то там происходило. Странное оживление рябью пробежало по ряду людей. Потом они вдруг все как один вздернули сжатые в кулак руки к небу.

— Мерман! — раздался оглушительный рев толпы.

Над толпой возвысился высокий человек с седоватой бородой, заплетенной в толстенную косу. Он стоял на машине-помосте, которую Семен заприметил еще утром. Лицо у него было не столько морщинистое, сколько как будто потрескавшееся, а глаз совсем не

было видно — снизу на них давили внушительные сиреневатые мешки, а сверху нависали аномально косматые брови.

— Хей! — крикнул он неожиданным басом и тоже воздел кулак вверх. Толпа заулюлюкала.

— Приветствую загонщиков! — громко сказал он, когда толпа угомонилась. Тут же вокруг машины-помоста образовался пустой полукруг и в него вышли команды-участники охоты. Тощий и длинный как антенна радиостанции гарпунщик стоял в одиночестве.

— Сегодня неплохой улов, — сообщил Мерман, — Калига подсчитала — сорок две туши!

Толпа ревет.

— …Из них семь — сочные молодые телята!

Раздался восторженный свист.

— … Двенадцать — такие огромные, что придется пилить их на четверти, чтобы продать!

Некоторые захохотали, кто-то заулюлюкал.

— Но… — толпа тут же замерла и затихла от этого «но», произнесенного тихо, почти вполголоса, но по какой-то причуде прекрасно слышимого, — четыре туши никуда не годятся. Старые. Костлявые. Мяса… — вместо продолжения Мерман смачно плюнул. Семен понадеялся, что ни в кого не попало.

Затем Мерман начал хвалить победительниц. Блондинки отреагировали по-разному. Одна улыбалась и махала руками — радовалась, но как-то вяло, будто сейчас уснет. Вторая же откуда-то успела взять бутылку пива, и она ее интересовала гораздо больше, чем овации вокруг.

— А теперь по местам и за работу! — рявкнул Мерман. — Увижу кого болтающимся без дела — будет болтаться по делу, но в петле!

Ага. Вот он тот Мерман из слухов.

И ни следа Вольных байкеров, что, конечно, печально. Семен посмотрел на квадроциклы, которые стояли вдоль Обочины — вокруг них суетились, по всей видимости, механики. А может быть, Вольные байкеры ему теперь и не нужны. Может быть, удастся договорится с кем-то из загонщиков подвезти его так далеко, насколько у Семена хватит средств.

* * *

Семен быстро выяснил, что гарпунщика Хельвига зовут Август. Найти его оказалось просто. Он тренировался бросать гарпун: стоял у кромки Обочины, конец каната был привязан к дверной ручке ближайшего автомобиля, Август натужно замахивался, под бледной кожей обманчиво-тощего тела напрягались все жилы — и гарпун с трухлявым грохотом прошивал ржавый остов машины в десяти метрах от Дороги. Семен невольно похлопал в ладоши. Август резко повернулся к нему.

— О, я вас знаю, — сказал он. Отвернулся, подхватил веревку и потянул. Ржавое корыто внизу застонало, неохотно отдавая гарпунщику его орудие. — Вы тот самый путешественник.

— Почему «тот самый»?

— Который всех достал вопросами про Пешеходов, — ответил Август, — по крайней мере, некоторые называют вас именно так — путешественник, который всех достал…

— Я понял, — перебил Семен.

Машина внизу отпустила гарпун, и Август резко отклонился, сделал несколько мелких шагов назад, чтобы не упасть и врезался спиной в дверцу автомобиля.

— Меня вы тоже будете спрашивать про Пешеходов? — спросил он, сматывая канат.

— Нет. Только про Хельвига. Мне нужно его найти.

— А какое у вас дело к Хельвигу?

— Самое обычное. Я хочу попросить его подвезти меня. На квадроцикле можно объехать Пробку. Как я понял, новая охота еще не скоро, так что…

— Хельвиг откажется, — перебил Август.

— Почему это?

— Он не занимается развозом, — Август скривился совсем как подросток. Он закончил сматывать канат, гарпун звякнул об асфальт. Тот поднял его и снова подошел к Обочине. — К тому же его махина сожрет больше бензина, чем вы можете предложить. Да и Мерман его казнит за еще одну самоволку.

— Мерман казнит людей?

— А как же! — Август засмеялся. — Всех, кто идет против общины. Мерман вообще обезумел после того, как потерял почку в битве с белым быком.

— С белым быком?

— Да, — Август размахнулся и снова швырнул свое орудие. Отрезок металла с гудением разрезал воздух, пробил треснутое лобовое стекло вросшего в землю грузовика и впился в заднюю стенку. Из всех щелей с писком побежали мерзкие мелкие падальщики Немира. — Мерман бы и сейчас выезжал сам на охоту. Но в одной поездке их команду раскидал огромный белый бык… Мермана предупреждали, что не стоит охотиться в туман, но он все равно объявил выезд. Мы отсюда не видели ничего — только спины коров вдалеке торчали из сплошного тумана. И рев моторов. Они погнали стадо вдоль дороги и вывели из белой полосы — мы увидели, как гарпунщики один за другим поражают цели и возликовали… Как вдруг из белесой мглы вырвался с ужасным густым ревом огромный, невозможный бык такого же цвета. Он раскидал квадроциклы — два перевернулись, придавив загонщиков. Вильо — гарпунщицу Мермана — выбило с сиденья, и бык затоптал ее своими копытами у нас на глазах. Мерман пытался отвлечь его, нарезая вокруг круги и тыча в сторону быка запасным гарпуном…

Август замолчал и, напрягшись, потянул канат. Копье со звоном вылетело обратно. На этот раз гарпунщик устоял на месте, быстро свернул веревку и уткнул орудие острием в асфальт.

— В какой-то момент бык взбрыкнул, высоко вскинув задние копыта. Квадроцикл не перевернулся только чудом, завертелся на месте, а Мерман повис на руле. Когда бык отбесился и стадо ушло вглубь Немира, мы достали всех — и мертвых, и живых. У Мермана были сломаны ребра в нижней части, внутреннее кровотечение, пришлось удалить почку. Повезло, что у нас тогда гостил врач и смог провернуть операцию… С тех пор он такой. Проводит казни, ненавидит Немир и мечтает поквитаться с белым быком.

История, которую я никогда не узнал бы, сидя у себя в фургоне радиостанции, подумал Голос. История, которую никогда не рассказал бы в эфире. Вот оно. Вот она Дорога — истинная и подлинная.

— Ты хорошо умеешь рассказывать, — сказал Семен, наблюдая как молодой гарпунщик примеряется сделать еще один бросок. Услышав слова Голоса он опустил гарпун и усмехнулся.

— Так мне и сестры говорят, — он посмотрел на железный дрын у себя в руке, — говорят, травить байки у тебя получается куда лучше,

чем загонять вот это в плоть. К слову, если хочешь, чтобы тебя подвезли, обратись к ним.

— К кому?

— К моим сестрам же, — Август вдруг резко, почти без размаха швырнул гарпун так, как швыряют палку — его закрутило, и он ударился в борт автомобиля плашмя. — У них аппарат легкий. Кушает умеренно, а ездит быстро.

— И где же мне найти их?

Август сделал еще один мощный бросок — но цель не поразил, не хватило длины каната. Ручка двери опасно скрипнула.

— Их зовут Ольга и Тель, — Август стал отвязывать свой гарпун, — Их найти легко. Надо просто смотреть места, где можно лежать — там будет Тель. А где можно пить пиво — там и Ольга.

* * *

Сестры были у своего минивэна — одна курила, качаясь в гамаке, вторая пыхтя подкручивала гайки на колесах квадроцикла. Семен разумно решил, что та, которая занята делом — безусловно Ольга, а что предается лени — Тель.

— Здравствуйте, — сказал он.

Тель, продолжая глядеть в небо, жестом приказала ему молчать — вытянула руку и подняла вверх указательный палец.

— Дай угадаю, — произнесла она, выдыхая дым, — фрукты?

— Что? Эм… нет.

— Хорошо. Книги.

— Что?

— Мужик для утех, — вступила Ольга, не отрываясь от натужного дела.

Они думают, я пришел им что-то впаривать, догадался Семен. Они ведь, наверное, считаются сейчас одними из богатейших людей общины.

— Я ничего не продаю, — сказал он.

— Это ты сейчас так говоришь, а стоит нам только расслабиться, как мы уже отстегиваем тебе за просроченный освежитель воздуха, — заметила Ольга.

— Я скорее наоборот хочу кое о чем попросить.

Ольга тихо засмеялась, опершись на колесо. На руке, сжимающей гаечный ключ выступили мощные трицепсы.

— Август, — констатировала Тель.

— Что происходит? — спросил Семен.

— Не парься, — ответила Ольга, встала и повернулась к нему лицом, — наш брат провернул старую шутку. Он иногда подсылает нам пришлых — мол, мы подвезем куда надо. Наверное, считает, какому по счету бедолаге я пробью голову этим ключом. Но не переживай. У меня нервы крепкие.

— Да уж, — пробормотал Семен. Август вел себя вполне искренне, как ему показалось. А теперь получается, что он просто заболтал его своими байками.

— Ты не первый, — бросила Тель. Видимо, фразы длиннее трех слов ей произносить лень.

— Что ж, тогда я пойду дальше, — Семен пожал плечами, не желая продолжать разговор. Он чувствовал себя глупо и хотел побыстрее скрыться с глаз.

— Погодь, — снова приказала Тель.

— Тель хочет сказать, — перевела Ольга фразу до человеческой длины, — что тебе повезло. Мы тебе все же сможем помочь.

— Большой Ди, — произнесла Тель. Семену показалось, что он слышит в ее голосе одновременно презрение и вожделение.

— Именно, — кивнула Ольга. С грохотом бросила ключ в коробку с другими инструментами, схватила тряпку, висящую на ручке двери минивэна и стала вытирать руки, — обычно сразу после охоты приезжают Вольные байкеры. Закупиться мясом, потрындеть, обменяться новостями, трахнуть местных жен…

Тель усмехнулась — горько и сладко.

— В общем, они, я думаю, смогут взять тебя, как двинут обратно. Как минимум, до аграриев довезут. А может и дальше, если ты им понравишься.

Семен мысленно послал братца этих девах к Городу. Он мог сразу сказать, что не парься, скоро приедут Вольные байкеры, и они тебя довезут куда захочешь. Но отправить простака в когти своих сестриц ему было куда интереснее.

— Расскажете про них?

— Ну, байкеры, — Ольга отбросила тряпку и пожала плечами, — ездят на мотоциклах. Кочуют. Выторговывают у Мермана свадьбы.

Ольга присела рядом с Тель на раскладную табуретку, уперлась локтем в колено и стала смотреть на Семена. Ему стало неловко от этого взгляда — она будто разглядывала любопытного зверька из Немира.

— У меня маловато пуль для оплаты.

— Не беда, — сказала Ольга, — вряд ли они будут с тебя что-то требовать. Главное, чтобы ты понравился Маренго, их главарю.

Мда, подумал Семен. Кажется, я начинаю скучать по старой-доброй денежной системе Пробки.

— И как мне понравится их главарю?

— Трахни его, — едко бросила Тель. Ольга засмеялась.

— Ну, в нашем случае такой вариант бы подошел, — сказала она и оглядела Семена с ног до головы, — но это вроде мальчик. Маренго вряд ли это понравится. Хотя кто знает…

— Мне не понравится, — ответил Семен, повысив голос. Он начал понимать, почему Август недолюбливает своих сестер, — есть другие способы?

— Гитара, — предложила Тель.

Семен просто покачал головой.

— Какой-то ты безнадежный, — заметила Ольга. — Маренго тебя и не заметит. Если только ты не выкинешь что-нибудь…

— …безумное, — закончила за нее сестра.

Безумное. Что ж, после всего, что было, он точно накопил немного безумия.

Ч6. Глава 1-3

3

Огромный мотоцикл с рулем-рогами, начищенным хромом и блестящей кожей стоял у минивэна сестер.

Нагрянуть вот так с утра наверняка было неприлично, но байкеры пробудут здесь недолго, а значит у Семена совсем немного времени, чтобы убедить их взять его с собой. Поэтому он набрался смелости и сделал шаг вперед.

И его сразу схватили за плечо. Он обернулся и увидел Ольгу.

— Офигеть ты целеустремленный, — сказала она вместо приветствия. — Но туда сейчас нельзя.

— А… э…

— К Тель приехал муж. Они не виделись больше месяца, — пояснила Ольга после паузы. Ей как будто не хватало сестры для беседы, чтобы та могла подхватывать мысль и завершать ее.

Семен понимающе кивнул.

— Я хочу поговорить с Большим Ди.

— Поговоришь. Только попозже.

— Ты реально будешь стоять здесь и ждать, пока они закончат? — спросила Ольга, скучающе глядя на него.

— Они правда муж и жена? Или это такая игра слов?

— Ты сомневаешься?

— Ну… странно, когда супруги не живут вместе.

— Ты хочешь, чтобы байкер жил в тачке? Детишек тетешкал? Ха, если ты так думаешь, то Маренго над тобой только поржет.

— Я имел ввиду вашу традицию в целом. Не кажется ли, что если тебе мужа выбирает Мерман, то… это похоже на рабство?

— Как видишь, у меня нет мужа. Потому что я не хочу и даже Мерман это уважает. А если не уважает, то я его яйца сама белому быку скормлю.

Семен хмыкнул. Очень смело так говорить про человека, который вешает за любой проступок.

— Но если захочешь, то выбирать будешь не ты?

Ольга посмотрела на Голоса с гневом.

— Ты реально хочешь сейчас это обсуждать?

— Никому здесь не нравятся вопросы.

— Нет. Никому здесь не нравятся твои вопросы. Есть разница.

— Пешеходы вам, наверное, тоже не нравились.

— Не нравились Мерману, — уточнила Ольга. — Он их главному почти сразу сказал, что либо Пешеходы уходят с ним, либо без него, а он остается петле. Что до меня, то нормальные ребята. Пиво у них хорошее.

Он хотел задать еще пару вопросов, но тут боковая дверь минивэна открылась и оттуда вышел Большой Ди. О том, что это именно он сомневаться не приходилось — потому что он реально был большой. Даже Луи в самый разгар Эпохи Шашлычной не мог похвастать такими объемами. У Ди были пышные усы, обрамляющие рот, выбритый подбородок и крайне довольный взгляд. Он был гол по пояс и весь мир мог видеть его татуировки — самые разные дорожные знаки, огромная надпись от плеча до плеча “Лови момент” и многое другое.

Байкер сел на гамак Тель, закурил, раскинул руки и стал медленно покачиваться.

— Удачи, — глядя на это, сказала Ольга, — поставила бы пару туш, что к нашей следующей встрече у тебя заплывет один глаз. Четыре, что заплывут оба.

И она как-то ловко удалилась — Семен остался стоять один, не понимая, подходящий ли сейчас момент познакомиться. Тель пока не выходила.

Семен выдохнул, зачем-то покрутил шеей туда-сюда, будто разминаясь, и твердым шагом направился к байкеру. Тот заметил его почти сразу — наклонил голову вбок и поднял бровь.

Не успел Голос подойти, как Ди полез в карман, легким движением вынул пачку сигарет и широким жестом протянул ее в сторону внезапного гостя. Семен остановился, слегка в недоумении. Ди какое-то время подержал пачку на весу, а затем бросил ее на гамак.

— Ты не за этим, приятель? — спросил он. — Не припомню тебя.

— Я не из местных, — ответил Семен и подошел ближе.

— Тогда понятно. Загонщики, ад их забери, постоянно клянчат сигареты.

Большой Ди смачно выдохнул большой клуб дыма.

— Эти от аграриев, — пояснил он, — сраные дети кукурузы дерут за свой табак столько, что хоть байк продавай, но, пекло, до чего же он хорош.

— Далеко до аграриев? — как бы невзначай спросил Семен.

Байкер окинул его оценивающим взглядом.

— За неделю дойдешь.

— А на байке?

— На байке меньше чем за сутки долететь можно, если не останавливаться.

В этот момент из минивэна появилась Тель — слегка растрепанная, босая, в шортах и майке.

— Ты, — закатила она глаза, увидев Семена. Прошлепала к гамаку и плюхнулась прям поперек байкера. Жалобно затрещала ткань.

— Он уже успел присесть тебе на уши? — спросила она Большого Ди.

— А кто это?

— Голос.

— В смысле?

Тель пожала плечами, насколько это было возможно в ее положении.

— Так он себя называет.

— Я работал на радио раньше, — пояснил Семен.

— Так ты из пробочников, — догадался байкер, — скажи, а у ваших этих полицейских правда полосатые жезлы есть?

— Правда, — Семену крайне не понравилась интонация.

— А правда, что за любую провинность они вам их в жопу пихают?

Семен опешил. Ди спрашивал слегка понизив голос и как будто с реальным интересом и это сбивало с толку.

Некоторое время байкер разглядывал лицо Семена, а потом разразился хохотом.

— Поверил, — сказал он Тель, а потом повернулся обратно, — не боись, я знаю, что у вас ничего такого не делается. Только по большим праздникам. А на Продвижение даже смазывают.

Большой Ди был крайне доволен собой — сам выдал, сам поржал, аж пот на лбу выступил.

Семен нашел глазами стул, который заприметил еще в прошлый раз, не спрашивая схватил его, подтащил к гамаку и сел. Он собирался сыграть в эту игру.

— Я вижу, ты не просто так пришел, — наблюдая за приготовлениями заметил усач.

— О да, — ответила Тель, — он хочет, чтобы ты увез его в прекрасное далеко.

Ди усмехнулся. Семен тоже — тому факту, что без сестры Тель, как оказалось, умеет говорить фразами подлиннее трех слов.

— Туда не ездим, — ответил байкер.

— Я догоняю Пешеходов, — пояснил Семен, — и прилично отстаю. Вы бы очень помогли мне, если бы довезли так далеко, как можете.

— Рассказывали мне про Пешеходов, ага, — кивнул байкер. — А они зачем тебе?

— Среди них есть девушка, Агата, — пояснил Голос, — я ищу ее.

— О, так это про любовь, — оживилась Тель. — Не та ли это Агата, которая… — и она поднесла к лицу руки, держа пальцы рамкой и стала сгибать указательный палец на правой руке. Видимо, слово “фотографирует” было для нее слишком длинным.

— Она, — кивнул Семен и почувствовал как по груди разлился жар.

— Там фотка на стекле, — Тель кивнула на минивэн. — Прям напротив входа. Можешь глянуть.

Голос послушно встал, заглянул в минивэн и тут же увидел фотографию заткнутую за резинку окна. Это была пленочная проявленная фотография. Видимо, картриджи у Агаты закончились, и она начала пользоваться подарком Семена. Он аккуратно взял фотографию в руки и вышел наружу. На ней были обе сестры — они обнимались так, что соприкасались щеками, смотрели в экран и широко улыбались. Выглядели очень счастливо.

— Очень переживала, что не успеет проявить, — поведала Тель, — Агата твоя.

Семену почему-то очень захотелось понюхать фотографию, но он сдержался и быстро вернул ее на место в сумрак минивэна.

— Ты мне нравишься, — сказал Ди, когда Голос вернулся к гамаку, — погоня за дамой сердца звучит отлично. Я бы тебя взял

пассажиром…

Семен постарался сдержаться от радостного возгласа.

— …вот только за попутчиков решаю не я. Тебе надо поговорить с Маренго. Только до пира он занят. Ну ты понимаешь, денежные дела, политика, вот этот все. Так что поговори с ним на пиру. Я до этого замолвлю за тебя словечко.

Тель усмехнулась.

— Вот только он не приглашен, — она ткнула в Семена пальцем.

— Кто приглашает?

— Мерман, — Тель улыбнулась. — Это вечеринка для дорогих друзей, прости. Будут лучшие загонщики, Байкеры… не Голоса, — она поводила пальцем у виска, как бы намекая на голоса в голове.

— А если я все равно приду?

— Мерман тебя повесит

— За то что просто пришел без приглашения? — удивился Семен.

— Он и за меньшее вешал, — ответила Тель таким тоном, как будто услышала очень глупый вопрос.

* * *

Маренго сидел по правую руку от Мермана, который удивленно сейчас пялился на Семена — наверняка первого в жизни незваного гостя на его пиру. Маренго весело улыбался сквозь бороду, по которой обильно текла пивная пена.

— Нет, вы мне скажите кто привел сюда этого чувака, — сказал Мерман, — и я его повешу. А этого чудика, — он ткнул пальцем в Семена, — выпру из общины. И если он вздумает вернуться — вздерну и его тоже.

Маренго сипло засмеялся, за ним Большой Ди и остальные байкеры.

— Ты вообще кто такой? — спросил Мерман, чавкая, — Откуда взялся?

— Путешественник, — ответил Семен, стараясь не показать ни волнения, ни страха, — прохожу мимо.

— Из тех чуваков, что прется вперед в надежде встретить Город? — спросил Маренго. — Повидал я таких, Мерман, можешь вешать.

Все заржали.

— Города не существует, — ответил Семен. Почти никто не обратил внимания на его слова и даже вряд ли услышали. Но Маренго

— да. Он перестал улыбаться и, кажется, посмотрел на Семена с интересом.

Голос почувствовал себя смелее под этим взглядом.

— И я пришел не к тебе, — сказал он Мерману так громко, чтобы тот точно услышал. И он услышал. И все услышали — и притихли. — А вот к нему, — Семен кивнул на Маренго.

Глаза Мермана медленно наливались яростью — видно, что до него не совсем доходило оскорбили его сейчас или нет.

— За этим столом, — произнес он с угрозой, — все приходят к Мерману. Если кто-то пришел не к Мерману, но жрет с его тарелок — тому не жить.

Семен улыбнулся и поднял руки, показывая, что он вообще к еде не притрагивался.

— А если кто-то не жрет, — нашелся Мерман, — то он проявляет ко мне неуважение. Так что не маши мне тут ручками, чудик, тебя все равно ждет виселица.

Безумца следовало бы боятся, но Семен с удивлением отметил, что совсем утратил страх — Мерман казался смешным. Опасным, но смешным.

— Виселица меня устраивает, — нагло бросил он, пьянея от собственной безрассудности, — вот если бы кинул в клетку — пришлось бы трудно.

Он исподтишка посмотрел на Маренго. Если он правильно разгадал этих байкеров, то он все сделал правильно.

— Так, держите его, — приказал Мерман неожиданно спокойным, будничным голосом. — Хватайте. Этому ужину не хватает хорошей казни.

Кто-то сдавил Семену плечо, дернул — мелькнула ужасная мысль, что прогадал, но тут Маренго поднял руку.

— Стой, Мерман, — сказал он спокойно. — Ты же не откажешь мне, если я хочу его послушать чувака?

Мерман подвигал челюстью, напрягшись от мыслительного процесса. Бросил кусок хлеба, который держал в руке и пощелкал у своего уха пальцами.

— Коровье вымя! — заорал он наконец. — Ладно. Давай, чудик, что ты там хотел сказать?

Рука с плеча исчезла.

— Ничего особенного, — спокойно произнес Семен, — я просто хотел сказать Маренго, что отправляюсь с ними.

Он знал, что нельзя просить и даже малейшей интонацией показывать, что он просит. Его слова должны звучать как сбывшийся факт.

— Всего-то? — улыбнулся главарь байкеров. — Ну и отлично.

И все друг разрядилось — Мерман успокоился и, кажется, забыл про Семена, вновь вспыхнули разговоры, смех и веселые крики. Большой Ди, сидящий неподалеку от своего главаря еле заметно кивнул Голосу.

Когда все отвлеклись Семен с силой выдохнул и вытер пот со лба. Представление далось ему тяжело, но при этом где-то внутри он чувствовал огонек азарта и гордости за себя. Он никогда не чувствовал себя таким смелым и дерзким.

Затем он решил свалить — совсем не хотелось испытывать судьбу и проверять обратит ли Мерман свое внимание на незваного гостя еще раз.

Семен осторожно, чтобы не потревожить соседей, перекинул ноги через лавку, повернулся к пиру спиной и соскользнул с платформы вниз на асфальт. Прошелся немного, разминая руки и шею, как вдруг услышал прерывистое шипение со стороны Барьера. Семен с любопытством направился туда и почти сразу обнаружил источник — за бежевым седаном, лицом к бетону Барьера, сидел байкер — его легко было вычислить по кожаной безрукавке, металлическим набойкам на ремне и татуировкам на плечах. Он рисовал — баллончиками с краской, которые рядком стояли перед ним на асфальте.

Рисунок был почти завершен — двое худых совсем молодых парней верхом на мотоцикле. Они были привязаны друг к другу сложной системой ремней, но самое странное было не это. А то что тот, кто сидел за рулем имел белесые, мутные глаза слепого — но при этом уверенно держался за руль. Второй был без рук — короткие рукава футболки развевались на воображаемом ветру. Он смотрел через плечо слепого вперед.

Семен уже встречал такие рисунки до этого и было очевидно, что это дело рук Вольных байкеров. Теперь он встретил автора. Он тихо кашлянул.

Художник повернулся. Судя по лицу он был весьма старше и Большого Ди и Маренго.

— А, привет, — дружелюбно отозвался байкер, — хочешь посмотреть? Садись.

Семен кивнул и присел рядом.

— Кто это? — спросил он.

Художник провел полосу баллончиком и у фару мотоцикла появился блик от солнца.

— Первые байкеры, — ответил он. — Ну, так считается. Гоняли на байках во главе своей сумасшедшей банды. Как видишь, по отдельности они ездить не могли — один слеп, другой без рук. Но вместе были настоящие сорвиголовы. Причем, говорят, у них была настолько мощная связь, что безрукий даже не говорил ничего слепому — они как-то иначе общались. Будто один умел видеть глазами другого, а второй управлять руками первого, — байкер мельком глянул на Семена. — Понимаешь?

— Это потрясающая легенда.

— Легенда, да… мало кто, конечно, в это всерьез верит. А ты не отсюда, да?

— Удивительно, как легко все это понимают.

— Ну, — байкер усмехнулся, — мне легко понять. Этот рисунок тут давным-давно. Я в каждый приезд его чуть-чуть доделываю. А ты явно его первый раз видишь.

— Я издалека. Меня зовут Семен, и я набился к вам, байкерам, в попутчики.

— Это хорошо. Если ты понравился Маренго, то и мне понравишься. Я — Туг.

— Почему вы не на пиру?

Художник поставил баллончик на землю рядом с остальными и поднялся. Семен встал вслед за ним. Туг смотрел в сторону пирушки.

— Они там и без меня справятся, — ответил он. — Зубы им заговорит Маренго, а все их пиво выпьет Ди. А больше там делать нечего.

Реквием

Юлю невероятно злил тот факт, что она занимается финансовыми делами в каком-то микроавтобусе социальной службы. Глава Банка на посмешище. Кабинет, который всю жизнь принадлежал ей, а вместо этого просиживался Артемом и Раисой, теперь сгорел и покоится за обочиной.

Но это не мешало ей работать. Она жестко принялась наводить порядок, как только лицо немного зажило. Провела аудит всего штата — тех, кто выжил, конечно, после пожара и уволила всех, кто показался ей потенциальным нарушителем субординации. Раздала всем задания — найти способ наполнить бюджет, найти что, собственно, наполнять, а также прошерстить всю документацию на предмет возможных нарушений со стороны Раисы. По-любому, тырила денежки для Редактора. Не мог же он сам по себе быть таким богатым. Он выглядит так, как будто его ветром за Обочину сдуть сможет, а посмотри — целый квартал под свой дом заделал, в семь машин размером. Все это предстояло разобрать и проверить под лупой. А потом схватить всех этих недоделанных мятежников за горло и потребовать все вернуть участку в двойном размере.

Именно такой у нее был план — восстановить бюджет за счет богатеев, которые устроили переворот.

Хмурый Пит постоянно ее спрашивал где результат и делал такую недовольную мину, что влепить хотелось. А Загваздин изо всех сил пытался играть в доброго дядюшку и аккуратно предлагал свои идеи — обратиться к Гроссу и другим полицейским и попросить займ, если сильно надавить на жалость даже без процентов дадут.

— Гроссу только покажи слабость, — возражала она, — сразу начнет думать, как прибрать участок к рукам.

— Такое возможно, — впервые за долгое время Пит с ней согласился, — мне тут нашептали, что Голос до побега довольно активно общался с Адамом и, кажется, готов был сдать ему участок. Не исключено, что изначально была идея оттуда.

Пит выглядел плохо. Ведь это именно его план не сработал. Именно он придумал сжечь цистерну, чтобы у Эша был отличный

повод посадить участок на бензиновую иглу.

Как же иронично, что империя Короля тоже сгорела, и они остались ни с чем. Горе-мужики. Один все просрал, второй готов идти побираться. А разгребать все это ей.

— Лучше расскажите, как продвигаются поиски Голоса, Редактора и всех остальных? — спросила она. — Они и есть наш бюджет. Мы их до нитки разденем.

— Ну, допустим у Голоса ничего особо и не было, кроме доли в радиостудии, — осторожно сказал Андрей, — если кого разматывать, так это Редактора.

— Ну и у Лавочника наверняка под жопой что-то припасено на черный день, — согласился Пит.

— Так и где они?

— Гросс их укрывает, — убежденно заявил Пит.

— Может быть они в Антимире или впереди? — Юля не верила, что у Глушакова впереди глаза в каждой тачке, но он кичился этим и постоянно утверждал, что если бы Лавочник или еще кто был там, его люди уже бы их притащили.

— Я уже тысячу раз… — распалить гнев громилы было очень легко. Его осадил Андрей.

— Тише-тише, — примирительно сказал он, — нас всех расстраивает тот факт, что они еще не пойманы, это нормально. Может, танк привлечь?

— Нам нечем им платить, — отрезал Пит.

— Нам — нечем, а тебе? — это был самый смелый вопрос, который мог задать полицейский. Юля почувствовала легкое презрение. Загваздин сдал. Переворот подкосил его. Возможно, это была дурацкая идея возвращать его в бобик.

Она и сама бы неплохо справилась, например. А главой Банка можно сделать кого-то, у кого с бумажками лучше получается работать.

— Вы двое у меня уже вот здесь, — прорычал Пит, проведя ребром ладони по горлу, — участок и так сейчас за мой счет живет. А у Юспешик прайс высокий. Танк охренеть какой прожорливый. Если к ним и обращаться, то только за реальным кушем.

— Просто найдите их, — вздохнула Юля. — Без разницы как. С их имуществом я разберусь. Радиостанция уже конфискована в нашу

пользу, но денег она приносит не очень много. Большой рефрижератор Влада тоже теперь на балансе Банка.

Кажется, тут одна только я работаю, подумала Юля, говоря это. Она специально упомянула рефрижераторы — пусть Андрей повспоминает о темных деньках своей жизни. Она, конечно, тепло к нему относилась, он многое сделал для нее. Но то, что он проиграл таким сморчкам как Голос и Редактор, она простить ему не могла.

— А что с типографией?

— Типографией я займусь, — ответил Пит. — Печатный станок продадим.

— Но он мог бы приносить хорошую прибыль, — заметила Юля.

Она понимала, что для Пита эта тачка с холодильником — вопрос личный. И он очень не любил, когда финансовое шло поперек личного.

— Кто на нем работать будет, ты? — тяжелый, маслянистый взгляд Пита уперся в нее. — Машине пора вернуть ее изначальное значение.

Юля внутренне усмехнулась. Знаем мы это значение. Все-таки Пит был и остается мразью. С этим нужно было что-то делать тоже. Один уже не тянет, а второй тянет не туда. Она понимала, что они ей мешают. Она бы быстро разобралась с проблемами Пробки. Но у этих слишком много груза. Личные счеты, месть, жажда обладания и другие тупые мужицкие мысли, которые мешают думать рационально.

В глотку бы тебе запихать эти сраные ружья, подумала Юля. Если бы не они, давно бы уже тихо пылился в своем пикапе, древнее ты ископаемое из прошлой эпохи, а не мешал работать.

Ей пришлось уступить ему Рефрижератор.

* * *

В один из дней к ней приперся кто-то из сотрудников и стал махать какими-то документами, говоря, что нашел возможное решение проблемы с деньгами.

— И что там? — лениво спросила Юля. Она, конечно же, не верила, что спасение можно найти в дурацких бумагах. Она не настолько наивна как Раиса.

— Кажется, у участка есть лишние тринадцать тысяч литров, — заявил банкир трясущимся от надежды голосом.

— И где же они?

— Я не знаю. Судя по всему Артем Хоботов специально скрыл это. Но участку должны кучу денег. Это очень старый долг. Видимо, Артем считал это подушкой безопасности, неким фондом на черный день. Самое время им воспользоваться, нужно только понять…

Юля засмеялась.

— Ты реально веришь, что Артем где-то припрятал бензак для Пробки? Это либо сказка, чтобы нас запутать и отвлечь от проблем, которые он наворотил, либо он припрятал это для себя и возможно уже где-то живет безбедную жизнь. Иначе зачем скрывать?

— Но он мог это скрывать, потому что…

Юлия прищурилась, она отлично понимала, что подчиненный имеет ввиду. Но он должен произнести это. Нечего быть слизняком.

— Скажи, — разрешила она.

— Возможно, он скрывал их от Андрея Загваздина, от растраты.

Юлия кивнула.

— Поняла, — сказала она с удовольствием, — пошел вон.

Человечек вышел так быстро, что даже стукнул локоть о поручень и смешно крякнул.

Все они преданы своему старому начальнику, все они — как вода в бензобаке, притворяются топливом, а не деле все разрушают. Он уже давно сдох где-то за Обочиной, а эти все пытаются его защищать. Может, все-таки стоило всех уволить? Этот работает поди на Редактора, раскачивает систему.

Она быстро забыла об инциденте с этими призрачными литрами, пока однажды к ней вдруг не завалился Хмурый Пит собственной персоной. Обычно они виделись только на Совете, или в бобике у Загваздина, если нужно было срочно поговорить. Так что визит был неожиданный, как минимум.

— Вот это да, сам Глушаков пожаловал, — сказала Юля, — если будешь мешать мне работать, то пожалуйста, выйди и дверь за собой прикрой.

Громила не отреагировал на это никак. Он бросил ей на колени какую-то пыльную папку и сказал:

— Знаешь что-то об этом?

Юля поморщилась. Какого хрена он посмел кинуть этот мусор на ее свежую униформу? Идиот.

— Что это? — спросила она, брезгливо открывая папку.

— Нашли мои ребята в архивах, — ответил Пит, — конечно, сраный Голос со своей этой историчкой, как ее… в общем, они там достаточно все поразворошили и кажется часть документов унесли с собой. Да и Артем явно подчищал хвосты перед тем как суициднуться.

В папке было очень много листов и цифр и судя по всему это были протоколы деловых и экономических контактов с разных участков. Судя по всему задолго до рождения самой Юлии.

— Тут говорится, что наш Банк давал ссуду на тринадцать тысяч литров. Причем физически, с выемкой из цистерны. Большая операция, наверное, была, столько бензака перекачать. Вопрос только в том, у кого этот должок. И знает об этом только Банк.

— Какие-то гребаные сказки, — ответила Юля. — Есть клад, но никто не знает, где его искать. Тебе не кажется, что это все чушь?

— Эта чушь может нас вытащить из жопы.

Возможно, все-таки стоило посмотреть в те бумажки, которыми так размахивал клерк. Теперь это становилось интереснее. Но последнее, что стоило делать — это делится информацией с этим тупым амбалом. Нужно все выяснить самой.

— Я поищу что-нибудь в наших бумагах, — сказала она. — Но по-моему, все это холостые выхлопы, дым по ветру.

— Ну да, — угрюмо отозвался Пит и забрал папку и собрался уже вылезать.

— Слушай, Пит, — остановила его Юля. — Возможно, нам стоит поговорить, скажем так, дуэтом. А не троицей.

— Без Андрея что ли?

— Соображаешь.

— Выкладывай.

Юля выложила свои идеи по поводу того, что Загваздину пора на покой. И лучше нее на его место никого нет.

— Спровадить дурачка на пенсию, — Пит кивнул. — Мысль хорошая. Но я не понимаю нахрена ты рвешься в бобик.

— Он мой по праву.

Отвратительный смешок вырвался у бугая наружу. Мразь, подумала Юля.

Пит погладил свою папку, будто она была предметом, который сейчас обсуждается, а потом сказал:

— Давай обсудим все детали позже. Я пришлю к тебе человека.

И вылез наружу. Юля открыла бардачок, достала щетку и стала брезгливо чистить штаны.

* * *

Сообщение от Пита пришло довольно быстро, он предлагал встретиться в Рефрижераторе, там точно их никто не подслушает.

У Юли было время обдумать то, что она хочет сделать. Загваздин очень многое сделал для нее, правда многое.

В те времена ей было лет десять, но она все уже понимала. Мама, прекрасная мама, самая сильная женщина во всей Пробке вела дела жестко и мощно. Она уже второй год как Глава банка после смерти предыдущего, которого назначили много лет назад после убийства отца Юли.

Мама готовилась идти дальше. Стать полицейской, как ее отец. Она ничего не скрывала от дочери, она прямо говорила — я нашла правильных людей, они помогут старому пердуну уйти на покой. На вечный, деточка, вон там — и показывала в Немир. Так делать плохо, говорила мама, но так делать нужно, чтобы вернуть то, что было твое по праву. Все кто считает иначе — преступники.

Десятилетней Юле сложно было понять, как полицейский может быть одновременно преступником, но эта детская наивность быстро прошла. Этот пост, как в целом, и пост главы Банка, редко занимали честным путем.

В какой-то момент “старый пердун” догадался, что происходит. И однажды ночью в их машине лопнуло окно и рука в черной перчатке что-то закинула внутрь. Снаружи раздались выстрелы. Мама кричала, чтобы Юля выбегала на улицу, но она никак не могла открыть дверь. Этот эпизод застыл в памяти, но она была уверена, что и тогда время замедлилось и почти остановилось. Она помнит как ее маленькая рука дергает ручку, но дверь не открывается. Мама уже снаружи и на глазах ее ужас, но она не помогает — кто-то тащит ее прочь.

И вдруг — о чудо — дверь открывается, дядя Андрей распахивает руки, Юля прыгает к нему в объятия, он оборачивается, пытается бежать с ней, но вдруг — бум, взрыв, огонь, они падают и будущий полицейский закрывает ее собой.

Юля отдает себе отчет, что произошло. Полицейский заказал убийцу, тот не придумал ничего лучше, чем закинуть гранату к ним

автомобиль. Но Андрей Загваздин успел вытащить ее, мелкую, из машины.

Этот долг не будет оплачен никогда, потому что просто не может быть оплачен. Когда на следующий год до мамы все-таки добрались, именно он вывел Юлю к родственникам на другом участке, чтобы злоумышленники не могли добраться и до нее тоже.

Какой же это был ужасный год. Про маму говорили самое худшее. Что ее задушил любовник и что он ее на самом деле никогда не любил, а просто весь год готовился привести приговор в исполнение и привел. Юля не верила ни в какую версию. Мать была проницательной и не допустила бы такого.

Мама так и не смогла стать полицейской и бремя этого пути легло теперь на нее, Юлю. И она доведет дело до конца. Даже если придется подвинуть Загваздина, которому она всем обязана.

Она пришла в Рефрижератор как раз на этапе разгрузки. Со стороны Немира торчала стрела крана, огромный печатный станок висел на четырех тросах. Рабочие суетились вокруг. Двери рефрижератора были открыты. Юля заглянула внутрь. Пустое гулкое пространство и в глубине на стуле сидит Пит, будто мертвый — не шевелится, масляный взгляд злобно буровит пространство перед собой.

Она ловко поднялась внутрь.

— Продал все-таки, — сказала она.

— Да, — не глядя на нее ответил Пит, — в Антимире дали хорошую цену. И не пожалели бензина на то, чтобы перестроить ряды и подогнать кран сюда. Не знал, что у них есть кран.

Юля двинулась к стулу, но Пит ее остановил, выставив ладонь.

— Закрой двери, — сказал он. — Это антимирские рабочие, но мало ли. Наш разговор лучше никому не слышать.

Самохина пожала плечами и подтянула створки — они оказались довольно тяжелыми. Затем задвинула засов — он был свежий, недавно приваренный.

— Садись.

Она села. Снаружи раздался какой-то скрежет.

— Вот идиоты, — Пит обратил внимание, что она повернулась на дверь, — наверное задели станком. Хорошо, что я деньги за него вперед взял.

Юля кивнула.

— Давай теперь обсудим, как мы провернем отставку Загваздина.

Стул под Питом заскрипел, он перенес весь своего тяжелого тела и наклонился к Юле ближе.

— Господи, какая же у тебя отвратительная морда, — сказал он, дохнув на нее зловонием изо рта.

— Что? — лицо резко бросила в жар — в первую очередь от ярости, но под ней обнаруживался и стыд. Она это отрицала, но все-таки стыдилась своих шрамов.

— Давно мечтал это сказать, — пояснил Глушаков, — ну невозможно смотреть же. Ты никогда красавицей не была, но теперь… ты глянь на этот пиздец.

Вот сука! Мразь. Показал свою истинную натуру.

Она гордо встала, намереваясь выйти, но и он тут же поднялся, проявив неожиданную проворность для такого грузного тела.

— Не трудись, — спокойно сказал Пит, — двери закрыли и снаружи тоже.

Он положил ей руки на плечи и резко усадил на стул. Сопротивляться его силище было невозможно.

Пистолет, лихорадочно думала Юля. Достать пистолет и прострелить ему башку…

Пит оказался быстрее. Он сорвал его вместе с кобурой и отбросил в сторону. Пряжка ремня лопнула, штаны поползли вниз. Юля попыталась лихорадочно их подтянуть. Это вдруг стало даже более важно, чем все остальное.

Пит влепил ей пощечину, да такую, что она упала вместе со стулом.

— Какая же ты сумасшедшая баба, — сказал он, — совсем тупая. Надо же было спалить весь наш бензин.

— Это же была твоя идея, — ответила Юля и поняла, что ее голос трусливо дрожит. Нет, нет. Этого не будет. Она Самохина, она не боится.

— Да похуй, — Пит рывком поднял ее, стул и усадил обратно, — ты не представляешь насколько все пошло не так из-за этого. Ссанный Король просрал свою цистерну, ты сожгла нашу… Город, как вы меня все выбесили.

Сумасшедший, абсолютно поехавший мудак.

— Что тебе нужно?

— А вот это правильный вопрос, — Пит вдруг перешел на деловой тон. Он отошел куда-то в угол — там оказывается лежала небольшая сумка, вроде той, с которой ходят банковские клерки. И достал оттуда папку. Ту самую, которая запылила ей брюки.

— Помнишь это? — он держал папку, будто измерял ее вес. — Тринадцать тысяч литров.

— Помню, — ответила Юля, — все еще считаю, что это чушь.

Он с размаху врезал ей папкой. Листки полетели во все стороны, заполняя Рефрижератор, как будто он снова стал типографией. Удар был не такой сильный как пощечина, но очень обидный.

— Не надо врать, — сказал Пит, выпуская пустую картонку из рук.

Он снова вернулся к сумке и достал из нее еще какие-то листки. Юля сразу поняла, что это за листки, отчетливо виден был официальный оттиск Банка. Те самые документы.

— Ты думаешь, у меня нет своих людей в твоей конторке? — спросил Пит. — Думаешь, я не понял, что ты, сука, решила меня кинуть?

— Я не знала, что там, — призналась Юля, ощущая впервые в жизни полную беспомощность, — Чувак просто потряс ими, сказал, что Хоботов спрятал тринадцать тысяч. И все! Я его выгнала, потому что он сказал, что якобы это Артем прятал денежки от наших схем. Не придала вообще этому значения, потому что это полный бред — не заметить тринадцать тысяч долга. Чушь. Ты просто не банкир и не знаешь…

Листки полетели ей в лицо.

— Не говори мне, чего я не знаю, — грозно заметил Глушаков. Потом подошел и наклонился над ней, уперев руки в колени.

— А теперь рассказывай, где этот должок искать.

— Я же тебе сказала, что не знаю. Я даже этих бумаг не читала.

— Прям поверил. Глава Банка не читала документов, которые ей приносят. За идиота меня не держи.

— Не учи меня делать мою работу.

На этот раз прилетело в живот и прям уже кулаком. Юля закашлялась, все помутнело от боли.

— Не огрызайся, — спокойно сказал Пит, — а отвечай.

— Я не знаю, — каждое слово давалось с трудом. — Ищи Хоботова. Перерой Немир весь. Откуда бы мне знать, где и что он прятал. И прятал ли.

Он наклонился к ее уху.

— Я перерою весь твой сраный Банк и найду там бумажки, которые говорят, где это. Также у вас все работает? Одни бумажки ведут к другим бумажкам, а эти к третьим и так далее. Так вы прячете свои черные делишки, надеясь, что никто не дойдет до конца?

— Это полный бред.

На этот раз он ее пнул. Стул сломался, сама Юля отлетела к самой двери.

— Тебе бензак дороже собственной шкуры? — Пит уже орал. — Ты чего добиваешься? Тебе нахера это? Тоже как Хоботов в Немир попрешься?

Он наступил на лодыжку и надавил всем весом. На этот раз Юля не выдержала и закричала.

— Как хорошо, что снаружи работает большой шумный кран, не так ли? — спросил Пит. Он глубоко вдохнул.

— Город, как приятно снова тут оказаться. Давненько я ничего такого не проворачивал, а теперь как в старые добрые.

Он подошел к развалившемуся стулу и доотламывал у него ножку.

— Расклад у тебя такой, Самохина, — сказал он, — либо ты мне прямо сейчас говоришь, как мне достать эти деньги… либо отправишься прямиком в Немир. Сама там у Хоботова при случае спросишь.

— Я уже сказала. Я не знаю. Правда. Я ненавижу читать все эти документы. От них одна морока. Но я все прочитаю. Каждый листик вылижу и найду тебе этот бензин. Обещаю, правда.

Пит взвесил ножку в руке.

— А еще хочешь быть полицейской, — он покачал головой. — Ты была бы худшей из них. Даже хуже Голоса. Хорошо, что у Пробки есть я, который не допустит такого.

Он медленно повернулся и посмотрел на нее таким взглядом, что она закричала так, будто он уже ударил.

— Стой. Правда. Стой. Я помогу тебе. Чем хочешь. Что хочешь буду делать. Отпусти. Ни на что не буду претендовать. И полицейской не буду. И главой Банка… Не надо.

Пит встал прямо над ней.

— Ты знаешь, — произнес он задумчиво, — в ином случае я бы даже подумал. Нашел бы тебе занятие какое-нибудь. Парней бы развлекала. Но тут еще раз на твою рожу глянул. Не, Самохина, извини. Не в этот раз.

И он замахнулся уже не сдерживая сил.

Ч6. Глава 2-1

1

Колонна двигалась между барьером и первым рядом автомобилей. Впереди вел Маренго — выглядывая из-за плеча Большого Ди Семен мог разглядеть его красную бандану.

Двигались не так быстро, как хотелось бы Голосу — на самом деле еле тащились. Куда быстрее, чем он бы шел на своих двоих, но не так быстро, как он предполагал. Колонна постоянно тормозила и чуть ли не останавливалась. Раздраженный писк гудка мотоцикла Маренго зудел впереди, иногда раздавалась его собственная зычная ругань, сгоняющего кого-то с пути.

Они двигались уже четыре часа без остановки, и Семен порядком отсидел себе ягодицы. В паху зудело — под штанинами наверняка образовались приличные натертости. Он даже одно время хотел спросить Большого Ди в чем секрет, что они так много времени могут проводить в седле без дискомфорта, но решил, что это может разрушить его мужественный и слегка безрассудный образ, сложившийся у этих ребят.

Пробка длилась. Долгая, бесконечная. Почти одинаковая. Ди перечислял районы — тут живут такие-то, тут сякие-то, вот тут классный самогон варят, тут умельцы несколько машин в педальные переделали, представляешь, вот здесь парень с той стороны Барьера утверждает, что нашел нефть в Немире и скоро заживем счастливо…

И так далее и так далее. Целые жизни пролетали мимо.

Иногда с байкеров брали плату — Маренго давал на лапу каким-то личностям, и они ехали дальше. Обычно это происходило в бедных районах, где люди выглядели довольно изможденными на вид.

— Они не выглядят опасными, — сказал Семен Ди. Байкеры на вид справились бы с любой угрозой.

— Но дела у них не очень, — ответил мотоциклист, — помогаем чутка.

— Разве право на Дорогу не общее?

— Тут же не в праве дело. Тяжело людям… Пусть думают, что они с нас что-то стребовали, а мы будем думать, что не оставили в их

беде.

Интересный, конечно, образ мысли, подумал Семен.

— Скоро будет нейтральная полоса — вот там разгонимся!

— Как долго она тянется?

— На полной скорости проедем минут за пять-шесть. Но мы там сделаем остановочку, подальше от посторонних глаз. Невозможно весь день в седле торчать. Разомнем булки.

Это было бы очень кстати. Ягодицы Семен уже давно не чувствовал.

Нейтральная полоса появилась внезапно — Пробку как ножом срезало и открылось огромное, пустое пространство Дороги. Байкеры сразу же расползлись по ней вширь, ускорились, Ди тоже рванул, и у Семена захватило дух. Он и не думал, что можно перемещаться так быстро! Он выглядывал из-за большого плеча, подставлял лицо ветру и испытывал восторг. Раньше он никогда бы не подумал, что ему так понравится скорость.

Впрочем, длилось это недолго, вскоре Маренго объявил остановку. Большой Ди как раз нагнал его, как главарь поднял руку со сжатым кулаком и все стали снижать скорость.

Затем поставили мотоциклы так, чтобы оставалось свободно две полосы — на случай, если кто-то еще вдруг здесь поедет, хотя вероятность такого была весьма низка. Маренго объявил стоянку на два часа.

Семен отошел к краю дороги и помочился за Обочину. Заодно украдкой проверил внутреннюю сторону бедра — было терпимо, но на правой ноге уже вздулся один пузырек мозоли.

Байкеры потягивались, разминались, курили, болтали, собираясь кучками.

Маренго неожиданно нашел глазами Семена и махнул ему рукой. Мол, подойди.

— Пройдемся, Пробочник, — предложил он.

Семен кивнул, и они пошли посредь дороги в сторону от стоянки.

— Почему Пробочник? — спросил Семен.

— Потому что я вижу, что ты из них. Из тех, что поделили Пробку на участки, живут с полицейскими во главе, в Продвижение играются…

Семен кивнул, молча признав, что да, по сравнению с жизнью Вольных байкеров — звучит скучно.

— Но ты свалил. Видимо, сидит в тебе тот же огонь, что и в нас. Но при этом в Город Золотой не веруешь?

— Нет, — ответил Семен.

Маренго посмотрел на него с улыбкой.

— Мне нравится, как ваши ребята мечтают о нем. О том, что впереди прекрасный рай, где асфальт целебным эликсиром мироточит, а люди по земле могут ходить и живут в зданиях до неба… Прям сказка. И при этом сидят и нихера не делают. Ждут Продвижения! Пока им разрешат чуть-чуть проехать в сторону рая. Идиотизм.

— Да, — согласился Семен, — впереди рай, но при нашей жизни мы туда не попадем. Смирись.

— Только Дорога-то не в Город ведет.

— А куда же? — Семен с интересом приготовился слушать о другой вариации рая — еще более прекрасного! Пыль говорила, что люди верили в счастье в конце дороги тысячи лет. Но Маренго удивил.

— В инферно, — ответил он. — Дорога ведет в ад. Где мы все сгорим в вечно пылающем бензине.

Это было очень непохоже на тот задор и нрав, что показывали байкеры. Совсем не вязалось с тем, что видел Семен — в Большом Ди или в Туге, в самом Маренго.

— Охренеть мрачно, — сказал он.

— Потому мы и отрываемся сейчас и здесь. Дорога — вот наша жизнь. А не сидеть на одном месте, мечтая, что у тебя все впереди.

Помолчали. Маренго, как будто прислушивался, а Семен переваривал сказанное им. Дорога в ад.

Семен решил, что сейчас самое лучшее время, чтобы высказать благодарность.

— Маренго, я…

— Тс-с! — вдруг резко прервал его глава байкеров и стал прислушиваться.

Некоторое время стояла тишина, только слышались голоса из Антимира, да хохот и дружеская перебранка со стороны стоянки мотоциклистов.

— Воды мне в бак… — сквозь зубы и очень тихо произнес Маренго. — Неужели…

Он вдруг сорвался и бегом направился к обочине. Остановился там и стал смотреть в Немир. Семен поспешил за ним, но не успел сделать и трех шагов, как увидел, как Маренго резко присел на корточки, обернулся на Семена и рукой приказал сделать то же самое. Голос пригнулся и осторожно подобрался к Обочине.

— Что происходит? — спросил он.

— Банда, — коротко ответил байкер. — Город знает, что они забыли так далеко от Бензоколонки.

— Банда? — спросил Семен, но Маренго не ответил. Он слушал.

Семен тоже стал прислушиваться, но ничего кроме привычных шумов не слышал. Антимир, байкеры, привычный шелест Немира…

Вибрация! Это был звук… как будто бы машины. Очень тяжелой машины. И как будто Семен уже чувствовал это когда-то…

— Точно движутся сюда, прям сто процентов. Эй, Пробочник! Смотри в оба. Видишь в Немире что-то необычное?

Здесь, в отличие от привычного ему пейзажа у Шашлычной, Дорога поднималась высоко над Немиром, приличный склон насыпи оброс бурой травой. Дальше к горизонту как будто начинались какие-то кусты, а совсем вдалеке стояла пара деревьев. Справа в воздухе висела пыль.

Пыль!

— Вон там, — Семен указал на пыль.

— Ч-черт! — процедил Маренго.

— Что это?

— Танк, — коротко ответил главарь.

— Понятия не имею, что это, но у меня нехорошее предчувствие, — сказал Семен.

— Значит, твоя чуйка работает правильно, — сказал Маренго, — потому что нихера хорошего тут нет. Бежим к ребятам. Седлаем коней. Если повезет, успеем до аграриев. К ним они не сунутся.

Голос безоговорочно подчинился. Его удивило, что Маренго — бесстрашный, безумный Маренго, который уверен, что Дорога ведет в ад и куражится с этого, вдруг так себя ведет.

Команда поняла Маренго без слов. Стали быстро прыгать на байки, паковаться и заводиться. Семен остановился у байка большого Ди и стал оглядываться. Рядом уже газовал Туг. Обернувшись на Семена, тот перевел взгляд на пустой мотоцикл, протяжно посигналил,

затем дал еще три коротких гудка. Посмотрел Семену в глаза. Кивнул. И рванул с места.

Мог и предложить поехать с ним, разочарованно подумал Семен. Он стал оглядываться. Один за другим мотоциклы с ревом покидали стоянку. Потом Голос увидел Большого Ди — тот тяжело перевалился через Барьер, бегом направился к байку, показывая жестами, что Семен тоже запрыгивал. Тот тут же подчинился.

— Что произошло? — спросил слегка запыхавшийся Ди, с размаху усаживаясь в седло.

— К нам из Немира едет танк, — пояснил Семен, — если я правильно понял Маренго.

Ди коротко пнул стартер и тут же дал газу, Семен кое-как успел ухватится за скобу.

— Какого города они здесь делают?! — громко вопрошал Ди в пустоту, потому что Семену нечего было ответить.

— Кто они такие? — спросил Семен, пытаясь переорать рев мотора и ветра.

— Маньяки, — ответил Ди, — как Короля не стало, так совсем с катушек съехали. Из-за бензака своего чертова. Все поди сливают на корм своей колымаги.

Впереди, там где уже точками виднелись улепетывающие байкеры вдруг вспыхнуло и налилось красным и во все стороны полетели куски асфальта.

Взрыв был далеко, но Ди все равно рефлекторно среагировал — байк занесло, он пошел боком и Семен с ужасом понял, что их несет к Обочине.

Ди за доли секунды выдал все матерные слова, которые Семен знал и еще те, которых он никогда не слышал, а затем рывком выровнял байк на самой Обочине, из-под заднего колеса брызнул щебень. Семен подлетел и больно приземлился на копчик. Мотоцикл неистово трясло на крупном щебне.

— Ух, сука, — хрипел впереди Ди, пытаясь справится с собственным мотоциклом. Семен обернулся и увидел как высокую траву быстро разрезает, что-то большое и тяжелое. Оно почти сливалось с Немиром, но это несомненно была машина, плоть от плоти Дороги. Она отставала.

Громкий “ду-ду-дут” и резкая вспышка на теле танка, и Семен скорее почувствовал, чем увидел, как где-то под колесами взрывается щебень от попавших пуль. Ди резко выворачивает руль, Семен стонет от боли в руке и неожиданно для себя отпускает скобу.

Идиот, успевает подумать он, прежде чем его правое плечо врезается в щебень. А потом ноги, а потом голова и снова плечо — Семен кубарем катится вниз по склону в смертельную пасть Немира.

Одна из лямок рюкзака лопнула и рюкзак исчез в мировой круговерти. Все тело взрывалось вспышками боли.

Последнее что Семен запомнил, это как резко надвинулась рыжая груда металлолома и как левая нога с размаху наделась на что-то.

Наверняка ржавое и смертельно опасное.

Так Семен впервые в жизни оказался в Немире.

Ч6. Глава 2-2

2

Семен очнулся не от громкого звука, а наоборот от почти полной тишины. Единственное, что он слышал — ветер, и он как будто окутывал его со всех сторон. Еще он чувствовал, что лежит на твердом и холодном металле, что его нога очень болит и пульсирует, а каждый ушиб на теле будто резонирует с этой пульсацией.

Он открыл глаза и увидел… сначала он подумал, что его подводит зрение, но нет. На фоне сумеречного неба чернели ветви деревьев. Семен не видел деревьев так близко лет десять. Он осторожно повернул голову. Белые стволы деревьев были совсем рядом и уходили дальше, в глубину леса, создавая странный эффект коридора.

— Эй, как там тебя! — вдруг заорал кто-то совсем рядом. — Тут твой проснулся.

Я знаю этот голос, подумал Семен и похолодел. Это был тот невысокий, который вел дела от имени Короля Бензоколонки. Ковач. Пит звал его “Алешенька”.

Прогремели чьи-то шаги по броне и небо с ветвями закрыла рыжая голова.

— Глазами лупает, — сказал он. В левый бок прилетел носок сапога, Семен громко охнул.

— Голос подает, — дополнил Ковач свои наблюдения.

— Не надо его бить, — послышался другой, куда более знакомый голос.

Снова грохот шагов. Появилась вторая голова.

— Город побери, вид у него не очень.

Семен испытал почти нежные чувства к этому человеку. Он очень давно не видел никого со своего участка Пробки. И даже встреча в таких обстоятельствах и такого человека неожиданно тронуло сердце.

— Давай его хоть посадим, что ли…

Эти двое подхватили его подмышки, подняли и подтащили вверх. Семен зашипел от боли в потревоженной движением ноге. Его прислонили к такому же холодному и безжизненному металлу, но

теперь он уже сидел и мог посмотреть на свою рану. Нога была перебинтована, но бинт хорошо так пропитался темной кровью.

А еще Семен понял, что он на танке и более того — все еще в Немире. Стальной монстр стоял у кромки леса, вокруг, куда ни глянь — зеленое поле и, что самое тревожное, совсем не видно Дороги.

Эти двое присели перед ним на корточки.

— Выглядишь ты херово, Голос, — сказал Низкий. А это был именно он — Семен с сфокусировал взгляд на широком и плоском лице, чтобы на всякий случай убедиться. — Говорить можешь?

— Ему, чай, не горло проткнуло, — заметил рыжий.

— Могу, — сказал Семен и сразу стал кашлять. Успокоившись, добавил: — наверное.

— В общем, расклад такой, Голос. Мы сейчас увезем тебя домой. И там тебя ждет плата за переворот и захват власти. Если раскаешься, то отделаешься небольшим сроком.

— Слушай, Низкий… — начал, было, говорить Семен, но бывший помощник полицейского вдруг влепил ему пощечину тыльной стороной ладони — довольно жесткую, голова мотнулась и другая щека врезалась в холодный металл танка.

— Эдуард, — спокойно сказал Низкий. — Меня зовут Э-ду-ард.

— Ну что вы там? — вдруг послышался женский резкий и прокуренный голос сверху. — Это тот, не тот? Едем уже?

— Не тот, — сказал Низкий. — Но гораздо лучше.

— Не поняла.

— Это их этот, радиоведущий, Лена, — пояснил Ковач, — который там все и заварил.

— То есть нам заплатят больше, коп?

Низкий поднялся с корточек.

— Обсуждайте это с Глушаковым, — сказал он, — и я не коп.

Кажется, Эдику очень неуютно в этой компании. Поэтому он изо всех сил пытается бравировать.

— Мы сожгли невероятное количество горючки, — грозно заметила женщина, — потратили два снаряда на этих моточертей, и это я еще гильзы не посчитала — за каждую пулю спрошу!

— Мне без разницы, — деловито заметил Низкий, — мое дело — доставить его домой. Хотя, конечно, можно было и сэкономить снаряды и сделать все деликатнее…

— Слыш, — агрессивно бросила незнакомка, — не учи меня мою работу делать, окей?

Она зашагала где-то сверху, прямо над головой Семена, вдруг спрыгнула и оказалась перед ним — третья фигура закрыла небо. На женщине было много кожи — распахнутая куртка, облупленные штаны и ботинки с высокой подошвой и невероятно сложной шнуровкой.

— Почему он не связан, Алекс? — спросила она.

Рыжий засмеялся.

— Так пусть бежит, — ответил он. — Могу даже подсказать, где Дорога. Эй, как тебя, Голос, — Ковач пощелкал пальцами перед лицом Семена, — она там.

Он протянул руку в противоположную сторону от леса.

— Побежишь? — спросил рыжий и заржал. Женщина по имени Лена засмеялась вслед за ним. Ну, конечно. Это с ней общался Загваздин, продавая участок Королю.

— Дааа, с такой ногой он быстрее в Город прибежит, чем до Дороги, — согласилась она.

Она здесь главная, осознал Семен.

— Так что, мы возвращаемся? — спросила Лена у Низкого. — Или дальше ищем вашего банкира? Но учти, цена растет с каждой минутой.

— Пит все заплатит, Юспешик.

— Ты свечи-то мне не заливай, — агрессивно заметила женщина. — У твоего Пита цистерна того — сгорела. Чем он будет платить?

— Это не моя забота.

— Так куда едем?

— Не знаю, — Низкий будто сомневался. — Свяжитесь с ним, расскажите, что произошло. Может быть, Хоботова теперь и искать не надо, раз у нас есть Голос.

Юспешик, что-то недовольно бурча, полезла обратно на башню и голос ее скрылся в гулком нутре танка.

— Эдик, зачем это тебе? — спросил Семен.

— Заткнись, Голос, — прошипел Низкий.

— Бензина нет, — продолжил Семен с трудом, — еды тоже не особо… им-то Пит может и заплатит, а тебе-то?

— Неудачное у тебя положение, чтобы что-то заяснять, братан, — заметил рыжий с искрой в голосе.

— Отвезите меня к Пешеходам, — обратился Семен к нему, — я найду способ оплатить долг. А потом можете искать Артема сколько хотите…

Ковач засмеялся.

— Это какой же такой способ? Небось, думаешь, Пешеходы за тебя заплатят? Да у этих бродяг нет ничего ценного, кроме их ног.

— Среди них есть контрабандисты, — сказал Семен, вспомнив Олафа, — что угодно достанут.

— Забудь, журналишка, — фыркнул рыжий, — мы всю горючку сожжем, чтобы до твоих Пешеходов доехать. Такое ничем не купишь.

— Хмурый не отвечает! — вдруг заорала сверху Юспешик. — Придется ждать. Тащите этого сюда, а то скоро ночь. Не хватало, чтобы запах его крови привлек какую-нибудь хищную тварь.

— Еще ночь? — в голосе Низкого прорезался страх.

— А что остается делать, Эдичка, раз ты сам принять решение не в состоянии, — сладко продекламировал рыжий.

— Блейк! — вдруг заорал он и затопал ногой по броне. — Вылазь, ржавое отродье.

Впереди откинулся люк и оттуда вылез такой же приземистый, как и Ковач, но крайне мускулистый человек.

— Я тебе лобовик раскрошу, еще раз так затопаешь, — зловеще сообщил этот Блейк. — И ржавое отродье — это ты. На всю голову.

— Надо затащить этого в башню, — сказал рыжий.

Но Блейк явно не торопился. Он достал откуда-то из-за пазухи уже хорошо початую сигару, зажигалку и стал раскуривать.

— Что ты творишь? — спросил Ковач.

— Дай покурить, — огрызнулся Блейк невнятно, загнав сигару в угол рта и зажав зубами, — раз уж вытащил меня.

Сигара зацвела красным цветом, высветив богатые усищи.

— Ну вы где там?! — гулко рявкнула Юспешик из башни.

Блейк внимательно посмотрел на Семена.

— Может ты сам пойдешь, приятель? Одна нога у тебя есть, — он повернулся к Ковачу, — он нас дурит, притворяется неженкой, чтобы мы его таскали.

— Не, этого конкретно приложило, я сам видел, — ответил рыжий. — Оззи, конечно, дал прогреться мотозадым.

Что за Оззи? Это еще не все? Как они в танк-то все помещаются?

— Эй!

Юспешик оказалась снаружи.

— Кретины! Вы не слышите, что я вам говорю?

Блейк заворчал, достал сигару изо рта и стал тушить ее о борт.

— Покурить не дают.

— Когда медведь будет тебя жрать, я тебе дам прикурить!

— Лена, ну ты разошлась, конечно, — ухмыльнулся Ковач, впрочем, не слишком уверенно. На вид он ее побаивался.

Низкий смотрел на все это отстраненно и вступать в перепалку явно не собирался. Как и помогать.

Семен попытался встать сам, но понял, что не сумеет. Впервые в жизни он чувствовал одну из ног, как бесполезный придаток, который еще и болел. Допешеходился. Мысль не догнать теперь Пешеходов была такой горькой, что затмила даже текущее положение, грозящее, если не жизнью, то довольно мрачными перспективами.

Блейк и Ковач подхватили его подмышки, рывком подняли. Семен сначала по привычке оперся на обе ноги и быстро понял, что сделал это очень зря.

— Ой, вот только стенать не надо, — дыхнул куревом в ухо любитель сигар.

Они развернули его и стали корячить на башню.

— Слыш, — пыхтел Ковач, — ухватись за дуло. Давай сам тоже не сачкуй.

Семен проигнорировал предложение и ухватился за какие-то скобы, подтянулся на руках и перевалился на крышу башни. Из открытого люка по пояс высовывалась Юспешик.

— Посторонишься, может? — спросил Блейк.

— Через люк наводчика давай.

— Издеваешься? Твой шире раза в два.

— К-кретины, — произнесла Юспешик сквозь зубы и скрылась внизу.

— Давайте! — крикнула она оттуда, голос донесся как из бочки.

— Ну давай, братан, — Ковач стал подталкивать его, — раз-два, ноги туда. Руками только себя придерживай, а то я тебя там внизу

выковыривать ниоткуда не буду.

Семен подчинился и кряхтя от боли в ноге сел. Оперся одной рукой на откинутую крышку, а в люк спустил ноги. Осторожно заглянул. Прямо внизу было сидение, и он осторожно стал двигаться задом вперед, чтобы спустить здоровую ногу пониже и поставить стопу на этот стул.

— Нахер мы с ним возимся… — безнадежным голосом пробормотал Блейк, глядя на жалкие телодвижения.

Семен наконец-то провалился в люк, упал задницей на сидушку и громко выругался.

— А теперь брысь с моего места! — приказала Юспешик. Семен стал оглядываться и увидел ее — она стояла рядом, прижавшись к стене. Высоты потолка не хватало, чтобы она могла встать в полный рост. А еще теперь стал хорошо виден пистолет, выпирающий из-под кожаной куртки у нее подмышкой.

— Чувак, у тебя капает с ноги! — сказал кто-то впереди и внизу. Семен развел колени и посмотрел туда. Там сидел белобрысый и бледноглазый мужик его возраста. Должно быть Оззи.

— Простите, — сказал Семен. — Куда мне пересесть? — обратился он к Юспешик.

— На место заряжающего, — сказала она, — быстро давай.

Семен оглянулся. Было еще два свободных сиденья — одно слева от орудия, симметрично тому стулу, на котором обитал Оззи, а второе повыше.

— Он не понимает, — сказал белобрысый с блаженной улыбкой глядя на Семена.

— Я все время забываю, что эти топтатели асфальта танка в глаза не видели.

Она схватила Семена за плечо одной рукой, развернула, а второй ткнула на место внизу, у орудия.

— Туда.

Семен кивнул и стал аккуратно перемещаться. Тут была куча оборудования, каких-то труб, выступов, металлических поперечин, рычагов и кнопок, а с потолка свисали провода.

— Да реще ты, — бросила ему в спину Юспешик.

Я делаю, что могу, подумал Семен, с трудом проваливаясь еще ниже в недра этой машины. Теперь до свободы было очень далеко.

Как только он уселся, кошмар в обличье женщины в коже снова ловко высунулась из люка и заорала наружу:

— Эй вы! Блейк первый несет вахту. Потом Оззи. Потом Ковач. Поняли?

Снаружи забубнили в том смысле, что все и так в курсе, необязательно повторять.

— Коп, ты еще проветриваться будешь? Или приползешь?

Семен услышал, как Низкий ответил, но что именно тот сказал — не разобрал.

— Как хочешь, — заметила Юспешик. — Постучишь.

Она спустилась обратно и одним движением, используя свой вес, закрыла люк.

— Я с Пита за это всю шкуру спущу, он у меня одним бензином не отделается, — сообщила она Семену.

— Я буду только рад, — сказал Семен. — Можете жахнуть по нему из своей пушки. Я покажу куда стрелять.

Оззи, скрытый орудием, мелко и мерзко засмеялся.

— Ого, наш подстрелыш осмелел и что-то говорит, — заметила Юспешик. — Я сейчас снова попытаюсь с ним связаться. Хочешь передам твои пожелания?

— Я и так знаю, что меня ждет, если вы меня вернете, — сказал Семен, — я за свою жизнь уже наговорил достаточно, одним словом больше сейчас — уже ничего не изменится.

— Ах да, ты же балакал на радио все это время, — Лена покивала. — Молись, чтобы Пит не рыпался и готов был прилично раскошелится за твою тушу.

Она крутанулась на своем стуле к стене и Семен только сейчас заметил установленное там радио — во всяком случае, это должно было быть оно. Только выглядело больше, массивнее и гораздо старее всего, что Семен видел до этого.

— Да! — она прервалась и не глядя ткнула в сторону Голоса пальцем. — Учти, я в этом танке командир. Мое слово закон. Будешь выпендриваться, прикажу Алексу тобой заняться. Ты подчиняешься мне, понял? Не рыжей башке, не вот этой белой, — она вытянула ногу и легонько пихнула каблуком Оззи в темя, — не, тем более, своему менту, а мне. Понятно?

— Понятно.

Она убрала палец, надела наушники с тонким металлическим ободком и начала говорить.

— Пит, прием. Я весь день сижу на твоей драной волне, мог бы и ответить хоть раз.

Видимо, на той стороне никто и не думал отвечать.

— Как же он меня бесит, — заявила Юспешик. — Алло, Хмурый, оторви свой зад и ответь. Это срочно. У нас тут подарочек для тебя.

Через некоторое время она стянула наушники, вертанулась в прежнее положение и стала покачиваться туда сюда, глядя в потолок.

— Может, на ментовской волне его позвать? — спросил Оззи. — Он же теперь поди заседает в этом бобике с их главным копом.

— Не хочу лишний раз туда лезть.

— Да че будет.

— Они там все уже в курсе, что Эша того, — ответила Лена. — Не надо нам лишний раз светиться в эфире.

— Я еще одну волну могу подсказать, — сказал Семен.

— И что, по ней Пит ответит?

— Нет. Но ответит участок, — сказал Семен. — Они подскажут, где Пит… а еще они гораздо больше будут рады известию обо мне, чем Глушаков.

— Но заплатит за тебя только он, — отрезала Юспешик. — Не юли мне тут.

— Это радиостудия, — пояснил Семен, — где я работал. Она теперь контролируется им…

Она посмотрела на него внимательнее. Потом наклонилась и спросила:

— Тебе-то на кой, чтобы это случилось раньше? Быстрее в его лапы хочешь?

Не хочу, подумал Семен. Но мне хочется услышать, что мои друзья в порядке.

— Отвечай!

— Не хочу в его лапы, — просто сказал он. — Совсем… Просто скучаю по друзьям.

— За мой счет с ними базарить не будешь.

Раздался стук в люк. В другой, левее Лены.

— Открывай да лезь! — рявкнула она. Крышка люка со скрипом поднялась наверх и внизу сначала появились ноги, а потом и туловище

Низкого. Он закрыл люк за собой и сел на место позади Семена. Он покрутился на стуле, чтобы не выпускать бывшего помощника Загваздина из вида.

— Связи с Хмурым нет, — сказала Юспешик. — У тебя есть время до утра, пробочник. Затем мы отправляемся назад. А рад будет Пит этой добыче или нет — забота не моя. Плата за него такая же, как за вашего банкира. Ясно?

— Это не я решаю…

— Ой, заткнись. Я не я, Пит приди, жопу подотри. Хули ты сопли развел? У тебя есть время до утра, понял?

Низкий только вздохнул.

— Будем считать, что понял.

Семен повернулся к Низкому на стуле. Оказалось, что она смотрит ему прямо в пах, но так было разговаривать лучше, чем спиной.

— Как дела на участке? — спросил он.

Эдик поджал губы.

— Как-как. Сумасшедшая сожгла бензак, потом сдохла. Второй сумасшедший где-то прячется и периодически подстреливает дружинников. Потому что кое-кто нихрена не контролировал и отдал ружье ворью. Жрачка кончается… А впрочем, иди к Городу, Голос, я не буду тут перед тобой распинаться.

— А что делает Пит?

— Спасает участок после того, что вы наворотили.

— Гоняя танк за призраком банкира?

Низкий точно хотел что-то ответить на это, его прям распирало, но сдержался. Он что-то недоговаривал. Не Семену, нет. Этим танкистам.

Некоторое время молчали. Семен развернулся к себе, закрыл глаза и оперся на стенку головой, пытаясь представить, как ему тут спать. Очень хотелось выползти обратно и развалится на броне, но слова Юспешик про монстров Немира настораживали.

— Эй, Голос, — снова заговорил низки Низкий и Семен нехотя разлепил глаза, — я заметил, что кобуры у тебя нет. Куда пистолет дел?

— Сам как думаешь?

— Потерял?

Семен закатил глаза.

— Ты что — Редактору его отдал?

— А ты догадливый, — устало произнес Семен.

— Надо сообщить Андрею, что у нас лишний ствол где-то неподалеку, — это Низкий сказал уже, видимо, себе.

Семен наблюдал за ним. Он пыжился — пытался казаться таким же прожженым бандитом, как эти ребята из танка. Из-за этого он выглядел слегка перенапряженным — а лучше бы расслабился. Семен давно знал Эдика и последнее, что тому нужно было — это притворяться плохишом, потому что хорошим он никогда и не был.

— Тебе нравится Пит? — спросил Голос, насмелившись. — Его власть?

— Уж точно лучше, чем над нами будет Редактор, — ответил Низкий.

— Ты так говоришь, как будто Влад успел побыть во главе участка и тебе есть с чем сравнивать.

— Ну так-то есть, — надменно заметил Эдик, — когда ты был полицейским — по факту правил он.

— Как вы все в этом уверены… — пробормотал Семен. Редактор обманом подвел его под фуражку и вручил в руки полосатый жезл — это да. Но Голос никогда не шел на поводу у Редактора. Да они только и делали, что спорили постоянно…

Семен понял, что фактически не ощущает никакой обиды и злобы на Влада. Это чувство удивило его. Когда я успел его простить, подумал он.

— Че? — спросила Юспешик. — Вот этот — был копом? У вас там каждого первого встречного в менты берут?

— Он и его дружок свергли настоящего полицейского, — пояснил ей Низкий. — За это его и искали.

— Дружок — это банкир этот ваш?

— Н-нет, его мы по другой причине ищем… он просто удрал.

— А дружок?

— Редактор, — пояснил Низкий, судя по выражению лица сам не понимавший, зачем отвечает, — это он затеял эту херобору с переворотом, а теперь прячется.

— Если затеял все тот, то почему главным копом стал этот? — Лена ткнула со всех сторон осмотренным ногтем в Семена.

Низкий нахмурил брови и посмотрел на Юспешик.

— Потому что это был его план… править из тени…

— Ничего не поняла, — хмыкнула Юспешик. — Если ты берешь власть — то ты ее берешь.

— Для тех, кто в танке… — начал было Низкий, но остановился, осознав каламбур. — Я хочу сказать — это политическая игра. Нравится ему дергать за ниточки, манипулировать всеми.

Манипулировать — это да. Тут Семен с Эдиком согласился.

— Херня это все. Берешь власть за горло и держишь — иначе в чем смысл?

— Просто некоторые берут власть не ради ее самой, — заметил Семен.

— Ну понятно. Ради великих целей. Только как их достичь, если никто не знает, что власть у тебя. Вон, Эш захотел Бензоколонку — и он правил ею. Прямо и мощно.

— Ага, а потом его прибили рессорами к стене, — Семен поморщился от воспоминаний.

Юспешик внимательно посмотрела на него.

— Ты там был?

— Был, — ответил Семен. — Вытащил твоего Короля за Обочину. И всех кто там остался.

— Нахрена тебе это?

Чтобы не воняло, подумал Семен.

— Каждый имеет право на достойный конец, — соврал Голос вслух, — даже Король Бензоколонки, который, как я успел понять, был той еще мразью.

Юспешик хмыкула.

— Выживших видел? — спросила она. Семен впервые заметил в ее глазах живую эмоцию. Ей правда было важно знать.

— Внутри? — Семен помотал головой, — но трупов там была гора.

— Редактор там прячется? — спросил вдруг Низкий. — С Лавочником?

— Ты о чем? — не понял Семен, пытаясь поставить больную ногу поудобнее.

— В Бензоколонке, — пояснил Эдик.

— Понятия не имею, — ответил Семен.

— Врешь.

— Мы разошлись гораздо раньше, чем я попал на Бензоколонку, — устало сказал Семен, — я не вру.

— Почему вы вообще разошлись?

— Я решил нагонять Пешеходов, — ответил Семен.

— И все?

— И все.

— Чего тебе эти Пешеходы сдались? — спросила Юспешик.

— Баба там его, — ответил Низкий, опередив Семена.

— Любовные дела! — вдруг оживился Оззи, Голос вздрогнул — он уже забыл про белобрысого. — Как ее зовут?

— Зачем это тебе?

Оззи высунулся из-за орудия, улыбаясь совершенно по-идиотски.

— Люблю такие истории, — сказал он. — Она сбежала от тебя? Бросила?

— Что? Ничего такого.

— Почему же ты ее догоняешь теперь?

— Это произошло не по нашей воле, — зачем я вообще отвечаю, подумал Семен.

— Она красивая? Темненькая, светленькая?

— Да заткнись ты, посмотри на него, возбуднулся, — Юспешик махнула ногой в сторону Оззи и тот отпрянул обратно за орудие.

— А эти Пешеходы умеют шорох наводить, — хихикая, сказал он оттуда, — прошли у этих чуваков — у них там перевороты, все дела. Прошли мимо Бензоколонки — через некоторое время Эша кокнули и всю горючку спалили.

— Сраная чума, — прокомментировал Низкий.

Семен вынужден был признать, что это правда. Вся Пробка была взбудоражена Пешеходами.

Как там Пыль, подумал Семен. Вряд ли она осталась бы в Бензоколонке так надолго… а может, она восстановила там школу и теперь преподает? Наверняка пожарище уже раскидали и мимо Бензоколонки тянутся автомобили. И Пыль обучает детей Пробки, получает за это не хуже чем Гиви за свой шашлык, а по вечерам читает книги, глядя в окна, выходящие в Немир…

Слишком хорошо, чтобы быть правдой, но хотелось бы думать именно так.

— Сдается мне, вы Короля сами терпеть не могли, — сказал Семен уже просто, чтобы позлить. — Терпели из-за бензинчика.

— Много ты об этом знаешь, пробочник, — проворчала Юспешик, поднялась и стала открывать люк.

— Схожу проветрюсь. С утра не ссамши…

Она ловко подтянулась за края люка и исчезла снаружи. Семен подумал, что ему тоже бы надо, но подъем наверх, а потом еще и возвращение сюда, казались ему неподъемной задачей. Он решил отложить вопрос на утро.

— Эй, Алекс, займи мое место пока, — услышал Семен. Рыжий не заставил себя ждать, юркнув в люк. Посмотрел на Семена.

— Че ерзаешь? Неудобно тебе? — спросил он противным голосом. — Слыш, Оззи, его поди перевязать надо.

— Это я мигом, — со странным восторгом произнес белобрысый и стал активно копошится за орудием.

— Он у нас хоть и наводчик, но до этого был врачом, — пояснил рыжий, — штопал людишек, пока фляга не свистанула.

— Доктор Остерман, — гордо сказал Оззи, выбрался со своего места, размахивая бинтом в своих руках, бесцеремонно загнал Низкого в угол и уселся перед Семеном, который с удивлением смотрел на его босые ноги. Пятки были черные от грязи.

— Давай ногу, эй.

Семен повернулся на стуле и, помогая себе руками, вытянул ногу так, чтобы она оказалась перед Оззи.

— Буду снимать — охренеешь от боли, — предупредил белобрысый. — Я бы тебе дал чем закинуться, но мне самому надо.

— Я тебя последний раз предупреждаю, хватит жрать нашу аптечку! — тут же завелся рыжий. Судя по всему он говорил это далеко не впервые.

— Мне нужнее, — спокойно ответил Оззи, начав разматывать пропитанные кровью бинты. Нога тут же загудела от боли.

— Нужнее ему, — проворчал Ковач.

— Я коснулся Немира, — продолжал Оззи с каким-то гипнотическим спокойствием, колдуя над ногой Семена, — никакие лекарства мира от этого не спасут… он либо убивает, либо дарует бессмертие.

Семен хотел бы сосредоточится на бреде, который внезапно понес белобрысый, но тут вдруг его взору открылась рана на ноге и выглядела она так ужасно, что его тут же затошнило.

Я останусь без ноги, в панике подумал он, глядя на запекшуюся продолговатую дыру в том месте, где ржавый металл пробил мышцу.

— Я — бессмертный, — продолжал вещать Оззи, приняв у Ковача пузырек с жидкостью, — я босыми ногами ступаю по Немиру и мне открывается прошлое, мне открывается настоящее и мне открывается будущее. Я вижу их одновременно и понимаю — так видеть правильно. Мы наблюдаем только ленту Дороги, и думаем, что она идет из прошлого в будущее, а она — замыкается сама в себя, делая время единым целым…

Он открыл пузырек, резко запахло спиртом. Обильно полил рану. Семен сначала зашипел, а потом не выдержал и выругался.

— Время едино в своей бесконечности, и оно проникает в меня, когда я босыми ногами касаюсь Немира…

Оззи стал заматывать ногу свежим бинтом. Он не смотрел на то, что делают его руки, глаза будто остекленели.

— Так, сука, каждый вечер, — сообщил Ковач Низкому. Тот пожал плечами, пытаясь оставаться непринужденным.

Оззи замотал ноги, ловко завязал и туго затянул, так, что Семен охнул.

— Инфекции нет, — сказал он вдруг нормальным будничным голосом, будто вышел из транса, — это хорошо.

— Тоже небось его Немир в задницу поцеловал, — проворчал Ковач.

Оззи не ответил и просто перебрался на свое место за орудием.

— Что у вас там? — донесся голос Юспешик из люка. Рыжий поднял голову и посмотрел наружу.

— Оззи свои серенады завел, — сказал он, — и добычу нашу перевязали.

— Поняла. Вылазь.

Ковач ловко и быстро исчез снаружи и вместо него снова образовалась глава этой компашки.

— Где мой рюкзак? — спросил Семен у нее.

— Тебе он не понадобится, не переживай, — ответила Юспешик.

— Мне просто знать — он в Немире? Или вы забрали его?

— А что, там было что-то ценное?

Немного бензина. Еда и вода. И фотография Агаты.

— Да, — сказал он, — было.

— Извини, — вдруг вступил Низкий, — но у нас не было времени искать. Он где-то там.

— Среди ржавчины и трупов, — с неуместной веселостью добавил Оззи.

— Хватит болтать, — заявила Юспешик. — Я закрываю люк, и мы ложимся спать. Эд, не забудь, утром, если ты и дальше будешь мямлить, а Хмурый не ответит — я все решу сама.

Семен, хотел было спросить, а как тут спать, но ему на голову вдруг приземлилась подушка.

— Прислони ее к стене, — сказал Низкий, — и ложишь левым ухом. Так удобнее.

Семен тихо поблагодарил.

— Утром все равно тело затечет так, что ты про обе ноги позабудешь, — сказала Лена, щелкнула чем-то и свет в башне погас.

Семен сделал как предложил Низкий и согласился, что это мало на что влияет. Спать сидя, зажатым среди металлических острых углов на крутящемся кресле… да когда одна из ног еще пульсирует болью от любого движения…

Ему казалось, что он не сможет уснуть — но сон пришел довольно быстро, сказывалась общая слабость организма.

Впрочем, спал он чутко. Первый раз он проснулся, когда в люк над Оззи постучали специальным ритмом и наводчик вылез наружу — настала его очередь дежурить. Второй раз он съехал с подушки и уперся затылком в протектор ботинка Низкого. И третий — после которого уже не заснул — перед рассветом, когда Оззи вернулся обратно.

Тело ломило, организму все еще требовался сон, но существовать в текущих условиях он уже не мог. Плюс очень хотелось в туалет.

Он, стараясь не задеть Низкого или Юспешик, придвинулся максимально близко к орудию, протянул руку через него и, нащупав плечо Оззи легко потрепал его.

Тот тут же появился сверху, слегка безумно улыбаясь.

— Как зовется эта штука между нами? — прошептал Семен.

— Казенник, — также шепотом ответил Оззи, — Сюда снаряды заряжают.

— Я могу за него взяться, чтобы встать?

— Можешь.

— Я хочу в туалет, — пояснил Семен. — Мне надо наружу.

— Наружу нельзя, — Оззи помотал головой.

— Я понимаю, что я в плену, но…

— Да причем тут плен. Тебе твою ногу лишний раз напрягать нельзя.

Врачебная деловитость, с которой Оззи это прошептал, никак не вязалось с безумным выражением его лица.

Он вдруг исчез, стал шебуршать со своей сторону, затем появился снова и протянул пластиковую бутылку.

— Так будет лучше, — сказал Оззи и исчез.

Семен посмотрел на бутылку. Прислушался. Сопел Низкий, Юспешик слегка похрапывала. Оззи ворочался. Очень не хотелось журчать очевидными звуками в такой обстановке. Впрочем, очень скоро организм сам решит, что пора. Поэтому пришлось действовать.

Чувствуя ужасную неловкость и стыд, Семен принялся за дело. А когда закончил, то быстро завинтил крышку и засунул бутылку подальше в ноги, надеясь, что не сильно набрызгал вокруг.

Как долго мне терпеть такое положение, подумал он в отчаянии. Мысли о том, что он обречен, что его вернут обратно, и он, навечно хромой, сгниет в ржавом автобусе-тюрьме, терпя издевательства Пита, полностью завладели им. Агата, которая по ощущениям была такой близкой, когда он сидел на мотоцикле Большого Ди и несся вперед, стала призраком, глупой несбывшейся мечтой, тщетными надеждами о лучшей жизни.

Сразу же за этим пришла мысль о мертвой Султане, о торчащей из савана руке с татуировкой. И четкое, навсегда застывшее в мозгу мгновение, когда в виске Раисы появляется отверстие от пули.

Слезы полились сами собой про все и сразу — в них было и его бедственное положение, и боль в ноге, и страдания по Агате, и печаль по умершим. То, что он не мог выдавить из себя тогда, в Бензоколонке, вдруг потоком пошло сейчас.

— Эй, вещатель, хватит хныкать, — вдруг услышал он негромкий голос Юспешик прямо над ухом. — Этой мой танк, здесь можно ныть

только по моему приказу.

Семен невольно отстранился, крутанув кресло здоровой ногой. Обернулся. Оказывается Лена слезла со своего места и сидела на приступке прямо перед казенником. Было очень темно, поэтому он скорее чувствовал ее, нежели видел.

— Сдался, а, топтатель асфальта? — спросила она.

Семен утер слезы.

— Это не потому что я здесь, у вас в лапах, — ответил он. — Просто я впервые осознал, что я оставил позади смерти… настоящие смерти хороших людей. Друзей.

— Горюешь по мертвым? Ну-ну, горюй. Блейк вон умывался соплями, когда узнал, что Бензоколонка все. Не знаю, правда, по нашим парням он страдал или по халявному бензину…

— А ты нет?

— Я? Я ни о ком не печалюсь, люди меня мало интересуют… парой больше, парой меньше.

Лена лгала.

Она поднялась, распахнула люк. Слабые рассветные лучи проникли в башню и почти ничего не осветили.

— Аккумуляторы надо экономить. Поэтому свет будет такой, — она протянула руку и пихнула Низкого в плечо. — Эй, коп. Пора связываться с твоим дружком.

Она не стала дожидаться, пока тот поворочается и протрет глаза, а сразу обернулась к рации. Слабо сверкнула металлическая дуга наушников.

— Глушаков, прием, — сказала она. — Говорит Юспешик. Отвечай, скот.

Стала слушать.

— Почему он может не отвечать? — негромко спросил Семен у Низкого.

— Да хрен его знает, — ответил тот. — У него всегда куча дел.

— Бесполезно, — Юспешик повернулась к Низкому. — Если Пит решил меня кинуть, то я тебя на пушку натяну и выстрелю, понял?

— Все еще можно попробовать связаться через полицейскую волну.

— Хер знает, кто еще ее слушает, — возразила Юспешик, но все же стала крутить ручку настройки — во всяком случае Семен решил,

что это она.

Она вдруг выщепила свободной рукой откуда-то вторые наушники и бросила их в Низкого.

— На, — сказала она, — если там будет какая-то ментовская хрень — будешь говорить, понятно?

Эдик был слегка в недоумении, но послушно надел наушники и не стал задавать вопросов.

— Оно, наверное, — Лена перестала вращать ручку. — Участок номер шесть, прием. Запрос на срочный ответ.

Тишина. Непонятно было, слышат ли эти двое что-то в наушниках или нет.

— Участок шесть, вызываю на важный разговор, код тридцать ноль девяносто пять.

Правая бровь Семена невольно поползла наверх. Это что еще такое?

— Да чтоб его жопой голой по асфальту прокатили! — Юспешик сбросила с головы наушники. Низкий снял свои аккуратно и передал ей. Та забросила оба на рацию.

— Что за код тридцать… ноль… как там дальше? — спросил Эдик

— А? — Лена продолжала бесится. — Да нихера это. Копы разве не так общаются?

— Нет, — с удивлением ответил Низкий.

— Мне надо было как-то замаскировать себя под ваши тупые разговоры.

— Если кто-то прослушивал волну, то он явно удивился.

— Ой, заткнись!

Света в башне резко стало меньше и в люк сунулись усы Блейка.

— Эй, — позвал он, — проснулись? Как насчет пожрать?

Пожрать — это очень хорошо, подумал Семен, только сейчас сообразивший, что он уже не помнит, когда последний раз ел.

— Сейчас вылезем, — сказала Юспешик, — точнее я вылезу, а вы с ментом доставайте болезного.

— Пусть Оззи вытаскивает. Я тут с завтракам трахаюсь и не подписывался говно это таскать.

— Оззи спит.

— Вообще нет, — послышался голос Оззи и протяжный зевок следом, — вы так орете, что спать сложновато. Эй, Блейк! Не парься, мы тут разберемся.

— Вот Оззи — славный парень, — сказал Блейк, исчезая из люка.

Семен предпочел бы перед едой почистить зубы, да и вообще умыться, но его щетка осталась в рюкзаке, который теперь валялся где-то среди обочечного кладбища. Обратная процедура вытаскивания наружу тоже не особо его привлекала, хоть и хотелось подышать свежим воздухом. В башне было душновато и пахло пропотевшими телами.

Юспешик вылезла наружу, Оззи выкарабкался со своего места и принялся давать указания — Семену, чтобы опирался на здоровую ногу и помогал руками — Низкому, чтобы поддерживал его под правое плечо, а сам подстроился под левое. В итоге Семен практически справился сам — сначала переместился на место Низкого, поменявшись с ним местами, потом — на кресло Юспешик и, наконец, вытянул себя руками наружу и оказался лежащим на животе на башне. Он перевернулся, сел и на заднице съехал к дулу, где остался сидеть.

Картина была следующая — Юспешик разминалась, стоя лицом к восходящему солнцу и громко гекала при каждом размашистом движении. Блейк в резиновых сапогах до бедра стоял в Немире и что-то помешивал котелке. Под котелком трещал костер.

Позади из люка появились белобрысый и Низкий, причем Оззи гремел металлическим скарбом — тарелками, ложками и кружками.

— У нас для этого, — Блейк показал на Голоса, — посуды нет.

— Из Лехиной поест, — ответил Оззи и сел рядом с Семеном, — он все равно еще долго дрыхнуть будет.

— Он потом нас всех расчехвостит тут.

— Я ему что — заразный какой-то? — спросил Семен.

— Ты пленный, — пояснил Блейк, — жрать с тобой из одной посуды — зашквар.

— Был бы у меня мой рюкзак, такой проблемы не было бы.

— Ну, — Блейк набрал варева в ложку и подул через усы, — искать мы его не будем. Байкеры уже полюбас у аграриев и уже им нажаловались. А аграрии очень не любят, когда кто-то стреляет и взрывает неподалеку от их территории.

Эти ребята боятся аграриев? Вот так сюрприз, подумал Семен. У них же целый танк! Что им могут сделать фермеры?

Блейк с шумом втянул губами содержимое ложки и вытер усы рукавом.

— Сойдет, — сказал он. — Эй, Оззи, подавай посуду. Начнем с тарелки Ковача. Очень хочу теперь посмотреть, как он будет вопить.

Принялись разливать похлебку. Она была весьма густой и наваристой на вид, в ней плавали крупные ломтики мяса и овощей.

Оззи подал Семену полную плошку супа и ложку. Тарелка была мятая, видавшая жизнь. На ручке ложки были нацарапаны инициалы — АК.

Семен зачерпнул ею так, чтобы ухватить мяса и осторожно попробовал. Это точно была не свинина. И не говядина — ни консервированная, ни свежая, которую он пробовал у загонщиков. Странный вкус.

Блейк, разлив все, забрался по наклонной броне, скрипя резиной. Взял свою порцию и прислонился к башне рядом с Семеном.

— Что? — спросил Голос, потому что Блейк стал бесстыдно смотреть как тот жует.

— Нравится? — спросил усатый.

— Не могу понять, что за мясо, — ответил Семен. Было, на самом деле, недурно, но ему не хотелось напрямую хвалить еду своих пленителей.

— Оленина, — ответил Блейк. — Сам подстрелил пару дней назад.

Семен медленно проглотил пережеванное. Еще одна дичь из Немира.

— Сам разделал, — продолжил усатый, — сам вот теперь готовлю… Специй, жаль, не достать… К аграриям соваться — себе дороже, а у остальных перекупать по огромной цене только.

— Ты как будто боишься их, — сказал Семен, понимая, что за такое ему может и прилететь.

— Кого? — ожидаемо набычился Блейк.

— Аграриев.

— Я не идиот, чтобы их не боятся, — ответил он, расслабляясь. — Они всех, кого не знают, могут запросто из своих пулеметов на ближних подходах расстрелять, не разбираясь даже. Суровые люди.

— Чертовы ублюдки, — возразила Юспешик, — жируют там, а мы покупай жратву втридорога. Даже во времена, когда мы бенз литрами тратили, торговать с ними было больно. А сейчас… Жлобы, короче.

— Байкеры же с ними торгуют, — сказал Семен.

— Моточерти — просто перекупы, — сообщил Блейк. — У них с аграриями договор, они покупают дешевле, чем остальные. Потом везут товар в другую часть Пробки и там продают дороже.

А сами вы, надо думать, ангелы, усмехнулся про себя Семен.

Воздух был заполнен металлическими звуками — все старательно скребли ложками по тарелкам.

— Коп, — Юспешик махнула ложкой в сторону Низкого, — мне надоело ждать. Куда едем?

— Давайте попробуем еще раз выйти на связь, — ответил Эдик. — И если нет — то везем Голоса домой.

— Сколько Пит обещал за беглецов?

— Тысяча литров за Хоботова. За тебя я буду просить вдвое больше, — ответила Лена.

Две тысячи литров — невероятные деньги, безумие тратить их лишь на то, чтобы кто-то поймал его, Семена, и доставил Питу.

— У него нет столько, — сказал Семен.

— Тебя не было два месяца, откуда ты можешь знать? — вступил Низкий. — Бензак не проблема.

— Чем больше ты это говоришь, тем меньше я в этом уверена, — бросила Юспешик.

В передней части брони откинулся люк и оттуда, зевая на ходу, вылез Ковач. Ожесточенно протер глаза и стал оглядываться.

— Без меня жрете… — пробормотал он и тут же замолчал. Его взгляд остановился на тарелке в руках Семена. — Слыш, — бросил он, — какого хрена ты жрешь из моей посуды?

Блейк хрюкнул, сдерживая смех. Рыжий резко повернулся к нему.

— Ты ему дал, да?! Ты охерел? Мусорнул меня?

— Так он же не мент, — ответил Блейк.

— В смысле не мент? — взвизгнул Ковач. — Он был им какое-то время!

— Это не считается, — заметил Низкий, — Голос всего лишь самозванец.

— Да похер мне! — Ковач вдруг оказался прямо напротив Семена и резко выдернул тарелку у него из рук. Остатки похлебки полетели веером прямо рыжему в хлебало. Ложка отскочила и со звоном поскакала в сторону Немира. Блейк успел остановить ее, наступив каблуком резинового сапога.

Оззи первый засмеялся, глядя на Ковача. За ним захохотал Блейк, а после него и Юспешик. Низкий натужно улыбался, не совсем, видимо, понимая, можно ли ему участвовать в общем веселье. Семен же с тревогой смотрел на мокрого Ковача, который медленно наполнялся яростью.

— Сука! — крикнул он и бросился было вперед, Семен уже собрался отбрыкиваться здоровой ногой, но Ковача перехватил более крупный Блейк.

— Остынь, Алекс, — сказала Юспешик. — И иди вымойся. Ты сам виноват.

Рыжий не успокаивался, стремясь достать до Семена, удерживаемый товарищем.

— Эй, — куда более серьезным и неумолимым голосом продолжила командир, — если ты сейчас же не успокоишься и не приведешь себя в форму, я тебя в Немир вниз головой сброшу.

Это подействовало. Ковач остановился. Оправился. Метнул злобный взгляд на Семена и отошел к своему люку.

— Оззи, дай воды, — попросил он.

Тот отложил столовые приборы и исчез в башне. Через полминуты появился наверху и крикнул:

— Лови! — в сторону Ковача полетела бутылка. Тот успел среагировать и поймал ее. Семен на секунду с ужасом подумал, что это его ночная бутылка и бывший доктор решил так пошутить, но нет — это была обычная бутылка воды.

— Оззи, ты охерел? — ледяным голосом спросила Юспешик. — А если бы она в Немир улетела?

— Я бы достал, — невозмутимо ответил он. — Я неуязвим.

Лена закатила глаза. Отложила тарелку и приборы.

— Я хочу поговорить с нашим пленником наедине, — сказала она. — Спустите его в башню.

Семен с удивлением посмотрел на нее. Кажется, у командира этого безумного экипажа, появился какой-то свой интерес

относительно Голоса.

Ч6. Глава 2-3

3

Юспешик задраила за собой люк и села на свое место. Семена далеко спускать не стала — он сидел рядом с ней, на том месте, где ночевал Эдик.

— Слушай меня внимательно, пешеходик, — быстро начала Лена. — Этот коп у меня доверия не вызывает. Он мямлит и юлит, а связи с Хмурым все нет. Поэтому я все больше думаю, что меня тупо кинули. Если это так, то они за тебя не заплатят.

Сердце сразу же забилось быстрее. Вы меня отпускаете, хотел завопить Семен, но понимал, что делать выводы преждевременно.

— При этом я сожгла уйму горючего, пока мы шерстили Немир вдоль дороги в поисках этого Хоботова, да и ты обошелся нам дорого — два снаряда, это, знаешь ли, недешево. Новые снаряды не купишь даже на самом черном рынке.

— Вы хотите что-то предложить? — спросил Семен.

— Предложить? — Юспешик усмехнулась. — У тебя есть две тысячи литров, чтобы себя выкупить, пленничек? Нет уж, я придумаю, как превратить тебя в выгодное вложение средств, не переживай.

Семену не хотелось думать, что это может значить.

— План другой — ты сейчас подключаешь меня к этой своей радиостудии, и мы говорим с твоими дружками. Понял? Мне нужно знать, что поделывает Хмурый.

Юспешик надела наушники и подала второй комплект Семену. Он назвал частоту и объяснил, как это работает. Юспешик включила радио и стала крутить ручки настроек. В уши ударило шипение.

— Кажется, так, — сказала Лена.

— Теперь они увидят индикатор входящего сигнала, — сказал Семен. — Скорее всего, они решат, что это Редактор и ответят. Если сейчас эфир, то придется подождать.

Но ждать почти не пришлось.

— Я слушаю, — такой родной и одновременно далекий голос Пересмешника. — На связи радиостанция “Голос Пробки”... Слушай, Саш, звук странный идет…

Голос Пробки…

— Эй, парень! — позвала Юспешик. — Слушай сюда быстро. Мне надо знать, кто там сейчас рядом с тобой и слышит это. Давай называй и чтобы без шуток.

— Вы кто?

— Это неважно. Важно, что у меня в плену ваш сладкий Голосочек и если ты не хочешь, чтобы с ним что-нибудь нехорошее случилось, то…

— Семен?! У вас?!

— Да, Юсуф, я здесь. И я правда в плену, — вступил Семен, стараясь быть спокойным.

— Так что давай, называй всех.

— Здесь только я и Саша. Как всегда, — ответил Пересмешник.

— Если там Хмурый, и он меня слышит, то лучше бы ему тоже что-нибудь сказать.

— Хмурый? — спросил Пересмешник. — Хмурый Пит?

— Да. Эта мразь задолжала мне деньжат, в том числе за ваше хромое сокровище и уже второй день игнорирует мои попытки связаться.

— Стойте-стойте, Глушаков хотел выкупить Семена? — голос Сашки. Семен был бесконечно рад его слышать. Пересмешника он хотя бы слышал, когда удавалось послушать радио.

— Это неважно, — произнесла Юспешик. — Важно, что товар у меня. И если вы скажете, чем этот сукин сын занят и где он вообще — то очень-очень сильно облегчите участь своего дружка. Хмурый Пит должен заплатить.

— Дело в том что… — Юсуф запнулся. — В общем, это, боюсь, невозможно.

— Что?! — мгновенно взъярилась Лена. — Это почему еще?

— Потому что Петр Глушаков исчез, — коротко ответил Пересмешник.

— Что?!

— Вчера на наш участок зашли объединенные силы полицейских нескольких участков, которые теперь в Эпохе Шашлычной. Пит и часть его людей сбежали. Контроль над участком принадлежит полицейскому Гроссу.

— Подожди… подожди, Юсуф, — Семену казалось, что сердце сейчас выпрыгнет из груди. Сердцебиение отдавалось в больную ногу. — Это правда? Ты серьезно?

— Да… Полная. Мы готовимся к дню траура, а потом… — Пересмешник замолчал.

— Траура? Как вы там? Сколько погибло?

— Эй, заткнись, — Юспешик повернулась к нему и погрозила кулаком. — Здесь я задаю вопросы. Гросс — это очередной мент?

— Мент… что? Это полицейский, да.

Юспешик в ярости стукнула кулаком по броне.

— Хорошо… — произнесла она, шумно дыша и успокаиваясь. — Хорошо. Так… мы так поступим. Я привезу и выдам вашего Голоса. А вы выплатите мне две тысячи литров. Быстро, прямо, без торгов и вопросов.

— Я сомневаюсь, что Гросс согласится на такую сумму, — ответил Сашка. — Я даже могу сказать, что он не согласится ни на какую сумму.

Семен насторожился. В голосе Сашки было что-то странное. Что-то… чего он, Семен, подсознательно боялся с самого того дня, как покинул театр на участке Лемана.

— Как же это он откажется от ненаглядного Голоса?

— Радио вполне успешно функционирует и без него, — ответил Сашка совершенно ровно, не выдав никаких эмоций. Семен хотел что-то сказать, крикнуть даже, но губы не слушались. Сердце теперь не бухало, оно просто ныло. Эта фраза как будто выбила из легких весь воздух.

— А вы двое? Не хотите спасти дружка?..

— Дружка? — снова бесцветный голос Саши. — Вообще план Гросса был в том, чтобы отбить участок и вернуть полномочия Семену, но, как выяснилось… “дружок” решил сбежать, поэтому…

Сашка обвинял его! Семен услышал обиду — но уже не яркую, не яростную, а существующую просто как заметный шрам на коже. Не болит, но напоминает. Он вспомнил, как они разговаривали об уходе с Пешеходами и как адекватно, как по-взрослому, Сашка встретил эту новость.

Редактор, подумал Семен с ненавистью. Это все он. Скорее всего, налил гадостей им в уши.

Послышался всхлип и шмыгание носом. Юсуф?

— Послушайте, я не сбегал… — начал говорить Семен и остановился. В этом не было смысла. Что сейчас дадут его оправдания?

— Слушай сюда, как тебя там, — вступила Юспешик. — Если не найдете двух тысяч литров, то ваш голосок, нравится он вам сейчас или нет, будет кормить немирских чудищ своими кишками, а ваш участок мы нахрен разнесем и додавим гусеницами.

— Гусеницами? Аааа, я узнал твой голос, — Сашка, кажется, усмехнулся. — Ты та сволочь со своим танком, которая и продала чертово оружие Питу? На это я могу только одно ответить — катись к Городу. Вашего Короля больше нет, Бензоколонки тоже. Ты не будешь навязывать нам никаких условий.

А Сашка изменился, подумал Семен. Он разговаривает как… как хороший лидер — Голос взял бы его в Совет Пробки не раздумывая. Все эти события как будто закалили его.

— Сашка, — позвал Семен, с отвращением почувствовав просительные нотки в своей интонации, — я все понимаю, ты злишься… но хотя бы передай мои родителям, что я жив и в порядке. Знал бы ты, что я видел, где я был…

— Ну… внутренности танка ты, полагаю, видел, — скучающим голосом ответил Сашка.

— То что ты жив и в порядке — вопрос времени, — почти одновременно с ним заявила Юспешик. И вырубила радио.

Семен обреченно снял наушники. Он никак не ожидал, что результат будет… такой. Новость о том, что Пита больше нет, что участок свободен и управляется Гроссом должна была его окрылить, придать сил и надежды, но реакция Сашки, слова, брошенные им, все это перечеркнули.

Нога болела, снова усиливалась пульсация. Как будто все эмоции перешли в физическую боль.

— Ну и что мне с тобой делать, топтатель асфальта? — спросила Юспешик.

Семен устало откинулся на спинку, прислонился затылком к холодному металлу. Закрыл глаза.

— К Пешеходам вы, наверное, меня не отвезете… — сказал он.

— У них есть две тысячи литров горючки?

— Сомневаюсь, что у них есть хотя бы сотня.

— Ты сам ответил на свой вопрос.

Да, подумал Семен. В железной банке посреди Немира с людьми, которым он совершенно не нужен и которые, кажется, совершенно не ценят человеческую жизнь. Он уже чувствовал, как его бросают вниз с брони, он врезается лицом в землю, и танк уезжает.

В люк вдруг яростно забарабанили

— Открывай! Лен! Срочно! — послышался приглушенный крик Оззи.

Судя по реакции Юспешик, она поняла, что медлить нельзя — в секунду открыла люк и вылетела наружу.

— Скачут! Вон смотри, на горизонте. Со стороны дороги…

— Ковач! — заорала Юспешик. — Ты чего стоишь и пялишь, быстро за пулемет. Блейк — заводись. Уходим отсюда. Оззи — быстро за орудия.

Белобрысый влетел внутрь просто пулей и скрылся на своем месте.

— Эй! — Юспешик топнула ногой по башне. — Голос, вылазь, быстро! Слыш, мент, вытаскивай его!

Семен не понимал, что происходит, но на всякий случай, как мог быстро перевалился на место командира и встал на одной ноге. Ему уже тянул руку Эдик. Семен выкарабкался на свет, Юспешик тут же схватила его за шиворот и сволокла с башни, Семен запнулся об свою же больную ногу и взвыл от боли.

— Они по-любому по твою душу, — дыхнула она ему в ухо и поставила прямо у края впереди — дальше только наклонная лобовая броня. Лена отпустила Семена, залезла за пазуху, достала пистолет и сняла с предохранителя. Затем снова схватила Голоса и приставила холодное дуло к виску.

— С чего бы кому-то спасать меня? — быстро сказал он, в глазах темнело от страха, по лбу тек пот. — Может просто надо уехать… они меня не знают…

Он замолчал, увидев их. Они неслись по Немиру — очень быстро неслись на больших стройных животных, которые грудью красиво разрезали высокую траву. Всадники, возникло в голове Семена полузнакомое слово. Водители специальных скаковых животных.

Они неслись во весь опор, но не в лоб. а слегка в стороне, и Семен понимал почему — так они не попадали в зону обстрела курсового пулемета, за которым сейчас сидел наверняка взмыленный и готовый шмалять Ковач.

Танк проснулся — загудел, зарычал, броня под ногами завибрировала. Танк дернулся и тяжело заворочался — гусеницы стали доворачивать корпус так, чтобы пулемет мог навестись на гостей.

— Мне стрелять?! — закричал Оззи позади. Семен не посмел обернуться.

— Не из пушки! — заорала Юспешик. — Только пулемет! И не вздумай по нам попасть!

Зажжужал мотор, Семен краем глаза заметил, как задвигалось дуло.

Ду-ду-ду! Звук ударил в уши и улетел эхом в лес — очередь чиркнула по траве, но не задела всадников. Те изменили траекторию, взяв более крутую дугу.

Не успевают, понял Семен. Ни Оззи, ни Ковач не успеют навестись, как всадники будут прямо здесь.

Оззи дал еще две очереди — явно экономил патроны, — последний из всадников будто споткнулся и исчез в траве. Послышалось нечеловеческое ржание, полное боли.

— Давай, Оззи, давай, — сквозь зубы бормотала Юспешик у Семена над ухом. Танк развернулся уже на девяносто градусов от изначального положения, но этого было мало. Всадники исчезли где-то слева — Семен не смел повернуть голову.

— Ушли за лес! — крик Оззи позади.

— Так жди их с другой стороны, мать твою!

Она два раза топнула ногой, видимо, посылая сигнал Блейку — танк перестал поворачивать.

Юспешик повернулась вместе с Семеном вправо, чтобы видеть, как всадники появятся из-за леса. Башня уже была развернута туда. Но они не появились.

Вдруг сзади резко разбилось стекло и Семен почувствовал, как его спину и затылок обдает жаром.

Юспешик выпустила его, Семен тут же упал на колени и оглянулся — задняя часть танка пылала огнем, а по левому борту были

видны всадники, вскинувшие винтовки. Лена стояла на двух ногах. Правая рука с пистолетом была направлена вперед и вниз, а левая закрывала лицо от жара.

Снова что-то полетело, ударилось о наклонную броню впереди, отскочило, коротко вспыхнуло — и переднюю часть танка заволокло дымом.

Ослепили Блейка и Ковача, понял Семен. Он увидел, как один из всадников отделился от группы, пробежал прямо сквозь дым и вынырнул с другой стороны. Пулемет Ковача заработал — но с большим опозданием. Пули ушли вникуда.

Семен присмотрелся к всаднику и вдруг узнал его.

Это был Олаф.

— Прыгай! — заорал он. Семен почувствовал, как Юспешик стала поворачиваться на голос и ринулся ей в ноги, превозмогая боль.

Она повалилась на спину, затылок припечатался о край башни, пистолет успел выстрелить два раза.

Семен откатился и встал на четвереньки. Юспешик то ли отключилась, то ли померла — удар был сильный.

— Прыгай! — снова заорал Олаф.

Семен увидел его руку совсем рядом.

— Не могу! — ответил он. — Нога!

Спина диковинного монстра вдруг оказалась совсем рядом.

— Тогда ныряй, — заявил Олаф. — Только быстро! Давай, чтобы башка с одной стороны, ноги с другой.

И Семен нырнул.

Ч6. Глава 3-1

1

Семен шипел больше от ощущений, чем от боли. Укол, как ему и пообещали, действительно сработал — приглушил все чувства… кроме самого отчетливого факта, что игла протыкает его кожу и потом сквозь нее тянется нитка.

— Там был такой блондин, Остерман? — спросила врач, не отрываясь от дела.

Семен лежал в чьем-то минивэне. У аграриев был реанимобиль, но в него отправили раненого всадника — того, которого успел задеть Оззи. Его подобрали свои. Лошадь пришлось бросить — о чем ужасно сокрушались все вокруг, пока улепетывали от танка. Семен мало что воспринимал в те мгновения — его подбрасывало и мотало, руки и ноги болтались по сторонам от лошадиной задницы, трава хлестала по лицу, рана болела невероятно. Но маты и ор окружающих, а также стрекот пулемета позади он улавливал.

— Был, — ответил Семен.

— Эх, вот его бы схватить, — посетовала врач. — Ценный кадр. Мы к нему когда-то самых тяжелых отправляли лечить, пока его Король к себе не прибрал…

Семен почувствовал скрытый упрек, как будто эта добрая женщина считала, что люди рисковали почем зря, ради не особо ценного человечка. И наверняка была права. Но можно было бы об этом и умолчать, тыкая в этого самого человека иглой с ниткой.

— Не уверен, что он способен лечить сейчас.

— Дааа, я слышала, что он тронулся головой, — протянула врач, поднимая иглу повыше, чтобы затянуть шов, — жаль, конечно… перевязывал тебя он?

— Да.

— Чувствуется. Будь это какой-нибудь королевский дикарь, то ты бы уже давно того…

Ну спасибо, подумал Семен.

— Так, — она отложила инструменты и встала. — Полежи пока тут. Парни еще не решили, куда тебя определить.

Она собралась уходить.

— Как вас зовут? — спросил Семен.

— Инга.

— Спасибо, Инга.

Она ничего не ответила. Дверь отъехала в сторону и сразу захлопнулась Семен остался в одиночестве. Захотелось приподняться и посмотреть на ногу, но он не стал этого делать — ясно было, что все уже в порядке.

Вообще все вдруг стало в порядке. Это Семен понял сразу, как увидел Олафа. Если он здесь, то и Пешеходы здесь. Все получилось. Он их нагнал.

Он надеялся только, что новость как можно быстрее дойдет до Агаты, и она прибежит его навестить. Теперь он хотел только этого. Остальное неважно.

Наверное, он на какое-то время уснул, потому что когда дверь слева от него снова отъехала в сторону, снаружи уже темнело. Он повернулся, надеясь увидеть Агату или хотя бы еще кого-то из Пешеходов, но это был только Олаф.

— Смотри, что я отыскал, — сказал он и подкатил к двери кресло с колесами. — Каталка. Смогу отвезти тебя на ужин, заодно поговорим по существу, да и ребята хотят тебя видеть.

Наконец-то. Неужели они решили встретить его так? Что ж, возможно, им захотелось немного торжественности. В глубине души Семен чувствовал, что немного разочарован — он ожидал, что все завалятся в минивэн, не в силах ждать. И Агата, конечно, в числе первых.

— Как они? — спросил Семен.

— Веселы и шумны, как всегда, — ответил Олаф.

Он помог Семену выбраться наружу и сесть в каталку. Ткань, выполнявшая роль сидушки затрещала под ним.

— Не бойся, не развалится, — сказал Олаф. Закрыл минивэн и покатил Семена вперед.

— Сейчас уже темно тебе что-то показывать, — сказал он, — днем проведем полноценную экскурсию.

Семен оглядывался. Вокруг была Пробка — очень привычная. Как будто и не было Бензоколонки, загонщиков, танка и всего остального.

Стояли обычные машины — в них жили люди и занимались своими делами. Все выглядело очень спокойно.

— Я думал тут все в этих фурах-теплицах… — пробормотал он.

— Это дальше, в производственном секторе. Мы с тобой в жилой зоне сейчас. Тут все немного не так устроено, как было у нас.

— Там что-то крутится впереди…

На фоне темного неба выделялись длинные мачты — с большими лопастями на конце, которые раскручивал ветер.

— А, ветряки… да, отличный способ экономить бензак, — Олаф хлопнул Семена по плечу, — завтра посмотришь поближе.

Он повернул на соседний ряд и Семен увидел длинный брезентовый навес, а под ним — залитое светом пространство.

На соединенных вместе, занимающих сразу два ряда, низкорамных платформах стояли столики, за ними сидели люди, ели, пили и смеялись.

— Кафе, — пояснил бывший контрабандист. — Что-то типа шашлычной, которую можно возить с собой.

Семен стал всматриваться в лица, но знакомых пока не видел. На асфальт была опущена рампа и по ней Олаф закатил каталку с Голосом наверх.

— Маренго и компания нас ждут, — сообщил он возникшему рядом пареньку в белой рубашке и черном переднике. Тот учтиво кивнул и указал рукой куда двигаться дальше.

— Маренго?.. — спросил Семен.

— Да, Вольные байкеры. На удивление сильно за тебя переживали.

Семен увидел большой круглый стол. За ним сидели и Маренго, и Большой Ди и Туг и пара других байкеров… и ни одного Пешехода.

Ди, заметив их, вскочил, отодвинул один из пустующих стульев, и Олаф подкатил каталку в освободившееся пространство.

Байкеры наперебой принялись говорить. Ди изо всех сил извинялся — как будто в произошедшем была его вина, Туг удивлялся, что Семен жив, а Маренго просто сказал, что никогда не сомневался в пробочнике.

— У вас все в порядке? — спросил Семен. — Никто не пострадал? Они выпустили два снаряда по колонне.

— Все живы и почти целы, — ответил Маренго, — но мы потеряли три байка. С концами. Полный металлолом.

Олаф сел на свободное место рядом с главарем байкеров.

— Что будете делать?

— Сидеть на жопе и чиниться, — ответил Туг. — И объедать аграриев.

Семен обратил внимание, что они сидят с тарелками полными еды — полные плошки риса, жареные овощи самых разных видов, мягкий, воздушный хлеб…

Так вот откуда это все, понял Семен. Он был уверен, что все овощи и злаки, которые он ел последние годы на своем участке — были отсюда. Да, они скорее всего были уже десять раз перепроданы, но вырастили их здесь

— Сейчас тебе тоже принесут, — сказал Олаф, следя за взглядом Семена, — я позволил себе выбрать за тебя.

Голос посмотрел на старого друга. Что происходит? Почему нет никого из Пешеходов, кроме контрабандиста?

— Олаф, — начал он, — а где остальные?

Сначала на его лице появилось вопросительное выражение, а потом оно изменилось на понимание.

— Город… — пробормотал Олаф, — мне надо было сразу сообразить. Я не подумал, что увидев меня, ты решишь, что Пешеходы здесь.

— А они… не здесь? — разговоры байкеров будто кто-то приглушил. Затихли звуки жизни аграриев — такие привычные и родные, будто он никогда не покидал участок.

— Ушли больше трех недель назад, — произнес Олаф, — надо было сразу тебе сказать. Я… я решил остаться здесь во время нашей долгой стоянки. В Город я не верю, в то, что в простом движении и состоит жизнь — тоже не особо… А лучше этого места и не найти. И я…

Олаф продолжал говорить, но Семен уже не слышал. Три недели. Он думал, что поездка с Вольными байкерами приблизила его к Пешеходам как никогда раньше… но получается, что он их особо-то и не нагнал. А теперь, с больной ногой, и подавно не нагонит.

Три недели…

Перед ним поставили пару тарелок и стакан, наполненный соком. Семен хотел есть, но не поднял рук, чтобы взять приборы.

— Эй, ты в порядке? — спросил Большой Ди.

— Что?.. А, да. В полном, — Семен вышел из транса. — Просто я думал, что ближе к своей цели.

— Погостишь у аграриев, подлечишься, — решил подбодрить Ди, — посмотришь на их жизнь. А потом отправишься дальше. Рано или поздно…

— Этого я и боюсь, — перебил Семен, — что будет поздно.

Он замолчал.

— Что произошло, Семен? — спросил Олаф, положив приборы на тарелку.

О, черт. Зря я об этом ляпнул сейчас, подумал Голос. Эмоции, Город бы их побрал. Придется рассказать сейчас.

Олаф имел право знать, что случилось с Султаной — они были друзьями.

— Бензоколонка, — ответил Семен, — я пришел туда с Пылью… и мы нашли только сажу и пепел. Пробка выгорела дотла на многие километры вокруг, даже Антимиру досталось… Короля свергли. Она свергла, — Семен посмотрел Олафу в глаза, — но, к сожалению, ничем хорошим это не кончилось.

— Султана мертва?

— Да. Прости… я хотел рассказать об этом в другой обстановке.

Байкеры молчали, понимая тяжесть момента. Олаф какое-то время еще смотрел на Семена, потом опустил глаза в свою тарелку.

— Я отойду, — сказал он, встал, подошел к краю платформы, спрыгнул на асфальт и почти сразу исчез, выйдя из круга света.

— Эша скинула ваша подруга? — спросил Маренго негромко.

— Не конкретно она… но Султана вдохновила этих людей. Они рисовали ее символ везде. Устроили бойню… и погибли в ней.

— Я встречал кучу беглых мятежников, но ни один из них не был внутри Бензоколонки и не знал, чем все кончилось в итоге, — сказал Маренго, — большинство сбежало до пожара. И они говорили про яркую блондинку, которая… это она?

Семен кивнул.

— Наверняка она была бы потрясным Вольным байкером.

О да, подумал Семен. Она бы точно вписалась в вашу шайку.

— Простите, парни, я не хотел омрачать вам ужин, — сказал он.

— Брось, — вступил Туг, — мы тоже много кого теряли за эту жизнь. Это Дорога в ад, чувак.

— Дорога в ад, — подтвердили другие байкеры.

* * *

— Как вообще так случилось, что она отказалась идти дальше?

— Она отыскала кучу своих знакомых, — ответил Олаф, — из прошлой жизни. Стала больше зависать с ними. Присоединилась к сопротивлению — стала категоричной… и не знаю, как сказать, яростной что ли? В общем, сразу стало понятно, что дальше она не пойдет, она нашла себе занятие.

— Почему вы решили уйти?

— Мы не решили, Король решил за нас.

Олаа катил Семена мимо аграриев в промышленный сектор — показать ему местные достижения. В процессе они жадно обменивались новостями — один говорил про Пешеходов, другой — про свою короткую карьеру полицейского и ее огненное завершение.

— Сколько вы там пробыли? У Бензоколонки?

— Меньше двух недель.

— Теперь понятно, почему я обсчитался, — кивнул Семен, принимая горькую правду, — я заложил минимум месяц, как у нас…

— Мы нигде так надолго не останавливались, даже здесь. Мне кажется, Серж подустал и понял, что Пешеходы достигли или почти достигли предела своей численности. Хотя, конечно, сложно их подсчитать.

Пока они предавались воспоминаниям, антураж вокруг сменился. Легковые автомобили сходили на нет, зато все больше было автобусов и крытых фур.

— Бараки для рабочих, — пояснил Олаф. — Сюда люд с округи активно прет в поисках работы, живут в автобусах, как у нас, но, как видишь, слегка отдельно от более привилегированного класса. С фурами все проще — это склады. На крышах у многих — солнечные панели, чтобы меньше зависеть от бензина. Видишь провода?

Олаф показал на связки кабелей, висящих между рядами — от грузовика к грузовику, от автобуса к автобусу…

— В хорошие солнечные дни расход бензина на ежедневные нужды снижается до минимума. В пасмурные дни, к сожалению, нет.

Здесь есть местные умельцы, которые пытаются придумать, как запасать полученное от солнца и ветра электричество, чтобы распределять его равномерно… но как будто это не особо решаемая задача.

Ветряки были все еще впереди — там, где виднелись грузовые платформы с деревянными бортами — грядки и затянутые пленкой теплицы.

Чем ближе к производственным рядам они подходили, тем больше становилось людей. Они поголовно носили кепки и шляпы с полями, чтобы не пекло солнце, а еще — почти все были вооружены. У многих через плечо висели карабины, дробовики или винтовки, у некоторых по-простому были заткнуты миниатюрные револьверы за ремень.

— Тут можно свободно разгуливать с оружием?

— Только фермерам, — пояснил Олаф, — рабочие, конечно, тоже могут приобрести ствол, но вряд ли это им по карману. Если же ты владелец фермы, то быть при оружии — фактически необходимость. Тут все иначе устроено. Тут нет полицейского, который отвечает за твою безопасность. Здесь, если ты владеешь бизнесом, то тебе есть резон самому его защищать. Потому, при внешней угрозе аграриям, именно фермеры будут главными защитниками.

— А ты здесь, получается, теперь честный торговец? — Семен даже обернулся на Олафа. Тот улыбался.

— Смысл быть контрабандистом там, где и так все свободно покупается и продается? Здесь даже крепким алкоголем и травой торгуют открыто и никого это не волнует.

— Но при этом тут все равно есть главный — Киван.

— Да. Всея всех фермеров. Не то, чтобы он прям главный — полномочий, как у Загваздина у него нет. Но говорить он с тобой будет от лица всех аграриев. Конюшня принадлежит ему, так что без него мы бы тебя не вытащили.

— Город святой, Олаф! Я совсем забыл тебя поблагодарить…

— А я все думал, когда у тебя совесть проснется.

— Прости, я что-то совсем… в общем, спасибо тебе огромное.

Олаф явно наслаждался неловкостью и суетой Семена.

— Вот Кивану слово в слово все повторишь.

— Почему ты вообще решил меня спасать?

— Сентиментальный, наверное, стал.

— А если серьезно? Как это вообще вышло?

— Ну, взрывы, стрельба, и тут байкеры залетают. Маренго сразу принялся считать потери и говорит — не досчитался парня одного, Голосом зовут. В Пробке только тебя так называют. Так что я сразу вызвался. Киван какое-то время кочевряжился — выступать против танка на лошадях, это, скажем так, не очень разумно. Но его общественное мнение додавило — все были невероятно возмущены, что прихвостни Короля устроили такое в их нейтральных землях. Так что снарядить спасательную операцию было нетрудно. Я боялся, что тебя внутри танка держат, а фермеры церемониться не будут… но к счастью эти идиоты тебя наружу вытащили, видимо, как заложника. Хотя на что ты аграриям сдался, по-хорошему-то.

Они наконец достигли района ферм. Семен принялся вертеть головой. Насколько хватало взгляда, до самого горизонта тянулись одни грузовики. Семену показалось неправильным, даже болезненным для глаз такое однообразие. Это не походило на привычный автомобильный хаос Пробки. Как будто в сам уклад вселенной кто-то вмешался со своими корыстными целями.

Длинные прицепы с дощатыми бортами выглядели так, как будто аграрии взяли и перенесли на Дорогу кусочки Немира. Семен увидел сквозь мутную пленку кусты помидоров и огурцов, на открытых грядках — велки цветной капусты, а еще дальше впереди — золото злаков.

— Зерно… — пробормотал Семен.

— Да, только погибает постоянно и на деле хлеб получается нереально дорогим в производстве, — ответил Олаф, — так что не обольщайся. Лучше всего получается у тех, которые на своей платформе умудряются растить сразу все. Пермакультура называется. А чтобы растить только пшеницу и чтобы это было выгодно, нужно растить ее там, — Семен не увидел, но почувствовал, как Олаф махнул сторону Немира.

Солнце поднималось, освещая удивительный мир аграриев, бликуя на стеклах теплиц. Семен, глядя на все это, чувствовал, что впервые столкнулся с чем-то мощным, устойчивым и одновременно невероятно далеким.

* * *

Семен, кряхтя, повис на костылях. Инга цокнула языком и надменно поправила очки — ей казалось, что он недостаточно старается.

— У меня слабые руки, — пропыхтел Семен, — ничего тяжелее микрофона в руках не держал..

— Тренируйтесь, ходите, — продолжила Инга, — через недельку начнете пользоваться и второй ногой… недели через три будете бегать.

Недели через три — эти слова ножом резали сердце. Семен физически чувствовал, как Пешеходы отдаляются от него. Я должен ходить, подумал он, нет, бегать — уже сейчас! Он с натугой, черпая энергию из злости, пошел вперед, с силой впечатывая костыли в асфальт.

— Не сломайте, — строго заметила Инга, — не то дадим топор — пойдете сами в Немир рубить дерево на новые.

Теперь эта душная дама стала фактически его единственным собеседником. Олаф оказался очень занятым человеком — у него была куча встреч, он постоянно куда-то спешил, постоянно обещал вместе позавтракать или пообедать — и постоянно эти обещания нарушал, за что потом извинялся. Семен не злился на него. У Олафа была жизнь, которую он для себя нашел и определил ее своей. Его можно было понять, он наконец-то наслаждался каждым вдохом. Жизнь же Семена стремительно от него отдалялась.

Вольные байкеры отчалили. Одним вечером Голос аккуратно спросил Меренго, не дальше вперед ли они держат путь, но они решили возвращаться — только перебросят байки в Антимир.

— Да и не взял бы я тебя дальше в таком состоянии, — сообщил глава байкеров, — ты со своей ногой и часу на байке не усидишь.

Это была правда, но Семену все равно стало обидно. А еще он на одно мгновение, но все же задумался — бросить все и вернуться с байкерами. Угроза миновала, можно…

Можно что? Семен представил взгляд Сашки, усмешку Редактора, как Юсуф прячет глаза…

Он не имеет права к ним вернуться, снова все бросив. Снова прервав свое дело на середине.

Накануне отъезда байкеров он написал три письма — одно родителям, второе Сашке и Пересмешнику и третье — Редактору. Все три сильно менялись от начала к концу. Он начинал бодро — коротко

описывал как его дела, затем выражал надежду о том, что участок теперь в безопасности и будет процветать… но чем дальше, тем мрачнее становился тон и вот уже Семен сам себе удивляясь просил прощения. За то, что не с ними, за то что не выбрал их. За то, что его уход так похож на побег.

Туг забрал эти письма в день отъезда и внимательно выслушал описание адресатов.

— Что ж, тачку с огромной антенной я наверняка не пропущу, — сказал он, уже сидя на байке.

Большой Ди, прощаясь, заверил, что будь его воля — он бы вмиг забросил Семена к Пешеходам, но увы, обстоятельства складываются не так.

— Это как в одной сказке, — добавил Туг, — герои тащатся пешком к большой горе целую вечность… а потом оказывается, что есть большие орлы, которые могут их закинуть туда за день. Обидно? Обидно.

Рев их удаляющихся моторов тоже был ножом для Семена. Он просидел на краю нейтральной полосы у Барьера еще где-то час, просто опустив голову и лишь потом развернулся и поехал восвояси — сам, крутя колеса руками.

Он наделся, что разговор с Киваном придаст ему какой-то уверенности в будущем, но это оказалось не так. Глава фермеров встретился с ним, собственно, на ферме. Он осматривал погибшую кукурузу и параллельно грыз яблоко, которое сочно брызгалось во все стороны при каждом укусе. У Кивана были седые вислые усы, похожие на те, что были у Блейка и на них скопились капельки яблочного сока.

— Не хочет расти здесь, на Дороге, — сообщил Киван, недовольно глядя на желтые поникшие стебли, — дает урожая хорошо если десять процентов посаженого… так мы весь запас зерен просрем. Кукуруза Немир любит и садить ее нужно там.

— И пшеницу тоже, — добавил Семен.

— Еще бы, — Киван громко хрумкнул яблоком. — Но мы ведь движемся. Жаль потом поля Немиру оставлять. Оболтусы позади нас вряд ли догадаются вновь их засеять. Они за Обочину даже смотреть боятся, не то что ступить.

Он сунул руку в передний карман своей толстовки и вынул оттуда еще одно яблоко.

— Вот тоже зараза привередливая… деревьям глубокая почва нужна, что очень сложно обеспечить.

Он потер яблоко о рукав и протянул Семену. Тот принял с благодарностью и осторожно откусил небольшой кусочек сбоку. Стал медленно жевать сладкую мякоть.

Вот он, символ роскоши, подумал он, глядя на надкушенное яблоко в своей руке.

— Я на самом деле хотел посмотреть на человека, который стоил мне лошади, — сообщил он.

— Мне жаль, что вы потеряли лошадь, — сказал Семен.

— Это хорошо, что тебе жаль, — серьезно сказал Киван, — потому что сейчас я прикидываю, сколько ты мне должен.

Нет, подумал Семен. Только не надо сейчас заводить разговор о том, что я должен отработать свое спасение и лечение. У меня нет на это времени. Я вам бесконечно признателен, но мне нужно двигаться дальше.

Он хотел было откусить кусок побольше от яблока, но передумал.

— У меня ничего нет, — заметил Семен, — все что было — потерялось при нападении, да и того было мало…

— Нууу… с этим мы что-нибудь придумаем. Пока выздоравливай. Просто помни, что у нас здесь не занимаются благотворительностью без весомых оснований. Кто хочет помощи и поддержки — тому придется поработать. Я думаю, это справедливо. А, как считаешь?

— Да, — покорно согласился Семен. Странно было бы думать, что ему не выкатят счет, как только увидят, что он стоит на обеих ногах более-менее уверенно.

— Не печалься ты так. Не переживай, я тебя в земле копаться не заставлю, — усмехнулся Киван.

— Я мало, что умею.

— Ну… есть кое-что похуже земли, — Киван улыбнулся сквозь усы. Семен не хотел даже представлять, что за работу ему дадут.

— Еще кое-что, — Киван вдруг прищурился, — у нас есть хороший радиопередатчик. Старый, но рабочий.

Ч6. Глава 3-2

2

Семен сел за то, что он мог бы назвать пультом — а скорее за станцию, похожую на ту, что была у Юспешик в танке. Посмотрел на микрофон на ножке — крупные дырочки в металле, будто в душевой лейке, облезлая зеленая краска.

Семен очень хотел поговорить с Сашкой. Его никак не отпускали слова друга, которые он услышал будучи в плену. Написанные письма, конечно, помогли, но это было скорее самоуспокоением. Они попадут к адресату еще очень не скоро.

Радиостудия очень долго не отвечала. По расписанию был вечер, музыка, никаких эфиров. Конечно, расписание могло поменяться, ребята могли изменить эфирную сетку. Но почему-то Голосу казалось, что они просто знают, что это он, и им не хочется с ним разговаривать.

Но он оказался не прав. Ему ответили. Правда, он услышал того, кого совсем не ожидал услышать.

— Адам! — удивленно ответил он.

— Голос… то есть, конечно, Семен, это вы, — ответил Гросс, как будто слегка расслабившись. — Вам удалось выбраться из плена.

— Да… да, мне помогли. Я в безопасности.

— Это хорошо. Потому что больше с нами связываться не пытались, и мы подумали… в общем, я рад вас слышать.

— У вас все в порядке? Я, если честно, не ожидал услышать вас по этому каналу.

— О, тут все просто. Юсуф позвал меня, так как думал, что на связь снова вышли ваши… эээ… похитители. Он решил, что лучше с ними будет разговаривать полицейский. Я, признаюсь, очень сильно рад, что это не понадобилось.

— Я могу поговорить с Пересмешником? Или Александром?

— Хм… наверняка можете, только я думаю, что… что Александр не очень хочет разговаривать с вами, — это, конечно, лишь фантазии, но Семен почти уверен, что на каждой паузе Гросс бросает взгляд на Сашку, сидящего рядом.

— Я не знаю, что наговорил ему Влад, но… если он согласится послушать меня…

— Семен, вы извините, я вас прерву, но нам нужно обсудить куда более важные вещи.

Это было довольно грубо, особенно из уст Гросса. Семен запомнил его мягким и учтивым.

— Я хочу знать все об этом танке, — пояснил полицейский, — куда он направляется, что они хотят. Мне не нужна угроза такого уровня под боком участка… теперь уже участков, за которые я отвечаю.

— Я понятия не имею, что у них происходит, — ответил Семен. — Аграрии… это мои спасители, довольно сильно их потрепали. Плюс я хорошенько приложил их командиршу и не уверен, что она сейчас в строю.

— Из ваших слов я понял только, что они захотят убраться подальше от ваших аграриев. В наши края.

— Я не знаю, — честно признался Семен.

— Если они приютят Хмурого Пита и остатки его оборванцев, то для нас не будет ничего хорошего.

— Пит им сильно должен. Не думаю, что его ждет хороший прием. Он будет прятаться от всех. Кстати, он искал Артема. Помните? Бывший глава Банка, еще до Раисы…

— Тот, который исчез.

— Именно за ним танк охотился по указке Пита. Я-то им случайно подвернулся.

— Это важная информация, — серьезно произнес Гросс. Это странная информация, возразил Семен про себя. Зачем Питу давно пропавший банкир?

— Я надеюсь, мы будем поддерживать связь, — сказал он.

— Мы будем, — подтвердил Гросс, — мне нужна вся информация по любым угрозам, которые могут возникнуть. Внешние глаза очень нужны.

Если Киван разрешит использовать радиостанцию для этого и тратить драгоценную энергию.

— Адам… у вас был траур. Пожалуйста, скажите мне, что произошло.

— Погибло несколько моих людей, — серьезно ответил Гросс. — И было покушение на Редактора. С ним все в порядке, но погибла его телохранитель. Вы наверняка ее знали.

Бриджит. Еще одна смерть.

— И еще мне сказали, не были должным образом оплаканы и те, кто погиб при взрыве цистерны. Я решил, что людям нужно время, чтобы все это… ну вы понимаете.

Я понимаю, подумал Семен. Гросс сделал то, что должен был сделать я.

— Спасибо, что спасли участок, — сказал он.

Гросс некоторое время не отвечал.

— Не совсем так, — наконец-то сказал он, — я тут кое-что вспомнил, Семен, но мне нужно разрешение от вас, чтобы это сказать, так как разговор был между нами, а у меня тут все же другие люди. Александр и Юсуф.

— Вы можете говорить при них что угодно, — ответил Семен.

— В порыве отчаяния вы связались со мной и сообщили, что утратили контроль над участком. Вы тогда показались мне очень слабым и жалким, простите за откровенность. Человеком, который сознательно выпускает руль из рук и закрывает глаза ладошками.

Зачем он все это говорит?

— В общем, это был напуганный и готовый сдаться человек. Так я думал. И он говорил мне: я все испортил, сломал, не справился, приди, помоги и спаси. А еще этот человек сказал мне, что не вернется. Не примет на себя ответственность. Просто сбежит.

Семен потянулся к кнопке выключения радиостанции.

— Ваш друг Александр считает, что вы предали Пробку, участок и его лично. Он не мог знать о том нашем разговоре, не мог знать про главный в вашей жизни эпизод слабости, но как настоящий друг он и за тысячу километров смог учуять ваше предательство.

Палец лег на кнопку.

— Но вот о чем я подумал сейчас. Вы могли и не связываться со мной. Вы могли просто убежать, спасая собственную шкуру и оставляя друзей один на один с вооруженными головорезами. Однако вы связались. Вы признали свою слабость, вы признали, что утратили контроль. И теперь, спустя какое-то время, я могу сказать, что это был

лучший ваш поступок. Без иронии могу сказать, что это именно вы спасли участок. Редактор все же выбрал правильного человека.

Зачем он все это говорит, снова подумал Семен ту же мысль и убрал палец с кнопки.

— Вы убегали во второй раз, но беспокоились вы все равно о Пробке и о ваших друзьях и сделали единственно верную вещь — попросили помощи. Многие не понимают этого, но это признак силы и немногие на такое способны. Ваши друзья могут быть вам благодарны.

Наверняка Гросс ждал какой-то реакции. Но Семен молчал. Он не знал, что сказать. Мысль, высказанная Гроссом, была странной и складывалось впечатление, что он вообще это не в микрофон сейчас говорил.

— Конец связи, Семен, — сказал дырчатый микрофон голосом Адама. — Надеюсь, наш следующий сеанс связи будет пободрее.

* * *

Как только Семен перешел с костылей на трость, Киван дал ему новое задание — чистить конюшни. Вообще фермер крайне обстоятельно подошел к долгу Голоса. Он показал ему таблицу, где была вычислена стоимость лошади и разработан соответствующий перечень шагов, которые бывший радиоведущий должен был сделать, чтобы этот долг вышел в ноль.

Работа была не очень сложная — пока лошадей выгуливают в Немире, Семен с лопатой, балансируя на здоровой ноге, отскребает от асфальта лошадиный навоз и складывает в специальные мешки. Он, конечно, поинтересовался, почему нельзя просто швырять продукты жизнедеятельности за Обочину, но ему быстро объяснили, что лошадиный навоз — крайне важный ингредиент для успешного роста немирских растений. Семена это, впрочем, не удивило. Это же порождения Немира, не на бензине же им расти.

Самих лошадей Семен боялся — они резко пахли, хрипели и были просто огромными. Такое чудовище запросто могло просто убить человека своими копытами. А еще у них были огромные зубы, весьма похожие на человеческие, что казалось Голосу невероятно жутким моментом, который почему-то все игнорируют. Можно было только гадать, как аграриям удалось приручить их.

Впрочем, никто не заставлял его с ними взаимодействовать, пока однажды не пришел Олаф, ведя под уздцы коричневого коня с

крутыми боками и абсолютно безумным взглядом. Семен как раз только-только закончил ворочать говно лопатой и отдыхал, присев на край заваленной сеном платформы, которая служила лошадям чем-то вроде обеденного стола. Он с удовольствием вытянул больную ногу и закрыв глаза радовался ощущению, как из нее уходит тяжелое гудение после сложной работы. Здоровую ногу он не чувствовал вовсе — напряженные мышцы забились так, будто под кожу напихали ваты.

Но потом Семен услышал знакомое похрипывание и поспешил открыть глаза. Олаф улыбался, трепал чудище по гриве и, кажется, совсем не замечал, как Семен отклоняется в сторону.

— Это Ниппель, — сказал Олаф, — славный парень. Скажи ему спасибо, это он тебя вытащил.

— Эээ… спасибо, — сказал Семен, глядя в широкие, активно шевелящиеся ноздри.

— Не, так он не понимает, — Олаф стал рыться в кармане. Ниппель на это движение среагировал очень активным движением головы, безумный глаз выпучился на шевеление пальцев под тканью. Наконец, контрабандист вынул что-то, плотно зажал в кулаке в объемной перчатке и протянул Семену. Конь активно шевелил верхней губой и прям тянулся к тому, что прятал человек.

Семен крайне осторожно вытнул руку. Олаф раскрыл кулак и в ладонь Семену упал обкрошившийся по углам кубик сахара.

— Да встань ты, — предложил Олаф. — И протяни ему. Не бойся, он аккуратно берет. Руку не оттяпает.

Семен аккуратно поднес ладонь к носу Ниппеля и тот, вытянув губы и обнажив жуткие зубищи, аккуратно накрыл своей мордой всю ладонь Семена. Тот почувствовал легкий мазок чуть шершавого языка и — все. Конь с довольным видом отстранился, оставив Семену его кисть целой и невредимой, но полностью покрытой слюнями. Олаф тут же протянул тряпку.

— Какой же он страшный, — сообщил Семен, вытирая руки, — но ты, кажется, отлично с ним ладишь.

— На удивление умное создание, — подтвердил Олаф. — Но вообще я не ради сахара тебе его сюда привел. Хочешь прокатиться?

— Что?

— Сесть в седло. Спустится в Немир, проехаться немного. А?

Семен внимательно оглядел Ниппеля, слабо представляя, как он будет на него взгромождаться. Все внутри него говорило, что это плохая идея.

С другой стороны… научится ездить на коне — полезный навык. Передвигаться на нем наверняка гораздо быстрее, чем пешком… а это значит…

Интересно, сколько придется разгрести говна, чтобы отработать двух коней?

Ч6. Глава 3-3

3

На последнем сеансе Гросс сообщил, что Сашка готов поговорить.

Сердце бешено колотилось, пока Семен слушал белый шум, в ожидании, когда заговорит друг. Он понятия не имел о чем пойдет разговор. И боялся вновь услышать обвинения в свой адрес. Он представлял сцену, как Гросс выходит из микроавтобуса, а его место садится хмурый Сашка, медленно надевает наушники и нехотя тянется к кнопке…

— Раз-два-три… Раз-раз…

Что это?! Семен был уверен, что слышит… себя.

— Работает! — голос немного издалека — Сашка.

— Иди сюда… — хихиканье, очень молодое хихиканье.

— Погоди-погоди, надо сказать что-то умное сначала…

— Да какая разница, это тестовый запуск, нас никто не слышит.

— Уважаемые жители Пробки! — взрыв смеха.

Запись! Конечно же это запись. Их самый первый день в радиостудии. Девятнадцатилетние оболтусы, которым Луи дал поиграться дорогой игрушкой. Неужели Сашка записал это и хранил столько лет?

Какое-то время они просто дурачились — кричали в микрофон, проверяя его пределы, шептали, просто произносили всякие нечленораздельные звуки. А потом вдруг — нестройно, дурацкими молодыми голосами запели.

Это была песня про Дорогу, но не простую — дорогу сна. Они ее слушали тогда — под фырканье авангардной Наоборот, которая уже тогда считала, что “все это отстой” и слушала что-то совершенно странное, но неизменно становящиеся популярным через какое-то время. Но им очень нравилось. Они слабо понимали текст, но чувствовали его дух — лихой, приключенческий, полный опасностей и неизвестностей. Именно такой жизни они жаждали тогда… но она вышла другой. Совсем другой. Она прошла в глухой будке микроавтобуса перед пультом и микрофоном. Приключениям пришлось подождать.

— Привет! — Семен так погрузился в мысли, что не заметил как запись кончилась.

— Сашка! Как я рад тебя слышать, — вышло очень дежурно, как показалось Семену, но он выпалил это от неожиданности.

— Как тебе? Нашел, копаясь в записях…

— Я и не знал, что ты это сохранил.

— Я тоже не знал, — отозвался друг, — видимо, я тогда случайно включил запись. В общем, я нашел это, послушал и подумал, что это будет… ну, хорошим поводом поговорить.

То есть он все-таки хотел разговаривать, пусть и злился.

— Дорога не очень это похоже на то, что мы тогда с тобой представляли, — признался Семен. — Но… да. Я понимаю.

— Я думал, много думал, когда послушал эту запись, — продолжал Сашка. — Мне кажется я… завидую тебе. Ну, вот, я в этом признался.

— Я был уверен, что ты злишься, потому что я повел себя как трус. Сбежал от вас, оставил в опасности.

— Ооо, ты не думай, это все тоже в твоем послужном списке, — Сашка помолчал. — Одно время я был уверен, что ты всю эту кашу и заварил, а нам оставил расхлебывать…

Да. С его стороны наверняка так и казалось.

— Но это неправда, — продолжал техник, — ты сразу хотел уйти с Агатой. Это мы тебе помешали. Повесили на тебя ту ответственность, который ты не ждал и не хотел.

С ним Гросс поговорил что ли, подумал Семен. Потому что звучало так, как будто это Сашка извиняется, а не наоборот требует извинений, как это должно было быть.

— Я бы и рад с тобой согласиться, — осторожно сказал он в микрофон, — но… это было бы не совсем честно по отношению к тебе. Дело в том, что я до сих пор не знаю, что двигало мной в тот момент, когда я решил уйти. В первую очередь это, конечно, обида на Редактора. Он использовал меня, манипулировал — и я… наверное, я психанул. Не хотел иметь с этим ничего общего. При этом я буду лжецом, если скажу, что это все. Там был и страх. Много страха. Пожар, все эти смерти, выстрелы… Раиса погибла у меня на глазах. Я боялся возвращаться, я действительно струсил.

— Слушай, каждый из нас боится пули и горящего бензина, — успокоил Сашка.

— Я боялся ответственности за все это. Я был действующий полицейский. Мне нужно было принимать какие-то решения. Сложные решения.

— Хорошо, что ты это признаешь, — только и сказал Сашка, — я даже не знаю что сказать… я уже обвинил тебя во всех грехах, о чем теперь жалею. Причем, как я понимаю, ты тогда был в плену, ты мог… — ему явно тяжело давались слова, — погибнуть, и последние слова от меня, от друга были бы обвинением в предательстве. Если честно, мне до сих пор немного не по себе от этого.

— Может быть я выбрался только ради того, чтобы услышать другие слова? — усмехнулся Семен.

— Ну тогда будем считать, что я немного тебя спас, — тут же согласился Сашка.

И после этих слов почему-то стало легко, как раньше, как будто они снова сидели в одной радиостудии и готовились к эфиру, перекидываясь шутками.

— Гросс сказал мне, что ты скоро двинется дальше. По моим расчетам, какую бы мощную станцию ты ни нашел, мы уже не сможем связаться. Если, конечно, твои эти аграрии не настроят их систему как ретранслятор. Но подозреваю им не хватит ни оборудования, ни специалистов… Был бы у них я, то конечно…

Сашка пустился в описание подробностей, как бы он все организовал, чтобы превратить все радиоточки в Пробке в ретрансляторы, чтобы вообще всю бесконечную Дорогу соединить в единую сеть, это было скучно и занудно, но Семен не прерывал — ему было приятно послушать привычную болтовню друга.

— Это потрясающая идея, — сказал он, когда Сашка закончил. — Ты можешь начать это реализовывать. И может быть через несколько лет мы снова будем вот так разговаривать.

Они оба понимали, что это вряд ли осуществимо.

Потом они переключились на детство, затем Семен рассказал про то, как добрался до той точки, где находится сейчас и про многое другое.

— Что тебя ждет дальше?

Семен вздохнул.

— Я не знаю, — ответил он. — Говорят, дальше будет жарче. Тут и так теплее, чем у нас даже в разгар лета. Так что будет потно.

— И все? Ни одного чудовища Немира? Летающего монстра с крыльями и когтями? Дышащего огнем?

— Мне танка хватило. Если будет еще летающий танк…

Сашка посмеялся.

— На самом деле я хотел бы, чтобы это была самая скучная и короткая часть моего пути, — признался Семен, — чтобы я просто спокойно доковылял уже до Пешеходов, как далеко бы они ни были. Без всяких приключений.

— Дааа, — протянул Сашка, — тебе уже явно не девятнадцать.

— В тридцать больше мечтаешь о здоровом восьмичасовом сне и вкусном ужине, — согласился Семен.

— Хотел бы я быть рядом, — признался Сашка.

А я бы как хотел.

— Тебе бы не понравилось, — ответил Голос.

— Хочешь сказать я хуже тебя?

— А с чего ты решил, что мне нравится?

Друг усмехнулся.

— Пора заканчивать, да? — спросил Семен.

— Да. К сожалению, пора. Так что пока ты здесь дай мне обещание…

— Только не проси вернуться.

— Я что — мама твоя? Просто не угробь себя там до конца.

— Принято, — улыбнулся Семен, — а вы там не устраивайте новых переворотов, пока не удостоверитесь, что ничего не загорится опять.

— Договорились.

Молчание. Сказать последние слова всегда сложно.

— Прощай, дружище, — выдавил из себя Семен наконец-то, — застолблю за тобой место друга номер один, какие бы классные люди мне ни встретились.

— Еще бы. Тогда бы я уж точно до тебя добрался, — Сашка очень старался быть бодрым и веселым. — Прощай. Не забывай нас.

— Никогда.

* * *

Подкованные копыта ритмично стучали по асфальту. Олаф двигался чуть впереди, за спиной у него висела винтовка, а на голове была широкополая шляпа. Настоящий аграрий. Как будто ничего в нем не осталось от контрабандиста с далекого участка где-то позади.

Семену дали столько припасов, сколько он никогда с собой не носил и к тому же дали свои чеки — на сто литров. С такими запасами Семен может двигаться непрерывно пару месяцев, ни в чем себе не отказывая.

Нейтральная полоса уходила за горизонт. Слева и справа — бескрайний плоский Немир, который здесь, за пределами территории аграриев называется Степью.

Очень скоро я снова окажусь один, подумал Семен. Надо же, успел от этого отвыкнуть.

— Все-таки могли бы отдать мне лошадь насовсем, — сказал Голос в спину Олафу.

— Чтобы ты ее там угробил? — друг повернулся в седле. Белая щетина пробивалась сквозь жесткий загар. — За животным уход правильный нужен, корм, воды она будет хлебать столько, сколько ты за год не выпьешь. Поверь мне, тебе не нужна лошадь.

Хотелось бы просто кого-то живого и знакомого рядом. Пусть это и огромное чудище с немирскими копытами. Семен заранее страдал от одиночества, но радовался, что хотя бы эту пустынную нейтральную полосу он идет не пешком и не в одиночестве. Олаф сказал, что на лошадях их путь до ближайших машин займет сутки. Пустая полоса впереди аграриев была куда больше.

— Почему так? — спросил Семен.

— Киван придерживает Продвижение, — ответил Олаф. — Им невыгодно быстро двигаться.

— Что?! То есть это из-за них, у нас там позади… все так медленно?

— Становится жарче. Там дальше растения умрут. Киван делает все верно. Если из-за этого пошатнется чья-то вера в Продвижение — невелика беда. Зато Пробка сыта.

— А тебе он нравится? Ну, как правитель.

— Да нормальный мужик. Прагматичный.

— Не знаю. Мне он напомнил Редактора местами

— Знал бы Киван Редактора — счел бы сравнение за комплимент.

— Вот уж не думал, что ты его фанат.

— Никогда им не был. Но не могу не оценить его талант.

— Все портить?

— Двигаться туда, куда хочется.

Дорога стрелой уходила вперед, асфальт блестел на солнце.

— Мда, — сказал Семен. Олаф засмеялся.

— Да, — ответил он, — мы особо не выбираем. Но ты понял о чем я.

Нет, не понял, подумал Семен. Нет ничего хорошего в том, чтобы делать то, что хочется за счет других.

— Как-то плохо у него получается, — пробурчал Голос.

— Я и не думаю, что это обязательно должно получаться хорошо. Важен сам факт попытки. Вот у тебя абсолютно паршиво получается догонять Пешеходов. Но то, что ты продолжаешь, то, что ты дошел аж сюда с нашего убогого участка… это достойно восхищения, конечно. Надеюсь, Агата это оценит.

Надеюсь, что она меня хотя бы вспомнит, горько подумал Семен. Ему казалось, что с последней их встречи прошло лет десять, не меньше.

Они болтали, пока солнце не начало закатываться за горизонт. Обсудили детство, обсудили первые года Семена на радио и как Олаф стал его ньюсмейкром.

— Время остановиться на ночлег, — сообщил контрабандист и остановил коня. — Помоги поставить палатки.

Они расположились ближе к Барьеру, чтобы защититься от ветра и привязали коней к штырю, торчащему из бетона.

— Как видишь, аграрии очень предусмотрительные ребята, — заявил Олаф, — и оставляют такие штуки на много километров вперед и назад.

Затем они поужинали из запасов Олафа — тот сам предложил Семену поэкономить свое.

— Я кое-что припрятал, — заявил контрабандист, когда они закончили, и достал из поклажи две бутылки пива. Затем встал и пошел к Обочине. Семен молча пошел за ним.

— Немного скучаю по тому адреналину, когда я в одиночку шмыгал туда, скрываясь ото всех, — пробормотал Олаф.

— Я тоже там был, — сказал Семен, — когда меня взяли в плен. Может, я тоже Мертвец?

Олаф покосился на него.

— О, и не мечтай. Ну или можешь разуться и пройтись прямо сейчас, как этот твой Оззи.

— Хочешь быть уникальным?

— Ну, это уже не получится. Но знаешь, хочется чувствовать себя… причастным к чему-то редкому и недоступному другим. У тебя всегда был микрофон и голос в сотнях радиоприемников… но многие из нас ничем уникальным похвастать не могли.

— Ты знаешь, никогда этого не понимал.

— Чего?

— Что все вокруг считали меня особенным. Мне вечно казалось, что меня под лупой разглядывают. Что любая моя ошибка — и все меня разоблачат. Мол, никакой это не Голос, вы посмотрите на него. Я жил с этим страхом каждый день, пока не привык к нему. Влад постоянно говорил мне, что я могу любую чушь нести в микрофон — и люди будут жадно слушать. Но я не верил в это.

— Так и хочется дать тебе по морде. Разоблачат его. Ты владел такой властью, о которой большинство и не мечтали, а сейчас жалуешься.

Олаф внезапно сделал шаг вперед. Да, конечно, ему это было безопасно, он не раз ходил пешком в Немир, но у Семена все равно сердце ушло в пятки. Он не впервые наблюдал, как Олаф свободно идет туда, где остальных, как считалось, ждет долгая, мучительная гибель, но это как смотреть как кто-то ходит по воде.

— Предупредил бы хоть, — буркнул Семен и отпил пива.

— Извини, просто хотелось тебя как-то отрезвить.

Олаф стал ходить взад-вперед, пиная мелкие камешки.

— И как оно? — спросил Семен.

— Нормально.

— То есть?

— Как должно быть, — пояснил Олаф. — Каждый раз, когда я на асфальте, каждый раз, когда я заводил машину для гребаного Продвижения, я чувствовал, что что-то не так. Что мы все помешались, понимаешь? Но здесь… мир встает на свое место. Движение вперед переоценено. Дорога переоценена. Мы все думаем, что в ней суть.

Движение ради движения, даже Пешеходы не вырвались из этой западни. Только ступив с асфальта прочь понимаешь, какая это все чушь и как все мы…

— Несемся в ад?

Олаф засмеялся.

— Да, Байкеры не понимают, что говорят, но говорят в точку.

— А ты понимаешь?

— Не особо. Может быть, Артем понял. Он ведь все еще где-то там…

Олаф повернулся к Дороге спиной и стал смотреть в темный, почти невидимый Немир.

— Думаешь, он еще жив?

— Если нет, то пошел он в жопу. Столько всего случилось из-за его побега и если это все ради того, чтобы он где-то там тупо сдох, то я отказываюсь верить во все хорошее в этом мире.

— Ты же догадываешься, что он не первый такой умник? — спросил Семен. — Мы с Пылью смотрели архивы. Таких убегаторов в Немир было предостаточно, но полицейские предпочитали, чтобы это знание пылилось в архиве.

— Да уж, кому это понравится, если вдруг покатушки по Немиру войдут в моду.

— Тебе никогда не хотелось уйти туда? — спросил Семен, глядя в темнеющую даль Немира.

— Я думал об этом тысячу раз, — ответил Олаф, подошел к ржавому остову какой-то колымаги и без особого интереса заглянул внутрь. — Артем, конечно, был среди нас главный мечтатель. Ну, знаешь, человек, у которого больше всего проблем здесь, больше всех и думает, как бы хорошо оказаться не здесь. Вот и домечтался. Но я совру, если скажу, что я прагматично считал, что Немир — не для живых, что ничего кроме убивающей все и вся природы там нет. Всегда была мыслишка, что не может быть так, что наша Дорога — это единственная доступная нам опция. Просто обидно, если это так.

— Серж говорил есть другие Дороги.

— О да, он миллион раз рассказывал про Перекресток. Про мертвую Дорогу… не сильно вдохновляет это, знаешь? Нет, одна Дорога другой не лучше, но может же быть что-то еще… что-то…

Олаф уперся руками в ржавый капот, пытаясь поймать ускользающий образ. Семен невольно улыбнулся.

— Еще немного и в Город уверуешь, — сказал он.

— Я Мертвец, мне положено мечтать о Городе, — Олаф вышел из задумчивости, критически осмотрел руки и стал их отряхивать, — но со мной приключилась болезнь, от которой, к сожалению не избавиться — я очень-очень сильно люблю бензак.

Утром Олаф растолкал Семена, когда солнце только-только появилось из-за горизонта.

— Вставай, — заявил он, — будешь много спать — никого не догонишь. Колбасу будешь?

Они быстро позавтракали, оседлали лошадей и двинулись дальше. Контрабандист, кажется, совсем вышел из состояния мертвецких философствований и что-то напевал. Семен ни разу не слышал этой мелодии, но сразу понял почему-то, что она — аграрская, из этих мест. Олаф как будто совсем сбросил старую пыль полицейской Пробки, в которой прожил всю свою жизнь. Удивительная приспосабливаемость. О себе Семен такого сказать не мог.

Ближе к середине дня они наконец встретили хоть какую-то жизнь — молодая женщина стояла на коленях перед велосипедом и, кажется, пыталась что-то починить. По ее внешнему виду Семен сразу понял, что перед ним курьер.

— Хей! — приветливо крикнул Олаф. — Помощь нужна?

Женщина обернулась, прищурилась и вытерла рукавом под носом.

— Фермерские? — спросила она. Как будто кто-то еще мог ездить на лошадях в этих краях.

— Ага, — кивнул Олаф, — Что у вас случилось?

— Да просто цепь слетела, — курьерша показала руки, испачканные маслом. — Ничего стра…

Она замолчала, уставившись на Семена. Он готов был поклясться, что она его узнала, хотя наверняка видела первый раз в жизни. Магия радио не могла работать в этих краях точно, а значит…

— Вы — не из фермеров, — сказала она, — вы из такого далека, что я и представить не могу.

— Я вас знаю? — осторожно спросил Семен.

— Нет, откуда бы. Но вот я вас узнаю. Одна девушка говорила, что хотела бы со мной отправить письмо. Семену Дергачеву с

фотографии… где точно ваше лицо. Только менее загорелое.

— Агата?

Женщина кивнула, поднялась с коленей. Семен ощутил как забилось сердце и осторожно полез с лошади. У него это все еще плохо получилось, поэтому курьерше пришлось прилично подождать, когда голова собеседника окажется на одном с ней уровне.

— Она написала мне письмо?

— Я не знаю. То есть, она спрашивала меня не смогу ли я доставить письмо, если она его напишет, но я отказалась, узнав как далеко мне нужно будет отправиться. Я и не думала, что… встречу вас гораздо ближе. Тогда бы я, конечно, согласилась. А так пришлось сказать, что тут надо поискать куда более отчаянного курьера чем я.

— Я пытаюсь ее догнать. Ее и Пешеходов.

Курьерша покивала.

— Я могу… ну… — встрял Олаф, показывая на велосипед.

— А, да, конечно, спасибо вам большое! — спохватилась женщина и разрешила Олафу осмотреть цепь.

— В наших краях велик — большая редкость, — зачем-то сказал Семен.

— Это везде большая редкость… Слушайте, я должна вам сказать. Когда я видела Агату, когда она говорила про письмо, это было как будто последний шанс. Понимаете?

В груди похолодело. Семен понял, но все равно сказал:

— Нет.

— Я ее встретила в месте, которое многие, в том числе я, называем Великим Тупиком. После него… не то, чтобы ничего нет, но, скажем так, очень недружелюбно для человека. Почти Немир. Те, кто уходят дальше — назад не возвращаются. Ни разу еще не возвращались, если заходили достаточно далеко.

Это письмо — попытка попрощаться, понял Семен.

— Она сказала, что поищет отчаянного курьера там, дальше… и он все же доставит вам письмо вместе со встречкой.

Она говорила и не верила, что такое возможно.

— Готово! — громко сообщил Олаф и продемонстрировал целостность транспортного средства, нажав на педаль. Приподнятое над асфальтом заднее колесо стало послушно крутиться.

— Спасибо! — искренне сказала курьерша и, кажется, хотела обнять спасителя, но вовремя вспомнила про запачканные руки. Села на свой велосипед и подняла глаза на Семена.

— Надеюсь, я не сильно вас расстроила.

Катастрофически сильно.

— Нет. Наоборот, хорошо, что я это услышал. Большая удача, что мы встретились.

Женщина кивнула.

— У нас, у курьеров говорят, что Дорога всегда ведет домой, куда бы ты ни шел. Ваша дорога точно правильная.

Как будто она у нас у всех разная, подумал Семен. Курьерша толкнулась. нажала на педали — и поехала туда, назад, откуда они с Олафом только что пришли.

— Эй, ты как? — спросил Олаф.

— Потрясающе, — ответил Голос.

— Если что, в Великий Тупик мало кто верит, — осторожно сказал контрабандист, — про него даже Вольные байкеры говорили, что это брехня. Дорога нигде не заканчивается.

Дорога, может и не заканчивается. Но на ней могут быть препятствия. А препятствия бывают непреодолимыми.

С другой стороны, если там Тупик, может Пешеходам хватило ума остановиться? И Семен наконец-то их догонит?

Сосредоточившись на этой мысли, бывший Голос полез на коня.

* * *

Свалка огромным языком металлического хлама уходила с Дороги в Немир. Точка, на которой Олаф заберет коней и вернется к своей новой жизни. Точка, на которой Семен останется один. Опять.

По верху этой грандиозной кучи двигалось несколько человек, которых ничуть не смущало, что под большей частью этой груды безопасного асфальта уже нет. Появление всадников их ничуть не смутило — поднялись, глянули, прикрываясь от солнца — и снова наклонились, чтобы продолжить копошение в металлоломе.

— Это… — пробормотал Семен.

— Впечатляет, — кивнул Олаф.

— Я хотел сказать другое, — ответил Семен, но не стал уточнять — что. Другу зрелище явно нравилось. Для контрабандиста это

наверняка выглядело как сокровищница. Как для Пыли — гора книг в Бензоколонке.

Что так вдохновляет меня? Вопрос, возникший в голове, Семену не понравился, так как он не знал ответа.

Семен лихорадочно метался по содержимому черепной коробки, пытаясь отыскать это самое, но натыкался исключительно на чужие мысли и идеи. Мда, кисло подумал он, самое время нагрянуть кризису идентичности.

— О чем задумался? — спросил Олаф.

— Да так, неважно, — отмахнулся Семен.

— Если ты все еще про тупик, то слушай…

— Нет, — перебил Голос, — не про тупик.

— Можешь не говорить, — сказал контрабандист, — но только помни, что сегодня ты поедешь дальше вперед, а я в противоположную сторону. Так что если тебе нужен тупой совет от трусливого, но все же порядочного человека, то лови момент.

— А дальше все непорядочные?

— А дальше тебе никто советов давать не будет.

— Я просто вижу, как ты смотришь на эту кучу, — признался Семен. — Этот взгляд ни с чем не спутаешь, я его у многих видел. Сашка так смотрел на любую электронику, Агата — на людей.

Олаф кивнул.

— Редактор на власть, Наоборот на музыку, Артем на Немир. Понимаю о чем ты.

— Но я понятия не имею откликается ли что-то также во мне.

Олаф удивленно обернулся на Семена.

— Ты серьезно?

И он начал смеяться. Очень заливисто, как в детстве.

— Гоооород, — протянул он, — то что очевидно всей Пробке, самому Голосу невдомек. Ты не только в этом мире плохо разбираешься, ты еще и в своем внутреннем, — Олаф постучал себе по виску указательным пальцем, — ничего не шаришь. За это, наверное, мы тебя все и любим. Ты абсолютно наивен даже в отношении себя.

— Если ты сподвиг меня на откровенность ради этого — то катись в ад. Я с таким же успехом мог с конем побеседовать.

— Извини, — сказал Олаф, — я просто не удержался. Давай я открою для тебя этот секрет. Максимально очевидный, господин журналист.

Семен молча ждал ответ.

— Представь, если эта гора вещей — это огромное многоголосье людей, которые тебе что-то рассказывают. Ты к ней будешь относится иначе?

— Хочешь сказать мое вдохновение — люди? Извини, но эту гипотезу я проверил так хорошо, что аж пятки подгорели.

— Не люди, — Олаф помотал головой, — но их истории. Просто ты до сих пор этого не понял. Этим можно заниматься и без радио, без микрофона. Собирать человеческие истории. А потом их рассказывать, — Олаф на секунду задумывается. — Бродячий Голос. По-моему, это круто.

Что-то дернулось в груди у Семена. Он вспомнил как в детстве был одержим курьерами — их формой, велосипедами, классными сумками, набитыми письмами и невероятным головным убором…

Но что осталось потом, когда детство закончилось? Шелуха сошла, но образ курьера все еще вызывает странный пиетет. Не потому ли, что они доставляют письма? Доводят до сведения людей истории друг друга? Просто в личном порядке.

А он мог бы стать публичным курьером. Обменивать одни историю на другие. Запечатлевать их навсегда в чужих головах…

Агата делает похожие вещи, когда фотографирует. Она увековечивает человеческие лица. Он мог увековечивать их мысли.

— Спасибо, — искренне сказал Семен.

Люди на куче что-то шумно пересыпали, перекрикивались, кряхтели, перемещая что-то тяжелое. Сталкеры, так их назвал Олаф. Они тащут из Немира все, что может пригодится в Пробке.

Пора было слезать с коня.

— Спасибо за то что проводил, — сказал Семен.

Контрабандист спустился тоже и неловко улыбнулся.

— Но коня мог бы мне и оставить, — буркнул Семен, и они обнялись. Затем Олаф помог ему снять рюкзак с лошади и повесить себе на спину.

Да, конь бы однозначно не помешал. Семен ухнул под тяжестью. Это будет долгий путь.

— Я уверен, ты ее найдешь, — сказал Олаф, беря коней под уздцы, — с твоей-то упертостью…

— Знаешь, я тебе немного завидую, — признался Семен, — остановиться у аграриев — это очень хорошее решение. Я бы мог там развернутся с радиоточкой…

Олаф кивнул.

— Хорошо, что меня не увлекла темноволосая красотка, — согласился он, — везучий я.

— Прощай, дружище.

Они пожали друг другу руки и Олаф повернулся спиной. Кони послушно пошли за ним.

Семен некоторое время наблюдал как он уходит, ощущая странное дежавю. Еще одна частичка старого мира осталась позади. “Дом” окончательно растворился в сером полотне Дороги.

КОНЕЦ 6 ЧАСТИ

Реквием

Сраный Лаки достал его. Пит давно вычислил, что у этого торчка кончились патроны и новых ему не достать, если тот не хочет выдать себя. Расслабиться после этого было большой ошибкой.

Рана была смертельная, он точно знал это, сам не раз орудовал ножичком и там своя наука, как надо бить, чтобы сделать больно, а как — чтобы отправить к Городу. Сейчас точно был второй вариант.

Лаки собирал самокрутку. Особо не спешил — кажется, ему было уже неважно поймают его или нет.

— Раз уж ты все равно тут помираешь, — заявил торчок, — расскажи, что тебе так понадобилось от Артема Хоботова, что ты аж танк послал на его поиски?

Молчать смысла не было. Раз уж не удалось все провернуть и хапнуть тридцать кусков бензака, то наоборот стоило этому Лаки все выложить. Пусть тоже побегает. Гросс точно уже в курсе — банкиры наверняка прибежали к нему с бумажками сразу, как этот всеобщий любимец оккупировал участок.

— Участку должны тридцать тысяч литров, — ответил Пит. Боль была кошмарная, но в голосе ее не было. Вся жизнь учила его не показывать, что тебе больно. — И про этот долг, кажется, все забыли. Инфу об этом Хоботов унес с собой в Немир. Сучара. Нет, чтобы поделиться с реальными людьми.

Лаки покивал. Завернул бумагу.

— И что ты выяснил?

— Да нихрена, — ответил Пит, — Юспешик довольно легко нашла его следы, он уехал глубоко в Немир, но двигался вперед вдоль Дороги. У них была идея, что он где-то вернулся на нее. Может, они что и нашли, но тут появился этот сука Гросс и мне пришлось рвать с места. С этих уродов скажется самим пойти выбивать эти денежки и забрать их себе. Адам еще не знает какой геморрой участку устроил.

Лаки скучающе слушал. Поджог самокрутку и стал курить.

— Слыш, — позвал Глушаков, — дай курнуть.

Юра присел над ним на корточки. Протянул косяк к губам умирающего. Тот глубоко затянулся.

— Бля, хорошо, — сказал он и стал кашлять

— За что ты Юлю убил? — спросил Лаки.

— С хера ли ты решил, что это я?

— Потому что не я, — просто ответил торчок, — а больше не кому.

— Может Лавочник.

— Не, Лавочник таким не занимается. И Редактор тоже, хотя поверить сложно, конечно. Мы оба знаем, что здесь только два убийцы.

— Ты, сука, прав.

— Так за что?

— Охерела она. Вела свою игру какую-то. В полицейские собралась и прикарманить то, что Хоботов припрятал, тоже.

Под спиной было очень мокро. Кровищи набежало как со свиньи.

— Пока чикал своих — Гросса проморгал, — глумился Лаки. “Своих”, придумал, ага. Никаких “своих” не существует

— Сраный Гросс. Он бы сам не полез. К нему эта троица прибежала, наныла. Отвечаю.

— Троица?

— Ну Редактор, Голос, Лавочник твой.

— Редактор бы к Адаму не побежал. Да и Лавочник тоже. А вот Голоса нигде нет.

— Да ладно? Они его порешали что ли?

— Да не будут они никого порешать. Капец ты всех по себе меряешь, понятно почему тебя Хмурым зовут. Ушел наверное за женщиной своей.

— Без него бы Гросс не полез, — убежденно сказал Пит. Жаль тогда не получилось этого журналишку подстрелить. Все покатилось в ад из-за него. Нагадил и свалил.

Глушаков закрыл глаза. Совсем откинулся на асфальт. Хотелось бы конечно еще небо покоптить. Пожечь бензинчику, позажигать. Не выйдет.

— Все равно не понимаю, нахрена это тебе, Хмурый — сказал Лаки. — Не пришел бы Гросс — ты бы что делал?

— Хотел новым Королем стать, — сказал Пит. — Подмял бы временно участок под себя, а как до Бензколонки дошли бы — засел бы там…

— Так бензак весь выгорел, говорят.

— И чо? Одного страха перед местом хватит.

Лаки покачал головой, не соглашаясь, но ничего говорить не стал. Докурил, щелкнул пальцами — бычок полетел за Обочину.

— Сам-то что будешь делать? — спросил Пит.

— Сдаваться, — ответил Юра, — может быть смогу себе что-нибудь выторговать твоей информацией.

— Нахера? Сбежать не проще?

— Хочу посмотреть на участок без Хмурого Пита, понимаешь?

Сука.

— Что-то ты совсем плох, — поделился наблюдениями Лаки. — Ты как предпочитаешь — на асфальте подохнуть или спихнуть тебя за Обочину?

Петр уже не отвечал. Он лежал на спине и думал про маму. Она очень переживала за всех, кого ее муж живьем бросал в Немир. Считала, что дух умершего не на Дороге никогда не сможет добраться до Города.

— Буду считать, что ты решил тут остаться, — голос Лаки доносился как будто из-за пелены.

Приду к тебе в Город, мама. Покажешь мне его. Наведу там тоже шороху. Люблю, когда движ, там все поди сидят на жопах, отдыхают. Покажу им, как жить надо.

Часть 7. Глава 1-1

1

Семен стянул с себя футболку и повязал ее на голову. Она вся пропотела и не очень приятно пахла, но лучше так, чем потерять сознание на виду у всех. Солнце жарило. Когда успело так потеплеть? Немир теперь не был зеленым — трава там была желтой, будто солнце спалило ее, кое-где виднелись белые проплешины.

Люди тоже изменились — стали смуглее, на них стало больше одежды — в основном белой. Людей здесь было как будто больше чем где-либо — они толклись среди машин, очень громко разговаривали, зычно кричали друг другу… Никто не сидит в машинах. На его родном участке все стремились скорее забиться в свой стальной кокон — источник тепла и жизни, единственная по-настоящему дорогая вещь, дарующая комфорт. Здесь же в машинах, видимо, было настолько душно, что находится там никому не хотелось. А тратить бензин, чтобы запустить кондиционер могли позволить себе немногие.

Слегка отдышавшись он подошел к пожилой женщине, которая что-то стирала в металлическом тазу прямо на багажнике своего облупленного авто. При каждом ритмичном движении рук таз скользил, исторгая отвратительный скрежещущий стон.

— Извините, — начал он давно привычную фразу, — я путешественник. У вас здесь поблизости место для ночлега?

Пожилая женщина перестала стирать и широко заулыбалась. То ли это была вежливость, то ли она действительно прошла в восторг, что странный человек с ней заговорил.

— Клио принимает гостей издалека, — сказала она, — он там, дальше.

Она махнула рукой вдоль дороги.

— Второй ряд, — сказала она. — Белая фура. Не пропустишь.

— Спасибо, — сказал он и уже двинулся было дальше, но увидел, что женщина продолжает на него выжидающе смотреть. Он снял рюкзак, покопался в нем и достал стеклянную бутылку, которую ему одолжили загонщики.

— Бензин? — спросил он и немного взболтнул бутылку, чтобы женщина получше разглядела маслянистую желтоватую жидкость внутри.

— Нет-нет, — сказал женщина, — бензин я не возьму — да и много в твоей бутылке за то, что я просто дорогу показала. Лучше сувенир какой дай. Путники обычно дают всякое интересное. Или историю расскажи.

Он убрал бутылку обратно.

— Знаете про Бензоколонку? — спросил он, старуха покачала головой.

Он стал рассказывать. Заметил, что история его постепенно меняется в прямой зависимости от расстояния до дома. Чем дальше, тем больше в легенде появлялось выдумки, которую он вставлял сам. Он делал это неосознанно и, что самое интересное — сам во все это верил.

Пока он рассказывал женщина вновь начала стирать. Скрежет сбивал его, но Голос продолжал рассказывать — не будет же он просить ее перестать, пока он не договорит? Окружающие люди стали прислушиваться и останавливаться. Он и глазом не моргнул, как его ноги уже облепила стайка детишек.

Когда он закончил люди одобрительно заворчали, кто-то даже начал хлопать. Он улыбнулся и помахал всем рукой. Затем приладил рюкзак обратно за спину и пошел дальше. Дети с визгом бросились за ним. Они бегали вокруг, кричали, просили рассказать еще что-то — он только вежливо улыбался и пытался с ними не столкнуться.

Белую фуру он заметил издалека — действительно, длинный грузовик, фура крыта тканью, которая была скорее желтоватой, чем чисто белой — видимо, выгорела на солнце, как и трава.

Он оплатил койко-место на одну ночь и полез внутрь. Под местом понимался спальный мешок, застегивающийся на молнию. Но Голосу было не до жиру — здесь оказалось куда прохладнее, чем снаружи под солнцем. Сначала он подумал о том, что так хорошо влияет белый цвет тента, но потом заметил, что у самой кабины стоит куб льда. Он медленно таял, вода стекала по желобу куда-то под фуру. Все места около этого источника неземной прохлады были, разумеется, заняты — люди спали, читали, негромко переговаривались. Компания в углу

играла в какую-то карточную игру. Ставками были крышки от бутылок.

Семен нашел самый близкий к глыбе льда свободный мешок и сел рядом с ним. Сначала он стянул с головы футболку — она успела развязаться и слезла на одно ухо. Потом разобрал рюкзак — вытащил одежду и прочие вещи, на которые вряд ли кто-то позарится. Внутри оставил только воду, еду и запасы бензина. Это он решил всегда носить с собой. Затем снял значок с номером с молнии — он был на металлическом кольце — и прицепил его к пластиковому карабину на лямке рюкзака, чтобы не потерять.

Затем он не удержался и лег прямо поверх мешка — чтобы просто побыть в прохладе, отдохнуть. Ноги гудели, а голова была слегка мутная — где-то в глубине сознания старый Семен-паникер тревожился, не слишком ли напекло маковку, но новый Семен, который успел нарасти поверх старого за время его похода, лишь устало отмахнулся.

Он подремал десять минут, а потом все же встал. Тут был рынок. На нем можно найти информацию. Все вокруг говорили про Тупик, но почти никто не упоминал Пешеходов.

Семен пренебрег лестницей и просто спрыгнул с борта. Ноги хорошо отпружинили от асфальта, и он подумал, что неплохо натренировал их своей погоней. Рана почти не чувствовалась, хоть и ныла порой вечерами и заставляла хромать. Базар, судя по всему, находился дальше — в воздухе можно было различить волны хаотичного гама. Семен двинулся туда, с интересом разглядывая людей и автомобили. Машины здесь были старше и подряхлее тех, что он привык видеть.

Но кое-что удивляло гораздо больше: машины часто были как будто достроены, будто местные стремились довести автомобиль до уровня капитального сооружения — как Бензоколонка или Шашлычная. Многие машины и вовсе не было видно за стенами из дерева и металла, а у многих на крыше было что-то вроде «второго этажа» из ткани или брезента.

Автомобили должны двигаться, думал Семен, что они делают? Они отказались от Продвижения?

Базар открылся впереди и, хотя Семен и не видел раньше подобных сооружений, он все же сразу понял, что перед ним. Большая

площадь, свободная от машин была занята лавками, лотками и длинными столами с товаром. Все пространство было накрыто сверху тканью на подпорках — торговцам и покупателям было не страшно палящее солнце, и они, видимо, вели свои дела целый день.

Базар перегородил путь двум рядам — от барьера и до середины этой стороны Дороги. Либо они разбирали всю эту конструкцию, либо… они действительно не двигались вперед.

Семен зашел под навес и сразу утонул в шуме. Базар будто бы заканчивал свою работу — многие продавцы собирали товар, а некоторые лавки и вовсе пустовали, накрытые тряпками. Однако уровень шума при этом не снижался. Кто-то зазывал покупателей — да так зычно, что резало уши, кто-то громко и с жаром торговался, а два бородатых субъекта и вовсе спорили до хрипоты над горсткой мандаринов.

Люди торговали всем подряд. Овощи и зелень на прилавках выглядели худо после того великолепия, что был у аграриев. Нарезанное мясо лежало на льду и выглядело аппетитно. Голос осознал, что уже второй раз за день видит лед среди этой жары. У кого-то тут есть крайне хорошо работающий рефрижератор, и он наверняка зарабатывает на этом неплохие деньги. Возможно, даже, носит очки, прихрамывает и не любит говорить то, что думает.

Но гораздо больше здесь было других вещей, которые в общем и целом можно было бы назвать хламом, который, почему-то, выглядит как сокровище. Шахматные доски с фигурами — из дерева! Последние шахматы, которые видел Семен в своей жизни были выточены из подшипников, а доской служил асфальт с нарисованными мелом клетками. Громкоголосые женщины торговали украшениями из разноцветного камня с прожилками, меланхоличные мужчины с сигаретами в углу рта копались в развалах автозапчастей.

Дальше его ждал мир одежды, и Семен сразу купил себе накидку на голову, благо стоила она сущие капли. А затем в соседнем прилавке увидел очки с черными стеклами.

— Ого! — не удержался он. — Вот это бы мне пригодилось. Сколько стоят?

Продавцом оказался совсем мальчишка, лет тринадцати. Он сильно щурился и постоянно закусывал губу, будто сдерживал какие-то слова или смех.

— Очки? — спросил паренек. — Их тут много разных.

— Я вижу, — кивнул Голос. — Самые дешевые.

— Тридцать литров.

Семен не мог скрыть удивления. Да, очки для зрения, такие как были у Редактора могли стоить много и их нужно было бы доставать через Лавочника, но это были просто солнцезащитные очки, какие спокойно продавались в “Железяках”.

— У меня и десятой части этого нет, — ответил Семен, на что парень просто пожал плечами.

Семен пригляделся и вытащил из кучи совсем небольшие с овальными стеклами, одно из которых треснуло.

— Вот эти заберу за литр, — предложил он.

— Эти? — мальчуган усмехнулся. — Эти за сорок.

— Что? Почему?

— Потому что они одни такие во всем мире.

Ему просто скучно и он так развлекается, подумал Семен. А может они действительно столько стоили. В конце концов, что он вообще знает об этом месте, кроме того, что тут жарко?

— Ладно покажи мне самые распространенные.

Мальчик с готовностью ткнул в клубок из покривившихся оправ. Семен выудил оттуда очки с большими стеклами — то что нужно.

— А эти отдашь за литр?

— Это авиаторы, — ответил парень.

— Понятия не имею, что это, — честно ответил Семен, — опять что-то, что почему-то стоит очень много?

— Почему много? Тридцать литров.

— Ты видишь за мной тележку с канистрами?

Парень будто бы реально заглянул Голосу за спину и пожал плечами.

— Два литра?

— Двадцать.

А, так вот, что это за игра, и как я раньше не сообразил, подумал Семен. Впрочем, торговаться выше двух литров ему не хотелось — это почти половина его запасов.

— Я самые кривые из кучи возьму, — предложил он.

— Пятнадцать.

— Два. За самые кривые.

Парень кажется понял, что Семен не станет двигаться дальше.

— Два и ваш кулон, — сказал он, ткнув пальцем в район груди Голоса. Он и не заметил как чайка выбилась из-под футболки. Он торопливо заправил ее обратно.

— Не продается, — просто сказал он.

— Это как? — будто бы с искренним удивлением спросил мальчишка.

Семен развел руками, мол, вот так бывает.

— Но раз ты принимаешь не только бензин… — он снял с плеч рюкзак, покопался там и, найдя коробку патронов, что дали ему аграрии, выудил оттуда одну пулю.

— Вот, — сказал он, — в обмен на очки.

Мальчишка некоторое время смотрел на пулю, а потом произнес неожиданно серьезно:

— Такую валюту у нас не принимают, — и отступил вглубь прилавка, уйдя в более густую тень от тента.

— Совсем? Я бывал в местах, где только такое и принимают.

— И что это за места?

— Это долгая история…

— Расскажите.

Семен выразительно посмотрел на очки. Парень задумался. Затем повторил:

— Расскажите.

Семен шел к барьеру, дожевывая остывшую лепешку на ходу. Он был чрезвычайно доволен собой. Новое приобретение болталось, зацепленное дужкой за петлю на лямке рюкзака.

У самого рынка в барьере был проход — и он вышел прямо к нему. У прохода стоял строгий, завернутый в белое, парень лет двадцати с необычно яркими синими глазами. Он сжимал в руках самое настоящее ружье. Видимо, просто так пройти в Антимир было нельзя. Но больше пограничника Семена привлекла крупная надпись на бетоне у прохода: «Берегись автомобиля!»

Местная достопримечательность, которая будоражила его уже давно. Поток.

Он не сразу осознал, что все время, уже довольно долго слышал его шум. Шум быстро движущихся машин с заведенным мотором. Но

он оставался на фоне, среди всего этого жаркого гама, а Встречку от него всегда закрывала толпа людей.

Семен облокотился на барьер и стал просто смотреть. Машины неслись головокружительно быстро — во время Продвижения они передвигались раза в четыре медленнее. Семен провожал их глазами, стараясь успеть выхватить лица водителей. Шины шелестели по асфальту и это звучало странно и привлекательно.

Вот оно, подумал Голос, не в силах оторваться. Вот оно! Он ощутил что-то вроде всепоглощающего вдохновения. Зрелище казалось настолько естественным и правильным, что вся его жизнь — от страшной войны во время дорожного ремонта и до этого момента — была уродливой, искаженной, обманом исковерканной.

Пробка, Продвижение, Великие Тупики, Короли, Мертвецы — все это показалось ему диким, неправильным, до ужаса искалеченным. И ложным.

Сначала он ощутил прилив праведного, вдохновенного гнева, тонко граничащего с паникой и отчаянием. Кто?! — вопрошал он про себя. Кто выдумал весь этот ужас, Пробку, движение со скоростью полураспада?

Потом это резко сменилось холодным страхом и пониманием. Никто ничего не выдумывал. Это они, люди, сами придумали все это. Годами, веками они потихоньку складывали этот уродливый мир, который порождал полицейских, Редакторов и Хмурых, этот мир, созданный настолько сложной ложью, что люди свыклись с ней, выдумывая для себя странные смыслы существования. Свыклись, спеклись в единый ком с идеей Пробки, пропуская мимо ушей и глаз очевидное — числа на спидометре, мощности двигателей, собственные ноги, в конце концов…

Из оцепенения его выдернула простая и очень неприятная мысль: что все эти счастливые люди, лица которых невозможно ухватить взглядом из-за скорости, вскоре встанут в ту же самую Пробку. Их Поток, каким бы он не был правильным и естественным недолговечен — там, дальше, движение неминуемо замедлиться и Антимир станет чем-то привычным.

Ощущение от знания будущего всех этих людей было горьким. Семен с трудом отвел глаза и обернулся. Неподвижность этой стороны ударила по глазам похлеще яркого солнца. Несмотря на людей,

снующих туда-сюда, полный жизни шум и вполне жизнерадостную обстановку, Голос вдруг ощутил, что смотрит не на Дорогу, а на кювет за обочиной — и видит мертвые автомобили и мертвых людей.

Он повернулся к охраннику:

— Здравствуйте! — парень перевел скучающий взгляд на Семена. — Вы не подскажете… почему они движутся так быстро?

— Издалека? — вопросом ответил парень. У него был странный акцент — даже для этих мест.

Семен махнул рукой в сторону дома.

— Очень издалека, — ответил он.

— Впереди тупик, — пояснил парень, — большая пустота. Мало кто решается проехать насквозь. Это те кто рискнул и выжил.

— Если там тупик, то откуда они едут?

Синеглазый пожал плечами, по нему было видно, что он не особо хочет напрягаться по этим вопросам.

— Говорят, в пустоте живут, — сказал он, — меня нашли на границе пустоты мои родители. Мои предки жили в пустоте. Правда, я не очень в это верю.

— Почему?

— Там было бы очень сложно жить.

Ч7. Глава 1-2

2

Вскоре Семен заметил, что крайняя полоса свободна от машин. Сделали это явно специально, для свободного и быстрого проезда, как на Встречке.

А еще людей стало меньше. Это Семен понял по расширяющемуся личному пространству — многие занимали по два три автомобиля, объединяя их одним навесом или целым шатром. Все автомобили выглядели ветхими и не на ходу, не лучше тех, что лежали за Обочиной.

Впрочем, свалка в Немире тоже изрядно поредела, да и сам Немир из желтой равнины превратился в песчаные барханы — такие высокие, что скрывали от любопытных взглядов жителей Дороги линию горизонта.

Семен брел неспешно, прихрамывая на свою несчастную ногу, а потому преодолел совсем небольшое расстояние. То, что Тупик случился так быстро — а Семен не сомневался, что это он и есть — его удручало. Во-первых, потому что очень уж плохо все вокруг выглядело, а во-вторых, потому что тут не было ни следа Пешеходов.

Семен прошел мимо огромного шатра, занимающего три ряда, основой для которого послужил автобус с гармошкой, мимо большущей, нестерпимо блестящей на солнце цистерны, окруженной навесами и штабелями ведер. Хранилище, в котором обычно держали бензин, который здесь, видимо, не имеет особой цены, приспособили под куда более ценную воду. Миновал еще несколько машин. И остановился.

Да, он дошел до Тупика.

Дорога уходила дальше, но автомобилей больше не было. Как и самой Дороги местами — ее скрыл песок из-за Обочины. Там впереди Немир победил и сложно было представить, что можно пойти дальше и там снова будет Дорога. Казалось, что человеку дальше пути нет.

Но Пешеходов он не встретил, а значит — есть путь дальше.

То, что на Базаре называли пустотой. Но как будто это не совсем верно звучит. Пустыня — слово с трудом выскользнуло из глубин

памяти наружу — вот, что это было и выглядела она опасно. Не было и речи о том, чтобы идти дальше, не заручившись помощью местных. Ему нужна будет вода — очень много воды! — и еда. И новая одежда.

А для этого нужно найти главного здесь.

Семен уже хотел отправиться обратно — правитель этого места жил явно в том самом огромном шатре. Но вдруг увидел, что слева от него на изъеденном эрозией капоте одной из машин сидела маленькая девочка, лет семи. Она смотрела в пустыню и болтала ногами — у машины отсутствовали решетка радиатора и бампер, ногам ничего не мешало летать туда-сюда.

Почему-то Семен решил к ней подойти. Она могла знать о Пешеходах. А могла и не знать. Она могла представить его губернатору. Или не могла. Но…

Семен понял, что за “но”, только когда девочка обернулась на его шаги. У нее были яркие синие глаза, очень странно выглядящие на загорелом маленьком личике. И это было необычно, потому что у всех местных жителей глаза были карими и отличались только разной близостью к полной черноте радужки. Он вспомнил, что уже видел такие глаза — у охранника, который стерег проход в Барьере на базаре. Он говорил, что его нашли на границе с пустотой…

Девочка улыбнулась — автоматически, как делают все нормальные люди, столкнувшись взглядами с себе подобными.

— Привет! — сказал Семен. — Любишь смотреть туда? — он обвел рукой пустую Дорогу впереди.

— Дед Баус говорит, что я там родилась, — ответила девочка. — Но другие говорят, что это все выдумки.

— Ты не отсюда? Я тоже издалека.

— А я догадалась, — синие глаза на мгновение посмотрели на него с хитрым прищуром, — я всегда знаю, когда человек издалека.

— И как же их отличить от местных?

— Они смешные, — пояснила девочка, — ничего не знают. Делают странные вещи. Хотят непонятно чего.

— Значит, я смешной, — Семен кивнул. — И много людей издалека ты встречала?

— Всех кто приходил. А потом уходил туда, — она указала подбородком вперед. — Они всегда долго готовятся, а все вокруг их отговаривают… но они все равно уходят.

— И девушка по имени Агата тоже ушла туда?

— Агата! — девочка явно обрадовалась и сделала вид, будто сфотографировала Семена на невидимый фотоаппарат.

— Так она там?

Девчушка кивнула и помахала рукой в сторону пустыни.

— Там, все там. Баус просил их не уходить, дядя Калед просил их не уходить, но им надо было. Пешеходы ходят пешком, говорили они, а не сидят под навесом.

— А что они еще рассказывали?

Девочка задумалась.

— Сказки всякие…

— Например?

— Про голоса, которого сделали самым главным, прямо как дядя Калед… только я не поняла, как голос может быть самым главным. Он же… — она покрутила руками, пытаясь объяснить необъяснимое, — как воздух. Его не видно, он прозрачный. Голоса без людей же не бывает?

Как же в точку сказано, подумал Семен.

— Хорошая сказка, — ответил он.

— Только мне запретили в нее верить, — буркнула девочка, — от таких сказок с ума сходят и в пустыню идут.

— Говоришь дядя Калед тут самый главный?

— Ага, — девочка кивнула, — ужасно строгий.

— Так случилось, что мне именно с ним нужно поговорить? Может, ты меня проводишь? Как тебя зовут кстати?

Но девочка не ответила — она радостно спрыгнула с капота, махнула рукой, предлагая двигаться за ней и побежала вглубь Тупика во всю прыть.

Ох, подумал Семен и двинулся следом. В лучшие времена он бы за ней спокойно успел, но теперь, с этой дурацкой ногой, ему оставалось ориентироваться только на шлепание сандалий по асфальту.

Впрочем, он оказался прав изначально — она привела его в шатер с автобусом по центру. Перед девочкой стоял какой-то старик. У него была седая борода с рыжиной и такие же волосы. Он был одет в просторный балахон, но можно было представить, что старикан довольно тощ — судя по рукам, торчащим из бездонных рукавов.

— Это вот Путник? — спросил он. Девочка обернулась на Семена, сверкнув синевой глаз и кивнула.

— Здравствуйте! — поприветствовал Семен. — Я ищу губернатора. Мне сказали, он может помочь со снаряжением в пустыню.

Старик помотал головой. Из бороды посыпался песок и рыжины резко убавилось.

— Вот еще один решил выбрать худшее из бед. Как тебя зовут?

— Семен.

— Баус, — дед протянул сухую ладонь. Рукопожатие вышло вялым.

— Я как раз к Каледу по нашим денежным делам. Пойдем.

Семен нырнул в открывшуюся дверь следом за стариком и замер от неожиданности. Он оказался в приятной прохладе, которую не ощущал уже, кажется, тысячу лет. Среди местного хлама нашелся автомобиль с работающим кондиционером, поразительно.

От остального автобуса вход отделяли нарезанные полосками занавески из прозрачного материала. За ними Семен разглядел плотного широкоплечего мужчину, который сидел за столом. Нижнюю часть его лица закрывало какое-то устройство, судя по всему для дыхания.

— Жди здесь, — шепнул Баус и прошел за занавески. — Я за тебя замолвлю словечко.

* * *

Губернатор оказался крупным мужчиной средних лет, страдающим от какой-то респираторной болезни. Он сидел в кресле, а рядом стоял большой кислородный баллон, от которого шли трубки прямо Каледу под нос.

— Ты сумасшедший, — сказал он, наклонившись — для убедительности — вперед и уперев руки в колени, — никто не ходит туда.

Голос его был сипл и тяжел. Очевидно, что местный климат не шел ему на пользу..

— Пешеходы ведь пошли, — возразил Семен.

— Они тоже были сумасшедшими, — уперся губернатор, — возможно ты найдешь только их опаленные солнцем скелеты. Это последний рубеж. Мы проводили разведку — из которой многие не

возвращались. И знаешь что? Ни одного гидранта на многие мили впереди! Без источника воды двигаться вперед — самоубийство. Немир победил

В его словах был резон. Даже тут, в кондиционируемом пространстве автобуса, чувствовалась вся погибельная мощь внешнего мира — казалось, жаркие солнечные лучи давят в стекло, норовясь его выдавить и впустить внутрь яростный сухой ветер и нестерпимую духоту наружности.

— Антимир же существует?

— Кто?

— Встречка, — поправился Семен.

— Да, такая, что я не помню, когда последний раз оттуда кто-то появлялся.

Он лукавил, конечно, жаждя отговорить очередного самоубийцу. Он явно помнил сколько дней, недель или месяцев назад из пустыни кто-то появился. Возможно, он даже статистику ведет.

— Я не для того так долго шел, чтобы повернуть назад, — упрямо сказал Семен.

— Много я вас таких тут видел, — сообщил Калед с безнадегой в голосе, — делай что хочешь. Мы даже дадим тебе воды и припасов. Такая уж у нас традиция. Но знай — я совсем не в восторге отправлять людей на смерть. Даже если они сами туда рвутся. Всей воды, что ты сможешь утащить — не хватит и на неделю, даже если будешь экономить. А ты, житель мягкого климата, не умеешь ее экономить.

Это правда, подумал Семен. Все что мы умели экономить — это сраный бензин.

— Баус, у нас же найдется ему местечко, пока он готовится? Автобус для гостей еще не развалился совсем?

Старик улыбнулся — зубы блеснули золотом, прям как у Короля Бензоколонки. Это было необычно. Люди Пробки вставляли обычные, металлические зубы — их делали, обтачивая шарики подшипников, у отца было три таких.

— Нет, — сказал старик, — не развалился.

Губернатор снова повернулся к Семену.

— Вот и решили. Я сообщу Дервишу, чтобы зашел к тебе, — губернатор махнул рукой. — Он займется твоими приготовлениями к походу. Можешь идти.

Семен слегка поклонился и направился к выходу из шатра.

— Странник, — вдруг окликнул его старик. Голос обернулся.

— Ты хромаешь.

— Меня ранили по дороге сюда, — пояснил Семен и хотел было уже идти дальше, как услышал, что старик вполголоса нашептывает губернатору.

— Баус говорит, что с такой ногой пустыня тебе не поддастся, — сказал губернатор. — И он прав.

* * *

Внутри действительно трухлявого автобуса было душно, но неожиданно чисто и ближе к водительскому месту — точнее к месту, где оно предполагалось — уже была постелено. Вся мебель давно была выдрана, так что это был просто тонкий матрас с одеялом и подушкой на полу.

Честно оценив состояние ноги, Голос решил прилечь. Они тоже готовились, успокаивал себя Семен. Пустыня наверняка их замедлила. Они близко. Важно не спешить. Будет глупо погибнуть от жары среди песков в самом конце.

Долго ему полежать не дали — пришел Баус, справится, как гость устроился. Семен тут же спросил, где ему найти Дервиша.

— А я погляжу ты спешишь, путник, — усмехнулся старик. — Пустыню спешкой не взять, ты уже поверь. Дервиш наш главный специалист по ней. Разведчик, спасатель, хранитель. И заодно обучает таких как ты. Он сам к тебе придет.

— У вас тут не принято назначать встречи, да?

— Иногда важно, чтобы встречи происходили сами собой. Тогда есть вероятность, что они произойдут не рано и не поздно, а четко когда положено.

Похоже с этим тоже придется смириться, подумал Семен. Они тут все очень странные. Путник потянулся к рюкзаку, заглянул внутрь. Бензин в бутылке больше был похож на радужный развод, чем на жидкость.

— Я не смогу оплатить подготовку, — признался Семен.

— Это не понадобится. Ты даже оскорбишь нас, если попробуешь заплатить.

— Но в чем смысл тратить свою воду на тех, кто с вашей точки зрения безумен?

— Человек, уходящий в пустыню все равно, что мертв. Мы обязаны оказать почести, отправляющемуся в последний путь.

Замечательно, подумал Семен. Ему захотелось рассказать об этом Олафу. Мол, гляди, я как и ты, становлюсь Мертвецом при жизни.

— Все равно как-то неуютно без бензина, — сказал Семен старику. — Он всю жизнь рядом. Но… наверное вы правы. Зачем он в Тупике…

Баус некоторое время молчал.

— От него все зло, — вдруг сказал он, — из-за него мы и в Тупике. Люди сошли с ума с этим бензином, жгут его, чтобы чуть-чуть продвинуться вперед и загоняют себя… сюда. Как же это глупо — всю жизнь жить, работать на этот бензин, чтобы в итоге прийти в никуда, в раскаленную Пустыню, кроме которой ничего больше и нет.

Ч7. Глава 1-3

3

Семен отдыхал на раскладном стуле, глядя на закат в пустыне.

Сначала появилась Груша. Она залезла на капот ближайшей машины, прям туда, где он ее встретил впервые и тоже стала смотреть на закат. Голос решил, что лучше момента поспрашивать ее о мире за пустыней не будет.

— Красиво, да? — спросил он. Солнце делало дюны разноцветными — те, что в тени становились черными, почти невидимыми, те что на свету принимали красный оттенок, а кромка барханов зажглась золотом.

— Агата рассказывала, что там сзади Немир зеленый, — вместно ответила сказала Груша.

— Да, — подтвердил Семен, — зеленый, покрытый травой до горизонта. Еще там есть деревья.

— Они большие, — поделилась познаниями девочка, — больше, чем даже взрослые. А еще там есть животные. У них есть…

Груша задумалась, подбирая слово. Потом показала на пыльную сандалию на своей ноге.

— Им можно гулять по Немиру, потому что они как будто обутые.

— Копыта, — кивнул Семен, — а что если я тебе расскажу, что я катался на такой?

— Как так — катался? — Груша изобразила, как будто она сидит за рулем и управляет машиной. Семен засмеялся. И пустился рассказывать про лошадей. От них незаметно для себя перешел на фермеров, а потом и к танку.

— Баус говорит машины не ездят по Немиру. Говорит, они там застревают. Из-за песка.

Семен оглядел пустыню.

— Да, пожалуй. Эти дюны были бы сложным испытанием даже для танка. Ты помнишь, как кто-нибудь уезжал дальше по дороге?

— Когда я была совсем маленькая дядя Дервиш и несколько чужаков поехали туда. Потом дядя Дервиш вернулся один и очень был злой.

— Почему?

— Сказал, что они были все непослушные. Пустыня не любит непослушных.

Даже люди на машинах, с проводником, погибли, пытаясь пересечь пустыню и только Дервиш выжил. А может это просто сказка, рассказанная непослушному ребенку в назидательных целях.

— А ты знаешь, что там дальше? — спросил Семен осторожно. — Баус говорит, ты оттуда.

Груша гордо кивнула.

— Я синеглазая, — сказала она, демонстрируя свои ярко-синие глаза, — такие как я живут там в пустыне, умеют добывать воду из воздуха и знают как говорить с песками.

Она говорила не свои слова. Это наверняка были местные байки.

— А еще дядя Дервиш рассказывал про Влагоборцев, — название она произнесла по слогам. — Они вообще не пьют воду и никого не любят, дядя Дервиш говорит, что нельзя, чтобы они тебя увидели.

В людей, которые не нуждаются в жидкости как-то тоже не верилось.

— Ты помнишь, как там жилось?

Груша помотала головой. Видно было, что это привычный для нее вопрос, и она правда силилась хоть что-то вспомнить. Если она попала в Тупик младенцем, то шансов, конечно, нет.

Позади послышались шаркающие шаги — Баус.

— А я думал, кто это тут разговаривает, — сказал он, подходя. — Досаждаешь нашему гостю? — обратился он к девочке.

— Совсем наоборот, — возразил Семен, не оборачиваясь.

Баус появился в поле зрения справа — в руках раскладная табуретка с тканевым сиденьем, которая говорила о том, что он явно не случайно сюда забрел. Старик поставил табуретку рядом и сел с кряхтением.

— Скажите мне честно, как вы оцениваете шансы Пешеходов пройти Пустыню?

Баус не сразу ответил. Он как будто щурился, пытаясь разглядеть что-то в темнеющем горизонте.

— Ты так сказал, будто они одно целое, — наконец, подал голос старик, — но там ведь такие разные люди. Кто-то пройдет, кого-то навсегда примут пески… То, что их много — это хорошо, можно

поддерживать друг друга, но пройдут точно не все. Потому что одно дело быть готовым телом и запасами, а другое… и Баус постучал себе по виску.

— Мы много говорили с Сержем, и он плоть от плоти Дорога. Она впиталась в его пятки, пока он проделывал свой огромный путь сюда, — Баус с шумом втянул воздух. — Пустыня учует это. Серж слишком громко думает, — Семен не ослышался, Баус именно так и сказал. — У него в голове полно устремлений и сомнений, решимости и отчаяния, и все они борются друг с другом с оглушительным шумом. Такое пески не любят. Прежде чем ступить в них — усмири свой разум.

— Что это за борьба?

— Да такая же, как и у любого другого, когда он начинает задумываться о том, а что он в принципе делает и ради чего. Когда начинает слишком серьезно думать о смысле жизни.

— Но ведь это нормально — думать об этом.

Баус тихо усмехнулся.

— Ты так говоришь, — сообщил он, — потому что ты такой же как он. Дитя Дороги, Продвижения, того мира, где постоянно думают о том, что впереди, вместо того, чтобы остановиться и созерцать свое сейчас.

Они тут все точно созерцают сейчас. Просто стоят на месте и практически ничего не делают. Даже самые молодые, кого Семен здесь встречал двигаются и говорят как старики. Будто само время здесь остановилось. Скорее всего, им даже некомфортно смотреть на него, такого суетливого, нетерпеливого и желающего двигаться вперед.

— У меня на родине, — решил Семен перевести тему, — считают, что впереди — Город. Место, где машины будут не нужны.

— Много мы их тут повидали, — согласился Баус, — особенно когда я помоложе был. Валом шли, Город им подавай. Страшно подумать сколько их костей теперь под песками навечно.

— А вы что думаете? Что там?

— Что там… — Баус помолчал. — Если пустыня, где и заканчивается, то там то же самое, что и здесь. Машины, люди живут свою жизнь, любят, стареют, рожают детишек…

В его голосе была какая-то неясная боль. Ему очень хотелось верить в то, что он говорит.

— Там вода, синяя как мои глаза, — вдруг неожиданно заявила Груша, — и ее так много, как этого песка, конца и края не видно…

— Мечта пустынников, — пробормотал Баус, — вот ведь иногда память девчушки выдает. Если бы я жил в пустыне, я бы тоже о бескрайней воде мечтал.

— А те кто выезжает из пустыни разве ничего не рассказывают? — спросил Семен.

Баус вздохнул.

— Рассказывать-то рассказывают, да все разное, — пробормотал он, — как будто их Пустыня запутала… или там тысячи Дорог сходятся.

— Но все-таки?

— Не знаю я, можно ли этому верить. Ты видел хоть раз, в каком состоянии люди оттуда выходили? Или выезжали? Вот то-то. Человеку, который пил последний раз неизвестно когда, что угодно привидеться сможет. И Город этот ваш и башни из стекла.

— Так они рассказывают про Город?

— И про Город. И про пропасть. И про то, что земля Немира вздымается выше Дороги с обеих сторон. И что сама Дорога подвешена на канатах… верить такому нельзя.

— Они все были в очень плохом состоянии. Ну почти все. На моей памяти, — снова тихая боль скрывалась в этих словах. — Некоторые умирали вот на этих вот руках, — он протянул свои ладони. — Пустыня зла, и она явно длится очень далеко.

— Вы хотите, чтобы я отступил?

— Я хочу, — Баус вдруг сделал очень серьезное лицо — и оно ему не шло, как будто он маску надел, — чтобы вы понимали, куда идете, странник.

Я не хочу понимать, подумал Семен. Если я пойму, то я сдамся. А этого допустить нельзя.

Ч7. Глава 2-1

1

Дервиш критически осматривал вещи Семена, разложенные на капоте. Все они были получены от аграриев. Голос считал, что это очень хорошие вещи, качественные, так как за время его путешествия сюда ничего не вышло из строя. Но Дервиш открыто морщился, разглядывая то одно, то другое.

— Ботинки хорошие, — сказал он, оценивая обувь. Это были те, которые посоветовала Агата. За время пути они порядком запылились и подсносились, но продолжали быть удобными и верно служили. Была и вторая пара — подаренная аграриями. Она немного натирала, потому что была совсем новая, но в целом тоже казалась надежной.

Все футболки знаток пустыни прощупал пальцами, выясняя ткань. Критически покачал головой и поцыкал.

— Ничего от ветра нет, — фыркнул Дервиш, — придется отдать из своих запасов. Это все — для легкой прогулки. Солнце уничтожит тебя, а Пустыня спрячет останки…

Воодушевляюще, кисло подумал Семен.

Затем Дервиш придирчиво изучил лямки на рюкзаке, емкости для воды и бензина и сделал неутешительный вывод — аграрии понятия не имели, куда отправляли Семена.

В конце посмеялся с очков, которые Путник выторговал на базаре.

В итоге он притащил не очень опрятного вида кучу своих вещей и сказал:

— Вот это одежда для пустыни.

Сначала он выудил из этого специальный платок, который можно было повязывать на голову, а в случае ветра прикрывать и лицо.

— Твой главный враг — солнце, — заявил Дервиш. — Если ты не спрячешь от него кожу, то умрешь очень быстро, — он вдруг протянул палец и шершаво дотронулся до щеки Семена. — Успел загореть, пока шел к нам, но я-то вижу, какая у тебя кожа. Ты через полчаса облазить начнешь там.

Он стал показывать как повязывать платок, затем заставил Семена повторять, постоянно критически цыкая. Показал как его нужно

смачивать, чтобы голова охлаждалась

— Лучше — мочой, — заявил Дервиш деловито, — вода — твой бензин, так что тратить ее на смачивание ткани — самоубийство. Пахнуть к концу пути будешь сногшибательно — даже жаль, что идешь к красотке, ты будешь не в лучшем виде…

И он улыбнулся, обнажив кривые и гнилые зубы.

Дальше, как показалось Семену, пустынник помедлил. Но все же достал из складок одежды и протянул мятую жестяную баночку.

— Просроченная, конечно, — сказал он. — Но хоть что-то.

Голос отвинтил крышку и увидел белую густую мазь со следами пальцев.

— Обязательно покрывай этим все открытые участки кожи, — пояснил Дервиш. — Иначе солнце сожжет тебе и лицо и руки и все, что ты решишь высунуть из-под одежды.

Видно было, что это ценная штука и житель Тупика отдавал ее с неохотой, поэтому Семен искренне поблагодарил.

Потом появился объемистый балахон — да не один, а два, верхний и нижний, перчатки и вообще много слоев одежды, как будто Семена собирали не в жаркую пустыню, а готовили к зиме.

После этого Дервиш начал бесцеремонно проверять самого Семена. Заставлял прыгать на больной ноге и цыкал так громко, как будто был уверен, что тот помрет за первой же дюной. Попросил показать, как Семен собирается спать — и снова критически качал головой.

— Ох, молись, чтобы появился кто-то на машине и взял тебя с собой, — говорил он.

В конце дня Дервиш вовсе махнул рукой, как будто поставил на путнике крест, и удалился, что-то ворча себе под нос.

— Не обращай внимания, — позже сказал про это Баус, — Дервиш всегда такой. Для него никто никогда не будет готов к переходу через пески, но подготовит он тебя хорошо.

Тренировки шли параллельно со сборами воды и провизии. Выглядело все так, как будто они знали Семена всю жизнь и сейчас провожали как родного сына, стараясь напихать пироги и конфеты во все карманы. В целом было удивительно наблюдать кипучую деятельность, особенно на фоне того спокойствия, если не сказать апатии, которое Семен наблюдал, когда только сюда пришел. Видимо,

собирать очередного смертничка — это что-то вроде общенародного развлечения.

Ему дали кучу разных вещей и множество самых разных — иногда даже взаимоисключающих советов.

Губернатор приказал подготовить небольшую телегу со специальными лямками — Семен мог впрячься в нее и тащить за собой.

— Вес тележки с грузом должен быть такой, чтобы ты тратил меньше жидкости на ее передвижение, чем, собственно везешь на ней — иначе ее наличие бессмысленно, — пояснил Калед.

Дервиш управлял погрузкой воды в телегу. Он приказал разлить ее по пятилитровым бутылям. Блестящие на солнце пластиковые сосуды накрыли белой тканью и убрали в тень до отправления.

— Почему пятилитровки? — спросил Семен. — Мне же будет неудобно ими пользоваться…

— В этом и суть, — плотоядно улыбнулся Дервиш. — Неудобно пользоваться — значит, реже пользоваться. Будешь вынужденно экономить.

Семену не пришелся по вкусу этот аргумент.

Провизию в дорогу отбирали с особой тщательностью. Еда должна была быть сытной, не вызывать жажды, но при этом — содержать достаточно солей.

— Часть воды тоже будет подсоленой, — сообщил Дервиш, — мы отметим бутылки. — Ее и много не выпьешь, и наружу она выходит медленнее и соли организм получит…

Больше всего Семена расстроили упражнения с тележкой. Он не ожидал, что она будет настолько тяжелая.

Он впрягся под взглядом Дервиша и сделал несколько пробных шагов. Сначала пошло очень туго — но почти сразу, как телега покатилась по инерции, стало сильно легче — но не так как хотелось бы.

— Останавливаться лучше пореже, — сказал Семен Дервишу, скрипя зубами.

Тот кивнул и снова показал свои зубы — его хищная улыбчивость уже раздражала так, что хотелось быстрее окунуться в жар пустыни, лишь бы не видеть эту гнилую щель, которая обещает неминуемую и

обязательно страшную и мучительную смерть каждый раз, когда у Семена что-то не получается.

Дольше всего он потратил на то, чтобы научится понимать инерцию телеги и чтобы она не била его под голени при каждой остановке.

Ч7. Глава 2-2

2

Его разбудил Баус. Старик сидел над ним на корточках и медленно водил рукой из стороны в сторону. Ладонь периодически закрывала солнце в окне и это разбудило Семена.

— Все, — сказал он, и принялся протирать глаза, — я проснулся, хватит мельтешить.

— Солнце клонится, — пояснил старик. — Пора.

— Сейчас-сейчас, — пробормотал Семен, вытряхивая заспанную муть из головы. Ему не хотелось вылезать из-под одеяла и одеваться при Баусе, но он, видимо, уходить не собирался.

Тогда Семен плюнул, встал и потянулся. Баус тоже поднялся и отошел на пару шагов, чтобы не мешать разминке.

Когда Семен закончил с прыжками и отжиманиями, Баус достал что-то из переднего кармана своего балахона.

— Ты хороший человек, Семен, — сказал он изменившимся голосом, — поэтому, я думаю, не откажешь мне.

Он протянул ему конверт — толстый, плотно набитый.

— Тут письма, — пояснил Баус. — Все те письма, что я писал эти годы в надежде на возвращение.

Семен принял конверт. Бумага была хорошая, нор старая.

— Для кого?

— Для нее, — пояснил старик, серые клочки бороды заколыхались. — Я, конечно, уже не верю… но, я как и ты когда-то отпустил. Ее — туда. И за все эти годы так и не решился пойти следом. В отличие от тебя.

— Для меня большая честь быть вашим курьером, — ответил Семен.

Баус утер глаза и улыбнулся.

— Действительно, — сказал он, — я только что создал курьера своими руками.

— Как я ее узнаю? — спросил он.

Отец Баус открыл конверт у Семена в руках и достал фотографию. Женщина. Сильно моложе Бауса, а значит конверту уже много лет. На

груди сверкает какое-то украшение.

Семен не знал, как относится к этому внезапному потоку откровения семидесятилетнего мужчины. Не зная, что делать он бережно положил конверт на постель и принялся одеваться.

— Спасибо, — вдруг сказал Баус.

— За что? — удивился Семен, прилаживая повязку на голове. — Я ведь еще ничего…

— За то, что ничего не спрашиваешь, — пояснил Баус, — и что не жалеешь. Я сначала очень страдал и желал, чтобы меня кто-нибудь утешил, сказал какие-нибудь глупые простые слова. Но слова утешения — они хуже камней и оскорблений иногда. Так что ты правильно делаешь, что не реагируешь никак.

— Я просто не знаю — как, — ответил Семен.

— Никто не знает.

Ч7. Глава 2-3

3

Тележка все это время стояла под навесом водоразборной цистерны. Там его и ждали провожающие — Дервиш щерился своей обычной улыбкой, сунув большие пальцы за пояс балахона и держал за руку Грушу, которая выглядела очень мужественно.

— О! — крякнул Дервиш, оглядев Семена с головы до ног, — а через пару недель обработки песочком будешь уже совсем как я.

Под молчаливыми взглядами, в красном свете заката, Семен уложил вещи на бутылки и захлестнул их веревками накрест. Затем поднял свою упряжку — и надел ее на себя через голову.

Покатили. Семен вывернул на проход между машинами, остальные пошли следом. Он шел все быстрее, по мере разгона тележки и вскоре понял, что задает темп уже не он, а она — и от этого казалось, что идти сильно легче, а лямки не так уже впиваются в тело.

Не обольщайся, тут же подумал Семен. Через тридцать километров ты будешь проклинать эти лямки.

Впереди по асфальту метались частички песка. Немного дальше широкой желто-красный язык Немира выхватывал часть дороги.

Дервиш встал рядом.

— Где-то в пятнадцати километрах впереди будет застрявший в песках пикап, — сказал он, — мы складываем туда припасы на всякий случай, для разведчиков. Можешь там пересидеть жару — мы его закидали старой одеждой сверху, чтобы металл не так грелся. Там душно, но песок не бьет в лицо и солнце в башке дыру не прожжет. Это единственный автомобиль внутри которого безопасно.

— Спасибо, — сказал Семен, — обязательно воспользуюсь.

— Его могло слегка подзасыпать, — Дервиш щелкнул языком, — давненько мы туда не забирались. Так что осторожнее. Какая-нибудь живность все же могла найти там новый дом.

— Они боятся запаха Дороги, — возразил Баус. — Человек пахнет. Пока там пахнет людьми, ни одна тварь не залезет.

— Там пахнет только расплавленным асфальтом, — помотал головой Дервиш. — Впереди тебя много таких брошенных машин

ждет. У кого бензин кончился, кто просто умер прямо за рулем…

Голос поправил лямки. Почувствовал, как Груша прижалась к его ноге. Опустил руку и взъерошил ей волосы.

— Не переживай, — сказал он ей, не отрывая глаз от изрезанной песком ленты Дороги, — я не пропаду.

— Я переживаю, что ты уходишь, — ответила Груша.

— Я же Путник, забыла? — спросил Семен. — Мертвецы ходят за Обочину,, Пешеходы — ходят пешком, Байкеры — ездят на мотоциклах. А Путники — должны следовать пути.

— Я тоже хочу быть Путником.

— Вырастешь — и будешь кем захочешь, — он легким движением отлепил ребенка от себя и повернулся к Дервишу. — Если ваш пикап сильно завалило — я попробую расчистить. Чтобы вам было легче, когда снова пойдете в разведку.

Тот покачал головой и отмахнулся.

— Не трать время. Выбьешься из сил, это то еще занятие — бороться с песком. Сыпучий — ты отгребаешь, а он возвращается…

— Ладно. Посмотрю на месте. Еще советы напоследок?

— Если увидишь людей — лучше спрячься, — сказал Баус, — там ни от кого ничего хорошего не жди.

Дервиш засмеялся и снова смачно сплюнул.

— Нет там людей. Разве что такие же идиоты, только со Встречки. Но их после перехода через пустыню можно не боятся.

Семен покосился на Грушу. Та с грустью смотрела на него, спрятавшись от горячего ветра за дедом Баусом.

— Прощайте, — сказал Семен, — спасибо за помощь. Я в огромном долгу перед вами.

Повернулся навстречу песчаному ветру и великой пустоте впереди. Он сделал, шаг, еще, лямки вдавились в плечи, тележка скрипнула и покатилась следом.

Он шагал прочь. Теперь он по-настоящему, действительно надолго останется один. Возможно — до конца своей жизни.

Ч7. Глава 1-2

1

Очертания машины с «запасами» угадывались с трудом. На пикап навалилась песчаная гора — длинный, красный язык выброшенный Немиром почти до Барьера. В кузов набралось песка, а дверь кабины прилично засыпало.

Семен тяжело остановился, вовремя вспомнил про инерцию и выставил назад ногу — тележка стукнулась в подошву и остановилась. Он со стоном стянул постромки и опустился перед завалом на колени.

Мелькнула мысль, что не стоит лезть к земле Немира голыми руками — но она тут же погасла, как глупая и несостоятельная. Песок бил в лицо, въедался в кожу, скрипел на зубах — глупо было считать, что песок дюны какой-то другой.

Он загреб обеими руками, подтащив серьезную кучу к ногам. На освободившееся место тут же с дюны посыпался свежий песок. Дервиш был прав — копать его дело неблагодарное.

Тогда Семен встал, отряхнул колени и попробовал заглянуть в боковое окно. Оно помутнело — нещадный ветер исполосовал его в сеть мельчайших царапин. Мое лицо скоро будет такое же, подумал Семен.

Впрочем, что-то разглядеть было можно. Сиденья повыдрали — наверняка уже давно, просто, чтобы места было побольше. Внутри он увидел пластиковые канистры — видимо, с водой, — чемоданчик, в каких обычно хранят инструменты и еще какие-то мешки, возможно с какой-то устойчивой к высокой температуре едой.

Тележка все еще была полна — Семен не выпил и половины первой открытой бутылки. Вода успела степлиться и потерять вкус.

Плюнув на затею раскопать пикап, Семен просто сел рядом с ним, прислонившись к кузову. Нагретый металл жег даже сквозь наброшенные на него тряпки, но зато почти закатившееся солнце не било прямо в глаза, скрывшись за дюной.

Было очень приятно просто сидеть. Классно было бы лечь, но он опасался уснуть — и пропустить холодные часы, без дикой жажды и

ощущения, что солнце существует исключительно для того, чтобы выжигать тебе глаза.

В какой-то момент Семен все же задремал — но ненадолго. Температура падала быстро, и Голос с удивлением понял, что разбудил его остывший металл пикапа. В отличие от песка, который уже не обжигал, но был весьма теплым, машина быстро отдала весь свой жар.

Семен решил, что это повод продолжить путь. Он влез в упряжку, тяжело потянул и покатил в обход песчаной кучи. Язык Немира доставал почти до барьера — тележка прокатила свободно, но вот автомобилю пришлось бы перебираться через бархан.

Он чувствовал как изменилась даже его походка — асфальт перестал быть податливым, идти стало легче, шаг увеличился. Бутылки тихим пластиковым стуком соударялись на каждой неровности. Шуршали колеса об асфальт. Стали появляться звезды, Семен почувствовал уже неприятную прохладу — стало зябко.

Отличное место подумал он. Днем помираешь от жары, ночью мерзнешь. Неудивительно, что автомобили в Тупике выглядят так плохо. Ни один металл не выдержит такой перемены температуры каждый день.

Через некоторое время Семен понял, что с трудом видит даже на три метра впереди и не уверен, что держится правильного направления — границы Дороги, растворенные пустыней, не угадывались. Семен не видел раньше такой темноты — автомобили, вечно заполняющие Пробку, всегда отражали свет своими гладкими боками, делая Дорогу не такой мрачной в ночное время.

Но теперь нечему было улавливать и рассеивать свет. Семен почувствовал страх внезапно ступить за Обочину, а потому стал забирать влево — пока не уткнулся в Барьер. Он пошел вдоль него, иногда выбрасывая левую руку и проверяя, не отклонился ли он в сторону.

Потом путь ему перегородила дюна, которую он не смог преодолеть с первого раза. Пришлось остановиться, повернуться к пути задом и тянуть тележку наверх.

Часа через три ночного перехода Семен понял, что выдыхается — плечи начали по-настоящему болеть, а мышцы ног будто набили ватой.

Стопы, к счастью, не спешили стираться — хотя Семен чувствовал, что и эта проблема его скоро настигнет.

Семен остановился на четвертый час ночного пути. Понял, что просто не сможет идти до рассвета. Поднялся ветер — продувал до костей и бил песчинками. Он осторожно отпил немного воды из пятилитровой бадьи — она остыла, но нормальный вкус к ней не вернулся. Затем поставил тележку вплотную к барьеру, привалился к ней и стал понемногу задремывать.

Через некоторое время Семен совсем уснул, но несколько раз просыпался, резко вздрагивая от холода и снова мгновенно погружался в сон.

* * *

Солнце стояло в зените. Семену казалось, что его мозг превратился в кисель. Он сидел у Барьера, пытаясь найти хоть какую-то тень и мазал лицо тем жирным кремом, что дал Дервиш. Ткань и очки не спасали — лучи пробирались в щель для глаз, жгло переносицу и щеки.

Попутно он смотрел бутылки. Влага манила.

Семен помнил, что он пил не так давно — и немало. Но жажда все равно убивала. Двух емкостей уже не хватало — они опустели и остались стоять где-то позади, будто верстовые камни.

Соленой воды попить можно, строго сказал он себе. Немного.

Он сделал три глотка пока не закашлялся — то ли от вкуса воды, то ли от неудобного способа пить. Затем залез на бархан, чтобы оглядеться.

На вершине он увидел впереди — совсем далеко, где Дорога почти ушла в горизонт — что-то. Это явно была часть Дороги и возможно даже нечто человеческое. Семен пригляделся, напрягая глаза. Ага. Две брошенные машины. В гораздо лучшем состоянии чем те, которые он встречал до этого. Возможно, даже в таком хорошем состоянии как пикап в начале пути.

В первой оставленной машине не нашлось ничего стоящего. Зато Семен получил отличный вздувшийся пузырь на указательном пальце левой руки — сдуру решил прикоснутся к черному металлу. Автомобиль не выглядел старым — он стоит здесь явно меньше года, так как песок и солнце еще не слишком его истрепали.

Обе двери и багажник были раскрыты — то ли машину покидали в спешке, забирая все припасы, то ли ее разграбили, а владельцев вытащили силой.

Возле машины асфальт был будто перекопан мешаниной следов — как будто тут боролись в самый солнцепек. Были видны две цепочки следов — от этого месива и от пассажирской двери машины.

Семен постоял еще немного. Если судить по рассказам Бауса — то ничего хорошего ему впереди не сулило. С другой стороны выбора у него особо не было.

Он добрался до второго остова автомобиля — этот выглядел хуже, резина покрышек давно оплавилась и стекла на асфальт. Такое он видел и раньше.

Еще дальше тоже что-то было, но разглядеть подробности в жарком мареве не удавалось — какие-то… фигуры? Будто человечские силуэты, но странно неподвижные. Какие-то идолы? Статуи?

На всякий случай Семен решил оставить тележку — чтобы она не мешала, если вдруг придется быстро двигаться и чтобы не светить водой. Корпус машины хорошо скрывал ее.

Свободный от лямок, выпрямившись, Семен пошел прямо. Когда Голос понял, что он все-таки видит, то остановился.

Шесты. Целая череда вертикально установленных на Барьер шестов, на которых тяжело висели люди… или уже скорее просто тела. Место казни.

Когда уже можно было разглядеть первую жертву — скорее уже скелета, чем реальное туловище, глубокий звук раздался будто из-под самой земли. Голос замер.

Казалось, рычала сама Дорога. Затем звук резко оборвался — и резкий “в-шшш” заставил Семена вскинуть голову.

Вода — огромное количество воды вырвалось прямо из Дороги, сбив до этого неприметную крышку, устремилось вверх и по дуге обрушилось на Дорогу, на пустыню — и на Семена.

Он побежал вперед, чтобы попасть под самый поток. Вода была восхитительно холодная и сразу пропала усталость и муть в голове прошла и будто даже знание о палящем солнце и раскаленном песке растворилось в этом прохладном потоке. Семен упал на колени, распростер в стороны руки и раскрыл рот, чтобы еще и напится чудесной холодной влаги. О, как вкусна была эта вода по сравнению с тем теплым и соленым ужасом, что ему приходилось пить по пути сюда.

Об этом Баус не рассказывал, думал Семен. И Дервиш. И никто.

Поток схлынул. Семен ощутил, что он стоит на коленях, полностью вымокший, в луже, которая уже быстро начинает подсыхать, и что он все еще раскинул руки и вывалил язык, чтобы ловить капли.

К нему двигались трое. Все трое были мужчинами и все трое были полностью лысы. Двое держали ржавые арбалеты, сделанные из мусора. Он видел такие штуки у загонщиков. Третий держал цепи с крупными кольцами на концах — увеличенный и утяжеленный вариант наручников полицейского.

Семен встал на ноги. Жутко хотелось развернутся и побежать — но разум подсказывал, что ржавый дрын, которыми заряжены арбалеты, тогда со стопроцентной вероятностью посетит Семеново тело — зайдя без стука где-то в районе лопаток.

Поэтому он просто поднял руки и крикнул:

— Я друг! Спасибо за воду! Я хочу пройти…

Обитатели ржавой свалки никак не отреагировали на его слова. Даже в глаза не посмотрели. Они деловито обошли его — арбалетчики встали по сторонам и чуть позади, а лысый с кандалами — ужасно загорелый, с обожженным вечным солнцем лицом встал прямо перед Голосом, позвякивая цепями. Намерения их были просты, и они не собирались их скрывать.

— Я не хочу вам зла и не буду мешать, — сказал Семен, пытаясь заглянуть в глаза собеседнику, но тот все время ускользал, хотя казалось бы даже не пытался как-то уклонится от взгляда.

Реакции ноль. Лысый еще немного постоял, будто ожидая, что пришелец уже точно заткнулся, а потом шагнул вперед, разводя цепь в стороны и, видимо, намереваясь защелкнуть кандалы у Семена на запястьях. Рефлексы все же победили здравый рассудок, и путник резко отошел на несколько шагов назад.

Арбалетчики тут же вскинули оружие и стали целится прямо Семену в голову. Он понимал, что арбалеты надо довольно долго перезаряжать, а такие кустарные — скорее всего еще дольше. Можно попытаться прыгнуть в сторону или даже упасть на асфальт — авось у этих жителей пустыни сработает рефлекс на выстрел, но не сработает на поправку.

Но рисковать не хотелось. Ржавый дрын в черепе вряд ли способствует выживанию в пустыне.

— Или, — сказал вдруг человек с кандалами и потряс ими, выпучив глаза. Голос у него был слабый и сиплый, но при этом довольно грозный.

— Или, — повторил он и кивнул на одного из арбалетчиков.

— Хорошо, хорошо, — примирительно произнес Семен и протянул руки. Все же с цепями на руках надежды на выживание еще есть. Вдруг его сейчас уведут к местному правителю — откуда-то же они вышли? Из-за дюн в Немире? — а уже тот авось говорит поохотнее и с ним можно будет договориться. Быть пленным Голосу уже не привыкать.

Наручники защелкнулись на запястьях, но это был не конец процедуры — на другом конце цепи тоже были кандалы — побольше.

Выпрямившись лысый схватился за цепь и потащил Семена за собой. Широкий шаг сделать не получалось, балахон путался в звякающем металле, а кожа ног уже предвкушала, как она облезет и станет кровоточить. Поэтому Голос спотыкался и шел медленно, но лысый был терпелив и упорен.

В Немир его не повели — что сильно Семена напугало, потому что куда бы еще его могли повести, чтобы общаться? Значит, ребятки явно не поболтать с ним хотят.

Вскоре он увидел, куда его привели и сглотнул на сухую. Они шли мимо шестов. Сразу же дико захотелось пить, а еще — упасть на колени, потому что ноги вдруг резко ослабели. Ну и умолять о пощаде заодно.

На шестах висели люди. Точнее то, что когда-то было людьми — высохшие на солнце тела в настолько выгоревшей одежде, что сначала он подумал, что они все голые. Все они были закованы в такие же цепи, что сейчас на Семене.

Один из арбалетчиков подошел к одному из шестов ближе к середине, положил арбалет и принялся возиться с замком на вершине.

— Может все-таки обсудим… — пробормотал Семен, воспользовавшись паузой, — я могу быть вам полезен. У меня много информации, и я умею ее рассказывать.

Вряд ли их интересовала информация. Во всяком случае в их поведении ничего не изменилось. Влагоборцы, вспомнил Семен.

Арбалетчик справился с замком и труп рухнул на асфальт, бряцнув цепями. Тело на соседнем шесте дернулось от звука, с волос

посыпался песок, и Семен с ужасом узнал Сержа.

Труп отволокли в сторону, а самого Семена повернули к шесту спиной и заставили поднять руки. Лысый принялся прилаживать цепь к вершине шеста и в итоге перемычка больно впилась ему в плечо и шею.

Очень скоро она нагреется на солнце — это Семен понимал. Очень скоро она прилипнет к его телу и будет так невыносимо жечь, что ему придется орать — и эти ребята наверняка с удовлетворением услышат его крики.

Затем кандалы впились в лодыжки и запястья, и Семен почувствовал, что теперь висит на шесте. Как и трупы. Как Серж.

Лысый вышел из-за спины, встал перед лицом Семена и осмотрел результаты своей работы. А затем впервые взглянул пришельцу в глаза.

— Слабым место на шесте, — сказал он своим сухим сиплым голосом, — раб воды слаб.

Он махнул арбалетчикам и они пошли прочь.

— Серж! — сдавленным шепотом обратился Семен к телу слева. Предводителя Пешеходов сложно было узнать — скорее всего, он висит уже не первый день и находится в агонии.

Голова слабо дернулась.

— Мы выберемся отсюда, — сказал Семен. Самому себе, конечно — Серж вряд ли уже жилец.

А еще он понял, что раз Серж здесь, значит и Пешеходы — здесь. И, скорее всего, мертвы. По-другому ведь не бывает? А значит и Агата…

— Серж! — снова позвал Семен. Он пытался заглянуть и дальше, понять, есть ли другие Пешеходы, но увидел очень мало. Ближайшие к Сержу шесты были либо пусты, либо с такими иссохшими телами, что было понятно, что висят они не первый месяц.

— ...обещаю… — пробормотал Серж.

— Что случилось? — оживился Семен. Он решил, что предводитель Пешеходов плохо его слышит и стал раскачиваться на цепи, игнорируя боль в запястьях. — Где остальные?

— …обещаю, — повторил Серж, слегка подняв голову. Кажется, он пытался посмотреть на собеседника, но у него не было сил поднять взгляд.

— Серж, мне нужно, чтобы ты сказал, где остальные… — в отчаянии крикнул Семен, как ему показалось, прямо в ухо Пешеходу. Тот снова заметно дернулся.

— Пить! — прохрипел он довольно четко. Пить, конечно. Вряд ли в таком состоянии он может думать о чем-то еще. Какая ужасная участь. И Семена, кажется, ждет аналогичная судьба.

Семен понял, что задыхается — от паники. Кажется, он прокричал что-то в сторону ушедших, начал рыдать всухую, а потом бессильно обвис на цепях.

Слева тихо сипел Серж.

— …обещаю тебе… — снова еле слышно прошептал он.

— Что? — спросил Семен.

— …обещаю тебе… со мной… в Городе… — непонятно было, кому это Серж говорит, так как голова его бессильно болталась, подбородок упирался в грудь. Семен подозревал, что это просто бред и Пешеход вряд ли осознает, что рядом с ним еще один человек.

Он умирал.

Семен заплакал. Не столько по Сержу, сколько по себе — он понимал, что видит собственную смерть, которая уже рядом. Сколько он выдержит вот так? Просто топанье по пустыне под солнцем выбивало его из сил. А тут все гораздо хуже… и никакой воды. Два дня, ну три… и мучительно умрет полностью перед этим обезумев от страха и жажды.

Он стал думать, что Серж хотел сказать, что Пешеходы спаслись и уже в Городе, там, дальше, за пустыней. Просто, чтобы держаться за позитивную мысль, пусть и ложную.

— почему?.. — вдруг спросил Серж и шумно выдохнул.

Умер.

Ч7. Глава 3-2

2

Прошло несколько часов. К счастью и удивлению для Семена цепь не разогрелась до такой степени, чтобы обжигать кожу. Его защищало собственное тело, не давая прямым солнечным лучам нагревать металл.

Но зато начали болеть суставы в неестественно вывернутых руках, и Семен чувствовал как они физически слабеют и немеют. Кровь отлила, и он был уверен, что если ему вдруг несказанно повезет и его почему-то спустят с шеста — руки повиснут вниз под тяжестью кандалов, и он вообще не сможет их контролировать.

А еще он понимал, что ему напекло голову — взгляд стал мутиться и мысли поплыли.

Периодически он вспоминал, что рядом висит труп Сержа, и это порождало новые приступы паники — осознание скорой смерти и того, что Агата тоже может быть мертва, повергали его в ужас. При этом он не знал, что на самом деле его тяготит — смерть любимой или обессмысливание всего пути, что он прошел.

Иногда он пытался, вытягивая шею, и даже подтянувшись на руках повыше, снова разглядеть другие трупы на шестах. Может, остальных уже сняли, как сняли тело бедолаги, на чьем месте он теперь висит? Если так, то его цель выполнена — он догнал Пешеходов. Проблема только в том, что встреча с ними представлялась ему новым началом, а не таким вот бесславным концом.

Еще через час Семен осознал, что уже давно не вертит головой — наоборот, она упала вперед, и он расфокусированным взглядом из-под полуоткрытых век смотрит на асфальт, по которому мелко метет песчинками, а в голове — примерно то же самое. Пустота. Солнце выжигало любую даже тень мысли. Слюна запеклась на губах. Он не понимал, где его руки — потерялось их ощущение в пространстве, но зато осталась тупая ломота в костях.

Еще через некоторое время он скорее почувствовал, чем заметил, что к нему приближаются. Семен тяжело поднял голову и сразу увидел свою тележку. Двое — на этот раз с покрытой головой — катили ее к

нему. Голос не мог понять те же это ребята, что встретили его с арбалетами или другие. Однако эти не были вооружены.

Они подкатили тележку так, чтобы он точно мог ее видеть не поворачивая головы, распустили веревки и откинули в сторону покрывало.

Затем один из них взял одну из бутылей воды и отправился к Семену.

— Хочешь? — спросил он и приподнял бутыль. Прозрачная жидкость заманчиво переливалась внутри.

— Нет, — сказал Семен, отлично усвоив урок с фонтаном.

— Хорошо, — сказал влагоборец и отвинтил крышку. Затем он просто перевернул бутылку вверх дном, и вода хлынула ему под ноги, бросая радужные брызги во все стороны.

Спокойно, думал Семен. Это такое испытание. Они издеваются. Лучше не дергаться. Не усугублять положение.

Когда последняя капля упала на асфальт, влагоборец просто зашвырнул бутылку за спину, снова сказал “Хорошо”, махнул своему сопровождающему, и они ушли.

Тележка осталась. Целая куча воды так близко. Семен облизнул запекшиеся губы. Конечно, они сделали это специально. Расшатать нервы. Убить в нем всяческое сопротивление. Они просто хотят посмотреть как он сломается.

Семен держался и всячески тушил в себе признаки паники. Край сознания еще верил в идею освобождения — ведь один раз повезло, хотя он уже был уверен, что скоро станет просто куском материи, прилипшей к гусенице танка. Там были аграрии, а здесь тоже кто-нибудь появится. Хорошо вооруженные Любители Воды. Свидетели Гидранта. Адепты священной прозрачности. Синеглазые родственники Груши.

Когда Семен устал пялиться на воду и повесил голову, влагоборцы появились снова и повторили процедуру. На этот раз у Семена против воли вырвалось что-то вроде стона, но мучители ничего не услышали или просто не обратили внимания. Он уже понимал, что они так выльют все. И он уже никогда не выберется из Пустыни, даже если ему каким-то неведомым образом удастся спастись.

Так продолжалось до самого заката. Запасы на тележке уменьшились вполовину. Но теперь не это заботило Семена. Он

помнил, как холодно здесь ночью. И если вечером ему явно полегчает, то очень скоро он замерзнет, а железо вопьется ему в кожу новым способом и теперь он уже наверняка прочувствует это.

Влажное пятно в месте куда лили воду на солнце высыхало за минуты, но сейчас — лишь медленно таяло и почему-то это казалось Семену не менее мучительным, чем просто наблюдение вытекающей в никуда воды. Его воды.

Прошло какое-то время. Солнце почти закатилось, Немир алел.

Семен смог даже уснуть, несмотря на положение — руки неистово болели, от жажды саднило горло, тело затекло.

Цепь остыла очень быстро, но он так устал, что не обратил на это никакого внимания. Короткий прерывистой сон закончился с рассветом, когда снова появились пленители. Один из них был с длинным металлическом дрыном. Он потыкал им Семена под ребро. Тот поднял голову и инстинктивно дернулся.

— Живой, — сказал человек с дрыном. Разлепив глаза Семен узнал давешнего лысого, который его и приковал. — Эй! — главарь обернулся к двум другим, которые уже стояли у тележки. — Туша еще жива!

Вот как теперь меня называют, подумал Голос. Очередная кличка. Что ж, довольно логично.

Затем лысый прошел дальше и ткнул дрыном Сержа. Труп безвольно качнулся.

— Сдох, — деловито сообщил экзекутор товарищам.

Влагоборцы принялись за ежедневную экзекуцию. Теперь они брали каждый по бутылю. Они открутили крышки и синхронно опрокинули их, даже не спросив будет ли он пить, как это было вчера.

— Жалко, да? Воду, — спросил главный мучитель, опершись на свой дрын.

— К Городу воду, — просипел Семен и с удивлением обнаружил, что его голос теперь очень похож на их. Вот как говорит человек, который давно ничего не пил.

Лысый кивнул и махнул своим. Те взяли еще по бутыли.

— Тогда выльем сразу все.

Процедура повторилась.

— У вас была пленница по имени Агата? — спросил Семен.

— А? — лысый повернулся к нему ухом и чуть наклонился.

— Агата! — повторил Семен, вложив все силы в пересохшее горло. — Пешеходы.

— Туша знает Пешеходов! — повернувшись крикнул лысый. Его спутники вроде бы и отреагировали, но кажется это известие не произвело на них впечатления.

— Агата, — снова повторил Семен.

Мучитель некоторое время смотрел на него, будто ему стало интересно, но потом махнул рукой и, повернувшись спиной, пошел восвояси. Мастера сливать воду попусту потащились за ним.

Когда солнце поднялось выше и снова стало печь. Семен понимал, что может не дотянуть уже до вечера, а если дотянет — то организм настолько ослабел, что вряд ли перенесет ночь. Но больше его беспокоило то, что он в любой момент может не сдержаться и попросить пить.

Странные люди продолжали повторять свою процедуру и тележка стремительно пустела. Если они находили Семена с повисшей головой и закрытыми глазами, то кто-нибудь тыкал его дрыном или просто тряс за ногу. Смотреть было обязательно.

Однажды Семен увидел, как с тележки поднимают две последние бутыли. Он понятия не имел, сколько времени прошло, но солнце стояло высоко, почти в зените.

— Настоящий сын пустыни, — сказал ему лысый, когда тележка опустела. — Не сопротивляется жаре и солнцу. Он сопротивляется жажде. Ты борешься с тем, что нельзя победить. Потому умрешь.

Умру, потому что ты привязал меня к шесту посредь пустыни, идиот. Семен не понял, произнес он это вслух или нет, но мучитель никак не среагировал.

Голос надеялся, что когда вода кончится — они хоть что-то сделают. Хотя бы добьют его. Или все же снимут с шеста. Но ничего не произошло.

На этот раз влагоборцев не было дольше, чем обычно, и Семен испугался, что они уже не придут. Экзекуция закончилась, он должен теперь просто умереть от жары и жажды. И все.

Но они пришли. Тащили за собой длинный черный шланг.

На конце крана был вентиль и его держал в руках главный мучитель. Голос пытался сфокусировать взгляд на его лице, но не мог. На миг ему почудилось, что он видит Хмурого Пита, а потом —

почерневшее лицо Короля Бензоколонки с раззявленным ртом и золотыми зубами.

Лысый повернул вентиль и жидкость обильно полилась под ноги Семену и даже слегка попадала на них — прохладная и приятная.

Бензин, понял Семен. Он хочет его сжечь. Видимо, раз он не поддался на провокации с водой, в бой пошла следующая стихия. Забавно, подумал Голос. Все началось в огне, когда взорвалась цистерна Банка. И закончится все тоже огнем.

Лысый что-то говорил, громко, называл его Тушей, но Семен не слушал и не слышал. Он готовился умирать. Он не знал, что нужно для этого делать, ему казалось нужно как-то подготовить свой мозг к этому, упорядочить мысли. Но ничего не выходило. Где-то на краю сознания пищал в ужасе Голосочек, Путник расстраивался, что зря проделал весь путь. Семен не замечал этого, но он неосознанно пристально смотрел на лысого, пока тот ходил туда-сюда и что-то говорил. Его лицо по-прежнему принимало странные обличья, мелькнула даже Агата, даже сам Семен — причем не последнее отражение в Тупике, а давнишнее, молодое, будто он бреется, глядя в зеркало заднего вида, неспешно собираясь на утренний эфир.

Потом перед глазами Семена что-то вспыхнуло — как ему показалось — спичка в руках лысого, а потом он провалился в беспамятство.

* * *

Семен лежит на спине. Наверху — синее, как глаза Груши, небо.

По какой-то невероятной прихоти судьбы он все еще жив. Последнее, что он помнил — огонь. Влагоборец кинул окурок в лужу бензина и…

Или он все перепутал и это воспоминания из прошлой жизни рисуют странную картину? Ведь он здесь и даже не обожжен.

Вокруг никого не было, под спиной чувствовался спальник, а сверху он был укрыт той тканью, что закрывала воду от солнца. Подвеска с чайкой съехала к горлу и больно давила на кадык.

Семен сел. С покрывала что-то скатилось на асфальт. Конверт, письмо Бауса. Семен попытался выпростать руку из-под ткани, но у него не получилось. Руки не слушались — слишком долго были выше головы.

Семен не знал сколько прошло времени с момента, когда его сняли с шеста. Может быть пару часов, а может быть пару недель. Точно становилось темно — но это потому что наступала ночь или он просто проваливался в беспамятство? А может быть это моргание у него в воспаленной голове растягивалось на часы.

Он даже вспомнил, что ему давали вдоволь еды, но совершенно недостаточно воды — он чувствовал себя лучше, но понимал, что для нормального функционирования и выздоровления надо пить гораздо больше. Литрами.

Он лежал рядом с метвецами прямо под шестами.

Что произошло? Он прошел какое-то испытание? Они нашли письмо и поэтому его отпустили?

Он тяжело поднялся, не помогая себе руками. Встал на обе ноги. И тут же увидел своего мучителя — тот стоял у Обочины и неотрывно смотрел на Семена.

— Не привыкай к воде, — вдруг крикнул лысый. — Ты освободился от нее. Не соверши эту ошибку снова. Пустыня теперь твоя.

— Что это значит?

— Что ты пройдешь столько, сколько нужно. Не меньше. Но и не больше.

Он хочет сказать, что до цели осталось ровно столько, сколько пройдет мой ослабевший организм без запаса воды?

— Нужно для чего?

Лысый не ответил.

Чайка тяжело покоилась на груди. Письмо легко лежало в руках.

КОНЕЦ 7 ЧАСТИ

Реквием

Закрывая глаза, он видел перед собой свое прошлое — драные вельветовые чехлы на сиденьях, куски ржавой коррозии над колесами, вонючие тряпки-пледы, которые доставали в холода… С водой были перебои, стирать не разрешали. Мать расстилала их на крыше автомобиля — если падает снег, то можно втереть его в ткань и будет чуточку чище.

Отец в воспоминаниях похож на призрака. Казалось, тронь — и оно изотрется в пыль, как старая бумага. Всегда где-то не здесь, больше воздух из слов матери, чем живое существо.

Отец ушел рано. Ему надо работать, чтобы ты мог нормально есть.

Отца не будет допоздна, он ищет денег, чтобы ты мог учиться.

Отец очень недоволен, что тебя избили мальчишки. Ты должен уметь давать сдачи.

Отец заболел сердцем. Ты должен радовать его хорошими отметками.

Отец ушел. Ты должен забыть его.

Достать старое мужское лицо из праха памяти Сержу не под силу, но он знает, что он — сын своего отца. Призрак в жизненном пути всех людей, которых когда-либо знал.

Не оправдал ничего, что требовал призрак. Не научился давать сдачи — и даже не понял, зачем это. Не радовал хорошими отметками. Личная жизнь — два. Реализованные мечты — два. Смысл жизни — два. Желание жить — два.

Много лет назад Серж считал себя бунтарем. Тело его было чахлым, грудь впалой — и никто не воспринимал его всерьез. Такие всегда становятся бунтарями. Самые слабые. Когда мир давит тебя шипованными колесами, не желая замечать — ничего не остается кроме как восстать против него всеми своими никчемными силами. Первый раз бунт прорвался, когда ему было шестнадцать. Он шел к ржавой родительской колымаге с радостной вестью — первой зарплатой, — и думал, что жизнь не так уж и плоха. Форменная рубашка пропиталась потом под мышками. Светлые волосы облепили

голову. Он мог не озираться, мог продолжать идти, глядя в заднее окно родительского автомобиля. Но все же он вышел из своих мыслей и заметил гладкого и лощеного своего одноклассника, который раньше только и делал, что дразнил всех за любые недостатки.

На локте в белом рукаве у него лежала папка из толстого картона, и он небрежно поглядывал в нее, водя курносостью с таким достоинством, будто это были Правила Дорожного Проживания, которые он сам только что составил. Волосы аккуратно зачесаны назад, только справа небольшой пробор — противный, белый. Казалось, череп просвечивает через тонкую кожу.

Серж смотрел на эту полоску, отражающую яркий свет дня. Она будто брызгала соком радующегося солнца и это почему-то показалось Сержу невыносимым. Одноклассник будто отбирал его личный хороший день — и забирал себе. И он, сам не понимая почему, решительным шагом двинулся к нему… чтобы остановится в двадцати шагах. Одноклассник не просто так стоял тут с папочкой, в белой рубашке и брюках со стрелками ровными, как сама Дорога. Он отчитывал.

Катафот не учился в школе, потому что не мог. Но его знали все — потому что сложно не знать того, о ком шепчутся даже взрослые. Ведь именно они, серьезные тети и дяди дали ему это прозвище. Слепой от рождения парень был вынужден выучить небольшой кусочек Дороги на ощупь. Его мир был куда ограниченнее, чем у всех остальных. Он не мог посещать школу, потому что учителя не знали, как его учить. Люди вокруг судачили о том, что надо бы дать мальчику невзначай ступить за Обочину — это было бы и милосердно и стало бы облегчением для общества и самих родителей.

Но Катафот понимал, куда нельзя ступать и каким-то неизвестным способом узнавал обо всех идеях окружающих по его тихому уходу из жизни. Он умел держать дистанцию — один с виду нечаянный толчок был для него смертельной опасностью. Он не мог убежать только от детей. Но те не хотели его убивать. Те хотели только его мучить. Так было интереснее.

Катафот все же победил и вырос — и, кажется, даже сам удивлялся, как это ему удалось. И от него даже все отстали. Он смог спокойно жить в своем темном мире, привыкнув держать дистанцию.

А потом вышло обновление для ПДД — все инвалиды с неполным количеством конечностей, глухонемые, слабовидящие или вовсе незрячие люди ради безопасности других жителей Пробки, лишались собственных автомобилей. Им разрешалось ходить только вдоль внутреннего ряда — у барьера или между рядами, но не дальше. Если инспектор по безопасности видел слепого в другом ряду и дул в свисток — тот должен был за десять секунд покинуть «опасное для него место».

Катафот не успел покинуть. А курносый задира-одноклассник стал инспектором. Из жалких оправданий слепого следовало, что он не может не нарушать — ведь общежитие находится во втором ряду от Обочины. Уже просто выходя из него он нарушает ПДД.

— Ты должен был добежать, — сказал одноклассник. — Ты сейчас покажешь мне, как нужно бегать…

Но Катафот не успел ничего показать. Серж подбежал и ударил. Прямо в светящийся пробор, погасил чертову полоску света, взвихрил излишне ровно лежащие волосы.

За первым ударом пришел и второй. И третий. Катафот вертел головой и ничего не понимал, а Серж склонился над упавшим инспектором и не останавливался, стараясь попасть по глазам.

— А слепой добежит! — рычал он. — А ничтожный — победит. Такое тебе снилось? А?!

Он продолжал это повторять, даже когда его оторвали от жертвы. Когда хлестали по щекам. Когда волокли в «бобик».

И в бобике он, забившись в угол, все повторял: «Добежит слепой. Победит ничтожный…» — и пылающие перегаром сокамерники в ужасе его сторонились.

Полицейский решил, что это какой-то приступ и отправил Сержа к врачу. Но тот-то знал, что у него было никакого припадка, он прекрасно себя контролировал. Он хотел и сделал. Хотел влепить — то ли потому что ужасно хотелось защитить Катафота, то ли потому что пробор слишком яростно, бледно и противно отражал солнечный свет.

Потом его бунт оформился — он нагло нарушал те места ПДД, которые казались ему абсурдом. Он выкидывал пачки правительственных писем за Обочину. Много всего произошло — заболела, и болела долгих три года мать, появилась и незаметно пропала первая любовь, умерли родители Катафота, — но Серж

запомнил только, как он выкручивает ниппели из колес бобика, бросает сахар в бензобак тюрьмы или развевает по ветру очередное донесение, которое ему поручили доставить в соседний район.

У него никогда не было идеи идти вперед пешком. Никогда не возникало желания собрать группу единомышленников — он прекрасно понимал, что все это сложилось случайно и в памяти не осталось какой-то конкретной даты основания Пешеходов. Появление движения было размазано на месяцы или даже годы внутри его головы. И он не знал уже — это правда или просто сознание играет с ним такие шутки.

Зато он точно помнил, кто придумал это слово.

Серж не думал, что хождение пешком может заинтересовать. Не думал, что у движения может быть цель. Он убегал, он был напуганным девятнадцатилетним пацаном, который просто не мог остановиться — от страха.

Кто-то узнал, что курьеришка не доносит почту. Кто-то доложил, что важные сведения не доходят до высоких постов. Кто-то шепнул в нужные уши: “Знаете сколько приказов о казни не дошло до исполнителей? А сколько доносов вы не получили? Сколько отчетов валяются за Обочиной?”

Первый год пешего путешествия ему казалось, что его вот-вот найдут, что по его пятам идут агенты коллегии, готовые привести в исполнение наказание. Он плохо спал, пугался любого окрика и постоянно оглядывался.

Потом отпустило, но зато вдруг понравилось идти — и как-то сразу появилась она. А может быть и наоборот, сначала появилась она и поход стал прекрасен.

Юнь придумала все — философию, что надо идти, если хочется идти. Про отказ от автомобилей. Про смелость двигаться к мечте. Она придумала свободу и, конечно, Пешеходов. Он и моргнуть не успел, как с ними уже идут десятки людей. Юнь умела разговаривать, шутить, убеждать — все ее обожали. Сам Серж по большей части молчал и просто шел — он в целом не привык свободно говорить, его всю жизнь учили держать язык за зубами. Люди пугали его. Первые Пешеходы утомляли своим энтузиазмом, он даже подумывал сбежать — знал, что ходит лучше любого жителя Пробки и никто бы его никогда не увидел снова. Но это значило потерять Юнь.

Он стал учиться говорить и улыбаться. Рассказывал о том, что Пробка удивительна. В первую очередь тем, что не вся была похожа на его дом. Оказывается, не везде казнили за неповиновение коллегии, а “неполезных” для Пробки людей ограничивали в правах.

Он и не заметил, как появились ритуалы. Вот они с Юнь держатся за руки и вещают в толпу — за спинами зевак машины, ожидающие священного Продвижения. А вот они сидят кругом и рассказывают друг другу истории из жизни — и Серж с некоторым страхом смотрит на эстафету, которую вот-вот передадут ему. Он настолько боялся прошлого, что не мог вымолвить о нем ни слова. Ему казалось, что текущая счастливая реальность разрушиться, открой он рот и упомяни коллегию, бесконечные письма, Катафота, смазанное лицо отца…

Поэтому он всегда говорил про Перекресток. Тогда он еще опасался слежки, а потому не особо заинтересовался внезапной аномалией. Его гораздо больше заботило не раздастся ли внезапно за спиной роковое “молодой человек, пройдемте”.

И он стал рассказывать про Перекресток вместо своего прошлого. Правда обросла легендой — как он сомневался куда пойти, как его распирало любопытство и так далее и так далее. И ничего про страх и вечно трясущиеся руки.

Чем больше людей к ним присоединялось и чем дальше они уходили, тем больше впечатления производила история. И обрастала все новыми деталями — Серж невольно превратил себя в рассказах в искателя чудес Пробки, все стали думать, что ради этого он и идет. Его устроило такое заблуждение окружающих.

Иногда он думал, не открыться ли Юнь. Она была такая светлая, такая веселая — она бы точно вычистила всю ту черноту в его сердце, если бы он осмелился ей рассказать.

Но он не осмелился. Боялся, что все испортит. Его ложь и уклонение от вопросов о прошлом настолько далеко зашли, что ему казалось, что Юнь любит придуманного им человека, а не настоящего Сержа. И если разрушить образ, то она уйдет.

Этой ошибки он никогда себе не простит. Нужно было рассказать все сразу. Тогда бы он не мучился с этим грузом всю оставшуюся жизнь. Стал бы честным и открытым с людьми до конца… Лишь однажды он почти раскололся — в маленькой радиостудии, где

микрофон магическим образом тянул из него слова. Но броня тогда была уже настолько мощна, что ничего не произошло.

Теперь этот груз с ним до конца жизни, который, кажется вот-вот наступит — жажда выворачивает желудок наизнанку, а израненные запястья уже начали гнить…

Нет, нет. Вернись назад. В сладкие воспоминания.

Юнь как-то обмолвилась, что Пешеходам неплохо бы придумать свой ритуал вступления в брак. Было бы классно делать это по-своему, тем более, что за свое странствие они порядочно насмотрелись самых разных свадеб.

Это был прозрачный намек и через какое-то время Серж сделал предложение. “И пусть Дорога будет свидетелем” — он сказал это волнуясь и обливаясь потом, но все Пешеходы, наблюдающие сцену пришли в восторг. И вскоре действительно стали делать предложения и даже сами свадьбы именно с этими словами на устах.

Юнь с энтузиазмом стала продумывать день свадьбы и предложила каждый день проверять то место, где они проснулись, на “необычность”. Пожениться надлежало в самом странном месте Дороги, они должны были сердцем почувствовать — да, вот здесь точно подходящее место!

Они стали жадными и придирчивыми. Никакие чудеса их не устраивали в полной мере. И они не торопились. Впереди была вся жизнь.

А потом случилась холера.

Весь ужас ситуации был в том, что Пешеходы и не заметили, как оказались в зоне эпидемии, потому что она как будто настигла Пробку именно в том месте и в то время, где были они. Некоторые местные жители даже говаривали, что именно Пешеходы принесли заразу — даже после того, как местные врачи поняли, что проблема в питьевой воде.

Вот счастливые лица Пешеходов, они движутся к горизонту, строят планы и мечтают о чудесах — и буквально мгновение, щепотка времени и вот Серж уже смотрит, как люди, ставшие ему родными, лежат вдоль Обочины и умирают в мучениях. Он боялся почуять в себе симптомы, так боялся, что пропустил их у Юнь. Она заболела резко и очень быстро холера выжгла ее дотла.

Он выхаживал ее пока были силы, а когда силы кончались — уходил вглубь Пробки и там беззвучно рыдал и проклинал асфальт, который привел их сюда. Она так быстро угасла — кожа на лица стянулась, глаза округлились и болезненно горели. Обезвоживание тянуло из нее все соки.

Как это странно, что мы умираем от одного и того же, моя Юнь, но с разницей в десятилетия.

Она знала, когда будет ее последний день до того, как впасть в агонию. И тогда, лежа уже у Обочины, как и остальные обреченные, она сказала ему это.

Я знаю, что ты скрываешь. Я знаю, как ты боишься своего прошлого. Я все чувствую. Нет-нет, я на тебя совершенно не сержусь. Ты такое пережил — бедный мой Серж. Даже умирая она жалела его, а не себя.

— Единственный способ жить дальше — не давать воспоминаниям терзать себя, — сказала она ему очень тихим, ослабевшим голосом. — Отпусти прошлое и… отпусти меня. Продолжай путь. Пожалуйста.

Он ничего не отвечал, просто рыдал рядом и хотел, чтобы все перестало существовать — Дорога, автомобили, Немир, весь гребаный мир.

— Обещаю тебе, ты еще встретишься со мной. В Городе. Просто продолжай идти.

Это были ее последние слова.

Пешеходы собрали ее вещи и отдали ему. Он смотрел на веселый оранжевый рюкзак и не понимал, почему он такой веселый и такой оранжевый. Ему казалось, что мир обязан был потерять все краски вместе с Юнь. Она была цветом.

Уже потом он разобрал эти вещи, распределил между Пешеходами и оставил себе на память самое дорогое. Но сейчас, в этот момент, он всерьез обдумывал, а не зашвырнуть ли этот рюкзак подальше в Немир, чтобы не сойти с ума от боли. Людям, которых любят, следовало бы умирать вместе со всеми их вещами.

Он не запомнил, как остатки Пешеходов пошли дальше, когда эпидемия начала отступать. Как прошли следующие месяцы. Но ее последние слова врезались ему в голову.

Мы еще встретимся.

В Городе.
Просто продолжай идти.

Часть 8. Глава 1

1

Время утратило всякое значение. Следующий шаг давался все труднее, как и следующая мысль. Каждая дюна, преграждающая путь, становилась будто все выше и круче. Каждый новый луч солнца, попадающий на кожу жег больнее предыдущего.

Семен чувствовал такое изможднение, что устал даже бояться за свою жизнь. Смерть уже наверняка вышла из Немира и тащит свое костяное тело в черном балахоне прямо за ним по пятам и вот-вот положит руку ему на плечо. Но уже даже этому невозможно ужасаться.

В какой-то момент Семен обнаружил себя ползущим — он поднимался на очередную дюну и сделать это на двух конечностях уже не было сил. Песчаная вершина казалась бесконечно далекой и почему-то мутной.

Снова провал и вот он уже лежит — тело перекинуто через верхушку бархана, у него нет сил перевалиться через него полностью. Все вокруг все еще мутное…

Или нет?

Где-то у подножия бархана кто-то шевелился. Он поднимался. Только не по склону, а просто вертикально вверх в воздух. Зрения вдруг начало возвращаться — но не все. Периферия осталась в болезненном блюре, а вот фигура по центру стала четкой и очень-очень знакомой.

Редактор собственной персоной парил в нескольких метрах над Дорогой и любопытством смотрел на обессилевшего Голоса.

— Я галлюцинирую? — спросил Семён, хотя ответ и был очевиден.

Редактор показно огляделся.

— Я посреди пустыни, за много километров от дома и вишу в воздухе. Сам-то как думаешь? — ехидно спросил он.

— Почему ты? — спросил Семен. — Какого хрена? Где мама? Агата? Почему мне перед смертью привиделся самый неприятный человек из прошлого?

— Так уж и самый? Сам себе задай этот вопрос. Я-то откуда знаю, зачем ты видишь именно меня?

— Ты меня не обманешь, — сказал Семен, загребая ладонями песок, — я и так задаю вопросы себе. Ты кусок моего богааатого воображения, понятно? Так что отвечай и не пудри мне голову!

— Насколько я знаю, — деловито заметил Влад, сев прямо на пустоту и закинув ногу на ногу, — люди обычно не осознают, что они видят галюны. Не нарушай каноны.

— Буду нарушать, — упрямо заметил Семен, — я уже все что можно нарушил. Прошел пешком в одиночку столько, сколько ты и в жизни не исходил. Поперся в эту пустыню, когда все отговаривали… Так что мне можно. Я умею. Ты был бы душкой, если бы помог мне подняться и идти дальше.

— И не подумаю, — ответил Редактор. Семен другого и не ждал.

— Ну ничего, — он погрозил пальцем — на самом деле просто повозил им по песку, — явится еще кто-нибудь кроме тебя. Кто-нибудь посговорчивее.

— Я был самым сговорчивым человеком, между прочим, — отметил Редактор, — ты этого, конечно, не замечал. Так что делай выводы.

Если я сейчас лежу и умираю от обезвоживания, думал Семен, то разговор с Владом — это самое худшее, что можно представить. Вот на что я гроблю последние минуты своей жизни.

— Если ты забыл, я твоя галлюцинация, — захохотал Редактор, — я у тебя в голове и все слышу.

Ну так и прочь из моей головы!

— Это у тебя профессиональное, да? — вслух спросил Семен. — Лезть к другим в головы.

— Мое профессиональное — чернила на бумагу наносить, — ответил Редактор неприязненно.

— Да ладно тебе. Ты же все время рвался во власть. Ой, ну признай это, я за миллион километров, подыхаю посреди пустыни, где мои кости еще десять лет не найдут.

Редактор усмехнулся и покрутил головой.

— Вот чего ты все никак не можешь понять, Голос, — сказал он с неожиданной нежностью. — И никто не может. Как же, такой богатый, расфуфыренный, весь из себя… Конечно, он рвется к власти! Я хочу

помогать Пробке становиться лучше — и я помогаю! Это все, что я хочу. Тебе в это трудно поверить, конечно, ты на меня без сморщивания своего намикрофоненного носа и взглянуть не можешь. Посмотрите, де, на него! Богач!

Семен улыбнулся.

— Вот бы это было интервью, — сказал он, — я бы собрал аншлаг у приемников.

— А собрал аншлаг стервятников из Немира, — ответил Редактор, глянув в небо. — Я не буду отрицать, что мне было приятно быть серым кардиналом и дергать за ниточки. Когда люди реально — реально! — пошли свергать Андрея и начали скандировать твое имя… я даже не поверил сначала. Думал, что у меня галюны — вот прям как у тебя сейчас. Но это на самом деле произошло, мне даже почти ничего не надо было делать. Я был рад! Был уверен, что мы сейчас заживем! Я буду рулить в нужную сторону всю Пробку, оставаясь в тени великолепного Голоса, на которого будут все молиться. Ты, конечно, ничего не видел, как обычно.

— Я все прекрасно понимал, — ответил Семён с неприязнью.

— Ничего подобного, — возразил Редактор, — ты интуитивно сопротивлялся, конечно, но почему именно ты противишься тебе не хватало ума подумать. Теперь, наверное, хватило бы. Но, увы, поздно. У тебя на губах песок, на зубах песок, внутри до самой твоей черной радийной души — песок. И сам ты скоро станешь песком…

— Я уже слышать не могу это слово! — выкрикнул Семен. Точнее, просипел. Но он вложил в это все силы, которые еще были.

— Но это теперь твоя жизнь, — Редактор пожал плечами. — Вся. Ты, кстати, все же меня удивил. Я недооценивал силу любви. Думал, ты не настолько безрассуден. Пришлось все разгребать после ухода, брать в свои руки…

— То есть снова захватывать власть, — коротко констатировал Семен. — А Гросс, дай угадаю, хорошенько надрал тебе зад.

— С чего бы? — ответил Редактор, — Гросс хороший полицейский, но плохой, очень плохой правитель. Не умеет рвать зубами.

— Это главный критерий правителя?

— Один из, — Редактор улыбнулся своей любимой улыбкой, от которой Семен — к своему ужасу — ощутил домашний уют, — я за

добро, конечно, ненасилие и все такое, но ты знаешь, добро нужно как-то отстаивать.

— Какая банальная мысль, — скривился Семен.

— А вот в этом твоя проблема, Голос. Недооцениваешь ты силу банальщины и простых вещей. Все-то тебе надо сложное, с первого раза непонятное, многосоставное. Ты прирос к микрофону. Ты даже сейчас еще там — в своей радиостанции, натягиваешь улыбку и подбираешь слова. Изменился, изорвался, познал жизнь — а от своей черной соски так и не отвык.

Ничего ты не понял, Влад, мысленно отозвался Семен. Ты совсем меня не знаешь.

— Точнее это ты совсем себя не знаешь, — парировал Редактор, напомнив о нереальности этого разговора, — посмотри на себя, как далеко забрался, а такой простой штуки, как Семен Дергачев, уразуметь не смог.

Семен сжал в кулаке песок и, собрав туда же все свои небольшие силы, швырнул его в высокомерно ухмыляющийся морок. Красноватое облако пролетело сквозь лицо Редактора и тут же сменило направление, подхваченное ветром.

— Я так просто не исчезну, — сообщил Редактор голосом Пыли. Семен моргнул. Действительно, теперь перед ним была Пыль — тоже сидела, будто он действительно поочередно брал интервью.

— Совет мог бы ко мне всем составом сразу прийти, — сказал Семен с кривой обветренной улыбкой, — долго так будет — по одному-то… все не успеете. Я тут, как видишь, помираю.

— Ты похож на древних людей, первопроходцев, — сказала Пыль.

— Они медленно жарились на солнце, уткнувшись мордой в песок?

Пыль игнорировала все его кривляния, да и зачем он кривлялся? Или на пороге смерти все так делают?

— Нет, но они довольно часто умирали, — сказала Пыль, — их съедали дикие животные, у них заканчивалась еда и вода, у них не было спасительных железных капсул — они просто бродили.

— Как Пешеходы?

— Вроде того, — Пыль поправила юбку, будто она растрепалась от ветра, но на самом деле ее не коснулась ни одна песчинка, — только у них цель была не Город, а просто еда. Им приходилось двигаться,

постоянно перемещаться, чтобы выживать. Наверное, так Дорога и родилась. Человек — существо, обреченное на скитание.

— Звучит крайне уныло, — заметил Семен, — я рад, что родился в эпоху автомобилей.

— Как сказать, — Пыль пожала плечами, — говорят, они были куда счастливее нас. Они, конечно, не знали медицины и мерли от неизвестных болезней или от налетов других людей… Но на самом деле они были счастливы и свободны. Тогда человек работал меньше двух часов в день, да и то, вся работа заключалась в том, чтобы отыскать еду и повесить ее над костром. Остальное время человек был свободен — у него было столько досуга, что мы сейчас и представить не можем. Мы рабы того сложного мира, который породили. Большая его часть находится в нашем коллективном воображении, но никого это не смущает — мы тысячи лет играем по этим правилам и уже не замечаем, что они искусственны.

— Хорошо, — Семен отплюнул песок и провел пересохшим языком по каньону треснутых губ, — если все было благополучно, и мы могли спокойно нихрена не делать в свое удовольствие… то почему это изменилось? Люди что, добровольно стали выдумывать себе хреновый мир?

— Нет, — Пыль покачала головой. — Произошло кое-что другое. Люди научились фантазировать. Без воображения мы не смогли бы объединяться в большие коллективы. Чтобы люди работали и сосуществовали вместе — нужны тотемы, боги, знаки… Город, деньги, полицейские, Совет… какие-то воображаемые вещи, в которые готовы верить все. Это вера. Общая вера нужна, чтобы незнакомые друг с другом люди могли взаимодействовать.

— Но зачем? — настаивал Семен.

— Потому что человек слаб, — ответила Пыль, — посмотри на себя. Ты один и ты умираешь. Человек в одиночку — ничто. Ему не выжить. Толпой отгонять хищников и искать пищу гораздо проще. Мы пожертвовали истиной и согласились на иллюзии — ради выживания.

— Это все еще не объясняет какого города мы все так любим сидеть в машинах и думаем, что вот она жизнь.

— Общество становилось все больше, люди выживали, размножались. Потребовались более сложные верования и законы, чтобы по-прежнему оставаться едиными. А потом случилась Дорожная

революция. Мы сузили свой мир до серой полосы в пространстве, осели… Жизнь стала предсказуемой — мы променяли свободу на стабильность и уверенность в завтрашнем дне. Человечество стало как никогда сильно — но стало несчастнее. Чтобы прокормить всю ораву пришлось больше работать — каждому. Чтобы заняты были все, а не только те, кто занят непосредственно задачами выживания, были придуманы кучи разных ненужных вещей… Большая часть из которых была направлена на то, чтобы каким-то образом объяснить с какого перепугу жизнь стала так сложна — люди стали писать книги, ораторствовать, говорить в микрофон, пытаться объяснить то, что сами же и наворотили. Каждый отдельный человек, ты, я — кто угодно — вряд ли сейчас счастливее, чем наши предки много-много тысяч лет назад.

Я точно самый несчастный сейчас, подумал Семен.

— Вот мы идиоты, — только и сказал он. А потом, — слушай, а ты ведь не можешь этого знать. Такого в книжках не пишут. Ты что же, это сама придумала?

— Это ты придумал, — пояснила Пыль, — меня-то здесь нет. Забыл?

Пыль и правда растворилась в воздухе. Он был один. Лежал на вершине дюны.

— И что? — громко, как ему показалось, спросил он в пространство. — Больше никто со мной не поговорит? Серьезно? Это все, с кем я достоин перекинуться парой слов перед тем, как уйти? Где Агата? Я хочу видеть Агату перед смертью!

Ответом ему был только шипящий треск песка на ветру.

— Так не пойдет, — сказал Семен, — я не сдохну, пока не увижу ее. Пусть и в виде галлюцинации.

И он пополз. Не в силах поднять голову он умудрялся передвигать руками и ногами — и потихоньку толкать себя вниз со склона. Он был слишком пологий, чтобы по нему можно было скатиться под собственным весом.

Что я буду делать, когда окажусь на асфальте, подумал Семен. Он наверняка еще горячее песка. И первое, что на него попадет — моя голова. Волосы прилипнут к асфальту.

Он стал сильнее загребать правой рукой и ногой — чтобы его развернуло к асфальту хотя бы боком.

Он несколько раз терял сознание — а может и засыпал, а может и просто проваливалась память, — но все же двигался ниже. Он сильно удивился, когда нога уперлась не в сыпучее, а упругое.

— Стоп-стоп-стоп, — сказал Семен сам себе, — ниже не надо.

Теперь — самое трудное. Встать. Он знал, что не сможет. Это было нереально, нереальнее, чем плавающий в воздухе Редактор.

Для начала нужно было перевернуться на спину. Это значит — подставить лицо солнцу, чего очень не хотелось делать. Он уперся руками и толкнулся правой, сложив в нее остатки сил. И — о да! — он смог повернуть себя на бок, а дальше дело за весом. Резкая боль в глазах от солнца, он судорожно закашлялся.

Сильно сощурившись он посмотрел вперед и увидел… воду. Она была повсюду! Дюна заканчивалась и дальше шел не асфальт, как он думал, а огромная, уходящая за горизонт гладь воды.

Семен застонал — вот оно, так близко, а он и сдвинуться с места не может. Жажда, скрутившая ему все внутренности, была такой невыносимой, что даже отказавшие ноги проснулись, но это не помогло — он только дергался на месте.

— Стой, — сказал вдруг ему какой-то голос. Очень знакомый.

Семен увидел дерево — дерево из Немира, маленькое и корявое. Секунду назад его не было — но теперь оно стоит прямо у кромки воды, частью корней взбираясь на дюну, частью — уходя под черную гладь воды. Внизу, у самых корней полулежал человек — Семену даже показалось, что это он видит сам себя, так похожа была поза, но нет.

Человек, по идее, должен был быть мертв — корни дерева проросли сквозь его тело, одного глаза не было и из глазницы торчала веточка с маленьким листочком. Он был будто прикован к дереву. Это был труп — иллюстрация того, что Немир делает с живой плотью.

— Ты что, не слушал Дервиша? — снова спросил голос. — Не верь. Вода — это мираж, иллюзия. Если ты сейчас попробуешь в нее плюхнутся, то вляпаешься в асфальт — и уже точно не выберешься.

Говорил, несомненно труп — полуразложившиеся губы шевелились, зубы сверкали через прорехи в щеках. И уцелевший глаз смотрел прямо на Семена. И вдруг Семен узнал его — и если бы мог испугаться, испугался бы. Артем Хоботов! Самый первый беглец, из-за которого все и завертелось!

— Недалеко ты уехал, — сказал Семен, с горькой усмешкой — хотя вся мимика и происходила в его голове, потому что лицо уже неспособно было как-то менять свое выражение.

— Я-то уехал как раз далеко, — ответил бывший глава Банка деловито, а потом оглядел себя и замолчал.

— Понятно, — сказал он после паузы, — так вот ты как меня представляешь?

— Я не знаю, как я тебя представляю, — ответил Семен, — моего воображения на это не хватит.

— Но это и есть твое воображение, — ответил труп, с интересом оглядывая себя, — и оно довольно красочное. Вот только я жив.

— Ты убил человека, — сказал Семен, — а сейчас так спокойно тут разглагольствуешь.

— Это был несчастный случай, — возразил мертвец, резко дернув головой — дерево закряхтело и слегка качнулось.

— Можно было остановиться, — сказал Семен, — и посмотреть хотя бы…

Хоботов посмотрел на него единственным глазом с таким видом, будто Семен успел ему смертельно надоесть.

— Еще мне Голос на мозги не капал, — сказал он, — я уже свое отмучился, дырку себе в мозге провертел: а что теперь, а могу ли я вообще жить после такого, имею ли право? А что думают в Пробке?.. Я тут вообще-то бесценная кладезь информации о Немире, а ты не придумал ничего лучше, чем меня носом тыкать. Время тикает, давай.

— Что давать?

— Спрашивай!

— Где машина? — спросил Семен первое, что пришло в голову. Хоботов захохотал — хрипло, с сипением, со странным присвистом — это воздух выходил из дырявых легких.

— Это лучший вопрос! — воскликнул он. — Бросил я машину, сразу как бензин кончился. На что она мне? Без нее даже легче дело пошло, хоть и часть вещей пришлось оставить. Я подумал — будет точкой отсчета, к которой я смогу вернуться, пополнить запасы и начать сначала. Но возвращаться не пришлось. Мне сразу повезло — я нарвался на фруктовые деревья — и долгое время жил рядом с ними, страдая, правда, ужасным поносом — организм, видимо, не выдержал резкой смены рациона…

— Сел под дерево сделать свои дела, так и не встал больше, — догадался Семен.

— Нет! — запротестовал Хоботов. — Но зато я увидел мелких зверьков — они быстро носились в траве, и я придумал как их поймать с помощью шнурков и палок. Так я стал охотиться. И уходить все дальше вглубь…

— Ты все тот же Пешеход, просто шел не по Дороге.

— Вообще настоящему Хоботову не положено знать кто такие Пешеходы, — заметил труп, — но мне можно. В общем, ты прав, только я мог идти не по прямой, а куда захочу. Я долго так бродил — как я потом понял по довольно большой спирали. Я теперь понимаю, зачем людям Дорога — мы нихрена не умеем ходить прямо, если нет четко обозначенного направления перед глазами. И когда я это понял, то стал делать поправку — потому что у правой ноги шаг был меньше левой, уж не знаю, как так у меня вышло. И… в конце концов вышел. К Городу.

— Не верю, — ответил Семен, — Город — выдумка религиозных людей, которые неспособны смириться с тем, что путь человека смысла не имеет.

— Да и не верь, мне-то какая разница, — Хоботов улыбнулся, обнажив почти всю челюсть целиком, — но только я завтра туда отправлюсь, а ты продолжишь помирать в этой пустыне.

— И что там? Как он выглядит?

— Там здания, — сказал Хоботов, — такие высокие, что до них, должно быть еще километры пути, но я их уже вижу. Шашлычная — это убожество по сравнению с тем, что я видел.

— Подожди, — Семен задумался воспаленными извилинами, — ты же у меня в голове, так? И ты просто сейчас пересказываешь то, что и так говорится всеми верующими в конечность Дороги. Огромные здания… Это не ново.

— Ты слишком сообразительный для убитого жарой и обезвоживанием, — заметил Хоботов, — мне кажется, ты сам себя обманываешь. С тобой все в порядке. Ты просто разуверился, что можешь идти дальше. Я тоже в один момент разуверился… но потом увидел Город. Тебе нужно немного мотивации.

И вдруг Хоботов стал отползать. Точнее все дерево, в которое он врос, со скрипом двинулось прочь, слезло с дюны и, оставляя борозды

от корней на асфальте, словно автомобиль покатилось прочь.

А вместе с деревом отступала и вода, обнажая Дорогу.

Семен зашевелился, разбрасывая песок и — как это возможно?! — встал. Он сделал шаг, другой, а затем побежал — асфальт обжигал сквозь подошвы, мягко поддавался. Ноги заплетались, разъезжались, но он хоть и вяло, зато упорно плелся вперед. Вода отходила гораздо быстрее и дерева уже почти не было видно — оно, разрезая воду, на огромной скорости исчезало впереди.

Нет-нет-нет, думал Семен. Пить, я хочу пить. Пару раз он упал, обжег ладони, зашипел, но поднялся — штанины на коленках с треском отлипли от асфальта — и двинулся дальше.

Он прошел очень немного. Вода скрылась далеко впереди, за горизонтом. Семен сделал еще несколько шагов, затем повернул налево и облокотился на барьер, чтобы не упасть. Пористый, ноздреватый бетон, сглаженный бесконечной полировкой летящим песком, тоже обжигал, но не так свирепо, как асфальт. Семен посмотрел на Антимир — такой же пустой и заполненный песком и тяжелым воздухом.

Затем он опустил глаза вниз и заметил, что от барьера на асфальт антимира падает тень — достаточная, чтобы там можно было укрыться. Значит, солнце закатывалось. Он тяжело подтянулся, понимая, что впервые делает что-то осмысленное и что реальный мир возвращается к нему — хотя никакой особой границы между галлюцинациями и реальностью не заметил. Закинул ногу. Тяжело перевалился и плюхнулся вниз.

Асфальт в тени все еще был горячий, но не липнул.

Семен закрыл глаза, чувствуя блаженство. Тут было прохладнее буквально на пару градусов — но после палящего солнца ему казалось, что он окунулся в кондиционируемый салон автомобиля. Лежа так, он подумал, что, возможно, это тоже ему все кажется — ведь не мог он по-настоящему встать и идти? Возможно, он до сих пор лежит на склоне дюны и уже полностью отдался видению, чтобы не чувствовать мук умирания.

Тогда есть смысл продолжать, подумал он. Может быть, я успею увидеть Агату хотя бы в своем воображении.

Он уснул, откатившись к барьеру и прижавшись к бетону, который уже стал прохладным. Это был действительно нормальный сон, а не

бред — больше никто ему не привиделся, хотя пару раз он просыпался — ему казалось, что кто-то окликает его, знакомые голоса — то отец, то Сашка, даже Загваздин.

Он проснулся среди ночи, от холода. Лихорадка совсем отпустила, но пить хотелось все еще невыносимо, ему казалось, что весь пищевод и горло облепили соль и песок и если он попробует хоть что-то проглотить, то все это сдвинется и раздерет его изнутри.

Он встал. Сознание мутилось. Семен решил, что будет идти вперед, держась за барьер.

Он шагал, радуясь, что еще может передвигаться.

В какой-то момент он обнаружил себя сидящим. Может быть, он прошел сотни метров, может быть — пару шагов. Может быть, он сидел десять минут, может быть — прошло несколько часов. Близился рассвет, небо посветлело, солнце вот-вот появится над горизонтом. Пустыня Немира зарозовела.

Семен хотел перелезть через барьер, чтобы двигаться вперед ползком в его тени, пока солнце не поднялось в зенит, как вдруг услышал то, что не слышал, кажется, целую вечность. Он поднялся, цепляясь за бетон и посмотрел вперед.

Навстречу ему двигалась машина.

Ч8. Глава 2

2

Семен поднялся, опираясь на барьер, и замахал руками — получалось слабо, хотя ему казалось, что он напрягает мускулы изо всех сил. Однако водитель его заметил, и машина затормозила метрах в десяти. Фары погасли.

Это был внедорожник неопределенного цвета — сейчас он был рыжий от песчаной пыли. Радиатор предусмотрительно был прикрыт тканью. Силуэт был знакомый.

Крузак.

Водительская дверь открылась, и Семен спустя, как ему показалось, вечность, увидел человека, который не был плодом его воображения.

Почти наверняка не был.

У водителя лицо было скрыто за респиратором — во всяком случае Семен решил, что это респиратор, вроде того, что был у губернатора для дыхания кислородом.

— Нужна помощь? — водитель медленно шел навстречу, будто подкрадывался. Семен заволновался, хотя оружия у пришельца вроде бы не было.

— Нужна, — сказал Семен, — воды.

— Что? — переспросил мужчина, продолжая медленно подходить.

Семен удивился. Его не услышали? Что у него с голосом?

— Я умираю, — снова сказал он, пытаясь объяснить этим, что он вряд ли может быть опасен.

Мужчина подошел уже совсем близко, но, кажется, все еще не слышал его. И еще начало происходить кое-что странное — Семен стал хуже видеть. Мужчина поднес руку к лицу и медленно снял маску — но Голос не мог разглядеть лица, оно полностью расплывалось.

Мужчина что-то сказал, но у него получилось так неразборчиво, что Семен ничего не понял.

Он упал лицом в песок, прямо к ногам водителя и отключился.

Он лежал на спине, а Султана сидела над ним и лила на него пиво — прямо в рот и лицо. И ничего вкуснее этого пива Семен в жизни не пробовал! И здесь была Агата — она фотографировала, сверкая вспышкой где-то слева. И Семен, отплевываясь, повернулся туда, чтобы увидеть ее, но тут вдруг пиво попало не в то горло, он закашлялся, открыл глаза и резко приподнялся на локтях.

— Тише, тише! — сказал хрипловатый мужской голос, который не мог принадлежать ни Султане, ни Агате.

Твердая рука легла ему на грудь и с силой уложила обратно. Он упал затылком на что-то мягкое.

Он проморгался и завертел головой. Слева было колесо с толстой коркой будто бы глины — он лежал в тени машины. Справа был барьер. Семен поднял руки и вытер влажное лицо.

— Это вода? — спросил он, глянув на свои ладони.

— Да, — отозвался мужчина, — хочешь еще пить?

Семен кивнул. Он снова поднялся на локтях и позволил себя попоить — губ коснулось холодное ребристое металлическое горлышко. Он жадно, захлебываясь и проливая стал пить — глотал, глотал, глотал, когда почувствовал резкий позыв к рвоте. Он отстранился, повернулся к барьеру и закашлялся. К счастью, его не вырвало. Он, резко обессилев, снова лег на мягкое и восхитительно мокрое.

— Ты один? — мужской голос. Высокий и неприятно дребезжащий — совершенно не радийный. Почему-то кажется знакомым..

— Один, — ответил он, — тысячу лет уже один.

— Город святой...

Какое интересное выражение, подумал Семен, не слышал его со времен… да пожалуй со времен дома... Неужели все же галлюцинации?

— Как хорошо, что я на тебя наткнулся. Но все еще не могу поверить.

Семен усилием воли сфокусировал зрение. Повернул голову так, чтобы видеть собеседника.

— Артем, — только и сказал он. Только целый, не пришпиленный к дереву.

— Память в порядке, это хорошо, — Хоботов улыбнулся, — приятно тебя видеть, Голос. Не могу поверить, что радио осталось без тебя.

— Ты… ничего не знаешь? Ты не слушал?..

— О чем? Ты про передачи? Сюда твои речи не добивают. Последнее, что я слышал — это интервью с Сержем. Наверняка классный был мужик, Пешеходы только о нем и рассказывают.

— Пешеходы? — Семен захрипел от напряжения. — Ты видел Пешеходов?

— Спокойно, спокойно. Не дергайся. Скоро мы к ним отправимся. Как только я пойму, что смогу усадить тебя в машину.

— Можешь.

— Нет. Ты себя со стороны не видел. Сколько ты шел по пустыне?

— Трудно сказать, — ответил он, — я много дней шел. Потом сколько-то висел на шесте. Потом сколько-то полз. Потом — не помню. У меня были галлюцинации и помутнения… я помню, что даже шел эту ночь — но, может, мне это и привиделось.

— Много дней, — пробормотал Артем.

Семен посмотрел на его лицо. Лоб и кожа вокруг глаз у страшно загорели и шелушились, а нижняя часть, все время, видимо, скрытая респиратором, казалась белой, как бумага Редактора.

— Агата… среди них была девушка по имени Агата?

Артем засмеялся.

— Конечно. Когда мы встретились устроила мне целую фотосессию… Я слишком долго был в Немире и выглядел соответствующе. Да и сейчас тоже. Она будет счастлива тебя увидеть.

— Она говорила обо мне?

— Еще бы! Когда узнала, что я с участка Загваздина, так сразу спросила про тебя.

Агата жива, повторял про себя Семен. Агата жива. И я скоро ее увижу.

Все было не зря.

Ч8. Глава 3

3

Вокруг стояли дома. Высокие, уходящие в небо, как Дорога к горизонту. Они показались Семену призрачными, будто растворяющимися в воздухе, потому что сплошь были сделаны из стекла. Жаркое марево только усугубляло это чувство, как и муть в сознании Голоса.

Он сидел в кресле, кондиционер крузака обдувал его прохладой, а вокруг разворачивалось невероятное. Дорога разветвлялась, расходилась на множество других дорог, побольше и поменьше. Она расходилась бесконечной паутиной вокруг этих громадин, будто обнимая Город собой.

Город — это все еще часть Дороги, подумал Семен. Или наоборот.

Пески остались далеко позади, он сидел в машине, рядом улыбался Артем, следя за реакцией Голоса. Но тому все еще казалось, что его ноги месят бесконечные барханы, утопая в них по колено.

— Ты в моей галлюцинации говорил, что оставил машину, когда кончился бензин, — сказал Семен.

Артем на миг отвел взгляд от дороги.

— Я и правда его оставил, — он погладил руль, — но потом вернулся, с канистрой — здесь в Городе, дофига мест с бензином. А этот дружок очень выручал меня в Немире, так что я не мог его оставить.

Хоботов будто собирался с мыслями и потом продолжил более серьезным голосом:

— Я бы очень хотел тебя расспросить, что случилось дальше на участке. Я… я ужасно поступил. И много раз поступал. Подделывал отчеты для Загваздина. Полностью увяз в его схемах. Параноил. Угробил Сергея. Я понимаю, тебе сейчас не до того… но потом, когда ты отойдешь и вдоволь со всеми пообнимаешься, я хотел бы послушать твою историю.

— Ты даже не представляешь, к чему все привело, — ответил Семен.

— Я старался… — пробормотал бывший глава Банка, — оставил дыру в записях. Умный человек должен был заметить. Раиса должна была заметить.

— Она заметила, — коротко ответил Семен. О ее смерти он еще успеет рассказать.

Они двигались дальше. Главное ответвление Дороги — а может и не главное, но самое широкое, — вело к огромную стеклянному шпилю, грозно упирающемуся в облака. Семен держал его перед глазами как ориентир — блестящее, самое большое сооружение, которое, как он думал, вообще может существовать на свете.

Тем более у подножия шпиля что-то серебрилось, будто бы вода. Это мог быть обман, мираж, как, впрочем, и весь Город вокруг, но — где еще быть Пешеходам, как не около воды?

— Забавно, — сказал Семен, — все думали, что Город — золотой. А он — из стекла.

Артем ничего не ответил.

Ближе к башне Голос начал замечать странности. Дорога была чем-то усыпана. То тут, то там. Такие махровые холмики и белеющие… Кости.

За холмики он принял трепещущую на ветру черную ткань — остатки чьей-то одежды. Она обтягивает скелеты с мучительно разинутыми челюстями, глазницами, жадно направленными на шпиль, руками, впившимися в асфальт в последнем усилии. Их было довольно много. Все, кто не смог финишировать. Кому осталось совсем чуть-чуть, но Город не принял их. Или не успел принять.

Артур аккуратно объезжал их, будто бы в дань уважения.

А я и сам почти труп, усмехнулся Семен. И недавно также полз по пустыне. Мог быть еще одним экспонатом на этой страшной Дороге. Интересно, что скажет про это Агата… которую он так скоро увидит.

Под колесом что-то хрустнуло, машина мягко качнулась. Артем ударил по тормозам и машина остановилась. Голос качнулся вперед, ударился носом о приборную панель. Не очень сильно. В голове вспыхнуло только несколько звезд.

Артем вышел, Голос последовал за ним. Тот встал над трупом, который они только что переехали, уперев руки в колени.

Форменная кепка на черепе. Грудную клетку разметало на мелкие осколки и четко был виден след протектора, разделивший скелет

надвое. Артем вдруг задергался. На пыльный асфальт упали слезы.

— Он уже давно умер, — сказал ему Семен, удивляясь такой реакции.

И тут он увидел сумку. Она цеплялась за уцелевшее плечо скелета длинным ремнем. От удара сумку отнесло в сторону, ржавый замок не выдержал и содержимое вывалилось наружу. Письма. Множество писем. Очень старых.

Курьер. Когда-то это несомненно был вполне живой человек, и он работал курьером. Семен хотел было развернуться и сказать Артему, что пора ехать, но странный порыв заставил его потратить остатки сил на то, чтобы снять ремень с хрупкого плеча, сложить все письма обратно и взять сумку себе. И положить туда письмо Бауса, которое он когда-нибудь доставит.

Подумав немного Семен снял кепку с голого черепа и, отряхнув о коленку, надел себе на голову. Какая-никакая защита от солнца.

Семен зачем-то кивнул пустым глазницам, обернулся и замер.

Да, у подножия шпиля действительно была вода. Целое озеро воды, будто прямиком из Немира. И вокруг нее были люди.

Семен забыл и про Артема, и про труп, и сумку у себя на плече. Он побежал. Или только хотел побежать. Ноги не слушались, подгибались, будто во сне, будто и не было в них костей, будто он тоже оставил свой внутренний каркас где-то на этой Дороге. Ужасно мутило голову.

Я почти дошел, думал Голос. Я почти на месте. Я сделал это.

Его заметили. Кто-то побежал на встречу. Семен не выдержал и упал на четвереньки. Постоял так немного, пока кто-то не подхватил его.

— О-хре-неть, — сказал очень знакомый голос. Полина! Живая…

Его правую руку закинули кому-то на плечо.

— Давайте, Семен. Давайте. Пройдем немного, — говорил кто-то заботливо… Сытин. Безнадежный… как же твоя имя

— Посмотрите. Посмотрите вперед, — сказала ему Полина.

Семен поднял упавшую на грудь голову.

Она бежала к нему со всех ног. Она была здесь. Она была жива. Она была счастлива видеть его.

Она обхватила его руками, он невольно сразу оперся и на нее тоже.

— Агата, — сказал он, не в силах говорить что-то еще, — Агата.

— Ты пришел, — шептала она ему на ухо. — Ты пришел. Теперь все будет хорошо.

Конечно, думал он, потихоньку теряя сознание. Мы же в Городе.

Эпилог

Курьер смотрел на письмо в руках и силился вспомнить, кто ему его вручил. И вообще, что было вчера? Месяц назад? Год? Из головы как будто выкинули все лишнее, кроме одного — есть письмо и его надо донести до Адресата. Все к этому обязывает — в том числе фуражка на его голове и сумка на плече. Это форма. Роль. Функция, которой его наделила Дорога.

Он помнил, что место, где ему дали письмо сильно отличалось от остальной Дороги и что его отговаривали. Уйти мог только сумасшедший. Обычный курьер бы никогда не взялся за такую работу. Были те, кто отказался.

Но он был необычный. Он знал, что это последнее поручение, которое он берет. Последняя весть, которую ему нужно донести.

Автор письма тоже расплывался в памяти. Он называл его или ее Отправителем. Как будто помнить заказчика было неважно, как будто туда, где остался заказчик не возвращаются. Курьер, впрочем и не планировал.

Путешествие ему давалось легко. Как будто мир сам поддерживал его последнюю цель. К тому же неожиданно просто двигаться, когда на тебя не давит вес памяти. Ничего не тащит назад. Никакие надежды не связаны с сейчас. Все события, которые есть у тебя в жизни еще не произошли. Еще он понял, что когда-то очень много знал о Дороге. Пробка, Продвижение, Немир, Обочина, Город — термины всплывали в его голове сами собой. Он любил об этом рассуждать, это было забавно — философствовать на темы, которых не помнишь. Еще он понимал, что его голова принадлежит очень умному и опытному человеку. Как минимум, потому что его мысли, как ему казалось, были шире Дороги и не двигались только вдоль нее. Он знал — мозг извилист по своей структуре и возможно по этой причине не думает прямо. Дорога — удобный вектор, смотри вперед, двигайся туда же и, в принципе, больше ничего от тебя не требуется. Для этого ты родился, недолговечный кусок мяса, чтобы продолжать родительское дело, двигать менее недолговечный кусок железа по серой полосе.

Что это? Воспоминание из прошлой жизни? Он знал только, что так и проходит жизнь и когда-то, очень давно, он решил, что у него все будет иначе. И именно поэтому он сейчас здесь, на голове у него фуражка, а в сумке письмо.

Он был точно уверен, что найдет Адресата. Как минимум потому что знал — его история уже рассказана, рассказана самой дорогой, просто он сам не может этого осознать, потому что не знает, как устроено время. Он думает, что оно бежит вперед, как и все люди — летит вдоль Дороги.

Он пытается уловить эту идею, но она ускользает как сон. Слишком привычно думать, что за спиной — прошлое, а впереди — будущее. И вот она эта линия, с которой не свернешь, упруго выкидывающая тебя обратно в действительность при любой попытке думать немного шире серой полосы. Будущее впереди, но это чушь, каждый курьер знает — чем дальше вперед, тем старее и обветшалее автомобили, тем архаичнее общество. И наоборот, если идти против движения, то машины будут свежее, молодежь продвинутее, а общество — светлее и приятнее. Кто всю жизнь движется по Дороге привык и время воспринимать как дорогу — неподвижную узкую полосу без поворотов, которая постоянно несет тебя вперед. Но это неверно. Как минимум потому что есть встречная полоса. А значит, можно двигаться обратно во времени. Сначала найти Адресата, вложить ему письмо в руку, а потом пройти весь трудный путь спиной вперед, пообщаться со всеми встречными, узнать какой еще бывает Дорога, потом — прийти в эту точку, а может и еще дальше и наконец-то получить уже доставленное письмо из рук Отправителя.

И тогда, возможно, вернется память, и Курьер вспомнит, кто он и что за путь он проделал. Да, так точно можно, стоит попытаться…

Курьер стоит с закрытыми глазами посреди серой Дороги. Да, думает он. Самое время вернуться к началу.

КОНЕЦ

От автора:

Если вы дочитали книгу, и вам есть, что сказать, то, пожалуйста, оставьте комментарий!

Если вам понравилось, и вы хотите большего, то подпишитесь на меня, чтобы ничего не пропустить.

Это важная поддержка для новых авторов, которые еще не набрали ядро своей аудитории. Спасибо!